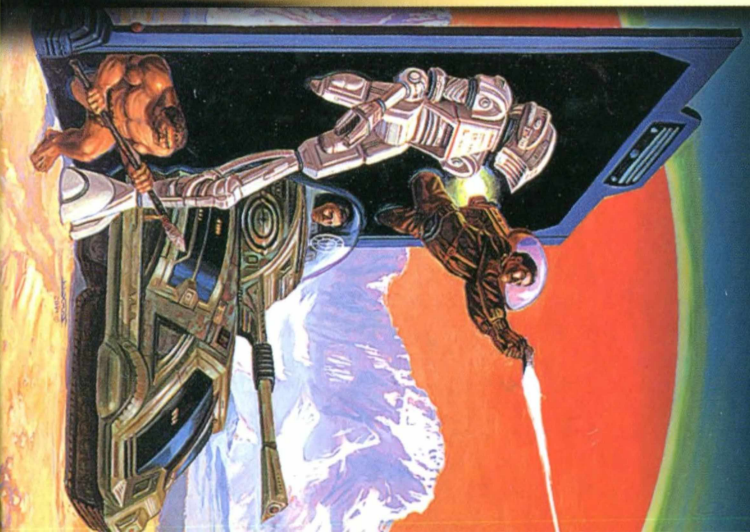
ПЛАН Б. ДЕРЗАЮ

Чарли Стив Миллер

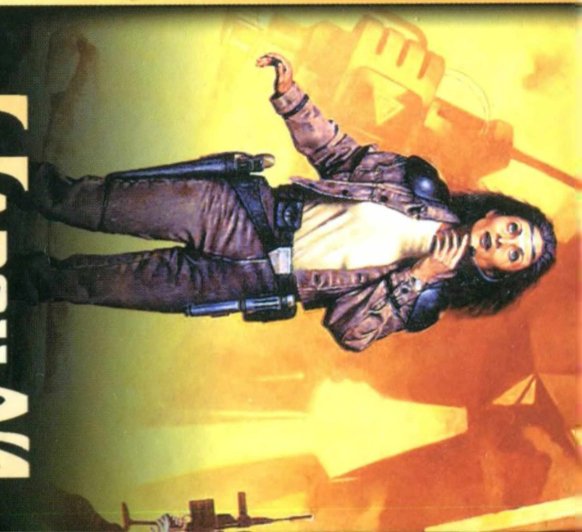

ПЛАН Б. ДЕРЗАЮ

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

Чарли Стив Миллер

ЗОЛОТАЯ
БИБЛИОТЕКА
ФАНТАСТИКИ

SHARON
LEE

STEVE
MILLER

PLAN B

I DARE

ШАРОН ЛИ

СТИВ МИЛЛЕР

ПЛАН Б

ДЕРЗАЮ

АСТ ЛЮКС LUXE
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва • 2005

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44
Л55

Серия «Золотая библиотека фантастики»
основана в 1999 году

Sharon Lee & Steve Miller
PLAN B
I DARE

Перевод с английского Т.Л. Черезовой

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

В оформлении обложки использована работа, предоставленная агентством Александра Корженевского.

Печатается с разрешения авторов, Meisha Merlin Publishing, Inc.
и литературного агентства Александра Корженевского.

Подписано в печать 22.04.05. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 39,48. Тираж 4000 экз. Заказ № 942.

Ли, Ш.

Л55 План Б. Дерзаю : [фантаст. романы] / Шарон Ли, Стив Миллер; пер. с англ. Т.Л. Черезовой. — М.: АСТ: ЛЮКС, 2005. — 749, [3] с. — (Золотая библиотека фантастики).

ISBN 5-17-029083-7 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-9660-1228-8 (ОАО «ЛЮКС»)

Человечество колонизировало сотни планет. Теперь в Галактике бок о бок живут, торгуют и воюют потомки земян — и «чужие». Но война — жестокая, страшная — обрушивается на одну планету за другой. Друзья становятся врагами, враги — союзниками, а мирно сосуществовавшие расы проливают кровь друг друга.

Следующим миром, вступившим в бессмысленную галактическую войну, может стать ЛИАДЕН... и это станет ЕГО КОНЦОМ.

Как остановить неизбежное?!

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

© Sharon Lee and Steve Miller, 1998, 2002
© Перевод. Т.Л. Черезова, 2005
© ООО «Издательство АСТ», 2005

ПЛАН Б

Друзьям Лиад: лизамиа кешок.
Мы у вас в долгу.

И вот что у нас есть: старуха, мальчишка-полукровка, два младенца; контракт, корабль и Дерево.

Клан Корвал.

Джела посмеялся бы.

Выдержка из вахтенного журнала Кантры йос-Фелиум.

Лиад
Штаб-квартира Департамента Внутренних Дел

Время было, но не было ни дня, ни ночи.

Время. Время двадцати планет отсчитывалось на цифровых дисплеях, расположенных на длинной стене слева. Свет был непредвзятый, неизменный. Бестеневой.

Помимо бесшумных хронометров, четко отсчитывавших время, в комнате находился рабочий стол, на котором стояли два экрана, большой и маленький, клавиатура, несколько папок с распечатками и стило. За столом расположилось рабочее кресло. В кресле сидел человек.

Преданные Департаменту и Плану называли его Командиром, или официально Командиром агентов. Этого было достаточно.

Командир агентов прикоснулся к клавише, чтобы вывести на экран следующую страницу файла.

Если бы Командиру устроили экзамен вслепую (кто бы осмелился?), он без труда прочел бы наизусть все содержимое этого файла. Он просматривал его, не читая. Так человек раскладывает пасьянс за пасьянсом, обдумывая какую-нибудь проблему, на много световых лет удаленную от его деловитых пальцев.

Проблема, занимавшая Командира, была троякой: Клан Корвал, Вал Кон йос-Фелиум, Тиль Фон сиг-Алда.

Клан Корвал. Департамент Внутренних Дел давно осознавал опасность, заключавшуюся в Клане Корвал, этом самом непредсказуемом и непонятно почему процветающем клане. В прошлом Департамент Внутренних Дел предпринял определенные меры — радикальные меры, — чтобы устранить угрозу, исходящую от Клана Корвал. Кульминацией этих мер стала вербовка юного Наделма клана в ряды Департамента, после чего вышеназванный Вал Кон йос-Фелиум превратился в Агента перемен.

Этот шаг, блестящий и необходимый, привел к непредсказуемым результатам. Клан Корвал узнал о существовании Департамента. И, будучи Кланом Корвал, принял меры — радикальные меры. Неожиданно о Департаменте заговорили открыто. Давние стабильные каналы финансирования стали объектом рассмотрения, несколько тайных счетов были распознаны и закрыты мастерами Гильдии Бухгалтеров, а средства с них вернулись Совету кланов.

Не удовлетворившись этой непристойной шумихой, Клан Корвал предпринял еще один шаг, еще более радикальный. Клан исчез — корабли, дети, слуги, кошки и собаки. С Лиад исчезли все, абсолютно все!

Нет, не совсем все.

Командир агентов прикоснулся к клавиатуре. Один прямой потомок клана остался на Лиад: Антора, самая молодая из совершеннолетних йос-Галанов. Она осмотрительно переехала под сень древней и пугающей Джелаза Казон, на главную планетную базу клана, и живет там затворницей. До поры до времени.

Командир агентов листал файл, но взгляд его был устремлен далеко, за экран с цифрами. Корвал где-то там. Кто знает, что они могут предпринять? И когда?

Командир обдумал возможность, что они улетели совсем, оставив позади странную родственницу, которая не в состоянии осознать грозящую ей опасность. Если Клан Корвал отделится от Лиад и примет покровительство Земли, то ситуация, до сей поры благоприятствовавшая лиадийской торговле и лиадийской экспансии, может измениться. Дети йос-Галана — наполовину земляне. Полукровки. Они вполне могли бы переметнуться к родне.

Командир не склонен был испытывать сожаление. Всевозможные действия, направленные против Клана Корвал, включая подготовку революции на планете, являвшейся старинным торговым партнером клана, были необходимы, чтобы уменьшить влияние Клана Корвал и приблизить главенство Лиад.

Недавнее восстание оказалось не вполне успешным: старые союзники, связанные с Кланом Корвал браками, одержали победу. Однако на восстановление экономики этой планеты уйдет жизнь целого поколения, а на улаживание политических конфликтов уйдут многие дюжины релюмм.

Более того: поговаривают, что одна нить, которая должна была связать сеть союза, исчезла. Командир позволил себе тень улыбки. Надо скрытно наносить удар за ударом, и даже Клан Кор-

вал в конце концов рухнет. Его уже дважды чуть было не удалось уничтожить.

Командир моргнул. Возможно, на этот раз это удастся сделать. Во время его вахты.

Это почти открытое бегство было крайне неприятным — и неожиданным. Не было сомнений в том, что клан ищет своего пропавшего будущего Делма. Нельзя допустить, чтобы они нашли и вернули себе Вал Кона йос-Фелиума. Это было бы ошибкой, серьезнейшей ошибкой.

Вал Кон йос-Фелиум был великолепным агентом. В этих непредсказуемых генах Клана Корвал было нечто, поднимавшее его членов на высочайший уровень, какой бы путь они себе ни выбирали. Перед тем как в убеждения Вал Кона йос-Фелиума были внесены поправки, он достиг определенных вершин в своем поле деятельности: командор-разведчик, первопроходец. Человек бесконечно изобретательный, пилот из клана, ведущего генетический отбор пилотов. Сообразительный, гибкий и — после должной подготовки — дивно смертоносный, он был вооружен сильнейшим оружием агента: Контуром вероятностей.

Контур позволял агенту оценивать шансы на успешное выполнение задания и на личное выживание. В какой-то степени он позволял предсказывать ближайшие события и создавать программу действий. Конечно, в него были включены и некоторые другие императивы, а также подпрограмма самоуничтожения. Эти императивы и подпрограммы были предусмотрены для того, чтобы агент не терял верности заданию, Департаменту и Плану. Они исключали самую возможность, что агент перемен переступит через дрессуру.

Однако есть факты — пугающе убедительные факты, — говорящие о том, что Вал Кон йос-Фелиум, Делм с генами клана, в котором непредсказуемые поступки ценятся почти так же высоко, как способность пилотировать космические корабли, переступил через дрессуру.

Ситуация такова: агент перемен Тиль Фон сиг-Алда был отправлен по следам слухов. Ему было поручено разыскать Вал Кона йос-Фелиума на просторах некоего запретного мира и предложить ему проезд на родную планету, где он смог бы доложить о случившемся и пройти перекалибровку. Если бы с агентом просто произошло несчастье, это предложение было бы принято. В случае серьезного несчастья агенту сиг-Алде было поручено доставить Командиру тело, череп или несколько позвонков: доказательства. Агент — это не то, что можно спокойно оставить лежать

на просторах галактики. Особенно такой агент, как Вал Кон йос-Фелиум.

Командир агентов дошел до конца файла и закрыл его, нажав кнопку клавиатуры. Откинувшись на спинку кресла, принявшую форму его тела, он на секунду закрыл глаза.

Агент сиг-Алда отсутствует довольно долго. Предполагалось, что поиски одного человека — или одного трупа — на технически отсталой планете потребуют затрат времени. Командир был готов еще какое-то время выжидать. А потом ему придется признать, что потерян еще один агент.

Командир агентов открыл глаза и устремил взгляд на второй, меньший по размеру экран.

На этом экране была карта сектора. На этой карте была отмечена Запретная планета И-2796-893-44, где Тиль Фон сиг-Алда ищет Вал Кона йос-Фелиума. Янтарный огонек рядом с планетой обозначал корабль сиг-Алды, позицию которого передавал тайный узколучевой маячок. Какое-то время тому назад маячок сообщил, что находится на поверхности планеты, и Командир агентов позволил себе почувствовать надежду.

Увы: очень скоро корабль снова взлетел, и теперь оставался на орбите уже несколько дней. Следовало заключить, что след, по которому агент сиг-Алда опустился на планету, оказался ложным.

Командир агентов перевел взгляд на стену с хронометрами. Очень скоро ему придется идти на совещание, где будет рассмотрен еще один элемент Плана.

Связи Клана Корвал с другими планетами тщательно прослеживаются. Командир полагал, что численность клана упала до той черты, когда клан уже не может обеспечивать свою безопасность. Отсюда и пробный шар. Клану Корвал не пойдет на пользу гибель «Исполнения долга».

Положив ладони на подлокотники кресла, Командир отодвинулся от стола, взглянул на экран с маячком — и окаменел.

Луч маячка изменил цвет с янтарного, означавшего устойчивое положение, на ярко-изумрудный. Вспыхнувший огонек поглотил планету, которую ее обитатели называли «Вандар», и подзарядка аккумуляторов перед прыжком придала сигналу характерную размытость. В нижней части экрана возникли координаты — а потом погасли: корабль ушел в прыжок.

Командир агентов поспешно ввел команду с клавиатуры. С экрана исчезла солнечная система с запретным миром, и ее сме-

нила новая карта, на которой красными штрихами был обозначен маршрут корабля.

Командир агентов откинулся в кресле и позволил себе решить, что все в порядке.

Тиль Фон сиг-Алда летит на Веймарт.

А от Веймарта до Штаб-квартиры всего два прыжка.

1393 год по стандартному календарю Орбита Вандара и прыжок

Она была быстра, хитра и осторожна. Она была когда-то старшим сержантом наемников, и у нее за спиной был боевой опыт и сотни сражений.

Он тоже был не новичком: сначала его готовили как разведчика, потом — как агента. И все же нож чуть было не прошел через его защиту, настолько хорошо она им владела. Он успел ухватить ее за запястье, поменял точку равновесия, чтобы сделать бросок, — но завершением его стал некрасивый с вывертом уход: она разорвала его захват и повела нападение вперед.

Она отскочила к металлической стене. Ее серые глаза смотрели бдительно, мышцы напрягались точно в меру. Она была наготове, но без напряжения: катившийся по лицу пот был результатом физической нагрузки, а не чрезмерных усилий.

Она позволила ему восстановить равновесие, дала время сориентироваться, спланировать и начать атаку. Для такого опасного бойца это было необычной любезностью. Он сделал ложный выпад, использовав па из танца Л-апелека, и поймал промелькнувшую по ее лицу улыбку. Она изменила позу, должным образом отреагировав на его движение.

Он исполнил еще одну полуфразу из танца стайных черепах, избрав тонкую вариацию, которая была выше уровня ее подготовки. И не очень удивился, когда она плавно проделала ответное движение, не погрешив против ритма ни на миг. Его Контур — наследие тех дней, когда он был агентом перемен — оценил вероятность ее победы в этом поединке почти в семнадцать процентов. Это было в четыре раза выше, чем полгода назад.

Она перешла в нападение.

Действуя автоматически, он отреагировал быстрее мысли. Мелькнули его руки — и нож отлетел в сторону. На этот раз он

поймал оба ее запястья и увлек в кувырок. Оба постоянно помнили о том, где надо остановиться, чтобы не налететь на стену.

Она изогнулась и почти высвободилась. Он остановил ее, перевернувшись и прижав ее к металлическому полу, обозначив пережатое горло.

— Сдавайся! — потребовал он, стараясь не замечать, насколько легко его пальцы обхватывают хрупкую колонну ее шеи.

Она тихо вздохнула, устремив на него спокойные серые глаза.

— Конечно, — сказала она. — Почему бы и нет.

Он расхохотался, убрал руку с ее горла и, откатившись, приподнялся на локте.

— Это не совсем то отношение, какого я мог бы ожидать от опытного наемника.

— А какой смысл оказаться убитой? — резонно осведомилась Мири.

Она поймала его свободную руку и прижала к груди, а потом немного поерзала, удобнее устраиваясь на полу.

— Так-то лучше.

— Вступаешь в дружеские отношения с врагом? — осведомился Вал Кон.

— Отдыхаю рядом с напарником, — строго уточнила она. — Лиадийцы и земляне — не враги. Они просто не ладят друг с другом.

Он демонстративно округлил глаза.

— Мы с тобой не ладим, Мири?

— Мы-то ладим. Но дело в том, — серьезно объяснила она, прикасаясь к его правой щеке, где гладкую золотистую кожу прорезал шрам, — что мы — психи. И к тому же ты разведчик, и у тебя странная идефикс насчет того, что лиадийцы, земляне и — силы небесные! — икстранцы имеют общее происхождение.

— Это правда, — признал Вал Кон, ощущая ладонью ее сердцебиение. — В процессе подготовки разведчика те показатели, которые характеризуются как «психоз», могли быть обнаружены и максимально развиты. Однако гипотеза об общем происхождении трех человеческих рас позаимствована из исследований моего отца. — Он улыбнулся. — Так что, как видишь, безумие является наследственным.

— Угу. Единственное, что ты сделал, это поверил этому. — Она вдруг потянулась и села. Ее лицо стало совершенно серьезным. — Знаешь что, босс? По-моему, я поправилась!

Он перевернулся на спину, заложил руки за голову и сосредоточился еще на одном феномене своего сознания: бесценном

даре, который уравновешивал неизбежное присутствие отвратительного Контура.

Легенды утверждали, что спутники жизни часто соединялись таким образом — душа с душой. Не общими мыслями, но общностью предназначения. Этот контакт был гораздо глубже кровных связей. То, что они с Мири создали такой союз теперь, когда магия Лиад стала ущербной и спутников жизни объединяла только любовь, стало настоящим чудом, в которое ему до сих пор трудно было поверить.

— Босс!

— Что?

Он вздрогнул и улыбнулся переливам песни, которой Мири жила в его сознании. Заметив ее озабоченность, он улыбнулся.

— Извини, шатрез. Я просто задумался. — Он тоже потянулся и сел рядом с ней. — Однако я полагаю, что твоя оценка верна. Сражаешься ты точно как здоровая.

— Ха! — Она покачала головой. — Но должен же кто-то помогать тебе тренироваться.

— Да что ты говоришь? Ты меня почти достала. Два раза, — добавил он задумчиво. — Мири!

— Да?

— Где ты выучила реакцию на то стайное движение?

— То, второе? — Она пожала плечами. — Мне показалось, что это — единственно логичный ответ на изменение твоей позы... — Ее плечи опустились, обозначая сущность его приема. — Ага...

— О!

Она посмотрела на него с подозрением.

— «О»? И что это должно означать?

— Ничего, Мири, — смиренно отозвался он.

Она рассмеялась, и он улыбнулся, радуясь ее радости.

— Ну, партнер, раз мы оба считаем, что я поправилась, то не вывести ли тебе эту лоханку с орбиты? Пора нам двигать отсюда.

— Несомненно, моим первым желанием будет доставить удовольствие моей супруге и спутнице жизни, — проговорил Вал Кон, вставая на ноги и подавая ей руку с изящным лиадийским поклоном. — Но мне интересно: можешь ли ты подсказать мне, куда именно нам следует двинуть?

— Не мог не спросить, да? — Она легко встала, приняв протянутую им руку не потому, что нуждалась в помощи, а только ради удовольствия от прикосновения. — Давай пойдем на мостик и выпьем чаю.

Она пошла перед ним по узкому коридору, не выпуская его руки.

— Твое семейство ударилось в бега? Когда перестанет действовать этот ваш «План Б»?

Он ответил не сразу. Мири считала себя землянкой — несмотря на то что среди ее самых дорогих сокровищ оказался лиадийский Знак Дома. И она согласилась — возможно, чересчур необдуманно — разделить свою жизнь с лиадийцем. Она не воспитывалась в традициях клана и родства, а первые восемь месяцев их союза прошли на Запретном Мире, где они научились жить — и процветать — в культуре, чуждой им обоим.

— «План Б»... — медленно заговорил он, разбираясь в мыслях, которые меняли свой оттенок и модальность при переводе на земной, — этот план может быть приведен в действие Делмом или Первым представителем в случае... грозящей клану опасности катастрофических масштабов. Таким образом, он не вводится по пустякам. И вряд ли перестает действовать до тех пор, пока опасная ситуация не будет ликвидирована. Думаю, это и является его основным предназначением.

— Грозящая клану опасность катастрофических масштабов, — повторила Мири, внимательно наблюдая за ним. — Что это означает? Кто враги? И как нам уклониться от них и установить контакт с твоей семьей? — Она нахмурилась, кусая губы. — Я ведь не ошиблась: ты хочешь установить с ними контакт?

— Я... Да. — Столь ясное осознание своих желаний все еще было для него непривычным: он совсем недавно избавился от искажений сознания, навязанных ему подготовкой агента. В этом ему помогли Мири — и удача. — Возможно, что опасность исходит от Департамента Внутренних Дел, — сказал он. — В конце концов, — он изящным жестом обвел аккуратный кораблик, окружавший их, — Департаменту удалось найти нас и отправить за нами агента — а ведь мы так дивно потерялись!

— Ну, толку им от этого было мало, — заметила Мири, имея в виду агента, умершего на ярмарке и оставшегося далеко внизу, на поверхности планеты.

— Им от этого чуть было не был толк, — с жаром возразил Вал Кон, имея в виду рану, которую она получила, и то, что задание агента чуть было не завершилось успехом.

— Угу, да... — Она повернулась и снова взяла его за руку. — Ты ведь вроде говорил со своим братцем Шаном...

По незаметным изменениям ее песенки Вал Кон понял, что это ее беспокоит, и мягко сказал:

— Я не эксперт в мысленных беседах. По правде говоря, она стала возможной только благодаря умению Шана. Я ему ничем не помог. Я не могу мысленно окликнуть даже тебя, Мири, — и это при том, что между нами такой тесный контакт!

— А ты пробовал? — Она ухмыльнулась. — Но разве твой брат не сказал, что это за опасность?

— Он сказал только, что «План Б» введен в действие.

— Психодурь! — пробормотала Мири.

Вал Кон укоризненно покачал головой, но невольно рассмеялся.

— Вспомни: в тот момент ситуация была несколько непростой. За мной охотился агент, мы с тобой разделились, и вдруг Шан заговорил у меня в голове, и притом так раздраженно! Мы еле успели назначить встречу — и контакт прервался.

— Так вы назначили встречу! — На ее лице отразилось одобрение. — Где?

Он сделал глубокий вдох и посмотрел ей прямо в глаза.

— В доме твоей семьи, Мири.

— Моей се...

Она уставилась на него, выронила его руку и попятилась. Ритм ее песенки рассыпался потрясением. Ее ноги наткнулись на кресло второго пилота, и она неловко плюхнулась в него, не отрывая широко открытых глаз от его лица.

— Послушай, босс, — проговорила она наконец. — У меня нет семьи. Моя мать умерла. Она умерла через год после того, как я стала наемником. А если Робертсон жив, то мне очень жаль, потому что не хотелось бы убивать его самой.

— О! — Он почувствовал печаль. Да уж, клан и родство! Он присел на подлокотник ее кресла. — Говоря о семье, я имел в виду Клан Эроб.

Ее рука легла на кошель, составлявший часть широкого ремня.

— Клан Эроб, — глуховато проговорила она, — понятия не имеет обо мне. Я же тебе говорила!

— Говорила. А я тебе сказал, что Эроб от тебя не отвернется. Тебе... сколько? Двадцать восемь стандартных лет?

Она кивнула, не скрывая недоверия.

— Так что, — решительно заявил Вал Кон, — пора тебе познакомиться со своим кланом и представиться своему Делму. Теперь, когда ты узнала о своих родственных связях, было бы непростительно невежливо игнорировать свои обязанности.

— И потом, ты сказал, чтобы твой брат встретился с тобой именно там, так что разговор окончен. Разумно отправиться туда

первым делом. — Мири бросила на него возмущенный взгляд. — Надеюсь, ты знаешь, где это. Я-то уж точно не знаю.

— Я совершенно точно знаю, где это, — ответил Вал Кон.

Он взял Мири за руку и тепло ей улыбнулся. Мири вздохнула, но не ответила на пожатие его руки.

— Почему это меня не удивляет? — спросила она.

— Нет! — твердо сказала Мири, сжимая чашку внезапно похолодевшими пальцами.

— Шатрез...

— Я же сказала — нет! — Она возмущенно посмотрела на него поверх чашки. — Это ты придумал, лиадиец, а не я. Если ты хочешь навещать кучу незнакомцев и выпрашивать у них снисхождение, то сам и бери гипноуроки для этого!

— Я бы и без них справился, — сухо ответил Вал Кон. — И, уважаемая сударыня, ты не просишь снисхождения, а занимаешь свое законное место на основе родства. Доказательства будут представлены должным образом — они имеют вид...

Мири со стуком поставила чашку.

— Кусочка эмали, который моя бабка наверняка слямзила у какого-нибудь пьянчужки в темном переулке — вместе со всем содержимым его карманов!

— ...генной карты, — договорил Вал Кон, словно ее вспышки и не было.

Она судорожно вздохнула, борясь с тошнотой.

— Чтобы получить генную карту, разговаривать не обязательно. Да и потом я немного могу говорить. Ты учил меня низкому лиадийскому. Почему бы тебе не обучить меня и высокому, чтобы я тебя не опозорила?

— Мири...

Он со вздохом откинул со лба упрямую прядь волос. Мири прикусила губу: она не сомневалась, что он почувствовал ее волнение с той же определенностью, с какой она ощутила его досаду. И он понял, что ее волнение слишком велико — если принять во внимание суть его просьбы, их доверие и их любовь.

— Речь идет не о том, чтобы ты меня не опозорила, — сказал он. — Мы — спутники жизни, Мири: я почитаю за честь быть рядом с тобой. Но когда соединяешься на всю жизнь, действует еще одна вещь... Ты бы отправила меня на бой, не позаботившись о том, чтобы я знал местность не хуже, чем ты?

— Что?! — Она покачала головой. — Недостаток информации может привести к твоей гибели! И мне надо было бы дать тебе все,

что у меня есть, потому что никогда не знаешь заранее, что именно может оказаться важным.

— Вот именно. — Он подался вперед, не давая ей отвести глаза. — Мы говорим об одной и той же ситуации, шатрез! Лиадийцы... Лиадийцы очень церемонные. Очень... организованные. Существует шесть способов просить прощения — шесть положений тела, шесть совершенно разных фраз и шесть разных поклонов. И землянин ни один из шести не назвал бы извинением. Извинения... чрезвычайно редки.

Он снова отбросил со лба волосы и качнулся назад.

— Ты говоришь на низком лиадийском... приемлемо. Ты немного усвоила высокий лиадийский по книгам — достаточно, чтобы обходиться, если бы мы поработали с тобой над произношением. Но слова — это такая небольшая часть общения, Мири! Это все равно как если бы я дал тебе пули, но не дал к ним пистолета.

Она закрыла глаза, потом снова открыла.

— Ты изучал этот Кодекс?

— Да. — Он наблюдал за ней — очень пристально и встревоженно. — Я вырос в этой культуре. Я изучал Кодекс с помощью гипноуроков, чтобы откорректировать понимание нюансов. А потом я трансформировал изученное в соответствии с моим меланти. Твое меланти отличается от моего, Мири. Я не могу научить тебя его демонстрировать. Но твой спутник жизни может посоветовать тебе, как его хранить.

— А книг об этом нет? — Она чувствовала, что дыхание у нее стало учащенным и отрывистым. В висках у нее стучала кровь, ладони вспотели. — Мне нельзя учиться по книге? А потом мы с тобой могли бы отработать мое произношение...

Неужели это обязательно, ОБЯЗАТЕЛЬНО должны быть гипноуроки? О боги!

— Книга... состоит из нескольких томов, — мягко проговорил Вал Кон. — Из нескольких очень толстых томов. Когда я был маленький, я становился на них, чтобы дотянуться до верхней полки в библиотеке моего дяди.

— Наверное, был и более простой способ забраться наверх, — сказала Мири, невольно улыбнувшись.

— Был, — холодно подтвердил он, — но мне было запрещено карабкаться по полкам. Это мой дядя обговорил совершенно определенно.

Она рассмеялась.

— Этому твоему дяде пришлось нелегко!

— Конечно, у нас с Шаном была склонность создавать себе неподобающие... необходимости, — пробормотал он. — Но вот Нова была примерным ребенком. — Он повел плечами. — Почти всегда.

Мири чуть было не рассмеялась снова.

— А младшенькая? Антора? Она была такая же неугомонная, как и остальные, или тут твой дядя смог немного отдохнуть?

— О, Антора, видишь ли, всегда была Анторой. Ее необходимости часто вообще лежали в иных сферах. — Он наклонил голову набок. Его зеленые глаза ярко блеснули. — Что тебя тревожит, Мири?

— Я...

Проклятие, проклятие! К черту в преисподнюю! Включилась память, и на мгновение она оказалась в душной кабинке на Пустоши, в порту: четырнадцатилетняя, с обожженным мозгом, в полубеспамятстве. А техник говорил Лиз:

— Мне очень жаль, командор. Похоже, гипноуроки не для нее.

— Мири? — По ее щеке скользнули теплые пальцы. Из настоящего, а не из прошлого. — Шатрез, пожалуйста!

— Не могу. — Она судорожно вздохнула и заставила себя смотреть ему в глаза. — Не могу, босс, понимаешь? Лиз водила меня в лабораторию гипнообучения на Пустоши, чтобы они пришпилили мне перед отлетом торговый. Я чуть не загнулась. Техник сказал... сказал, что это не для меня. Гипноуроки. Потом я выяснила, что... дефективные... не выдерживают... нагрузки на мозг. — Она выдавила кривую улыбку. — Я знаю, что мне не положено говорить тебе, что я тупая...

— И что дефективная тоже. — Он погладил ее щеку и лоб, прижал пальцы к ее губам, а потом опустил руку. В глазах его появилась тревога. — Скажи, а тебе проверили здоровье перед тем, как включить программу?

Она покачала головой.

— Просто подключили и оставили одну. Стало больно. Я помню, что кричала, пыталась вырвать провода...

Он нахмурился.

— А почему ты не воспользовалась рычагом экстренной остановки?

— Каким рычагом?

Гнев — яростный удар, похожий на разряд молнии. Его, а не ее. Но голос его звучал спокойно:

— Рычаг экстренной остановки обязателен для всех установок гипнообучения. При отсутствии такого рычага лаборатория гипнообучения лишается лицензии.

Мири закрыла глаза, внезапно ощутив огромную усталость.

— А кто на Пустоши смотрит лицензии?

Молчание. Потом он вздохнул и ласково сжал ее пальцы.

— Пошли к автоврачу, шатрез.

Она молча стояла рядом с ним, пока он вводил в устройство запрос — на торговом, чтобы ей легко было прочесть. «Мири Робертсон: прогноз для гипнообучения».

Автоврач не спешил с ответом: пока обрабатывался запрос в банк данных, он мигал разноцветными индикаторами. «Мири Робертсон вложит руку в паз», — распорядился врач, и справа от пульта образовалась узкая прорезь.

Мири сунула левую руку до упора и почувствовала легкое покалывание. Издав мелодичный перезвон, автоврач написал на дисплее: «Мири Робертсон уберет руку».

Паз закрылся, дисплей опустел. Снова замигали индикаторы, а потом по экрану побежали строки:

«Восстановительный период заканчивается. Гипнообучение разрешается при максимальной длительности урока в три часа, количестве уроков не более трех в сутки и двухчасовым минимальным перерывом между уроками. После каждого урока рекомендуются пищевые добавки, чтобы восстановление продолжалось тем же удовлетворительным темпом. Добавки выданы ниже».

— Могу предположить, — мягко проговорил Вал Кон, — что ты питаешься лучше, чем в четырнадцать лет. А еще я могу предположить, что данное устройство правильно налажено и оборудовано. — Он извлек из аптечки пищевые добавки и вручил их ей. — Агент представляет собой слишком большую ценность, чтобы рисковать перегрузкой мозга. Невыполненное задание — слишком высокая плата за неполадки в оборудовании.

Она молча посмотрела на него, а потом повернулась к гипноустановке, открытой и готовой ее принять. И рычаг экстренной остановки имелся.

— Три часа?

Они покажутся ей тремя столетиями!

— Это наиболее эффективная длительность, — серьезно ответил Вал Кон и погладил ее по голове. — Мири, клянусь, что ты в безопасности.

Она посмотрела на него, вспоминая боль, жжение, свой ужас.

— Это действительно так важно?

Но она понимала, что это важно. Вал Кон — ее напарник. Он обязан позаботиться о том, чтобы у нее было все необходимое для выживания. Все необходимое, чтобы выжили они оба.

— Ладно, — вдруг сдалась она и отчаянно поцеловала его.

Он крепко ее обнял.

— Я буду следить, — тихо пообещал он. — При сбое включается сигнал тревоги на пульте пилота. Если почувствуешь дискомфорт, воспользуйся рычагом.

— Хорошо.

Она сделала шаг назад, запихнула упаковку с витаминами себе в кошель и подошла к установке. Легла в нее и ухватилась за рычаг. Вал Кон закрыл крышку.

Из матраса и полога выскользнули контакты и с легкими уколами вошли в ее тело. Мири закрыла глаза, чтобы не видеть беззвездной ночи, окружившей ее со всех сторон, и позволила программе завладеть собой.

В ее левом ухе настойчиво звучал сигнал из двух нот, становившийся все громче. Мири открыла глаза и села, ошеломленно моргая глазами. Она сидела в похожей на гнездо установке, а черная куполообразная крышка была открыта.

«Ага. Гипноустановка».

Она выбралась из гнезда, сделала пару глубоких вдохов. Ее сознание быстро прояснялось. У нее за спиной двухнотный укор сменился однотонным требованием. Нахмурившись, она повернулась, заметила рядом с таймером полоску бумаги и рывком высвободила ее.

Сигнал смолк.

Мири хмуро посмотрела на листок. Слова расплывались у нее перед глазами. С усилием она сфокусировала зрение.

«Общая степень усвояемости 98%. Точность воспроизведения 99,8%. Самопроверка устойчиво 98,4%».

Мири тряхнула головой, вспомнила о пакете с витаминами у себя в кошеле и отправилась искать, чем бы их запить.

Когда она вышла на мостик, ей навстречу шагал Вал Кон. Она застыла на месте: разум подсказывал ей добрую дюжину способов обратиться к нему. Сочетания поклонов и приветствий разветвлялись в настоящие джунгли вариантов, и ни один не казался правильнее других. Ей вспомнилась комбинация приветствия, которое адресуют офицеру, старшему по чину, и она лихорадочно ухватилась за него, едва успев отвесить поклон в положенный отрезок времени.

— Сэр, — проговорила она, не забыв выпрямиться прежде, чем начинать разговор, и сохранять интонацию почтительного внимания, — я завершила урок в гипноустановке.

Его брови изумленно взметнулись вверх, но он ответил на ее поклон: коротко и с тонкой ироничностью. Мири смутилась, но потом вспомнила о необходимости принимать индивидуальные особенности стиля, покуда они не переходят границы, неприемлемой для вашего меланти.

— Мэм, — сказал Вал Кон как старший младшему по чину, но с неким оттенком, соответствующим ироничности его поклона. — Я счастлив видеть, что ваш урок оказался столь плодотворным. Однако мне представляется, что долгий срок и... близость наших отношений позволяют вам обращаться ко мне по имени.

— Да, конечно...

Но подходящая комбинация не обнаруживалась, и чем больше она пыталась найти нужную манеру, тем в большее смятение приходила. Она сбилась с темпа разговора, испортила интонацию и позу и потерялась в бурном море оттенков.

— Мири!

Она воззрилась на него, не зная, какой из бесконечных вариантов выбрать: она не могла придумать, как его определить.

Он сжал ее пальцы.

— Мири! Перестань беспокоиться, шатрез. Пусть все отстоится и осядет.

Земные слова развеяли ее смятение. Она привалилась к нему, только теперь заметив, что стояла, вытянувшись по стойке «смирно».

— Кажется, я не выучила, как обращаться к людям только по имени, — проворчала она.

Он обнял ее.

— Это уже низкий лиадийский. Помнишь: Вал Кон муж. Да? И Вал Кон любимый. Гораздо приятнее слышать от тебя, чем «сэр». Мне уже показалось, что я впал в черную немилость.

Мири фыркнула.

— Ага, и испугался.

— Безусловно.

Она уже открыто рассмеялась и, отстранившись, сунула ему под нос полоску бумаги из гипноустановки.

— Машина выдала. Ты понимаешь, что это значит?

— А! — Он извлек бумажку из ее пальцев, прочел ее и кивнул. — На многих планетах это значило бы, что ты — гений,

Мири. Установка запрограммирована так, чтобы проверять усвоение и регистрировать активные знания обучаемого. Например, дефективного человека выбросили бы из программы, как только первый тест продемонстрировал бы отсутствие результатов обучения. Эти цифры, — он вернул ей бумажку, — включают ускоренную программу.

— Гений? — переспросила она, хмуро переводя взгляд с него на распечатку.

— Гений. — Вал Кон тихо вздохнул и прикоснулся пальцем к листку. — На Лиад такие цифры обеспечили бы тебе поступление в Академию разведки. Поскольку ты также продемонстрировала способность действовать — и преуспевать — в низкотехнологическом обществе, то скорее всего тебя приняли бы на средний курс.

— Я не пилот! — запротестовала Мири, подумав про себя, что разведчики — это лучшие из лучших.

А еще она подумала, что Вал Кон — разведчик. И еще подумала, что в машине произошел какой-то сбой. И еще подумала...

— Это дело поправимое, — говорил тем временем Вал Кон. — Можно включить основы пилотирования в твои гипноуроки. Достаточно просто подключить эту программу к твоему курсу Кодекса. Конечно, это будет только подготовительная программа, но я смогу обучить тебя математике и работе с пультом.

— Ну да, — рассеянно отозвалась Мири.

— Вот и хорошо. Хочешь чаю?

— Что? — Она вышла из задумчивости и снова посмотрела на распечатку, только теперь заметив, что она на лиадийском. Однако удивляться она уже не могла. — Не отказалась бы, спасибо. Все равно мне надо выпить витамины.

— Да. — Вал Кон направился к поварскому пульту, и Мири пошла за ним следом. — Я советую тебе сегодня воспользоваться Радугой, шатрез: это поможет закрепить сегодняшний урок. А завтра ты сможешь провести все три урока.

— Все три! — Она возмущенно посмотрела ему в спину, а потом со вздохом вспомнила еще кое-что из выученного. — Наверное, мне надо усвоить все правила, иначе мне с меланти не разобраться.

Она приняла протянутую им чашку.

— Гений, а? — Она покачала головой. — Но вот что я тебе скажу, босс: я совсем не чувствую себя умной!

Дельгадо
Колледж естественных и гуманитарных наук Бьернсона-Беллвейла

«...кофе, оладьи и ты-ы-ы!» — немелодично, но искренне пропел голос, прилетевший с орбиты по широкому лучу в крошечный кабинет профессора. Сидевший за письменным столом мужчина оглянулся на экран и с улыбкой отметил, что это корабль номер Три — пятьдесят восемь с песней врывается в порт, если не в сердце ироничной хозяйки «Посла Вэйла». Это повторялось ежесуточно ровно в полночь по местному времени.

— Поговорите со мной, прекрасная капитан! — взмолился певец, заглушая гул полусотни кораблей, расположенных между портом и третьей планетой, и не принимая во внимание, что его могут слышать множество прекрасных капитанов.

— Извините, Три — пятьдесят восемь. Мне показалось, вы заняты завтраком.

Женский голос звучал хладнокровно, но с легкой улыбкой — совершенно как обычно. Профессор снова улыбнулся и отвернулся от экрана к курсовой работе, которую читал.

На редкость бездарное произведение, по правде говоря. Правда, автор не относился к тем, от кого он многого ожидал. Однако приятно было бы думать, что даже самые малообещающие студенты хоть что-то узнали. Ну, у них осталась еще половина семестра. Возможно, при должном руководстве способность мыслить еще проявится.

С этой мыслью он постарался сосредоточиться на работе, пытаясь сформулировать оптимальный способ должного руководства. У него за спиной Три — пятьдесят восемь улещивал даму с хладнокровным голосом: один элемент в знакомой, баюкающей мозаике голосов. Профессор слушал их вполуха, а потом и менее внимательно: пришла в голову мысль, что делать с этим малообещающим студентом.

«Внимание! Внимание!»

Призыв ударил в привычную мозаику, словно сапог в дверь. Профессор стремительно обернулся. Его темные глаза впились в коробочку приемника, словно он рассчитывал увидеть в нем корабль, который передает столь срочное сообщение.

«Внимание! Все члены, работники, сторонники и союзники Хунтавас с момента получения данного сообщения и впредь

будут оказывать помощь, содействие и поддержку сержанту Мири Робертсон, гражданке Земли, и командору-разведчику Вал Кону йос-Фелиуму, гражданину Лиад, как вместе, так и порознь, в случае необходимости меняя собственные приоритеты. Повторяю: помощь и поддержка Мири Робертсон и/или Вал Кону йос-Фелиуму обязательны и приоритетны. Повторение сообщения...»

Уведомление было дано — и все смолкло. На несколько мгновений в эфире воцарилось молчание.

— Что это, к черту, было? — спросил неугомонный Три — пятьдесят восемь.

— Курьерский корабль! — рявкнул кто-то еще.

— Видел бы ты, как он почесал! — подхватил третий голос. — Вылетел у третьей планеты, прошел по касательной, сбросил сообщение — и был таков!

Пять дней полета. Профессор поднялся с кресла, бесшумно-осторожной походкой подошел к передатчику и посмотрел на него так, словно приборчик неожиданно превратился во что-то совершенно новое.

— Командор-разведчик Вал Кон йос-Фелиум, — прошептал он, протягивая руку к выключателю. — Командор-разведчик Вал Кон йос-Фелиум!

Он повернулся и прошелся по кабинету. Пять шагов в длину. И пять — в ширину. Потом он остановился у письменного стола, где его дожидалась работа. Одна рука нырнула в карман, вернулась оттуда — и он застыл, глядя на плоский блестящий ключ от космического корабля, который так неуместно смотрелся на мягкой ладони ученого.

Профессора культурной генетики, как правило, не имели в собственности космических кораблей. Он со вздохом спрятал ключ обратно.

«Такое хорошее прикрытие, и создавалось столько лет...»

Он встряхнул головой, пряча эту мысль поглубже вместе с ключом, и снова уселся за работу, пытаясь вернуть нарушенное настроение благожелательного менторства. Падавший с экрана свет отразился от его кольца — трех серебряных нитей, переплетенных в виде узла. Кольцо он носил на мизинце левой руки. Через секунду он вздохнул, откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

Командор-разведчик Вал Кон йос-Фелиум...

Литаксин
Встреча с Кланом Эроб

Дом. Она не сомневалась, что вспомнила нужное слово. Дом.

Гипноуроки увеличили ее словарь, помогли освоиться со звуками и значениями, а недавняя встреча на посадочной площадке почти убедила ее в том, что она поймала за шкирку всю лиадийскую премудрость.

Дом.

Он оказался просто гигантским.

Мири остановилась на верхушке пологого холма и уставилась на широкое пространство бархатистого газона и полуовал из серого и черного камня высотой в несколько этажей. Это и был дом. Она посмотрела на Вал Кона.

— Ты уверен?

Он оторвал взгляд от ландшафта и приподнял бровь.

— Мне это представляется домом клана, — негромко проговорил он. — Но не забывай: я тоже никогда не бывал в гостях у Клана Эроб.

Она глубоко вздохнула.

— Он же не меньше гьотта! — сказала она Вал Кону, констатируя очевидный факт максимально спокойным тоном. — Большого гьотта. Может, нам неправильно сказали дорогу? Может, это и правда гьотт — что было бы кстати. Мы могли бы снять номер, если у нас хватило бы денег, и предупредить, что мы собираемся прийти.

Вал Кон ухмыльнулся и погладил ее по щеке.

— Это же малообжитая планета, шатрез: весь клан может жить в одном доме. Плюс необходимый персонал, плюс комнаты для гостей, залы для заключения контрактов, административные помещения и склады. Не забывай, что сейчас это — фактическая столица планеты, которая оправляется после мятежа. Но даже и до того в некоторых отношениях это был центр этого мира. — Он пожал плечами. — Я бы сказал, что здание у них не больше того, что действительно необходимо — с учетом размера клана и количества административных функций, которые они считают нужным выполнять.

— Боги! — Она посмотрела на него с новым любопытством. — А твой дом тоже такой большой? Тот, в котором ты рос?

— Я рос в Треалла Фантрол, — тихо сказал он, — в доме рода йос-Галанов. Он очень внушительный, но отнюдь не такой большой, как этот. Клан Корвал никогда не правил планетой.

Он с улыбкой протянул ей руку.

После секундного колебания Мири сумела изобразить улыбку, переплела свои пальцы с пальцами Вал Кона и пошла с ним к дому.

Приятным моментом пребывания на планете были запахи. Ветер. Краски. Рукопожатие. Тишина.

Вот это было странно. Мири поняла, что они идут по тропам, совсем недавно бывшими маршрутами патрульных отрядов и путями перемещения войск. Тишина.

Несмотря на то что ей приходилось бывать на очень многих планетах, ни одна высадка не происходила вот так. Неспешно и... спокойно, если не считать ее собственной уверенности, что впереди их ждет катастрофа. Проверка оружия была проведена исключительно по привычке, прием витаминов — поддержкой обучения, а не подготовкой к военным действиям, вход в атмосферу позволил почти по-туристски насладиться океаном, континентами и полярными шапками.

Они подлетели к планете в тот момент, когда с нее снимали блокаду. На них не обратили внимания ни военные, ни патрульные корабли (как и предсказал Вал Кон), так что их не ожидали тревоги, угрозы и опасности.

Они три раза облетели вокруг Литаксина. Радиосообщения были вполне недвусмысленными: глупая и непродуманная попытка переворота, за которой последовала грязная локальная война, в основном ограничившаяся одним континентом. Наемники прибыли быстро.

То, чего они не услышали по радио, нетрудно было узнать от Риаски тер-Мьюлин. Вот уж кто умел поговорить! Она прихромала из своего кабинета, расположенного у посадочной площадки, и, как показалось Мири, нисколько не удивилась прилету их корабля — корабля Департамента Внутренних Дел!

— Разведчики, — констатировала она, изображая довольно нетрадиционный полупоклон в адрес их обоих. — Чем могу вам служить? И как зарегистрировать ваш визит?

Вал Кон ответил на ее полупоклон совершенно официальным поклоном.

— Будьте так добры зарегистрировать этот корабль как «Найденыш», приписанный к Лиад. Пилот — Вал Кон йос-Фелиум, Клан Корвал. По делам клана.

Тут женщина тоже поклонилась, и в этот момент новоприобретенные знания Мири лихорадочно заработали. В поклоне Вал

Кона присутствовало... что? Личный долг, личное уважение к клану-союзнику или другу своего клана... А поклон тер-Мьюлин отмечал... осознание уважения и признание... кажется, такое уважение весьма лестно!

Она проводила их через площадку, обсуждая закончившуюся войну, и с каждым шагом ее хромота становилась все заметнее. По ее знаку они остановились у открытого ангара, в котором помещался весьма старый самолет-штурмовик.

— Пилот Клана Корвал, я полагаю, что вы прибыли вовремя, чтобы нам помочь. Это — официальный самолет для охраны посадочной площадки. Он и ему подобные были подарком Клана Корвал, и перед войной у нас было их около двух дюжин. Здесь дежурили пять, но все, кроме этого, были потеряны во время Долгого Налета. Насколько я понимаю, звено на островах было уничтожено нашей стороной, а союзники Клана Эроб на высокогорье использовали свои самолеты, пока их не сменили наемники. Насколько я понимаю, Долгий Налет был их идеей: заправили горючим по максимуму, сняли лишний вес — и отправили их через океан...

Вал Кон молча слушал, а Мири кивала, по достоинству оценив удачную тактику. Похоже на то, что предпринял бы Киндл.

— Много самолетов сбили — отдала бы остаток ноги, лишь бы узнать, откуда у Клана Кенсо такое оружие! — так что у меня остался только он.

Тут она кивнула в сторону самолета — Мири показалось, с любовью и уважением.

— Запасных частей не достанешь, и хотя этот самолет летает и будет выполнять свой долг, запчасти нам не помешали бы. Если бы появилась возможность... Чертежи и оборудование, на котором их изготавливали, находятся на Лиад, в ваших мастерских.

Вал Кон поклонился.

— Как только время позволит, я поговорю с Первым представителем.

Риаска тер-Мьюлин тоже поклонилась:

— Я буду очень благодарна.

— Наземных машин пока мало, — сообщила она затем. — Я могу позвонить в Дом клана и вызвать машину сюда или могу предложить воспользоваться моим флиттером.

Взмахнув рукой, она указала на крошечный винтолет: кабинка над подъемным винтом.

Мири чуть выдвинулась вперед. Она не спешила попасть в дом и не видела необходимости лишать раненую женщину средства передвижения.

— Погода прекрасная, — сказала она Риаске тер-Мьюлин в модальности равных. Приятно было бы прогуляться.

Женщина снова поклонилась, с готовностью приняв предложенное равенство.

— Как пожелаете. Позвольте мне показать вам дорогу.

Они остановились у трех невысоких ступенек, которые вели к площадке из черного камня и парадной двери, представлявшей собой мозаику из эмалевых плиток. Они составляли густо-синий фон, на котором к золотой горе слетала красная птица. Мири почувствовала, что у нее встают дыбом волосы, и ее свободная рука легла на кошель, в котором лежала точная копия этого узора, совпадавшая с ним до мельчайших деталей.

Она резко тряхнула головой и нахмурилась, быстро покосившись на своего спутника. Он с пристальным интересом смотрел куда-то влево.

— Ты собираешься звонить или нет? — спросила она.

— Сейчас.

Он быстро зашагал по мягкому упругому газону, продолжая крепко держать ее за руку.

И остановился перед деревом.

Мири решила, что это — довольно крупное дерево со славным, типично древесным стволом и широкими четырехпалыми листьями, чуть-чуть более зелеными и чуть менее синеватыми, чем трава. Кое-где на дереве висели гроздья орехов или семенников, и пахло очень приятно — опять-таки по-древесному.

Вал Кон отпустил ее руку, сделал еще шаг к дереву и... поклонился. Низко. Сопроводив поклон жестом, предлагающим немедленную, добровольную и безусловную службу.

— Я приветствую тебя, дитя надежды Джелы, — проговорил он на высоком лиадийском, но на диалекте, который не входил в курс ускоренного гипнообучения Мири.

Ей показалось, что эта модальность родственна той, которую использует самый младший слуга, обращаясь к высшей власти, но она тут же решила, что это чушь.

— Когда говорящий в последний раз посещал свою родную планету, — говорил дереву Ван Кон, — твой предок по-прежнему процветал, рос и питал. Завет выполняется, охрана несется. Когда говорящий в следующий раз окажется на родной планете, твое имя будет произнесено листьям старейшины.

Потом он постоял несколько секунд, склонив голову, — и, может быть, слушал, как ветер тихо шелестит листьями. А потом

он снова поклонился, на этот раз как человек, который собирается попросить об одолжении.

— Говорящий уже несколько лет не получал благословения детей Джелы, а эта дама пока не представлена старейшине. В час нужды говорящий просит в дар два ореха и один лист.

После этого он шагнул вперед и, высоко подняв руку, отделил два ореха от нижней грозди. С той же ветки он сорвал лист и отступил обратно с поклоном благодарности.

Широко улыбаясь, он расколол орех и передал его Мири, а потом расколол второй и, сняв скорлупу, очистил крупное розовое ядрышко.

— Они вкусные, — сказал он, перейдя на земной. — Ребенком я съел их немало — к вящему отчаянию садовника.

Мири очистила свой орех и изумленно заморгала, почувствовав его аромат. Она начала было извлекать ядро, но остановилась и посмотрела на своего напарника.

— Славное дерево, босс. А оно отвечает?

— Что? — Он недоуменно заморгал, а потом рассмеялся. — А, я совсем забыл! На Лиад есть очень древнее Дерево, с которым мой клан... связан узами. Это долгая история. Имя того Дерева — Джелаза Казон. Это дерево — сеянец того, так что мне полагается отдать ему дань вежливости, согласна?

— Гм... — Мири откусила кусочек ореха, оказавшийся необычайно вкусным. — Откуда ты знаешь, что это дерево в родстве с твоим?

— Джелаза Казон только одно, — негромко произнес Вал Кон. — А Корвал порой скрепляет некие... контакты подарком в виде сеянца.

— Ясно.

Орех был съеден. Мири огорченно вздохнула и удивленно увидела, что Вал Кон протягивает ей лист.

— Заправь его себе за ремень, шатрез. Доела? Вот и хорошо. А теперь мы позвоним.

Привратник оказался юным, узкоплечим и тщедушным. Хрупкие кости выпирали из-под прозрачной золотистой кожи. Волосы у него были светло-рыжие, почти русые. Они падали на высокий лоб, но не закрывали синяков на обоих висках, там где боевой шлем оказался ему тесен. Синие глаза смотрели недоверчиво, в их глубине пряталась темная тень.

— Делм Клана Эроб? — переспросил он, переводя взгляд с нее на Вал Кона и обратно.

По тому, как едва заметно изменилось выражение его лица, Мири поняла, что он видит двух солдат, явившихся куда не следовало и справляющихся о человеке, к которому у них не может быть дел.

— Делм очень занята, — проговорил он на высоком лиадийском языке в средней модальности, предназначенной для незнакомцев с непонятным пока меланти. — Если вы ознакомите меня с вашим затруднением, сударь... сударыня... то, возможно, я направлю вас к нужному человеку.

— Нам чрезвычайно важно как можно скорее переговорить с Делмом клана, юный сударь.

Вал Кон несколько изменил модальность и теперь говорил как старший с младшим.

Щеки молодого человека вспыхнули, однако он не позволил, чтобы в его голосе прозвучали отголоски его гнева.

— Я должен настоять на том, чтобы вы более конкретно высказали свое дело, сударь. Если вы отстали от вашего отряда... или не получили должной выплаты... или не попали на транспортный корабль, то ни одна из этих проблем не будет решаться Делмом, хотя Клан Эроб способен решить любую из этих проблем или все вместе. Мне просто нужна информация.

Мири решила, что это недурно для парнишки, который явно с ног валится, и, наверное, только-только кончил делать кучу всяких дел, с которыми предпочел бы вообще никогда не знакомиться. Синие глаза обратились на нее, и она ободряюще ему улыбнулась — а потом вспомнила гипноурок и поняла, что сделала ошибку. Парнишка нахмурился, и его взгляд стал более жестким.

— Вы были у нас в саду? — спросил он требовательно, стремительно переходя на враждебный тон. Возмущение заставило его забыть о вежливости. — Вы повредили наше дерево?

Мири встала навытяжку, глядя ему прямо в глаза.

— Мы нисколько не повредили вашему дереву! — рявкнула она таким тоном, каким обычно выговаривала солдатам за особо крупную глупость. — Мы попросили даровать нам лист, и он был дан добровольно.

Выражение лица мальчишки стремительно изменилось: возмущение сменилось потрясением, а потом — волной ужаса. Он нервно облизнул губы и снова перевел взгляд на Вал Кона.

— Мы действительно, — мягко проговорил Вал Кон все в той же модальности старшего, — очень хотим поговорить с Делмом. Немедленно, если можно. Вы можете сказать, что пришел Второй представитель по делу дочери клана.

* * *

Паренек пошел за своим начальством, оставив их скучать в помещении, которое Мири благодаря гипноуроку опознала как парадную гостиную.

Мири представила себе, как, едва успев закрыть за собой дверь, он побежал по длинному коридору, и ухмыльнулась, осматриваясь. Интересно, чем эта комната отличается от первой, у двери, где они чуть было не оказались. Паренек шагнул было за порог, и Мири успела увидеть обшитые светлым деревом стены и неудобную на вид мебель, а потом привратник передумал, шагнул назад, слегка поклонился и пригласил их пройти следом за ним.

И вот теперь они сидят в Желтой гостиной и еще одно юное создание, еще чуть помоложе, подает им вино, рюмки и блюдо с печеньем. Она позволила себе всего один любопытный взгляд — объектом которого стал главным образом Вал Кон, — очень мило поклонилась и осведомилась, не угодно ли им что-нибудь еще, хотя ее тон ясно говорил о том, что она надеется на отрицательный ответ.

— Спасибо, — серьезно ответил Вал Кон. — Гостеприимство вашего Дома дарит радость.

— Спасибо, сударь.

Девчушка поклонилась и сбежала, забыв даже закрыть до конца дверь прежде, чем перейти на бег.

Мири снова ухмыльнулась, зацепила большие пальцы за ремень и подошла к окну, немного щурясь на солнце.

— А вот и твое дерево, босс.

— Правда? — Он подошел к ней и встал рядом, плечом к плечу. — Но это не мое Дерево, Мири. Это — дерево Клана Эроб. Мое гораздо старше. И выше.

— По мне — это пустая отговорка, — заявила она. — Если это дерево — сеянец твоего, а твое — единственное, если не считать его сеянцев...

Она замолчала, и ее щеки покрыл непривычный румянец.

Вал Кон засмеялся.

— О! Ты начинаешь понимать, что такое клан.

— Ничуть не смешно...

Она не успела договорить: дверь с щелчком начала открываться.

Вал Кон бесшумно направился к центру комнаты. Мири двинулась за ним, отстав на полшага.

Вошедшая в гостиную женщина не бежала по коридору сломя голову, но и не медлила. Она была седая, сероглазая, золотокожая, поджарая и чрезвычайно энергичная. Две глубокие морщи-

ны пролегли горизонтально по ее высокому лбу. Не менее глубокие морщины сбегали от носа к губам. Морщинки веерами расходились от уголков глаз: она щурилась, глядя на них против солнца. Одета она была просто. Благодаря гипноуроку Мири знала, что на ней — домашняя туника. Узкие брюки были аккуратно заправлены в бежевые ботфорты.

Очень деловито она прошла по яично-желтому ковру, остановилась ровно в четырех шагах от Вал Кона и быстро поклонилась, прижав руку к сердцу.

— Эмрит Тайазан, — представилась она негромким ясным голосом. — Делм Клана Эроб.

Вал Кон ответил поклоном, более плавным, но не менее глубоким.

— Вал Кон йос-Фелиум, Клан Корвал.

Мири напряглась — но старая женщина не отрывала взгляда от Вал Кона.

— Да, — проговорила она, — вы похожи на отца.

Вал Кон снова поклонился: слегка и, как показалось Мири, с иронией.

Похоже, Эмрит Тайазан тоже это заметила: она чуть пожала острым плечом. Мири снова напряглась, готовясь сделать поклон, но старуха, похоже, была твердо намерена ее игнорировать.

— Я скажу вам прямо, Корвал, прежде чем мы сядем за чай с печеньем и начнем вести себя так, словно мы — люди цивилизованные, что я не рада видеть вас в такой момент, пусть мы и родственники по Дереву. Мы едва справились с проблемой, последствия которой исчезнут только через одно или два поколения, и то если все пойдет удачно и не родится новый смутьян вроде Кел Бара Рентавы. Я знаю, что Эроб обязан в данный период предоставить женщину для брачного контракта, но, пока мы говорим откровенно, я должна сказать вам, что та, которую мы намечали, ушла дорогой душ во время войны.

Тут старое лицо изменилось, все черты его напряглись — но голос продолжал звучать ровно.

— Они ее сбили — люди Клана Кенсо. Она была у нас самая лучшая, и они ее сбили. Ее корабль упал на скалы, к востоку отсюда. Думаю, мы уже собрали все куски.

Она на секунду закрыла глаза, а потом снова пожала одним плечом.

— Я не смогу предложить Клану Корвал ничего, что сравнялось бы с таким блеском, пока не подрастет Элис. А это лет через девять. Элис вполне подойдет, но она не Киа Тайазан.

Наступило молчание.

Мири пыталась понять сказанное, но ни ее прошлый опыт, ни гипноуроки в этом ей не помогли. Старая дама явно была на пределе: она была измучена как физически, так и морально. Может, она даже бредит, хотя Мири в этом сомневалась. Возможно, клан Вал Кона и Клан Эроб скрепили свой союз с помощью брака, когда эта дама еще только стала Делмом...

— Простите меня, — снова обратилась к Вал Кону Эмрит Тайазан, — если моя откровенность вам неприятна. У меня нет времени на пустые любезности, а нашему клану не обязательно церемониться со своим давним союзником, Кланом Корвал. Мы всегда очень хорошо друг друга понимали.

— Однако в данном случае, — без всякого выражения произнес Вал Кон, — полного понимания не достигнуто. Я никого в этом не виню, а откровенность не вызывает отрицательных эмоций. — Протянув руку, он взял Мири за запястье и ласково потянул к себе, заставив встать рядом. — Представляю вам мою спутницу жизни Мири Робертсон Тайазан, леди йос-Фелиум.

Серые глаза в сетке морщин широко раскрылись, потом сощурились и осмотрели Мири с ног до головы. Взгляд старухи обжигал. Он особенно долго задержался на листе дерева, а потом стремительно метнулся к Вал Кону.

— Так! Вы находите бездомную фаворитку и смеете приводить ее ко мне? Чтобы я ее признала и дала ей место среди кланов? Корвал смел — чересчур смел! Напоминаю, что вы — гость Клана Эроб. Ваши причуды для нас не закон!

Это уж было чересчур! Мири пришла в движение, неспешно повернувшись боком к старухе и ее ярости.

— Вот что я скажу тебе, босс, — проговорила она на самом вульгарном, отвратительном земном диалекте — стопроцентном говоре Пустоши. — Я не собираюсь вступать в эту команду, какие бы там у меня ни были гены.

— А! — откликнулся Вал Кон.

— Что вы сказали? — спросила Эмрит Тайазан на земном, хотя ее выговор был нечетким и мягким, типично лиадийским.

— Я сказала, — отчеканила Мири в самой жесткой модальности, какую только смогла придумать для высокого лиадийского, — что главнокомандующему не пристало делать выговор другому командующему, который пришел вести переговоры.

На пару секунд Эмрит Тайазан окаменела, а потом поклонилась, очень плавно.

— Простите меня, мадам, — проговорила она на высоком лиадийском, тщательно выражая равенство положения. — Вы упомянули о генах. Я хотела бы получить дополнительную информацию по этому вопросу, поскольку вы сочли, что она касается вас и... этой команды.

Мири помедлила. Ей очень хотелось выйти, пройти по длинному коридору и оказаться на солнце. «Лагерь наемников найти будет нетрудно, — подумала она. — Поем горячего, найду место для ночлега...»

— Мири, — мягко сказал Вал Кон, — ты не покажешь Делму Клана Эроб твою семейную реликвию?

«Черт его подери!» — подумала она, но со вздохом полезла в свой кошель. Нащупав диск, она протянула его старухе, с опозданием вспомнив, что надо поклониться.

Эмрит Тайазан бросила беглый взгляд на герб, а потом перевернула пластинку, хмуро читая выгравированную там генеалогию. Потом она посмотрела на Мири.

— Откуда это у вас?

— Получила от матери, — отозвалась Мири таким же мягким тоном, — а та — от своей матери.

— Вот как. — Старая дама посмотрела на Вал Кона. — Похож на настоящий.

Он выгнул бровь.

— У многих кланов есть... свои процедуры установления генной идентичности.

Она пристально посмотрела на него.

— Конечно. Разрешите мне ненадолго уйти.

Она повернулась и удалилась, не дожидаясь их согласия.

Едва за ней закрылась дверь, как Мири повернулась к Вал Кону.

— Что происходит? Почему это она решила, будто ты прилетел сюда за женой? Если ты устроил очередной... очередной твой лиадийский фокус, то этой старухе не придется рвать тебя на клочки — я сама это сделаю, понял?

— Да, Мири, — кротко ответил он, но раз в кои-то веки его кротость не вызвала у нее улыбки.

Она гневно смотрела на него, приподнявшись на носки: обученный боец, прочти готовый к драке.

Вал Кон взял ее за руку, подвел к дивану, у которого стоял столик с закусками, и сел.

— Мири!

Он мягко потянул ее за руку, похлопав по подушке рядом с собой.

Секунду ему казалось, что она откажется — вырвет руку и сердито удалится. Такое же впечатление у него было несколько минут назад. И у него не будет выбора, кроме как последовать за своей спутницей жизни...

— Проклятие! — Она плюхнулась рядом с ним и положила голову ему на плечо. — Ты хоть понимаешь, сколько из-за тебя проблем? Ты того не стоишь!

— Шан нередко выражал эту точку зрения, — отозвался он, испуская театральный вздох раскаяния. — Вы двое знаете меня лучше всех и не можете ошибаться.

У нее вырвался отрывистый смешок, и она села прямо.

— Эта погибшая девчушка... Киа? Она была пилотом.

— Ты тоже пилот.

— Черта с два...

Дверной замок щелкнул, и она проглотила свои возражения.

Эмрит Тайазан остановилась перед диваном, протянула диск Мири и поклонилась ей как равной.

— Этот диск оказался настоящим. — Она выпрямилась и посмотрела на Вал Кона. — Вы полагаете — гены?

— У меня сомнений нет, — спокойно ответил он. — Но вы, конечно, пожелаете обеспечить свою уверенность.

— Конечно. — Она пересекла комнату и нажала кнопку настольного комма.

Не прошло и минуты, как дверь открылась, впустив юного привратника. Он бросил нервный взгляд в сторону дивана, а потом низко поклонился Эмрит Тайазан.

— Что желает мой Делм?

— Ты пойдешь в старое хранилище и в Восточной комнате 14 найдешь большой пакет, заключенный в стазис и завернутый в голубой шелк. Принеси его сюда. Пригласи Вин Дена тель-Вости прийти сюда ко мне. А еще ты пригласишь сюда старшего медтехника, добавив, что она должна захватить свой анализатор.

Паренек тронул языком губы, поклонился, повернулся...

— Ан Дер!

Он оглянулся:

— Да, тетя?

— Ты не будешь разговаривать ни с кем, кроме тель-Вости и старшего медтехника. Ты зайдешь в хранилище один и вынесешь то, что я сказала, своими собственными руками.

Паренек снова поклонился.

— Я слышал, — сказал он и убежал.

* * *

— В чем дело, Эмрит? — Старик стоял в центре комнаты, тяжело опираясь на палку. — Чем ты объяснишь, что оторвала меня от моих исследований?

— Исследований! — Делм секунду смотрела на него, а потом взмахнула рукой, чтобы привлечь его внимание к тем, кто сидел на диване. — Я хочу представить тебя Вал Кону йос-Фелиуму, Второму представителю Клана Корвал. Корвал: это мой родич, Вин Ден тель-Вости, Тоделм.

— Вот как?

Карие глаза с нескрываемым весельем наблюдали за тем, как Вал Кон встает и кланяется.

— Милорд тель-Вости, очень рад.

— И я рад, милорд йос-Фелиум. — Ответный поклон оказался гораздо более полным, чем ожидала Мири, увидев палку. — Ваш отец редкостно играл в контрашанс.

— Мой дядя мне рассказывал, сэр.

— Эр Том йос-Галан? А уж он-то как любил играть! И был хорошим игроком: расчетливым, тонким, безупречным. Мы играли с ним на равных. Но вот Даав... Кажется, я так и остался ему должен одну кантру. Или две. Надо посмотреть книги учета. А вы играете?

— Немного, сэр, но с дядей я не сравнялся.

— Жаль. — Взгляд карих глаз стал острым. — Вы, конечно, захотите заняться раной прежде, чем встретиться с Домом.

«Раной? Какой еще ра...» Но тут включился гипноурок, и Мири судорожно сглотнула, впервые осознав, что это значит: быть лиадийцем со шрамом на лице...

— Спасибо, сэр, — тем временем спокойно отвечал Вал Кон. — Она зажила без осложнений.

— Вин Ден, — начала было Эмрит Тайазан, но тель-Вости вдруг вытянулся по стойке «смирно» — так, как один офицер встречает другого — и изобразил военный салют.

— Это — ваша кампания, сэр.

— Вин Ден! — На этот раз голос Делма невозможно было игнорировать. Она еще раз взмахнула рукой. — Мне говорят, что эта леди — Мири Робертсон Тайазан.

Мири встала и поклонилась, глядя в эти озорные карие глаза.

— Ну а почему бы и нет? — проговорил старый джентльмен, отвечая на ее поклон не без щегольства.

— Леди йос-Фелиум, — негромко сообщил Ван Кон во внезапно наступившую тишину.

Тель-Вости со смехом выпрямился.

— Ого! Мужчина, которому нужна абсолютная уверенность! Примите мои поздравления, сэр! Возможно, вы не столь плохой игрок, как пытались меня убедить.

Он снова посмотрел на Мири.

— Вы — солдат? — спросил он в почти дружеской модальности Товарища.

— Была солдатом, — ответила Мири, приняв предложенную модальность, хотя и не без мысленных оговорок. — Пару лет назад ушла в отставку.

— Вот как? В каком чине?

Она недоверчиво посмотрела на него, пытаясь понять, к чему ведут эти расспросы. Ей вдруг стало страшно: вдруг он пытается определить ее меланти, а она окажется не на высоте?

— Старшего сержанта.

— Старшего сержанта! — повторил он, словно ласковое прозвище. — А сколько вам лет?

— Двадцать восемь стандартных. — Она оценивающе посмотрела на него: озорные искры в глазах, прямые плечи, палка, грива розоватых волос. — Более или менее.

Он рассмеялся и взглянул на Эмрит Тайазан, стоявшую у письменного стола, суровую и молчаливую.

— Так вы говорите, что вышли в отставку два года назад в чине старшего сержанта. Работали в частной службе? В промышленности?

— Нет, — пришлось признаться Мири, несмотря на прилив недобрых предчувствий. — В отряде наемников. — Она собралась с мужеством, чтобы вызывающе взглянуть в его веселые глаза. — Перед отставкой я была в отряде «Гирфальк». Я начинала с «Психами Лизарди» и там стала сержантом. Мы попали в переделку, структура командования нарушилась...

— И вас временно произвели в сержанты. — Тель-Вости наклонил голову. — Но вам чин оставили и после того, как... переделка закончилась. А в «Гирфальке» вас еще повысили.

И вдруг, к ее полному изумлению, он поклонился.

— Старший сержант наемников к двадцати пяти годам! Немалое достижение, леди йос-Фелиум, тем более что мне доводилось видеть «Гирфальк» в деле. Они всегда высокопрофессиональны и в высшей степени находчивы. Их услуги стоят недешево — правда, Эмрит? — но они могут цениться на вес кантр, каждый. Корвал прав, оберегая свои ценности.

Дверь щелкнула, впустив изумленного привратника, едва видного за плоской коробкой, которую он прижимал к груди. Следом за ним шла суровая темноволосая женщина в аккуратном комбинезоне: старший медтехник.

— Отлично, — прошептала Мири Вал Кону, пока тель-Вости и Делм повернулись, чтобы распорядиться вновь пришедшими. — Может, мы наконец с этим покончим и сможем отсюда выбраться.

Коробку прислонили к письменному столу, голубой шелк сняли. Эмрит Тайазан опустилась на колени и собственноручно сняла печати, скреплявшие крышку. Ан Дер помог ей встать, заботливо подав руку и придержав за талию.

Она отстранила его и отступила на шаг.

— Открывай! — резко приказала она.

Парнишка послушно наклонился.

Вал Кон тихо подошел к коробке, Мири пристроилась рядом с ним. Они остановились справа от Вин Дена тель-Вости, который застыл на месте, положив обе руки на набалдашник палки. Сейчас в его взгляде не было озорства. Медтехник пожала плечами и отошла к дивану. Присев на широкий подлокотник, она наблюдала за происходящим с несколько отстраненным интересом.

Ан Дер снял крышку и отступил в сторону.

Медтехник с шумом втянула воздух сквозь сжатые зубы.

Больше никто не пошевелился. Мири нахмурилась, пытаясь понять, почему старое зеркало стало центром столь напряженного внимания, такого пристального...

— Ах ты черт! — выдохнула она и, отойдя от Вал Кона, уставилась на отражение, которое не пошевелилось. Оно не пошевелилось потому, что это был портрет. Портрет, а не зеркало. Портрет женщины в летном кожаном костюме и чуть распущенной шнуровкой на белой рубашке. Она стояла, скрестив руки на невысокой груди, широко расставив ноги. Серые глаза открыто смотрели со своевольного умного лица, медные волосы были заплетены в длинную косу, трижды обернутую вокруг головы.

— Мири Тайазан, — сказала Эмрит напряженным голосом, — покинувшая клан с позором.

— Бегство которой покрыло клан позором, — уточнил тель-Вости. — Будь точной, Эмрит.

— Отказаться повиноваться приказу Делма — это позор!

— А она не отказывалась, и ты прекрасно это знаешь. Она просто попросила отложить заключение брачного контракта до

той поры, пока плод любви не созреет. Тамишон не торопился: ему достаточно было бы знать, что контракт действителен и рано или поздно будет реализован. Четырехмесячная отсрочка не требовала аборта.

Он повернулся к Мири и слегка поклонился, показывая, что более полная информация будет ей предоставлена.

— Видите ли, парень погиб: она не могла бы получить от него другого ребенка. А Баан Тайазан был тираном и жестко распоряжался обеими своими дочерьми, правда, Эмрит?

Не дождавшись от нее ответа, он повел плечами, и его глаза снова весело заискрились.

— Понимаете, она не всегда была дисциплинированной. Это не сочеталось бы с ее именем. Но она нехотя уступила в этих главных вопросах — по крайней мере тонко сделала вид, что уступила.

Мири встряхнулась.

— Она сбежала, чтобы родить ребенка, — договорила она на земном. Потрясение было таким сильным, что сейчас она не разобралась бы в модальностях, усвоенных во время гипноуроков. — А потом совершила аварийную посадку на Пустоши и не смогла вернуться домой...

— Так вот что с ней произошло? — тихо спросил тель-Вости. Земным он владел лучше, чем Делм. — А мы гадали...

Мири снова встряхнулась, поспешно прошла Радугу, чтобы немного отдалиться от потрясения, вызванного картиной и всеобщим вниманием.

— Я только догадываюсь, — сказала она тель-Вости. — Она одевалась, как пилот. И никто не выберет Пустошь, если впереди — вся галактика.

— Вот как, — произнес он и, похоже, собирался сказать еще что-то.

— Будет проверка генов, — отрезала Эмрит Тайазан. — Медтехник, займитесь своим делом!

Медтехник уже стояла, с открытым ртом переводя взгляд с портрета на Мири. С трудом взяв себя в руки, она посмотрела на старуху, поклонилась и изобразила спокойный интерес.

— Как прикажете, — пробормотала она, доставая из кармана комбинезона плоскую коробочку. — Если молодая леди изволит подойти ко мне...

В синем платье было приятно.

И выглядело оно тоже неплохо, как решила Мири. По правде говоря, она выглядела на удивление респектабельной, если

учесть, что совсем недавно она была старшим сержантом, телохранителем, беглянкой, разнорабочей и певицей.

Будет ли она выглядеть достаточно респектабельно, чтобы понравиться тому цирку, который собрался в парадных залах внизу? Ответ на этот вопрос она получит даже слишком скоро.

Она в последний раз повернулась перед зеркалом, любуясь, как колье с синекамнями обвивает ей шею. Волосы она распустила, убрав от лица обманчиво простыми серебряными гребнями. Центральный склад, расположенный в пещероподобных подвалах, предоставил ей платье и гребни. Колье и кольцо ему под стать были ее собственные. Это был подарок Вал Кона — из того периода, когда подарки Вал Кона были потенциально смертоносными.

— Очень элегантно, — сказала она своему отражению и поклонилась, выражая удовольствие в связи со знакомством, не забыв изящное движение руки, которое положено использовать при первой встрече с родичами.

— Боги! — проговорила она и медленно выпрямилась, словно женщина из зеркала могла на нее броситься. — О боги, Робертсон, во что же ты влипла?

Гардеробная Вал Кона (им отвели апартаменты, размер которых превышал целый дом фру Трелу на Вандаре) находилась по другую сторону от спальни. Кроме этих комнат, в апартаменты входили еще три — гостиная, кабинет и библиотека, плюс ванная размером с космопорт Литаксина и балкон, выходящий на Восточный сад.

В центре спальни стояла огромная кровать. По двум подпоркам и всему балдахину вились лианы, длинными плетями свисавшие вниз, образуя цветущие занавеси со всех сторон кровати. Мири покачала головой. Ох уж эти лиадийцы! Отдельная комната специально для одевания, сад, выращенный в спальне, и куча других штук, разбросанных повсюду, судя по всему, просто ради красоты. Она прикусила губу, вспомнив квартиры, в которых прошло ее детство: бесконечные вереницы крыс, лохмотья синтобоев на стенах, почти лишившиеся рам окна, пропускавшие ледяные зимние ветры Пустоши.

— Забудь, Робертсон, — прошептала она себе. — Больше ты туда не вернешься. Никогда не вернешься.

Постельные цветы были бледно-голубые с размытыми белыми полосками, и они источали нежный и приятный аромат. Поддавшись порыву, она сорвала один цветок и заправила себе за ухо, а потом пошла по синему с кремовым ковру к гардеробной Вал Кона.

Как только дверь открылась, он встретился с ней взглядом в зеркале и улыбнулся.

— Шатрез!

Она попыталась ответить ему улыбкой и увидела, как губы ее отражения задрожали, а потом расстроенно сжались. Большие серые глаза открылись еще шире при виде белой рубашки с жабо, шикарных темных брюк, зеленой серьги и кольца на пальце: всех принадлежностей лиадийского джентльмена, собирающегося отправиться на званый обед.

Вал Кон стремительно повернулся. Его взгляд и лицо выражали тревогу.

— Мири! В чем дело?

— Я... — Она тряхнула головой и сумела изобразить более или менее убедительную улыбку. — Ты похож на лиадийца, босс.

— А! — Его лицо разгладилось, и он направился к ней, чтобы ласково дотронуться до ее щеки. — Но, видишь ли, я — лиадиец, так что дело, наверное, в этом.

— Надо полагать, — согласилась она и вздохнула. — Готов идти на встречу со львами?

Одна бровь выразительно выгнулась.

— С Кланом Эроб? Ну, на львов они не тянут.

— Ага. А если проверка генов даст отрицательный результат? Ты-то в порядке, но я не из тех, кого Эроб обычно приглашает на ужин.

— А как же портрет Мири-экликти?

Он нежно прикоснулся к цветку, который она заложила себе за ухо.

— Наверное, совпадением это не объяснишь, да?

— Это представляется мне в высшей степени маловероятным.

Он снова прикоснулся к цветку, а потом извлек его у нее из-за уха.

— Для такого обеда не годится, — тихо сказал он.

— Что? — Мири вышла за ним в спальню. — Закон запрещает надевать цветы к столу?

— Этот конкретный цветок, — ответил Вал Кон, осторожно ставя его в хрустальный стакан для воды. — Он — афродизиак.

Она удивленно посмотрела на него, а потом перевела взгляд на цветочный полог.

— И они вырастили их над кроватью?!

— Разве можно придумать более подходящее место?

— Да, верно.

Она закрыла глаза, усилием воли заставляя напряженные мышцы расслабиться.

— Мири?

Она посмотрела на тот узор, которым он был у нее в сознании: яркий, четкий и любимый, — а потом открыла глаза и криво улыбнулась настоящему лиадийскому джентльмену, стоявшему перед ней.

— Вот что я тебе скажу, босс: весь этот маскарад пойдет прахом из-за какой-нибудь глупости вроде этого цветка. Если бы тебя не оказалось рядом, чтобы предупредить меня прежде, чем я выйду к гостям, я все испортила бы.

«Все, — подумала она. — Его меланти, меланти рода йос-Фелиумов, ее собственные жалкие крохи — все улетучилось бы. Из-за какого-то цветка».

— Я на такое не готова! — вдруг заявила она, чувствуя, как в ней поднимается паника. — Послушай, босс: я солдат, а не актриса. И те, внизу, ни на секунду не поверят, будто я — леди йос-Фелиум. Давай попробуем найти старую леди и скажем ей, что сделали ошибку. Ладно? В городе сейчас полно наемников: среди них найдется кто-то, кто задолжал мне обед...

— Мири! — Он в одно мгновение оказался рядом с ней, крепко обнял и прижался щекой к ее щеке. — Это не маскарад, шатрез. Это — правда. Мы — спутники жизни. И часть нашего с тобой меланти включает появления в качестве лорда и леди из рода йос-Фелиумов. — Он с тихим смехом добавил: — За наши грехи.

Она чуть не подавилась смешком и уткнулась лицом ему в плечо.

— Я испорчу тебе меланти.

— Нет. — Он поцеловал ее в ухо. — Моя спутница жизни — леди умная, остроумная и отважная. И ее меланти может только поддержать и укрепить мое собственное! А вместе... — Он нежно взял ее за подбородок и приподнял ее лицо, чтобы она смогла заглянуть в яркие зеленые глаза, полные озорства, — вместе, шатрез, мы... — он наклонил голову, приблизил губы к самому ее уху и тихо выдохнул: — ...настоящий атас!

— Ты... — Мири рассмеялась, крепко его обняла, а потом отступила на шаг и взяла его за руку. — Ладно, пошли знакомиться с семьей.

Но у двери она снова остановила Вал Кона, чтобы задать ему вопрос, который только теперь пришел ей в голову:

— А мы признаемся, что я понятия о твоих родных не имею? Думаю, даже тель-Вости не одобрит пожизненного союза, раз я не встречалась в Первым представителем, не говоря уже о том, чтобы ты получил ее согласие.

— Уместный вопрос, — пробормотал Вал Кон и, наклонив голову набок, устремил взгляд в никуда, чуть сдвинув брови.

— Род йос-Фелиумов, — сообщил он ей через несколько секунд, — в настоящее время состоит из Карин, сестры моего отца, ее сына Пат Рина и его наследницы Квин. Мой отец — Даав йос-Фелиум, он — экликти. Его спутницей жизни, моей матерью была Эллиана Кэйлон. Она умерла. Меня растили в доме чалекет моего отца, Эр Тома йос-Галана и его спутницы жизни Энн Дэвис. Они умерли. Шан — лорд йос-Галан, Нова — Первый представитель, а Антора... это Антора.

Он замолчал.

— Дети йос-Галанов — это Пади, наследница Шана, и Сил Фор, наследник Новы. Дом Клана Корвал — это Джелаза Казон, дома рода йос-Галанов — Треалла Фантрол. Они расположены к северу от города Солсинтра. Корабль, на котором Шан капитан и мастер-купец, называется «Исполнение долга».

Мири смотрела на него.

— И это все?

— Да.

— Больше ничего? — настойчиво спросила она. — Мне не хотелось бы ошибиться.

— Этого должно хватить до конца обеда, — тихо успокоил ее Вал Кон. — Трудно ожидать, чтобы молодая супруга была полностью знакома с кланом своего спутника жизни.

— Великолепно!

Мири покачала головой. Вал Кон открыл дверь и с поклоном пропустил ее вперед.

— Ладно, лиадиец. Но только помни: опасность грозит твоей голове.

Ей еще никогда не приходилось видеть, чтобы в одном месте собралось столько рыжих.

Парадный зал был набит ими: мужчинами и женщинами, старыми, молодыми и средних лет. Цвет их волос лежал в диапазоне от червонно-золотого через оранжевый, морковно-рыжий, золотисто-каштановый и вплоть до необычайного оттенка красного дерева.

Держа Вал Кона под руку, Мири рассматривала собравшихся, замечая, как взгляды обращаются в их сторону — и скользят дальше. И она заметила кое-что еще.

— Да ты высокий! — выпалила она, сохранив самообладание ровно настолько, чтобы говорить шепотом.

К счастью, рядом никого не было.

Одна бровь выразительно выгнулась.

— Чуть выше среднего роста, — признал Вал Кон. — Для лиадийца.

Он посмотрел в дальний конец зала, где стояла Эмрит Тайазан, разговаривавшая с тель-Вости и моложавой женщиной с высокой прической из морковно-рыжих волос.

— Нам полагается подойти к Делму с поклонами, шатрез.

«И услышать результаты генной проверки». Мири сурово подавила начавшееся в желудке восстание и пошла рядом с ним, высоко держа голову и чуть прикасаясь к его запястью. Она делала вид, будто не замечает, как при их приближении разговоры смолкают — чтобы снова возобновиться у них за спиной.

— А это удачная мысль? — пробормотала она, почти не разжимая губ.

— Нет, конечно, — так же тихо пробормотал в ответ Вал Кон, и она чуть было не рассмеялась.

От неуместного смеха ее спасло выражение лица Эмрит Тайазан: на нем отразилась смесь облегчения и одобрения, словно Делм опасалась, что они явятся на обед в кожаных костюмах. Мири почувствовала прилив сочувствия и исполнила поклон уважения к хозяйке дома. Вал Кон поклонился одновременно с ней.

— Сударыня, — проговорил он негромко, но его хорошо поставленный голос был ясно слышен над всем морем рыжих голов, — мы приносим вам благодарность за любезность и заботу, которые оказал нам ваш Дом.

— Для Дома честь принимать у себя старинного союзника и друга, — ответила старуха в наступившем молчании. А потом она обвела взглядом зал и повысила голос, хотя в этом и не было никакой необходимости: — Выслушайте меня, дети мои, ибо я хочу сообщить вам удивительную и радостную весть. Только сегодня к нам пришла Мири Робертсон, которая входит в Эроб через Тайазан, в чем нет никаких сомнений.

Она устремила на Мири серьезные серые глаза.

— Повернитесь, — приказала она все так же громко, чтобы ее слушали все присутствующие, — Мири Робертсон Тайазан, чтобы ваша родня могла увидеть ваше лицо и возликовать.

А как же. Она расправила плечи и повернулась лицом к толпе, не заметив особого ликования — если не считать одну оранжевую головку лет восьми — десяти (Мири плохо разбиралась в возрасте детей), мордашка которой сияла широкой улыбкой.

— Вы также видите Вал Кона йос-Фелиума, — продолжила у нее за спиной Эмрит Тайазан, — Тоделма и Второго представите-

ля Клана Корвал, нашего старейшего и ближайшего союзника. Именно благодаря ему мы вновь обрели нашу родственницу.

Тут реакция была более заметной — и еще усилилась, когда Вал Кон повернулся лицом к присутствующим.

— Далее клану сообщают, что Мири Робертсон Тайазан и Вал Кон йос-Фелиум увидели друг у друга лицо сердца и, увидев их, соединили свои руки, сердца и жизни.

Только благодаря гипноуроку Мири удержалась от вскрика, а годы игры в кости за кинак и деньги помогли сохранить бесстрастное выражение лица.

«Проклятие, — подумала она. — В такой формулировке это звучит-таки мистично, туманно и прочее, а ведь мы просто держались вместе и делали то, что нужно было делать».

Морковноволосая женщина, разговаривавшая с Эмрит Тайазан и тель-Вости, шагнула вперед и поклонилась. Ее худое лицо было искренним.

— Род Тайазан признает Мири Робертсон Тайазан и приветствует ее с радостью.

Мири ответила на ее поклон, механически сопроводив его жестом родства.

— Леди Тайазан, для меня это честь.

Потом вперед шагнул тель-Вости, любезно склонившись над своей палкой.

— Род тель-Вости видит Мири Робертсон с восторгом, приветствует ее с искренностью и признает ее с надеждами.

Она чуть было не улыбнулась ему, но тут сработало гипнообучение, а с ним — распознавание модальностей. Она прибавила к этому все то, чего не говорилось в Кодексе: например, то, что лиадийское общество построено строго — угу, и в нем действуют официальные правила, конечно. И все эти красивые фразы, модальности и жесты — это оружие, которым ты пользуешься для того, чтобы выжить в бесконечной, жестокой конкуренции. Меланти и счеты. Есть лицо или оно потеряно. И тут тель-Вости, который всю свою жизнь варился в этой вежливой закулисной борьбе, адресует ей нестандартное приветствие в присутствии Делма и всего клана! Он же ее дразнит, вот что! Испытывает ее, чтобы проверить, что она станет делать.

Она поклонилась, рассчитав движение до миллиметра и доли секунды.

— Милорд тель-Вости! — Она выбрала в высоком лиадийском модальность равенства. Это опиралось на меланти Вал Кона, но было не страшно: он был Тоделмом, как и тель-Вости, и все

присутствующие слышали от Делма, что она — спутница жизни Тоделма. — Я вижу вас с удовольствием, слышу вас с пониманием и признаю вас с трепетом.

Карие глаза одобрительно блеснули, но лицо осталось вежливой маской. Невозможно понять, набрала ли она очки. Мири решила, что нет. Однако скорее всего она их и не потеряла. А равный результат — это нормально. Тель-Вости сам это сказал, когда говорил о дяде Вал Кона. У нее в голове узор Вал Кона оставался неизменным, непроницаемым, словно тайный знак вселенной.

Делм шагнула вперед, махнув тыльной стороной кисти в сторону Тоделма Тайазан.

— Ваша троюродная сестра Бендара, дочь вашего покойного двоюродного дяди Сел Мета Тайазана.

Морковноволосая слегка поклонилась — это было больше похоже на кивок.

— Очень рада, сестрица Мири.

Мири ответила на поклон:

— Очень рада, сестрица Бендара.

Выпрямляясь, она ощутила, что стоящий рядом Вал Кон едва заметно изменил позу. Мири скопировала жест Делма, чтобы направить внимание Бендары в его сторону.

— Спутник жизни, Вал Кон йос-Фелиум.

Бендара снова поклонилась, чуть ниже, чем требовало равенство их положения: как будто у Вал Кона стаж побольше.

— Очень рада, милорд йос-Фелиум.

— Очень рад, миледи Тайазан.

Его голос звучал, как всегда, мягко. Его поклона она не видела.

Делм снова взмахнула рукой, привлекая внимание Мири, на этот раз, чтобы представить немолодого мужчину с агрессивно-рыжей шевелюрой и тяжелыми веками, полуприкрывшими серые глаза.

— Ваш кузен Дил Нем, сын вашего покойного дяди Керна Тайазана.

Опять обмен кивками и официальными фразами — и переадресовка Вал Кону.

— Ваша двоюродная племянница Илвин, дочь вашего кузена Джен Сара Тайазана, отсутствующего по делам клана.

— Ваш родственник Кол Вус...

— Ваша родственница...

После первой дюжины Мири потеряла им счет и, наверное, перезабыла половину имен. От множества спокойных вежливых

лиц у нее начала болеть голова и отчаянно захотелось хлебнуть кинака. Стиснув зубы, она отвесила родственный поклон тель-Вости, чтоб он лопнул.

— Ваш дядя, Вин Ден тель-Вости, сын Ранды Тайазан и Пел Джима тель-Вости.

После него снова началась неясная сумятица имен и лиц. В следующий раз она четко заметила последнего из родичей.

— Ваша троюродная племянница Элис, дочь вашей троюродной сестры Макины Тайазан, которой сейчас нет на планете.

Та самая Элис, которая «вполне подойдет», но никогда не сравняется с Киа Тайазан. Элис, которую собирались предложить Вал Кону для заключения брачного контракта, когда она вырастет.

Она очень серьезно поклонилась Мири и выпрямилась во весь свой рост, едва составивший метр: кудрявые рыжеватые волосы, безжалостно приглаженные тремя тяжелыми гребнями. В карих глазах светилось что-то кроме любопытства или даже дружелюбия — и у Мири перехватило дыхание. Ей иногда приходилось видеть такой взгляд у новобранцев, которые вообразили, будто влюбились в командира.

— Сестрица Мири, — пропищала девочка, — я счастлива вас видеть.

О дьявольщина! Мало ей проблем — в нее еще впилась эта маленькая фея! Мири ответила на ее поклон с подобающим достоинством.

— Сестрица Элис, я счастлива вас видеть.

Она махнула тыльной стороной ладони в сторону Вал Кона и в последний раз повторила надоевшую формулировку, передавая девчушку дальше. Выпить хотелось смертельно. Она подняла глаза — и поймала на себе почти одобрительный взгляд наблюдавшей за ней Эмрит Тайазан.

— Все прошло подобающим образом, — объявила старая дама. — А теперь мы идем к столу. Вин Ден, будь любезен проводить меня.

Тель-Вости шагнул вперед, предлагая ей согнутую в локте руку. Она оперлась на нее и позволила ему увести ее через зал к двери в противоположной стене. Толпа рыжих расступилась, пропуская их, но никто не пошел следом.

— За ними идем мы, шатрез, — тихо проговорил Вал Кон рядом с ее ухом. — Ты справилась просто великолепно.

— Тебе-то легко говорить! — проворчала она. — А я бы предпочла заплатить за обед пением. Однозначно.

* * *

— Мне нужно выпить.

Мири привалилась к стене сразу за дверью их апартаментов и, закрыв глаза, наслаждалась ароматной темнотой. Обед был просто ужасным. Ее прибор содержал целый арсенал вилок, щипчиков, ложек и ножей, причем каждый предмет, как она узнала из неумолимых гипноуроков, имел совершенно определенное назначение. Она чуть голову себе не сломала в ожидании первой перемены блюд: пыталась вспомнить длинный список блюд, с которыми можно и должно расправляться каждым предметом.

А потом подали первую перемену, и ее прошиб холодный пот: мимо нее проходили совершенно неподдающиеся опознанию яства. Она успела заметить, что выбрал Вал Кон, взяла немножко и медленно ела, пытаясь вести светскую беседу с женщиной, сидевшей слева от нее. К вину она вообще не прикасалась, опасаясь даже немного замутнить разум в присутствии новых родичей, которые наблюдали за ней и вели счет.

— Выпить! — твердо повторила она. — И побольше.

— Конечно, — пробормотал Вал Кон у ее уха. Он взял ее за локоть. — Идем сядем на диван, шатрез. Вот так. Красного вина? Белого? Нефритового? Канарского? И, думаю... да, вот и мисравот, если ты предпочитаешь его...

Мири вздохнула, откинулась на спинку дивана и наконец открыла глаза. Вал Кон включил слабое освещение: на потолке зажглись световые точки, похожие на звезды. Ковер блестел, как свежевыпавший снег.

— Я же не разбираюсь в винах! Выбери сам.

— Ладно, — согласился он, наливая бледно-зеленое вино в две хрустальные чашечки.

Он принес чашечки с вином к дивану, вручил ей одну и поднял одну в тосте.

— За леди йос-Фелиум, мою любимую.

Она рассмеялась и покачала головой.

— А почему не за лорда йос-Фелиума?

— Лорд йос-Фелиум не выказал отваги и держался не более как посредственно. — Он погладил ее по щеке. — Мири, ты настоящее сокровище.

— Тебе виднее, — с сомнением проговорила она, отпив немного вина. — Сама я считаю, что нужно немало смелости, чтобы так довериться человеку, который даже не знает, какую вилку взять... — Покачав головой, она уточнила: — Который знал бы, какую вилку взять, если бы догадывался, что за еду подали!

— О! А я-то гадал, почему ты так мало ешь... — Вал Кон склонил голову набок. — Ты не должна этим тяготиться, — мягко проговорил он. — Тебе кажется, что мое меланти настолько хрупкое, что разлетится вдребезги от твоей самомалейшей ошибки. Напротив, оно обладает... устойчивостью... и достаточной прочностью, чтобы выдержать, даже если моя спутница жизни ошибется в выборе вилки — или даже возьмет вилку вместо щипчиков!

Он пригубил вино и совершенно серьезно продолжил:

— Во всех важных вопросах — в том, как ты держалась с Делмом и главой твоего рода, в твоем ответе тель-Вости — ты была безупречна. Если в менее важных вещах ты ошибешься или просто сочтешь нужным не обращать внимания на Кодекс, то это... пустяк. Люди просто скажут — если вообще что-то скажут: «О, она — оригинал!» Что совсем не плохо.

— Оригинал?

Мири нахмурилась и покачала головой.

Вал Кон вздохнул.

— Это — одна из причин, по которой я настаивал, чтобы ты выучила Кодекс по учебным материалам, а не с моих слов, — медленно проговорил он. — Каждый человек берет Кодекс и... видоизменяет его в соответствии с собственным характером и необходимостями. К примеру, я, возможно, слишком многое перенял от моего дяди (или, если верить Шану, просто выучился слишком рано), поэтому обычно держусь холодно и чрезвычайно пунктуально.

Он снова выпил немного вина, задумчиво хмуря брови.

— Шан — оригинал, — пробормотал он. — Манеры у него ужасающие, но поведение приятно. Антора следует его примеру. Пат Рин держится безупречно, но непринужденно, так что эта безупречность кажется естественно связанной с его меланти. Нова... — Тут он покачал головой и чуть печально улыбнулся. — Мне случилось подслушать, как кто-то сказал, что предпочел бы встретиться с разгневанным лир-котом, чем с Новой и со мной, когда мы приветствуем гостей.

Мири рассмеялась.

Вал Кон наклонился к ней и поцеловал в губы.

— М-м... — сказала она, ощутив сладкую дрожь, когда его теплые умные пальцы скользнули вдоль ее шеи.

— Ты находишь меня чересчур лиадийцем, Мири?

Хрипловатый голос Вал Кона звучал у самого ее уха, его мягкая щека прижималась к ее щеке.

Она вдохнула его запах, а потом протяжно, со стоном, выдохнула, охваченная волной желания.

— Твой наряд меня смутил, — пробормотала она. — Почему бы тебе его не снять?

Он тихо засмеялся, взял у нее вино и повернулся, чтобы поставить чашечки на столик. Вес его тела заставил ее глубже погрузиться в диванные подушки. А потом его губы снова вернулись, захватив все ее внимание. Тем временем его руки ласкали ее и дразнили — а потом нашли застежки платья и расстегнули их.

Она попробовала ответить ему такой же услугой, потянувшись к шнуровке тонкой белой рубашки, но он уклонился, обездвижив ее почти до полной беспомощности. Платье он спустил с ее плеч, покрывая поцелуями ее горло, грудь, живот...

С платьем было покончено. Мири снова подняла руки, чтобы избавить его от рубашки. Ей до боли хотелось прижаться к нему кожа к коже — но он снова удержал ее, чуть задыхаясь, но смеясь.

— Ах! Не надо так жадничать, шатрез...

Его губы и руки снова полностью завладели ее вниманием. Мягкая ткань рубашки и брюк прикасалась к ее нагому телу, то волнуя, то пробуждая досаду.

В какой-то момент он взял ее на руки и перенес на высокую огромную кровать, а потом исчез на секунду, вернувшись с целой охапкой постельных цветов.

И со смехом засыпал ее этими цветами, а потом размял один пальцами, покрыв благоуханным соком ее грудь. Мири дрожала, смеялась и выгибалась, а потом притянула его к себе, шутливо обозначив боевой прием. Ее переполняло желание, которое подпитывал цветочный запах.

Он рассмеялся. Его губы и пальцы продолжали дразнить ее. Но он позволил ей снять с него рубашку — а потом вдруг позволил все, отбросив доминирующую роль. Она покусывала, целовала и гладила — и цветы сминались, источая свой соблазнительный аромат.

Мири лежала у него на груди, дразня его, двигаясь почти лениво, борясь с понуканием цветов. Вал Кон полузакрыл глаза и его лицо размякло от желания, а ласки стали настойчивее. Но теперь командование перешло от него к ней. Она потерлась об него, ощутила, как приподнялись его бедра, и со смехом поцеловала его в ухо.

— Жадничаешь, Вал Кон...

Он то ли засмеялся, то ли тихо застонал:

— Мири...

Она закрыла глаза и сосредоточилась на том, как она его ощущает: на его тепле, на том, как их тела подходят друг к другу, на едва сдерживаемой страсти, которая скоро получит свободу.

Она посмотрела на его узор в своем сознании.

И — потянулась, очень осторожно, чтобы погладить его, подышать на него... поцеловать его... любить, и хотеть, и...

Вал Кон внезапно замер. Мири открыла глаза.

— Шатрез... — Он прикоснулся к ее лицу. Глаза у него были широко открыты и в них отражалось потрясение, словно его неожиданно разбудили. — Мири, что ты делаешь?

Она пришурилась на него, продолжая ласково прижимать его узор — его квинтэссенцию — к себе, ощущая, как из ее сердца потоком течет любовь, возвращаясь обратно обогащенной и преумноженной.

— Люблю тебя, — с трудом проговорила она. Растерянность, которую она увидела в его глазах, начала отражаться в его узоре. — Мне перестать?

— Нет! — Его руки судорожно сжались у нее на талии, и он перевернулся, опрокинув ее в смятые цветы, приподнявшись над ней в страстном желании. — Не надо! Никогда не переставай.

И тогда были только их тела, и страсть, и цветы — и, наконец, два одновременных вскрика потрясенной радости.

Они все еще обнимали друг друга, когда таймер выключил в комнате свет. Оба крепко спали.

«Исполнение долга»
На орбите

— Еще раз! — приказала первый помощник Присцилла Мендоса. — Процедура двенадцать. Начали!

Пилот в спасательной шлюпке ввел нужную команду. Снаружи повернулись башни с лазерами: направо, налево, вверх, вниз, вытянулись и снова втянулись под защитный экран.

— Великолепно! — объявила Присцилла. — Отключай, Сет. Все в порядке.

Маленький корабль послушно отключил все системы, и пилот вышел из кабины, с шумом захлопнув люк.

— Последняя! — сказал он. — Пора выступать против иностранцев.

Присцилла изумленно воззрилась на него: высокий, некрасивый, молчаливый Сет преспокойно установил лазерные пушки на спасательные шлюпки!

— По-твоему, именно это мы собираемся делать? — спросила она. — Начинать войну с Икстрангом?

Сет пожал плечами и нагнулся за чемоданчиком с инструментами.

— Не могу придумать, кто бы еще стал стрелять в спасательные шлюпки, — хладнокровно заметил он. — Земляне не будут. Лиадийцы не будут: чтобы они — да платили жуткие суммы компенсаций? — Он улыбнулся неожиданно белозубой и широкой улыбкой, странной на его узком крысином лице. — Я еще не встречал лиадийца, который был бы таким психом, чтобы пойти на верное разорение.

Присцилла ответно улыбнулась и повесила на плечо собственную сумку с инструментами.

— Так что методом исключений ты пришел к выводу, что это будут икстранцы?

— Кажется логичным, — ответил Сет, неспешно шагая рядом с ней по подсобному коридору, ведущему к четвертому причальному узлу. — Либо так, либо Шану просто понадобился тайный козырь. — Он пожал плечами. — На моей памяти Шан не сыграл ни одной неудачной партии в том, что касалось корабля. Я и тут останусь с ним.

Присцилла остановилась и посмотрела ему прямо в глаза — тускло-карие и довольно маленькие. Ее способности Целительницы сосредоточились на всех оттенках его эмоционального состояния.

— Сет, это не икстранцы. Но опасность может оказаться очень серьезной. Это — люди, которые способны наплевать на все счеты и стрелять по спасательным шлюпкам. Мы не уверены, что они это сделают, но отнюдь не убеждены в том, что не сделают. — Она помолчала и следующие слова произнесла очень веско, стараясь вызвать в нем эмоциональный резонанс: — Ты должен быть абсолютно уверен в своем выборе, Сет. У тебя еще есть возможность улететь на планету, и никто тебя винить не будет.

Он смотрел в ее глаза, наполовину погрузившись в транс.

— Шан нашел меня в захолустном притоне, — произнес он так тихо, что Присцилле пришлось напрягать слух. — Я едва сводил концы с концами, водил каботажные рудовозы и мусоровозы. Слишком много пил, слишком много курил. Вся моя семья погибла во время икстранского налета: жена, дети, родители. Наверное, я рехнулся. Но в конце концов пришел в себя: без денег,

без работы, без друзей. Шану нужны были пилоты. «Мне всегда нужен хороший пилот», — сказал он. Боги, я как сейчас вижу, как он зашел в тот притон: худой, еще совсем мальчишка. Ему было лет шестнадцать—семнадцать, но сделки он уже заключал профессионально. Эти белые волосы, мальчишеское лицо и эти глаза! Никогда не видел таких глаз...

Сет моргнул, тряхнул головой — и Присцилла вывела его из транса. Сет вздохнул.

— Шан меня оттуда вытащил — вытащил из всего этого. Дал мне шанс. «Мой человек, — вот что он сказал охраннику в порту. — Это мой человек, сударь, и он нужен на посту».

Сет отрывисто кивнул и, повернувшись, упрямо зашагал по коридору.

— Будь это икстранцы или еще что похуже, — проговорил он, когда Присцилла его догнала, — я думаю, что смогу остаться на посту.

Когда Присцилла вошла в кабинет капитана, Шан поднял голову, слабо улыбнулся и снова стал смотреть на экран. Присцилла прошла к бару и налила две рюмки вина: ему — красного, себе — белого. Рюмки она отнесла к письменному столу, уселась в кресло напротив и стала ждать, держа в руках свою рюмку и погрузившись в несложное упражнение, рассчитанное на восстановление спокойствия.

— Спасибо, Присцилла.

Шан взял предназначенную ему рюмку, поднял ее в ироническом приветствии и сделал хороший глоток.

— Не за что, — пробормотала она, читая на его лице тревогу и усталость, которые не могло скрыть нервное возбуждение. — Первый помощник докладывает, что все спасательные шлюпки вооружены. Конечно, надо еще провести полевые испытания, но все системы работают нормально. — Она отпила немного вина. — Сет Джонсон решил остаться со своим капитаном.

Шан вздохнул.

— Сет Джонсон — сентиментальный дурень, — сказал он и кивнул в сторону экрана. — Карты совпали.

— Так быстро?

— Удивительно, правда? Когда в галактике существует такое множество генетических карт! — Он устало улыбнулся. — Я прислушался к тому, что мне подсказала интуиция: на свидетельстве о рождении сержанта Робертсон была пометка «имеется мутация в рамках допустимого». Помнишь?

Она кивнула.

— Ты решил, что это означает наличие лиадийской крови.

— И моя догадка подтвердилась: говорил же я тебе, Присцилла, что не случайно стал мастер-купцом! Хотя, казалось бы, разведчик мог бы сообщить больше подробностей... Но я отвлекся. Как необычно! — Он сделал еще глоток вина и указал рюмкой на экран. — Генная карта Мири Робертсон указывает на ее принадлежность к роду Тайазан.

Он выжидательно взглянул на Присциллу.

Она пила вино в уверенности, что храмовое обучение вооружило ее достаточным терпением, чтобы переждать редкую для Шана паузу.

— Ты меня разочаровала. Неужели тебе совершенно не хочется узнать, кто такие, к черту, эти Тайазан и где мы должны встретиться с моим несчастным братцем?

— Но я не сомневалась в том, что ты собирался мне это сказать.

— Ты меня обижаешь, Присцилла. Не понимаю, почему я выбрал тебя в спутницы жизни.

— Потому что я не мешаю тебе говорить столько, сколько ты пожелаешь.

— Правда? Как странно! Особенно когда у меня создалось впечатление, будто я говорю меньше, чем когда бы то ни было. Но я вижу, что ты сгораешь от нетерпения, и спешу дать объяснения.

Шан картинно отставил рюмку в сторону и сел прямее. Из рисунка его эмоций исчез мягкий юмор.

— Тайазан — это главный род Клана Эроб, — сообщил он. — Он располагается на Литаксине. Так что для того, чтобы в соответствии с указаниями моего брата и будущего Делма отправиться к родне Мири, нам достаточно взять курс на Литаксин. Все очень просто, как только получаешь нужную информацию. Что меня удивило сильнее всего, так это то, что впервые в своей жизни Вал Кон, похоже, поступил именно так, как ему положено.

Присцилла недоуменно моргнула.

— Правда?

— Вот я и говорю, что меня это удивляет. Хотя будем справедливыми: Вал Кон часто поступает так, как ему положено. Конечно, не менее часто он поступает так, как ему заблагорассудится. Полагаю, что тут существует какая-то продуманная закономерность, которая точно рассчитана так, чтобы выглядеть непредсказуемой. В один прекрасный день, когда мне совершенно нечем будет заняться, я введу все параметры в тактические компьютеры

и посмотрю, что они мне выдадут. Но не будем отвлекаться! Эроб — самый давний союзник Клана Корвал. В семейных дневниках упоминается Рул Тайазан и его спутница жизни: они стояли во главе драмлиз и решили эвакуироваться с Древнего Мира на корабле, которым управляла Кантра йос-Фелиум.

Присцилла позволила себе усомниться, и Шан кивнул.

— Видишь ли, Рул Тайазан читал удачу — и удача направила его к Кантре йос-Фелиум.

— Значит, Рул Тайазан был настоящим колдуном, — пробормотала Присцилла. — Он мог Провидеть.

— Очевидно, да: «Быстрое исполнение» и его пассажиры в конце концов благополучно добрались до Лиад.

— И с тех пор, как корабль прилетел на Лиад, Кланы Корвал и Эроб были союзниками?

— На самом деле даже дольше, — ответил Шан. — В вахтенном журнале Кантры записано, что она и Джела — он был ее напарником до того, как она соединилась с досточтимым предком йос-Галаном — были знакомы с Рулом Тайазаном и его супругой еще до эвакуации. Если уж на то пошло (не забывай, что я обещал удивить тебя, Присцилла!), наши кланы не просто союзники. Нас правильнее назвать родственниками или наполовину кланом. Слово-то какое, а? Со времен посадки на Лиад Тайазан и Корвал придерживаются правила — вернее даже, договора, должным образом подписанного и удостоверенного, — в соответствии с которым каждые три поколения заключается брачный контракт, и ребенок от него в обязательном порядке отходит то в Клан Эроб, то в Клан Корвал, то в Эроб, то в Корвал...

Присцилла нахмурилась.

— Ты сказал: Тайазан и Корвал...

— Сказал, и так оно и было. Корвал предоставляет равное количество от йос-Фелиумов и йос-Галанов, а вот Эроб, похоже, всегда предоставляет партнера от Тайазан, а не от второго рода. Как бы то ни было, по распорядку брачный контракт приходился на это поколение. В прошлый раз в нем участвовал йос-Галан, а ребенок отошел к Клану Корвал.

— И Вал Кон все это знал? — спросила Присцилла.

Шан пожал плечами и снова взял рюмку.

— А вот это уже другой вопрос. Если у него не отшибло мозги, то он не может не помнить о нашей долгой связи с Кланом Эроб. То, что обязателен брачный контракт и должен быть направлен йос-Фелиум... Сомневаюсь, чтобы он знал это. Я сам это узнал только потому, что, когда я временно исполнял обязанности Пер-

вого представителя, то получил письмо от двоюродной прапрабабки Уэйр йос-Фелиум, написанное сто десять лет тому назад. — Он вздохнул. — Я его снова отправил в будущее, в тридцать пятый день рождения Вал Кона: головоломку, которую ему надо будет решить в тот день, когда он станет Делмом.

— Но Мири Робертсон принадлежит к роду Тайазан, и они с Вал Коном — спутники жизни...

Шан кивнул.

— Ребенок от брачного контракта отошел бы к Клану Эроб. Но дети спутников жизни становятся членами того клана, который примет обоих супругов...

— А Вал Кон не поменяет Корвал на другой клан.

Она произнесла это полувопросительным тоном, и Шан ответил с непривычной серьезностью:

— Вал Кон — Глава клана, ему предстоит стать Делмом. Он не может покинуть клан. И не существует такого клана, который бы его принял. — Он вздохнул. — Представители Клана Корвал пользуются определенной... репутацией. Даже среди наших союзников.

Шан мрачно уставился в остатки вина, потом вдруг встряхнулся и адресовал ей смущенную улыбку.

— День выдался длинный, Присцилла. Не пойдешь со мной подремать?

— Конечно. — Она грациозно встала, несмотря на усталость, от которой щипало глаза и сводило болью позвоночник. — На вахте Кен Рик, а если появятся проблемы, он нам сообщит.

— Великолепно, — пробормотал Шан и посторонился, пропуская ее в их личные комнаты. — Знаешь, Присцилла, мне всегда хотелось стать капитаном военного корабля. Напомни мне хорошенько встряхнуть моего милого братца, когда мы его наконец догоним.

— Да, дорогой, — безмятежно пообещала она и ласково его обняла.

Литаксин
Дом Клана Эроб

Вал Кон сыграл последнюю ноту, подержал ее и посмотрел на Элис Тайазан, стоявшую наготове около аудиосистемы. Он кивнул, и она нажала кнопку, закончив запись. Вал Кон убрал руки с клавиатуры и улыбнулся.

— Благодарю вас, мисс Элис. Вы оказали мне неоценимую помощь.

— Вы очень добры, что так говорите, — отозвалась она очень благопристойно для девицы почти десяти лет по стандартному календарю, а потом улыбнулась, показав ямочки на щеках. — Но, знаете, было лучше записывать со мной, а не с Кол Вусом. Он всегда так суетится!

— Тогда мне вдвойне повезло, что я встретил вас, — очень серьезно ответил Вал Кон, прикасаясь к энергетической пластине омнихоры. — Как вы считаете, не прослушать ли нам запись? Не годится мне давать Кол Вусу некачественную запись, когда он так любезно согласился пойти мне навстречу.

— Но он же был должен? — проговорила Элис с детской прямотой. — В конце концов, вы же из Клана Корвал!

— Безусловно. Но при этом я — гость вашего дома. Умоляю вас — позвольте мне проявить хоть какую-то воспитанность!

Это заставило ее рассыпаться мелодичным смехом. А потом она секунду смотрела на него уже совсем серьезно. Он подумал, что это внимательное личико очень похоже на то, какое было у Мири в десять лет.

— По-моему, вы ничуть не страшный! — наконец объявила она.

Вал Кон склонил голову.

— Вы очень меня успокоили.

— А теперь вы говорите точь-в-точь как дядя Вин Ден, — сурово объявила Элис и, наклонившись к аудиоустановке, нажала последовательность из трех кнопок.

Из крошечной установки полилась мелодия, наполнив комнату до потолка.

Пьеса называлась «Токката и фуга ре-минор», а написал ее за много лет до того, как земляне достигли звезд, некий человек по имени Иоганн Себастьян Бах. Это было любимое музыкальное произведение Энн Дэвис, и чтобы достигнуть нужной цели, Вал Кон постарался исполнить его, точно придерживаясь ее стиля.

Роль радиотехника клана Кол Вуса Тайазана должна была заключаться в том, чтобы переписать эту короткую запись на маяки, окружавшие Литаксин. Вал Кон решил, что полутора минут хватит, чтобы Шан смог узнать любимую пьесу матери и увидеть в ней подтверждение, что Вал Кон ждет его на поверхности планеты.

Музыкальный фрагмент закончился ровно через полторы минуты, и Вал Кон снова уважительно кивнул.

— Полагаю, эта запись вполне соответствует цели. Могу я еще немного побеспокоить вас, мисс Элис?

— Вы хотите, чтобы я отнесла запись Кол Вусу? — спросила она, вставая и вешая аудиоустановку себе на плечо. — Это меня не затруднит. Мне все равно надо пройти мимо рубки по дороге к наставнику. — Она немного помялась. — Вы очень хорошо играете. Мне было бы приятно послушать еще, если это получится, пока вы будете у нас гостить.

Его игра на омнихоре была даром божьим, отточенным многими годами занятий. Он легко мог стать мастер-музыкантом — «маэстро», выражаясь словами Энн, которая первая научила его играть гаммы. Но он принадлежал Клану Корвал: главными в его жизни стали иные страсти.

Он улыбнулся стоявшему перед ним ребенку: копна оранжевых кудряшек, умненькие карие глаза.

— Я сочту за честь играть для вас, мисс Элис. Вам достаточно только выбрать время.

Она склонила голову набок, судя по всему, справляясь с мысленным расписанием.

— Завтра? — предложила она наконец. — Перед Первым часом?

— Договорились, и спасибо вам, — серьезно сказал он и поклонился, как человек, принимающий драгоценный дар.

Вопреки его ожиданиям, это не заставило ее захихикать. Она вполне благопристойно ответила на его поклон и идеально правильно проговорила:

— Это вам спасибо.

После этого она выпрямилась, поправила лямку на плече и улыбнулась.

— Мне пора идти, иначе наставник скажет тете Эмрит, что я снова опоздала.

— Пожалуйста, не допустите, чтобы я стал причиной столь неприятных событий в вашем Доме, — сказал Вал Кон.

На этот раз она все-таки захихикала. Закрывшаяся за ней дверь заглушила звук ее смеха.

Он остался стоять в музыкальном салоне, размышляя, чем заняться дальше. Мири уединилась с Историком Клана Эроб, подробно рассказывая о жизнях Мири-экликти и Каталины Тайазан. Это интервью обещало как оказаться долгим, так и испортить спутнице его жизни настроение.

Его долг, очевидно, требовал разговора с Кланом Эроб. Вежливость требует, чтобы Делму старейшего союзника Клана Корвал были даны объяснения, и все же...

Кончики пальцев покалывало от неутоленной жажды игры, которую пробудила запись для маяков. Он ведь может потратить десять минут, чтобы дать свободу накопившейся в нем музыке?

Медленно, зная, что долг зовет его отсюда, однако не находя в себе сил противиться зову первоклассного инструмента, установленного в помещении, идеально подходящем для его уникального тембра, он направился к омнихоре, сел на табурет и прикоснулся к энергетической пластине.

Стена, на которую он смотрел поверх омнихоры, целиком состояла из зеркал.

Вал Кон вздохнул, вспомнив отвращение, отразившееся накануне вечером на нескольких лицах, — и это несмотря на то что к гостю положено относиться вежливо! Возможно, ему следовало принять намек тель-Вости и убрать шрам.

Однако шрам был оставлен с определенной целью: он мог задать автоврачу программу стереть этот шрам в любой момент полета от Вандара. Он счел нужным его оставить, как постоянное и порой болезненное напоминание о том, во что обходится глупость.

«Это не больше, чем вы запросили, молодой сэр». В его сознании прозвучал сухой укор дяди Эр Тома, и он слабо улыбнулся, соглашаясь с ним.

Было бы совсем другое дело, решил он, машинально настраивая мощность звука и частоты, если бы рана не зажила или если бы спутница жизни возражала против уродства. Но рана зажила без осложнений, как он и сказал тель-Вости, а Мири не возражала.

«Нет необходимости, — проинструктировал его из воспоминаний дядя Эр Том, — заботиться о спокойствии не-родни. Клан Корвал руководствуется своими необходимостями. Пусть другие сами думают о своем меланти».

— Да, дядя, — прошептал он и, положив руки на клавиатуру, тихо сыграл спокойную и логичную музыкальную тему своего дяди, много лет назад сочиненную мальчиком Вал Коном.

Его слух уловил в этой теме возможность развития, и он заиграл почти бессознательно, не мешая пальцам находить повороты мелодии.

«Пусть другие сами думают о своем меланти». Это был старый урок — один из самых первых. Человек сосредоточивает свои заботы рядом: на клане, на слугах, на родне...

Пальцы Вал Кона споткнулись на полуфразе.

Шан будет здесь — скоро.

Шан — его чалекет, брат его сердца. Шану шрам может быть неприятен. По правде говоря, Шану могут быть неприятны и многие другие вещи — эти вещи расстроят человека, который помогал расти зеленоглазому приемышу. Они обязательно расстроят Целителя, способного увидеть, что сейчас творится в душе этого приемыша.

Департамент Внутренних Дел... Департамент Внутренних Дел нанес немалый ущерб, отрезал воспоминания, украл дом, любовь, музыку, мать...

«Наша мать, — сказал голос Шана из давно ушедших лет. — Твоя мать умерла, но я могу поделиться своей, хорошо?»

Наша мать... Энн Дэвис: каштановые волосы, веселые темные глаза, ловкие руки, пахнущие кожей переплетов и цветами, широкобедрая и пышногрудая, как большинство землянок. Полная смеха и огня, у которой более чем хватало любви на всех детей дома: на троих собственных и ребенка чалекета ее мужа. Она научила его играть на омнихоре, учила алфавиту — земному и торговому, утирала слезы, утешала в детских обидах и юношеских бедах, щедро раздавала наказания и поцелуи, радовалась с ним, когда его приняли в Академию Разведки...

А Департамент Внутренних Дел ее украл.

«Моя родственница»... Он вспомнил, как звучал его голос, когда он упомянул ее Мири — Мири, которую он чуть было не потерял, боги! — настороженную и недоверчивую Мири, и у нее были для этого все основания. «Моя родственница»! Он упомянул о ней без всякого чувства, даже не вспомнив, как сейчас, большие теплые руки, которые ложились на его кисти, ставя маленькие пальцы на клавиши.

Его правая рука сыграла основную гамму, а левая поменяла регистры. А потом обе руки замерли над клавиатурой — и одновременно опустились, уверенно и решительно заиграв «Токкату».

Как и все великие музыкальные произведения, она разрешала многое, давала бесконечные возможности для вариаций. И одной из ее величайших радостей были уроки, которые можно было получить от собственных пальцев. Но их мать любила «Токкату», и ради нее самой, и сейчас он играл ее именно так, как сыграл ее для Шана. И в это время его воспоминания, которые намеренно изменили его враги, подавив, искорежив и сделав странными и даже отталкивающими, вырвались на свободу, выровнялись и тронули его сердце, так что он закрыл глаза и отдался музыке и воспоминаниям и даже не заметил, что плачет.

Музыка подошла к естественному концу — как то бывает свойственно музыке, — и его пальцы замерли на клавишах. Спустя секунду он заметил, что теперь он в музыкальном салоне не один. Он открыл глаза.

— Привет! — сказала Мири, устроившаяся на высоком табурете для слушателей. Сегодня она заплела волосы: в зеркале он увидел длинную медную косу, сверкающую у нее за спиной. На ней была рубашка теплого желтого цвета и мягкие брюки цвета любимого вина Шана: подобающий наряд для долгой встречи с историком клана. Она подалась вперед, пристально вглядываясь в его лицо. — Ты в порядке?

— Кажется. — Он глубоко вздохнул и улыбнулся. — Да.

— Хорошо. — Она поерзала на табуретке. — Пришла сказать тебе, что получила перерыв в этих бесконечных вопросах и ответах. Историк сказал, что продолжит после ленча. Ну уж нет: у меня и так голова раскалывается из-за того, что пришлось вспоминать то, что происходило, когда мне было три года. Еще вчера я клятвенно заверяла бы, что ничего об этом не знаю.

Она резко встала.

— Я собираюсь пойти в лагерь наемников и попробовать найти кого-нибудь из «Гирфалька». Может, Джейса.

Мири начала кусать губу. Вал Кон прислушался к ее мелодии, звучавшей в его сознании, и услышал ноты усталости и грусти.

— Я знаю, что ты не в восторге от Джейса, — говорила тем временем Мири, — и у тебя нет оснований любить ребят из отряда. Но здесь их, похоже, ценят... — Она снова покусала губу, и аккорды ее мелодии стали сильнее и чище. — Но ты можешь пойти со мной, если хочешь.

— Хочу, — ответил Вал Кон, выключая омнихору и вставая. Он улыбнулся Мири и с облегчением увидел, как ответная улыбка растопила в ее взгляде беспокойство. — Спасибо за приглашение.

— Как ты думаешь, когда твой брат сюда прилетит?

Вал Кон тихо засмеялся.

— Тебе так быстро надоели узы клана, Мири?

Она щурилась на яркое небо, словно надеясь увидеть там «Долг». При этих словах прищуренные глаза устремились на него.

— Это надо понимать так, что ты не знаешь, — догадалась она. — Похоже, это чтение мыслей оказывается не очень эффективным средством.

— Увы! Мне предложили воспользоваться узколучевой связью клана, так что на вопрос «когда» можно было бы получить

быстрый ответ. К сожалению, необходимо знать положение объекта, которому будет адресован луч, а у Шана в распоряжении вся галактика — и гиперпространство в придачу.

— Узколучевая связь стоит дорого, — заметила Мири.

— Эроб может решить, что это вполне уравновесило бы счеты.

— А, им так не терпится от нас избавиться? — Она с напускной суровостью покачала головой. — Да уж, лиадиец, ну и репутация у тебя среди твоих сограждан! А я еще боялась испортить тебе меланти!

Он рассмеялся и неожиданно отвесил ей поклон. Мири он показался приветствием меньшего большему.

— Разве я не говорил, что нас будет поддерживать твое собственное меланти?

Она ухмыльнулась, взяла его за руку — и они зашагали по душистой, нагретой солнцем траве.

— Дожидаясь историка, я немного поговорила с тель-Вости, — сообщила она, бросив ленивый взгляд на его лицо. — Он сказал, что очень хорошо знал твоего отца.

Его узор у нее в голове вспыхнул и закрутился туже.

— Похоже, весь Клан Эроб знал моего отца! — огрызнулся он.

— Что? — Она остановилась, заставив его повернуться, и всмотрелась в его лицо. — В этом есть что-то плохое?

Его узор вдруг запутался, и едкая боль разочарования судорогой свела ей живот. Отпустив его руку, она тихо вскрикнула от неожиданности.

— Мири! — Он обхватил ее за талию и бережно усадил на траву. — Шатрез, что случилось?

К вихрю его чувств примешалась еще и тревога. Вместе с болью и гневом она образовала опасную смесь.

— Ты делаешь мне больно! — с трудом выдавила она, закрыв глаза и пытаясь поймать его узор у себя в сознании. — Прекрати, босс! Твой узор...

Она похолодела от потрясения, и в следующую секунду оказалась в центре урагана красок: красный-оранжевый-желтый-зеленый-голубой-синий-фиолетовый... Радуга стремительно пронеслась мимо нее, и какое-то непонятное внутреннее чувство отметило, как дверь открывается — и закрывается.

И наступила тишина — внутри и снаружи.

— Боги! — Она судорожно вздохнула и позволила себе упасть вперед, уткнувшись лбом себе в колени. — Боги, боги, боги!

Снова выпрямившись, она открыла глаза.

Вал Кон сидел перед ней, скрестив ноги и положив ладони на колени.

— Боль прошла, Мири?

Его голос был таким же спокойным, как его узор.

— Прошла. — Она облизнула губы. — Что это было?

В его глазах отразилось недоумение.

— Я не имею никаких сведений. Если бы ты могла описать мне этот феномен, возможно, мы пришли бы к пониманию.

— Ладно. — Она нахмурилась. — Я сказала тебе, что тель-Вости знал твоего отца, и ты разозлился. Я поняла это по твоему узору: он весь как-то сжался. А когда я спросила тебя, чем это плохо, я вдруг пришла в ярость, почувствовала бессильную злость, словно я уже много лет бьюсь головой все об одну и ту же стенку, а она никак не поддается...

Мири со вздохом взяла его за руку и встревоженно заглянула ему в глаза.

— Похоже, я каким-то образом восприняла все это от тебя, — медленно добавила она. — Это не от узора мне было больно.

— А! — Он сжал ее пальцы. — И ты никогда раньше такого не испытывала?

— Нет... — Она чуть изменила позу, обдумывая его вопрос. — Но я никогда раньше не делала и такого, что сделала вчера, когда взяла и дотронулась до узора. Мне и в голову не приходило. Может, я... приобрела повышенную чувствительность, что ли...

После недолгого молчания он сказал:

— Или, может быть, Присцилла, которая у нас все-таки драмлиза, могла сделать... что-то, чтобы я обязательно услышал Шана.

Мири задумчиво моргала.

— В этом тоже что-то есть, правда? А ты не можешь определить... Ну конечно, не можешь!

— Я... ощущал твои отчаяние и безнадежность, тогда, на Ярмарке, — тихо сказал Вал Кон. — Но было совершенно ясно, что они исходят от тебя. Я не ощущал твои эмоции, как свои собственные.

Почувствовав в нем нечто, похожее на зависть, Мири тихо рассмеялась и ласково сжала его пальцы.

— Оно и к лучшему. Но ты заговорил об экстренной ситуации. Может, в этом и есть разгадка. С твоим отцом была связана какая-то экстренная ситуация?

Вал Кон вздохнул и, подняв руку, отбросил со лба прядь волос.

— Только такая, что он потерял свою спутницу жизни — мою мать — от руки наемного убийцы и, получив Совет Делма, оставил свой клан и своего наследника в руках своего брата Эр

Тома. Он улетел куда-то далеко, чтобы найти возможность свести счеты.

— И больше не давал о себе знать, — договорила за него Мири, качая головой. — Тель-Вости назвал это «гадким делом».

— Тель-Вости даже сам не подозревает, насколько он прав, — пробормотал Вал Кон. — Альтернативы, выяснившиеся во время Совета Делма, заключали в себе войну с Земной партией, нанявшей убийцу...

— Что было бы равносильно войне с Землей. — Мири нахмурилась. — Это была бы ошибка.

— Мой отец тоже так решил. Поэтому он выбрал второй вариант, не такой быстрый и надежный, но в случае успеха более плодотворный. — Он вздохнул. — По крайней мере так говорится в «Дневниках Клана Корвал». Сам план там не изложен.

Он отвел глаза, но потом снова встретился с ней взглядом.

— В соответствии с традицией, если человек не дает о себе знать в течение двенадцати лет, он считается умершим для клана и в качестве даты его смерти регистрируется дата бегства. В соответствии с традицией глава рода делает объявление о смерти и вносит соответствующую запись.

Мири прикоснулась к его щеке.

— Ты этого не сделал.

— Даав йос-Галан — экликти, — проговорил Вал Кон, легко поднимаясь на ноги и протягивая ей руку. — В настоящее время клан не имеет с ним контакта. Больше ничего в книгах Клана Корвал не значится.

Джейсон Кармоди шел по Восточной Линии — остров светловолосого спокойствия среди шумной, целеустремленной суеты, окружавшей его со всех сторон.

Время от времени Джейс сворачивал в сторону, чтобы поговорить то с одним человеком, то с другим. Пару раз он нырял в наполовину разобранные технические сооружения, чтобы проруководить каким-нибудь особо ответственным моментом, грозящим повредить оборудование. Уже завтра в это время Центральная станция наемников будет свернута до грунтовой площадки. А послезавтрашний рассвет увидит только вытоптанные лужайки и сеть синтасфальтовых дорожек, уже начавших превращаться в песок.

Джейс снова вынырнул на солнце и остановился. Техники и солдаты обтекали его рекой из пропыленных кожаных костюмов. Ни на что конкретно не глядя, он тихо поглаживал светлую бородку.

Если транспорт прибудет вовремя, то через восемь дней они будут на Фендоре. Такое случалось. Чаще, конечно, нет, но «Гирфальк» уже заключил следующий контракт, так что отряд обещал перевозчику немалую премию за своевременный прилет кораблей. Иногда это помогает. Тем временем Судзуки и административная группа уже улетели вести переговоры, оставив Джейсона, новобранцев и нижних чинов сворачивать лагерь и наводить порядок.

Джейс вздохнул и привел свое мощное тело в движение. Он двинулся вместе с потоком солдат по Восточной Линии до того места, где она пересекалась с Дорогой Командования. Там он свернул, направляясь к себе на квартиру.

— Джейс!

Донесшийся сзади оклик показался знакомым, но не вызвал мгновенной реакции. Джейс неохотно замедлил шаги, еще не решив, хочет ли он останавливаться.

— Джейс! — не замолкал голос. — Джейсон Кармоди!

Он снова вздохнул и повернулся, надеясь, что проблема не потребует от него слишком много времени. Вглядываясь в спешащую толпу, он пытался найти лицо, которое соответствовало бы окликнувшему его голосу.

— Джейсон!

Она стояла всего в четырех шагах от него: рыжеволосая лиадийка в желтой рубашке и винно-красных брюках, удобных сапожках, с кошелем на ремне. На первый взгляд, без пистолета. Заплетенные в косу волосы спускались ниже пояса без кобуры. У ее правого плеча стоял какой-то мужчина. Джейс бегло взглянул на него и определил, что это тоже лиадиец: шрам на правой щеке, темные волосы, без пистолета... Он поклонился окликнувшей его женщине.

— Да, сударыня, — вежливо проговорил он на торговом, безуспешно пытаясь вспомнить, кто она в Клане Эроб. — Чем я могу быть вам полезен?

Женщина изумленно моргнула, бросила быстрый взгляд на своего спутника и приблизилась еще на шаг. Что-то в ее манере двигаться вызвало искру более глубокого интереса, но когда он попытался поймать воспоминание, оно снова ускользнуло.

— Проклятие, что это с тобой, Джейсон? — спросила она на земном. — Сначала говоришь мне, что я могу вернуться, когда только пожелаю, а не проходит и года — так забываешь даже, как я выгляжу?

— Рыжик?

У Джейсона глаза на лоб полезли. Наконец-то в богато одетой незнакомке он узнал знакомое гибкое тело, умное лицо и темно-серые глаза. Он упал на колени, став всего на голову выше нее, и широко раскрыл ей объятия.

— Боги да благословят нас всех, милочка моя! — вскричал он. — Ну-ка иди, поцелуй Джейсона!

— Да, но послушай, милочка, — говорил Джейсон, щедро оделяя всех кинаком в относительно спокойной обстановке своей квартиры, — если вы с Крепким Парнем все равно собирались на Литаксин, то почему сразу с нами не полетели? Мы бы помогли вам сэкономить немало времени!

Мири слегка пожала плечом и ухмыльнулась своему напарнику, устроившемуся на подлокотнике ее кресла.

— Нам надо было сначала разобраться с одной небольшой проблемой.

— Небольшой, как же! — Джейс растянулся на пушистом ковре, заняв почти все свободное пространство пола. Он прислонился к деревянному комоду с тонкой ручной резьбой, сильно попорченной многочисленными переездами, и махнул ручищей в сторону Вал Кона. — У тебя ведь не было этого украшения на лице, когда мы в последний раз виделись?

Вал Кон устремил на него невозмутимые зеленые глаза.

— Не было.

— Вот уж не думал, что найдется что-то настолько быстрое, чтобы сделать тебе отметину, — не унимался Джейсон. — Полеста до сих пор не оправилась после того ласкового шлепка, который ты ей дал. Я только сегодня утром слышал, как она сказала «пожалуйста» младшему делопроизводителю. Так и в бога поверить можно.

Мири засмеялась.

— Из нее еще выйдет солдат. Как прошла кампания? Когда улетаете?

— Силы добра победили, — с удовлетворением отметил Джейс, — и наниматель не задержал плату. Получили мы все сполна, вот так-то, и должны отправиться уже завтра.

— Завтра?

Мири понурилась, и Вал Кон передвинулся так, чтобы прижаться к ней.

— Ну-ну, малышка, не горюй. Ты ведь знаешь пилотов-транспортников: зачем соглашаться на три рейса, когда предлагают шесть? Хотя бы два они сделают вовремя.

Она снова засмеялась, отпила немного кинака — и ее смех превратился в сдавленный вскрик.

— Немного не в форме, милочка?

Она ухитрилась ухмыльнуться и покачала головой.

— В последнее время пила вино. На Марисе живешь...

— ...пей что дают, — договорил за нее Джейс, делая огромный глоток кинака. — Да уж, что верно, то верно. Но что касается остального: ты же знаешь, что мы тебя не бросаем. Вступай в свой родной отряд — и на транспортном корабле для тебя найдется место. Мы с Судзуки по-прежнему хотим дать тебе лейтенантские нашивки...

— Угу, ну... — Она вздохнула, не решаясь посмотреть на Вал Кона. — Дело в том, что мы только вчера сюда прилетели, так что мне еще кое-что надо сделать, раз уж это мой клан и все такое прочее...

Джейсон замер, не донеся стакан до рта.

— Кто твой клан, Рыжик?

— Э-э... Люди из того дома.

— Что?! — Джейсон сел прямо, громко стукнув головой о выступающую крышку комода. — Из какого дома? Того большого? Из дома Клана Эроб?

Она неуверенно посмотрела на него.

— Ага.

Джейс хлопнул себя по колену.

— Так я и знал, что они в порядке! Та старая леди с кольцом: будь я проклят, если мне сразу не показалось, что я с ней знаком! — Тут до него внезапно дошло, что он услышал. — Так это твой клан, Рыжик? Да? Не твоего напарника?

— Мой клан, — негромко сообщил ему Вал Кон, — базируется на Лиад.

— Мой! — подтвердила Мири с полуулыбкой. — Последние новости, ужаснувшие всех, начиная с Делма — за исключением, пожалуй, Элис и тель-Вости.

— Генерала? Да, считай, что с родней тебе повезло. Генерал стоит четырех моих дядьев, даже если к нему в придачу дают ту старую даму! А юная Элис стреляет не хуже снайпера. И любому рядовому не помешало научиться у нее, как надо говорить «есть!».

Он снова привалился к комоду и глотнул кинака.

— Но ты так и не сказала, что поделывала, малышка: только что решала какую-то проблему.

— Ну-ка, дай вспомнить... Немного повздорила с Хунтавас — ну, это была их ошибка, конечно, — но теперь, похоже, дело уже

улажено. Провела немного времени... э-э... — тут она быстро посмотрела на Вал Кона, — ...без связи. Там тоже немного повоевали. Делала то, что поручали, немного пела и веселилась...

— Руководила обороной, превратившей вражеское вторжение в полный разгром, — продолжил негромкий голос Вал Кона, — без потерь среди местных сил. Выучила высокий и низкий лиадийский, освоила основные положения Лиадийского кодекса достойного поведения, начала изучать расчеты траектории и процедуры работы с управлением, добившись достаточных успехов, чтобы получить условную квалификацию пилота третьего класса.

Наступило короткое молчание, во время которого Мири пыталась решить, сломать Вал Кону руку или только челюсть. Потом Джейсон откашлялся.

— Правда? — Он встряхнул своей массивной головой. — Без дела не сидела, малышка. А я-то боялся, что ты от безделья попадешь в переделку.

Он посмотрел на Вал Кона.

— Ты пилот, да?

— Да, уровень мастера.

— И ты обучал Рыжика пилотировать. — Он секунду смотрел в дальний угол потолка, а потом снова перевел взгляд на Вал Кона. — Как мастер-пилот, оцени, какой класс сможет получить Рыжик?

Наступило короткое молчание.

— Второй класс — без труда, — ответил Вал Кон. — Если пожелает поработать побольше, то первый класс ей определенно по силам. Что касается мастера... — Он пожал плечами. — Пока говорить рано.

— Угу, — промычал Джейс, расправившись с остатками кинака. Во взгляде, обращенном на Мири, теперь читалось нечто вроде изумления. — Твой напарник говорит правду, дорогуша?

— Ага, — отозвалась она, бросая возмущенный взгляд на Вал Кона, который только выгнул бровь. — Ага, правду.

— Угу, — снова протянул Джейс. — Значит, можем предложить и капитанские нашивки. — Он предостерегающе поднял руку. — Конечно, Судзуки должна это подтвердить: ты правила знаешь. Научиться пилотировать, справиться с обоими вариантами лиадийского...

Он снова сел прямо, на этот раз осторожно вынырнув из-под крышки комода.

— Я знаю, что Крепкий Парень — твой напарник. Если хочешь с ним об этом поговорить, я могу обещать ему место пилота с чином, соответствующим его должности в...

Мири озорно улыбнулась.

— Он разведчик, — сказала она. Сидевший рядом Вал Кон резко поменял позу. — Командор-разведчик, первопроходец.

— Ох! — только и сказал Джейсон, а потом захохотал. — О себе ты не хвастаешь, да, сынок?

— Работа — она и есть работа, — ответил ему Вал Кон.

— Вот это точно! — Он снова засмеялся. — Командор-разведчик! Но, похоже, ты сейчас свободен, если мне позволено будет заметить. Если захочешь поработать пилотом или взять на себя еще что-то, отряд от этого только выиграет.

— Я...

Вал Кон замялся: он не мог не заметить внезапно появившуюся в мелодии Мири ноту безнадежного желания. Он заглянул ей в глаза.

— Надо вести обсуждение, — проговорил он, и она печально кивнула.

— Звучит заманчиво, — честно сказала она Джейсу. — И меня это манит. Но нам с ним все еще нужно кое-что уладить. Вы ведь отправитесь обратно на базу, да?

— Ненадолго. На подходе новый контракт, так что, возможно, придется прилететь и сразу же улететь. Судзуки уже улетела вести переговоры. Полагаю, ты это знаешь, раз не спросила, где она.

— Слышала разговоры, пока мы к тебе шли, — кивнула Мири. — После того как все проблемы решатся, я оставлю вам сообщение. — Вал Кон снова шевельнулся. — Или по крайней мере когда нам станет яснее, что происходит.

Она вздохнула и посмотрела на Вал Кона. Он нежно прикоснулся к ее щеке.

— Я понимаю, что такое предложение не будет оставаться в силе вечно, — проговорила она, поймав на себе вновь ставший пристальным взгляд Джейсона.

— Не бери в голову, малышка моя. Если решишь, что мы тебе нужны, то не сомневайся: ты будешь нам нужна! Когда угодно, где угодно и на каких угодно условиях. Да я даже уступлю тебе мою должность...

Мири рассмеялась и встала.

— Боги, ты только посмотри, как уже поздно! — сказала она, махнув тонкой рукой в сторону окна, за которым в небо тянулись оранжевые лучи заката. — Мы опоздаем на обед, босс.

— Увы! — отозвался Вал Кон, вставая. Он чуть поклонился громадному аусу. — Ваше предложение было почетным, — натянуто проговорил он. — Моя благодарность вам и вашему отряду.

— Не стоит благодарности, сынок. Я умею распознать качество там, где оно есть. Не настолько уж я тупой! — Джейс со смехом поднялся на ноги. — Провожу вас до выхода из лагеря. Славная планетка. Красивые закаты.

Все трое остановились в том месте, где еще недавно были Восточные ворота. Джейс сложился почти вдвое, чтобы обнять Мири и крепко поцеловать ее в губы.

— Береги себя, малышка моя.

— И ты, Джейс. Передай привет Судзуки. Скажи ей...

Но она не успела передать Судзуки послание: его заглушил жуткий шум. Отчаянный вопль исходил от единственного столба с громкоговорителем, оставшегося стоять рядом с радиорубкой. Почти одновременно запищали десятки наручных коммов.

— Нападение с воздуха — выскочили из-за гор... Скорость входа в атмосферу...

Мири едва расслышала слова, рвавшиеся из комма Джейсона: их заглушал вой сирены и новый звук, похожий на раскаты грома от тысячи молний, ударивших одновременно.

— Эти подонки нас провели! Выводите всех...

Джейсон не закончил приказа, изумленно застыв на месте и глядя в небо.

В небе — построение смертоносных форм, черных на фоне закатного зарева. На их глазах один из кораблей отделился от остальных, потом еще один, и третий... К далекому городу и более близкому поселку.

— А, черт! — выдохнул Джейсон. — Рыжик...

Рыжик уже исчезла. Она неслась по синтасфальту к дому Клана Эроб. Ее напарник темной тенью летел рядом с ней.

Поскольку о предостережении гражданским можно было больше не беспокоиться, Джейсон повернулся, громко сзывая свой отряд:

— Икстранг на подлете! Кровная война!

Четырнадцатый Корпус Завоеваний Литаксин

Один, без оружия, он удерживал планету.

Это был результат ошибки, за которую кому-то придется заплатить парой нашивок. Но не ему: у него нет нашивок и чинов, так

что ему терять нечего. Это мгновение было полно иронии, которую мог бы оценить человек, имеющий вкус к иронии: Нелирикк Никто ступил на эту планету *первым* — даже раньше Генерала.

Потратив почти десять циклов на приобретение вкуса к иронии, Нелирикк наслаждался моментом и осматривался по сторонам.

Планета оказалась красивой и плодородной: именно такие обычно и обживают лиадийцы. Ветер — теплый, но уже обещающий вечернюю прохладу — прикоснулся к его чисто выбритому лицу, одарив его естественными запахами впервые за... сколько же? ...да, те же десять циклов! Звуки у него за спиной были звуками войны, но запахи пока оставались мирными.

— Еще раз! Попробуй еще! — приказали ему из корабля.

Нелирикк повернулся, поставил ногу на пандус корабля и, высоко подняв цельнометаллическую кувалду, ударил по заупрямившемуся язычку. При первом ударе кувалда отскочила, ничего не сделав, при втором — тоже. Но третий удар оказался удачным, и заклинившийся язычок выскочил из паза, укатившись в смятую траву.

Теперь смогла включиться автоматика, и Нелирикк едва успел отскочить в сторону, чтобы не попасть под боевые машины командования, начавшие поспешно выкатываться на пандус.

Возможно, он отбежал даже дальше, чем требовалось, — а потом сделал еще несколько шагов.

Позади него ревели двигатели, кто-то выкрикивал команды, ноги простучали по металлическому пандусу в ритме пехотного марша. Перед ним росли дикие растения, высоко в небе летали птицы, цвели цветы. Нелирикк наполнил легкие ароматным воздухом, а потом неохотно его выдохнул.

Небольшой серый зверек высунул голову из травы совсем близко от Нелирикка — только что рукой до него не дотронешься: яркие глазки, ушки торчком. Зверек резко встал столбиком, показав похожие на руки передние лапки, а в следующее мгновение уже исчез. Два солдата спрыгнули с пандуса на траву, сразу же прицелились — и замерли, ожидая приказа. Нелирикк сделал второй вдох и мгновенно осознал новую иронию: разжалованный Никто, приданный силам вторжения, которым предстоит уничтожить тысячи разумных существ, испытал чувство облегчения из-за того, что белка успела спастись бегством!

Тут кто-то крикнул, и Нелирикк отскочил в сторону, отдавая честь машине Генерала, как положено делать даже разжалованному. После чего он постарался куда-нибудь скрыться: он единственный не имел никаких обязанностей и поручений и мог про-

сто смотреть, как солдаты и машины Четырнадцатого Корпуса Завоевания превращают красивую землю в полевой Главный штаб.

По приказу Генерала его привели на командный пункт. Его конвоировал мрачный капитан Каган. Нелирикк жадно впивался глазами то в один экран, то в другой, поспешно и без разбора впитывая информацию.

Так. В космосе не оказалось крупных кораблей обороны, а вот на берегах этого континента они встретили упорное сопротивление. На втором континенте бои идут даже интенсивнее: там они случайно приземлились посреди лагеря наемников, готовившихся к отлету. В непосредственной близости...

— Вот этот человек, Генерал.

Генерал посмотрел на Нелирикка — и, возможно, узнал его. Нелирикк молча стоял навытяжку, с каменным лицом, прикрыв веками голодные глаза.

Позади Генерала под конвоем стояли три человека: два капрала, с которыми Нелирикк совсем недавно имел дело, а третий — какой-то незнакомый ему офицер.

— Никто! — резко окликнул его Генерал. — Опиши ситуацию, которую ты увидел по высадке.

— Есть, сэр! — Он поднял кулак к виску в воинском приветствии. — Я был пристегнут на авангардной позиции. Корабль приземлился и посадочный пандус начал выдвижение. Однако первая машина — ваша боевая машина командования — не двигалась. Пандус закончил выдвижение, но колонна продолжала стоять. В соответствии с приказом я обследовал механизмы выгрузки и выяснил, что заряды не отстрелили язычки, так что металлические стопоры не давали вашей машине ехать вперед. Я доложил ситуацию и получил приказ устранить помеху. Я указал, что снятие отстреливающих зарядов предотвратит возможное повреждение корабля и вашей машины. Их сняли, я сбил металлические язычки кувалдой, и операция была продолжена.

Генерал ткнул пальцем в первого капрала.

— Ты! Что тебе было поручено?

— Сэр! Я установил и проверил язычки и стопоры на орбите. Все было в порядке... Сэр.

— А тебе?

Второй капрал обильно потела. Видимо, юный возраст мешал ей держаться, как подобает солдату.

— Сэр. Я... В мою обязанность входило подсоединить отстреливающие заряды к питающим шнурам, что было приказано старшим техником Акрантом. При прозванивании контура Б все было в норме. — Она чуть не поперхнулась. — Сэр.

— Акрант, докладывай.

Старший техник ответил с готовностью (Нелирикк решил, что даже со слишком большой готовностью):

— Все показания соответствовали нормам, Генерал, и были перепроверены. Только после посадки я обнаружил, что капрал Дикл задействовала резервные контуры, работа которых в атмосфере требует вмешательства пилота.

Капрал Дикл вспотела еще сильнее, а глаза у нее так выкатились, что вокруг зрачков появились белые каемки.

Нелирикк, услышавший то, что, несомненно, не укрылось и от Генерала, мог бы посоветовать ей не тревожиться. Но разжалованный может открыть рот только тогда, когда к нему обращаются, а больше — никогда. Нелирикк снова сосредоточился на окружающем потоке информации.

На картах расположения воздушных сил было видно, что самые крупные скопления летательных аппаратов находятся на побережье. Ближе всего к Главному штабу находилась небольшая база, несомненно, относящаяся к... Да: поселок и большое владение расположены от нее примерно на одинаковом расстоянии. Что, по всей видимости, означает гражданские летательные аппараты — с ними возни не будет. На втором экране видны были штурмовики, направленные на ее захват, а также транспортный корабль, перевозящий сотню смертоносных спрагентов, самолетов поддержки пехоты, предназначенных для размещения на этой базе.

Постоянно включались все новые экраны: расположение кораблей на орбите, данные радаров и других следящих установок, визуальные данные, связь с местами боевых действий.

— Никак нет, сэр! — говорила тем временем капрал Дикл с неподобающим солдату жаром. — Я руководствовалась обучающим пособием. Я никогда раньше не выполняла эту процедуру.

Нелирикк чуть прищурил глаза, фокусируя взгляд на экране, расположенном в дальнем конце помещения. На него передавалось изображение с боевой камеры на перехватчике. Он нашел номер самолета, определил его положение по другому экрану.

Самолет заходит на бомбометание и обстрел с бреющего полета. Его цель — все то же маленькое летное поле, режим атаки автоматический. Самолет чуть изменил угол — и у Нелирикка едва сердце из груди не выскочило. Он заморгал, сверяя визуаль-

ное изображение с результатами радарной проверки, но тот экран уже переключился на следующий участок. Он снова посмотрел на экран, куда передавались визуальные данные.

Его там не было.

Он вздохнул. Его когда-то идеальное зрение начинает сдавать и играет с ним дурные шутки. Можно подумать, что подобный корабль мог оказаться на крошечной площадке среди устаревших гражданских аппаратов!

— Выполняя приказ Акранта? — спросил Генерал у капрала.

Нелирикк фыркнул. Вот уж чья карьера закончилась. Чтобы Генерал дважды в ходе расследования назвал его имя без чина? Акранту уже можно сдирать с себя нашивки и проглатывать кокарду.

Экран, подключенный к камере, снова показал крошечную посадочную площадку, на этот раз при подлете на небольшой высоте. И там, среди высоких деревьев и чуть позади них, оказалось нечто потрясающе прекрасное.

Эта красота была воплощена в смертоносных, абсолютно выверенных линиях.

Что было самым ужасным? Наверное, то, что такой корабль должен погибать — если уж ему суждено погибнуть — в битве, а не вот так бесславно, на земле? Или то, что он так ясно напоминал его собственный корабль — то есть корабль Командования. Корабль всегда принадлежит Командованию: солдат не владеет ничем, кроме своего чина и боевой добычи.

Чувство долга заставило его повернуться к Капитану.

Разум заставил его остановиться.

Он — Нелирикк Никто, и ему можно открывать рот только тогда, когда к нему обращаются. Командир, к которому он прикомандирован, разрешил ему говорить во время расследования. Разговор без разрешения обойдется ему...

Ракеты были выпущены. Они попали в здание, полностью его разрушив. Вид на экране поменялся: самолет повернулся, начиная следующий заход на атаку. На экране радара никаких значков не появлялось. Наблюдатели за компьютерами не услышали ни шепотка, металлоискатели...

И во что это ему обойдется? Он уже перенес десять циклов позора.

Он решительно поймал взгляд Капитана и сделал знак, прося разрешения заговорить.

Лицо Капитана потемнело, и он демонстративно отвел взгляд. Нелирикк снова посмотрел на экран. Кто-то — один из авиадис-

петчеров — наконец заметил прекрасный корабль. Он застыл на остановленной картинке, и компьютер начал анализ. Поверх изображения проявился значок отсутствия опознания.

На обзоре площадки стало видно, как против самолетов поднимается винтолет. Судя по виду, настоящая древность, и летать может только благодаря благосклонности Богов Иронии. Вопреки вероятности, он с трудом выровнялся и выстрелил — выстрелил, Джела свидетель! — по несущемуся впереди штурмовику, после чего пропал из виду.

И там, на угловом экране, шпиль этого — другого — корабля!

Картинка снова застыла — словно кто-то, не имея нужной информации, пытается сообразить...

Нелирикк нарушил строй, сделал три быстрых шага к диспетчеру.

— Стреляйте в этот корабль! Сейчас же! — потребовал он.

В помещении воцарилась полная тишина. Генерал потрясенно развернулся в его сторону. Капитан Каган вскинул руку с пистолетом.

Экран снова показал тот корабль и нелепый, отважный винтолет, летящий навстречу лучшим икстранским штурмовикам. Камера показала, как он сделал полукруг, словно пытаясь защитить тот второй корабль, и сомкнувшие строй штурмовики потеряли один самолет, когда древность произвела залп из всего своего вооружения, прежде чем утонуть в дыму. Но он выполнил свою задачу: отвлек нападение от корабля-красавца.

— Стреляйте в тот корабль скорее!

— Никто, объясни свое поведение!

Голос Кагана звучал мрачной угрозой.

На экране первая пара икстранских штурмовиков выровнялась, начала крутой поворот...

Вспышка! Еще одна!

«СВЯЗЬ ПОТЕРЯНА».

На экране снова возникла застывшая картинка: ближний вид смертоносного корабля, стоящего под деревьями, а позади него — загораживающий его холм.

Нелирикк посмотрел на наведенный на него пистолет, потом — снова на экран.

— Корабль разведки, — спокойно проговорил он. — Это корабль лиадийской разведки, капитан. Если его немедленно не уничтожить, он может вывести из строя боевой космический корабль!

— Диспетчерская! Идентифицируйте этот корабль!

Хотя бы у Генерала тут были уши.

— Сэр, в материалах идентификация отсутствует. Мы никогда не захватывали и не видели такого...

— Я такой видел! — Нелирикк заговорил раньше Генерала, не думая о своем благополучии. — Уничтожьте его немедленно, пока он не начал действовать!

— Диспетчерская! — приказал Генерал. — Сделайте еще один заход. Уничтожьте его.

— Нужно что-нибудь помощнее. Верните транспортные корабли, пока они не попали в диапазон... — Нелирикк с ужасом слышал свой предательский голос, похоже, решивший его угробить. — Это же космический аппарат: в нем аккумуляторы, экраны...

— Молчать!

Нелирикк замолчал, слушая, как передают ошибочный приказ.

— Никто будет хранить молчание! — прорычал Генерал. — А вы, диспетчер, держите меня в курсе.

Нелирикк наблюдал за экраном, показывающим картинку с камеры. Словно из другой галактики до него долетали залпы наказаний. Оба капрала спустились ступенькой ниже: чин они сохранили, но потеряли в деньгах и служебном стаже. Старший техник теперь превратился в жалкого рядового интендантской службы, понеся заслуженное наказание за идиотскую оплошность. Разве можно доверить нечто столь важное подчиненному, рассчитывающему на учебное пособие!

Экран, принимающий картинку с камеры, заработал, показав четыре летящих впереди самолета. Бомбы полетели вниз, в сторону красивого кораблика...

Вспышка! Вспышка! Еще вспышка! И картинка, окруженная дымом, резко закачалась...

«СВЯЗЬ ПОТЕРЯНА».

— Генерал, борт 15 не отвечает и не виден на экранах.

Голос диспетчера звучал ровно, по-военному: простая констатация фактов.

Голос Генерала звучал почти дико.

— Вызвать «Барахан». Немедленно. Никому нигде не упоминать о выходке разжалованного и обо всем происшедшем.

Несколько мгновений новых изображений не появлялось, а потом новая камера — с довольно большого расстояния — осмелилась взглянуть на место происшествия и сразу же исчезла: вспышку энергетического оружия не узнать было невозможно.

— Сэр, «Барахан» вышел на позицию и нашел цель.

Экран снова заработал, и Нелирикк увидел, как ужасающий огонь гордого «Барахана», лишь чуть-чуть приглушенный атмосферой, прорвался к кораблю разведки, оставив после себя размытые колеблющиеся тени под его веками. А еще он потрясенно увидел, как маленький корабль ведет ответный огонь! Первая волна энергии боевого корабля каким-то немыслимым напряжением защитного экрана была отведена в сторону.

Теперь маленький корабль был виден с более далеко расположенной камеры: он вел огонь сразу в нескольких направлениях. Генерал повысил голос:

— Огонь из всех батарей! Транспортным...

И в эту же секунду стало ясно, что он опоздал: перед тем как взорваться, лиадийский корабль произвел несколько ракетных и лучевых ударов. А потом на его месте образовался дымящийся кратер.

Нелирикк не сомневался в результате даже до того, как услышал отчаянный голос связиста:

— Генерал! Спрагенты... Транспортный корабль погиб!

Нелирикк медленно моргнул.

«Достойный враг, — подумал он мятежно, потому что лиадийцы не имели такого статуса, — мы приветствуем тебя!»

Генерал отвернулся от экрана и сложил руки на крышке стола.

— Никто идет в Службу безопасности в сопровождении капитана Кагана, — приказал он. — Немедленно.

Звезды над камнями и деревнями были похожи на куски льда.

Нелирикк сидел, привалившись спиной к валуну, поставив рядом винтовку и рюкзак, и смотрел на звезды, пока на глазах не выступили слезы, окружившие каждую яркую точку радужным кольцом.

«Ах, Джела, как хорошо снова оказаться на планете!»

Вот для этого, для этого его обучали и готовили, с того дня, когда выбрали его в лагере призывников. Его готовили для исследований, превратили в нечто непохожее на обычного солдата, чтобы Армия и Команда выиграли. Обучение...

Он закрыл глаза и здесь, под звездами, позволил себе отдаться во власть воспоминаний, которых не смел себе позволить целых десять циклов.

Обучение, да: пилотирование, разведка, оружие. Не только солдатский карабин и последний клинок, но и другие, менее очевидные вещи. Его научили действовать, выносить суждения и выбирать адекватный образ действий, не полагаясь на приказы

начальства, правила, подчиненных или товарищей. Его научили принимать решения. Научили передавать информацию. И даже обучили командовать.

Его сделали непригодным для нормального функционирования, вот чем закончилось это обучение. Он стал рядовым с привычкой командовать. Командиром с воображением. Его сделали непригодным для нормального функционирования и отправили одного к звездам, чтобы узнавать — и возвращаться с докладом. А когда он вернулся с самого ответственного задания со срочными сведениями? Его разжаловали и закопали его доклад так глубоко, что даже описания корабля не осталось.

Нелирикк вздохнул.

Ему опять поменяли столовую, совсем недавно: его приписка была ставкой в ночной карточной игре между офицерами. По слухам, капитан Каган проиграл партию в «мелочевке», в результате чего выиграл обязанность держать у себя разжалованного. Нелирикка не перевели под командование капитана Кагана, не поручили никаких обязанностей в его подразделении. Просто у него забрали листок, дававший ему право питаться за счет провизии капитана Бетсу, и выдали новый, с номером счета Кагана. И то, что капитан Каган посадил своим людям на шею того самого разжалованного, который привлек к себе внимание Генерала, отнюдь не способствовало росту популярности капитана.

Нелирикк открыл глаза и устало посмотрел на звезды. Спустя еще несколько секунд он сел прямее и проделал просветляющее голову упражнение, которому его обучили вместе с его одногодками в яслях.

Да, Генерал...

В Службе безопасности его отвели в помещение, где не оказалось устройств, чаще всего применяющихся для наказания за неповиновение. Чувствуя, как у него волосы встают дыбом, Нелирикк осмотрелся, отыскав как минимум три решетки и два светильника, в которых могли находиться микрофоны и камеры. Три стула, два компьютерных терминала, стол с графином воды и тремя стаканами: немыслимая любезность по отношению к мятежному разжалованному. Нелирикк внезапно ощутил ужасную усталость.

Без приказа он не имел права садиться.

Он сел.

Из скрытого микрофона не раздался голос, который приказал бы ему встать.

Нелирикку подумалось, что в Службе безопасности есть его личное дело и все сведения, там знают о его подготовке и способностях...

И знают, что на него нельзя полагаться, хотя из какой-то непонятной жестокости Высшее командование приказало, чтобы его заставили продолжать жить. Его не казнили ударом в затылок, как рекомендовала сама Служба безопасности. В Службе безопасности есть файл, в котором говорится, что Нелирикк Исследователь отныне и навсегда становится Нелирикком Никто, опозоренным и отвергнутым. Единственный икстранец, оказавшийся в плену у лиадийца.

Он попал в ловушку. Его провели, обманули — как лиадийские разведчики обманывали икстранцев долгие годы. А потом его отпустили, позволив вернуться к своему командиру с докладом. Он был ошеломлен возможностями, угадывавшимися за информацией, которую тот разведчик — неужели сознательно? — ему дал. Он описал тот корабль...

И они взяли его доклад, не обратили на него внимания, изолировали его от немногочисленной группы икстранских исследователей, разжаловали и забыли о нем.

И вот теперь он здесь, непокорный Никто. Похоже, ему настолько надоела его ничем не занятая жизнь, что он вмешался в действия командования прямо в командном пункте самого Генерала! Исследователь, вероятно, мог такое сделать, не понеся наказания.

Если исследователи вообще еще существуют. Он пытался отыскать следы своего отряда, используя краденое компьютерное время и недозволенные наблюдения за перемещением кораблей через далекие иллюминаторы, — но безрезультатно. Больше всего его страшило, что исследователей вообще расформировали, сделав его никем в еще одном, самом страшном смысле.

— Встать!

Он вскочил и вытянулся в струнку.

Генерал стоял перед ним по-товарищески близко, расчетливо рассматривая его. Татуированные знаки ранга и наград не могли скрыть неестественно багрового цвета его лица.

— Ты все такой же бдительный, Никто?

— Солдат выживает благодаря бдительности, сэр!

Генерал сузил глаза.

— Я просмотрел твое дело, — сказал он, — и теперь понимаю, как ты смог опознать корабль, не содержавшийся в нашей программе идентификации. Я понимаю, почему ты мог действовать без разрешения и рассчитывать на содействие. Но еще я понимаю, что ты нарушил организацию моего командного пункта.

Констатация фактов ответа не требовала. Нелирикк продолжал смотреть в глаза командующему планеты.

— Что ты скажешь о своей наглости, Нелирикк Никто? — спросил Генерал.

Нелирикк с трудом удержался, чтобы не вздохнуть.

— Сэр, я хотел послужить Армии и предупредить об очевидной опасности. Пилотов надо беречь...

— Молчать! — взревел Генерал. — Не считай себя пилотом, Никто. Эта честь для тебя давным-давно под запретом.

Он быстро отвернулся и ткнул пальцем в сторону стола с компьютерами.

— Сядь.

Сам Генерал сел на второй стул, ввел какую-то команду и откинулся на спинку стула, глядя, как экран заполняет изображение места боя.

— Итак, Никто, почему, как тебе кажется, на этой планете мог оказаться такой корабль? Почему он остался на земле, вместо того чтобы взлететь и вести бой? Просто из-за лиадийской трусости?

Нелирикку очень хотелось изумленно посмотреть на Генерала, но он заставил себя уставиться на экран и восстановить логическую цепочку, составленную еще на командном пункте.

— Я думал над этим, сэр. Однако я почти не знаю текущей военной ситуации...

— Тебе этого знать не надо. Говори по существу!

Нелирикк все-таки вздохнул, правда, очень тихо.

— Да, сэр. В данном случае существует несколько возможностей.

Он бессознательно перешел на лекторский тон, который усвоил, проводя инструктаж своих сотоварищей-исследователей.

— Одна возможность состоит в том, что корабль находился на ремонте и не мог взлететь. Информации, говорящей в пользу этого варианта, мало: около корабля не было замечено ремонтных механизмов. Еще одна возможность заключается в том, что в отсутствие командира на корабле находился младший офицер. Тогда у нас есть объяснение задержки начала огня, а также того, что корабль не взлетел и не вступил в бой.

Генерал одобрительно прищелкнул языком.

— Еще одна возможность, — продолжил Нелирикк, — такова: корабль был пуст, и работали автоматические системы самозащиты. Либо команда была на борту, но намеренно пыталась остаться незамеченной, чтобы позже можно было нанести удар по крупному кораблю. Я предполагаю, что от этого последнего удара пострадал «Барахан»...

— Необоснованное предположение, Никто. Чтобы такой маленький корабль, стреляя через атмосферу, мог задеть «Барахан»?

Генерал махнул рукой, отметая подобное предположение.

— Я видел, что тот корабль произвел выстрел в тот момент, когда оказался под атакой лучевого оружия. Заряженный луч вполне может использовать ту же траекторию, чтобы...

— Меня не интересуют твои предательские домыслы! — зарычал Генерал. — Я спрашиваю только о причинах.

Нелирикк устремил взгляд на экран — на кратер в том месте, где находился корабль-красавец, пока изображение не сменилось картой окружающей местности.

— Сэр, возможно, что корабль получил приказ оставаться на земле, чтобы защищать важный центр или значительное лицо.

Он указал на карту.

— Я могу предположить, что этот поселок, находящийся поблизости командный центр или остатки армии наемников имеют особую важность. Этот маленький винтолет, который так отважно пытался помешать нашим самолетам... Возможно, что по счастливому стечению обстоятельств мы атаковали летательный аппарат, на котором спасалась эта важная личность.

Нелирикк сделал паузу, разглядывая экран.

— Вспомните: вызвав огонь на себя, винтолет уничтожил несколько наших штурмовиков и заставил нас продемонстрировать мощь наших космических сил. Разведчик мог бы обменять свой корабль на такую информацию. С учетом этой возможности я предполагаю, что в соответствии со стандартной практикой вторжений была уничтожена спутниковая сеть планеты.

Генерал смотрел на него с нескрываемым неудовольствием.

— Ты упорно настаиваешь на этом разведчике?

— Если бы все лиадийские корабли такого размера были бы не менее мощно вооружены, сэр, то, думаю, лиадийцы уже сейчас преследовали бы нас по всей галактике.

— Идиот! — Генеральский кулак взметнулся вверх, но, как это ни удивительно, удара не последовало. Он развернулся в кресле и хмуро уставился на экран. — Ты только послушай, что ты говоришь! Называешь лиадийцев — лиадийцев! — храбрыми, приписываешь воинскую доблесть расе, давно известной своей слабостью и бесчестием! Это — животные, Никто. Ты допускаешь возможность, что Четырнадцатый Корпус Завоевания будет разбит животными!

Нелирикк ничего не сказал.

Генерал отключил экран.

— В захваченном транспортном средстве противника мы обнаружили карты и коротковолновый радиоприемник. Из твоего дела видно, что ты свободно владеешь языком этих лиадийских животных и можешь даже читать их каракули.

Генерал встал и прошелся до серо-коричневой стены и обратно.

— Тебе дадут снаряжение для выполнения особого задания. Тебе предстоит внедриться на территорию, ограниченную данной посадочной площадкой, вот этим поселком и вот этим командным пунктом. Тебе дадут приемник и карты, о которых я упомянул, а также маячок для вызова отряда эвакуации. Я выдам тебе оружие из моего запаса. Служба безопасности снабдит тебя вещнабором и клинком.

Он подошел к стулу, на котором сидел Нелирикк.

— Мы воспользуемся твоей подготовкой и твоими склонностями, Никто, — объявил он, — и позволим тебе избежать боевых действий.

Нелирикк остался сидеть молча, заставив себя не реагировать на оскорбление, которое можно было бы смыть только кровью... десять циклов тому назад.

Генерал поджал губы так, словно готов был сплюнуть, а потом добавил:

— Уясни себе: ты будешь собирать информацию, занося ее на карту. Ты вернешься в точку эвакуации не позже, чем на десятый восход после выхода на задание. Это — боевой приказ.

Нелирикк выпрямился, невольно ощутив волнение. У него быстрее забилось сердце. Боевой приказ! Значит ли это, что ему будет возвращен статус — что он снова вернется в Армию?

— Изволь четко усвоить весь приказ, Никто, — порекомендовал ему Генерал. — Если ты позволишь себе отклониться от него, тебя расстреляют. Если ты не выполнишь боевого приказа, то даже содержащееся в твоем личном деле свидетельство о награждении Салютом Героического Исследователя не спасет тебя от наказания.

Десять циклов, в течение которых ему приходилось держать себя в руках, помогли ему в эту минуту. Однако удар был тяжелым. Как странно, что внезапная вспышка надежды оставляет после себя такую мучительную боль.

На склоне холма, под колючими прекрасными звездами Нелирикк пошевелился, выходя из задумчивости. Разбитые надежды на возвращение статуса растворились в возможности разгадать тайну, возникшую десять циклов тому назад. Он чувствовал себя почти умиротворенным. Теперь он наконец знает, почему его не казнили.

Генерал считал, что Нелирикк это знает. Он думал, что Нелирикк воспользовался статусом Героя, чтобы внести разброд в ра-

боту штаба и бросить вызов командованию. Генерал не принял во внимание, насколько медленно подобные сведения распространяются от уровня к уровню, от Высшего командования к рядовому. Даже объявление о такой редкостной награде заняло бы цикл или два, в зависимости от боев и служебных командировок. Нелирикк улыбнулся звездам: Салют Героического Исследователя!

Конечно, эту награду ему должны были дать за тот странный спутник. Он оказался необычно плотным и имел атмосферу, пригодную для дыхания икстранцев или лиадийцев, там росли голубовато-зеленые кусты, а климат отличался обилием гроз, так что по всей поверхности ежедневно шли дожди.

Он был Героем, хотя на его лице не было следов этой награды. И его имя, как и имена всех Героев, теперь занесено на Великую Доску в Центральном штабе.

Командование предпочитает, чтобы Герои погибали в бою. Желательно, одерживая великие победы.

Каковой должен стать Литаксин.

Нелирикк взял рюкзак и винтовку, хотя не питал иллюзий относительно своей экипировки. Он легко выпрямился во весь свой немалый рост, еще раз улыбнулся звездам и всмотрелся в бархатную ночь.

Славная планетка. А возможность умереть на свежем воздухе — это дополнительное благо.

Лиад
Штаб-квартира
Департамента Внутренних Дел

Командир агентов смотрел на экран с сигналом от маяка, сообщавший, что корабль Тиль Фона сиг-Алды все еще медлит у планеты Веймарт.

Оставаться много дней у планеты земного типа, которая не может предоставить агенту ничего, что потребовалось бы для завершения задания?

Нет, конечно.

Увы: увеличивалось число иных мыслей. Основным был вариант, в котором Вал Кон йос-Фелиум брал в плен собрата-агента во время прыжка. Но тогда зачем столько там торчать, когда единственное, что может привлекать в Веймарте, — это его возможности в плане прыжков?

Командир агентов нахмурился. Будь он на месте Вал Кона йос-Фелиума и не будь он расположен к отчету перед командованием, он поспешил бы направить свой корабль в прыжок, чтобы там строить планы и предпринимать необходимые меры для возвращения в нормальное пространство.

Может быть, йос-Фелиум сбежал на поверхность планеты? Однако не было никаких свидетельств того, чтобы корабль проделывал какие бы то ни было маневры: он просто уже несколько дней висел над планетой на средней неспешной орбите. Самое внимательное рассмотрение всех предыдущих данных не позволило думать, что корабль получил какие-то повреждения.

Все это выглядело совершенно бессмысленно.

А командир агентов ненавидел бессмыслицы. Остро ненавидел.

Не отрывая взгляда от экрана, он размышлял о том, разумно ли будет отправить на Веймарт второго агента или команду оперативников более низкой квалификации, вроде тех, что были отправлены на Лафкит, где впервые проявились нарушения дисциплины со стороны агента йос-Фелиума.

Он принял решение отправить команду и уже потянулся к кнопке вызова помощника, когда экран маяка вдруг вспыхнул. Янтарный огонек, обозначавший корабль сиг-Алды и его состояние, ярко загорелся, начал мигать — и на экране появились таблички с предупреждениями: перегрузка систем, включение вооружения, перегрузка аккумуляторов, включение главного аккумулятора, сбой, сбой, СБОЙ...

Командир агентов стремительно вскинул руку, собираясь ввести поправки, решить проблему, отключить аккумуляторы... Слишком поздно.

Командир агентов заморгал и подался вперед, чтобы прочесть сообщение в нижней части черного экрана.

СИГНАЛ ОТСУТСТВУЕТ. ПЕРЕДАТЧИК УНИЧТОЖЕН.

Шалтрен
Штаб-квартира Хунтавас

Самбра Реаллен, Временный директор Хунтавас, сложила руки на крышке стола и посмотрела на своих громадных посетителей.

— Древние, я сожалею о том, что наши действия пока не привели к обнаружению ни командора-разведчика йос-Фелиума, ни

сержанта Робертсон. Я бы хотела со всем уважением напомнить вам, что вселенная велика.

— Безусловно, — пророкотал больший из двух, называвший себя Точильщиком. — Однако я ожидал, что наши родичи быстро откликнутся. Они уже должны были бы получить известия о наших поисках. Тем не менее мы не получали известий. Ни намека, ни возможности. Это огорчает меня, Самбра Реаллен. Я начинаю думать, что, возможно, наши родичи потерялись более серьезно.

Она глубоко вздохнула, стараясь не выдать себя испуганной дрожью. Разве она не присутствовала при том, как эти два существа уничтожили ее предшественника вместе с оружием всего тремя нотами своей инопланетной песни? На что только они не будут способны, решив, что эти их родичи погибли!

— Думаю, что нет оснований считать их столь безвозвратно недоступными, — проговорила она. От усилий заставить голос звучать ровно у нее намокли подмышки. — Просто они могли уйти в подполье на одной из низкоразвитых планет, где известие о наших поисках будет распространяться не так быстро. В конце концов они вынуждены будут покинуть свое убежище. И когда это произойдет, они дадут нам о себе знать.

— И в то же время, — проговорила вторая черепаха со смущением, которое выглядело так странно у столь крупного существа, — зачем им это делать?

Точильщик и глава Хунтавас изумленно уставились на него. Он опустил голову и взмахнул трехпалой рукой в жесте... Самбра Реаллен решила, что то был жест извинения. Или, возможно, знак уважения Точильщику: панцирь у того был больше и потому он занимал главенствующее положение.

Точильщик ответно пошевелил рукой.

— Ты задал вопрос. Можешь ли ты ответить?

Меньшая из черепах — его звали Хранитель — поднял голову.

— Могу, Т'карэ.

— Так ответь.

— Да, Т'карэ. Примите во внимание, что наша сестра и наш брат — мастера выживания, хотя служение искусству делает их не чуждыми насилия.

Он замолчал, и Самбра Реаллен подалась вперед. В кои-то веки ей трудно было мириться с особенностями поведения долгоживущих стайных черепах, умеющих вежливо молчать до двадцати человеческих минут.

— Продолжайте! — попросила она, и в ее голосе прозвучали такие резкие ноты, что Хранитель устремил на нее взгляд своих огромных глаз и наклонил голову.

— Вы правы. Я прошу прощения за то, что не берегу ваше время.

Она махнула рукой.

— Я вас прощаю. Но говорите же: почему ваши родичи должны скрываться от нас?

— Ну, — проговорил Хранитель, серьезно моргая глазами, — только потому, что, когда мои родичи в последний раз имели дело с вашими, Хунтавас делали все возможное для того, чтобы их убить. Ни мой брат, ни моя сестра не настолько глупы, чтобы добровольно отдать себя в руки тех, кого знают как врагов.

— А!

Она откинулась в кресле, устремив на него взгляд и ощущая, как сердце ее охватывает леденящий ужас. Он был прав. Вал Кон йос-Фелиум — командор-разведчик, не больше и не меньше! — и сержант наемников Мири Робертсон не имеют оснований питать любовь к Хунтавас. Более того, у них есть все основания избегать с ними встречи. Сообщение, разосланное курьерскими кораблями, было в силу необходимости коротким и не содержало объяснений резкого изменения политики Хунтавас по отношению к родичам черепах. А те вполне естественно могут счесть это сообщение обманом или уловкой и в результате этого удвоят усилия избегать всех, кто имеет хоть какое-то отношение к Хунтавас.

Точильщик смотрел на нее.

— Вы согласны с выводами моего брата, Самбра Реаллен?

Она судорожно вздохнула и постаралась как можно спокойнее смотреть на существо, способное уничтожить ее одной нотой.

— Согласна, Древнейший.

— Так. — Казалось, он на секунду задумался, а потом склонил свою огромную голову. — Сейчас мы уйдем, Самбра Реаллен, чтобы обсудить между собой, каким образом можно было бы вернуть наших брата и сестру. Будьте добры сделать то же и разрешите нам вернуться к вам через три дня, чтобы сопоставить наши мысли и, возможно, составить более разумный план действий.

Они не собираются немедленно убить ее? От облегчения у нее закружилась голова, однако она нашла в себе силы встать и поклониться.

— Древнейший, я буду счастлива говорить с вами три дня спустя.

— Да будет так, — объявил Точильщик, медленно поворачиваясь к двери. — Благодарю вас за то, что вы уделили нам ваше время.

— Это было сделано охотно, — с трудом проговорила она.

У нее так сильно тряслись поджилки, что она с трудом удерживалась на ногах. До двери черепахи добирались несколько минут. Когда они наконец оказались за порогом и дверь за ними закрылась, она упала в свое кресло, не зная, что ей делать: хохотать, вопить или плакать.

— Мне пришло в голову, — негромко сказал Точильщик в мягкой тишине их вечернего обиталища, — что ты еще более глубоко размышлял о нашей сестре Мири Робертсон. Это так, юный брат?

Хранитель опустил раскрытую ладонь, ощутив, как крошечные нити ковра покалывают ему ладонь. Столько крошечных кусочков пуха объединили свою волю, чтобы стать ковром!

— Это так, — тихо ответил он, отрывая взгляд от этого поразительного ковра. — По правде говоря, старший брат, в данное время и в данном месте мне больше нечем себя занять. Мы привели в действие определенные планы в отношении наших брата и сестры. И теперь мы выжидаем. Дома время ожидания занимают полезные вещи, направленные на благо клана. Но здесь нет ножей, нуждающихся в ножнах. Нет юнцов, требующих наставлений, или стариков, которым нужна моя помощь. Так что действительно я много думал о нашей сестре и изучал то, что можно было узнать о ее истории.

Это была довольно длинная речь для Хранителя — самого скромного из всех многочисленных братьев Точильщика. Однако Точильщик только молча наклонил голову.

— О! — сказал он. — Я хотел бы услышать рассказ о твоем изучении, если ты окажешь мне такую честь, брат.

Наступило молчание — для стайных черепах оно было не слишком долгим, — после чего Хранитель снова заговорил:

— Мири Робертсон, Отставной Солдат-Наемник, Бывший Личный Телохранитель, Вооружена и Готова Путешествовать.

Точильщик пошевелил рукой в знак согласия. Не такое уж плохое имя для столь юного существа. Член Стаи, завершивший первое столетие, вполне и без стыда мог бы назвать меньшее. Полностью произнесенное собственное имя Точильщика занимало несколько часов. Точильщик уже прожил семь столетий по стандартному календарю, от начала до конца, а его имя еще не

стало полным. Трагедия людей заключается в том, что большинство из них умирают, не получив и десятой доли своего имени.

— Я сосредоточил внимание, — сказал Хранитель, — на следующей части имени нашей сестры: «Отставной Солдат-Наемник». Я обнаружил, что существует база данных, содержащая действующие списки всех отрядов наемных солдат. Эти отряды зарегистрированы Командованием на планете Фендор. Данные можно получить с помощью вот этого устройства.

Он кивком указал на противоположную сторону комнаты, где в стену был встроен терминал.

— Из этой базы данных я узнал, что наша сестра питает уважение к Судзуки Риальто, старшему командору отряда «Гирфальк», и Джейсону Рэндольфу Кармоди, младшему командору отряда «Гирфальк», хотя она больше не находится в распоряжении их слова.

Хранитель замялся.

— Насколько я понимаю, отношения между нашей сестрой и этими командорами гирфальков — это отношения родства, Т'карэ.

— А! — Точильщик ощутил дрожь того, что можно было бы назвать возбуждением. — И твое изучение позволило тебе заключить, что Мири Робертсон могла обратиться к своим родичам, чтобы найти убежище для себя и нашего брата.

— Это так, — признал Хранитель. — Однако мне показалось, что мое понимание может оставаться недостаточно полным, и я дал себе задание проследить путь нашей сестры в рядах солдат-наемников в попытке найти других ее родичей.

— Имеет ли наша сестра другую родню среди солдат-наемников, младший брат?

— Есть еще один родич, — ответил Хранитель и закрыл глаза на минуту или шесть. Открыв их, он продолжил: — Этот родич — старейшина, брат. Она знала нашу сестру с тех времен, когда наша сестра едва вылупилась, и была названной сестрой матери нашей сестры. Я думаю, что если бы наша сестра действительно стала искать убежище у своей солдатской родни, она прежде всего обратилась бы к этой старейшине.

Точильщик ненадолго задумался, прикрыв потухшие глаза. Хранитель сидел напротив него в почтительном молчании, изучая структуру ковра.

— Этот вывод логичен, — объявил Точильщик, когда исполнился срок. — Безусловно, даже такой прекрасный художник, как наша сестра, должен был обратиться к мудрости старейшины перед лицом тех трудностей, которые создали им Хунтавас. Старей-

шина, пользующаяся негромкой славой, поселившаяся, вероятно, на малоизвестной планете... Она могла бы предложить большую безопасность, нежели родня нашего брата, ведущая открытую и активную жизнь на Лиад.

— Такими были и мои мысли, — согласился Хранитель. — В особенности, что они могли бы искать эту старейшину в том случае, если один из них или оба нуждаются в исцелении. — Он поднял руку. — Я слышал, как Хунтавас утверждали, что никому из них не причинили вреда, брат мой. Я слышал запись голоса наших родичей, утверждавших то же самое. И в то же время сердце шепчет мне, что Хунтавас много раз нам лгали. И как легко было бы заставить наших родичей тоже солгать! Только угрожать, что, если они не скажут того, что им приказано, им будет нанесен дополнительный ущерб. Думаю, нам не следует считать, что нашим родичам не причинили вреда, полагаясь только на слово Хунтавас.

— Ты говоришь мудро, — сказал Точильщик. — Тебе известно имя этой старейшины? Ее место обитания?

— Ее имя — Анжела Лизарди, Отставной Старший Командор Распущенного Отряда «Психи». Ее дом находится на планете, называемой Лафкит.

Лафкит
Улица Эплинг, 358

В тесной комнатке громко зазвенел дверной звонок. Нахмурившись, Лиз опустила книгу на колени и, подняв голову, прислушалась к затихающему пронзительному эху. Послушав еще мгновение, она снова взялась за книгу.

Звонок повторился.

Не торопясь, она заложила страницу закладкой, положила ее на стол поверх стопки других книг в переплетах и тяжело поднялась с кресла.

Эхо третьего звонка еще не отзвучало, когда она открыла входную дверь и посмотрела на крыльцо. И перевела глаза вниз.

Огромные лиловые глаза в опушке густых темно-золотых ресниц смотрели на нее снизу вверх.

— Анжела Лизарди?

Голос оказался таким же красивым, как и глаза, грудным, с обворожительным акцентом.

Лиз кивнула.

— Надеюсь, вы простите мое вторжение, — проговорила ее гостья, словно не заметив неприветливости Лиз. — Я пришла ради Мири Робертсон. Вы ее друг. Я подумала, что вы могли бы согласиться... помочь.

Лиз нахмурилась и потратила несколько секунд на то, чтобы рассмотреть остальные черты лица незнакомки: высокие скулы, острый подбородок, довольно большой рот, цвет кожи по-лиадийски золотистый. Волосы до плеч были более ярко-золотыми, но не такими темными, как длинные ресницы.

Она открыла дверь шире и отступила на шаг назад.

— Заходи, — сказала она, и ей самой показалось, что это прозвучало скорее как приказ, а не как приглашение.

Казалось, ее гостью такие манеры ничуть не удивили. Она вошла в дом, терпеливо подождала, пока Лиз запрет дверь, а потом последовала за ней в гостиную.

Лиз уселась в свое кресло, а маленькая женщина встала перед ней, заставив Лиз вспомнить того, кто в последний раз вот так перед ней стоял. Мысленно она называла его Лиадийцем Рыжика, поскольку он ей не назвался. Лиз чуть было не фыркнула. Ох уж эти лиадийцы!

— Ну! — рявкнула она. — Ты мое имя знаешь. Назови-ка свое.

— Я — Нова йос-Галан, — сразу же ответила женщина.

Кажется, она собиралась еще что-то добавить, но успела опомниться. Лиз заметила, как шевельнулась ее правая рука: большой палец потер кольцо, надетое на указательный палец.

— И ты пришла ради Рыжика, — поторопила Лиз гостью.

— Ради Рыжика, — медленно повторила женщина, а потом резко качнула головой. — Мири Робертсон. А также ради ее спутника жизни.

Лиз моргнула.

— Рыжик не замужем, — решительно заявила она. — Не в ее стиле.

— Тогда — ради ее напарника, — не отступила золотая женщина. — Темноволосый мужчина с зелеными глазами...

Она залезла в нарукавный карман и протянула Лиз сложенный квадратик пластика. Лиз взяла его и со вздохом посмотрела на спрятанную внутри голограмму. Ну, она хотя бы узнает его имя.

— Или ее друга, — говорила лиадийка тихо, почти умоляюще. — Они были вместе...

— Он здесь был, — призналась наконец Лиз, переводя взгляд с голограммы на свою гостью и обратно.

Несмотря на то что цвет волос у них разный, сходство просто поразительное. Она вернула голограмму женщине.

— Твой родственник, да?

— Мой брат, — тихо сказала Нова. — Кажется, он побывал здесь некоторое время тому назад. Возможно, даже год назад?

— Скорее месяцев шесть — восемь. — Лиз пожала плечами. — Рыжик прислала его забрать кое-что. Она сказала мне, что он — ее напарник.

— Так! — В голосе лиадийки прозвучало удовлетворение. — В этот момент их преследовали, хотя я не знаю, какого рода проблема у них возникла. Известно, что они улетели с этой планеты вместе, и пропали они тоже вместе...

— Тогда ты знаешь больше, чем я, — прервала ее Лиз. — Когда я с ними говорила, он считал, что они смогут убежать от той заварушки, в которую вляпались. Сказал, что, когда Рыжик улетит, он отправится с ней. Я рада узнать, что им удалось улететь с Лафкита. Он показался мне парнем надежным, да и Рыжик кое-что соображает. — Она нахмурилась. — Но ты сказала, что их все-таки поймали.

— Нет. Я сказала, что в настоящий момент они... пропали. Они не объявились в тех местах, где их можно было бы ожидать. Они не входили в контакт с соответствующими лицами. Мой брат не посылал известий своему клану или... другим.

Лиз села прямее.

— Это значит, что они мертвы.

Ей вдруг стало трудно дышать во вселенной, где нет Мири.

— Нет, — снова возразила Нова йос-Галан. — Это значит только, что они пропали. Есть указания на то, что они пропали по весьма уважительной причине. Они не смеют посылать известия. — Она вздохнула. — Я должна задать вам вопрос, Анжела Лизарди. Прошу простить за необходимость.

— Ладно, — ответила Лиз, все еще пытаясь сообразить, что за заварушка могла оказаться настолько серьезной и где девочка могла спрятаться.

— У меня есть мысль, — проговорила Нова, — что Мири Робертсон — лиадийка. Мой старший брат говорит мне, что порой случается, что лиадиец-полукровка — или даже чистокровный лиадиец — рождается на... внешней планете. И тогда на его бумагах появляется пометка «мутация в пределах допустимого».

Лиз неподвижно застыла, уставившись в красивое личико гостьи, а ее память напомнила ей другое лицо, лицо Кэти: увядшая золотая кожа натянута на хрупкие кости.

— У Рыжика есть лиадийская кровь, — медленно проговорила она. — Робертсон был землянин, тут сомнений нет. Кэти могла быть наполовину лиадийкой или целиком лиадийкой. Она не говорила, а я не спрашивала. Не знаю точно, говорила ли она девочке. Такое не говорят ребенку, если считают, что ей суждено на всю жизнь застрять на Пустоши.

— Но ведь Мири Робертсон покинула Пустошь! — огрызнулась Нова. — Вы знаете, как назывался ее клан? Каталина Тайзан? Такого имени в кланах нет, хотя есть несколько вариантов с учетом акцента и изменения звучания...

Лиз колебалась, а потом снова подумала, что Рыжик могла погибнуть...

— Есть одна зацепка, — неохотно призналась она. — У Кэти была одна штука... — Она закрыла глаза, чтобы легче было вспоминать. — Пестрая такая штука, — пробормотала она. — Плоский кружок. Эмаль. Тонкая работа, как я теперь понимаю. Наверное, лиадийская. Лиадийцы делают такие эмали — перегородки между цветами такие тонкие, что их едва можно различить. Многоцветная... — Она покачала головой. — Никогда не понимала, какой в нем смысл.

— Она выглядела так? — Нова протянула ей свое кольцо, и свет отразился от бронзовой чешуи и зеленых листьев. Лиз прищурилась.

— Похоже, — признала она. — Рисунок другой, но в том же духе.

— А! — Лиадийка кивнула, словно подтверждая какую-то мысль. — Значит, Мири Робертсон — потомок члена главного рода. Поиски облегчаются.

— Да что ты говоришь!

Нова резко подняла голову.

— Вы можете вспомнить рисунок с диска вашей подруги, Анжела Лизарди? Если...

— Я узнаю его, если увижу, — проговорила Лиз лениво, наблюдая за гостьей из-под полуопущенных век. — И что ты теперь намерена делать?

— Проведу поиск среди кланов, задав в качестве условия исчезновение представителей главного рода в течение последних... шестидесяти стандартных лет. После этого я попробую сопоставить имя «Тайзан» и, если судьбе будет угодно, мой брат будет найден.

— Звучит не слишком многообещающе. — Лиз встала. — Ладно, пошли.

Нова непонимающе уставилась на нее.

— Анжела Лизарди, я сожалею...

— Не о чем тебе сожалеть. Рыжик — мне родная, ближе у меня никого нет. И она в беде. Похоже, тебе важнее отыскать этого твоего брата, а не узнать, что стало с ней. Ты явилась сюда, хватаясь за нити тумана, а теперь решила, что задача решена, потому что ты заполучила какую-то кроху, с которой можно начать компьютерный поиск... — Она покачала головой. — Похоже, я просто обязана отправиться участвовать в этой кампании, если ты понимаешь, о чем я. Я должна убедиться, что с Рыжиком будет все по справедливости, когда — и если — мы найдем эту парочку.

— Это может оказаться опасным, — прямо сказала Нова.

Лиз пожала плечами.

— Я еще не разучилась владеть пистолетом и пару приемов для рукопашной тоже помню. — Она посмотрела в прекрасное, холодное лицо своей гостьи. — Твой брат называл меня «Элдема». Это значит «Первый представитель»?

Нова кивнула.

— Значит, если представитель моего клана пропал и мог оказаться в какой-то заварушке, мои обязанности ясны, правильно? В качестве Первого представителя?

Наступило молчание, а потом Нова вздохнула.

— Это совершенно правильно, Анжела Лизарди. Обязанности Первого представителя совершенно ясны. — Она снова вздохнула и посмотрела на наручные часы. — Когда вы сможете отправиться?

— Подожди, сейчас возьму сумку, — сказала Лиз.

Лафкит
Космопорт

Их шаги отражались от пола, заставляя дрожать гофрированный металл стен вспомогательного туннеля. Лиз на шаг отстала от Новы йос-Галан. На плече у нее висела дорожная сумка, к поясу был прикреплен военный пистолет. Поверх рыжей головы своей спутницы Лиз вглядывалась вперед, в металлический полумрак.

Коридор резко повернул и снова пошел прямо, открыв Лиз конец туннеля и туманный свет фонарей порта на иссиня-черном фоне ночи.

Нова йос-Галан не замедлила решительного шага. Выйдя из туннеля на площадку, она повернула налево. Лиз не отставала.

Было достаточно ясно, куда они направляются: в этой части порта на площадке стоял всего один корабль — изящный катерок непривычных обводов, ярко освещенный прожектором, и на его фоне — несколько красных комбинезонов.

— Ты вроде говорила, что готова лететь немедленно? — прошипела Лиз. — Похоже, вспомогательная служба еще не закончила работы.

Лиадийка возмущенно оглянулась и бросила через плечо:

— Какая вспомогательная служба? Это — площадка полной готовности!

И в следующую секунду она рванулась к прожектору и трем фигурам в красном.

Лиз моргнула, чертыхнулась — и бросилась за ней. Она догадывалась, что лиадийка спешит, — но пойти на такие расходы, как площадка полной готовности, с гарантированным немедленным взлетом в любое время суток? Вспомогательные службы порта не должны даже приближаться к такой площадке!

Бежавшая впереди Нова йос-Галан замедлила бег, и Лиз поравнялась с ней.

— Это может быть просто ошибка, — пробормотала она, но чутье говорило ей иное.

Она уже автоматически прикидывала свои действия, учитывала наличие трех видимых противников. Неизвестно, сколько их остается за кораблем, и неизвестно, что это за люди: из тех, что сражаются, или из тех, что бегут. Лиадийка на нее даже не посмотрела.

Один из рабочих повернулся, вздрогнул и что-то крикнул. Его рука рванулась к поясу. Пуля просвистела у Лиз над ухом. Все трое разбежались в разные стороны.

— Я беру левого! — крикнула Нова.

Лиз уже поворачивалась, поднимая пистолет и прицеливаясь. Сделав один выстрел, она продолжила разворот к центру, пригибаясь и готовясь стрелять. Пуля взрыла гравий у ее ног, а ее ответный выстрел заставил голову стрелявшего дернуться вверх и назад. Он завалился на спину — и больше не шевелился.

Медленно выпрямляясь, Лиз отметила, что третий комбинезонщик тоже лежит. Вокруг него расползалось неровное кровавое пятно. А Нова уже бежала к кораблю.

Четвертый выскочил из-за корабля в тот момент, когда она добежала до площадки.

Невысокий, худой — скорее всего лиадиец. Лиз решила не открывать огня: он мчался к туннелю — безоружный, не оглядываясь. Лиз выпрямилась. Видно, перепугался до потери сознания: пусть уходит.

Но у прожектора Нова йос-Галан стремительно развернулась, согнув колени и держа пистолет обеими руками: идеальная поза, словно из учебника.

Худенький беглец был уже на полпути к туннелю, стремительно работая локтями. Пулевой пистолет плюнул огнем — и беглец споткнулся, пробежав по инерции еще шаг. Второй выстрел — и он рухнул, раскинув руки.

Лиз проглотила крик, сделала глубокий вдох, чтобы справиться с тошнотой, и медленно пошла к прожектору.

Пристегнувшись в кресле второго пилота, она смотрела на безупречный золотистый профиль, на изящные руки, уверенно и быстро порхавшие по незнакомому пульту. Убийство. Просто бессмысленное уничтожение — пусть у лиадийцев и не принято брать в плен. «Вполне можно было дать тому пареньку уйти», — собралась было сказать Лиз, но заставила себя проглотить слова укора. Это не ее дело.

Нова повернула какую-то рукоятку.

— Диспетчерская, я KB5625, Солсинтра. Взлет начнется через пять секунд. Конец сообщения.

— Диспетчерская слушает, KB5625. Я... э-э...

Лиз с трудом удержалась от ухмылки: ей еще не приходилось слышать, чтобы пилот не спрашивал у диспетчерской разрешения на взлет.

— Вам понятно? — рявкнула Нова.

— Я... да. — Диспетчеру удалось наконец ответить с подобающей твердостью. — Вы можете взлетать, KB5625. Конец связи.

— Принято. KB5625, конец связи.

Рукоятка была повернута обратно, и быстрые золотистые пальцы снова запорхали по пульту. Под их магическими прикосновениями загорались зеленые индикаторы нормальной работы. У Лиз заломило зубы от пронзительного воя: это включились магниты. Потом почувствовала ускорение — и неожиданно была вдавлена в кресло. Ремни натянулись.

— О-ох!

Быстрый взгляд лиловых глаз — и давление немного уменьшилось. Лиз трудно вздохнула, ощущая, как колотится у нее сердце.

— По сравнению с вами ваш братец безобиден, как солнечный зайчик! — бросила она сердито и снова увидела, как падает раненный в спину беглец, а женщина рядом с ней хладнокровно убирает пистолет в кобуру и идет искать повреждения на корпусе.

Нова йос-Галан чуть заметно улыбнулась.

— Подождите, вот встретитесь с моим старшим братом, — проговорила она, продолжая заниматься пультом. Корабль содрогнулся: перешел на полную тягу. — Чтобы сказать «да», ему нужен час, а «нет» он говорит два часа.

— Чудесно! — пробурчала Лиз и попыталась поудобнее устроиться в слишком маленьком для нее кресле.

Лиз поняла, что это ей не удастся, примерно в тот момент, когда они вышли на орбиту и ускорение снизилось до номинального. Посмотрев на пилота, она осторожно вздохнула. Нова йос-Галан неподвижно застыла в кресле: пальцы впились в подлокотники, губы сжаты в узкую бескровную полоску. Ее трясло. Сильно.

Лиз кашлянула:

— Вас ранили? — спросила она, хотя и знала, определенно знала, что это было совершенно...

Нова вздрогнула, открыла глаза — и сразу же их закрыла, словно смотреть на пульт управления было невыносимо. Она прерывисто вздохнула и напряженно отодвинулась к спинке кресла.

— Я... еще никогда... никого... не убивала, — выдавила она и попробовала снова вздохнуть.

— А, черт!

Лиз снова проиграла всю сцену, и смерть беглеца представилась ей в совершенно ином свете. Она отстегнула страховку и вытащила из поясной сумки фляжку. Полностью раздвинув крышку-стаканчик, она плеснула в нее щедрую порцию.

— Держи.

Лиловые глаза сощурились. Лиз придвинула стаканчик поближе, приглашая его взять. Нова закрыла глаза.

Лиз вздохнула.

— Когда Рыжик... Мири первый раз была в деле, — проговорила она совершенно спокойно, — она хлебнула отсюда.

Глаза снова открылись — и сфокусировались на стаканчике.

— Помогло?

— От трясучки, — непринужденно сообщила Лиз. — Это помогает от трясучки. А от остального помогает только опыт.

Изящная рука поднялась с подлокотника, разжалась — и приняла стаканчик. Лиз кивнула.

— Пить надо быстро, — посоветовала она. — Это не смакуют, как шикарное бренди столетней выдержки. Это просто кинак. Пей.

Нова послушно подняла стаканчик и влила его содержимое себе в горло, словно это было лекарство. Она ахнула, и слезы так обильно выступили у нее на глазах, что пролились на щеки. Она задохнулась, и Лиз стукнула ее по спине, одновременно отняв стаканчик.

— Выпила, как настоящий наемник! — жизнерадостно объявила она, а потом, сразу посерьезнев, покачала головой. — Ты вот что запомни: необязательно убивать всех, кто оказался на поле, — сказала она, продолжая говорить непринужденно, без осуждения или суровости. — Последнего можно было не убивать. Он просто старался убежать.

Нова покачала головой и со вздохом отстегнула сеть безопасности.

— Вы не понимаете.

— Так объясни, — предложила Лиз все так же спокойно.

Нова вздохнула.

— Существует опасность, — сказала она. — Я сказала вам, что существует опасность. Мой брат... есть люди, которые на него охотятся. Эти... они стреляли в Первого представителя. Обязанность Первого представителя — выжить, служить клану.

Лиз недоуменно воззрилась на нее.

— В Первого представителя? Девочка, я никакой не Первый представитель — просто так сказал лиадиец Рыжика...

— Это я — Первый представитель, — бесстрастно объявила Нова. — Я — Первый представитель Клана Корвал. Я не могла рисковать.

Задумавшись над услышанным, Лиз открыла фляжку и сама глотнула кинака, а потом покачала головой.

— Понимаю, почему ты могла так решить. Но ты говоришь, что у твоего брата собственные неприятности — помимо тех, от которых пытались уйти они с Рыжиком?

Нова снова вздохнула и, наклонившись вперед, стала читать показания приборов.

— Обстоятельства не вполне ясны, Анжела Лизарди. — Она оглянулась: ее лиловые глаза были спокойными и прекрасными. — Когда я встречусь с моим братом, мне надо будет кое-что с ним обсудить.

— Угу, — задумчиво согласилась Лиз. — Это я тоже понимаю.

«Исполнение долга»
Прыжок

На корабле воцарилась атмосфера какой-то неловкой гордости. По дороге на мостик Шан ощущал ее, словно электрический ток.

Настроение корабля его тревожило. Не прошло и трех часов, как к месту прыжка их проводила наспех собранная армада начальника порта Винниковой. И его команда — его команда закаленных торговцев! — опьянела от восторга.

Он провел учебную боевую тревогу — и немедленно стал очевидным печальный факт: в системе не было ни единого корабля, превосходящего «Исполнение долга». Действительно, все десять военных кораблей, составлявших их сопровождение, значительно им уступали: «Долг» имел три запасные боевые гондолы — и это при том, что каждый корабль был взят на прицел трижды! Они могли бы легко прорвать планетарную систему защиты и сделать планету своим заложником.

Начальник порта Винникова и ее флот не уходили со своих позиций, пока «Исполнение долга» не ушел в прыжок.

Если экипаж вздумает выйти из-под контроля...

Шан содрогнулся.

Проблема заключается в силе.

Его команда внезапно почувствовала мощь своего корабля. Они вдруг осознали, какая сила сосредоточена в Клане Корвал.

Конечно, это поймут и враги Клана Корвал: подобный эскорт незамеченным остаться не сможет. В считанные дни галактика узнает, что корабль «Исполнение долга» ушел от Криско с Деревом и Драконом на всех местах для названия — и передавал он не нейтральные позывные торговца, а громкие предупреждения боевого корабля.

«Дерзаю» — девиз Клана Корвал.

Октавия Винникова знала этот девиз. Знала она и некоторые моменты истории Клана Корвал. На ее глазах ее старый собутыльник и партнер по шахматам поднялся из доков на боевом корабле. Она поступила так, как положено действовать начальнику порта: обеспечила безопасность портовых сооружений. И это при том, что она, как хороший стратег, не могла не знать, что ее армада не выдержала бы атаки «Исполнения долга».

— Боги хранят невинных, — вздохнул Шан и приложил ладонь к замку рубки.

— Невинных? Это кто невинный? — спросил знакомый голос старшего радиста Расти Моргенштерна.

Шан невесело улыбнулся.

— Мы все невинные, друг мой, — сказал он, кивая в сторону пульта, за которым сидел Расти. — Как дела с новой системой?

— Почти установлена. Мы давно бы закончили, если бы в последнюю минуту не получили массу закодированных сообщений — это из-за прощального эскорта.

Расти ухмыльнулся. Его доброе круглое лицо так и сияло воинской доблестью. Но тут он вспомнил о чем-то и начал поспешно копаться на полочке у пульта.

— У меня тут кое-что для вас...

Он протянул Шану запечатанный конверт с голографической ленточкой на клапане. Шан вопросительно поднял брови.

— Когда я его расшифровал, оно осталось зашифрованным, — объяснил Расти, смутившись. — Так что мне показалось, что надо...

— Конечно. — Шан взял пакет и зачем-то взвесил его на ладони. — С этого момента подобные вещи надо направлять сразу ко мне.

Расти серьезно кивнул.

— Я хотел, но Присцилла сказала, что вы почти у дверей.

— Ясно. А еще что-нибудь Присцилла тебе сказала?

— Только чтобы я дважды проверил все выходные каналы и убедился в том, что позывные «Дерево и Дракон» введены в основные и запасные маячки, а потом сделать то же со всеми спасательными шлюпками.

Шан печально покачал головой:

— Вижу, что мне можно было не трудиться сюда приходить.

— Не-а, нам нужно было встретиться. Надо, чтобы вы подписали вот это.

Шан непонимающе уставился на оранжевую карточку стандартного типа. Наверху был изображен знак Клана Корвал, внизу шла надпись «Подтверждение кода». Посмотрев на Расти, он уловил вибрацию ауры — знак испуга.

— Так сказано в уставе, капитан, — осторожно проговорил он. — Извините.

— Да, конечно, радист. — Шан наклонился и нацарапал внизу свою подпись. — И вы меня извините.

Расти кивнул, тоже подписал карточку, осторожно расклеил ее и протянул капитану копию.

Шан убрал карточку в карман, надеясь, что не забудет ее зарегистрировать. Конверт он засунул в тот же карман.

— Спасибо, дружище. Работай.

С этим он ушел, успев быстро сплести нити доброжелательности, чтобы прогнать страх Расти.

На первом диске оказались сведения, которые он и рассчитывал получить от агента из системы: обновленный список местоположений и расписание полетов всех кораблей Клана Корвал и союзных с ним Кланов, оставшихся на обычных торговых маршрутах, плюс основные и резервные пункты сбора для каждого.

Чтобы получить более подробные сведения, понадобился бы ключ Первого представителя — Новы.

«Вот и хорошо, — подумал Шан с непривычной мрачностью. — Меньше знаешь — лучше спишь».

Вытянув руку, он включил селекторную связь, соединившись с постом первого помощника на мостике.

— Присцилла, я отправляю кое-какие сведения, которые должны оказаться под Капитанской печатью. Пожалуйста, найди минутку, чтобы просмотреть их и запомнить три-четыре шифра из нижней части списка.

— Хорошо, капитан. Принимаю на номер четвертый.

Он переписал информацию на ее терминал и сам запомнил пару новых координат. Остальные он уже знал.

После этого он приступил ко второму диску. Когда на экране возникло шифрованное сообщение, Шан громко рассмеялся:

— Бедняга Расти!

Конечно, этого кода не оказалось в шифровальной книге корабля — иначе и быть не могло! Код основывался на постоянно меняющемся положении фигур четырех заочных шахматных партий. Шан ввел записи последнего хода каждой партии. Ka4: b2. 0-0-0+. d5:e4.g6. Он остановился, держа палец на кнопке «Ввод», задумавшись над последней записью. Эта цепочка пешек — ужасно соблазнительная цель, и надо...

— Идиот! — тихо зарычал он и с такой силой стукнул по кнопке ввода, что терминал обиженно пискнул.

Слабоумный Шан! В действие введен План Б, а он думает о результате шахматной партии! Он дал команду к расшифровке и гневно уставился на новые знаки на экране. Расшифрованное послание было кратким. Ощутив выброс адреналина, он включил прямую связь с суперкарго.

— Вызовите людей на резервный мостик, — отрывисто приказал он, как только услышал ответ. — Я сейчас приду к вам.

Секунду царило потрясенное молчание.

— Слушаю, капитан, — ответил Кен Рик, и связь замолчала.

Следующим Шан вызвал пост первого помощника.

— Это капитан. Сделайте любезность: объявите боевую тревогу — готовность второй степени. Когда получите восьмидесятипроцентное выполнение, перейдите на первую степень.

— Шан, мы же в прыжке!

— Вот именно. Объявляйте боевую тревогу. И назначьте Горди командовать... — Он бросил взгляд на главный план корабля у себя над столом. — ...Назначьте Горди командовать курьерским кораблем номер тринадцать. Немедленно.

Звук боевой тревоги почти заглушил его следующие слова:

— Всегда помни, что я тебя люблю, Присцилла.

Шлем легкого скафандра усиливал резкий звук дыхания. В глубине боевой гондолы находился мастер Кен Рик йо-Ланна — в тяжелом скафандре, для защиты от возможных скрытых мин или вредных веществ.

— Сначала на руках, — бормотал Кен Рик. Ярость и ужас составляли интересный фон для его кровожадных интонаций. — По одному в час. А потом перейду на ногти на ногах. Моими собственными пассатижами, даю слово. Только дайте мне шанс... Боги! Еще три, Шан! Я эту морду алмазным кругом буду шлифовать...

— Ты слышала, Присцилла? — проговорил Шан в микрофон связи с мостиком. — Еще три. На этот раз в отсеке шесть. Какой у нас счет на данный момент?

— Четырнадцать. — Ее голос вливал прохладу, успокаивая садняшие нервы Целителя, раздраженные эмоциями Кен Рика. — Компьютер предлагает модель распределения. Он...

— Еще одна! — рявкнул Кен Рик. — Сложная. Задействована. Подключена к прыжковым сканерам.

— Позиция?

— Панель доступа между отсеком шесть и запасным энергомодулем. Тонкий провод идет от нее через край панели. Я могу...

— Не трогай! — крикнула Присцилла.

Ответный тон повиновения на секунду обездвижил даже Шана.

— Как прикажете, леди. Как прикажете.

В голосе старого суперкарго появились почти истерические нотки.

— Кен Рик, ее трогать не следует, — проговорила Присцилла — очень осторожно, очень мягко. — У меня такое чувство...

Шан вздрогнул, хотя магические способности Присциллы не впервые спасали человеческие жизни.

— Какое чувство? — спросил он негромко.

Он слышал тихое потрескивание, говорившее о том, что она на связи, но ждать ответа пришлось почти минуту.

— Намерение, — проговорила она наконец. — За этой стоит дурное намерение. Я...

— За всеми ними стоит дурное намерение! — вмешался Кен Рик, но Шан уже понял, что она хочет сказать.

Остальные устройства были установлены как... просто как устройства, оборудование, необходимое для достижения некой цели. То, что Присцилла ощутила в последней ловушке, было задержавшимся ощущением злобного предвкушения и страсти.

Тот, кто установил эту ловушку, страстно хотел, чтобы они погибли.

— Да, друг, — говорила тем временем Кен Рику Присцилла, — но вы не видите закономерности, которая есть у меня на экране. Тут есть плотность и...

— Избавьте меня от банальностей, девица! — огрызнулся Кен Рик. — Это спираль, даже дураку понятно. И, приближаясь витками к аккумуляторам и конденсаторам, она становится все более опасной. Снимая их, мы не имеем права сделать ни единой ошибки. Мы даже не смеем считать, что обнаружим их все! Я еще не начинал осматривать боеголовки...

Невидимый ему Шан согласно кивнул. Кто-то тщательно продумал уничтожение «Исполнения долга». Оно должно было стать таинственным и не поддающимся анализу: взрыв в процессе прыжка, в пределах гиперпространственной матрицы: тут надежды найти выживших не будет!

— Кен Рик, отметь это место, оставь все панели открытыми и выходи ко мне.

Шан не хотел говорить настолько резко и приказывать так безапелляционно.

— Сию минуту, капитан.

Чувство облегчения напрочь смыло ужас Кен Рика, но Шан этого даже не заметил.

— Присцилла, выведи гондолу шесть на минимальную мощность. Постарайся перевести как можно больше людей в противоположную часть корабля. Не считая меня и Кен Рика, у вас восемь квалифицированных пилотов. Оставь троих при себе, отправь одного на внутренний мостик, помести двух у моей каюты, чтобы они в случае необходимости могли воспользоваться капи-

танским пультом управления. Пусть Горди отправится в грузовой отсек 117-А и перенесет то, что там хранится, на курьерский корабль. Вернувшись на корабль, он должен перейти на внутреннее питание и находиться на боевом посту со вторым пилотом.

И еще, Присцилла: будь добра, вызови все файлы по теоретическим и практическим аспектам прыжковой математики.

— Ситуация, — осторожно проговорил Шан, — весьма неловкая.

Он посмотрел на разделенный на секции экран, откуда на него смотрели девять очень серьезных лиц. Сам он тоже наблюдал за ними: Горди, его сын-воспитанник. Присцилла: сжатые губы и посеревшее лицо, а рядом с ней — огромные глаза Трины Маками на темном лице. Вилобар с блестящими от пота усами. Сет, как всегда немногословный. Присцилла...

Трудно не наблюдать за Присциллой. Шан предпочел бы находиться на мостике, где ее присутствие дарило бы ему успокоение, но меланти данной ситуации не допускало толкований. Ресурсы следовало рассредоточить как можно сильнее. У корабля и команды шансов на выживание больше, если в живых останется хотя бы один пилот...

— Боевая гондола шесть оказалась... заминированной. С ловушками. Ее испортили во время хранения.

Дав всем немного времени на всплеск гнева или страха, Шан поднял руку, умерив шум.

— Кто? В настоящий момент это не важно. Как? Очевидно, под предлогом обслуживания штатные устройства время от времени заменялись устройствами, содержавшими встроенные бомбы. Как мы об этом узнали? Я получил закодированное сообщение по узкому лучу из... источника, заслуживающего полного доверия. Похоже, установка гондол вызвала к жизни немало слухов, и среди них был и тот, что галактика скоро услышит об уничтожении крупного лиадийского торгового корабля при таинственных обстоятельствах.

Насколько мы смогли определить, на борту более пятнадцати взрывных устройств. Все они рассчитаны на нанесение некоторого ущерба, а некоторые — максимального ущерба. Проблема заключается в том, что эти устройства снабжены различными таймерами и спусковыми механизмами. По крайней мере одно из них активируется при входе в прыжок. И вполне вероятно, что нам удалось обнаружить не все эти устройства. Мастер Кен Рик полагает, что вероятность обнаружения и деактивации всех этих ловушек до окончания прыжка исчезающе мала.

Шан обвел взглядом все девять серьезных лиц по очереди. Никто не казался чрезмерно взволнованным. Он перевел взгляд на свои руки — крупные, смуглые, ловкие руки, спокойно сложенные на коленях. В свете приборной доски сиял фиолетовым солнышком аметист в кольце мастера-купца. Он снова посмотрел на экран.

— Будь мы в нормальном пространстве, я бы просто перенастроил защиту и понадеялся, что в момент взрыва мы окажемся достаточно далеко от гондолы. Или же воспользовался бы ею, как мишенью для учебных стрельб.

Но теперь ситуация совсем иная. Мы, как вы знаете, находимся в гиперпространстве и лишены способности маневрировать. С другой стороны, законы физики, управляющие прыжками, говорят, что взрыв в присоединенной гондоле освободит в ней энергию, которая, в свою очередь, заполнит матрицу прыжкового гиперпространства, а общее равенство энергии и массы в системе не изменится. Кто-то с этим не согласен?

Девять лиц отразили согласие пополам с отчаянием.

Шан вздохнул.

— Капитан также не видит очевидного и немедленного ответа. Я бы предложил, чтобы каждый пилот следующие двенадцать минут обдумывал альтернативные варианты. Начнем по моей команде. После этого мы снова соберемся на совещание. Пилоты, даю вам команду. Три — два — один — начали!

— Черт в табакерке! — запротестовал Вилобар, нервно разглаживая усы. — Я не понимаю, как...

— Никаких споров! — приказал Шан. — Сейчас мы будем обсуждать идеи.

— Да! Но пружина... Если ракетная тяга не действует, то, может быть, пружина сработает! — вмешался Горди, прервав спор старшего пилота и капитана. — Их можно поместить в соединительный переход в сжатом виде и прикрепить к опоре. При отсоединении гондолы пружины распрямятся — и оттолкнут гондолу. Потом мы втянем рычаг обратно...

— ...воспользоваться защитными экранами гондолы — если мы можем им доверять. Как только мы произведем отделение — вопрос становится чисто теоретическим. Будет ли энергия распространяться по всей системе, или же нарушение физической конгруэнтности остановит поток энергии?

Сет оторвался от своих каракулей и невесело ухмыльнулся.

— Если это получится, то теоретикам и философам будет о чем поспорить.

— ...отрезать все крепление гондолы, если понадобится, — быстро проговорил Рен Зел. — Затраты энергии остаются в пределах допустимого, как и уменьшение прочности корпуса. Но команду, которая будет ее отрезать, мы скорее всего потеряем... — Он поднял голову: на бесстрастном в соответствии с лиадийским этикетом лице глаза были полны боли. — Необходимость, капитан.

И это Шан тоже ограничил двенадцатью минутами: у них не было времени на то, чтобы определить, сколько у них времени.

Шан смотрел на экран, заполненный растущей грудой распорок, растяжек, платформ — и время от времени тенью одного из добровольцев. Они вели наладку, стараясь по возможности уравнять давление.

Кен Рик командовал отрядом добровольцев. Необходимо было, чтобы в их числе был пилот, и, как заявил без привычной едкости Кен Рик, старый пилот первого класса будет меньшей потерей для корабля и команды, нежели мастер-пилот. Даже если мастер-пилот — настоящий юный кретин.

Шан наблюдал и ждал. На втором экране он видел Присциллу: она тоже ждала. При виде нее он с изумлением ощутил волну столь сильного влечения, что у него заслезились глаза. В ближайшее время ему надо будет задуматься над своими приоритетами: капитан и первый помощник вынуждены держаться раздельно из соображений безопасности, но это не казалось ему приемлемым долгосрочным решением.

— Последнее! — объявил Кен Рик из гондолы все тем же пугающе спокойным голосом. — Мы уже выходим, капитан.

— Прекрасно, — отозвался Шан. — Входя в коридор, проводите перекличку. Нам не хотелось бы, чтобы кто-то остался в той штуке.

Он нажал на кнопку, вызвав изображение основной стены гондолы, и увеличил изображение так, что стали видны нанесенные краской отметины: одна на каждые полметра. Это помогало вести измерение движения, которое во время прыжка приборы не регистрировали. Движения, которое в гиперпространстве невозможно.

Если верить одной из теорий.

Шан вздохнул. Он рассчитал, что при нормальных условиях они получат скорость разделения полметра в секунду. Кто знает, какой скорость будет в гиперпространстве, где не существует ни скорости, ни расстояния, ни направления — при условии, что предложенный Горди «чертик из табакерки» вообще сработает.

— Пять.

Голос Расти, ведущего отсчет, выражал одну только бесконечную усталость, и Шан испытал волну теплого сочувствия по отношению к пухленькому радисту. А потом он услышал Кен Рика, махавшего перед камерой и говорящего в микрофон:

— Все вышли, капитан. Дайте нам двенадцать секунд, чтобы уйти из коридора...

— Даю вам сорок восемь, начиная с моего сигнала. Три — два — один — сигнал. Присцилла?

— Поняла, капитан. Через двенадцать секунд мы начнем выключать двигатели. Циклическое реле гондолы отключит экран метеоритной защиты, после чего включается защита от столкновений.

— Успешно закрыв корабль в месте перехода к шестой гондоле, пока сама гондола полетит к чертям. Как мы надеемся.

Он покачал головой, увидел сигнал Кен Рика, что все в порядке — двадцать две секунды, — и снова перевел взгляд на второй экран.

— Пожалуйста, занеси в вахтенный журнал отметку, что сегодня Гордон Арбетнот получил квалификацию пилота третьего класса и зачислен кандидатом на подготовку второго класса.

Члены команды, находящиеся на боевых постах, получили предупреждение о том, что до решающего момента осталось двадцать четыре секунды. Не то чтобы это что-то меняло.

Корабль чуть заметно — и даже привычно — пошевелился: крепления гондолы были отключены. На экранах ничего не изменилось.

Двенадцать секунд. Девять. Шесть. Три. Две. Одна. Легкое качание — отключены внутренние захваты гондолы...

На основном экране Шана множество распорок зашевелились, опоры домкратов отлетели в стороны, платформы затряслись — и он ощутил чуть заметный толчок. Третий экран начал показывать смену отметок на основной стене гондолы: полметра... метр... еще...

На мониторе изображение на долю секунды смазалось: под неравномерным давлением гондола повернулась.

А потом все стало серым. По-прыжковому серым. Никакой гондолы. Никакой основной стены. Никаких поспешно намалеванных отметин. Серое.

С экрана номер два на него смотрела Присцилла.

— Приборы потеряли гондолу, капитан. Никаких показаний от причального радара, экран гиперпространственной матрицы

изменений не регистрирует. Противометеоритный экран включается через шесть секунд. Мы получили показания инерционного датчика: поправка в два с половиной метра в секунду.

Так. Больше от них ничего не зависит. Что сделано, то сделано, а результат — в руках богов. Шан протянул руку к пульту и отключил экраны, заполненные серым туманом.

— Спасибо, Присцилла. Предлагаю встретиться в нашей каюте за ленчем. До конца прыжка осталось шесть часов, и хотя бы один из них я проведу с тобой.

Литаксин
Учебный плац отряда Клана Эроб

Вдали виднелось Дерево — подарок Клана Корвал. Дальше — дом, а совсем далеко — холмы и небольшая горная гряда, названная Драконьим Хребтом. И где-то там, на одной из невысоких вершин, был еще один подарок Корвала.

Это была башня. Никто уже не помнил, почему именно ее назвали Драконьим Зубом. Сейчас в ней находились трое наблюдателей, каковое обстоятельство наполняло Вин Дена тель-Вости ликованием.

— Неплохо мы используем апартаменты для брачных контрактов с Кланом Корвал! Тебе повезло, племянница Мири, что ты прилетела к нам в качестве спутницы жизни, иначе ты и твой временный супруг должны были бы поселиться в Драконьем Зубе, и вы оба ничего не могли бы с этим поделать.

— Далековато ходить на завтрак, — заметила Мири.

Это замечание вызвало у тель-Вости новый приступ смеха.

По другую сторону Драконьего Хребта располагалась довольно неприветливая местность, а еще дальше встречались только редкие фермы да лесопосадки. Пока икстранцы туда не проникли, и наблюдатели из Драконьего Зуба смотрели вниз, в сторону Дерева и Кланового дома. С помощью сильного телескопа они наблюдали за передвижениями противника вблизи берега, не обращая внимания на поля за домом, где пока ходили только те, кого можно было ожидать там увидеть. Утренний туман сильно затруднял наблюдения, однако они были жизненно необходимы, поскольку икстранцы вывели из строя почти все спутники.

* * *

— Внимание!

Голос Мири разнесся над плацем. Члены первого отряда Объединенных сил Литаксина оставили позы нападения или защиты и повернулись к своему капитану.

— Сдвинулись по кругу! — скомандовала Мири, и те, кто только что защищался, передвинулись налево, получив нового напарника.

— Если они будут работать с постоянным партнером — это не настоящее обучение, — сказала Мири в самом начале. — Мы будем постоянно их перемещать: пусть учатся как можно больше, пусть приучаются действовать по-разному. Может быть...

«Может быть, — думал теперь Вал Кон, беспорядочно проходя по рядам в качестве помощника своего капитана, — может быть, все-таки кто-то из них останется жив».

Конечно, выживание не гарантировано никому, хотя высадка захватнических отрядов икстранцев оказалась удивительно удачной для защитников. Большая часть сил высадилась у побережья, и всего около батальона приземлились на таком расстоянии, что они представляли непосредственную опасность для земель Клана Эроб. Правда, Контур уверял Вал Кона в том, что батальона закаленных боями икстранцев будет достаточно, чтобы справиться с остатками отрядов наемников и Первым отрядом Объединенных сил Литаксина.

Мири назвала свои силы «Литаксинскими нерегулярными», что, в сущности, характеризовало состояние большей части сил обороны, отражающих нападение на Литаксин. Если не считать отлично обученных отрядов Джейсона, даже отряды со старыми названиями и своей историей представляли собой лишь бледные копии обычных отрядов наемников: они были составлены из членов разных отрядов, и это относилось и к командирам. Вал Кон со вздохом спрятал предсказания Контура в дальний уголок сознания и по команде Мири вместе со всеми вытянулся по стойке «смирно».

— Партнеры А, В, Д, — крикнула Мири, — к защите!

Во время этого занятия Вал Кон должен был наблюдать за действиями нападающих и поправлять их, опираясь на авторитет капитана и собственный опыт рукопашного боя. Именно такого рода задания обычно доставались ему в армии, где у него не было иного звания, кроме разведчика — и напарника Мири.

Плац молчал, ожидая следующей команды капитана. Вал Кон закрыл глаза, вспоминая высадку икстранцев.

Они с Мири побежали, чтобы предупредить Клан Эроб, но штурмовик закружился у них над головой, заставив искать укрытие. Штурмовики рванулись к аэродрому и сделали несколько заходов, прежде чем навстречу им поднялся самолетик тер-Мьюлин. К этому времени небо заполнилось ревом приближающегося транспортного корабля.

Совершенно по-идиотски икстранцы попытались уничтожить «Найденыша» с помощью обстрела. Результатом этой ошибки стал внушительный дождь обломков, пролившихся с неба, — и спасение главной твердыни Эроба.

А потом был гром с небес и с земли: «Найденыш» ответил на атаку противника из космоса. Отважный корабль, но в конце концов все оказалось тщетным. Его корабль погиб. Наследница Клонака тер-Мьюлина погибла. Остатки воздушных сил Клана Эроб погибли. А он, пилот Клана Корвал, оказался привязанным к земле и вынужден обучать детей искусству убивать.

— Внимание! Начали! — скомандовала Мири, и неподвижный плац внезапно вскипел лихорадочным движением.

Несколько пар действовали совершенно неправильно. Мири направилась к Трианне и Илвину, а Вал Кон прервал нападение Ан Дера резким приказом: «Стоять!»

— Замах через голову приемлем для мачете или палаша, — сказал он, глядя в голубые глаза, обведенные синяками. — Но для аварийного клинка такая техника не подходит: если у противника радиус действия больше, ты оказываешься открытым. Поскольку реальный противник, с которым тебе придется сражаться этим клинком, почти наверняка окажется значительно крупнее тебя, правильный выпад — низкий, чтобы застать врасплох и нанести удар, самому превратившись в предельно малую мишень. А потом надо целиться в грудь и горло — вот так. — Он продемонстрировал последовательность действий против воображаемого великана, протянул клинок Ан Деру и отошел. — Работайте. Головой работайте — страхом битву не выиграть.

Паренек принял свой клинок, отвесил поклон ученика уважаемому учителю и снова повернулся к своему партнеру. Вал Кон посмотрел, как они выполняют ставшее гораздо более актуальным упражнение, а потом пошел вдоль строя, время от времени останавливаясь, чтобы поправить, показать или похвалить.

— Внимание!

Звучная команда заставила всех застыть неподвижно.

— Учение окончено! — объявила Мири. — Вернуть клинки Кол Вусу. Все свободны до сигнала к обеду.

Вал Кон позволил себе облегченно расслабиться. Это обучение детей и домочадцев оказалось удивительно утомительным делом. Он направился было к Мири, но увидел, как с противоположной стороны плаца к ней приближаются Эмрит Тайазан и Вин Ден тель-Вости.

— Разведчик! — громко и радостно окликнули его сзади.

Вал Кон скрипнул зубами и не стал останавливаться: в эту минуту у него не было желания иметь дело с Джейсоном Кармоди.

— Эй, разведчик! — не сдавался Джейсон. — Жми сюда, быстренько! Я хочу кое-что тебе показать! Срочно!

Ну, тут уж ничего не поделаешь. Вал Кон вздохнул. Приоритеты командира перевешивают желание мужчины защитить свою даму от стрессов, сопряженных с общением с родней.

Он повернулся — и чуть было не вздрогнул.

Джейс ухмыльнулся и провел рукавом по лбу, оставив полосу грязи. Его ухоженные волосы, всегда стянутые в хвост, растрепались, выбились из-под ленты и окружали крупную голову словно нимб. Кожаный костюм был заляпан грязью и поцарапан, на загорелой щеке красовался свежий синяк, а широко посаженные бирюзовые глаза сияли демоническим весельем.

— Видок у меня недурной, могу спорить, — жизнерадостно проговорил он. — Но не успел вот отыскать парадный мундир. Ну, это мощно, сынок! Я разыскал одного типа, с которым тебе стоит поговорить.

У Вал Кона замерло сердце. «Шан?» — подумал он и тут же чуть было не рассмеялся.

«Ну да! — сказал он себе. — Как же! Можно подумать, у Шана хватило бы дурости поставить под угрозу свой корабль и жизнь А-Наделма, прорываясь сквозь икстранскую блокаду!»

— Ты меня слушаешь, разведчик?

Джейсон пристально посмотрел на него. Вал Кон выгнул бровь.

— Разумеется, командор. Вопрос такой: где он — тот, с кем мне стоит говорить?

— В леднике. — Его губы снова расплылись в ухмылке, полной самодовольства. — Ну, парень, как только ты увидишь... Эй, капитан Рыжик!

— Привет, Джейс.

Голос Мири звучал негромко и немного сел от выкрикивания команд на учениях. Она улыбнулась Вал Кону и уютно обхватила его за пояс.

— Неплохо смотрелась, дорогуша. Когда они будут готовы драть икстранцам задницы?

Мири наклонила голову, и Вал Кон ощутил внутреннюю напряженность, словно это он сам сейчас взвешивал факторы, воспринимаемые подсознательно.

— Можем взять на себя немного огня, если ты хотел бы поделиться, — спокойно ответила Джейсону Мири. — В самое пекло они еще не годятся, но драчку уже выдержат.

— Может, и поделюсь, раз так. Зависит от того, что разведчик сможет вытянуть из...

— И что, — спросила Эмрит Тайазан, подходя к ним под руку с Вин Деном тель-Вости, — может быть настолько важно, что капитану Робертсон понадобилось повернуться спиной ко мне и уйти?

На секунду воцарилось молчание.

— Командуешь ты, Джейс, — пробормотала Мири.

Громадный командор чуть вздрогнул, а потом поклонился Делму.

— Извините, сударыня, — проговорил он, с трудом понижая свой зычный голос. — Мне необходимо, чтобы разведчик и капитан Робертсон прошли со мной. Вопрос не терпит отлагательства.

Тель-Вости ухмыльнулся, но Эмрит Тайазан только гневно сдвинула брови и позволила молчанию затянуться, пока даже Джейсон не ощутил угрозы. Вал Кон чуть изменил позу, отвлекая на себя взгляд великана.

— Вполне возможно, — негромко заметил он, — что Делм Клана Эроб тоже пожелает рассмотреть этот срочный вопрос.

Лицо Джейсона выразило сомнение, но он еще раз поклонился Делму.

— Я буду счастлив заручиться вашей помощью, сударыня. И генерала тель-Вости также.

Эроб наклонила голову, продолжая держать тель-Вости под руку.

— Ведите нас, командор, — приказала она. — Мы счастливы предоставить вам наше... содействие.

Запасной холодильный завод Клана Эроб, рассчитанный на то, чтобы выдержать нагрузки быстрой глубокой заморозки, вакуумсушки с сублимацией и даже взрыв небольшой бомбы, являл собой прекрасную тюрьму.

Стоявший на посту у двери капрал сообщил, что док Тьен все еще внутри вместе с охранниками, в соответствии с приказом командора.

Джейсон кивнул и указал на монитор.

— Взгляните, — пригласил он. — Лучшей новости не придумаешь!

На мониторе было трудно различить что бы то ни было, кроме размеров пленного: его заслоняли врач и охранники. Однако у Вал Кона быстрее забилось сердце, а Мири обернулась и воззрилась на Джейсона.

— Что ты сделал? — спросила она. — Врезал икстранцу по башке?

Командор ухмыльнулся.

— Чуть карабин не сломал. Ну и крепкая же у него башка!

— Икстранец? — Тель-Вости сощурился, вглядываясь в монитор. — Вы захватили икстранца? Живым? Мой дорогой командор! Вы дарите нам надежду.

Делм с трудом повернула голову.

— Надежду? — огрызнулась она и посмотрела на Джейсона так, что вдруг стала похожа на сокола, дразнящего медведя. — На что он нужен, командор? Мы заводим зоопарк?

Джейсон отрывисто хохотнул.

— Наверное, можно было бы, — проговорил он, поглаживая бороду. — Посадите нас с ним в одну клетку. Он примерно одного со мной размера, плюс-минус головная боль. — Он покачал головой. — Но его ценность в том, что́ он знает и где он был. Мы обнаружили его в охотничьем заповеднике. Одного.

Тель-Вости и Делм замерли.

— Так близко? — пробормотал Вал Кон.

Джейсон уже совершенно серьезно посмотрел на него и ответил:

— На восточной гряде. Чуть ниже вершины. В паре километров от позиций Критулкаса. Потом покажу на карте. — Он снова с ухмылкой указал на монитор. — Ну, что скажешь, разведчик? Красавчик, правда?

— Он отвечает стандартам своей расы. — Вал Кон снова повернулся к экрану, стараясь разглядеть за крепкими охранниками пленного. — Говорите, ударили его по голове?

— Сзади, — чуть пристыженно признался Джейсон. — Он только-только закончил передавать сообщение — и тут я свалился на него, как лавина. Тогда мне это показалось хорошей мыслью, но, проклятие, мне пришлось самому его тащить!

Мири рассмеялась, не отрываясь от монитора.

— Насколько серьезно он травмирован?

— Док как раз проверяет. Как только я убедился, что он цел, то по-быстрому опрыскал его двойной дозой усыплялки из ап-

течки. Его барахло в соседней комнате. Наверное, разведчик захочет посмотреть.

— Захочешь? — тихо спросила Мири.

Вал Кон вздохнул.

— Предвижу такую необходимость. Похоже, Джейсон решил, что разведчик должен говорить по-икстрански.

— О! — Мири заморгала. — Наверное, придется налаживать автопереводчик.

— Возможно.

В холодильной камере врач выпрямилась, выключила монитор и направилась к двери, отмахиваясь от охранников, словно от надоедливых цыплят. Ее пациент стал наконец по-настоящему виден — и Вал Кон похолодел.

Похоже, Мири ощутила долю его потрясения благодаря узам спутницы жизни. Она подалась вперед:

— Босс! Ты в порядке?

— В порядке. Да.

Дверь открылась, и он стремительно повернулся, взмахом руки призывая врача.

— Этот человек — он цел?

Она по-земному пожала плечами.

— Сойдет. Спит довольно крепко. — Она посмотрела на меддатчик. — Если реакции у него, как у землянина с таким же весом, он должен прийти в себя минут через сорок, максимум через час.

— Час на то, чтобы осмотреть его вещички, — сказал Джейсон, — и продумать, как с ним лучше разговаривать. — Он помолчал и посмотрел в лицо Вал Кону. — Ты можешь говорить с этим парнем, сынок?

— Говорить вот с этим! — повторила Эмрит Тайазан, разрываясь между ужасом и яростью. — Корвал — вы можете говорить с этим *созданием?*

Но Вал Кон уже повернулся к монитору, вглядываясь в облик запертого внутри мужчины. Он был более худ, чем можно было бы предсказать по его росту, и лежал на шести поспешно сдвинутых ящиках. Черты его лица плохо различались под сложной маской татуировок.

— Корвал!

Это снова Эроб. Ему вдруг ужасно надоела Делм Эроба, как, впрочем, и Джейсон, и война, в которую они еще не вступили. Тот человек здесь. Тот человек...

— Корвал! — рявкнула Эмрит Тайазан, несомненно, рассчитывая, что повелительный тон заставит его повернуться. — Я тре-

бую ответа. Вы сможете убедить это создание говорить по существу?

Чудовищным усилием воли Вал Кон заставил себя оторваться от монитора, показывавшего спящего гиганта. Он медленно повернулся, ощущая, как его лицо застывает в непривычном выражении — как и должно быть в соответствии с наставлениями старых уроков. Он почувствовал, как должный ответ выходит наружу из его сознания, а затем — с губ.

На лице Делма отразился страх, на лице тель-Вости — беспокойство. Джейсон откровенно обалдел. Одна Мири смогла пошевелиться: она встала перед своим Делмом, ухватив Вал Кона за рукав.

— Спокойно, босс.

Старый урок отпустил его, и он улыбнулся ей сквозь острую жажду, ласково прижав ее кисть ладонью.

— Простите меня, — проговорил он к вящему изумлению Эроб. — Икстранский язык трудный и в отдельных аспектах грубый. Однако в некоторых случаях он подходит идеально.

Он оглянулся через плечо, чтобы бросить прощальный взгляд на экран.

— Я могу говорить с этим человеком, — мягко сказал он Делму. — По правде говоря, в последнюю нашу встречу мы довольно долго разговаривали.

Она возмущенно выпрямилась.

— Не шутите со мной, Корвал!

Вал Кон бесстрастно смотрел на нее.

— Я не шучу.

На этот раз вмешался тель-Вости. Он взял старую даму за руку и довольно энергично ее тряхнул.

— Оставь паренька в покое, Эмрит! Сейчас не время ссориться с драконом.

Вал Кон повернулся к Джейсону.

— Я пойду осмотреть вещи, — проговорил он, а его взгляд снова притянуло к экрану. — Будьте добры дать мне точильный камень и кусок крепкой веревки. Когда он очнется, я поговорю с ним наедине.

— Хорошо! — сказал Джейсон. — Как скажешь.

Вал Кон кивнул.

— Именно как я скажу. — Он посмотрел на Мири, поймал на себе ее встревоженный взгляд и вдруг радостно улыбнулся. — Конечно, с разрешения моего капитана.

«Ловкий Дракон»
Между планетами

— Вот этот! — отчеканила Лиз: уверенность ударила ей в голову, как укол стимулятора.

Сидевшая рядом Нова заморгала и прикоснулась к клавишам, увеличивая изображение.

— Посмотрите внимательнее, Анжела Лизарди. Вы уверены?

— Я же говорила, что узнаю его, когда увижу, — ответила Лиз, стряхивая с себя остатки дремоты. — Это именно он.

В сравнении с символами других кланов, которые Лиз рассматривала последние пару часов, знак не представлял собой ничего особенного, однако этот отличался чистотой линий, которую Лиз находила хотя бы... бодрящей.

Нова йос-Галан оторвала взгляд от экрана и устремила на нее широко раскрытые лиловые глаза.

— Вы уверены?

Лиз нахмурилась.

— Сколько раз мне это надо повторить, Блондиночка?

Лиз довольно давно обнаружила, что Нове йос-Галан не нравится, чтобы ее звали Блондиночкой. И она стала использовать это обращение в моменты особого раздражения, которых, увы, было немало. Лиадийка обладала настоящим талантом выводить человека из равновесия.

Однако на этот раз это прозвище не заслужило ни мрачного взгляда, ни нахмуренного лба. Вместо этого Нова снова повернулась к компьютеру и стала возиться с кнопками на подлокотнике, пока знак не сменился на страницу лиадийских букв. Она еще немного пощелкала — и слова растаяли. Когда на экране снова возник знак клана, Нова заговорила, спокойно и монотонно:

— Это — знак Клана Эроб.

Лиз снова нахмурилась, пытаясь прочесть что-то по профилю своей спутницы и развороту ее плеч. С тем же успехом можно было пытаться прочесть противометеоритный экран.

— Если ваша подруга владела таким знаком, она принадлежала к Клану Эроб по линии Тайазан. Тай-а-зан. — Нова вздохнула и поморщилась. — Каталина Тайзан. Ха!

Она повернулась и снова посмотрела на Лиз. Теперь глаза Новы стали непроницаемыми и жесткими, как аметисты.

— Вы *полностью* уверены, Анжела Лизарди?

— Боитесь, что я играю вашими чувствами? Это тот же узор. Я его узнала бы, даже если бы ослепла.

— Клан Эроб, — снова повторила Нова без всякого выражения.

— Как скажешь. У тебя с этим проблема, Блондиночка? Они что — Капулетти?

В глубине лиловых глаз на мгновение промелькнуло недоумение, но сразу же рассеялось.

— Нет, нисколько. Клан Эроб — наш самый давний союзник. Насколько я помню, в этом поколении нам предстояло снова соединить наши гены.

— Вот как. — Лиз секунду переваривала услышанное. — Тогда будь я проклята, если я понимаю, почему ты кипишь. Если Рыжик и этот твой братец поженились — а я в это поверю только после того, как сама Рыжик мне это скажет, — но если это действительно так, то мне сдается, что тебе следовало бы приглашать оркестр для праздничного вечера и составлять список приглашенных.

— Ха! — Неподвижное золотистое лицо на секунду расслабилось в том, что было для Новы улыбкой. — Но, видите ли, я тоже питаю некое... удивление такому браку. Мой брат Вал Кон, как вы, наверное, поняли, не очень... податлив. Ему достаточно только услышать, что он должен взять жену в Клане Эроб, — и мы увидим, как он смотрит куда угодно, только не в ту сторону.

Лиз рассмеялась.

— Значит, они с Рыжиком друг другу подходят. А вам и всей вашей родне лучше не соваться!

— Да. — Улыбка Новы потеплела, отразившись даже в глубине ее глаз, а потом она снова перевела взгляд на экран. — Наши поиски стали проще, — пробормотала она, нажимая клавиши и отключая программу поиска. — Мы полетим на Литаксин, Анжела Лизарди, и зададим свои разнообразные вопросы моему брату и Мири Робертсон.

Она встала, тряхнула золотыми волосами, еще раз взглянула на потухший экран, а потом перевела взгляд на Лиз. Ее бледные губы изогнулись в слабой улыбке.

— И, естественно, Делму Клана Эроб.

— Неплохой план, — отозвалась Лиз, вставая и с наслаждением потягиваясь. — Насколько я понимаю, вы знаете, как доставить нас на Литаксин.

Нова слегка поклонилась.

— Нет ничего проще.

Дом Клана Эроб
Тюрьма вакуумной сублимации

— Этот парень — солдат?

В голосе Мири слышалось открытое недоверие. Вал Кон оторвался от мрачного осмотра вещмешка пленного.

— Все икстранцы — солдаты, — ответил он, почти не слушая собственных слов. — А этот когда-то был кем-то большим. — Он указал на изгрызенный мышами сухой паек. — Похоже, у него полоса неудач.

Он резко бросил плитку пайка обратно в мешок и встал, хмуро глядя в его недра.

— Тут что-то не так.

Мири рассмеялась.

— Завернуто покруче стаи смерчей, — согласилась она. — Ты посмотри на его винтовку.

Вал Кон положил мешок и подошел туда, где Мири выложила на два ящика массивное оружие. Он опустился на колени напротив нее и вопросительно посмотрел на Мири, но она только ухмыльнулась и приглашающе взмахнула рукой.

— Теперь твоя очередь.

Винтовка оказалась вычищенной и хорошо смазанной. На первый и даже на второй взгляд это было хорошее солдатское оружие, хотя что-то в нем не давало Вал Кону покоя. Он наклонился ниже, чтобы осмотреть спусковое устройство и электронику. Вздрогнув, он снова взглянул на Мири.

Та кивнула.

— Похоже, интендант-оружейник плохо к нему относился.

— Да, похоже. — Он сел прямо, тесно сдвинув брови. — И ему вообще не обязательно было носить с собой такую вещь.

— Почему? Если собираешься прогуляться по вражеской территории, разумно иметь при себе винтовку.

— Разумно, если ты солдат, — тихо согласился Вал Кон. — Но не разведчик.

Мири моргнула.

— Разведчик?

— По-икстрански их называют исследователями. Но смысл тот же — разведчик.

Она осторожно передвинулась, поймав его взгляд.

— И ты сказал, что знаешь этого парня?

— О нет! — Он мимолетно улыбнулся, так что тень на его лице почти рассеялась. — Мы просто говорили с ним один раз — много лет тому назад. Тогда у меня был чин капитана. Я был очень молод и очень уверен в собственном бессмертии. — Он ухмыльнулся. — Когда я рассказал Шану эту историю, он только что не приказал мне уйти из Разведки. Мне редко приходилось видеть его в таком гневе.

Мири пристально посмотрела на него.

— И что же это была за история?

— Та, в которой я застукал икстранского разведчика за исследованием той же планеты, что изучал я. Я устроил ему ловушку, поговорил с ним — а потом отпустил.

— Шан считал, что тебе следовало перерезать ему горло?

— Он считал, что при первых признаках присутствия на любой планете икстранцев мне следовало уносить ноги. — Он снова улыбнулся. — Шану очень хочется, чтобы все мы, находящиеся под его опекой, вели себя в соответствии с его пониманием должной осмотрительности. Но сам он показывает такой плохой пример, шатрез...

Она рассмеялась и покачала головой, указывая на винтовку и вещмешок с грузом некачественной экипировки.

— Разведчика так не экипируют.

— Согласен. — Он снова начал хмуриться. — Даже если его отправили к нам как приманку, исследователь способен создать план такого рода...

— Позволить захватить себя в плен? — изумленно воззрилась на него Мири. — Икстранцы не позволяют захватывать себя в плен, босс. И ты это знаешь.

— Да, но у этого уже есть опыт плена, — возразил Вал Кон. — И кроме того, он — разведчик. Хотя разумно было бы экипировать свою приманку как следует, чтобы подкрепить легенду о том, что это — солдат, выполняющий какое-то другое задание.

— Думаешь, он беженец... дезертир?

Вал Кон покачал головой.

— В этом случае человек позаботился бы о том, чтобы обзавестись хорошим оружием и нормальной пищей. Лезвие этого аварийного клинка настолько затупилось, что им можно пользоваться только как ломиком или колуном!

Мири со вздохом встала.

— Непонятно, правда? — Она взглянула на часы. — Осталось двадцать пять минут.

— Так. — Вал Кон встал. — Мне лучше взять все это с собой.

— Мне не нравится, что ты собираешься зайти туда и разговаривать с ним один на один. — Мири вдруг заговорила не как его напарник, а как возлюбленная и спутница жизни. — Возьми охранника.

Он улыбнулся, подошел к ней вплотную и ласково прикоснулся к щеке кончиками пальцев.

— Все будет хорошо, Мири. — Он наклонился и поцеловал ее в лоб. — И потом — он связан.

Грезы и воспоминания танцевали на радость Богам Иронии.

В своем видении он был пойман, связан, как кролик, и качался на дереве. Клинок и пистолет были у него на поясе — далекие, как Центральная база.

Во сне он выкрикивал оскорбления своему захватчику, который сидел внизу, на траве, поджав под себя ноги, и деловито точил свой нож. Память вернула ему запах, смешавшийся с запахами чужой планеты: запах масла, которым тот время от времени мазал поверхность точильного камня. Шорох лезвия по камню был успокаивающим, обыденным элементом ситуации, для которой не существовало аналогов.

Запах и звук не прекращались, хотя видение начало рассыпаться. Запах и звуки — и веревки, туго перекрещивающиеся у него на груди, притягивающие руки к бокам и крепко стянувшие лодыжки.

Он открыл глаза.

В них резко ударил свет, и в голове зажглась слепящая боль, на мгновение исказившая реальность. Вернувшись в воспоминание, он зарычал:

— Неужели нож еще не остер?

— Нож, — ответил мягкий голос, все эти годы преследовавший его в кошмарах, — снова остер, чракек икстранг.

С этими словами точивший поднял голову. Непокорные темные волосы упали на лоб, почти закрыв глаза, похожие на острые зеленые камни. Это лицо — лицо... Лицо его погибели, гладкое и не изменившееся за все эти циклы. Хотя... не совсем. На правой щеке теперь была отметина, похожая на нчаку, шрам зрелости.

— Ты!

Он хотел взреветь, но из напрягшейся под путами груди вырвался только хриплый шепот.

Лиадийский разведчик поклонился, не вставая с какого-то ящика.

— Я польщен, что вы меня не забыли.

— Не забыл!

На секунду знание торгового ему изменило. Больше того, он чуть было не задохнулся. Он заставил себя не рваться и откинул голову, открыв свое горло.

— Если нож отточен, — прорычал он на языке воинов, — пусти его в дело.

Разведчик взял кусок веревки и проверил на нем качество лезвия. Качая головой, он снова взялся за точильный камень и принялся острить нож.

— Было бы приятнее, — проговорил он так тихо, что приходилось напрягаться: его голос с трудом различался за шумом точильного камня, — если бы мы поговорили.

— Поговорили! — Он повернул голову, чтобы посмотреть на него, презрительно кривя губы. — По-прежнему не любишь военного дела, лиадиец?

Неопрятная голова поднялась, яркие глаза сверкнули.

— Вижу, что я выразился недостаточно ясно.

Он отложил точильный камень и небрежно сжал клинок в одной руке. Наступило недолгое молчание.

— В прошлый наш разговор я вел себя невоспитанно, — проговорил он на высоком лиадийском. — Я не назвал вам мое имя и чин. И не спросил ваши.

Он соскользнул с ящика на пол. Нож по-прежнему был небрежно зажат в хрупкой руке.

— Сыграем весь спектакль до конца? — спросил икстранец на торговом. — Хотя если ты вообразил, будто этим жалким ножиком можно...

Он замялся, потому что лиадиец бесшумно исчез из поля его зрения.

— Сыграем спектакль до конца?

Этот мягкий, женоподобный голос, такой убедительный, совершенно незабываемый... Разведчик вернулся в поле его зрения. Он поднял нож, словно желая его оценить, и стремительно послал его вниз: захват на рукояти вдруг стал в высшей степени профессиональным.

Икстранец напрягся, ожидая боли. Клинок пришелся точно между левой рукой и боком, аккуратно разрезав веревки.

— В настоящее время я придан местным силам обороны, — спокойно сообщил разведчик на торговом. Он прошел ближе к ногам икстранца. — Военная необходимость, как вы, конечно, понимаете. Мое имя — Вал Кон йос-Фелиум, Клан Корвал. У меня чин командора-разведчика.

Нож сверкнул снова, разрезав веревки на ногах. Разведчик кивнул и прыгнул обратно на свой ящик, где сел, подобрав под себя ноги.

— А вы? — спросил он негромко на земном.

Икстранец лежал неподвижно, оценивая нож, хрупкость разведчика, длину собственных рук и расстояние, разделявшее их.

— Ваше имя и чин, сударь? — снова спросил лиадиец, на этот раз на торговом.

Он осторожно подвигал ногами, согнул руки, напряг мышцы груди, раздвигая ослабевшие путы.

Разведчик вздохнул.

— Разговор основывается на диалоге, — заметил он на высоком лиадийском и склонил голову к левому плечу. — Просьба на вашем языке кажется излишне резкой, хотя, возможно, моя оценка ошибочна.

Он выпрямился.

— Имя, чин и отряд!

Икстранец хмыкнул и сел, так что его глаза оказались на одном уровне с глазами лиадийца.

— От вашего выговора воняет, как от бойни.

— Вполне понятно, — спокойно ответил разведчик. — Я очень редко встречаюсь с людьми, для которых этот язык родной — и которые были бы готовы со мной разговаривать. Ваше имя и чин? Не хотите говорить? — Он отвел руку назад и вытянул себе на колени потрепанный вещмешок.

— Здесь я вижу, что вы приписаны к Четырнадцатому Корпусу Завоевания.

Он не стал отвечать, и через мгновение разведчик расстегнул мешок и начал в нем рыться, нырнув туда чуть ли не с головой. В конце концов он оттуда вылез, поднял массивный клинок Службы безопасности и вопросительно выгнул бровь.

— Вы не находите, что Четырнадцатый Корпус Завоевания плохо экипирует своих солдат?

Он отмахнулся от него, помня о своем собственном ноже, спрятанном за голенищем: они его не отняли, а он настолько острый, что мог бы прорезать даже космоброню...

— В конце концов нож — всегда нож, — настаивал разведчик. — Готов признать, что для этого наступили дурные времена, но за несколько минут его можно привести в нормальное состояние. А по размеру он определенно больше подходит вам, а не мне, исследователь.

Прошла секунда... две...

— Возьми эту чертову штуку! — рявкнул лиадиец на языке солдат, резко протягивая нож.

Совершенно загнанный икстранец взял нож, тупо посмотрел на него и положил рядом с собой. Он сознавал, что ему следует обнажить клинок и использовать тупое лезвие для того, чтобы проткнуть или вырубить разведчика. Его долг — вернуться с докладом к отряду...

Разведчик протягивал ему точильный камень!

— Ваш клинок, — сказал он, — нуждается в заботе, исследователь.

— Я не исследователь!

Теперь у него получился настоящий рык — и голову чуть не разнесло от боли. Крошечный разведчик даже не вздрогнул.

— Правда? А ведь в первый раз я видел, как вы вели себя очень по-разведчески: пилотировали одноместный корабль, проводили весьма любопытные исследования. Тогда вы все-таки были разведчиком?

— Уже нет.

От громкого рычания перед глазами у него поплыли искры, и он совершенно не по-солдатски поморщился.

— Вам была оказана медицинская помощь, — негромко сообщил разведчик, — но было предсказано, что после того, как вы очнетесь, голова у вас еще какое-то время поболит.

— Медицинская помощь? Зачем? — Он подался вперед и крикнул прямо в это маленькое невыразительное лицо: — Разведчик, ты с ума сошел? Я же икстранец! А ты — лиадиец! Мы — враги, ты что, забыл? Мы созданы для того, чтобы на вас охотиться и вас убивать!

Он снова отодвинулся подальше от этого лица. Оно не дрогнуло, не исказилось от страха.

— Иногда, — продолжил он уже тише, — вы убиваете нас. Но не бывает, чтобы врага ударяли по голове камнем, а потом звали врача залечить рану.

— Я не ударял вас камнем по голове, исследователь...

— Я не исследователь! Посмотри на меня! В плену! Меня поймали, как корову, которую ведут на бойню. Чтобы дважды попасть в руки лиадийцев!.. Я — недоразумение, слабак, позорище! Я действительно Нелирикк Никто, разжалованный!

— Лови!

Приказ был дан на солдатском. Его рука невольно дернулась вперед — и он обнаружил, что держит в руке точильный камень.

— Что мне следует делать, командор-разведчик? — с едким сар-

казмом осведомился он. — Наточить этот клинок, чтобы вы смогли перерезать мне горло? Или мне самому его перерезать? Это...

— ...было бы тратой ценного ресурса, — прервал его разведчик. — Я осуждаю Четырнадцатый Корпус Завоевания, который ставит свои опознавательные знаки на такое снаряжение, как то, что выдали вам, будь вы исследователь, разжалованный или рядовой солдат!

Он сбросил вещмешок со своих колен. Нелирикк поймал мешок только тогда, когда он ударил ему в грудь.

— Фляжка с изношенным фильтром, нож настолько тупой, что его лучше использовать как дубинку — да, у вас остался нож в голенище, и я вижу, что вы о нем заботились — просроченные плитки пайка, попорченные мышами, зажигалка, которая грозит перегореть уже при следующем использовании...

— Неужто, командор, — проговорил Нелирикк, который вдруг почувствовал страшную усталость, — вы не знаете, как следует экипировать одноразовых солдат?

Наступило короткое молчание.

— Значит, исследователи бывают одноразовыми? — тихо спросил разведчик. — Неужели их так мало ценят, что могут отправить охотиться на медведей в заповеднике почти без оружия? И никто не будет сожалеть, если на этот раз медведь победит?

— Исследователей — нет. Разжалованных — да.

— А!

Разведчик мгновение сидел молча. Молчал и Нелирикк: ему больше всего хотелось снова лечь и заснуть, забыв о жуткой головной боли.

— Держите, — неожиданно сказал разведчик. — Это тоже ваше.

Он открыл глаза и с ужасом уставился на винтовку.

— Но ты же не собираешься меня отпустить!

— Берите винтовку, — приказал разведчик. — Она тяжелая!

Он протянул руку и остался сидеть, держа оружие в одной руке и непонимающе глядя на лиадийца.

— Я бы не советовал пытаться из нее стрелять, — непринужденно заметил щуплый лиадиец. — Не знаю, что откажет первым — спусковой механизм или зарядная камера. Конечно, если откажет боек, то при нажатии на спусковой крючок вас просто ждет разочарование. Но вот если взорвется зарядная камера, исследователь, то подозреваю, что вы или погибнете, или ослепнете.

— Разведчик, — ответил он, очень тщательно подбирая слова, — вы понимаете, что я могу превратить вас этой винтовкой в фарш, даже если она не сможет выстрелить?

— Конечно. Но прежде чем вы это сделаете, мне хотелось бы указать вам еще на один недостаток.

Разведчик встал на ящике в полный рост, в его левой руке что-то вдруг сверкнуло, винтовка у него в руке дернулась — и лишилась четырех дюймов ствола.

Нелирикк воззрился на отрезанный кусок, потом перевел взгляд на кристаллический клинок в руке разведчика.

— Я отмечу и этот дефект, — сказал он. — Его я не мог заметить до того момента, когда ничего исправить уже было нельзя.

Разведчик кивнул и сел, спрятав кристаллический клинок.

— Совершенно верно. Как было бы с фляжкой, если бы вам попалась плохая вода.

Он фыркнул:

— Я не собираюсь пить плохую воду, разведчик.

— Да. От плохой воды не умрешь.

— А от чего я умру? — Нелирикк в упор взглянул на своего крошечного врага. — Ответь мне, командор-разведчик. Ты почтишь меня расстрельной командой? Разжалованный такого не заслуживает.

— Да, — мягко ответил разведчик. — Я знаю.

Снова наступило молчание, и его опять нарушил разведчик:

— Но что с вами случилось? От исследователя до разжалованного...

— Что со мной случилось? Ты со мной случился! Что еще может произойти с солдатом, который пережил позор плена?

Нелирикк начал растирать затылок, пытаясь избавиться от головной боли.

— Служба безопасности рекомендовала смертную казнь. Но Командование решило, что у меня еще могли остаться знания, полезные Отрядам, пусть я и трус. — Он посмотрел на разведчика, неподвижно сидящего на ящике. — Десять циклов без службы. Я ел после всех солдат, говорил, только когда ко мне обращались, меня старались проиграть друг другу капитаны! Десять циклов черной работы и пинков, и запрета бывать на мостике — и все потому, что ты со мной случился! Тебе надо было перерезать мне горло десять циклов тому назад, лиадиец. Будь солдатом и сделай это сейчас.

Разведчик смотрел на него, и на его гладком лице ясно читалось изумление.

— Ты доложился, — выдохнул он тихо — так тихо, словно обращался к самому себе, вот только слова были икстранскими, как и последовавший за ними крик: — Да проклянут боги твою глупость, парень! Зачем тебе понадобилось об этом докладывать?

Нелирикк окаменел.

— А что еще следовало делать солдату?

— Кто я такой, чтобы знать, что делает солдат? А вот исследователь включает свои мозги и в первую очередь думает о своем долге.

— Ты, — предположил Нелирикк с открытой иронией, — не доложился.

— Чтобы меня на несколько лет приковали к планете, пока не выкачают из меня все детали случившегося? А тем временем чтобы мои способности пропадали даром? Меня готовили как исследователя и открывателя планет. Быть меньшим — не выполнять эту работу — означало бы не исполнить мой долг перед моими учителями.

Гнев захлестнул его неожиданно: он увидел его отражение во внезапно расширившихся ярких глазах разведчика. Какая напрасная трата! Этих лет позора могло бы не быть! Он мог провести Отряд на дюжину новых миров. Он мог...

Он глубоко вздохнул и снова сфокусировал глаза на разведчике, почти с одобрением отметив, как по-солдатски тот сидит на своем посту: глаза настороженные, руки наготове. Можно подумать, это помогло бы ему против массы и силы Нелирикка!

— Не доложив о случившемся, — сказал он, — ты подверг опасности своих учителей и своих близких. А что, если они обоснуются на той планете, которую открыли мы вместе, а кто-то из Отряда сделает то же самое?

— В моем докладе говорилось, что я обнаружил по крайней мере одного представителя потенциально разумной расы, — ответил разведчик. — И я рекомендовал, чтобы по прошествии одного поколения планету обследовали снова.

— Ты же знаешь ту планету, разведчик! Там больше не было разумных... — Нелирикк внезапно поперхнулся: до него дошел смысл услышанного. — Меня?

— Тебя, — спокойно подтвердил разведчик. — Мне и в голову не приходило, что ты не поступишь так же.

— Значит, в этом между нами различие, — тяжело проговорил Нелирикк. — Я думал только о том, чтобы выполнить мой долг и доложить обо всем Отряду. — Он поднял голову. — Убей меня, командор-разведчик.

Разведчик встряхнул головой, и непокорные темные волосы упали ему на глаза.

— Что до этого, — ответил он, — то я должен поговорить с моим капитаном и получить дальнейшие приказы.

Он распрямил ноги, спрыгнул на пол — ловко и бесшумно, словно белка — и направился к двери, пройдя почти в пределах досягаемости Нелирикка.

— Позаботься о своем клинке, будь добр, — проговорил он, нажимая кнопку на двери. — Я поговорю с моим капитаном и вернусь.

Дверь открылась, и разведчик проскользнул в нее, оставив Нелирикка одного с его оружием.

Дверь позади него встала на место. Янтарная лампа наверху ярко горела.

— Запечатано, — сказал охранник, и вокруг него раздались голоса — неожиданные и дезориентирующие, словно заряд града.

На лиадийском: Эроб и тель-Вости.

На земном: Джейсон.

И все о своем:

— Ну, что он сказал?

— Информация полезная?

— Они собираются атаковать через заповедник?

— Отлично сработано, превосходно!

— Мы уже можем избавиться от этого существа?

Вал Кон глотнул воздуха, огромным усилием удержал мысленное равновесие и быстро прошел Радугу. Рассортировав толпу, он нашел Мири: она стояла у монитора, серьезная и молчаливая. Он прикоснулся к ее мелодии у себя в голове, улыбнулся, поймав ее взгляд, а потом гневно взглянул на надоедливых остальных и взмахнул рукой, требуя тишины.

Она немедленно наступила — и он облегченно вздохнул.

— Проект требует времени, — проговорил он на торговом, чтобы не повторяться. — Следует учесть все обстоятельства.

Он взглянул на громадного ауса поверх головы Делма Эроб.

— Командор Кармоди, у вас есть планы относительно содержания пленного?

Джейсон рассмеялся.

— Содержания? Ты меня на два шага опередил, сынок. Я просто думал, что ты сможешь вытянуть из него что-нибудь полезное.

— Может, и смогу, — сказал Вал Кон. — Однако в последнее время его отряд плохо о нем заботился. Если бы я мог...

— Дьявол, готов биться об заклад, что он голоден, как оттаявшая после зимовки лягушка! Парень таких размеров должен есть столько же, сколько ем я. Ну-ка... — Он похлопал себя по наклад-

ному карману брюк, извлек оттуда четыре упаковки с рационом и бросил их Вал Кону. Секунду подумав, он отстегнул и свою фляжку. — Не сомневайся: эти фильтры в порядке.

Вал Кон поклонился и услышал, как Делм Клана Эроб тихо ахнула: несомненно, ее шокировало, что член Клана Корвал мог признать столь большой долг по отношению к простому землянину.

— Примите мою благодарность, командор. Нужно ли мне получать ваше согласие в отношении тех шагов, которые я могу счесть необходимым...

Джейс прервал его взмахом руки.

— Делай что нужно. Ты ведь разведчик?

— Действительно, — мягко проговорил Вал Кон. — Я — разведчик.

Он повернулся к Делму и мысленно посмеялся, обнаружив, что тель-Вости крепко держит ее за локоть и при этом незаметно сжимает ей запястье.

— Уважаемая Эроб!

Он отвесил ей самый глубокий поклон и сделал жест равного, желающего получить согласие, не раскрывая своих карт.

— Я вижу вас, Корвал.

— Пленный был захвачен на вашей земле. Он сидит в вашей тюрьме и живет с вашего согласия. Признавая все это, я прошу, чтобы мне было позволено поступать с ним — с этим человеком по имени Нелирикк — в соответствии с тем, что мне диктуют меланти и необходимости Клана Корвал. — Он выпрямился и посмотрел ей прямо в лицо. — Именем Джелаза Казон.

Она шумно выдохнула, и пальцы тель-Вости сильнее сжались на ее запястье.

— Мне необходим более полный отчет о необходимостях Корвала, — заявила она, как позволяло ей право.

Вал Кон снова поклонился.

— В прошлом я имел знакомство с этим Нелирикком. Мы встретились много лет тому назад, когда он был исследователем, а я — капитаном-разведчиком. В тот момент я... неадекватно... обошелся с ним и теперь хотел бы с честью исправить ошибку в суждении.

— Честь? По отношению к этому? — Она мельком взглянула на монитор. На экране был виден Нелирикк, сидящий на своем неудобном ложе и сосредоточенно точащий большой нож. — Это — животное, Корвал.

Вал Кон вздохнул.

— Эроб, он — человек.

— И вы хотите вести с ним Счеты. — Она посмотрела на Вал Кона, на Джейсона — и снова на икстранца. — И вы накормите его, и позволите ему заострить его оружие. Полагаю, вы считаете, что в состоянии с ним сразиться. Может, ваш род и дом сумасшедшие, но я не слышала, чтобы за вами числилась склонность к самоубийствам.

Он иронично поклонился.

— Могу ли я принять это как согласие следовать собственным необходимостям в отношении этого человека?

На этот раз она молчала дольше, глядя на монитор, пока тельВости рядом с ней не начал беспокойно двигаться. Тогда она наконец дала неохотное согласие.

— Поступайте, как вам нужно, Корвал. Вы все равно так и сделали бы.

— Мои благодарности, Эроб. Корвал у вас в долгу.

Он снова повернулся к двери, сжимая в руках пайки и фляжку, и увидел Мири, стоящую перед монитором.

— Эй, Кори, — сказала она на бенском, которым владели среди собравшихся только они двое, — у тебя есть минутка, чтобы поговорить?

— Безусловно, — ухмыльнулся он. — Сколько хочешь минуток.

— Хорошо. — Она кивнула, продолжая говорить по-бенски. — Твои намерения по отношению к этому солдату? Я вижу здесь тревогу. — Она прикоснулась пальцем к своему виску. — Расскажи мне план.

— Да. Этот человек — настоящее сокровище, шатрез. Нам ни в коем случае нельзя им не воспользоваться.

— Гм. Но он говорит так, словно считает себя недостойным. Так, будто, может быть, перережет себе горло.

Вал Кон замер.

— Мири! Откуда ты знаешь, что он сказал?

Она ткнула пальцем в монитор.

— Я его слышала.

— Да, — медленно проговорил он. — Но когда он произносил все эти вещи, он говорил по-икстрански.

— По... — Ее глаза широко распахнулись, а палец снова прижался к виску. — По-икстрански говоришь ты, — медленно и осторожно сказала она. — Я не говорю по-икстрански.

— Да, — согласился он так же осторожно. — Насколько я знаю.

— Вот черт! — Она перешла на земной. — Вот что я тебе скажу, босс: нам надо разобраться со всей этой ерундой, пока никто не погиб.

Он быстро посмотрел на монитор.

— Угу, угу. Необходимость и все такое прочее. Какой запасной вариант? Ты хочешь, чтобы я тоже туда пошла?

Он услышал нотки страха и в ее голосе, и в ее молчаливой песенке, и ласково прикоснулся к ее щеке: наплевать, что старуха будет шокирована.

— Возможно, мне придется позвать тебя, шатрез, мой капитан. Но в данный момент, с твоего позволения, нам с Нелирикком надо обсудить кое-какие философские вопросы. — Он улыбнулся и нежно прижал палец к ее губам. — Все будет хорошо, Мири.

— Ты всегда так говоришь, — пожаловалась она, перебарывая беспокойство, которое он ощутил почти как свое собственное. — Только не давай себя убить, ладно?

— Ладно, — пообещал он.

Дверь открылась, и он вошел в тюрьму.

Приведение ножа в порядок успокаивало — и давало ему время подумать, оценить свои слабые и сильные стороны.

Винтовка... Нелирикку захотелось плюнуть.

Будь у него приличный набор инструментов, ее можно было бы починить — но у него не было инструментов. И будь у него время, он мог бы сделать из ее частей небольшую бомбу. Но он сомневался, что разведчик будет отсутствовать дольше, чем нужно для того, чтобы заточить нож. И наверняка кто-нибудь наблюдает за ним через маленький сканер, закрепленный под потолком в углу.

Значит, бомба не помогла бы ни застигнуть кого-нибудь врасплох, ни попытаться бежать. Особенно если учесть, какие тут крепкие стены.

Лезвие ножа уже стало идеально острым: точильный камень оказался превосходным. Вот такие вещи обычно и вывозят с лиадийских планет: мелочи, которые лучше работают и при этом отличаются изяществом.

Нелирикку вдруг показалось странным, что существа, которых Командование считает чуть ли не паразитами, умеют изготавливать такие прекрасные вещи. Подобные вещи, изготовленные икстранцами, обычно нормально работали, но были неинтересными.

И враг добровольно дал ему точильный камень, чтобы он мог вернуть своему ножу достойную остроту!

И теперь его клинок может спокойно пронзить насквозь столь хрупкое и худое существо, как разведчик.

Увы, бросить такой большой нож метко практически невозможно — да и глупо думать, будто разведчика можно было бы захватить врасплох таким способом. И что хуже, разведчик носит при себе клинок, который режет оружейную сталь, как сыр. Что такое оружие может сделать с мясом и костями...

Он задумался над этом.

Можно попробовать раздразнить разведчика, заставив его пустить кристаллический клинок в ход. И тогда у него получится геройски умереть, и ни один икстранец не узнает о том, что Нелирикк Никто снова потерпел поражение, что...

Гнев.

Нелирикк стал разбираться: гнев затемняет мышление.

Когда он думает о разведчике, в нем появляется гнев — подавленный и неясный, словно мутный осадок тех лет острой сфокусированной боли повис между ними, заслоняя то, что может оказаться истиной.

Стоит ему подумать о винтовке...

Его пульс предельно участился, и он чуть было не приставил нож к собственному горлу, когда его захлестнул стыд из-за того, что ему дали столь бесполезное оружие.

Дурак. Как всегда. Усилием воли он заставил себя успокоиться и снова стал думать о клинке и разведчике.

Что он на самом деле знает о лиадийцах? Что бы ни говорилось в инструкциях Командования, даже самому тупому солдату ясно, что они — люди, обладающие разумом и самосознанием. И если эти люди следуют обычаям и системам, придуманным ими самими... Можно ли допустить, что лиадийцы следуют какому-то своему странному понятию о чести? Возможно ли, что этот разведчик специально оставил своего врага одного, предоставив ему возможность поступить по чести? Нож стал очень острым: три быстрых движения решат очень много проблем.

Нелирикк взвесил в руке нож и со вздохом убрал его в ножны. Спустя секунду он извлек из узкого голенища свой нож чести и начал затачивать и его.

Уход за лезвием успокаивал. Возможно, разведчику тоже так кажется.

— Я вижу тебя, исследователь.

Нелирикк оторвался от своего занятия и прищурился на мешок, который принес с собой человечек.

— Я вижу тебя, разведчик.

Вал Кон кивнул и снова устроился на том же ящике, положив мешок себе на колени. Контур тревожно висел у него перед внутренним взглядом, указывая на 27-процентную вероятность немедленного нападения и еще более тревожный отказ вычислить конечную Вероятность Выполнения Задания и Вероятность Личного Выживания.

Свет отражался от лезвия, которое затачивал Нелирикк. Элегантное оружие. Отличается от того большого ножа, как отвертка — от стайного клинка в рукаве у Вал Кона.

Он порылся в мешке и небрежно бросил икстранцу паек. Тот легко поймал его и следующую упаковку и застыл, сжимая их в руках.

— Еда?

— Еда, — подтвердил Вал Кон. — Командор Кармоди считает, что солдату следует давать есть.

Нелирикк осторожно наклонился и вернул нож в ножны на голенище. Под татуировками выражение его лица разобрать не получалось.

— Поешь! — предложил ему Вал Кон. — Подозреваю, что они лучше, чем те пайки, которые вам выдали.

Нелирикк хмуро посмотрел на надписи на земном.

— И ты бы стал это есть?

Вал Кон рассмеялся.

— Готов признать, что это не так вкусно, как кролик, которого поймал сам. Но наемники сами покупают себе еду — надо думать, они не стали бы себя травить. И уж определенно этого не стал бы делать командор Кармоди, который дал их мне из своего собственного запаса.

Лиадиец вскрыл паек обычным ножом. Икстранец наблюдал за его действиями.

— Хотите поменяться? — негромко предложил Вал Кон, включая крошечный нагреватель. — Вы не уверены в качестве?

Казалось, Нелирикк готов засмеяться. Он указал на еду Вал Кона.

— Исследователь, — неуверенно проговорил он, — незнаком с местным обычаем.

— Местный обычай таков: голодный человек может есть. Если вам не нравится то, что у вас есть, можете взять мой. И здесь есть вода, если хотите разделить со мной фляжку. Или воспользуйтесь собственной, если доверяете фильтрам.

— Еда, — тихо повторил икстранец. Он вскрыл серебристую упаковку, быстро разобрался в устройстве подноса и нагреватель-

ного механизма, включил его и снова стал рассматривать этикетку. — Что это за еда?

Вал Кон взглянул на яркие буквы.

— Лососевое филе. Превосходное блюдо. Хотя я надеюсь, что вы не будете настаивать, чтобы я его с вами разделил.

Нелирикк резко поднял голову. Даже сквозь его лицевые узоры ясно проявилась настороженность.

— Нет?

Вал Кон засмеялся.

— Еда хорошая. Но во время моей последней экспедиции Бог интендантов счел нужным снабдить нас с моим капитаном годичным запасом лосося и крекеров — и больше ничем!

Икстранец осторожно попробовал рыбу. В следующую секунду он уже с аппетитом уплетал паек.

— Назови мне мою смерть, командор-разведчик.

Они поели, и щуплый лиадиец передал ему фляжку. Они собрали остатки еды и уложили их в мусоросборник, и теперь смотрели друг на друга.

— Как я умру? — повторил Нелирикк.

Икстранские слова показались ему сладковато-горькими.

— Не знаю, — тихо ответил разведчик тоже по-икстрански. — Мой приказ прост: сделать то, что надо сделать по необходимости и с честью.

— С честью?

Этот вопрос, казалось, завис между ними. По правде говоря, Нелирикк не хотел, чтобы это прозвучало как вызов, но что может знать о чести человек, взявший в плен солдата?

Лиадиец покачал головой и изменил позу, не вставая.

— Оказалось, что мои любопытство и самоуверенность причинили вам немалую боль. Мне совсем не хотелось, чтобы мой сотоварищ по поискам миров пострадал — особенно так, как пострадали вы. Так что мне хотелось бы компенсировать зло, которое я вам причинил.

Нелирикк воззрился на него, пытаясь освоиться с таким взглядом. Разведчик говорил о личной ответственности — личной компенсации, личном действии. Это было настолько странно, что его несчастная голова снова запульсировала болью.

— Компенсация.

Он попытался оценить коннотации и значение этого слова.

Он посмотрел на лиадийца, который так спокойно сидел на своим ящике, и не заметил никаких следов насмешки, злого

умысла, обмана или намерения атаковать. И никаких признаков готовности к обороне.

И в то же время — разговаривать о чести с лиадийцами? С этими недостойными врагами, которые не понимают, что такое уважение: обращаются с человеком, как с солдатом, когда Отряд от него отказался.

— Компенсация, — еще раз повторил он и, не вставая, сумел неловко поклониться. — Твой корабль, командор-разведчик.

Зеленые глаза буквально сверлили его.

— Да?

— Причина, по которой я здесь, — медленно проговорил Нелирикк, — заключается в том, что во время удара по посадочной площадке я показал твой корабль диспетчеру. Разжалованный не имеет права говорить, если к нему не обращаются... — Нелирикк на секунду подумал о гневе и посмотрел на нож, лежащий без дела, пока он мирно разговаривает с врагом. — Несмотря на это правило, я предупредил, что твой корабль опасен. Я сказал, что уже видел такой. Я сказал им уничтожить его...

Лиадиец напрягся, пристально глядя на него.

Нелирикк уперся локтем в колено и встретил эти глаза взглядом, полным удивления и грусти.

— Вот твоя компенсация, разведчик. Свобода за свободу. За то, что я вышел за рамки — заставил Генерала выглядеть дураком, — меня отправили исследовать границы и проверять серьезность обороны твоего корабля.

— Такая компенсация подходит для генералов и отрядов, — заметил разведчик.

— Да, — согласился икстранец, а потом заботливо спросил: — На борту находился младший офицер? Ты потерял при этом подчиненных?

— Нет, спасибо. Корабль... атака была такая яростная, что я не мог вернуться. Корабль защищался... автоматически.

— Я видел, как он отвечал на обстрел из космоса, — сказал Нелирикк. — Но мне сказали, что этого не было.

Лиадиец кивнул.

— На обстрел с орбиты он отвечает огнем по орбите. Луч будет слабее, но готов ручаться, что его будет достаточно для ожога.

— Вот как. — Ухмылка икстранца стала яростной. — Семь спрагентов и как минимум удар по военному кораблю. Твой корабль воевал отлично, командор-разведчик. — Он помолчал. — Это был славный корабль.

Лиадиец ответил небрежным салютом и грустно улыбнулся.

— Выполнил свой долг, — согласился Вал Кон. — Как и ты. Как и я. — Он резко поднял голову и выразительно помахал изящной рукой, подчеркивая свои слова. — Нелирикк Исследователь, тебе не кажется расточительным — и даже неестественным, что честное исполнение долга, как правило, приводит к гибели?

Этот вопрос потрясал — тем сильнее, что он задавал его себе сам, как это должен делать человек мыслящий, и когда был исследователем, и когда стал никем. Его ответ пришел с чуть заметным опозданием.

— Отряд остается жить! Командование остается жить!

Лиадиец повел плечами, выражая какое-то чувство, которое Нелирикк затруднился бы определить.

— Очень верно. Безликое и взаимозаменимое Командование остается жить. Я скажу тебе, что я, Вал Кон йос-Фелиум, знаю о долге. Долг говорит, что мы с тобой должны сражаться, так? — Он откинул волосы со лба. — Долг требует, чтобы я попытался убить человека, с которым мы почти на равных — ближе я никого не встречал за несколько стандартных лет. Долг слишком часто требует крови. А в этот раз что он требует от тебя, Нелирикк?

Этот ответ был трудным, но он был в нем — в крови и плоти. Любой солдат дал бы такой же ответ.

— Долг требует, чтобы я вызвал огонь на твой отважный корабль, разведчик. Он требует, чтобы я убил тебя, если мне представится возможность.

— А потом? — продолжал спрашивать лиадиец. Он давил на него одними только словами! — Какие будут требования, когда я умру?

— Чтобы я бежал, чтобы вернулся к Отряду, чтобы...

— Доложил о случившемся и пошел под расстрел! — крикнул разведчик.

Нелирикк по-лиадийски склонил голову.

— Вместо этого меня могут использовать как мишень для метания ножей.

Взгляд лиадийца стал довольно диким.

— Ты хочешь боя? — спросил он.

— Разведчик, я обязан!

Нелирикк посмотрел на нож.

— А правда ли, — очень спокойно спросил разведчик, — что двое людей, равных по чину, могут сражаться за более высокую должность?

— Да, — согласился Нелирикк, удивленный переменой темы разговора.

— И что потом? Победивший командует побежденным?

— С согласия более высокого по чину, да.

— А! — Лиадиец быстро соскользнул со своего ящика и, задрав голову, посмотрел в лицо Нелирикка. — Я предлагаю состязание. — Он повернулся к нему спиной и прошел в конец помещения, а потом вернулся, поблескивая глазами. — Я предлагаю, чтобы мы сразились — ради долга. Мы будем сражаться как равные: разведчик против исследователя. Если ты победишь, я буду выполнять твои приказы. Если победа будет за мной, я поручусь за тебя перед моим капитаном, чтобы тебя приняли в отряд, как поклявшегося мне и моему роду.

Нелирикк сидел, потеряв дар речи и вперившись в крошечного маньяка, ухмылявшегося его изумлению. Сразиться с лиадийцем за положение в отряде? Считать разведчика равным исследователю? А кто зафиксирует победу? Проблемы...

— Ты с ума сошел? — медленно спросил он. — Как ты можешь надеяться на победу в таком состязании? Я силен, быстр и умею владеть оружием...

— С ума сошел? — переспросил разведчик, ухмыляясь еще шире. — Сумасшествием было бы не воспользоваться таким ресурсом, как ты. Сумасшествием было бы уступить безликости. Если я буду победителем, я поручусь за тебя, Нелирикк Исследователь, перед моим капитаном. Клянусь Деревом и Драконом! Если победителем будешь ты...

— Если победителем буду я, разведчик, ты скорее всего будешь мертв!

Человечек шагнул вперед и остановился у самых пределов досягаемости Нелирикка. Его лицо и взгляд стали по-детски серьезными.

— Ты действительно потратил бы даром столь ценный ресурс?

Нелирикк пристально посмотрел на него, положил руку на рукоять боевого ножа — и снова ее снял.

— Хотел бы думать, что я не трачу ресурсы зря, — сказал он. — Но где ты найдешь нейтрального судью? Как мы сможем прервать бой?

Разведчик небрежно махнул рукой.

— Это все мелочи, — сказал он. — Детали. Ты в принципе согласен? Если да, то детали можно продумать.

Нелирикк вздохнул и медленно встал.

— Лучше делать что-то, чем не делать ничего. Я понимаю, что ты не станешь вечно кормить врага. — Он поклонился — неуклюже, но искренне. — Ради долга и компенсации. И пусть ты будешь сильным для чести Отряда.

Лиадиец ловко и изящно ответил на поклон, а потом прижал кулак к плечу в воинском салюте.

— Вот именно, — согласился он и снова вскарабкался на свой ящик. — А теперь давай рассмотрим детали.

Вдвоем они отодвинули ящики к самой двери. На них были выложены: винтовка, вещмешок, кинжал, сапоги, еще одна пара сапог, еще несколько ножей, включая и тот, убранный в мягкую черную замшу, с рукоятью, сверкавшей, словно отполированный обсидиан.

Они стояли босиком, касаясь друг друга пальцами ног, разведчик и исследователь.

Икстранец смотрел сверху вниз на своего игрушечного противника, и в голове у него вдруг прозвучала походная песня:

«Противник солдата — не сила одна,

Джела-малыш поражений не знал...»

Для ясности они еще раз повторили соглашение, сначала по-лиадийски, затем по-икстрански, причем каждый говорил на языке противника, чтобы не было проблем с переводом.

— И будет так, — произнес икстранец лиадийские слова. — Если я одержу верх в состязании, я буду стремиться выполнить свой долг так, как считаю нужным, а ты будешь мне подчиняться. Если победа будет за тобой, я дам клятву служить тебе и твоему роду, пока не буду освобожден от клятвы.

— Победа, — проговорил лиадиец, говоря на языке Отряда, — присуждается тому, кто первым удержит уязвимого противника на три счета. Проигравший сразу же сдается.

После этого оба попятились и осмотрели помещение — то ли оценивая удачливость каждого угла, то ли выискивая преимущества в освещении или наполняя свое сознание последней картинкой жизни. Оба уже оставили мир позади.

Таймер на часах Вал Кона дал сигнал.

Он медленно двинулся вперед, признавая как необходимость движения — из позы Л-апелека «Желание Трудных Желаний», — так и потребность в осторожности.

С другой стороны большого помещения к нему приближался икстранец. Лицо под татуировками казалось холодным: намерения были надежно скрыты в глубине глаз, а огромное тело двигалось мягко, изящно, неотвратимо. Вал Кон обратил внимание, что ступни и кисти икстранца оказались непропорционально узкими.

Закон Л-апелека требовал, чтобы теперь он выставил вперед правый локоть. В ответ икстранец пригнулся чуть ниже. Вал Кон придвинул руку к туловищу и увидел, что плечо противника приподнимается в нужном ответе.

Они начали танец с осторожностью: каждый проверял реакции — или их отсутствие — у противника. И наконец, они сблизились, руки пришли в движение, ножи превратились в реальную угрозу. Возможные угрозы представляли собой именно тот или другой прием, бросок или удар, скрытые за положением локтя или движением запястья.

Нелирикк сделал ложный выпад и убедился, что обманное движение остается без внимания, а реальная угроза заранее блокирована.

Контур Вал Кона оценил ситуацию: ровные 43 процента Вероятности Выполнения Задания. Контур погас, задавленный внезапной громадой исследователя, нависшего над ним, занесшего нож — вот так...

Вал Кон ушел вниз, повернулся, услышав звон лезвия, прошедшего слишком близко над его ухом, заметил, что великан выпрямляется чуть замедленно, воспользовался мгновением, чтобы легко прикоснуться лезвием к лодыжке...

И отскочил в сторону и назад, где ему и следовало оказаться. Положение ступни предостерегло его, и он увернулся от удара ногой. Нелирикк поморщился, огромным усилием удержав равновесие.

Стена была всего в одном локте от Вал Кона, что заставляло его снова броситься навстречу противнику. Он нашел в Л-апелека нужное движение: «Вихри Бурана».

Кулаки, локти, колени, ступни стремительно замелькали в последовательности танца. Он лягнул мощное бедро, нанес удар без ножа высоко по предплечью — и попытался отскочить... Слишком поздно!

Ответный удар пришелся в плечо. Он смягчил его поворотом, перекувырнулся, стремительно повернулся назад — и увидел атакующего икстранца. Он подскочил, нацелился прямо в лицо — и попал в ухо, тогда как нож противника вспорол его прочные боевые брюки.

Они разошлись.

Единственными звуками в комнате было их дыхание. Оба попятились, пытаясь увидеть результат своих ударов. На щиколотке икстранца оказалось небольшое пятно крови, ухо побагровело. Вал Кон ощутил легкое жжение, но не стал останавливать на нем

свое сознание: повреждение левой ноги было незначительным, просто порез.

Нелирикк быстро поправил пояс.

Вал Кон попытался войти в ближний бой, но был остановлен длинными руками противника. Он переместился влево — противник успел за ним. Направо — и снова то же движение. Его останавливали, блокировали, зажимали, пытались...

Нелирикк пытался загнать его в угол! Икстранец низко пригнулся и расставил руки. Вал Кон сделал ложное движение вправо, потом полушагнул вперед, нырнул к правой руке, взмахнув ножом, перекатился — и почувствовал, как пол позади него загудел от тяжелого удара. Он вскочил и успел увидеть, как икстранский нож отскакивает от пола.

Он опоздал: Нелирикк поднял нож.

Оба уже вспотели. Пол стал скользким от пота и капель крови, так что увеличилась опасность оступиться или поскользнуться.

Словно договорившись, они перешли дальше, где пол был сухим. Похоже, обоим не хотелось, чтобы скользкий пол сыграл им на руку.

Перед глазами Вал Кона вспыхнул Контур: ВВЗ — 41%. Он поморщился, и икстранец двинулся вперед, возможно, приняв это за гримасу отчаяния.

Вал Кон отвел руку, словно собираясь метнуть нож. Нелирикк спокойно скользнул вперед, снова поправив пояс. Руки его защищали лицо, оставив плечи и бедра без защиты. Вал Кон посмотрел на руку без ножа. Пуста.

Три секунды! Сколько раз они уже угрожали друг другу...

Вал Кон попытался уменьшить дистанцию — и был остановлен. Нелирикк рванулся вперед, Вал Кон увернулся, ушел, поскользнулся на влажном полу и потратил секунду на то, чтобы восстановить равновесие.

У него не было лишней секунды: тяжелая рука одним движением сбила его с ног, отбросив к стене. Он отскочил от нее, перекатился и вскочил, держа нож наготове. Плечо болело, но перелома не было. На пол с ноги стекала кровь.

На этот раз, когда икстранец пошел в атаку, он только изобразил уход, обхватил массивную руку с ножом и всадил клинок в плечо.

Нелирикк крякнул, встряхнулся — и Вал Кон снова взлетел в воздух: его стряхнули, как медведь стряхивает собаку. Он встал и обернулся, а его противник перебросил нож в неповрежденную левую руку и ринулся вперед.

Вал Кон отступил назад, заметил подвох...

Нелирикк поскользнулся на влажной крови — и Вал Кон стремительно пробежал мимо него, подняв локоть, чтобы отбить опускающийся клинок, вновь обретший остроту. Боги! Настоящий солдатский нож, легко рассекающий толстую кожу костюма, плоть, кость... Кровь побежала горячей струей.

Вспыхнули цифры ВВЗ. Он не стал обращать на них внимания. Что Контур понимает в необходимости?

Он поскользнулся.

Икстранец почти упал на него. Он успел отползти, уйдя от захвата, вскочил на ноги, стер кровь с руки, увидел глубину пореза, содрогнулся — и пошел на противника.

Ближе. Ближе. Ближе. Чтобы убить икстранца, ему нельзя позволить тому держать себя на расстоянии вытянутых рук. Если никто из них не уступит...

Он отшатнулся назад, увертываясь от кулака. Пока он делал финт, странно изящная рука снова потянулась к поясу, поправляя его. И он бросился вперед. Прямо на великана, приготовив нож, чтобы резать или колоть, и...

Он поскользнулся, выронил нож, скользнул за спину икстранцу, потянувшемуся за оружием... Здоровой рукой Вал Кон стремительно захватил металлическое кольцо на поясе противника и рванул его.

Нелирикк увидел нож противника на полу, нагнулся, схватил его...

Но Вал Кон уже держал ее — тонкую нить прочной проволоки длиной в два локтя. Он обхватил ногу гиганта, сильно потянул проволочную петлю, повернулся, смягчив тяжелый удар похожего на молот кулака, — и держался, держался за проволоку, хотя в ушах у него ревел океанский прибой, глаза застлало серой пеленой, становившейся все темнее. И Мири была рядом, и ее лицо было полно ужаса, а ее руки легли на проволоку поверх его рук...

Исследователь упал. Вал Кон продолжал упрямо держаться. Он с трудом удержал сознание и окровавленной ногой придвинул к себе нож.

— Раз... два... три... — хрипло выдавил он, отпустил проволоку — и вскочил на ноги, по необходимости продолжая держать нож наготове.

Икстранец лежал на боку, держа нож на уровне своего горла, глядя в никуда. Он медленно сел, продолжая высоко держать нож, и посмотрел в лицо Вал Кону. Свободной рукой он потрогал окровавленную проволоку, перетянувшую ему ноги, и сжал губы.

Вал Кон настороженно отступил, не зная, придется ли ему увертываться от брошенного ножа или уходить от неожиданного отчаянного выпада.

Нелирикк ощупал место, где проволока впилась ему в правую ногу. Лицо его исказила гримаса боли, ясно видная даже сквозь татуировку. Он осторожно переменил захват на ноже, взяв его за лезвие, словно для броска, взвешивая его в руке...

А потом вытянул руку, предлагая оружие Вал Кону.

— Я забыл спросить, — проговорил он на нейтральном торговом, — каким языком мне пользоваться при разговоре с твоим капитаном.

Вал Кон вздохнул, убрал свой нож и принял протянутый. Он тщательно обтер его о рукав кожаной куртки, осмотрел — и убедился в том, что лезвие не повреждено. А потом он протянул руку икстранцу. Тот после секундного колебания оперся на нее, чтобы встать.

— Ты принял храбрый вызов, исследователь, — сказал по-икстрански Вал Кон. — Я должен услышать твою клятву, прежде чем смогу представить тебя моему капитану.

Громадный икстранец приподнял кулак для салюта, оборвал приветствие и с трудом поклонился.

— Как скажешь. — Он на мгновение замолчал, либо собираясь с силами, либо подбирая нужные обороты. — Я, Нелирикк... Я, Нелирикк Исследователь, честью Джелы приношу клятву лично Вал Кону йос-Фелиуму и его роду. Моя кровь принадлежит тебе, отныне и до моей смерти. И пусть твои приказы покроют честью нас обоих.

Вал Кон поклонился и на двух ладонях протянул ему тяжелый нож.

— Твой клинок, Нелирикк Исследователь. Носи его и пользуйся им по мере необходимости с моего согласия. Дерево и Дракон теперь стали и твоим щитом. Я верю, что ты не посрамишь нашей чести.

Нелирикк изумленно принял клинок.

— Ты можешь идти? — спросил у него Вал Кон.

— Если нужно, мой предводитель.

Вал Кон качнул головой.

— Думаю, пока достаточно будет «разведчика». Отдыхай, а я схожу за моим капитаном.

Когда он вышел из двери, Мири стремительно отворачивалась от монитора, одной рукой отправляя пистолет в кобуру, а другой — отстегивая от пояса аптечку. Позади нее стоял Джейсон, чуть подальше — тель-Вости и Эроб.

— Все сделано, — сказал Вал Кон. — Мири, тебе понадобится...

— Держи его, Джейс.

Вал Кон застыл — а потом услышал мелодию Мири так, словно она только что начала звучать: услышал ужас и то, как это чувство начинает трансформироваться в гнев. Он вздохнул и привалился к мощному телу Джейсона. Все его мышцы дрожали от перенапряжения.

Мири быстро разрезала рукав безнадежно испорченной куртки, открыв ножевое ранение. Она брызнула на него антисептиком, потянулась за капсулой обезболивающего...

— Нет! Мири, тебе надо поговорить с...

Она смотрела прямо на него, но ее серые глаза были полны смятения. Она стерла пот с его лица антисептической салфеткой.

— Ты в целом в порядке.

Это было наполовину вопросом, наполовину — обвинением.

— Да. Немного боли, несколько легких ран, которые заживут, но...

— За каким чертом тебе все это понадобилось? — закричала она: ее ужас мгновенно преобразился в ярость. — Когда тебе в следующий раз захочется умереть, лучше шагни со стометрового обрыва! Что дало тебе...

Она наклонилась к его руке, продолжая кричать, на секунду перейдя на жаргон, от которого содрогнулся даже Джейсон. Не закончив тирады, она снова переключилась на земной:

— Джейс! Дай мне двойную повязку из твоей аптечки!

— Мири, — сказал Вал Кон.

Она снова протерла ему лицо — сильно, так что во рту у него остался горький привкус антисептика.

— Мири?

— Ты мне не ответил, солдат! Я хочу знать, откуда у тебя разрешение выкидывать такой фокус!

— Необходимость. Мири, пожалуйста. Все сделано.

— Сделано, да? — фыркнула она и опустилась на колени, чтобы заняться его ногой. — По тебе заметно.

— Выслушай меня! — настаивал Вал Кон, повысив голос.

У него в ухе с громким щелчком лопнул пузырек пота.

Она стремительно выпрямилась, сверкая глазами.

— Не смей на меня срываться, ты, ободранный лилипут!

На одну обжигающую секунду Вал Кону показалось, что она действительно его ударит, настолько она пылала гневом. Похоже, Джейсон тоже так подумал: он разжал руки и шагнул назад.

Мири глубоко вздохнула, вскинула свободную руку вверх и вплотную приблизилась к нему.

— Так ответь мне, напарник, — проговорила она с таким сарказмом, что Джейсон отступил еще на шаг. — Какой у тебя план? А? Что мне теперь надо делать? Какую сценку сыграем? Я вся твоя: говори!

Ее сарказм причинял ему боль. Болела рука и все тело тоже. Смешно — но ему не хватало теплой опоры в виде тела Джейсона. Ему хотелось привалиться к нему. Вал Кон вздохнул и постарался, чтобы его голос звучал нейтрально:

— Мири, мой капитан, я прошу, чтобы ты также оказала помощь человеку, который находится в том помещении. Он ждет ответа, примешь ли ты его как новобранца.

Ее страх вспыхнул с новой силой, и его гнев растаял. Он потянулся, чтобы погладить ее по щеке. Она позволила ему такую ласку, и ее плечи оставила напряженность ярости.

— Я сказал, что порекомендую его тебе, — проговорил он. — Сделай мне честь и хотя бы поговори с ним, пока он не умер от потери крови.

Она воззрилась на него, и гнев и ужас уступили место изумлению.

— Ты хочешь, чтобы я приняла икстранца рекрутом в отряд землян и лиадийцев?

— Если капитан сочтет это разумным, — осторожно ответил он.

Ее серые глаза смотрели на него недоверчиво.

— А если капитан сочтет, что более идиотской идеи она не слышала с того дня, как улетела с Пустоши?

— Это — право капитана, — признал он. — Но тебе все равно стоит поговорить с этим Нелирикком и проявить по отношению к нему какое-то внимание, шатрез.

— А почему меня должно беспокоить, что с ним станет?

— Он поклялся служить нам, роду йос-Фелиум, — объяснил он. — Существуют... обязанности. Например, положено заботиться о том, чтобы твой слуга получал необходимую медицинскую помощь и не страдал без необходимости.

Она стремительно указала в сторону закрытого люка.

— Это принадлежит нам?

— Нет, конечно, — ответил Вал Кон. — Нельзя владеть разумным существом.

— Ладно. — Она закрыла глаза. — Другие люди, — сказала она, словно обращаясь ко всем присутствующим, — дарят своим женам цветы.

Открывая глаза, она развернулась на каблуке.

— Открой дверь, — приказала она стоящему на часах капралу, а потом оглянулась на Вал Кона и Джейсона. — Вы двое меня в это втянули. Теперь извольте идти со мной.

Нелирикк стоял, дожидаясь возвращения разведчика. Он не смел сесть на ящик, опасаясь, что раненые ноги подведут его в тот момент, когда надо будет встать, приветствуя капитана. Он почти не пытался привести себя в порядок: не стыдно, чтобы капитан видел солдата, который только что закончил выполнять свой солдатский долг.

За дверью какой-то голос звучал на повышенных нотах. Негромкий ответ, видимо, дал разведчик. Потом — снова громкий голос, сыплющий ругательствами: такие он время от времени прослушивал с земных кораблей.

Если повышенным тоном говорит капитан, то это знак недовольства его действиями. Нелирикк внезапно задумался о том, насколько убедительным будет разведчик, и он немного заволновался и переступил с ноги на ногу, ощутив острую боль от ран.

Дверь открылась, пропуская настоящую процессию.

Впереди, прихрамывая, шел разведчик с временными повязками на руке и ноге. Сразу за ним показался мужчина-землянин, заполнивший весь дверной проем: нормальный рослый солдат, одетый по-полевому, и в то же время похожий на оборванца-фермера: длинноволосый, бородатый, без татуировки чина и отметины зрелости. Однако двигался он уверенно, властно. Настоящий капитан!

Позади него шла крошечная рыжеволосая пичуга: наверняка ученица воина, досрочно взятая из яслей из-за экстренной ситуации вторжения. Она несла нечто похожее на аптечку первой помощи.

Разведчик приостановился и чуть не поскользнулся на влажном полу. Крупный мужчина задержался и отрывисто приказал часовому у дверей:

— Давай сюда швабру и уборщиков!

— Мой капитан, — заговорил разведчик, и Нелирикк повернул голову в сторону бородача, решив, что не так уж плохо будет служить капитану, у которого хотя бы рост нормальный...

— Мой капитан, — повторил разведчик и низко поклонился, почти прикоснувшись головой к коленям.

Пичуга продолжала идти вперед. Она шмякнула аптечку на ближайший ящик и прошагала мимо большого и маленького

мужчины, чтобы остановиться напротив Нелирикка, широко расставив ноги и скрестив на почти мальчишеской груди худенькие ручки.

— Ну? — бросила она.

При звуке командного тона у Нелирикка сам собой открылся рот, но его разум успел вмешаться, напомнив, что пока ему не время говорить. Ответил разведчик, как положено — и очень мягко.

— Капитан, вот человек, которого я предполагаю ввести в отряд. Его зовут Нелирикк Исследователь. Он — разумный боец и...

Капитан чуть пошевелилась и нахмурилась.

— Представь меня.

— Есть, капитан.

Разведчик покорно поклонился. Нелирикк вытянулся по стойке «смирно», пытаясь не замечать своих ран и упорного звона в ушах. Тем временем его ум пытался освоиться с фактом, что капитан даже меньше разведчика и...

— Исследователь, слушай! Перед тобой Капитан Мири Робертсон, командир Первого боевого отряда Объединенных сил Литаксина! Капитан, я представляю вам кандидата в новобранцы Нелирикка Исследователя.

Нелирикк смотрел прямо перед собой, как требовал устав. Крошечное существо опустило руки и почти лениво обошло вокруг него с осмотром. Уголком глаза Нелирикк увидел, как великан ухмыльнулся, но как только капитан закончила обход, он тут же скроил по-солдатски серьезную мину.

— Это — человек с той дурацкой винтовкой? — спросила она у разведчика.

Нелирикк постарался остаться бесстрастным. В конце концов, такой вопрос был вполне законным, а объяснять все следовало его поручителю.

— Да, капитан.

— Гм-м-м. — Она снова зашла ему за спину. — А это что, к дьяволу, такое?

— Я снял это с его...

— Он говорить может? — огрызнулась капитан.

— Да, капитан.

Разведчик стушевался, а великан снова ухмыльнулся себе в бороду.

— Исследователь! — обратилась прямо к нему капитан. — Эта штука, в которой ты запутался, что это?

Нелирикк продолжал смотреть прямо перед собой, сосредоточившись на том, чтобы правильно подобрать земные слова.

— Капитан, это шибджела. С позволения капитана.

Разведчик, находившийся в поле зрения Нелирикка, вдруг дернулся и насторожился.

— Переведи это, — приказал голос, требующий повиновения, и разведчик прикусил губу.

— Я... На торговом: Шейное украшение Джелы. На высоком лиадийском: Колье Джелы... — Он помолчал, растирая большим пальцем подушечки остальных, словно ощупывая оттенки смысла. — На земном... наверное, удавка Джелы. Или...

— Понятно, — прервала его капитан. Она снова встала, скрестив руки, прямо перед Нелирикком. — Исследователь! У всех икстранцев есть при себе такое?

Превосходно! Капитан соображает быстро и по существу!

— Нет, капитан. Мой... Тот отряд, где я обучался, отдает честь одному из первых своих членов. Все, кто там обучался, носят шибджелу. У других отрядов...

— Другие игрушки, — договорила она за него и добавила, почти не поворачивая головы: — Джейс!

— Да, капитан Рыжик?

Бородач не кланялся, но на его лице ясно читалось уважение.

— При тебе есть какая-нибудь игрушка?

Великан ухмыльнулся, шагнул вперед и продемонстрировал кусок дерева очень странной формы. Возможно, это была дубинка, хотя для такой работы она казалась слишком хрупкой. Деревяшка чуть заострена и отлично отполирована. Руки Нелирикка так и зачесались от желания потрогать ее, проверить ее равновесие, понять ее теорию.

— Такие видел? — спросила капитан, вставая слева от него.

— Нет, капитан, — ответил он, отметив про себя, что у капитана, оказывается, несколько имен.

— Прекрасно. Значит, у нас тоже есть кое-какое секретное оружие.

Она снова оказалась у него за спиной.

— Больно? — спросила она, и он ощутил обжигающую боль там, где она дотронулась до его ноги выше кровоточащей раны.

— Да, капитан, — спокойно ответил он.

— И должно болеть. Вид довольно гадкий. Сражаться можешь?

— Да, капитан. — Он чуть помедлил. — Сейчас?

— Нет! — Она снова стояла перед ним, запрокинув голову, так что ему видно было суровое личико не больше его ладони, на котором горели яростные серые глаза. — Я спросила, можешь ли

ты хорошо сражаться? В моем отряде никто не отлынивает, понимаешь? Мои солдаты сражаются!

— Я могу сражаться, капитан. Я много лет учился. Я могу стрелять из автовинтовки, из...

— Рекламу можешь опустить. На скольких языках ты говоришь?

— Слушаюсь, капитан, — проговорил Нелирикк, удивляясь, но тут же вспомнил, что с ним говорит капитан, под началом которой находится разведчик. — Языки: икстранский, лиадийский, торговый, земной и ришкак.

— Хорошо. Умеешь слушаться приказов?

— Да, капитан.

— Если я прикажу тебе идти в атаку на броню, а при тебе будет только винтовка, ты это сделаешь?

— Да, капитан.

Серые глаза смотрели на него без всякого выражения.

— Ты действительно думаешь, что сможешь принимать приказы от такой, как я?

Он секунду колебался, потом начал давать уставной ответ, но был остановлен резким взмахом почти детской ручки.

— Говори мне то, что думаешь, исследователь. Правду, *аккази?*

— Да, капитан. Исследователю кажется... что капитан... очень маленькая.

Как это ни поразительно, она рассмеялась.

— Правда? А капитану кажется, что ты сверх меры высокий. Если ты не сможешь повиноваться моим приказам, я просто передам тебя командору Кармоди, и пусть он с тобой разбирается. Я никого не просила, чтобы мне в отряд дали второго разведчика. Сдается мне, что и с одним хлопот хватает. — Она задумчиво поморгала. — Может, проще всего вообще тебя отпустить.

Нелирикк судорожно сглотнул.

— Капитан...

— Дьявольщина, Рыжик! — заорал командор Кармоди, заглушив все другие звуки в помещении. — Это ни в какие ворота не лезет! А сколько он знает? Дорогуша, да этот парень — просто красавец! Мы не имеем права бросить его в лапы шайки хулиганов, которые даже мышей на складе не извели!

— Великолепно, — ответила она бесстрастно. — Он тебе нужен?

— Ну-ну, малышка, ты же понимаешь, что ему будет лучше у тебя. Похоже, они с разведчиком друг друга прекрасно понимают.

— Вот это меня и пугает, — проговорила капитан, хотя по ней не заметно было, чтобы она чего-то боялась. Она со вздохом по-

вернулась обратно к Нелирикку. — Ладно, Красавчик, у тебя было время подумать. Кого выбираешь, меня или командора Кармоди?

Он посмотрел на разведчика, и тот ответил бесстрастным взглядом. На командора Кармоди, который пожал плечами и спрятал руки за спину. На саму капитана.

— Разведчик рекомендовал меня своему капитану, у которой есть мудрость, чтобы оценить... потенциал разведчика. Я даю слово повиноваться приказам капитана, если она примет меня в свой отряд.

— Гм... С первой помощью знаком?

— Так точно, капитан.

— Хорошо. Помоги командору Кармоди подлатать тебя.

— Есть, капитан.

Бородатый мужчина вышел вперед с аптечкой под мышкой. Капитан направилась к ящику, который служил сиденьем разведчику, и подтянулась на него.

— Исследователь, у меня из-за тебя будет масса проблем. Ты это понимаешь?

— Я не подумал, капитан. Я...

— Так подумай! Даю тебе время, пока длится эта твоя первая помощь, а потом изволь сказать мне, какие проблемы у меня возникнут с тобой и из-за тебя и как от них избавиться. И подумай как следует, аккази?

— Есть, капитан.

Командор Кармоди поставил аптечку рядом с ним и встал у него за спиной на одно колено. Нелирикк почувствовал, как тот дотронулся до шибджелы и взялся за конец с кольцом.

— Ну держись, парень. Сейчас малость пощиплет.

Наверное, он плохо понимал земной: быстрый рывок, выдернувший проволоку из раны, вызвал мучительную боль, острую, но благословенно недолгую. Он беззвучно прикусил губу и сосредоточился на том, чтобы сохранить вертикальное положение.

Послышалось тихое шипение, холод — и рана онемела. Потом раздался звук вспарываемой штанины. Нелирикк сосредоточился на задаче, которую ему дала капитан.

— Капитан, анализ показывает, что все мелкие проблемы, порожденные включением исследователя в отряд, вытекают из одной большой проблемы.

Капитан отвлеклась от разговора с разведчиком, шедшего на незнакомом Нелирикку языке, и нахмурилась.

— Вот как? — спросила она, но этот вопрос был явно риторическим, поскольку она сразу же приказала: — Объясни эту крупную проблему и предложи путь ее решения.

— Есть, капитан.

Он поднес кулак к свежеперебинтованному плечу и запоздало сообразил, что этот жест вполне может быть истолкован как оскорбительный.

— Основная проблема заключается в том, что исследователь — икстранец, а отряд под вашим командованием — нет. Решение... — Ему было неловко давать такой ответ. И кроме того, такой ответ плохо характеризовал его будущую полезность для ее отряда. Нелирикк постарался, чтобы его лицо оставалось стоически спокойным. — Капитан, я прихожу к выводу, что решения не существует. Биология — это факт.

— Биология, — поправила она его, — это один факт из множества других.

Она поднялась на ноги прямо на том ящике, где сидела, и поманила его пальцем.

— Иди сюда.

Он сделал два шага вперед и остановился, ощутив, что разведчик вдруг напрягся.

— Я сказала — иди сюда! — рявкнула капитан.

— Слушаюсь, капитан.

Тревожно поглядывая на разведчика, он прошел вперед, пока пальцы его ног не уперлись в ящик, на котором она стояла. Даже при этой добавочной высоте он смотрел на нее сверху вниз и секунду смог разглядывать толстый жгут волос, плотно обернутый вокруг ее головы. Потом она подняла к нему лицо.

— Что это за штуки? — спросила она, указательным пальцем водя по линиям на его щеках.

— Капитан, это вингтай — отметины чина и... успехов. Наносятся иглой, чтобы на всю жизнь.

— Так. И что говорят твои?

Нелирикк моргнул и осмелился бросить быстрый взгляд на разведчика, но тот в ответ только выгнул подвижную бровь.

— Капитан, — уважительно ответил он, снова глядя ей в лицо, — справа — знак того, к какому отряду относишься с рождения. Название, наверное, Гвардейцы Джелы. По-земному я не...

Она махнула рукой.

— Достаточно точно. А как насчет левой?

— Капитан, левая щека говорит, что я — исследователь. Двойная линия показывает, что я... что я разжалован. А еще... отметина яслей, учебного отряда, отличия в пилотировании и меткости.

А это... — Он поднял руку и провел кончиками пальцев по правой щеке, ощутив под ними старый шрам, почти скрытый под слоями татуировок. — Это — нчака, — медленно проговорил он. — Когда солдат заканчивает обучение и получает собственное оружие, сержант Арсенала крестит в крови его личный нож, чтобы показать, какое у него острое лезвие. — Он замялся и посмотрел на разведчика. — Факты к сведению. С разрешения капитана.

Она помахала рукой.

— Валяй.

Видимо, это слово означало позволение говорить, а не приказ к действию, хотя его буквальный перевод... Нелирикк вздохнул.

— Да, капитан. История говорит, что вингтай использовались первыми солдатами потому, что внушали страх лиадийцам.

— Внушали страх?.. — На секунду нахмурившийся лоб сразу же разгладился. — Ага. Если это остановит их на секунду и даст вам возможность нанести первый удар, то усилия не потрачены даром. Надо полагать.

Она посмотрела на командора Кармоди.

— Нам срочно нужен медик.

— К твоим услугам, дорогуша, — жизнерадостно отозвался великан и прошагал к двери, крикнув в соседнюю комнату, чтобы позвали кого-то по имени Чен.

— Медик сможет составить программу стирания татуировок, — говорила тем временем разведчику капитан. — Наверное, и цвет кожи можно изменить. А как насчет волос. И... — Она повернулась. — Ты можешь отрастить бороду, Красавчик?

Нелирикк напрягся. Бороду? Она что, приняла его за крестьянина? Или купца? Или... земного командора? Он чуть было снова не вздохнул.

— Капитан, солдат просто не имеет бороды. Это — вопрос дисциплины.

— Гм. Так что если ты просто пару деньков проигнорируешь дисциплину, у тебя начнет расти борода? Или ты как вот он?

Тут она указала на разведчика. Тот приподнял бровь, но промолчал.

— Если бы дисциплина была забыта, — напряженно проговорил Нелирикк, — у исследователя на лице стали бы расти волосы. С позволения капитана, тогда было бы очень трудно читать вингтай.

— Это не проблема, — заверила его она. — Мы первым делом избавимся от всех этих лицевых украшений. — Тут она снова повернулась к разведчику, оставив Нелирикка мысленно ахать. — Как насчет волос и бороды? Тут что-то можно сделать?

— Возможно, гормоны и доза ускорителя роста, — мягко ответил разведчик. — Ему все равно надо провести ночь в автоврач е. — Он слегка поклонился, направив взгляд вверх. — С позволения капитана.

— Шутишь, да? Вот погоди...

— Капитан!

Нелирикк наконец снова обрел дар речи. Она повернулась к нему.

— Что?

— Капитан, вы удалите...

Его рука вернулась к щеке, проследила привычную спираль своего Отряда, прикоснулась к нчаке.

Она нахмурилась.

— Ты, кажется, сказал, что хочешь служить в моем отряде?

Нелирикк судорожно глотнул воздух.

— Так точно, капитан.

— И ты сказал, что носишь эти штуки, чтобы внушать страх лиадийцам, так?

— Так точно, капитан.

— Ну так мой отряд не внушает страх лиадийцам. Мой отряд хочет внушать страх икстранцам, усвоил?

Он воззрился на нее, пытаясь перестроиться так, чтобы думать об икстранцах как о врагах, и снова прикоснулся к отметине зрелости.

— Так точно, капитан.

Она повернулась на своем ящике и поймала его взгляд глазами, полными такой магической силы, что он не мог разорвать контакт.

— Ты сможешь отмочить такую шутку, Красавчик?

Ее голос звучал дружелюбно, но земные слова оставались непонятными. Словно почувствовав его смущение, она спросила снова, уже на высоком лиадийском:

— Вы сможете вырастить детей своих поступков, Нелирикк Исследователь?

Он поклонился.

— Я связан словом, данным... благородному противнику. Принято во внимание, что отряд поступил бесчестно и послал меня на смерть. Я постараюсь действовать лучше в отношении детей моих поступков.

— Ладно. — Она снова перешла на земной. — Когда тебя должны были забрать?

— Через шесть дней, в полночь по местному времени.

— Хорошо. Дай разведчику свои позывные, об этой детали мы позаботимся. Тем временем тебе приказано сотрудничать с Чен, выздоравливать, есть и отдыхать. Думаю, проведешь там день-другой... — Она взглянула на разведчика, и тот кивнул. — Ты получишь компьютер, и техник покажет тебе основные принципы работы. Разведчик составит тебе основу, которой ты будешь следовать. *Информацию*, понятно? А в свободное время учи земной. Не годится, если ты в пылу боя неправильно поймешь приказ. — Она спрыгнула с ящика и далеко снизу посмотрела на него. — Вопросы есть?

У него кружилась голова. Внезапно он почувствовал такую усталость, словно вел бой уже несколько дней, и сон показался ему сладкой мечтой.

— Никак нет, кап... — начал было он, но тут же поправился: — Есть один, капитан. Каково будет мое положение в отряде?

Не намерены ли они держать его в этой клетке, вводя в компьютер данные, пока они не иссякнут полностью? Что-то в его душе отказывалось поверить, что разведчик на такое способен, хотя весь его жизненный опыт убеждал в том, что это — единственное разумное применение, которое они ему смогут найти.

— Положение в отряде? — Она нахмурилась. — Ты будешь личным адъютантом капитана. Ты будешь подчиняться непосредственно капитану. — Ее глаза сверкнули. — Это тебе годится?

Личный адъютант капитана? Нелирикк моргнул и посмотрел на разведчика, но смог прочесть на его гладком лице только усталость — такую же глубокую, как и его собственная.

— Это мне годится, — ответил он, стараясь не замечать ухмылки командора Кармоди. — Спасибо, капитан.

— Не спеши меня благодарить, — мрачно отозвалась она, а командор Кармоди захохотал.

Она отвернулась. Разведчик услужливо пристроился рядом с ней. Но она почти сразу же остановилась и снова повернулась к нему.

— И еще одно. — Она указала на лиадийца. — Ты дал ему клятву защищать его и его род?

Нелирикк из последних сил попытался сосредоточиться.

— Так точно, капитан.

— Так точно, капитан! — повторила она и вздохнула. — А ты спросил его, что это значит? Ты спросил, нет ли у него тройни или старика отца?

Структура лиадийского клана имеет очень сложный характер. Нелирикк изучал ее, как принято изучать все сведения о противнике, которые удается добыть, однако не был уверен в том, что его понимание соответствует действительности.

— Никак нет, капитан.

Она снова вздохнула.

— Будешь учиться на собственных ошибках, да? За исключением прямых приказов, при любой просьбе лиадийца что-то сделать, выясняй подробности, аккази?

— Есть, капитан.

— Хорошо. Так вот, детали, которых ты не выяснил в данном случае, включают в себя и тот факт, что мы с разведчиком — спутники жизни. — Она сделала шаг вперед и всмотрелась в его лицо. — Знаешь, что такое спутники жизни, Красавчик?

— Я... не могу знать, капитан.

— Так теперь сможешь. В общем, дело обстоит так, что мы с ним — одно целое. Если меня завалят, говорить моим голосом будет разведчик. Если завалят разведчика...

Наверное, на его лице все-таки отразились одолевающие его чувства, потому что она усмехнулась и кивнула.

— Заковыристо, да? Вот и приходится следить за ним все время.

Она обернулась к двери. Туда входили двое с каталкой, на которой была установлена аптечка для всего тела, или, на земном, автоврач. Нелирикк посмотрел на капитана неуверенно: такие вещи предоставлялись только генералам...

— Это — Чен, — сказала капитан. — Он займется твоими порезами и сотрет татуировки, все в соответствии с приказом.

Она приостановилась и прижала палец к своей щеке там, где у него была нчака.

— Об этом не тревожься. Человек сам хозяин своим шрамам. Но татуировки делают тебя похожим на икстранца, тогда как ты — солдат Первого Литаксинского Нерегулярного. Раз командор Кармоди считает тебя такой ценностью, не годится, чтобы тебя пристрелили свои, так, Джейс?

— Совершенно верно, капитан Рыжик! Чен, по-моему, с усами он будет очаровашка.

— Сделаем, что сможем, — спокойно согласился медик, подходя к Нелирикку с переносным диагностом. — Ну, сынок, закатай-ка рукав, и мы посмотрим, из чего ты сделан.

Нелирикк со вздохом послушался. Когда он снова поднял голову, в помещении с ним остались только медики.

Лафкит
Улица Эплинг

День был ясный, солнце стояло высоко, сверкающий воздух бодрил. Хранитель с наслаждением наполнил им легкие и зашагал по мягкой полосе цемента к жилищу Анжелы Лизарди, Отставного Старшего Командора Расформированного Отряда «Психи».

Т'карэ, его брат Точильщик, не сопровождал его в этом полете. Они решили, что две стайные черепахи, появившиеся в районе, где нелюди бывают редко, вызовут разговоры среди местного населения. Что еще хуже, необычность такого зрелища наверняка останется в памяти. В интересах стаи и ее человеческой родни было не оставлять излишне отчетливых воспоминаний на случай, если кто-то вроде Герберта Алана Костелло, скупщика тайн для Хунтавас, разыщет это место и начнет расспросы.

Вот почему Хранитель пришел в дом Анжелы Лизарди один, с посланием от Т'карэ к Старейшине и еще одним, предназначенным для передачи Мири Робертсон и Вал Кону йос-Фелиуму, если Старейшина сочтет уместным, чтобы Хранитель увиделся и поговорил с этими ценными персонами.

Номера на дверях отсчитывались так: 352, 354, 356. Дверь под номером 358 оказалась крепче тех дверей, на которых значились другие номера. Она была вытесана из дерева, а не отлита из пластика. Эта дверь была испещрена шрамами и царапинами, побита непогодой. Она стояла перед Хранителем с замкнутым равнодушием Старейшины, выполняя свои обязанности, недоступные для понимания жалкого Седьмого Панциря.

Остановленный дверью Хранитель стоял, устремив мечтательные глаза на покрытую шрамами дверь, внимая ужасающему достоинству преграды. Спустя некоторое время, когда это показалось ему уместным, он поднял руку и очень осторожно прижал палец к белой кнопке, утопленной в косяке двери.

За испещренным царапинами немолодым деревом раздалась музыкальная трель из высоких быстрых нот. Хранитель ждал.

Спустя какое-то время ему показалось уместным еще раз нажать на кнопку. Снова заиграла музыка.

Свет заметно померк, когда Хранитель нажал на кнопку в третий раз. Далеко за дверью зазвучала музыка. А рядом с ним заговорила другая музыка:

— Леди уехала.

Помня о хрупкости даже совсем взрослых людей, Хранитель очень осторожно повернулся. Так же осторожно посмотрел вниз.

У его колена стоял человечий черепашонок. Поднятое вверх личико походило на цветок, карие глазки были широко распахнуты.

Люди считали стайных черепах громкоголосыми. Хранитель приложил все усилия, чтобы его голос стал меньше.

— Я ищу Анжелу Лизарди, хорошенькая черепашка. Вы говорите, что она оставила свой дом?

Шелковая розовая кожа наморщилась: пушистые коричневые брови сдвинулись.

— Леди-Лиззи уехала, — уверенно заявила малышка. — Мама сказала. Мне нравится Леди-Лиззи.

— Ваше чувство делает вам честь, — серьезно проговорил Хранитель. — А вы знаете, когда Леди-Лиззи оставила это место?

Личико снова наморщилось, глаза затуманило раздумье. Хранитель почтительно стоял, ожидая результата ее раздумий.

— Дилли!

Второй голос оказался старше, резче. Хранитель отвел взгляд от черепашонка и обнаружил, что на него, ребенка и дверь надвигается какая-то женщина.

Женщина бросилась прямо к черепашонку, наклонилась, схватила ее за руку и выпрямилась с такой силой, что ребенок на пару дюймов оторвался от мягкого цемента.

— Сколько раз я тебе говорила, чтобы ты не разговаривала с незнакомыми? — спросила женщина у ребенка, и Хранитель ясно различил в ее голосе раздражение и гнев.

— Черепашонок оказала мне услугу, — сказал он. Женщина перевела взгляд на него и отступила на шаг, таща с собой ребенка. — Я принес послание для Анжелы Лизарди, а черепашонок говорит мне, что ее нет дома. Вы не знаете, в какой день ожидается ее возвращение?

Женщина моргнула и рывком притянула к себе ребенка.

— Лиз уехала неожиданно, пару дней назад. Оставила мне записку, чтобы я присматривала за ее квартирой. Когда я только переехала на эту улицу, мы присматривали за квартирой друг друга. Тогда Лиз больше ездила. А куда она уехала на этот раз и когда вернется... — Женщина покачала головой и отступила еще на шаг. — Она не сказала. И не мое это дело. Она просто попросила, чтобы я присматривала за ее домом.

— Понимаю, — ответил Хранитель, не забыв понизить голос. — В мои намерения не входило отвлекать вас от дел. Я...

сожалею, что не застал Анжелу Лизарди дома. Возможно, я найду ее дома в другой раз.

Женщина нахмурилась и оттащила ребенка себе за спину, не выпуская при этом ее руки.

— Если бы я была на вашем месте и захотела передать Лиз что-то, я бы направилась в Гильдию солдат и справилась бы там. Может быть, она оставила им координаты, по которым ее можно будет найти.

— Благодарю вас, — проговорил Хранитель, наклоняя голову. — Ваше предложение имеет ценность.

— Рада, что могла помочь, — сказала женщина и, резко повернувшись, подхватила черепашонка на руки и быстро побежала по дорожке.

Хранитель задержался, чтобы проанализировать свои действия, но не нашел в своих словах или позе чего-то такого, что сказало бы женщине об опасности. Тем не менее он пришел к выводу, что там, где речь идет о безопасности черепашонка, взрослому подобает проявить семикратную осторожность.

Итак, Гильдия солдат. Он решил, что знает местоположение этого здания: на противоположном конце города. Сначала он отправится к своему брату Точильщику и доложит о событиях, происшедших у дома Анжелы Лизарди. Особенно подробно он расскажет о Старшей Двери и мудром черепашонке. А потом они вдвоем могут выйти в прохладу вечернего Лафкита и вместе отыскать Гильдию солдат.

Дом Клана Эроб
Учебный плац

Нелирикк вышел из роскошного автоврача излеченным, бодрым и с чистым лицом, на котором оказалась только нчака и неожиданный ежик шелковистых темных волос, обильно выросших между носом и ртом. Волосы на голове также переросли солдатский бобрик, на поддержание которого у него уходило столько трудов, и теперь превратились в волнистую шевелюру длиной чуть ли не в четыре пальца.

Соскребая с подбородка щетину бритвой, выданной ему на Главном складе вместе с кожаным костюмом, таким же, какие видел на других, он рассматривал в зеркале свою новую физиономию.

Глаза — темно-синие в опушке густых коротких ресниц — остались прежними, но ярко выделялись на обнаженном пространстве лица. Нчака... это оставалось утешением, хотя и превратилась в едва заметную коричневую ниточку на ровной смуглоте открывшейся кожи. Борода, та самая борода, которая донимала его все двадцать пять циклов его жизни, теперь успокаивала. Заканчивая бритье, он решил, что узнает себя, если неожиданно увидит собственное отражение.

Некий Уинстон — Нелирикк принял его за ветерана-солдата — появился, когда он заканчивал завтрак, и час длилась проверка: сигналы, опознавательные знаки, знаки отличия и пароли — пока старый солдат не объявил, что доволен.

— Хорошо. Изволь все это крепко помнить, слышишь? Не хотелось бы тебя пристрелить из-за того, что ты не отозвался на пароль.

Помня о своем статусе новобранца, Нелирикк повторил салют, который ему показали.

— Сэр, я не посрамлю чести вашего урока.

Уинстон рассмеялся и, направляясь к двери, помахал рукой.

— Дьявольщина, никакой я не «сэр», парень. Просто оставайся жив и проследи, чтобы капитан Рыжик тоже осталась жива — и другой чести мне не нужно.

Дверь открылась, и Уинстон исчез. Она осталась открытой, чтобы впустить какого-то техника и разведчика. Техник вез каталку с компьютером. У разведчика на плече висел моток кабеля.

— Исследователь, я вижу тебя здоровым?

Нелирикк поклонился, прижимая ладонь к сердцу: он видел, что так разведчик приветствовал их капитана, — и ответил на земном, поскольку именно на этом языке к нему обратились.

— Разведчик, я более здоров, чем был уже много циклов.

Человечек кивнул, и техник подвез каталку к стене, включил тормоз и выдвинул клавиатуру.

— Медик сказал нам, что ты возмутительно недоедал. Он взял на себя смелость ввести тебе витамины и дополнительные питательные вещества. — Он улыбнулся. — Нам поручено тебя «откормить». Надеюсь, что ты примешь это указание как приказ.

Он направился к тележке. Техник взял кабель, умело произвел подсоединение и ушел, кивнув им на прощание и разматывая за собой кабель. Дверь за ним не закрылась.

Нелирикк взглянул на разведчика, но разведчик был занят компьютером: он нажал кнопку включения и удовлетворенно кивнул, когда экран монитора загорелся.

— Я составил программу, — сообщил он, — в соответствии с указаниями капитана. Выслушай меня, пожалуйста.

Нелирикк подошел и встал у правого плеча разведчика, снова изумившись его внешней хрупкости. Однако тот сражался как солдат и добился своей цели, хотя логика подсказывала, что он слишком мал ростом, чтобы победить.

Изящная рука двигалась по клавиатуре. Экран мигнул — и на нем составились земные слова.

— Ты получаешь вопрос. Два последовательных нажатия ввода сигнализируют о том, что твой ответ закончен. Если какой-то вопрос потребует уточнения, тебе дают подсказку. Когда все станет ясно, ты получаешь следующий вопрос. — Он поднял голову, сверкнув ярко-зелеными глазами. — Вопросы и подсказки будут на земном, чтобы это помогало тебе улучшить владение этим языком. В случае необходимости нажатием вот этой кнопки можно получить перевод того же вопроса на торговый.

— Понимаю, — ответил Нелирикк, чувствуя, как у него внутри все холодеет.

— Ты будешь верен своей клятве, Нелирикк Исследователь? — спросил разведчик, вдруг перейдя на высокий лиадийский. — Или дело в том, что ты боишься, как бы я не нарушил свою?

Нелирикк глубоко вздохнул.

— Разведчик, чтобы полностью меня опустошить, понадобится много дней, какой бы хитроумной ни была твоя программа.

— Безусловно, — энергично согласился разведчик, перейдя на земной. — Однако капитан не может избавить тебя от выполнения твоих прямых обязанностей на много дней. Тебе приказано явиться к ней на вечернюю тренировку по обращению с оружием. А до тех пор — это твоя обязанность, и я оставляю тебя ее выполнять. После того как ты дашь мне код для твоего возвращения.

Нелирикк секунду стоял неподвижно, а потом заставил себя пройти туда, где рядом с позорной винтовкой лежал его вещмешок. Напомнив себе о своей клятве, он залез в мешок и извлек оттуда маячок для возвращения. Он принес клятву, а Отряд отправил его на смерть — и это еще малая часть прегрешений Отряда против него.

И в то же время он никогда в жизни не совершал более трудного поступка, чем сейчас, когда достал маячок и вложил его в хрупкую руку человека, принадлежащего к вражеской расе.

Разведчик принял маячок с поклоном. Его зеленые глаза смотрели очень торжественно.

— Боевой долг, исследователь. Я не прошу, чтобы ты это простил. Я только говорю, что не потребовал бы от тебя этого ради меньшего, чем жизни, которые необходимо сохранить.

Понимание боевого товарища — и от человека, который даже не солдат? Нелирикк ощутил, как что-то у него в душе улеглось, и он по-земному кивнул.

— Я тебя слышу. Не стыдно, когда солдат сражается так, как солдат должен. — Он наполнил грудь воздухом. — Ты захочешь знать и место, — проговорил он и снова полез в мешок, чтобы достать захваченную карту. — Вот, — показал он, расстелив ее на полу между ними.

Разведчик встал на колени, чтобы посмотреть туда, куда указывал палец исследователя. Потом он изучающе осмотрел район вокруг и кивнул. А потом кивнул еще раз, когда Нелирикк пересказал ему последовательность действий, необходимую для возвращения.

— Я вывернусь, — заявил он, легко выпрямляясь во весь свой неприметный рост. — А теперь я оставлю тебя выполнять твои обязанности, а сам займусь моими. И советую тебе как товарищ: не опоздай к капитану.

Отвесив сдержанный поклон, он исчез за открытой дверью. Нелирикк застегнул вещмешок, взял бесполезную винтовку и приблизился к соблазнительному проему. Небольшое каменное помещение за ним было пустынно, хотя представлялось несомненным, что за дверью в правой стене стоит часовой. Тем не менее удар винтовки устранит часового и даст ему нормально действующее оружие.

Винтовка оттягивала ему руку. Он поклялся именем Джелы. А Отряд отправил его на бесполезную смерть.

Нелирикк вернулся в большую комнату, положил винтовку рядом с мешком и перенес один из ящиков к компьютеру. Усевшись, он отрегулировал высоту клавиатуры и экрана, прочел первый вопрос и начал вводить ответ.

— Ладно, — сказала Мири своему отряду. — Все свободны. Через час — тренировка по обращению с оружием.

Доставшиеся ей ветераны — пара из «Гирфалька» вроде Уинстона, добровольно вызвавшаяся в патруль, и горстка других, отбившихся от своих отрядов из-за вторжения, — развернулись и зашагали к палатке со столовой в таком темпе, словно только что выспались, а не прошли двадцать миль. Новички поплелись значительно медленнее. Некоторые шли так, словно у них болели ноги. Что скорее всего соответствовало действительности.

По правде говоря, у Мири у самой побаливала спина от непривычного груза: полный вещмешок, винтовка и комм. Но она стояла прямо, пока последний из новичков не скрылся из виду. Только после этого она вздохнула и взялась за лямки.

— Устала, шатрез? — прошептал он ей на ухо, и его руки приняли на себя вес вещмешка, чтобы ей удобнее было его снять.

— Знаешь, что я тебе скажу? — ответила она, когда его руки легли ей на плечи. — Я совсем потеряла форму.

— А! — коротко отозвался Вал Кон.

Его пальцы начали двигаться, растирая и разминая затекшие мышцы. Казалось, он действует инстинктивно. Мири со вздохом наклонила голову вперед. Он растер ей основание шеи.

— Боги, как приятно! Но не увлекайся. Мне надо быть бдительной, когда я буду знакомить отряд с твоим ручным икстранцем.

— С нашим ручным икстранцем, — тихо уточнил он.

Она почувствовала, как он подвинулся, — и задрожала от наслаждения, когда он провел языком вдоль контура ее уха.

— Поосторожнее. Я офицер!

— Я тоже.

Он нежно прикусил ее мочку, крепко обнимая ее за талию.

Мири вздохнула, позволила себе еще секунду наслаждаться своими ощущениями, а потом медленно выпрямилась. Вал Кон сразу же отпустил ее, хотя за секунду до того, как она повернулась к нему лицом, она уловила вспышку неутоленного желания, эхом повторившую ее собственные чувства.

— Игрив, как котенок, а?

Она улыбнулась и, прикоснувшись к его щеке, проследила линию шрама.

— С разрешения капитана.

— Очень смешно, — печально проговорила она, качая головой. — А вот мне кажется, что новый член семьи проявляет должное почтение. Тебе полезно понаблюдать за тем, как он ведет себя.

— Уверяю тебя, я намерен очень пристально наблюдать за тем, как он ведет себя.

Она склонила голову набок.

— Эй, это ведь ты принял у него клятву и стал его поручителем при приеме в отряд. А теперь ты сомневаешься?

— Лучше скажем так: я не играю жизнью моей дамы. Нелирикк взялся за нелегкое дело. Чтобы полностью отрезать себя от своего народа, своей культуры, своего языка? Хуже: принести клятву подчинения и начать жить среди врагов, большинство из которых видят в тебе предмет, который следует поносить, нена-

видеть и бояться? — Вал Кон покачал головой. — Даже желая сдержать свою клятву, он может потерпеть неудачу.

Мири воззрилась на него.

— Так ты думаешь, что он скоро сорвется?

— Я думаю, — сказал Вал Кон, взяв ее за руку и медленно направляясь в сторону палатки-столовой, — что удача была на нашей стороне потому, что с Нелирикком так нехорошо обошлись свои. Я считаю, что он человек, обладающий сильным врожденным чувством справедливости, иначе он не разрешил бы себе принести такую клятву. Если мы будем мудры и дадим ему то, чего он жаждет — работу, дисциплину и уважение, — то нам, возможно, удастся его сохранить.

Неспешно ступая по траве, Мири обдумывала то, что он сказал.

— А с чего тебя так заинтересовал этот тип? Знаю: ты сказал, что ты у него в долгу, но дело не только в этом, так ведь?

Наступило недолгое молчание.

— Этот Джела, которым Нелирикк клянется, — тот, что в шейном украшении...

Она кивнула.

— Одним из основателей Клана Корвал был напарник Кантры йос-Фелиум, человек по имени Джела. Он был солдатом. Это за деревом Джелы присматривает мой клан, выполняя клятву, взятую Джелой с Кантры — беречь его в том случае, если он сам погибнет. Я работал с Дневниками Клана Корвал и склонен считать, что Джела Нелирикка — это тот же солдат.

— О!

Дневники того периода, когда Земля еще не имела выхода в космос! Солдат в их семье, носивший то же имя, что и какой-то икстранский военачальник. Дерево, которое приветствовали поклоном и обещанием передать привет его родителю. Мири мысленно вздохнула.

«Он верит каждому своему слову, Робертсон. Посмотри на его узор. Может, он и псих, но он не лжет».

— И кто же вы тогда? — спросила она уже у самой палатки. — Кузены?

Он улыбнулся и нежно сжал ее пальцы.

— Скорее ученики одного мастера.

На этот раз она уже не скрывала вздоха.

— Ладно, — сказала она. — Мы дадим ему шанс.

— Спасибо тебе, шатрез, — проговорил Вал Кон, выпуская ее руку и пропуская в палатку первой. — И помни: я буду следить.

* * *

Ветераны пришли на плац первыми. Они заняли свои места и стали ждать, пока приплетутся новички и отыщут в строю свои места.

Высокий человек четко прошагал по плацу и подошел прямо к Мири, стоявшей у доски объявлений вместе с разведчиком.

— Явился для прохождения службы, капитан.

Нелирикк, выучивший приветствия наемников, отдал четкий салют. И он пришел вовремя. Не опоздал, не дожидался. Вовремя.

Она бесстрастно выслушала его приветствие, потом обошла вокруг него так же, как сделала это в первый раз, когда он являл собой сплошные пот, кровь и нервы и больше походил не на солдата, а на хулигана с улицы.

Сегодня в блестящем кожаном костюме и сияющих сапогах он был безошибочно узнаваем как солдат. На поясе у него был кошель и нож, которым он пользовался во время боя с Вал Коном. Теперь нож был убран в потрепанный, но хорошо смазанный чехол. Он стоял по стойке «смирно» и смотрел прямо перед собой все время, пока она его осматривала.

Он был крупный, но без демонстративной массивности, характерной для Джейса Кармоди. Мири решила, что Нелирикк ведет замкнутый образ жизни. Только глаза могли бы его выдать. Да и то неизвестно.

Без татуировки его лицо стало обычным: два глаза, нос, рот, довольно тяжелый подбородок. Ускоренно выращенные волосы оказались светло-коричневыми и волнистыми. Усы в виде песочно-коричневой щеточки украшали тонкогубый неулыбающийся рот.

Закончив обход, она скрестила руки и посмотрела вверх, в его лицо.

— Исследователь, ты полностью экипирован?

— С разрешения капитана, у меня нет пистолета.

— Это я вижу. Еще чего-нибудь не хватает?

— Никак нет, капитан.

— Плиток пайка для твоих потребностей хватит?

— С разрешения капитана. Меня не информировали о задании. Экипировка и пайки вполне достаточны для обычных обстоятельств.

Мири кивнула.

— Сегодня сможешь пройти в своих сапогах марш-бросок?

— Так точно, капитан.

— А завтра снова сможешь в них ходить?

— Так точно, капитан.

Сейчас она, наверное, совершит не меньшую глупость, чем те, которые ради этого человека сделал Вал Кон, но почему-то она не сомневалась, что поступает правильно. Солдат без пистолета вообще никакой не солдат. Нелирикк как профессионал это почувствует — нутром.

— Как по-твоему, сумеешь разговаривать с оружейником?

В глубине синих глаз вспыхнула искра изумления.

— Так точно, капитан.

— Хорошо. После учения пойдешь и получишь пистолет и боеприпасы.

— ЕСТЬ, капитан!

— Хорошо, — сказала Мири, быстро обводя взглядом плац.

Шеренги уже построились, солдаты стояли по стойке «вольно». Пора начинать.

— Считай, что приступил к несению службы. И не забывай брать в столовой лишнюю порцию белка и второй десерт. Приказ главного медика.

— Есть, капитан.

Она зашагала вперед в сопровождении Нелирикка. Вал Кон занял свое обычное место, чуть в стороне от главных событий, и стоял там с непроницаемым лицом и совершенно спокойно. Она посмотрела на его узор: там появились какие-то интересные места напряжения, но серьезной тревоги не было. В соответствии со своим обещанием Вал Кон наблюдал за происходящим. Осознавая потенциальную опасность.

— Внимание! — громко сказала она, и на плацу вдруг воцарилась полная тишина. — Это — Красавчик. Он — мой адъютант и сегодня будет помогать мне вести занятие по рукопашному бою. Взводы разбиваются на тройки и...

— Это — икстранец!

«А, дьявол!» — подумала Мири, определив нарушителя. Джин-Барди. Ну конечно, это должен был оказаться джин-Барди! Этот парень не оставлял ее в покое с той минуты, как явился в Дом Клана с первой волной беженцев из города. Что самое обидное, если бы он потрудился, из него вышел бы солдат.

— Отставить разговоры!

Это уже Рейнольдс, ветеран отряда «Хвастуны Хигдона». Как и остальные ветераны, он присматривал за двумя дюжинами новичков. И что было вполне предсказуемо, джин-Барди не обратил на его слова никакого внимания.

— А я говорю, что эта тварь — икстранец, капитан! Вы это отрицаете?

Мири бросила на него гневный взгляд, что мало помогло, поскольку характер у джин-Барди был скандальный. Ответила она негромко, но четко, так, чтобы ее голос услышали все солдаты на плацу:

— Я говорю, что этот человек — солдат Первого Литаксинского Нерегулярного, мистер. После учения получаешь наряд на кухню. — Она обвела взглядом молчаливый плац. — По счету...

— А я говорю — нет!

Джин-Барди оставил свое место и побежал к ней. Она почувствовала, что Вал Кон готовится действовать, и остановила его, чуть приподняв плечо.

— Вольно, Красавчик.

— Это — не человек! — заорал джин-Барди на весь плац. — А если вы считаете его человеком, то не имеете права командовать нашим отрядом!

«Идиот проклятый!» — подумала Мири.

Ветераны переглянулись, и Уинстон шагнул вперед.

— Видишь ли, у нас, настоящих наемников, есть такая традиция, что ли: если кому-то не нравится, как капитан командует, они могут вызвать его на бой, и кто побеждает, тот и прав. Не то чтобы я советовал тебе попробовать такое с капитаном Рыжиком. Что я тебе советую, так это взять пятьдесят лет кухонных нарядов, которые ты только что заслужил, и вернуться в строй, чтобы мы могли начать работать.

Он помолчал и осмотрел плац. Его глаза на секунду встретились с Мири, и он чуть заметно подмигнул.

— У меня нет возражений против того, чтобы Красавчик вступил в наш отряд. По правде говоря, я ему даже рад. Настоящий солдат всегда виден по тому, в каком порядке он себя содержит и как проявляет должное уважение к командиру.

Напряжение на плацу стало спадать. Или стало бы, если бы джин-Барди не решил проорать во весь голос:

— Ну ладно! Я здесь и сейчас вызываю капитана на бой!

Мири устало вздохнула, скорее почувствовав, чем увидев, как Вал Кон бесшумно подходит к ним ближе. Красавчик стоял у нее за спиной по стойке «вольно», как она ему и сказала. По крайней мере так она надеялась.

— Джин-Барди, тебе жизнь надоела?

— Боитесь со мной биться, капитан?

— Мечтай дальше. — Будь он проклят. Теперь ничего не поделаешь. — Отряд! — крикнула она плацу. — Встать в круг!

Она расстегнула пояс и вручила его Красавчику, который перебросил его себе через правое плечо, благодаря чему, по поразі-

тельному совпадению, кобура оказалась в таком положении, что позволяла достаточно быстро достать пистолет. Ее куртку он аккуратно сложил и положил у себя между ног.

Джин-Барди тоже снял пояс и куртку и стал оглядываться, но никто не вызвался их подержать. Он бросил куртку на землю, пристроив пояс сверху.

Круг составили так, чтобы включить в него Красавчика. Мири обратила внимание на то, что Уинстон встал по одну его руку, а Рейнольдс — по другую. Вал Кон оказался в другой части круга, почти напротив Красавчика. Она надеялась, что у него хватит ума не вмешиваться. У него не было причин для тревоги. Ей нетрудно будет справиться с джин-Барди. Проблема будет в том, чтобы не забыть оставить его в живых.

В центре круга она повернулась к джин-Барди лицом.

— Красавчик! — громко приказала она. — Давай сигнал.

— На счет три, капитан. Раз, капитан... Два, капитан... Три!

Джин-Барди налетел на нее стремительно, как она и предвидела. Он рассчитывал застать ее врасплох и заставить оступиться. Она посторонилась, зацепила его ногой за щиколотку, а рукой — за локоть, и, воспользовавшись его инерцией, бросила на землю плашмя.

Он упал тяжело, но стремительно и злобно вскочил. На этот раз он надвигался на нее, низко пригнувшись, и только когда он оказался совсем близко, она различила характерный блеск.

Она выгнулась — и он хотя бы сообразил, что не следует замахиваться ножом. В качестве ответного маневра она воспользовалась приемом, которому ее научил Вал Кон: отпрыгнуть и показать ложный удар ногой, выманивая нож.

И джин-Барди, этот идиот, попался на уловку.

Дальше все было быстро. Она отбросила нож, перекинула противника через плечо и с силой бросила на землю. Воздух шумно вырвался у него из легких, и пока в глазах у него было темно, она развернулась, подхватила нож, развернулась обратно, придавила ему руки коленями и прижала острие к шее под ухом, пока не увидела первую каплю крови и искренний страх в глазах противника.

— Придумай хотя бы один довод, почему не надо вспороть твою глупую глотку?

— С разрешения капитана!

Голос новобранца звучал почтительно — и совсем близко.

«Что еще?»

— Разрешаю говорить.

— Спасибо, капитан. Этот боец имеет шанс стать хорошим солдатом, если его обучить.

«Митра, дай мне силы!»

— Ты вызываешься им заняться, Красавчик? Доведешь его до кондиции?

— С разрешения капитана. Ради отряда.

У джин-Барди от ужаса начали закатываться глаза. Лицо у него приобрело интересный зеленовато-золотой цвет и вымокло от пота. Мири наклонилась ниже и очень тихо проговорила:

— Сейчас я уберу нож, джин-Барди, а потом встану и отойду на три шага. А потом ты встанешь и отдашь честь Красавчику. Попробуй не выполнить — и ты труп. Понял?

— Понял, капитан, — с трудом прохрипел он. Он сглотнул. — Я признаю поражение, — добавил он. На высоком лиадийском.

— Еще бы, — ответила она на земном и убрала нож.

Она встала, попятилась назад и застыла с ножом в руке, глядя, как он с трудом поднимается на ноги и идет туда, где с непроницаемым видом стоит великан — между Уинстоном и Рейнольдсом. Джин-Барди трясло, и наверняка ему было больно, но надо отдать ему должное — он подошел прямо к Нелирикку и отдал честь.

Нелирикк не пошевелился.

— Дисциплинированный солдат благодарит капитана за хороший урок.

На секунду джин-Барди замер. Круг ждал. Узор Вал Кона в голове у Мири был холодным, настороженным и обжигающе спокойным.

Джин-Барди медленно повернулся и поклонился.

— Капитан, спасибо вам за хороший урок.

— Нет проблем, — ответила она и подняла голову, чтобы посмотреть на Красавчика. — Отведи этого парня к медикам, и пусть они его осмотрят, а потом явись ко мне. Мои вещи отдай Уинстону.

— Есть, капитан.

Салют. Ее пояс и куртка перешли к ветерану, а Красавчик вышел из круга. Понурившийся джин-Барди двинулся следом за ним, но был остановлен поднятой ладонью.

— Дисциплинированный солдат, — объявил Красавчик с неумолимой бесстрастностью, — прощается с капитаном.

Джин-Барди снова повернулся, заставил себя расправить плечи и четко отдал честь.

— Есть, капитан!

Она кивнула. Солдаты ушли, и круг начал рассыпаться. Мири двинулась вперед.

Поравнявшись с доской объявлений, джин-Барди резко обернулся.

— Верните мне нож!

Нелирикк остановился.

— С разрешения капитана, — подсказал он, — я хотел бы получить обратно свое оружие.

Мири остановилась, прикинула вес ножа в руке, краем сознания ощущая что-то непонятное. Балансировка хорошая...

— Тебе вот это? — рявкнула она.

— Да! — рявкнул джин-Барди, и в ту же секунду клинок развернулся в ее пальцах — и она метнула его.

Нож закувыркался в воздухе и стремительно полетел — настолько стремительно, что у джин-Барди не было времени отреагировать. Клинок прошел так близко у его щеки, что почти коснулся кожи, а потом глубоко ушел в доску объявлений, крепко пригвоздив к ней прядь волос.

— Следует сказать: спасибо, капитан, — распорядился Нелирикк в полной тишине, воцарившейся после звучного удара ножа, — за то, что вы вернули мое оружие.

Выждав секунду, Нелирикк протянул руку и вытащил нож из доски и протянул его рукоятью вперед лиадийцу, которого била крупная дрожь.

— Солдат, твое оружие. По дороге к медцентру проверь его на предмет повреждений.

Вокруг нее зажужжали голоса: солдаты постепенно стали приходить в нормальное состояние. Мири повернулась, поймала на себе взгляд Вал Кона и решила пока не думать о том, где она научилась так метать ножи.

— Хорошо! — крикнула она, перекрывая усиливающийся шум. — Взводам разбиться на тройки для рукопашного боя! Быстро!

Лиад
Штаб-квартира Департамента Внутренних Дел

Агент, которой было поручено выяснить природу несчастного случая, уничтожившего корабль Тиль Фона сиг-Алды, когда тот невинно крутился на оживленной орбите планеты Веймарт, прислала свой доклад.

Хотя этот документ прямо противоречил нескольким хорошо известным фактам, Командир агентов охотно согласился с утверждением агента, что на орбите Веймарта в течение названного отрезка времени такого корабля не было и что такой корабль не взрывался там в день, час и наносекунду, которые также были названы. Агент утверждала, что совершенно уверена в этом.

Командир агентов приказал своей служащей явиться к своему непосредственному начальнику для подробного допроса с химическими средствами, но это было чистой формальностью. Он полностью доверял ее сообщению. О, конечно, он получил необработанные данные с потайного датчика, установленного на корабле сиг-Алды. И его собственная превосходная память его не подвела. Но это были просто факты.

А любому агенту прекрасно известно, что фактами можно манипулировать.

Сидя за своим столом в кабинете с часами и хронометрами, Командир агентов позволил себе полет фантазии.

Сказка разворачивалась так. Тиль Фон сиг-Алда не улетал с планеты Вандар. Более того: допустим, что он погиб там в тот недолгий период, в течение которого корабль находился на поверхности планеты.

Вал Кон йос-Фелиум, вышедший из повиновения агент, сумел победить человека, посланного для того, чтобы вернуть его или его отрезанную голову в Штаб-квартиру, воспользовался корабельным ключом и поднялся на орбиту. Там он вовсе не тратил время впустую, а занялся лихорадочной деятельностью: сначала нашел и затем вывел из строя скрытый датчик, о существовании которого было нетрудно догадаться. Сделав это, он совершил прыжок, однако Командир агентов готов был биться об заклад, что целью этого прыжка никогда не был Веймарт.

Или, возможно, был — поскольку этот агент хитер и умен.

Короче, завершил свою версию Командир агентов, Вал Кон йос-Фелиум вполне может находиться сейчас где угодно, не исключая и коридора за дверью своего Командира.

А вот эта мысль была особенно неприятной.

И все это, конечно, следует проверить.

С чувством, похожим на страх, Командир агентов подался вперед и нажал на кнопку, вызывая к себе своего заместителя.

Нужна группа агентов, решил он за те несколько секунд, в течение которых ждал этого необычайно исполнительного работника. Определенно: группа агентов отправится на Вандар, чтобы обнаружить местопребывание Тиль Фона сиг-Алды или выяснить,

как он погиб. Что еще? Как им получить зацепку о ходе мысли Вал Кона йос-Фелиума, улику, указание, куда он мог отправиться?

— Вы меня вызывали, командир?

Его заместитель поклонился и стал молча ждать.

Командир агентов повернул к нему голову и отдал приказ относительно группы, сформулировав срочное задание, которое эта группа должна выполнить. Заместитель снова поклонился.

— Будет что-то еще?

Куда? Куда он мог отправиться, этот человек, чей клан за исключением одного человека рассеялся по всей галактике? Какая идея для него важнее? Сведение счетов? Или благополучие близких? Какая причина лежит в основе его хаотических действий? И какие именно действия намеренно выглядят случайными и только имитируют хаос, тая в себе холодную логику цели?

Куда он отправится, когда перед ним открыта вся галактика?

— Отправь группу в Джелаза Казон, — приказал Командир агентов своему заместителю. — Я не желаю, чтобы Антора йос-Галан в настоящее время покидала Дом своего клана. Ограничьте ее свободу передвижения. Если надо, задержите.

Его заместитель поклонился. Это будет сделано.

— А еще, — проговорил Командир агентов, изумив самого себя, — доставь мне все данные относительно той землянки. Робертсон. Пусть мне пришлют их сюда — экстренно.

Его заместитель поклонился еще раз.

— Немедленно, Командир.

Лиад
Джелаза Казон

Было уже поздно, когда Антора наконец закрыла старинную книгу и поставила ее на полку к остальным. После этого она потянулась, подняв руки над головой и вытянув перед собой ноги, так что кресло приняло почти горизонтальное положение. Она задержала эту позу, считая до десяти, напрягая каждый мускул тела. На счет «одиннадцать» она резко расслабила все мышцы, выпустив воздух с громким «ах!». Возглас эхом отразился от металлических стен.

Кресло выпрямилось, и она рассмеялась, одной рукой откидывая упавшие на лицо непослушные черные волосы. Вторую

руку она небрежно опустила вниз, ладонью наружу, согнув пальцы в безмолвном призыве, адресованном гребню, дезертировавшему со своего поста и теперь лежащему на полу в трех шагах от ее лениво повисшей руки.

Призванный на место гребень порхнул ей в руку. Она закрепила им поспешно скрученные в узел волосы, приласкав пальцами атласную поверхность дерева. Это был бесценный предмет — его собственноручно вырезал Даав йос-Фелиум, родной отец Вал Кона, чтобы он украшал волосы его собственной возлюбленной. Гребень подарил Анторе Вал Кон, в ее именины, когда она стала считаться отроковицей. Благодаря этому подарок приобрел тройную ценность и стал украшением, которое она надевала чаще всего.

Она снова потянулась, на этот раз не только энергично, и сопроводила свое движение зевком, а потом медленно встала. Самая младшая из йос-Галанов, она унаследовала пышные формы от своей матери-землянки, но не получила к ним роста, который удачно подчеркнул бы их эффект. Однако она принадлежала к Клану Корвал, была пилотом и двигалась легко и изящно.

Она повернулась, грациозно покружилась и громко сказала:

— Лорд Мерлин? Идите сюда, сударь. Мы пройдемся, а потом ляжем спать.

Ее голос отразился от металлических стен, низкий и пушистый, словно бархат, однако в нем послышался звон, ярким бликом скользнувший по краю уха. Но, возможно, дело было в стенах.

Откуда-то из глубины книг раздалось «Мр-мяу!» и стук, как будто на ковер упало что-то тяжелое. Спустя секунду из-за стеллажа неспешно вышел довольно крупный серый кот, устремивший на нее круглые золотистые глаза.

Антора улыбнулась и направилась к двери. Кот пошел рядом с ее ногой. Он терпеливо дождался, чтобы она открыла дверь, а потом вышел с ней в обитый деревом коридор, где снова подождал, пока она отключит свет и запрет на ночь библиотеку.

Выполнив свои обязанности, кот и женщина прошли по коридору и оказались во внутреннем саду.

Сад освещали только звезды, но их света было достаточно для того, кто знал дорогу. Антора шла медленно, наслаждаясь ночной прохладой, воздухом, напоенным запахом растительности. Она шла по спиральной дорожке внутрь, пока та не привела ее к центру, сердцу сада. Там она прошла по мху, чтобы приложить ладонь к Джелаза Казон, известному всему миру как Дерево Клана Корвал.

— Добрый вечер, Старейшина, — прошептала она и почувствовала, как нагревается прижатая к коре ладонь.

Она глубоко вдохнула прохладный мятный запах и уютно привалилась спиной к стволу. У ее ног, там, где корни образовали на поверхности уютный уголок, улегся Мерлин, подвернув передние лапки калачиком и довольно прищурив золотистые глаза.

В прохладно-мятной темноте Антора закрыла глаза. Она снова наполнила легкие ароматным воздухом. Сквозь домашнюю тунику ствол Джелаза Казон грел ей спину. Медленно, словно обретя собственную волю, ее руки поднялись вверх, подставив открытые ладони звездам.

Антора открыла свой Внутренний Взор сиянию галактики и, как делала это каждый вечер, начала перекличку.

Вот холодное пламя Новы, чуть притушенное пеленой гиперпространства. А вот — Шан, теплый, как нежные объятия. Через него Антора нашла Присциллу, скорее вычислив ее, чем реально Увидев. А вон там — кузен Пат Рин, как всегда замкнутый.

Это был довольно глупый ритуал: ведь она не могла бы оказать помощь тем, кто находится так далеко, если бы оказалось, что у них какие-то проблемы. Антора, которую все считали бесстрашной, жила в страхе, что настанет ночь — и она недосчитается одной из свечек — и ничего не сможет сделать, чтобы зажечь ее снова.

Однако она продолжала свою поверку, утешаясь тем, что имела. Пока ей удалось найти четверых: Нову, Шана, Присциллу, Пат Рина. Сейчас у них все было благополучно, и она радовалась этому.

Теперь — дальше. Она сделала еще один глубокий вдох и снова послала свой ум в полет. Вал Кон... Она нашла его. Его пламя снова горело ярко, как до Порчи, которая, как теперь знала Антора, носила название Департамент Внутренних Дел. А у его плеча пылал костер, которым была Мири — его спутница жизни, и ее Анторе еще предстояло обнять как сестру.

Хорошо, это шестеро, а с ней — семеро. Она обратилась мыслями к тем, кого отыскать было легче: прикоснулась к детям: Квин, Пади, Сил Фор Мик и Шинди... И тетушка Карин йос-Фелиум, и кузен Люкен бел-Тарда... Они все ярко горели, все благополучно пребывали в своих убежищах. Она снова вздохнула и устремила мысли еще дальше.

Это пламя она впервые обнаружила, когда была беременна близнецами. В этом состоянии ее способности усилились — и оно стало ярким, как комета на ночном небе. Теперь оно превра-

тилось в сверкание крошечного алмаза. Порой она его только ощущала, порой — видела, порой теряла совсем за помехами множества миров, лежащих между ними. В эту ночь ей показалось, что она его не отыщет, но вдруг уловила знакомую вспышку почти на пределе своих способностей Видеть.

У этого крошечного алмазного пламени не было имени, однако Антора приветствовала его, как приветствовала огонь своих родичей, чьи имена она знала. И ей было почти так же страшно потерять и его.

Итак, взрослых, пересчитанных и известных, — девять. Детей всего пять. Клан Корвал состоит всего из четырнадцати человек, от самого старшего до самого маленького. Тепло у нее за спиной усилилось, и Антора с улыбкой опустила руки.

Пятнадцать, конечно. Нельзя не считать Дерево.

Но даже с Деревом их было мало — очень и очень мало. Ее умения не хватало на то, чтобы обнаружить число тех, кто за ними охотится, но она предполагала, что эта цифра намного больше, чем... пятнадцать.

Она открыла глаза и отошла от Дерева, но в походке ее не ощущалось той бодрости, которую ей обычно дарила перекличка родных. Она почти мрачно попрощалась с Деревом и тихо пошла по мшистому ковру к мощеной дорожке, но там остановилась и оглянулась.

— Лорд Мерлин?

Кот открыл глаза, встал, потянулся и прошествовал к ней. Потершись о ее ногу, он пошел впереди нее по дорожке — к дому и постели.

Дом Клана Эроб
Учебный плац

Нелирикк очень быстро обнаружил, как это приятно — иметь слишком много дел.

Ему ясно дали понять, чтобы он стал тенью и телохранителем капитана и, возможно, носил с собой дополнительное оборудование для связи. Значит, он стал специалистом, прикомандированным к капитану по ее собственному приказу и находящимся вне обычной иерархии.

В течение дня бывали моменты, когда его отправляли куда-нибудь, чтобы он принес карту, дискету или, например, бутылку

чего-то, а были времена, когда он стоял на часах, что было его правом.

Он знал и то, что никогда не дежурит один — и это тоже было понятно.

Поначалу поблизости всегда находился разведчик, которого Нелирикк стал считать Клинком Капитана, потому что он готов был убить любого, кто может представлять для нее опасность. Со временем разведчик стал появляться реже, а потом и вовсе исчез, поскольку по приказу капитана или тех, кто был выше ее по чину, ему приходилось отправляться то туда, то сюда.

Он познакомился и с теми, кто был выше капитана: с командором Кармоди, оказавшимся хитроумным и проницательным командиром, и немолодым лиадийцем, представленным ему как генерал. Генерал был патриархом клана, к которому относилась капитан. Познакомился он и с командирами наемников и охраны клана.

По икстранским стандартам им отчаянно не хватало офицеров среднего и низшего звена, но они были бойцами, а не чиновниками.

У него спрашивали фактические сведения и мнения, цифры и имена, боевые планы и схемы снабжения. Он отвечал без уверток и вскоре понял, что ему не угрожают, когда спрашивают «Почему ты так считаешь?» и «А почему это именно так?».

Короче, с ним обращались так, как не обращались с того времени, когда он был исследователем: как будто у него есть не только глаза, но и мозги. Он много времени проводил с умным компьютером: тот задавал дивно сложные вопросы, так что Нелирикк все сильнее уважал разведчика.

Когда он не находился с капитаном или в столовой, ему было трудно ничего не делать. Он усердно учился, проводя много времени за серьезным рассмотрением цветов и их значений. И в ту ночь, когда разведчик и полдюжины солдат-ветеранов отправились поджидать транспорт, который икстранцы должны были прислать за тем, кого они предпочли бы видеть мертвым, он принялся за изготовление подарка для отряда.

Командование объединенных сил землян и лиадийцев, базировавшихся на планете, теперь знало почти все, что знал он сам, думал Нелирикк, старательно работая иглой и нитками. Теперь они все знали — и излагая им все свои сведения, он сам обнаружил правду. А правда после стольких лет горечи даровала ему некое умиротворение.

Четырнадцатый Корпус Завоевания весьма свободно интерпретировал полученные приказы. До него доходили слухи: по-

скольку разжалованного, чьи слова были пустыми звуками, можно было не опасаться, он очень много чего слышал.

В Четырнадцатом Корпусе Завоевания решили рассматривать планету, намеченную для вторжения нескольких корпусов, как Планету Шанса. Это было смелым шагом, предпринятым благодаря известию о том, что на намеченной для завоевания планете происходит переворот. Этот шаг в случае успеха дал бы Четырнадцатому Корпусу преимущество перед Пятнадцатым и Шестнадцатым Корпусами, тогда как до этого ему отводилась роль поддержки и обеспечения тылов.

И вот Четырнадцатый Корпус напрягал все силы, стремясь к славе. Вместо того чтобы полностью захватить один континент и дожидаться прибытия Пятнадцатого Корпуса, командование стало вести действие сразу на двух больших континентах. Ведь цель заключалась в том, чтобы к прибытию остальных корпусов вся планета уже принадлежала бы Четырнадцатому Корпусу.

Если Четырнадцатый Корпус просто не достигнет своих амбициозных целей, захватит не два континента, а всего один, то Пятнадцатый Корпус скорее всего высадит свои силы и присвоит победу себе, снова отведя Четырнадцатому подсобную роль.

А вот если Четырнадцатый Корпус потерпит поражение...

Могут ли те солдаты, которых он здесь видит, нанести поражение Четырнадцатому Корпусу Завоевания?

Нелирикк раздумывал над этим в ночном лагере, работая ножницами и иголкой с ниткой.

Нерегулярные — его собственный отряд — обладал несколькими сильными сторонами. Его капитан была опытна и умна, но без чрезмерной рьяности или самоуверенности. Разведчик был ценным членом отряда, как ближайший советник капитана, как учитель рукопашного боя и как создатель странных устройств, обладающих удивительной эффективностью. В отряд входило около двадцати таких, как Уинстон, ветеранов-солдат с большим боевым опытом.

То, что многие члены отряда Нерегулярных были новичками... было слабой стороной. Их общая численность тоже была недостаточной, но это компенсировалось немалым опытом старших офицеров и тем, что икстранскому генералу пока удалось захватить на обоих континентах только небольшие плацдармы.

Наконец Нелирикк положил иглу и, вытянувшись на койке, решил, что Четырнадцатый Корпус вполне может получить настоящую войну.

* * *

Он проснулся неожиданно, ощутив какую-то перемену, слишком незначительную, чтобы ее определить. Открыв глаза, он увидел разведчика — худую тень, едва различимую в сумраке спальни. Он сидел в позе лотоса на тумбочке в изножье койки.

Этот факт стал для Нелирикка потрясающим открытием. Разведчик действительно оказался настолько умелым! Быть союзником такого человека — настоящая честь.

— Сожалею, — сказал Нелирикк безмолвной тени на торговом — уставном языке отряда, — что в моей позе отдавать честь неловко, командор-разведчик.

— В данной ситуации отдавать честь неуместно. Я пришел... скажем, как товарищ... поскольку твои прежние товарищи по оружию доказали, что недостойны такой чести.

Разведчик произнес это по-икстрански.

Нелирикка охватило странное чувство. Хорошая это новость или плохая? Если засада прошла успешно, значит...

— Я нашел место, откуда можно было наблюдать за намеченным участком за некоторое время до уговоренного часа. Я пробыл там в течение дюжины дюжин секунд после этого срока. Я не слышал ни звука, исследователь. И никого не видел.

Стыд полыхнул волной адреналина, и Нелирикк резко сел на койке.

— Клянусь Джелой, если бы я мог перерезать им глотки! Они...

— Они использовали тебя для рекогносцировки. Подозреваю, что они и сейчас продолжают слушать радиосообщения, чтобы определить, как далеко тебе удастся пройти прежде, чем на тебя нападут.

Это было сказано уже на земном. Капитан предупреждала его об этом: ему понадобится «шустро соображать», чтобы успевать следить за ее разговорами с разведчиком.

Наступила короткая пауза, а потом по-лиадийски прозвучала фраза, произнесенная, как на икстранском: резкая и четкая.

— Теперь поговорим о Джеле, которого ты считаешь своим по клану.

Нелирикк застыл, настороженно глядя на окутанного сумраком разведчика.

— Если я нанес оскорбление, хочу узнать чем. Отряд Джелы всегда вел себя с честью.

— Право, — негромко отозвался крошечный лиадиец, — я рад это слышать. Потому что тебе следует знать вот о чем: мой клан пользуется уважением, мой род является одним из старейших на

Лиад. Нас обычно считают людьми достойными, хотя и эксцентричными. Имя моего дома — и дерева, которое высится над ним — Джелаза Казон.

Лиадийские слова стремительно плыли мимо него, и он не сразу уловил сочетание звуков. Мысленно произнеся их еще раз, Нелирикк по-земному покачал головой.

— Я не совсем понимаю, что ты говоришь мне, разведчик, — признался он, — если не считать того, что имя твоего дома похоже на имя Джелы.

— Нет. Это не случайное совпадение. Оно не просто похоже. Дом и есть Джелаза Казон. — Наступило молчание, а потом — перемена языка. — На земном это звучит как «Исполнение Джелы», или, может быть, «Обещание Джелы». — Язык переменился снова, без всяких усилий. — На торговом это будет «Контракт Джелы» или «Мечта Джелы», в зависимости от того, кто говорит и в каком отношении находится к Клану Корвал.

Разведчик снова перешел на лиадийский, произнеся следующие слова с неумолимой четкостью:

— Как я сказал, Исследователь-Поклявшийся-Корвалу, моя семья, Клан Корвал, многими считается достойной. И мы, обладатели ее крови, по-прежнему живем в доме, построенном боевой подругой и возлюбленной Джелы, Кантрой йос-Фелиум. Наш девиз — «Дерзаю».

Эти слова нашли в нем отклик, совпали с языком Отряда, и Нелирикк услышал, как его собственный голос напевно излагает вечернюю историю из своей юности:

«И когда Джела справился с этой задачей и насчитал свою дюжину за сутки, один из солдат из шеренги спросил: «Как ты дерзаешь идти на такое, солдатик, когда одна волна может повалить тебя?»

Джела пожал плечами, улыбнулся и, не вынимая ножа из ножен и показывая всем свои пустые руки, сказал: «Я дерзаю, потому что должен. Кто дерзнет за меня, если не дерзну я дерзнуть сам?».

Нелирикк молча сидел, вспоминая, каким яростным был бой между ним и разведчиком — и какая была в этом ирония. Чтобы двое приверженцев Джелы так схлестнулись! И кому же было победить, как не меньшему? И он тихо рассмеялся в темноту. А потом помрачнел, вспомнив о том, чего Отряд не знал — или не рассказывал.

— Значит, Джела умер на Лиад?

— Увы, нет! — ответил разведчик так печально, словно эта смерть произошла только вчера. — Джела вел слишком много

арьергардных боев, чтобы дать возможность своей подруге и ее кораблю спастись. В этом, в конце концов, и заключалась суть их соглашения: он будет охранять корабль, чтобы Дерево не погибло, а она — охранять Дерево, если он падет. Она спаслась с его еще не родившимся сыном и тем самым Деревом, которое высится над моим домом. Здешнее дерево — большое дерево Клана Эроб — это сеянец, присланный, чтобы скрепить союз между нашими домами. И я благодарю тебя за рассказ о Джеле, потому что его в наших Дневниках нет.

— В Дневниках? — Нелирикк ощутил прилив острой жажды. Он сможет прочесть собственные слова Джелы? — Это — дневники Джелы?

— Не совсем, хотя некоторые вахтенные записи наверняка сделаны его рукой. Последние годы Джелы прошли с капитаном, моей далекой прабабкой. В своих вахтенных журналах и дневнике она записала немало мудрых мыслей — некоторые принадлежали ей самой, другие — ему. Делмы Корвала продолжали вести Дневники, и их изучение — это часть образования каждого члена клана, чтобы мы не забывали того, что необходимо помнить.

И тут разведчик предложил ему сокровище.

— Если ты пожелаешь — и если случится так, что мы сможем улететь отсюда и вернуться в Джелаза Казон, я обещаю показать тебе все наследие Джелы. Первую дневниковую запись, сделанную его рукой, и дерево, которое он принес из пустыни, расположенной очень и очень далеко.

Даже сидя на койке, Нелирикк сумел поклониться.

— Я сочту это великим даром.

Разведчик наклонил голову.

— Если это будет в моих силах, исследователь.

Теперь все было сказано. Спустя какое-то время разведчик встал, исполнил официальный поклон, тонкий смысл которого в темноте невозможно было истолковать, и бесшумно растворился в ночи.

«Исполнение долга»
В гиперпространстве

Основное управление переместилось на запасной мостик. Присцилла, возглавившая Вторую команду, несла вахту на главном (нет, поправил себя Шан, на торговом) мостике. Он скрип-

нул зубами и провел проверку систем с тщанием, которого она вовсе не требовала, поскольку это была уже третья проверка, начатая им за последние полчаса.

Атмосфера на запасном мостике была напряженно-целеустремленной. Настроение капитана можно было охарактеризовать как отчаянную тревогу, переходящую в панику.

Шан закрыл глаза, заставил себя забыть о пультах и мостике и проделал систему Целительских упражнений, направленных на достижение невозмутимости в неприятностях и безмятежности в беде.

Он вздохнул, сосредоточил свое сознание на спокойном зеркале воды, а потом снова открыл глаза, чтобы вернуться на запасной мостик.

Или «боевой мостик», как его называл дядя Даав — скорее всего чтобы подразнить отца Шана. Шан очень смутно помнил Даава йос-Фелиума, и глаза его памяти в последнее время пытались трансформировать почти забытые черты в хорошо знакомое и любимое лицо Вал Кона.

Вал Кона, которого они должны встретить на Литаксине. Вал Кона, который станет Делмом — и очень скоро, как надо было надеяться, — чтобы расхлебать всю ту кашу, в которую они в последнее время вляпались, и показать клану его врага.

Вал Кона, который, похоже, убил человека, чтобы забрать его корабль, который предостерег Шана об «ужасающей опасности» как раз в тот момент, когда «Исполнение долга» начиняли смертоносными ловушками...

— Мы выйдем из прыжка через двенадцать секунд, капитан, — сказал Рен Зел, тихо сидевший за вторым пультом.

Шан поспешно прогнал все неуместные мысли, даже все растущий страх перед тем, что Вал Кону не удалось намеченное убийство и он сам погиб на какой-то захолустной планете... И что его спутница жизни похоронена вместе с ним.

— Отсчет совпадает, — ответил он Рен Зелу. — Главное управление беру на себя, запасные варианты со второго по четвертый подключены последовательно. Курьерский катер тринадцать должен отправиться сразу после выхода из гиперпространства. Обеспечьте, пилот.

Рен Зел бросил на него быстрый взгляд полных изумления темных глаз, но тут же кивнул.

— Есть, капитан.

— На торговом мостике готовы, капитан.

Голос Присциллы был, как всегда, спокойным, но в том углу экрана, где должно было находиться ее изображение, был только туман, туман. Серый туман прыжка.

— Подтверждаю, — негромко ответил он. — Резервные пульты два — четыре остаются здесь. Торговый мостик должен быть готов взять на себя пятый эшелон. Капитанский мостик?

— Слежу, капитан.

Сет говорил так обыденно, словно речь шла об обычной проверке шаттлов. Или словно он не понимал, насколько дурно будут обстоять дела, если управление кораблем перейдет на капитанский мостик.

До выхода из гиперпространства осталось десять секунд. В нижней части экрана шел отсчет: девять... восемь... семь...

Для глупых тревог места уже не оставалось. Не оставалось места ни для чего, кроме томительной, знакомой, впитавшейся в плоть и кровь процедуры, во время которой корабль в последний раз содрогнется, серый туман экранов рассыплется на звезды, зазвучит сирена, и...

— Курьер, стоп! — приказал Рен Зел: взвыл сигнал, предупреждающий о столкновении, главный экран заполнило изображение вращающейся боевой гондолы, которую они отделили...

— Всю защиту! — крикнул Шан, одновременно нажимая нужные кнопки.

Экран вспыхнул, смазался — и корабль содрогнулся: чудовищная энергия взрыва залила «Исполнение» таким мощным излучением, что защитные экраны вспыхнули.

— Утечка воздуха, капитан, — доложила Присцилла с торгового мостика. — Пробит ангар гондолы. Идет экстренная герметизация.

— Бери на себя! — приказал Шан, просматривая показания датчиков, вводя очередную команду. — Рубка! Расти, что там у нас?

— Уши, — лаконично ответил радист, — но мало. У нас в защитных экранах набилось всякой дряни, капитан, и она блокирует почти все поступающие...

Главный монитор показал пульсирующую голубовато-зеленую оболочку, в которой время от времени вспыхивали похожие на молнию разряды. Шан бросил взгляд на показатель фильтрации и чуть не ахнул, увидев, сколько энергии уходило только на то, чтобы приглушить свечение до этой почти ослепительной яркости.

— Матерь, защити нас! — вскрикнула Присцилла. — Шан...

— Вижу.

Он защелкал кнопками, переключая основные мощности компьютера на анализ ситуации. Жадно проглотив все свободные наносекунды, машина выдала схематическое изображение происхо-

дящего. Энергия гондолы и остатки ионизированной массы застряли между слоями защиты, так что корабль оказался запертым внутри полой сферы смертоносной энергии. Если эта горячая плазма коснется «Исполнения долга»...

— Рен Зел, будьте добры снизить энергию наружной защиты до 200 килогаусс. Я усилю внутреннюю защиту настолько, насколько это возможно. А потом вы вообще отключите наружный уровень. По моему сигналу.

— Есть, капитан!

— Давай!

— Два, капитан. Раз, капитан. Половина. Четверть. Снизил!

Шан кивнул, хотя Рен Зел был слишком занят, чтобы это увидеть, и усилил внутреннюю защиту. Такой маневр был чреват риском: он ставил под угрозу менее емкие аккумуляторы противометеоритной защиты, но в данный момент это было не так важно...

И тут он почувствовал то, что, несомненно, почувствовали и все остальные члены команды: удар слепящей головной боли, вызванной тем, что усиленные магнитные и прочие поля прошли сквозь обычную защиту и проникли в корабль.

Шан поморщился и отключил внешнее поле. Глядя на главный экран, он следил за неуклонным снижением необходимого уровня фильтрации сигнала...

— Инженеры, на магнитную проверку! Весь вспомогательный состав — на магнитную проверку! — разнесся по системе общего оповещения голос Присциллы.

Шан снизил мощность полей до более разумного уровня: остатки боевой гондолы вылетели в пространство, напоминая газовые выбросы после взрыва сверхновой.

— Доложить статус по герметичности!

— Все под контролем, капитан. На отсек гондол пришлось прямое попадание осколка. Дыра в двенадцать сантиметров, и еще двенадцать сантиметров трещины.

Шан содрогнулся. Если осколок прошил бронированную дверь гондолы с такой силой... Он мог потерять десяток человек!

— Мы поставили временную заплату, — продолжала доклад Присцилла. — Всю стену можно будет заменить новым модулем, как только мы...

— Координаты вычислены, капитан. Доклад по оперативной обстановке готов, капитан.

Голос Рен Зела не выдавал его чувств, но громкость он рассчитал так, чтобы заглушить сообщение Присциллы.

— По оперативной обстановке? — переспросил Шан.

— Да, — подтвердил Рен Зел. — Вся система полна военных кораблей...

— Говорит рубка! Шан, сообщение! — быстро проговорил Расти и тут же включил голос, говоривший на торговом с сильным лиадийским акцентом: «Систему атаковал Икстранг. Повторяю: систему атаковал Икстранг. Предупреждаю все корабли. Бегите и вызывайте помощь. Сообщение дано по приказу Клана Эроб».

— Это идет через передатчик-усилитель часах в шести, — сообщил Расти. — Я...

— Ублюдки! Попались! Ага! Теперь вы попались!

— Не болтать! — приказал Шан, перекрывая кровожадный вопль Сета, и посмотрел на Рен Зела, который хладнокровно просматривал военные файлы, открывшиеся по его коду.

— Минутку, пилот, — негромко проговорил он. — У меня тут дополнительная информация.

Как только Шан подключил дополнительные файлы, доступные только капитану и первому помощнику, на увеличившемся экране возникли силуэты кораблей с их идентификацией. Первым Шан заметил большой линкор в сопровождении двух крейсеров. Потом — целый рой летательных аппаратов меньшего размера: истребителей, рассчитанных на ведение боевых действий внутри звездной системы. Они собрались вокруг дредноута, словно пчелы у цветка тиэла.

Часть его сознания, не занятая зрительным восприятием, напомнила ему, что они все еще ведут прием от системного передатчика — и что теперь он слышит... музыку! До боли знакомую музыку.

Вал Кон попал к Клану Эроб.

А Присцилла тем временем заметила кое-что еще и тихо сообщила по внутренней линии, соединявшей ее пульт с пультом капитана:

— Они высадились на Литаксин, Шан.

Шан кивнул и откинулся на спинку своего кресла.

— Совершенно верно, Присцилла, — проговорил он, глядя на тактический экран, показывавший состояние блокады: масса смертоносных кораблей отделяла «Исполнение долга» от Вал Кона — и будущего Клана Корвал.

Он вздохнул.

— Совершенно верно.

Шан начал расчеты, необходимые для точного определения вспомогательного уравнения, — и тут раздался сигнал двери. Он крикнул «Войдите!», сам того не заметив, и еще глубже погрузил-

ся в увлекательные сложности векторных графиков, перемещений в реальном времени, релятивистских соотношений масс, индексов скорости переноса и потенциалов случайного сдвига скоростей.

Подбирая коэффициенты, он мельком отметил, что спиральная траектория типа той, которой в этот момент придерживался «Долг», — штука невероятно сложная даже без учета икстранской армады, расположившейся между ним и планетой, куда необходимо попасть. Математическая программа предложила ввести для сдвига потенциалов множитель 267, и он разрешил это сделать, ткнув пальцем в соответствующую клавишу.

Нельзя сказать, чтобы икстранцы обратили особое внимание на корабль, появившийся среди них, — если не считать первоначального радиозапроса. Однако следовало предположить, что они отложили проявление своего неудовольствия до того момента, как «Долг» подойдет к ним поближе. И если экстраполировать скорость гравитационного потока пропорционально движению основного естественного спутника...

«Уравнение готово», — объявил компьютер спустя несколько секунд.

Шан моргнул и проворчал, обращаясь к экрану:

— Если тебе верить.

Он потянулся и призвал себе на помощь целительские приемы релаксации, чтобы избавиться от боли в плечах и спине.

— Ну, — обратился он к компьютеру, нажимая клавишу ввода, — если ты считаешь, что оно у тебя готово, так показывай, не стесняйся!

— Капитан?

— А? — Он поднял голову, моргнул, чтобы сфокусировать зрение на пространстве комнаты, и обнаружил фигуру своего приемного сына, неловко пристроившегося на краю одного из кресел для гостей. — Привет, Горди. Я не слышал, как ты вошел, но, полагаю, я должен был тебя впустить, не так ли? Ты не находишь, что математика странно воздействует на восприятие?

— Иногда. — Лицо у Горди было бледнее обычного, и на нем появились прежде отсутствовавшие морщинки. Он указал на компьютер Шана. — Я и сам немного занимался математикой. У вас не найдется минутки, чтобы меня проверить?

Такая серьезность! В девятнадцать лет на лице не должно появляться таких суровых складок. Шан вздохнул и вытянул руку, быстрыми движениями сохранив уравнение, а потом снова посмотрел на Горди.

— Как называется твой файл?

— Убийство.

Шан удивленно расширил глаза, быстро проверил совершенно серьезную эмоциональную ауру и поднял брови.

— Многообещающе.

Уголки губ у Горди раздвинулись, но это никак нельзя было назвать улыбкой. Он стиснул колено обеими руками.

— Да, сэр.

«Убийство» оказалось системой взаимосвязанных уравнений, обманчиво простых, как танка. Когда Шан их прочел, его пальцы, лежавшие на клавиатуре, похолодели. Он снова посмотрел на Горди, сидевшего так тихо-тихо, но буквально вибрировавшего от напряжения.

— Выглядят весьма красиво. Ты не будешь очень возражать, если я составлю собственные?

Взгляд юноши стал чуть менее напряженным.

— Я надеялся, что вы это сделаете.

— Хорошо. Дай мне несколько секунд, пожалуйста. Налей себе чего-нибудь выпить, дитя. И будь добр, принеси мне рюмку красного вина.

— Да, отец.

Перемена меланти — и очень нехарактерная для Горди. Ведь он был еще подростком, и его переполняли глупые понятия о том, что такое чувство собственного достоинства. Шан снова сосредоточился на экране.

Пятнадцать минут спустя он отодвинулся от стола, взял рюмку, пригубил вино — и только потом посмотрел на дожидавшегося его юношу.

— К сожалению, я должен признать, что твои расчеты кажутся в высшей степени точными. Мои собственные выкладки показали, что взрыв произойдет на восемь наносекунд раньше, но я подозреваю, что это просто отражает разницу в нашем возрасте. Юности свойствен оптимизм.

У Горди снова плотно сжались губы, а в карих глазах сверкнули слезы.

— Я сделал модель, — проговорил он, и его голос сначала сел, а потом по-петушиному сорвался. — В наихудшем случае погибнут все, Шан.

— Именно поэтому он и называется наихудшим. — Он поставил стул на задние ножки и выпил еще глоток вина. — Не воспринимай все так болезненно, дитя мое. Ты дал предупреждение. Заплата на той трижды проклятой гондоле является неприемле-

мым источником деформирующих нагрузок. Если нам понадобится провести быстрый маневр — или если нам придется одновременно маневрировать и стрелять, — то... пф! И, как ты сказал, все погибают.

Он пожал плечами.

— Значит, остается только пойти и провести нормальный ремонт.

Горди изумленно воззрился на него:

— Когда вокруг столько икстранцев?

— Ну, — проговорил Шан с равнодушием, которое Присцилла сразу же опознала бы как притворное, — не думаю, чтобы они собирались в ближайшее время улететь.

— Ты не пойдешь туда чинить гондолу!

Шан замер, не донеся рюмку к губам. На его лице отразилось изумление.

— Извини, Присцилла. Кажется, я плохо тебя расслышал.

Черные глаза сверкнули, губы опасно сжались.

— Ты прекрасно все слышал.

— Ну, если ты настаиваешь, то слышал. — Он отошел к бару, поставил полную рюмку рядом с графином красного вина, а потом с хмурым видом повернулся к ней. — Мне следует напомнить, что капитан этого корабля — я?

— Тем больше причин, чтобы ты оставался на месте, а на ремонт отправил кого-нибудь другого! — воскликнула она.

Ее тело было напряжено, как натянутая струна, а исходившие от нее волны страсти были такими мощными, что у Шана заныли зубы.

Он глубоко вздохнул.

— И ты уже придумала, кто это должен быть? — осведомился он с легкой иронией.

Присцилла снова сверкнула глазами.

— Да, придумала. Я.

— О, гораздо лучше! — одобрительно проговорил он, и теперь его иронии нельзя было не заметить.

Вспышка жара у его щеки послужила для него достаточным предупреждением: он успел сосредоточиться и ПОДУМАТЬ прежде, чем вино выплеснулось из рюмки и, получив направление от гнева Присциллы, рассыпалось дождем капель почти у самого его лица.

— Какой ужас, — тихо сказал Шан, глядя на ковер. — Похоже, мы набезобразничали, Присцилла.

— Набезобразничали...

Она казалась ошеломленной, что было вполне понятно. Для того чтобы переместить значительное количество вина на определенное расстояние с такой скоростью — и при этом не разбив рюмки, понадобилось немалое количество точно настроенной энергии. Она закрыла глаза и прошептала что-то (Шану показалось, что это прозвучало очень похоже на «Матерь, даруй мне терпение»), а потом снова их открыла.

— Шан, — осторожно спросила она, — что это?

— Это? — переспросил он, а потом мысленным взором увидел, как выглядит со стороны построенная им защита, и улыбнулся. — А, это! Ну, не знаю, как это вышло, Присцилла, но мне вдруг показалось, что ты собираешься выплеснуть мне в лицо рюмку вина. Принимая во внимание такое впечатление, я счел полезным устроить какую-нибудь защиту. И, по-моему, получилось довольно славно — особенно если учесть, как мало у меня было времени. Но теперь я вижу, что мне следовало устроить нечто более... объемное, потому что ковер теперь весь забрызган и...

— К черту ковер! Шан...

Прилив совсем иной страсти захлестнул его, и он почувствовал, что у него увлажнились глаза. У Присциллы слезы потекли по щекам. Она стремительно бросилась к нему, обхватив его лицо ладонями.

— Шан, ради всего самого дорогого, не выходи туда! Что-то... что-то ужасное случится. Я...

Он осторожно поднял руки, погрузил пальцы в ее черные кудри и пристально заглянул ей в глаза.

— Предсказание, Присцилла? Что-то, в чем ты совершенно уверена?

Его ладони намокли от ее слез. Ее неуверенность отразилась в ее взгляде еще до того, как она покачала головой.

— Я... я не уверена. — Страсть вспыхнула снова. — Пусти меня. Тесты...

— Тесты показывают, что ты либо превосходно работаешь с очень хорошей скоростью, либо очень хорошо работаешь с превосходной скоростью. Те же тесты показывают, что у капитана показатели превосходные как по скорости, так и по качеству. У нас на корабле два мастера-пилота: капитан и первый помощник. Разумно, чтобы кто-то из них постоянно находился на корабле. Поскольку тесты говорят, что я лучше тебя справлюсь с ремонтом модуля — признаю, что ненамного! — и поскольку при проведении данного ремонта скорость и качество могут иметь решающее значение, наиболее разумно выбрать именно меня.

Он вздохнул и опустил все щиты, полностью открывшись и дав ей убедиться в правдивости его слов.

— Это не геройский поступок, клянусь тебе. Если бы Рен Зел, Сет или Трина подходили для этой работы больше, задание досталось бы им.

Лицо Присциллы оставалось встревоженным.

— Но не мне, — тихо проговорила она.

Истина оставалась истиной, и между спутниками жизни годилась только она.

— Только в самом крайнем случае, — признался он.

Она шагнула назад, возмущенно качая головой.

— Ты предпочтешь заставить меня смотреть, как ты умираешь.

— Но я не имею намерения умирать, Присцилла! — воскликнул он с напускным весельем.

И почувствовал ее боль, словно нож вонзившуюся ему в сердце.

Наружные ремонтные работы были делом скучным и нервным. А в данном случае нервотрепку многократно усиливало заинтересованное присутствие нескольких икстранских боевых кораблей. То, что обитатели военных кораблей выражали свой интерес весьма открыто, быстро заставило Шана урезать число открытых каналов связи до трех: с «Долгом», с Сетом и с мозговым центром.

Сету было поручено охранять Шана от заинтересованных врагов — и эту задачу он принялся выполнять с пугающим энтузиазмом. Как бы то ни было, хотя в последние два часа сварки, потения и ругательств два звена истребителей прошли в глупой близости от орудий «Долга», Сету, «Долгу» и икстранцам удалось не нажать гашеток. Шан благодарил всех богов и богинь подряд за такое проявление умеренности всеми заинтересованными сторонами. И отчаянно спеша закончить ремонт раньше, чем кто-нибудь потеряет свое здравомыслие, он еще сильнее потел в своем тяжелом скафандре.

— Похоже, все герметично, — пробормотал он наконец. — Рен Зел, будьте любезны меня проверить. А то завтра я буду не в настроении выходить и латать замочную скважину.

— Уравнения составлены, модель запущена, капитан. — Спокойные интонации благовоспитанного лиадийского говора Рен Зела бодрили, как свежий бриз. — Все сходится до сотых долей процента, капитан.

Облегчение было таким острым, что походило на боль.

— Замечательно. Сет, мой снайпер, мы возвращаемся. Позволь мне в свое время поставить тебе рюмку того отвратительного пойла, которое ты так любишь.

— Договорились. А, дьявол, опять началось. Звено икстранцев как раз в поле зрения — экран восемь. Похоже, сегодня у них летная практика.

— Будем надеяться, что не учебные стрельбы.

— Пока они вели себя вежливо, — заметил Сет. — Я немного отодвинусь, чтобы дать вам больше места, капитан. Чем скорее я возьму в руку стопочку пойла, тем лучше.

— Вот голос разума, мистер Джонсон. Отойдите на вектор сигма-восемь-три, и я проберусь к шестому причалу.

— Понял. Меняю вектор.

— «Долг», отметьте вектора и траектории. Намерен быть у причала шесть через... Сет! Четвертый экран!

Два икстранских истребителя вышли из строя, бешено увеличив относительную скорость. Сет бросил свой корабль в маневр, который должен был привести его к надежно защищенному брюху «Долга» и безопасности. Какой-никакой.

Но Сет не стал выполнять маневр, который спас бы ему жизнь. Вместо этого его корабль полетел прочь от «Долга», сближаясь с икстранскими истребителями.

Один выбрал его: башни орудий начали поворачиваться, отслеживая цель, несмотря на ее маневрирование. Второй истребитель не изменил траектории: он полетел прямо, в самоубийственном направлении к сердцу «Долга». К Шану.

Множество голосов заполнили каналы связи. Приказ Шана «Сет, возвращайся на корабль!» едва не потонул в спокойных словах Присциллы: «Процедуры обороны задействованы, полная боевая готовность. Огонь по моей команде».

Голос Сета зазвучал одновременно с концом инструкций Присциллы — в прямом канале связи спасательных шлюпок.

— Хватит с них одной семьи. Твой у меня на прицеле. Они метят в причальный шлюз.

Корабли кувыркались, как это всегда бывает в космическом бою. Курс Сета изменился так, что его орудия теперь держали на прицеле идущего первым неприятеля. Преследовавший его истребитель начал маневр сближения, а первый икстранец стремительно сокращал расстояние, отделявшее его от Шана и причального шлюза, в который ему надо было попасть.

— Твой экран шесть, — прозвучал спокойный голос Присциллы, в котором на этот раз появился такой лед, что даже Шана пробрала дрожь. — Это — нападение. Канониры, даю команду. Три и пять прикрывают Сета. Четыре и шесть — капитана. Все остальные — стандартная оборона.

На шестом экране появилось звено из пяти истребителей, чьи расходящиеся траектории внезапно объединились. Истребитель, преследовавший Сета, отвернул, чтобы не столкнуться с ним. Рефлексы Шана бросили его сначала к шлюзу, а потом прочь, прочь...

— Шан, мы...

— ...не можем рисковать и открывать шлюз. Я сделаю облет и попробую...

— Они берут тебя в клещи, Шан, — предостерег его Сет.

Шан ощутил мимолетное прикосновение любви — такой сладкой и всеобъемлющей, что он испытал подлинное потрясение. А потом их связь разорвалась, и он понял, что Присцилла прикрылась самыми мощными своими щитами. Как и должна была сделать. Как должен сделать и он.

— Шан, к четвертой гондоле! — потребовал Сет.

Шан мысленно послал к чертям крошечную спасательную шлюпку: это не истребитель, несмотря на установленное вооружение. Поскольку она была рассчитана на посадку на поверхность планеты, весом она превосходила истребители и не была рассчитана на ведение боя в пространстве.

Он нажал кнопку отсоединения, катапультировав ценную установку для дистанционных ремонтных работ, но получив большую маневренность.

— Шан!

Крик Сета на долю секунды опередил выстрел первого икстранца, а потом был только шум помех и необходимость уходить от ракеты — а потом еще одной. Ускорение вдавило Шана в боковину кресла. Маленькая шлюпка послушалась руля, а потом первый икстранец превратился в обломки, а торжествующий вопль Сета разнесся в эфире. Второй истребитель развернулся, готовясь снова атаковать Шана.

Экраны Шана вспыхнули: в бой вступил «Долг».

Первым делом надо было заняться большим звеном истребителей. Те два, что шли следом на большей скорости, постепенно догоняя звено, могли пока подождать.

Присцилла не смотрела на экран, который показывал корабль Шана: он последовал совету Сета и постарался подойти к «Долгу» как можно ближе. Сейчас ее заботой было использование оружия и вопрос осторожности: не следует сразу демонстрировать противнику весь свой потенциал.

— Орудие два, — негромко приказала она. — Огонь по готовности.

Включилась корабельная автоматика. Она почувствовала едва заметную вибрацию: орудия начали вести беглый огонь, и корабль компенсировал это. Через несколько секунд истребители пересекут их траекторию, и хорошая система слежения может их предостеречь. Присцилла снова дала команду:

— Орудие три, широкий охват по краю сектора орудия два. Если заметите поворот, сосредоточьтесь на этом направлении.

— Группа на подходе. Выглядит серьезно.

Это сообщил Кен Рик с внутреннего мостика.

Внимание Присциллы стремительно переключилось на экран три. Несколько более крупных кораблей, летевших на некотором удалении, подготовили орудия и теперь уходили от сопровождавших их истребителей. Ракеты пускать рано. Пока.

— Орудие один, ваша цель — задние корабли в секторе три. Следующая — те, которые ближе к нам. Можете сделать по два залпа на каждую цель. По готовности.

Ее взгляд уже обнаружил то, что ей хотелось увидеть: шлюпка Шана была уже рядом с «Долгом», время от времени открывая огонь по цели, находившейся вне поля зрения Присциллы.

Цель обнаружилась на следующем экране: Сет все еще летел в стороне от «Долга», держась между Шаном и последним истребителем, оставшимся от первой атаковавшей группы. Похоже, икстранский пилот стал относиться к нему с некоторым уважением.

Корабль содрогнулся. Потом — еще раз.

— Орудие один. Залпы сделаны, Присцилла.

Голос Вилобара у ее уха звучал спокойно. Возможно, он и был спокоен. Поскольку она полностью отключила внутреннее зрение, то решила считать, что так оно и есть.

Лучевые пучки были боевым оружием корабля. Лучи, точнее импульсы, теоретически перемещались со скоростью, почти равной скорости света, и несли с собой губительную смесь частиц, магнитных потоков и высокоскоростных атомных ядер. Присцилла осмотрела экраны.

Так совпало, что пучки орудия один врезались в группу ракет и приближающиеся к кораблю истребители, оставив за собой ужасающий след взрывов. Еще мгновение — и последний корабль превратился в светящийся туман.

Эфир, и без того полный помех от прохождения первого луча через икстранцев, превратился в сплошной рев и шипение. Потом рев усилился: второй корабль рассеялся в вакууме следом за своим сотоварищем.

— Блохи! Блохи! — упорно вопил Сет ей в ухо. — Блохи!

Она ударила по кнопке, в безумной спешке переключила экраны — и увидела, как шлюпка Сета отчаянно кувыркается и ведет огонь.

Наблюдая за ним, она возблагодарила Богиню за Сета и его преданность. А в убежище за своей Стеной, которой она прикрылась на время боя, она боялась — безумно — за его жизнь. Потому что, пытаясь держаться между Шаном и врагами, Сет встретился с ордой незаметных «блох» — одноместных корабликов, скорее напоминавших мощные и сверхвооруженные тяжелые скафандры.

Экран показал ей то, чего она опасалась: шлюпка Сета увертывалась чуть не от двух десятков этих штук, и хотя у него было преимущество в скорости, они тучей окружили его. Все они вели огонь и пытались прицеплять мины к его корпусу.

— Сет!

Это был Шан. Его шлюпка приближалась, стреляя, кружась, тараня.

— Двадцать три, Шан, — сказал Сет так, словно отсчитывал грузовые контейнеры. А потом уже резче добавил: — Вижу их матку!

Маленькая шлюпка решительно крутанулась, открыв огонь по небольшому темному пятну и набирая скорость. Она помчалась через облако блох к их матке. Прочь от «Долга».

— Нет!

В голосе Шана звучали ноты целительского приказа. Это ничего не изменило.

Бок шлюпки Сета лопнул. Она начала вращаться, потом вопреки всякой вероятности вдруг снова выправилась и снова двинулась к пятну, почти невидимому на фоне звезд.

— Проклятие! — прохрипел Сет, задыхаясь. — Выпивка за мной! Тридцать три. — Пауза. — Не делай глупостей, Шан.

А потом шлюпка Сета сплющилась и взорвалась у темного пластика матки икстранских блох.

— Присцилла! — резко и хрипло вскрикнул Шан.

— Орудия пять и три. Ликвидировать ее.

Корабль снова задрожал от выстрелов. Матка блох погибла, превратившись в облако пара.

— Присцилла, прибавь скорость, — сказал ей в ухо Шан... нет, *капитан*. — Облако блох идет с тобой на сближение.

Его шлюпка вращалась, двигалась, увертывалась, стреляла. И каждый маневр уводил его все дальше и дальше от «Долга». От безопасности.

— Шан...

— Это приказ, — проговорил он холодно, повелительно. — Ускорение!

— Есть, капитан.

За своей Стеной она вопила, ругалась и в отчаянии рвала на себе одежды.

На боевом мостике она негромко заговорила в микрофон, передав приказ увеличить скорость.

Присцилла запомнила корабельные коды за семь стандартных лет до этого — и тогда же помолилась Богине о том, чтобы они ей никогда не понадобились. И теперь она дрожащими пальцами вводила их в компьютер — но в этом не было ничего постыдного. Ни Богиня, ни меланти не требовали бесстрашия при исполнении долга — требовалось только, чтобы долг был исполнен.

Как только она ввела последнюю цифру, экран опустел, убрав даже то окошко в правом нижнем углу, на котором отслеживалось движение спасательной шлюпки четыре к поверхности планеты. На капитанском мостике царила тишина, словно «Долг» обдумывал ее запрос и склонялся к тому, чтобы его отвергнуть. Присцилла сложила холодные ладони на крышке стола и стала ждать.

«Долг» принял решение, пискнул — и на экране вспыхнули слова.

«ПРОГРАММА СМЕНЫ КОМАНДОВАНИЯ «ИСПОЛНЕНИЯ ДОЛГА»
НАЧАЛО ПРОГРАММЫ
ДОЛЖНОСТЬ: капитан
ИСТОРИЯ: Шан йос-Галан, Клан Корвал
Эр Том йос-Галан, Клан Корвал
Сэ Зар йос-Галан, Клан Корвал
КАНДИДАТ: Присцилла Делакруа и Мендоса, Клан Корвал
ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК: библиотекарь любимцев
пилот третьего класса, обучение на второй класс
второй помощник
пилот второго класса, обучение на первый класс
первый помощник
пилот первого класса, обучение на мастера
ДОПУСК: МОДУЛЬ СВЯЗИ
МОДУЛЬ ЭКСТРЕННОЙ СИТУАЦИИ
БИБЛИОТЕЧНЫЙ МОДУЛЬ
МОДУЛЬ КОРРЕКЦИИ
НАВИГАЦИОННЫЙ МОДУЛЬ
МОДУЛЬ ВООРУЖЕНИЯ

ГЛАВНЫЙ КОМПЬЮТЕР
НАЗНАЧАЕМЫЙ: Присцилла Делакруа и Мендоса, Клан Корвал
ДОЛЖНОСТЬ: КАПИТАН
КОРРЕКТИРОВКА: КЛЮЧЕВОЙ ФАЙЛ КАПИТАНА УТВЕРЖДЕНО
ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ: Должности первого помощника, второго помощника, третьего помощника вакантны. Отмечено состояние повышенного риска.
ОПТИМАЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ: Назначение командования: первого помощника, второго помощника, третьего помощника.
МИНИМАЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ ВО ИЗБЕЖАНИЕ СОСТОЯНИЯ НЕПРИЕМЛЕМОГО РИСКА: Назначение первого помощника.
КОНЕЦ ПРОГРАММЫ»

Экран снова опустел. Присцилла протянула руку, которая все еще дрожала, и ввела запрос на извлечение информации. Через секунду на экране появился План Б.

«Составлен постоянно меняющийся список убежищ на случай внезапной и катастрофической опасности для клана. Произвести стратегическое отступление не стыдно. Даже Джела иногда убегал от своих врагов, чтобы назавтра нанести им поражение.

Обеспечьте безопасность детей. Честь без любви — это глупость.

Написано рукой Кантры йос-Фелиум, капитана и Делма, в третий год после высадки на планету».

Экран пискнул, указывая на существование вспомогательного файла. Присцилла нажала кнопку, вызывая его.

Это послание не было столь древним. Ему было всего несколько недель — и отправила его Нова йос-Галан, исполняющая обязанности Первого представителя Клана Корвал, адресовав Шану йос-Галану, капитану и Тоделму.

«План Б введен в действие. Считай врага вездесущим и нацеленным на полное уничтожение Клана Корвал. Ни с кем не вступай в контакт, потому что нам неизвестно, какие союзнические отношения сохранились, а какие — подточены изнутри действиями противника. Вооружи «Долг». Обезопась себя. Повторяю: План Б введен в действие.

Береги себя, брат».

Продолжая смотреть на экран, Присцилла прислонилась к спинке кресла Шана. Они вооружили «Долг». Они обезопасили себя — насколько позволила ситуация. Запрет на радиоконтакты

допускал интерпретацию капитана — с учетом той же самой ситуации. Она дотронулась до очередной клавиши, снова закрыв доступ к файлам. В правом нижнем углу экрана снова появилась диаграмма, характеризующая спуск Шана на Литаксин.

Закрыв глаза, она анализировала приоритеты.

Приоритет корабля — наличие по крайней мере еще одного человека в цепочке командования, на случай если капитан выйдет из строя. Этим следовало заняться немедленно. Радио... Она повернула переключатель связи.

— Рубка на связи!

— Расти, это капитан, — тихо сказала она.

Наступило короткое напряженное молчание, а потом ответ — уважительный, почти печальный:

— Да, сударыня.

— Будь добр оказать мне услугу, — продолжила она, поймав себя на том, что повторяет обороты Шана. — Составь анонимное сообщение соответствующим властям, чтобы оповестить их о ситуации вокруг Литаксина.

— Да, сударыня, — снова повторил он и добавил: — Насколько я понимаю, мы не хотим выдавать свое название и местоположение.

— Безусловно, мы этого не хотим, Расти. Ты можешь это сделать?

— Придется немного повозиться, но... Ага, смогу. Захотите проверить перед отсылкой?

— Да, пожалуйста.

— Будет исполнено, — проговорил он уже бодрее, словно появление конкретной проблемы, поддающейся решению, его обнадежило. — Рубка, конец связи.

— Спасибо, Расти. Капитан, конец связи.

На боковом мониторе появился список экипажа, но решение было принято еще до того, как она ввела запрос на этот документ.

Присцилла вздохнула. Они с Шаном уже десять стандартных лет командуют «Долгом». Назвать другого, чтобы он занял место, с которым она сроднилась — как, по велению долга, она сама заняла место, по праву принадлежащее Шану, — было... непросто. Однако сделать это было необходимо — ради безопасности корабля, команды и родни. Храм хорошо обучил ее исполнению долга — задолго до того, как она даже узнала о Лиад.

Присцилла закрыла глаза и призвала давно знакомые приемы — одни из тех, которым первым делом обучают в храме новых

послушниц, — превратив свою тревогу в целеустремленность. Едва она успела открыть глаза, как прозвучал сигнал двери.

— Входите! — проговорила она, и, повинуясь приказу капитана, дверь открылась.

— Приветствую исполняющую обязанности капитана.

В знак уважения он поклонился в центре комнаты, а потом выпрямился, дожидаясь ее внимания.

Она позволила себе несколько мгновений, чтобы посмотреть на него новыми глазами. Мужчина среднего роста — по меркам лиадийцев, — гладкая чистая кожа золотистого цвета, светло-коричневые волосы и глаза, не красавец и не урод, не толстый и не худой. На нем не было ни колец чинов, ни других украшений. Рубашка на нем была светлая и просто скроенная, брюки — темные, сапоги — удобные и ухоженные.

Он был весьма неплохим пилотом — первый класс, почти дорос до мастера. И мыслит он быстро и решительно. Многие члены команды удивились бы, услышав, что у него есть чувство юмора, но никто из них не усомнился бы в правильности его суждений и уравновешенности.

Он был склонен к суровости, и Присцилла готова была признать, что это ее беспокоит, пусть даже его суровость всегда направлена на благо корабля и команды.

Не вставая из-за стола, она кивнула и приглашающе махнула в сторону кресла для посетителей.

— У меня к вам предложение, мой друг, — проговорила она на спокойном и бесстрастном земном. — Не согласитесь ли присесть и выслушать меня?

— С радостью, — откликнулся он.

На земном он говорил с сильным акцентом, но понимал язык прекрасно. Он подвинул стул к углу стола и аккуратно сложил ладони на колене.

Присцилла на мгновение прикрыла глаза, потом снова открыла их и всмотрелась в спокойное лицо Рен Зела. Она вынуждена была оставаться за своей Стеной, так что эмоции окружающих читала только по неверным подсказкам выражения лица и положения тела. Рен Зел, как и большинство лиадийцев, прекрасно умел не проявлять свои чувства внешне.

— В течение часа вся команда получит оповещение, — проговорила она и набрала в легкие воздуха, чтобы суметь вытолкнуть из себя следующие слова: — Корабль принял меня в качестве капитана.

Все так же бесстрастно Рен Зел наклонил голову.

— Есть ли сведения... о капитане йос-Галане?

Присцилла покачала головой, молча указав на экран с диаграммой, изображавшей спуск спасательной шлюпки номер четыре.

— Он опустится на поверхность планеты в ближайшие несколько часов. После того как спасательная шлюпка сядет, мы наладим ударный луч связи. На данный момент мы будем считать... что капитан йос-Галан жив, но не может к нам вернуться. Обстоятельства требуют, чтобы кораблем командовал капитан.

— Будем считать... — повторил Рен Зел.

В его голосе звучал интерес без осуждения, что было вполне благоразумно для человека, выросшего в культуре, где суждение, высказанное относительно вопроса, не входящего в круг законных интересов человека, могло привести к поединку чести. Присцилла имела право не ответить ему, но ей пришлось бы покривить душой и поставить под угрозу собственное меланти, если бы она усмотрела в его вопросе нечто оскорбительное.

— Будем считать, — подтвердила она и постаралась улыбнуться. Намерение у нее было доброе, но улыбка получилась очень бледная. — Вы должны понять, что я... закрылась. Отрезала себя от умений Целителя. Есть процедуры, которые я вскоре проделаю для того, чтобы служить кораблю так, как следует, но в настоящий момент я знаю о капитане йос-Галане не больше того, что мне говорят следящий компьютер и мои собственные надежды.

В карих глазах мелькнуло какое-то чувство. Присцилле показалось, что это была жалость.

— Понимаю. Простите меня. Я не хотел причинить вам боли.

— Вы имеете право спрашивать — знать. Ведь Шан — ваш капитан.

— Да. Я обязан ему жизнью, — признал Рен Зел. — И вам тоже.

«Поскольку невозможно заплатить непосредственно Шану», — с грустной иронией подумала Присцилла и постаралась подавить тревожную дрожь. Она прижала ладони к крышке стола и посмотрела на него.

— Тогда, возможно, это предложение покажется вам еще более интересным, — проговорила она и чуть наклонила голову набок, заметив в глубине его глаз беспокойство. — Вы знаете, что у нас некомплект команды. Мы недоукомплектованы людьми с того момента, как «Долг» превратился в полномасштабный боевой корабль.

Рен Зел кивнул.

— А с потерей пилота Джонсона и капитана йос-Галана наши людские ресурсы стали еще меньше.

— Вот именно. На корабле... достаточно укомплектованном второй помощник переходит на место первого, третий — на место второго, и капитан избирает третьего.

— У нас нет такой роскоши ресурсов, — согласился он. — Мы в состоянии войны.

Она кивнула.

— Кораблю необходим первый помощник, и капитан должен решить, кто лучше послужит кораблю. Я выдвигаю вас на место первого помощника — если вы не знаете какой-либо веской причины, которая бы этому препятствовала.

Потрясение обнажило его чувства. Он сидел — сидел совершенно неподвижно — и несколько секунд только смотрел на нее. А потом он закрыл глаза и так сидел еще пару секунд. Затем снова открыл, взгляд стал бесстрастным, лицо — замкнутым. Заговорив, он перешел на высокий лиадийский, в модальности, называемой Чужак.

— Капитану напоминают, что данная личность лишена клана и не имеет за собой ни имени, ни родни, ни меланти. Кораблю лучше послужил бы тот, кто жив.

— Капитан совершенно ясно помнит, что вы были лишены того, что принадлежало вам по праву рождения, — проговорила Присцилла, тщательно подбирая слова. Она следом за ним перешла на лиадийский, но только на товарищескую модальность. — Капитан напоминает вам, что на вашей лицензии пилота значится имя: Рен Зел дэа-Джуден. Капитан не может припомнить ни единого случая, чтобы в течение нескольких лет нашего знакомства это имя было бы обесчещено. Воплощаемое вами меланти ничем не запятнано. Невозможно служить кораблю лучше.

В светло-карих глазах встали слезы, а она не смела убирать Стены — даже для того чтобы дать утешение. Вместо этого она сидела и ждала, пока он овладеет собой и обдумает все, что она сказала. В конце концов он встал и поклонился в знак согласия.

— Капитан, для меня это честь. Я буду служить охотно, всем моим сердцем.

Она встала из-за стола и ответила на его поклон, одновременно мобилизуя свои знания высокого лиадийского, чтобы найти ритуальную фразу, которую произносит Делм, принимая в клан нового члена.

— Я вас вижу, Рен Зел дэа-Джуден, первый помощник. Корабль рад.

Опять слезы — но на этот раз он замаскировал их поспешным поклоном:

— Слушаюсь, капитан.

Она слабо улыбнулась и покачала головой.

— Первый урок, — сказала она на земном.

Он быстро поднял голову, блеснув светло-карими глазами:

— Да?

— Меня зовут Присцилла, — объяснила она и протянула ему руку.

Команда, по-прежнему находящаяся на боевых постах, приняла ее повышение в ранг капитана и превращение Рен Зела в первого помощника серьезно, но с одобрением. Присцилла охарактеризовала ближайшую задачу: занять оборонительную орбиту у планеты и ждать помощи, которая обязательно должна прийти в ответ на разосланные Расти узколучевые анонимные сообщения.

— В настоящий момент, — добавила она, — спасательная шлюпка капитана йос-Галана уже вошла в атмосферу. Когда он приземлится и мы уточним его местонахождение, мы попытаемся наладить с ним диалог с помощью лазерных импульсов.

— А почему не воспользоваться обычной радиосвязью?

Этот вопрос задал Горди. Его лицо было напряженным, голос звенел от боли.

— Икстранцы могут проследить за радиоволнами и обнаружить местонахождение объекта, который мы так ценим, — проговорил Рен Зел, пока она искала ответ. — Они не могли не заметить, что одной шлюпке удалось уйти с поля боя, и их наверняка интересует ее ценность. Лазерный импульс отследить гораздо труднее, так что мы сможем не выдать капитана йос-Галана, одновременно дав ему почувствовать наше внимание.

Голова Горди в рамке экрана судорожно кивнула.

— Понятно. Спасибо.

— Другие вопросы есть? — спросила Присцилла.

Вопросов не оказалось, и она отправила всех исполнять свои обязанности или отдыхать, а сама снова повернулась к Рен Зелу.

— Первый помощник, эта вахта — ваша.

Он поклонился, приступая к своим обязанностям. Присцилла помедлила.

— Рен Зел!

Он вопросительно поднял голову.

— Я... Мне нужно сделать некоторые приготовления, — медленно проговорила она. — Эти приготовления... имеют отношение к тому, что делает драмлиза. Следующие несколько часов я буду у себя в каюте, но вы не сможете ко мне обратиться. — Она прикусила губу и добавила эту самую опасную из всех земных фраз: — Прошу меня извинить.

Он быстро взмахнул рукой, словно разгоняя легкое облачко дыма.

— Необходимость. Я иду выполнять свой долг, вы — свой.

И она улыбнулась. Она почти готова была рассмеяться. Практичный Рен Зел!

— Конечно. Как я могла забыть? Удачной вахты, друг мой.

— Удачной вахты, Присцилла.

Излечив себя и снова восстановившись, Присцилла вздохнула и погрузилась в транс, еще более глубокий. Ее губы зашевелились, и ее телесный голос прошептал одно слово.

Вокруг нее встала Оружейная Палата. Километровой толщины стены дышали холодом и зловещим предназначением.

Сюда не приходили из праздного любопытства. Многие — большинство из тех, кто обучался Ведьмами Синтии — не имели необходимости сюда являться, хотя дорогу рассказывали всем. Особым несчастьем родившихся Неясытью было то, что они даже слишком хорошо знали дорогу в Оружейную Палату.

Присцилла бесшумно ступала по каменным плитам пола, плотно кутаясь в плащ, плохо защищавший от холода. В конце перехода она приостановилась и, сдвинув брови, вгляделась в кроваво-яркое пятно на истертой каменной скамье. Наклонившись, она подняла красный деревянный жетон — из тех, какими часто пользуются в игорных домах. В центре он был ярко-красным, но по краям краска начала облупливаться. Она слабо улыбнулась, зажала жетон в ладони, ощущая, как он греет кожу, и снова пошла к длинной, увешанной оружием стене.

Говорили, что для каждого приема исцеления, для каждого заклинания радости, которым овладевает Ведьма, в Палате висит оружие, являющееся его ужасной противоположностью.

Это была правда.

Присцилла шла вдоль длинной стены, плотно увешанной оружием. Три раза она протягивала руку, а когда опускала, часть стены оказывалась пустой. В конце Палаты, выбрав оружие, она закрыла глаза, воздела кверху руки и исчезла из этого места, находившегося Нигде и Никогда.

* * *

В кровати, которую она делила с Шаном, тело Присциллы зашевелилось. Дыхание и сердцебиение участились. Черные глаза открылись и заморгали.

Она потянулась — и, полностью вернувшись в свое тело, заметила, что ее правая рука крепко сжата. Подняв ее, она разжала пальцы и с изумлением воззрилась на круглый деревянный жетон, чья вызывающе красная эмаль немного стерлась на краях.

Ее только что проснувшиеся, по-солдатски обострившиеся чувства сказали ей, что крохотный жетон наполнен силой... присутствием. Она осторожно открыла свой разум, чтобы изучить этот предмет, и чуть не вскрикнула от радостного изумления.

Дерево дышало присутствием Шана.

Одеваясь, она не выпускала жетон из рук: ей не хотелось разрывать этот слабый контакт, возникший между ними. Не без труда напялив на себя рубашку, она спрятала жетон в кармашек на рукаве, тщательно застегнув клапан.

И только когда она сунула ноги в сапожки и отправилась умываться, ей пришло в голову задуматься над тем, что пришлось Шану по руке в Оружейной Палате Ведьм.

«Ловкий Дракон»
Конец прыжка

Лиз нажала третью кнопку сверху в четвертом ряду справа. Возможно, там совершенно ясно значилось «чай» — если только вы читали по-лиадийски. Поскольку она не читала, ей пришлось запоминать, которую кнопку Нова нажимает, чтобы получить какое-то блюдо.

Она выудила чашку из окошка, еще раз нажала кнопку и бережно пронесла обе чашки по узкому коридору, ведущему в кабину пилотов. Им предстояло вскоре выйти из гиперпространства — но это будет остановка на пути, а не Литаксин.

Нова сидела за пультом, где проводила почти все время, не считая редких часов сна или коротких прогулок в камбуз за чаем или едой. Ела и пила она за пультом, не прерывая наблюдений.

— Держи, Блондиночка, — сказала Лиз, закрепляя одну чашку в фиксатор на ручке кресла.

Стараясь не расплескать чай, она с трудом втиснулась в кресло второго пилота.

— Благодарю, — рассеянно проговорила Нова, сосредоточившая все внимание на каких-то расчетах, которые она вела на крошечном вспомогательном экранчике сбоку от главного пульта.

— Не за что, — ответила Лиз, закрепляя чашку и застегивая сеть безопасности.

Трудно было ожидать, что Нова устроит какую-то встряску при выходе из прыжка: она показала себя достаточно опытным пилотом. Однако по опыту Лиз знала, что случиться может всякое, и человек, не теряющий бдительности, имеет меньше шансов пострадать.

— Планируешь долгую остановку? — спросила она. — Или просто используешь турникет?

Нова подняла голову и сдвинула золотые брови.

— Турникет? — Но ее лоб мгновенно разгладился. — А! Поняла. Мы задержимся достаточно долго, чтобы узнать новости, а потом полетим дальше. Если удача нам улыбнется, мы уже через двадцать часов будем обедать за столом Клана Эроб.

— Роскошно, — бесстрастно отозвалась Лиз. Она осторожно отхлебнула чаю. — Ты неплохо владеешь земным, — заметила она. — Мне еще ни разу не удалось поставить тебя в тупик.

— А вы пытались? — Как это ни странно, Нову это, похоже, позабавило. — Но вы поймете, что мой тупик находится не совсем там, когда услышите, что моя мать была землянкой.

Лиз едва не подавилась чаем.

— Правда?

— Действительно. И к тому же она была ученым-лингвистом.

По кабине разнесся негромкий перезвон, и Нова снова повернулась к своим экранам.

— Прошу меня извинить. Приближается конец прыжка.

Лиз вернула чашку в фиксатор и постаралась поглубже уйти в кресло. И конечно, они вышли в нормальное пространство без происшествий — только обычная встряска перехода.

Нова была занята пультом. Лиз взяла выданный ей наушник: она поняла, что выдали его специально для таких моментов, чтобы молчала и не отвлекала пилота. Вставив его в ухо, она стала крутить ручку настройки — единственную из десятка разнообразных элементов управления, к которой ей позволяли (и даже советовали) прикасаться.

Какое-то время ничего особенного она не слышала. Обычные переговоры пилотов с диспетчерами и сообщения, пересылаемые

между кораблями. А потом ей удалось поймать нечто новое. Лиз замерла, зафиксировав настройку, и извлекла наушник из уха.

— Нова!

Лиловые глаза недовольно сверкнули. Лиз протянула ей наушник.

— Тебе следует это послушать. Срочное. Я приняла его по торговому каналу.

Изящная ручка протянулась через пульт, нажала какую-то кнопку — и заработал громкоговоритель.

«Повторяю. Предупреждаются все корабли, направляющиеся на Литаксин или транзитом. Клан Данут объявляет о вступлении в действие пункта относительно прекращения поставок в связи с военными действиями. Клан не будет перевозить, поставлять или принимать товары, предназначенные для Литаксина, на основании надежной информации. Приказ санкционирован Делмом Клана Данут».

За пультом пилота Нова тихо вздохнула. Лиз посмотрела на нее.

— Ты их знаешь?

— Клан Данут, — ответила Нова, не отводя взгляда от пульта. — Это небольшой клан. Их главный склад находится на планете этой системы. Если бы они не были уверены, то не сделали бы такого объявления.

Ее пальцы начали стремительно бегать по пульту.

— Мы проверим еще один источник, командор Лизарди. Ведь если один купец сообщает такую новость, у другого найдется еще более свежая информация!

Лиз наблюдала за тем, как пальцы Новы прикасаются то к одной кнопке коммуникатора, то к другой. А потом ей показалось, что она слышит лиадийское ругательство: раздался громкий однотонный сигнал. Руки возобновили свое стремительное движение.

— Было бы очень любезно, если бы вы принесли мне еще чаю и немного корабельных сухарей: шестая кнопка справа от нагревателя.

Лиз заметила, что на кресле Новы по-прежнему закреплена недопитая чашка с чаем, но решила, что не ей делать вид, будто она не понимает, когда от нее хотят ненадолго избавиться. И хотя Лиз постаралась вернуться с едой как можно быстрее, лиадийке удалось сохранить все свои тайны.

— Застегните страховку, командор, — посоветовала Нова, снова деловито вводя команды в компьютер. — Мы войдем в прыжок, как только скорость и ориентация будут правильные.

— Погоди-ка! — Лиз протянула было руку, чтобы схватить пилота за запястье, но потом передумала. — Куда ты собралась?

Ответа не последовало.

— Отвечай мне, Блондиночка! Я имею право знать.

— Конечно, имеете, — согласилась Нова. Ее спокойный голос был поразительным контрастом лихорадочному полету пальцев. — Мы направляемся на Фендор, Анжела Лизарди.

— В Штаб-квартиру наемников? — Лиз изумленно заморгала. — И что ты собираешься делать? Нанять армию?

— Если понадобится. Входим в гиперпространство через двадцать секунд. Эроб — союзник Клана Корвал. Мы обязаны помогать им в беде. И по узкому лучу я получила сообщение, из которого видно, что мой брат и его спутница жизни в настоящий момент находятся на Литаксине.

Нова устремила свои лиловые глаза на Лиз.

— Наемники имеют средства, чтобы определить, соответствует ли этот слух действительности. Я права?

Лиз со вздохом решила, что девица чересчур сообразительна.

— Угу, — подтвердила она. — Скорее всего имеют.

— Так я и думала, — проговорила Нова, и корабль стремительно ушел в прыжок.

Лафкит
Гильдия наемников

Перед ними предстала чудесная деловая суета, роскошное метание туда и обратно, подобное искусству. Наблюдая, как торопливые люди мечутся по широкому коридору туда и обратно, Точильщик решил, что это действительно очень похоже на искусство. То искусство, мастером которого был его самый младший из братьев, Вал Кон йос-Фелиум.

Поглощенный этим зрелищем, Точильщик со своим братом Хранителем задержался у двери на довольно долгое по человеческим меркам время.

Однако в коридоре была не только спешка. То тут, то там на должном и художественно выверенном расстоянии располагались островки спокойствия: письменный стол, компьютер и сидящий за столом человек. И Точильщик заметил: в соответствии с вершинами искусства именно эти спокойные островки порождали наибольшую поспешность. Взглядом ценителя он отметил,

как потоки напряжений, подобно светлой и по-человечески простой песне, струятся между спокойствием.

Он мог бы задержаться и наблюдать за этой картиной еще какое-то время, если бы появление на краю произведения его и его брата не начало вносить небольшие изменения в потоки, оказывая давление на один из центров спокойствия. Это заставило человека, сидевшего за столом, встать и нырнуть в поспешную людскую реку. И уже очень скоро, по меркам Стаи, он вынырнул из потока и занялся деятельностью, носившей название «приветствие».

— Господа, я — сержант Истро Бан. Я могу предложить вам какую-нибудь помощь?

— Я благодарю вас, сержант Истро Бан, и высоко ценю ваш вопрос. Мы пришли искать некоего солдата, и нам сказали, что она могла оставить сведения о своем местопребывании в этой гильдии.

Лицо сержанта просто чудесно сморщилось, а брови быстро поднялись и опустились.

— Видите ли, господа, обычно мы не даем сведений об одном солдате. Если хотите, можете оставить здесь для нее сообщение, и я лично прослежу за тем, чтобы она его получила, как только сюда явится.

— Я сожалею о том, что наше дело гораздо более спешное, сержант Истро Бан, — сказал Точильщик и не слишком удивился, когда услышал голос своего брата Хранителя, который очень мягко спросил:

— Скажите, сержант Истро Бан, в вашей гильдии всегда царит такое оживление?

— Что? — Он оглянулся назад, словно за время их разговора забыл об этой яркой суматохе, а потом покачал головой. — Не-а, это что-то особое. На нас свалилась кровная война, и в спасательную команду записываются все, кто может держать оружие.

— Прошу меня простить, — сказал Хранитель. — Кровная война? Что случилось?

Сержант Истро Бан пожал плечами.

— Похоже, что икстранские силы завоевания вошли в систему Литаксина и попытались устроить там себе дом. Проблема в том, что на планете оказались наемники, и мы не намерены оставлять их сражаться без поддержки.

Точильщик переглянулся со своим братом Хранителем, и тот несколько раз серьезно моргнул глазами и задал еще один вопрос:

— А какие именно наемники остались на Литаксине, Истро Бан?

— Если нам правильно сказали, то примерно половина отряда «Гирфальк». — Он покрутил головой. — Говорят, Судзуки на

Фендоре, что меня очень радует. Не хотел бы я сейчас оказаться на одной планете с Судзуки.

— Не тот ли это отряд «Гирфальк», который в родстве с нашей сестрой, младший брат? — медленно спросил Точильщик.

— Брат, думаю, что да.

— О! — Точильщик обратил свои похожие на блюдца глаза на сержанта Истро Бана. — Не можете ли вы мне сказать: эта поспешность, которую мы наблюдаем, повторяется сейчас и в Штаб-квартире наемников на Фендоре? И, возможно, в других гильдиях?

— Совершенно верно, — ответил Истро Бан.

— Я вас понял, — сказал Точильщик и снова встретился взглядом со своим братом. И готов был поклясться, что в них горит та же мысль, которая озарила и его собственный разум.

— Я вижу руку великого художника, о брат мой, — проговорил Точильщик.

— Я тоже, — ответил Хранитель.

— И разве это не похоже на нашу сестру, что она помогает попавшим в беду родичам?

— Безусловно, похоже, — согласился Хранитель.

— Так. — Точильщик снова повернулся к спокойному и терпеливому человеку и протянул ему большую трехпалую руку. — Благодарю вас за подаренное нам время и принесшую нам ликование новость, сержант Истро Бан. Вы сами отправляетесь на Литаксин?

— Ничто не могло бы мне помешать туда лететь.

— Я рад это слышать. Возможно, мы вас там увидим. Пойдем, младший брат, и поразмыслим над глубиной искусства нашего брата, который вдохновляет нас на все более поспешные действия!

Литаксин
Зона военных действий
Высота: 12 километров

Привычка чуть его не убила.

Шан включил автоматическое наведение спасательной шлюпки, а сам почти все внимание сосредоточил на том, чтобы удерживать неуклюжее суденышко в воздухе, экономя подходящее к концу горючее.

Пока ему удавалось избежать встречи с теми, кто питал неприязнь ко всем лиадийцам, и он надеялся, что сможет совер-

шить посадку раньше, чем такая встреча произойдет. Жалкие орудия спасательной шлюпки остались почти без заряда, а перспектива совершать какие-нибудь маневры, чтобы уйти от атмосферных истребителей, заставляла его желудок судорожно сжиматься.

Он скользнул встревоженным взглядом по пульту. На экранах один, два, три и четыре было только небо. Хорошо.

С экранами пять и шесть дело обстояло совсем иначе.

Он садился в космопорте Литаксина сравнительно недавно — не больше четырех стандартных лет тому назад. Тогда это был оживленный порт среднего размера: шесть открытых посадочных площадок плюс несколько частных. Там было движение транспорта, огни, люди — и корабли. Корабли, готовые к взлету. Корабли, проходящие обслуживание. Корабли, проходящие ремонт. Корабли, перемещаемые с одной площадки на другую.

От всего этого остались только развалины. Оплавившиеся воронки отмечали те места, где были застигнуты врасплох корабли, убитые во сне. Диспетчерская башня превратилась в покосившийся, полурасплавившийся остов из обнажившейся арматуры. Листы взрывбетона превратились в каменные дорожки, кое-где разделенные обломками изгородей. Искореженный металл беспорядочно разлетелся по всему порту, следы бластерных ударов сверкали там, где стекло текло ручейками — а потом снова застыло.

Разрушения жгли ему глаза — и его пальцы заплясали на пульте, стремительно бросая шлюпку на новый курс. А потом он запоздало осознал собственную ошибку.

Спасательная шлюпка вздрогнула: она слушалась управления не лучше, чем камень. Шан коротко, но искренне выругался, бросил взгляд на приближающуюся к нулю стрелку показателя горючего, а потом снова на экраны, где было только одно пустое и спокойное небо.

Он признался себе, что удача была к нему более чем добра, на что ему не следовало надеяться. Ведь на экранах могли появиться те самые икстранские истребители, встречи с которыми ему так страстно хотелось избежать.

Но если порта не существует, куда он может направиться на планете, раздираемой войной?

— В Клан Эроб, конечно, — пробормотал он, стараясь справиться со стремлением спасательной шлюпки повернуться относительно поверхности планеты вверх ногами. — Постарайся же быть пособразительнее, Шан.

А если Клан Эроб подавлен икстранцами, рассеян, убит и прекратил существование? Шан вздохнул и снова посмотрел на указатель уровня горючего.

— Надо будет найти Вал Кона, конечно. И молить богов, чтобы он оказался поблизости.

То, что он сделал потом, было в высшей степени неразумным, и он не сомневался в том, что его учителя из Покоев Целителей решительно не посоветовали бы ему идти на такое. Но на самом деле, если принять во внимание показания датчика горючего, стрелка которого уже стояла в красном секторе, выбирать было не из чего: на спасательной шлюпке планетных карт нет, а умирать ему решительно не хотелось.

Кораблик на несколько мгновений выровнялся. Шан ухватился за край приборной доски, закрыл глаза — и открыл внутренние щиты.

На тонкости и душевные приготовления времени не оставалось. Он представил перед своим Внутренним Взором образ Вал Кона и решительно распахнулся, охватив поиском слишком широкую площадь, сосредоточив внимание на неповторимом узоре брата.

Вместо этого он обнаружил растительную громаду, приветливую, знакомую с детства, утешающую, как прикосновение близкого человека.

Шан вздохнул и, отбросив узор Вал Кона, стал слушать то, что могло ему сказать Дерево.

Конечно, это было не его собственное Дерево-старейшина, однако у Эроба давно рос сеянец. И Джелаза Казон не обязательно разговаривало с теми, кто ему служил, однако оно обладало способностью сообщать о себе и своих пожеланиях.

Дерево не читалось так, как Целитель читает других людей. Скорее Дерево пользовалось понятиями из своего собственного запаса, показывая их в последовательности одновременно и знакомой, и растительной. И в данном случае его послание запечатлелось на чувствах Шана так: Радостные Приветствия. Радостные Приветствия. Радостные Приветствия. Облачко пряного аромата и хруст черешка: воспоминание об оторванном листке. Вкус древесного ореха на языке. Второй образ листа — и ощущение, что его мягко отталкивают.

Он почувствовал, что его пальцы двигаются по пульту, но был не в силах их остановить. Не без труда он смог открыть глаза и обнаружил, что все указатели расплываются, а индикатор бака горит красным огоньком. В его сознании Дерево коснулось последнего воспоминания: теплые губы, нежно прижавшиеся к его щеке, — и ушло. Шан стремительно вернул на место Внутренние Стены, встряхнулся и посмотрел на экраны.

Третий показывал икстранский истребитель, стремительно увеличивавшийся в размерах.

* * *

Под воздействием Дерева его тело ввело в программу координаты, высвеченные теперь на навигационном экране. Шан нажал кнопку, чтобы подтвердить их, заодно позволив себе понадеяться, что Дерево способно было должным образом понять нехватку горючего и действие силы притяжения на объект, лишившийся энергии.

Истребитель увеличивался в размерах. Шан сосредоточился на орудиях.

Эти орудия могли делать только одиночные выстрелы, хотя Сет продемонстрировал их действенность. И к тому же у них почти закончился заряд. Руки Шана замелькали по пульту, отключая все вспомогательные и не жизненно важные системы, отводя освободившуюся мощность на орудия. Стрелка заряда поползла вверх, стабилизировавшись заметно ниже уровня готовности.

Шан пожевал губу, проверил показания пульта, еще раз посмотрел на истребитель (боги, как близко!), проверил экраны — и чуть было не задохнулся.

Данные Деревом координаты вели его в лагерь. На шестом экране он уже мог смутно различить палатки, механизмы, солдат... На ветру отважно развевался штандарт: огромный белый ястреб, бросающийся на врага, на фоне беззвездной тьмы.

Земляне. И, несомненно, достаточно близко от того места, куда его направило Дерево. Но не с икстранцем же на хвосте туда валиться!

Его руки снова пришли в движение, затанцевав по пульту, отключив все, кроме воздуха и компьютеров, направив всю энергию в орудия. И все равно они оставались недозаряженными.

Шан бросил взгляд на своего преследователя, еще один — на лагерь и окружавшую его местность. Протянув руки, он надел на голову шлем скафандра, нажал подбородком на кнопку, включавшую баллоны с воздухом. Его руки вернулись на пульт, отключив систему жизнеобеспечения, подав всю энергию на орудия.

Стрелка пересекла критическую линию. И остановилась.

Шан кивнул под шлемом и ввел в пульт еще одну поправку: всю энергию верхнего орудия он переключил на то, которое теперь стало нижним.

В ставшем единственном орудии заряд резко скакнул вверх. Можно было, конечно, мечтать о большем. Можно было мечтать, чтобы оба орудия были полностью заряжены и наведены. Если уж на то пошло, можно было мечтать о летательном аппарате,

сравнимом по возможностям с истребителем противника, но времени не было. Он имел все необходимое.

Хоть и без запаса.

Он нажал кнопку, освободив корабль от необходимости бездумно следовать введенным координатам, и замедлил движение, опустившись на несколько умело рассчитанных метров к каньону — или карьеру — в дальней части лагеря.

Следовавший за ним истребитель попался на наживку.

Его противник прибавил скорость и стал разворачивать пушку. Шан выждал, враскачку опустившись еще чуть ниже — но не слишком низко — к соблазнительно каменистому склону. Дождался, чтобы пилот взял нужный курс, лишился возможности пролететь мимо — и сделал невозможным промах.

Стиснув зубы, он открыл дроссельные заслонки, потратив последние капли горючего. Спасательная шлюпка мучительно медленно начала переворот. Истребитель с ревом пронесся мимо — и пилот запоздало увидел ловушку. Шан нажал спусковую кнопку, и его единственное орудие полыхнуло жаром — ярким, но недолгим.

Истребитель взорвался, осыпав лагерь горящими осколками.

Спасательная шлюпка номер четыре, полностью опустошив баки и орудия, рухнула на последние несколько метров, отделявших ее от поверхности планеты.

Он открыл люк и увидел настороженные лица двух солдат. Лиадиец и землянка, оба с оружием.

Он остановился на краю трапа, сложив перед собой руки в перчатках скафандра. Снял шлем, открыв лицо и слипшиеся от пота волосы. Легкий ветерок холодил щеки. Доносившиеся до него звуки были пением птиц и шелестом ветра в листьях и траве.

Первым заговорила землянка. Ее голос звучал приветливо, вопреки наставленной на Шана винтовке.

— Ты цел, пилот? Противное падение.

— Спасибо, я цел и невредим, — заверил ее Шан. И улыбнулся.

Маневр с переворотом сработал именно так, как он надеялся. Спасательная шлюпка упала примерно на 12 метров и приземлилась в нужном положении на каменистом выступе перед карьером — почти без повреждений. Пилот получил серьезную встряску и позже будет иметь синяки, но скафандр и сеть безопасности приняли на себя основную часть удара. Назвать это «цел и невредим» в нормальных условиях было бы преувеличением, но все-таки не выходило в область фантазии.

Землянка кивнула и повернулась к своему напарнику:

— Свяжись с ними и сообщи, что мы его доставим.

Тот забросил винтовку за спину, снял с пояса коммуникатор и сказал в него:

— Патруль из карьера. Мы нашли пилота, он цел. Ведем.

После чего он прижал приборчик к уху, хмуро что-то выслушал, отключил его и снова подвесил на ремень.

— Субкомандор хочет с ним поговорить, — сказал он своей напарнице.

— Ясно, — ответила она и кивнула Шану. — Ладно, друг. Давай прогуляемся.

Глядя на ее винтовку, Шан замешкался. Женщина поменяла позу — и мгновенно растеряла всю свою приветливость. Он поднял руки в перчатках, демонстрируя, что они пусты и он никому не угрожает.

— Прошу меня простить! Я не хочу заставлять вашего субкомандора дожидаться, но дело в том, что я отстал от моего корабля и имею все основания полагать, что будет сделана попытка связаться со мной — как только станет ясно, что мой корабль перестал двигаться. Мне следует остаться здесь, чтобы получить послание, когда оно придет.

Женщина покачала головой.

— Извини, приятель. Субкомандор Критулкас желает тебя видеть, и нам приказано тебя привести. Мне не хотелось бы простреливать тебе колено и тащить тебя самой, но если будешь настаивать, это можно сделать и так.

Шан опустил руки, сделал глубокий вдох, чтобы подавить волну тревоги, отложив все беспокойство на будущее.

— И мне не хотелось бы так вас затруднять. Конечно же, ведите меня к субкомандору Критулкасу.

Субкомандор Критулкас оказался кислолицым мужчиной с седыми волосами и протезом вместо правой руки. Он сверкнул глазами на Шана, стоявшего между двумя патрульными, потного и запыхавшегося от быстрой ходьбы. Тяжелые скафандры не рассчитаны на прогулки по лесам.

— Что еще? — спросил он, переводя свой гневный взгляд на землянку.

Женщина отдала честь.

— Он сказал, что отстал от своего корабля, сэр, и ждет, что с ним свяжутся.

Критулкас кивнул.

— Скажи связисту, чтобы прислушивался.

Он посмотрел на Шана.

— Нам что-нибудь передать от тебя?

Он невозмутимо рассматривал его.

— Что я в безопасности и среди друзей.

— Ты так думаешь? — Он снова посмотрел на солдата-землянку. — Передай, если будет вызов. Свободны.

Солдаты отдали честь и исчезли, оставив Шана одного под гневным взглядом субкомандора.

Критулкас вздохнул и уселся на край стола, скрестив руки на груди.

— Ладно. Начнем сначала. Имя и чин. Если он есть.

— Шан йос-Галан, Клан Корвал, — ответил он. — Капитан военного корабля «Исполнение долга».

— Военного корабля? — переспросил он, качая головой. — Что-то ты не похож на военного. Впрочем, на лиадийца ты тоже не похож. — Он пожал плечами. — Ну ладно. Что ты здесь делаешь, капитан?

— Мой корабль получил повреждения, и я отстал от него во время атаки икстранцев, начавшейся во время внешних ремонтных работ.

Он кивнул.

— Это раз. Теперь вернись на шаг назад и скажи мне еще одну вещь. Почему твой военный корабль оказался в этой системе?

Шан со вздохом расправил плечи внутри жаркого тяжелого скафандра. Ему решительно не хотелось отвечать на вопросы этого резкого, ехидного мужчины. Ему хотелось принять душ. Ему хотелось вернуться к своей спутнице жизни, своему кораблю и привычной рутине торговли. И все это у него не было надежды получить в обозримом будущем — если он вообще это когда-нибудь снова получит. Вот только на душ можно надеяться, если он будет вежлив и ответит на вопросы субкомандора.

Итак.

— По семейным делам. Мой клан состоит в союзе с Кланом Эроб, и у меня были основания полагать, что здесь находится мой брат.

— Вот как? Имя?

— Вал Кон йос-Фелиум.

Шан пристально наблюдал за выражением лица субкомандора, но не уловил на нем и тени узнавания.

— Я с таким не встречался. Ты уверен, что он здесь?

— Я абсолютно убежден в том, что он здесь, — заявил ему Шан.

Воспоминание о щемяще знакомой мелодии, звучавшей с предупредительного маяка Эроба, было настолько живым, что на глазах у него выступили слезы. Он моргнул и сказал мрачному Критулкасу:

— Может, другое имя будет вам знакомо? Мири Робертсон?

Субкомандор Критулкас кивнул.

— Ладно, капитан. Вот что я скажу. Мне все равно надо переправить тебя высшему командованию: именно там у нас есть люди, которым будет очень интересно узнать, что творится наверху. Мы здесь послушаем твою шлюпку и дадим знать на твой корабль, что ты «среди друзей».

Тут его губы чуть скривились: возможно, это была улыбка.

— А пока у нас через четыре часа должна пройти смена. Тебе как раз хватит времени, чтобы помыться, поесть и вздремнуть. Под охраной, как понимаешь: будь я проклят, если поверю, что ты — военный. И я не собираюсь ставить под угрозу моих людей.

Первая забота командующего — это благополучие подчиненных. Мнение Шана о кислолицем субкомандоре резко повысилось. Он кивнул.

— Я все понимаю, сэр. Спасибо.

Он хмыкнул и громко крикнул, вызывая какого-то Дастина.

Невысокий землянин пришел со своего поста у входа в палатку и отдал честь.

— Да, сэр?

Критулкас ткнул пальцем в сторону Шана.

— Отведи этого парня переодеться и взять пару бутербродов. Потом пусть помоется и поспит в лазарете. Не выпускай его из виду и вовремя приведи на построение перед сменой.

Дастин снова отдал честь.

— Есть, сэр! — Повернувшись, он кивнул Шану с нейтральным выражением глаз и лица. — Ладно, сэр, пойдемте.

Шан повернулся к двери. У него за спиной Критулкас откашлялся.

— Еще одна вещь, капитан.

Он оглянулся через плечо и изумился, увидев, что суровый субкомандор ухмыляется.

— Чертовски хороший выстрел на подлете.

Шан лег на жесткую койку, положив под голову хрустящую подушку, пропахшую антисептиком, и закрыл глаза. Он принял душ и надел боевой кожаный костюм, выданный интендантом. Он заставил себя съесть один из шести бутербродов, добытых Дастином из

столовой, и выпил несколько стаканов воды. И теперь, оставшись более или менее в одиночестве (если не считать охранника у входа в палату лазарета), он приготовился погрузиться в транс.

Он сделал несколько вдохов, налаживая правильный ритм. Звуки лагеря затихли, сердцебиение замедлилось. Когда наступил должный момент, Шан скользнул в транс.

Пространство Исцеления было бесформенным — пустотой, наполненной теплым кипящим туманом. В Пространстве Исцеления всегда есть только туман — пока не потребуется нечто иное.

Согревшись в безликом тумане, Шан произнес свое имя. Он улыбнулся мужчине, шагнувшему навстречу ему из тумана, и протянул руку, украшенную кольцом с фиолетовым камнем. Навстречу ему протянулась рука, и в тумане сверкнули грани точно такого же камня. Умело и уверенно, как и подобает мастеру-целителю, он установил между ними контакт Исцеления.

Его встретило бурное смятение: горе, радость, вина, ярость, боль потери, ужас, любовь, недоумение, отвращение. Ой-ой-ой, вот это каша! Однако тут не требуется ничего, кроме Разбирательства — и немного плетения. Анализ не обнаружил необратимых изменений в его душевном устройстве. Там не было таких серьезных диссонансов, которые потребовали бы забвения. Проблема была несложной и работу по ее устранению можно начать сразу же.

В Пространстве Исцеления времени не существовало. Там была только работа — и результаты этой работы, различимые Внутренним Зрением Целителя. Работа требовала таких затрат времени, какие были на нее необходимы. Когда все было закончено, Шан улыбнулся Шану. Они открыли друг другу объятия и слились в единое целое.

Исцеленный и умиротворенный, он повернулся к туманной пустоте Пространства Исцеления — и замер.

Это место не было Пространством Исцеления. Не было оно и палаткой-лазаретом. Здесь все было из камня: незнакомое мрачное помещение. Сначала он решил, что это — гигантская каменная пещера. Потом заметил оружие, аккуратно развешанное на стенах.

Оружие... Оно переливалось на своих местах, словно каждое сохраняло свою форму благодаря какой-то прихоти и могло легко оказаться чем-то совершенно иным. Шан сосредоточил свое внимание на одном мече и обнаружил, что острое оружие вдруг превратилось в щит, щит трансформировался во взрывчатку, а взрывчатка в...

— Добрый день тебе.

Голос мужчины был необычайно прекрасен. Сам мужчина, сидевший на каменной скамье справа от Шана, оказался поджарым и остролицым. Черные волосы, заплетенные в косу, исчезали в лохмотьях тени от его плаща. В длинных пальцах мелькал красный жетон: появлялся, исчезал. Появился. Исчез.

— Добрый день, — спокойно ответил Шан.

Тем временем его чувства Целителя старались Разобрать это место, оказавшееся таким же нематериальным, как и Пространство Исцеления, хотя определенно Пространством Исцеления не было. И он еще никогда не встречал в Пространстве Исцеления посторонних, не считая тех, кого позвал он сам — или кто позвал его.

— О, но ты и не встретил посторонних, — проговорил мужчина в плаще, весело блеснув глазами. — Я — это ты. Или ты — это я. Ой... — В его пальцах мелькнул жетон — и снова исчез. Он улыбнулся. — Вижу, что в этом разговоре язык нам будет плохо помогать.

— На самом деле я знаком с этим понятием, — сказал Шан и потянулся своими чувствами Целителя, чтобы прикоснуться к своему собеседнику. Он натолкнулся на прохладную и гладкую поверхность, очень похожую на защитную стену Целителя. — Но нам не удастся стать целиком мною, если ты останешься закрыт.

— Умный мальчик. Но, как ты видишь, это не сладкая греза в волшебном тумане. Это... — Тут он величественно взмахнул длинной загорелой рукой, в которой вдруг появился серебряный кинжал. Он воззрился на него, пожал плечами и сунул оружие за пояс. — Это... — повторил он, растягивая слова, — это — Оружейная Палата. Ты оказался здесь потому, что почувствовал необходимость вооружиться. Расскажи же мне, зачем тебе это.

Шан нахмурился, готовый поверить, что это все-таки безумие. Возможно, в эту минуту он умирает в обломках спасательной шлюпки, а его разум рисует ему последнюю богатую странностями фантазию, чтобы чем-то себя занять.

— Ничего столь непоправимого не происходит, — негромко проговорил мужчина в плаще. — Как ты сам прекрасно знаешь. Ты силен, здоров и нормален. И поскольку это так, я должен снова тебя спросить: почему ты пришел сюда?

— А я и не знал, что хотел сюда прийти, — ответил ему Шан. — Мне нужно было Излечиться, чтобы не наделать бед. Видишь ли, сейчас идет война, и субкомандор прав, черт бы его побрал: я не военный. Но на планету напали. Я должен быть в состоянии сражаться. Мне необходимо... использовать все мои ресурсы.

— И ты прошел обучение, как Плетельщик Душ, слава Всематери. — Мужчина склонил голову набок. — *Когда* ты? Капитан корабля, который плавает между звездами, а в тебе немало Дракона. А твоя дама — Неясыть. Кажется, я начинаю понимать.

Он встал и откинул плащ назад, открыв поношенную черную тунику и заплатанные черные лосины.

— Я... Мы... были здесь всего шесть раз с тех пор, как Неясыть показала мне дорогу. Нам никогда не нравилось это место, и мы не искали его ради стремления к власти. Как ты понимаешь, время — измерение не слишком упорядоченное, но мне кажется, что это — единственный случай, когда я встретил здесь себя.

Он поманил его к себе, и Шан шагнул вперед, обхватив пальцами сильную мозолистую руку.

— В твоем *когда* меня зовут Шан?

— Да, — подтвердил он.

Они направились к переливающейся стене с оружием.

— В этом *когда*, — мужчина прижал ладонь к груди, — твое имя Альт. Давай хорошо меня вооружим.

Мир выглядел иначе, хотя он еще не открыл глаз.

Информация, поступающая через закрытые глаза, каким-то образом говорила ему, что сейчас разгар дня. А еще он знал, что одна стена палатки, в которой ему разрешили отдыхать, находится в тени.

Его левая рука была нагрета чуть больше, чем правая: солнце светило в ту стену палатки.

До него доносились звуки, и каждый был полон смысла. Он слышал негромкие размеренные шаги человека, несущего дозор. Время от времени до него доносились приглушенные голоса. Это значило, что там, где он находится, приходится думать о безопасности.

Даже те звуки, которых он не слышал, о чем-то говорили. Он был в палатке один: медик куда-то отлучился.

Шан наслаждался потоком информации, анализировал ее, извлекал из нее все возможное. И в то же время какая-то часть его сознания, не занятая этим важным делом, очень спокойно сообщала ему, что на самом деле все эти вещи никакого значения для него не имеют. Он — мастер торговли, Целитель; на самом деле он — парень миролюбивый, несмотря на свою принадлежность к роду и клану, родоначальником которого были контрабандистка, солдат и школяр.

Конечно, если говорить честно, то йос-Галаны — род, происходивший от школяра — всегда были респектабельными. Вот

только гены внутри их клана так часто смешивались, что теперь трудно определить, где кончается респектабельный йос-Галан и начинается пират йос-Фелиум.

За стеной палатки, с освещенной солнцем левой стороны, слышались негромкие шаги двух человек, сопровождавшиеся негромкими звуками женского голоса. Он уловил слово «резерв» — на самом пределе слышимости, хотя его слух вдруг необычайно обострился. А потом шаги миновали палатку — а Шан почувствовал зверский голод.

Он открыл глаза и сел одним ловким движением. Помещение осталось таким же, каким он его запомнил. Бутерброды по-прежнему лежали на столе под охлаждающей пленкой.

Он быстро с ними расправился, утоляя голод настолько острый, что ощущался почти как тошнота. В то же время он понимал, что, если бутербродов не хватит на удовлетворение голода, он вполне может съесть и плитки неприкосновенного запаса, лежащие в кошеле на поясе.

Пока Шан ел, он размышлял о происшедшем. После посещения Пространства Исцеления он часто бывал голоден. Порой этот голод можно было оценить в два бутерброда, с иронией подумал он, разворачивая последнюю порцию, добытую для него в столовой Дастином. Когда они с Присциллой отправлялись духом в дальний путь, чтобы поговорить с Вал Коном, они оба очнулись страшно проголодавшиеся, потеряв десятую часть веса тела. «Волшебство, — сказала тогда Присцилла. — На большое волшебство уходит огромное количество сил».

Уплетая пятый бутерброд, Шан со вздохом заключил, что Оружейная Палата Альта оказалась очень большим волшебством. Он поджал под себя ноги и тряхнул головой.

— Шан, — прошептал он, не забывая, что его могут подслушивать, — во что ты вляпался, скажи мне ради здравого смысла?

Он мало что взял в Палате: клинок и щит. Альт сказал, что эти вещи хорошо послужат любому солдату, а потом протянул ему толстую рукопись. На кожаном переплете причудливыми буквами, которые, как Шан был уверен, он видит впервые, было написано «Солдатская премудрость».

— Зри же самое полезное оружие Палаты! — торжественно провозгласил Альт. — Возьми его!

Шан принял папку, с сомнением глядя на своего наставника — на себя.

— Довольно тяжелая, особенно если брать ее с собой в маршбросок. Что, боюсь, мне скоро предстоит.

— Чепуха, — возразил Альт. — Вовсе она не тяжелая.

И когда Шан снова посмотрел на свою руку, рукопись исчезла. Но, похоже, «Солдатская премудрость» осталась с ним: она будто вошла в его плоть и кровь.

Шан покачал головой и, подчиняясь инстинкту, который никак не мог быть его собственным, начал инвентаризацию.

У него не было пистолета, сабли — а на поясе и в кошеле не оказалось никакого оружия дальнего боя. Нож, который оказался при нем, не был ни боевым ножом, ни штыком — это была часть складного набора инструментов.

Однако «Солдатская премудрость» сообщила ему, что в чрезвычайной ситуации нож — всегда нож, так что он внимательно осмотрел его и остался странно доволен качеством металла и балансировкой. Ему случалось иметь клинки и похуже, однако использовать их успешно... Он тряхнул головой, прогоняя воспоминание — не свое.

Это Вал Кон питал страсть ко всему остро заточенному. Миролюбивый Шан достаточно метко стрелял из пулевого пистолета, но для защиты от неприятностей в основном полагался на свои навыки Целителя.

Закончив проверку собственного вооружения, Шан сосредоточил мысли на других деталях, требовавших его внимания. Он встал и вышел из палатки.

— Дастин?

Застигнутый врасплох охранник обернулся так резко, что чуть не заставил Шана забыть о цели своего выхода. Винтовка повернулась в его сторону — но не представила опасности.

— Сэр! А я решил, что вы будете спать, пока стадо домой не пригонят.

— А мы ожидаем возвращения стада, капрал? Мне кажется...

— Не-а. — Солдат небрежно помахал рукой без винтовки. — Я просто хотел сказать, что мне казалось — вас придется будить, когда придет время. Если хотите еще подремать, так у вас есть еще около часа. Сэр.

— Я выспался, спасибо. Нельзя ли мне как-то навестить шлюпку, в которой я прилетел? Было бы хорошо узнать, не получены ли — и не отправлены ли обратно — какие-нибудь сообщения.

— По-моему, субкомандор не хотел, чтобы вы тут бродили где попало. Сэр. Было бы лучше, если бы вы просто вернулись обратно в палатку и...

Шан мысленно вздохнул. «Солдатская премудрость» сказала ему, что при необходимости капрала можно нейтрализовать. Тот

оценивал дистанцию между собой и Шаном на основе солдатской скорости реакции, а не пилотской. Но тут он вдруг вспомнил кузена Люкена бел-Тарду — менее воинственного человека невозможно было себе представить. «Единственное, о чем я прошу, — говорил обходительный торговец, когда Шан увязывался за ним на склад, застеленный целыми акрами ковров, — это о честном преимуществе. Когда оно у меня есть, другая сторона почти всегда уверена в том, что у меня слабые позиции».

Шан намеренно кротко склонил голову и очень осторожно задействовал умение Целителя, наполняя Дастина симпатией и расположением к себе.

— Капрал, — проговорил он, голосом и лицом выражая крайнее благоразумие, — я почти целые сутки провел в скафандре в спасательной шлюпке. Дайте мне хотя бы возможность немного пройтись.

Капрал Дастин заморгал, и Шан подошел чуть ближе, заглянув в глаза цвета мускатного ореха.

— Я предлагаю, чтобы вы отвели меня к месту сбора, — негромко сказал он. — Мне следует привыкнуть к новой обуви, раз уж мне предстоит делать в ней марш-бросок.

Дастин снова моргнул и посмотрел на выданные интендантом сапоги. Спустя пару секунд он кивнул.

— Да, сэр. Мы могли бы пойти в ту сторону. И может случиться так, что мы взглянем на вашего огнедышащего дракона, когда будем проходить мимо.

Шан улыбнулся и убрал нить расположенности.

— Спасибо, Дастин.

Они прошли мимо нескольких часовых, но вскоре стало ясно, что субкомандор Критулкас не любит сосредоточивать свои силы в одном месте. Дастин сворачивал то туда, то сюда. Они прошли по нескольким тропинкам: все были хожеными, но ни одна не казалась важнее других.

Шан мысленно кивнул: обустройство субкомандора Критулкаса ему понравилось. И тут самым краем уха он уловил новый звук.

Он прислушался, отключая шарканье сапог Дастина по каменистой тропе. Знакомый звук, типичный для портов и городов...

— Дастин, — тихо спросил он, — у нашей стороны есть тяжелые винтокрылы? Два или три, наверное.

Капрал бросил на него изумленный взгляд, резко остановился и снял с головы каску. Он наклонил голову набок, прислушался и поспешно схватился за висевший на поясе комм.

— Диспетчер, — раздельно проговорил он. — Возможно, слышал вертолеты. Опознаете?

— Диспетчер, — сразу же ответили ему. — Включили Ухо. Сообщение диспетчеру два. Спасибо.

Шан продолжал слушать. Звук стал уже ясно различимым, хотя из-за листвы трудно было определить, откуда он доносится. Он вспомнил свой недавний спуск на планету. Шум винтов звучал у него в ушах все громче. Судя по тому, что он запомнил, звук доносится...

— Со стороны побережья, — заявил он решительно. — Не меньше двух!

Дастин внимательно посмотрел на него, кивнул и снова включил свой коммуникатор.

— Диспетчер два, по оценке — два или больше винтов со стороны побережья.

— Диспетчер два принял. Ухо говорит три, очень низко. Спасибо, сынок.

Тут послышались негромкое бульканье и шепот новых сообщений с десятка других постов в ближайших зарослях.

— Это крупье, это крупье. Перетасуйте колоду и снимите три раза. Игрок заказывает игру.

— Хороший у вас слух, сэр. — Дастин уважительно кивнул Шану. — Вам лучше пойти со мной. Если мы вдруг разойдемся... там, где тропинка раздваивается, то в пределах лагеря в десяти метрах в пустую сторону вы найдете укрытие. Может, придется немного поискать. Если это будет перекресток, то вы должны заметить едва заметную пятую дорожку. Ищите напротив нее.

Шан кивнул, снова мысленно похвалив субкомандора.

Сейчас звук уже определенно говорил о приближении тяжелого вертолета. Он летел низко. Низко и быстро.

У первой же развилки Дастин повел Шана прямо в лес. Капрал поднырнул под толстую ветку — и исчез. Спустя секунду Шан нашел укрытие и присоединился к нему.

Шан заметил, что окоп уходит глубже. Часть стены была укреплена стволами и ветками местного леса. Его внимание привлекла одна из веток, длиной почти в его рост, с несколькими серовато-зелеными листьями. Он прислонился к этой ветке. Она чуть спружинила, но ощущалась, как упрямо крепкая. Он удобно обхватил ее пальцами...

— Говорит крупье, говорит крупье. У нас три игрока в каменный покер. Карты на столе. Валеты объявляю джокерами. Зрителей просят не плеваться.

Дастин кивнул.

— Пойдемте, сэр. «Валеты — джокеры» — значит, зовут всех, кто может подключиться. «Каменный покер» — значит, они где-то у карьера...

— Моя шлюпка!

— Да, сэр. Или обломки икстранского истребителя.

У них над головой раздался рев. Дастин нырнул обратно в укрытие. Вглядываясь в просвет между деревьями, Шан увидел, как в небо поднимаются три темных силуэта, быстро разворачивающихся к берегу.

— А насчет того, чтобы не плеваться, — проговорил Дастин, осторожно вылезая из окопа, — это значит, не стрелять до приказа, сэр.

Шан посмотрел на него, продемонстрировав пустую руку — и руку с палкой.

— Да, сэр, знаю. Идите за мной, пожалуйста.

Шан двинулся было за ним и тут понял, что звук удаляющихся винтолетов как-то изменился. Он упал на колени, нашел отверстие в защищающих его ветвях...

Последний винтолет двигался очень медленно — почти завис над лесом. Может быть, оттуда кого-то заметили или...

Из брюха машины появился человек и скользнул вниз по канату, который стал видимым только благодаря этому движению. За ним последовала вторая фигура, потом — третья... Четвертая...

На землю их спустилось восемь. Последнему пришлось прыгнуть с довольно большой высоты, поскольку винтолет уже начал улетать.

— Сэр? — Дастин хватился его и вернулся. В его оклике звучали одновременно облегчение и досада. — Сэр! Нам надо идти в ту сторону...

Шан выпрямился, механически стряхивая грязь с колен кожаных брюк.

— Капрал, последний вертолет перед отлетом высадил восемь солдат.

— Я этого не видел, — недоверчиво отозвался Дастин.

— А я видел. Они должны были оказаться вон на том взгорке. Очень быстро спустились по канату.

Комм булькнул и тихо тренькнул.

— Это крупье. Если увидите наличные, разрешаю заключать частные пари. Повторяю: если увидите наличные, разрешено заключать частные пари.

Шан взглянул на встревожившегося Дастина и вопросительно поднял брови.

— Сэр, это значит, что если надо, мы можем вступать в бой. Решение принимает командир на месте. — Он поморщился. — Похоже, это — я.

Он взялся за комм и нажал на переключатель.

— Диспетчер два, есть шанс, что восьмерка соскользнула по соломинке около...

Тут он беспокойно взмахнул рукой. Шан кивнул и постарался как можно точнее указать направление скрытого за деревьями места высадки.

— Диспетчер два, восьмерка на соломинке около горки четыре.

Наступила пауза, во время которой Шан ощутил, как растет эмоциональное напряжение его спутника. Наконец им ответили.

— Это диспетчер. Получили сообщение о соломе. Крупье просит визуальное подтверждение. Конец связи.

— Конец связи, — сказал Дастин и убрал отключенный комм в чехол на поясе.

Шан жалел, что не успел разносить сапоги. Теперь к вечеру его будут ждать стертые ноги. Конечно, если ему улыбнется удача.

А еще он жалел, что вооружен только суком и перочинным ножом. Он подумал было превратить ветку в копье — она была почти в его рост и достаточно прямая, — но на это не хватило бы времени. И он нес ветку, желчно надеясь, что теперь умеет владеть дубинкой.

Двигаться приходилось медленно. Они спустились с одного холма и теперь медленно поднимались по каменистому склону, поросшему редкими деревьями. Местами склон превращался в скалы, и только благодаря тому что Дастин знал местность, Шана не занесло в тупики.

Пройдя половину склона, они услышали приглушенные голоса, говорившие на языке, который обострившийся слух Шана определил как незнакомый. Дастин оглянулся и просигналил ему, постучав себя по уху, а потом обведя рукой пустое пространство вокруг них.

Шан кивнул и сосредоточился. Спустя несколько секунд он осторожно указал налево и вверх.

Они продолжили подъем еще медленнее. Шана время от времени передергивало из-за того, как шумно передвигался капрал Дастин.

Чужие голоса запнулись, стали тише. Дастин снова обернулся к Шану, и тот сосредоточился, прислушиваясь на этот раз не ушами, а своими чувствами Целителя. Восемь напряженных аур, одна

пронизана алыми искрами боли. Шан судорожно сглотнул и снова дал Дастину направление: по-прежнему налево, но уже почти на одном с ними уровне.

Теперь они передвигались почти ползком.

Через несколько секунд Шан увидел своего первого икстранца. А потом — второго, третьего, четвертого, пятого, шестого и седьмого. Они настороженно стояли на краю зарослей кустарника, у почти отвесной скалы.

Все они были вооружены — некоторые даже несколькими видами оружия. Шан опознал снайперскую винтовку, ручной пулемет и нечто похожее на бронебойный гранатомет.

Когда его глаза привыкли к яркому свету, Шан разглядел и восьмого икстранца. Этот сидел в зарослях и приматывал к ноге шину. Потом он встал, чуть было не упал — и осторожно сел обратно на землю.

Снова зазвучали голоса. Двое из стоявших наклонились над кустами. Потом раздалось отрывистое рычание — похоже, приказ.

Один из стоявших отдал честь, сначала ударив себя по плечу, а потом семеро здоровых икстранцев пригнулись и пришли в движение, бесшумно слившись с окружающей местностью.

Шан рассматривал оставшегося икстранца, который поправил шину и теперь поднимался на ноги, используя винтовку как костыль. Он спокойно подумал, что винтовка будет гораздо более действенным оружием, чем палка, и посмотрел на Дастина.

Несколько секунд ушло на то, чтобы знаками объяснить капралу свои намерения. При этом Шану пришлось мысленно навязать ему свою волю, поскольку в ореховых глазах вспыхнул решительный протест.

Он медленно и бесшумно скользил по камням и сучьям, пока не оказался у зарослей. При взгляде вниз с обрыва у него на секунду закружилась голова, и он вдруг страшно пожалел о том, что не может оказаться на «Долге» и навсегда перестать быть человеком, способным составить и осуществить такой план.

Шан встряхнулся и прополз еще несколько пядей, крепче сжав в руках палку и нож.

Икстранец поднял голову, изумленный внезапным и решительным вторжением в его личное пространство, которое он считал безопасным. Спусковой крючок превращенной в палку винтовки был слишком далеко от его пальцев.

Шан умело взмахнул дубинкой, ударил по руке, потянувшейся за пистолетом, и заставил противника потерять равновесие и перенести вес на больную ногу. Следующим шагом он сократил

расстояние, отделявшее его от противника, и дубинкой отбил руку с икстранским ножом. Глаза, на секунду встретившиеся с его собственными, не знали жалости и не просили пощады — а в следующую секунду дубинка перебила икстранцу горло.

Тело икстранца полетело с обрыва вниз, продолжая сжимать в руке бесполезный нож.

Шан коротко и резко вздохнул и наклонился за винтовкой.

Клан Эроб
Учебный плац

Было два совещания. Одно — между разведчиком и капитаном, в уединении их собственной палатки. Нелирикк нес охрану у входа: это был его долг, и право на его выполнение он ревниво отстаивал.

То совещание, первое, прошло тихо, хотя языки сменяли друг друга. По прошествии часа они вдвоем вышли из палатки и плечом к плечу прошли через плац. Нелирикк занял место замыкающего и довел их до штабной палатки.

Там совещание шло совсем не тихо.

Командор Кармоди и старый генерал тель-Вости — те выслушивали капитана с уважением, подобающим ее званию и боевому опыту. А штатская старуха, Делм капитана и генерала, с которой оба были связаны узами пока непонятного Нелирикку долга, вела себя совершенно иначе.

— Ты отправишь своего спутника жизни в логово икстранцев? — спросила она на высоком лиадийском, колючем, как осколки стекла. — Высокая степень меланти, конечно, леди йос-Фелиум. Но скажите мне, пожалуйста: что может один человек сделать против стаи кровожадных животных?

Секунду в палатке стояла тишина. У старого генерала вид был такой же мрачный, как и у командора-землянина. Капитан Мири Робертсон со вздохом покачала головой.

— Вы не учли пары моментов, — ответила она, воспользовавшись земным языком, чтобы притупить остроту возмущения старой дамы. — Во-первых, этот человек — разведчик. Если он не хочет, чтобы его увидели, его не увидят. Во-вторых, как он умеет обращаться со взрывчатыми веществами — это нечто особое. В-третьих...

Она смотрела на старого Делма, пока та не склонила голову.

— В-третьих, — сказала тогда капитан, — это — его идея. И мне она нравится не больше, чем вам. Я целый час пыталась его отговорить. Он не уступает ни на дюйм. Если уж мы начали обсуждать его недостатки, так он еще и упрямец. Но дело в том, что он прав. У него есть шанс туда проникнуть, нанести серьезный ущерб и вернуться живым. Из всех, кого я знаю, только у него есть такая возможность — может, еще и у нашего Красавчика. Если мы не будем досаждать икстранцам, сбивать их с толку и подрывать их склады с оружием, то мы очень об этом пожалеем — и очень скоро.

— Капитан и разведчик предлагают хорошую боевую тактику, — проговорил генерал. — Склонись перед истиной, Эмрит.

Та возмущенно посмотрела на него.

— Я сыта войной по горло и больше, Вин Ден. И говорю тебе, что будь он дракон или разведчик, но единственным результатом этого идиотского плана будет его гибель.

— Необязательно, — пробормотал разведчик и, встретив взгляд Делма, улыбнулся. — Я все-таки владею определенными... навыками, и к тому же имею то преимущество, что заранее знаком с объектами. Я могу погибнуть, но, уверяю вас, гораздо более вероятно, что я останусь цел и вернусь, чтобы быть рядом с моей спутницей жизни.

Делм Клана Эроб хмыкнула и подбородком указала на Нелирикка, стоявшего на своем посту у входа.

— А если у этого такой же шанс нанести урон и уйти живым, почему не отправить его?

Разведчик по-земному покачал головой и отвесил неглубокий лиадийский поклон.

— Да потому, — ответил он, и Нелирикку его тон показался почти шутливым, — что если удача от меня отвернется и я паду, то я оставлю моему капитану оружие, с которым она сможет продолжить войну.

— Я даю мое разрешение, — сказал командор Кармоди и кивнул разведчику. — Можешь взять со склада все, что тебе понадобится. И имей в виду: если ты берешь тот флайер, то изволь его вернуть. Я ясно сказал?

Разведчик снова поклонился. Губы его улыбались, но взгляд оставался серьезным.

— Ясно, Джейсон. Спасибо.

На второй день после ухода разведчика из лагеря Нелирикка снова вызвали в штабную палатку. Он поспешно отправился туда, кивком попрощавшись со связистом, проверявшим, на-

сколько хорошо он помнит переговорный код и последовательность частот.

В палатке оказались командор, генерал, его собственный капитан и полный набор младшего командования.

— Садись, Красавчик, — сказал командор, любезно пользуясь его боевым прозвищем. Его слова сопровождались взмахом руки, который можно было истолковать и как ответ на салют Нелирикка, и как приказ сесть.

— Эти большие винтокрылые машины, — сказала капитан без всяких предисловий, — что они перевозят? Солдат, оборудование, специальное вооружение? Выкладывай.

Ему понадобилась секунда, чтобы истолковать последний приказ не как требование что-то выложить, но как приглашение говорить.

— Докладываю, капитан. При полной загрузке они могут перевозить восемь дюжин солдат или полевое орудие и четыре дюжины. Я не знаю их дальности, потому что они могут нести запасные баки вместо людей. Их можно хорошо использовать для переброски на передовую, но сверху и по бокам броня у них тонкая. Это — не штурмовики, и стрелков на них всего четверо. Часто они высаживают десант. По слухам, посадочный узел был рассчитан на меньшие нагрузки и постоянно нуждается в ремонте. Их команда считает себя намного выше солдат, которых они перевозят.

— Ну, вот это — приятная новость, — заметил командор Кармоди. — Они слишком хороши, чтобы лезть из кожи ради тех, кто воюет на земле.

— Сколько? — спросила капитан, не отвлекаясь на мелочи.

Нелирикк по-земному покачал головой.

— У каждого полка разное количество. На базе, откуда меня отправляли, я видел четыре ангара по три машины.

— Значит, если набить каждый до отказа, можно перебросить на короткое расстояние тысячу пятьсот солдат, — проговорил генерал, оторвавшись от блокнота, где он не чертил завитушки, как решил было Нелирикк, а что-то подсчитывал вручную.

— Так точно.

Командор кивнул тель-Вости.

— Исследователь, — спросил генерал, — перебрасываемые солдаты хорошо экипированы?

— Генерал, я не знаю их задания, поэтому не рискую оценивать.

— Умница, — неожиданно похвалил его старый вояка. — Не будем накликать на себя неприятности. — Прежде чем продол-

жить, он обвел всех, сидевших за столом, вопросительным взглядом. — Скажи мне, исследователь. Если бы ты был командиром и узнал, что неподалеку от тебя приземлился аппарат, предположительно — курьерский катер с военного корабля противника, что бы ты сделал?

— Курьерский катер с боевого корабля?

Такая возможность вызывала изумление. Однако вопрос был задан явно серьезно. Нелирикк постарался дать исчерпывающий ответ.

— С разрешения генерала, я как можно скорее отправил бы одно звено — три вертолета. Второе звено с заправленными баками будет ждать погрузки на случай необходимости. Я также усилил бы давление на всех возможных направлениях, чтобы нарушить...

— Спасибо, — сказал генерал, кивая и подняв руку в знак того, что сказано достаточно. — Я сделал бы то же самое.

Нелирикк минуту сидел в неловком молчании: за столом в обмене взглядами принималось какое-то решение.

— Да, сэр, — сказал командор Кармоди — возможно, обращаясь к самому себе. — Когда эта заварушка закончится, я прогуляюсь по парку, отыщу там того фонгмишку и повешу на него медаль.

Он встал. Нелирикк поспешно вскочил и отдал честь, но оказалось, что командор наклонился к портупее. Сняв с нее что-то маленькое, он вручил это капитану, а потом повернулся к Нелирикку с пистолетом в руке.

— Красавчик, мы отправляем Нерегулярных Рыжика подальше от неприятностей, но она отказывается трогаться с места без тебя.

Громадный землянин протянул ему пистолет рукояткой вперед. Нелирикк понял, что ему следует взять оружие, и сделал это, поражаясь его удивительной балансировке и идеальному, смертоносному изяществу. Рукоять была вырезана из дерева, металл отполирован до чудесной шелковистости...

— На меня он в первый раз подействовал точно так же, — сказала слева от него капитан Рыжик. — Но ты слушай, Красавчик: командор еще не договорил.

Нелирикк собрал свои разбегающиеся мысли, поднял руку в четком салюте, и жестом был приглашен к молчанию.

— Эта игрушечка — собственность старшего командора Риальто. И если с ней — или с капитаном Рыжиком — что-нибудь случится, она меня съест. Верни их обеих в целости и сохранности. Это приказ.

От его салюта опять отмахнулись. Командор снова протянул ему свою огромную ладонь.

— Патроны тебе тоже понадобятся, парень.

Некоторые вещи сомнению не подвергают.

Например, ты вышла замуж за мужчину, считая достаточно противным уже то, что он лиадиец и Тоделм Клана, который, как выяснилось уже потом, относится к пятидесяти, считающимся Высшими. И этот мужчина, ради которого ты готова перерезать себе горло, лишь бы он остался цел, приходит к тебе в ночь перед уходом на задание, откуда может уже не вернуться, и говорит так спокойно: «Шатрез, ты должна знать вот что: я по рождению Наделм Клана Корвал. По праву нашего брака ты — Наделмэ. Если я погибну, ты должна взять Кольцо и как Делм обеспечивать безопасность Клана Корвал».

Выслушав это, ты киваешь, в темноте обнимаешь его и не спрашиваешь: «И у кого я должна брать это Кольцо и почему они должны мне поверить?» И ты не говоришь: «А почему ты так уверен, что я тебя переживу?» Ты просто киваешь, обнимаешь его и слушаешь, как бьется его сердце. А потом ты его отпускаешь, и ночь проглатывает его, словно его и не было никогда.

Глядя на золотого ястреба у себя на ладони, Мири думала и о том, что не спросила, почему Джейсон назначил ее своей преемницей на тот случай, если в эту войну он найдет Нирвану. Она просто взяла знак отряда и не поднимала шума, а теперь держит его у себя и молит всех богов войны и мира, чтобы ей никогда не понадобилось демонстрировать этот знак.

Мири приколола знак к подкладке на рукаве, застегнула боевую куртку и посмотрела на свою высокую тень.

Он смотрел на нее с высоты своего роста: бдительный взгляд голубых глаз, бесстрастное смуглое лицо. В целом она к нему привыкла, но бывают моменты — вроде вот этого, — когда у нее по позвоночнику идут мурашки, и она вспоминает, кто он такой.

«Идешь в бой с икстранцем за спиной. Робертсон, если бы знать, что ты свихнешься. лучше было оставить тебя на Кламасе».

Мири со вздохом выпрямилась и мрачно улыбнулась своему адъютанту.

— Ладно, Красавчик. Давай их собирать и отправляться.

Они уселись в кузове большого грузовика без всякого порядка — и машина поехала по тряской грунтовой дороге. Капитан назначила в свой отряд трех лейтенантов, назвав их, как положе-

но, Первым, Вторым и Третьим. Назначила она и сержантов. Потом младшие командиры распределили людей по взводам.

Другого и нельзя было ждать от отряда, собранного из остатков других частей и добровольцев, спешащих в свой первый бой. Пока еще спешащих.

Капитан сидела слева от него. Глаза у нее были закрыты, но сжимавшая веревочную петлю рука не была рукой спящего. Нелирикк деликатно кашлянул.

— Капитан?

Полыхающие пламенем серые глаза распахнулись.

— Угу?

— У меня не хватило времени, чтобы все закончить как следует, но я приготовил кое-что для отряда — если вы позволите.

Она села прямее и странно посмотрела ему в лицо.

Он полез в наспех собранные припасы и извлек простой матерчатый мешок, лежавший между несколькими запечатанными банками со взрывчаткой.

— Я надеялся сделать его более полным, но слава приходит к нам так быстро... — проговорил он, соединяя несколько трубок.

Устроив древко на сгибе локтя, он вытащил из мешка прямоугольник расшитой ткани и постарался как можно бережнее развернуть его в тесном и тряском грузовике.

Капитан напряженно замерла, и на секунду ему показалось, что он нанес оскорбление, что она отвергнет его дар отряду...

— Вот это работа, — сказала она, взяв часть флага в руки, и посмотрела на него, лихорадочно блеснув кошачьими глазами. — Сам придумал?

— Так точно, капитан. Дар отряду за то, что мне разрешили в него вступить. Если капитану угодно.

Имя отряда — «Первый Литаксинский Нерегулярный» — было вышито на торговом, как и подобает отряду, собранному из стольких разных источников. Бронзовые буквы на черной полосе занимали почти треть полотнища. А символом... о, тут он ломал голову целую ночь! — стал серебряный нож с двумя парами крыльев, белыми и черными, на зеленом фоне. Одна пара крыльев принадлежала дракону, в честь соратницы Джелы, основавшей Клан разведчика. Клинок был символом самого Джелы, конечно. А вторая пара крыльев была от птицы отряда «Гирфальк».

— Капитану угодно, — тихо ответила капитан.

Вокруг них гудели голоса солдат, обративших внимание на происходящее.

— Прикрепи его к древку, — сказала она.

Нелирикк послушно закрепил полотнище на верхней части древка — и флаг отважно развернулся в своем одиночестве: пока у него не было должного дополнения в виде захваченных в бою штандартов противника.

— Хорошо, — все так же тихо проговорила капитан. — Очень хорошо, Красавчик. А теперь поверни его так, чтобы все видели.

Она встала и вспрыгнула на сиденье, удерживаясь крошечной ручкой за веревочную петлю.

— Ладно, всем слушать! Нам осталось еще немного проехать, а потом начнется марш-бросок. Но нам надо принять одно важное решение. Первым делом пусть каждый взвод соберется вместе.

Они собрались на удивление быстро — и почти без толкотни.

— Так! — объявила капитан. — Те, кто сидел близко, уже видели, что у меня тут есть. Остальные — хорошенько посмотрите на знамя отряда. А теперь вам надо сделать выбор. Вы можете идти туда, вступить в бой — и надеяться, что на вас никто не обратит внимания. Или вы можете пойти, вступить в бой и показать им, что вы здесь. Которые взводы не хотят нести знамя в свой первый бой? Поднимите руки и назовитесь!

Тесно сдвинувшиеся взводы вдруг затихли и замерли почти без движения. Капитан позволила молчанию затянуться, а потом улыбнулась своим солдатам.

— Черт! — громко объявила она. — Теперь у меня новая проблема. Но учтите: это — вопрос серьезный. Тот взвод, который будет нести знамя, вызовет на себя сильный огонь. Будет много шума — и так будет всегда. Вам придется двигаться с ним, защищать его — и, что самое важное, принести его обратно целым.

Нелирикк высоко поднял штандарт, ощущая, как сердце его наполняется радостью. Да, капитан была настоящим командиром. Предложив взводам знамя, она без труда создала конкуренцию. Это была проверка готовности, когда командиры смотрят, что нужно исправить, какое оружие плохо готово, у которого взвода ножи не на месте.

Грузовик взвыл, накренился и резко остановился, так что у всех позвонки затрещали. Через дверь Нелирикк увидел лес, поднимающиеся среди него холмы и заросшую дорогу, по которой грузовику уже было не проехать.

— Все выходят! — скомандовали новоиспеченные сержанты. — Строиться!

— Солдат Красавчик. — Голос капитана почти заглушил шум высаживающегося отряда. — Поручаю тебе честь пройти со знаменем отряда к третьему взводу и передать его знаменосцу.

Он замер и только через три секунды вспомнил о том, что надо дышать.

— Капитан, — сказал он, хотя ему не подобало напоминать капитану о таких вещах, — меня нет в иерархии командования.

Она ухмыльнулась.

— Это приказ, Красавчик. И не забывай: инициатива всегда наказуема.

Фендор
Штаб-квартира наемников

Охранник у входа посмотрел сначала на Нову, одним взглядом отметив кожаный костюм, лицо, хмурый вид. Второй взгляд захватил и Лиз, которая непринужденно кивнула и подняла два пальца в небрежном салюте. Охранник кивнул в ответ.

— Назовитесь.

— Лизарди, — сказала Лиз и дисциплинированно посмотрела в объектив определителя сетчатки. Прибор утвердительно пискнул, и охранник снова повесил его себе на плечо.

— А она?

Резкий кивок в сторону Новы, которая стояла рядом — молча и удивительно терпеливо.

— Со мной.

— Новобранец?

Вопрос был откровенно недоверчивым.

— Потенциальный клиент.

Лицо охранника прояснилось. Он кивнул Нове и нажал кнопку у себя на ремне. Дверь у него за спиной отъехала в сторону, и охранник отошел, пропуская их внутрь.

— Записал вас в Приемную. Сопровождающий нужен, командор?

— Спасибо, я дорогу помню, — ответила Лиз и пошла по коридору.

Нова йос-Галан уважительно шла за ней, отстав на два шага.

Штаб-квартира на Фендоре служила и для жилья, и тут всегда царило оживление. А сегодня вечером помещение было битком набито наемниками. У многих за плечами были вещмешки. Лиз нахмурилась. Что-то происходит. И явно что-то значительное. Она задержалась на полсекунды, пропуская шестерых механиков с вещмешками.

— Похоже, набрать отряд будет сложно, — тихо сказала она поравнявшейся с ней Нове. — Сдается мне, что происходит что-то серьезное.

— Просто отведите меня в Приемную, Анжела Лизарди. Я не предвижу проблем с наймом.

Лиз хмыкнула и постаралась по возможности ускорить шаги. Через пару минут она свернула направо, в Приемную, где оказалось еще более людно и суматошно, чем в центральном коридоре. Она пробилась к стойке, не следя за тем, держится ли лиадийка рядом с ней. Добравшись до свободного места у стойки, она радостно ухмыльнулась при виде знакомого лица.

— Эй, Роско!

Коренастый человечек за главным монитором поднял голову, блеснув лысиной под яркими лампами. Глаза цвета изюмин скользнули по толпе — и остановились на Лиз. Громадные усы — совершенно черные, словно ему было двадцать, а не под шестьдесят — встопорщились в улыбке.

— Лиззи! Так я и знал, что ты не усидишь в своей норе! Иди сюда и говори, кто у тебя.

Она покачала головой, подошла к нему, перегнулась через стойку и схватила его за плечи.

— А что стало с твоей косичкой? — осведомилась она, вспомнив блестящую полуметровую косичку, которой он гордился даже больше, чем усами.

Роско поморщился.

— А! Продал, чтобы купить жене часы. Но знаешь что? Эта сучка все равно меня бросила! — Он захохотал — зычно, как должен был бы смеяться человек вдвое крупнее него, — схватил ее за локти и сжал их. Бережно, потому что Роско был сильнее, чем казался с виду. — Выглядишь отлично, Лиззи. Я через два часа сменюсь. Задержись тут, и устроим проверку матрасов на прочность, идет? Я запишу тебя во вторую партию. — Он отпустил ее руки и вернулся к компьютеру. — Говори, кто у тебя.

— У меня никого нет, — негромко сказала Лиз.

— Мы хотим нанять людей, — добавила подошедшая к ней Нова.

Роско снова поднял голову, моргая жесткими темными глазками.

— Наниматель? Придется подождать. Судзуки нанимает всех, кто может держать оружие. — Он замахал на них руками. — Возвращайтесь денька через два-три, может, у нас и останется для вас пара учеников.

Нова покачала головой.

— У меня срочное дело и я найму солдат, — сказала она твердо, но без гневной вспышки, которую ожидала Лиз. — Пожалуйста, дайте людям знать, что я предлагаю вдвое больше, чем Судзуки.

Роско секунды три смотрел на нее, а потом перевел взгляд на Лиз.

— Кто она, к черту, такая?

— Я заплачу, — заявила Нова, не дав Лиз возможности ответить, — в кантрах.

Роско поджал губы.

— Она не в себе? — спросил он у Лиз.

— Можно сказать и так.

— Ладно. — Роско снова посмотрел на Нову. — Вы не в себе. Вам нужны солдаты. Вы платите в кантрах. Я все равно ничего не могу сделать. Разговаривайте с Судзуки, попытайтесь уладить все с ней. Тогда я введу все сведения в компьютер. Ичи?

— Су бей, — неожиданно ответила Нова. — Где я могу найти Судзуки?

— Оставайтесь тут. Я ее сюда приведу. Такое я пропускать не намерен. — Он ухмыльнулся и повернул какой-то включатель на пульте. — Судзуки, зайди в Приемную, — сказал он в микрофон. — Тут тебе кое с кем надо встретиться.

Нова ожидала увидеть вторую такую же, как Анжела Лизарди, — жилистую, грубоватую, высокую. Но женщина, перед которой через несколько минут расступилась толпа, оказалась не выше ее самой. Судзуки была крепкая и деловитая. Волосы у нее были очень короткие и очень черные, а раскосые глаза, напоминавшие осколки синего льда, смотрели на мир со спокойного и решительного лица.

Нова выпрямилась: если сам Вал Кон признал в Анжеле Лизарди Первого представителя, тогда подходившая к ним женщина определенно была Делмом.

Женщина остановилась на краю толпы и кивнула.

— Привет, Лиз! — проговорила она негромким ясным голосом. — Ты будешь нам нужна.

— Роско уже сказал, — как всегда лаконично отозвалась Анжела Лизарди. — Но я здесь вот с ней.

Она кивком указала на Нову, и та оказалась под пристальным взглядом раскосых синих глаз. Владелица этих глаз поклонилась — и это был не безликий земной поклон, заменяющий ру-

копожатие, а нечто, сильно похожее на должное приветствие незнакомых людей одного положения.

— Судзуки Риальто, старший командор, отряд «Гирфальк».

Нова поклонилась ей как равной и прочла в синих глазах искру уважительного интереса.

— Нова йос-Галан, Клан Корвал, — представилась она.

Может быть, было не слишком разумно называть свое истинное имя в этой толпе незнакомцев, но с благородными людьми хочется вести себя благородно. Она выпрямилась.

— Возможно, вы знаете нас как Семью Дерева и Дракона.

Интерес старшего командора стал острее.

— Действительно, наш отряд в прошлом вел дела с Деревом и Драконом. Чем я могу быть вам полезна, сударыня?

Прекрасно. Перед ней человек порядочный и сообразительный. Нова наклонила голову.

— У меня возникла необходимость в солдатах, командор. Много солдат и безотлагательно. Вот этот человек, — тут она кивнула в сторону Роско, — сообщил мне, что вы нанимаете всех, кто способен держать оружие. Я заявляю, что мое дело по крайней мере такое же срочное, как ваше, и прошу, чтобы мы действовали совместно и на равных.

Она услышала, как Анжела Лизарди скептически хмыкнула, но не удостоила ее взглядом. На лице Судзуки Риальто отразился слабый интерес и тень сожаления.

— Мне, безусловно, неприятно отказывать Дереву и Дракону в такой любезности, — проговорила она в соответствии с этикетом. — Однако моя проблема важнее всего, что существует в этой галактике или даже соседней. Буду говорить с вами открыто, сударыня. Вы простите меня, когда узнаете, что мои люди оказались на планете, атакованной икстранцами.

Взмахом изящной руки она указала на замолкшую толпу.

— Здесь вы видите спасательный отряд. Вы можете предложить гораздо более высокую плату, нежели я. По правде говоря, я в этом не сомневаюсь. Но я не думаю, чтобы вам удалось нанять хоть одного солдата, пока мы не спасем наших товарищей.

Но Нова уже воззрилась на нее, ощущая, как в ее душе поднимается чувство изумления — и привкус, явный привкус удачи: проклятого и благословенного дара Клана Корвал.

— Атакованной икстранцами? — переспросила она, чтобы выиграть время и освоиться с неожиданным поворотом событий, а потом покачала головой, как это часто делала ее мать — чтобы выразить не несогласие, а изумление и недоумение. — Командор Риальто, возможно, у нас общая цель.

Судзуки Риальто вопросительно склонила голову.

— Прошу вас объясниться.

— Мой брат находится на этой планете. Ее местное название — Литаксин. И спутница жизни моего брата тоже.

— Это она про Рыжика, — вставила Анжела Лизарди, и командор резко повернулась к ней. — Так она говорит, — добавила Лиз. — Сама я в это не очень-то верю. Когда я с ней говорила в последний раз, она назвала его напарником. — Она ткнула пальцем в Нову, которая изумленно выгнула бровь. — Покажи-ка Судзуки свой портрет, Блондиночка.

Нова достала из нарукавного кармана альбомчик, открыла его и протянула Судзуки Риальто. Взглянув на изображение, командор расхохоталась.

— Это он-то? Когда я в последний раз их видела, похоже, что она готова была его не то целовать, не то убить.

Нова почувствовала, что ее губы невольно растянулись в улыбке: она вдруг посочувствовала своей новой и пока незнакомой сестре.

— Когда имеешь дела с моим братом, такая дилемма возникает постоянно, — серьезно сообщила она, закрывая альбомчик и пряча его обратно в карман.

Судзуки ухмыльнулась, а потом на ее лице появилось расчетливое выражение.

— Похоже, сударыня, вы не ошиблись, говоря, что цель у нас общая. Хочу указать на то, что я умею нанимать и экипировать солдат — как и командор Лизарди. А вы, возможно, обладаете навыками в той области, где на данный момент у меня возникли проблемы.

Нова вежливо кивнула, признавая истинность слов своей собеседницы и выражая готовность выслушать ее.

— Каким образом я могу содействовать вам в достижении нашей общей цели, командор?

Синие глаза посмотрели на нее в упор. Это действительно был взгляд Делма.

— Нам нужны корабли, — сказала Судзуки Риальто.

Тут Нова искренне улыбнулась и поклонилась.

— Действительно, я могу найти корабли.

— Так я и подумала, — серьезно проговорила Судзуки, протягивая ей руку. — Давайте пойдем и обсудим детали. — Тут она взглянула на Первого представителя Мири Робертсон. — Лиз? Ты с нами?

— Меня и целая армия не остановила бы.

Граница территории Клана Эроб
Зона боевых действий у карьера

На пути от зарослей кустарника к входу в карьер снова появилась возможность убивать икстранцев: Дастин прикончил двоих, а Шан — троих. Один раз — в результате удачного выстрела в густую листву на вершине дерева в ответ на едва слышный, но неуместный шорох.

Но вот карьер... Карьер стал центром серьезного боя.

— Похоже, им нужна ваша шлюпка, сэр, — прошептал Дастин, когда они пригнулись за удачно расположенным камнем. Шлюпка осталась точно на том месте, где он ее оставил: она стояла у входа в карьер, ближе к линии обороны наемников, на которых наступали икстранцы.

— Действительно, похоже, капрал. Но зачем она им? Горючее в ней закончилось. Она не вооружена. Конечно, на ней есть рация, но икстранцы должны были бы иметь свои собственные средства связи!

Дастин бросил на него странный взгляд.

— Кто знает, почему икстранцы делают то или иное? Может, она нужна им как боевой трофей. Важно другое: если они считают, что ради нее стоит спорить, то мы должны позаботиться о том, чтобы они ее не отспорили.

На данный момент казалось, что наемники субкомандора Критулкаса в этом споре не уступают. Икстранцы, в обилии рассыпанные среди деревьев напротив карьера, живо участвовали в диспуте, но не пытались продвигаться вперед. Шан чуть ниже пригнулся за камнем, обдумывая этот факт.

— Не присутствуем ли мы при отвлекающем маневре, капрал? — спросил он через несколько секунд. — Или они дожидаются друзей?

— Трудно сказать, сэр.

Дастин зашевелился, осторожно готовя винтовку к стрельбе. Шан проследил, как он прицеливается, потом посмотрел на противника и выбрал мишень для себя.

Спор продолжался, и вдруг икстранцы зашевелились, сурово двинувшись вперед. Позади них в глубине леса обострившийся слух Шана уловил шум тяжелой машины, слышный даже за звуками стрельбы. Он быстро посмотрел на Дастина.

— В лесу двигается что-то крупное.

Капрал кивнул. Лицо у него было бледным, за исключением тонкой струйки крови на щеке, где его задел осколок камня.

— Чувствую, — ответил он, стискивая зубы. — Готовьтесь отступить, сэр. Они дожидались, чтобы к ним подошел броневик.

И вокруг себя Шан ощутил... пустоты: наемники стали исчезать со своих позиций, один взвод за другим. Напротив него икстранцы двигались вперед, и приближающийся броневик уже грохотал так сильно, что в голове и груди ощущалась дрожь.

— Пора, — сказал Дастин. — Отходим.

Шан кивнул и услышал, как его напарник уходит. Шан пытался вспомнить свое недолгое пребывание в лагере наемников и сообразить, попадалось ли ему на глаза оружие, которое могло бы пробить броню.

«Куда, — подумал он, — они отходят, чтобы можно было устоять против танка?»

Пуля попала в валун, за которым он прятался, брызнув ему в лицо каменной крошкой. Шан пригнулся, нашел стрелявшего — и выстрелил. Икстранский солдат вывалился из-за куста, оказавшегося недостаточно густым, чтобы спрятать его, и больше не шевелился.

Шан понял, что остался на позициях наемников в одиночестве и вот-вот будет захвачен икстранцами. Однако зачем ему отходить, когда именно здесь находится средство, с помощью которого можно уничтожить приближающийся танк?

В конце концов аккумуляторы шлюпки по-прежнему работают. И нужна всего секунда, чтобы устроить им перегрузку.

Приняв решение, Шан наконец начал передвигаться от укрытия к укрытию, тщательно выбирая каждую следующую перебежку так, чтобы приближаться к шлюпке.

Красавчик отставал от нее на два шага, вооруженный как офицер и почти не производя шума — чего нельзя было сказать про остальной отряд.

Нерегулярные двигались по лесу с мерным треском, и тут уж ничего нельзя было поделать. А потом вдали раздался один громкий удар, словно взорвалось нечто очень крупное.

Это было странно. Звук не походил на выстрел снаряда или ракеты, как и на взрыв, сопровождающий попадание. И это определенно не мог быть склад боеприпасов, потому что Мири знала: у Критулкаса было только то, что они носили при себе.

Ее солдаты проявили себя неплохо: не остановились, когда застрекотали автоматы.

Шум выстрелов был громким и незнакомым, так что она начала нервничать: раз она не знает этого звука, значит, скорее всего это стреляют икстранцы.

Боевой штандарт двигался примерно в двадцати шагах перед ней, плотно обернутый вокруг древка. Взвод, которому он был поручен, выдвигался вперед. Похоже, они решили, что покажутся, развернут флаг — и икстранцы так перепугаются, что улетят в космос без корабля.

Ага, как же.

Главное было просто вступить в бой. Икстранцы, даже если их много, наверняка вынуждены напрягаться, ведь под командой Критулкаса находятся почти исключительно бойцы отряда «Гирфальк».

Походный комм у нее в кармане не сигналил, что было добрым знаком: значит, у Джейса и отряда, оставшегося охранять лагерь, все тихо. Было бы обидно, если после окончания веселья Нерегулярным оказалось бы некуда вернуться.

Она дала сигнал остановиться и поманила к себе трех лейтенантов. Один из них часто здесь охотился.

Красавчик уже был рядом, спиной к ней. Он нес собственную выкладку и две запасные коробки боеприпасов для пулемета того взвода, который нес знамя, — и не жаловался, и не замедлял шага. По сигналу остановиться он поставил коробки на землю и моментально занял позицию ее телохранителя.

Мири обратила внимание на то, как он наблюдает за окрестностями: взгляд вниз, на корни деревьев, взгляд выше, еще выше. И повсюду глаза задерживаются достаточно долго, чтобы заметить пятно цвета или движение. Новички либо пристально смотрят в одну точку, словно ждут, что у нее вырастут крылья, или крутят головой так быстро, что теряют ориентировку.

Мири сделала паузу, чтобы спланировать следующий этап перехода. Звуки с запада были слышнее всего. Лейтенант из местных решил, что бой сосредоточен в районе старого карьера к югу от лагеря наемников. Это хорошо, если означает, что Критулкасу удалось связать икстранцев. Но стрельба становилась все интенсивнее...

Она кивнула, неохотно разделив взводы на две группы. Меньшая группа из четырех взводов под командованием местного лейтенанта пойдет вверх по склону. Ближе к карьеру они пойдут по тропе, которую он знает.

Ее основная группа из шести взводов пойдет прямо по главной дороге, рассчитывая, что субкомандор со своими наемниками по-прежнему владеет ситуацией.

Она почувствовала на себе пристальный взгляд — и обернулась к Красавчику.

— Что тебе в темечко стукнуло?

— Ничего не стукнуло, капитан. Прикрытия с воздуха нет. На деревьях засады не видно. Подслушивающих устройств тоже нет.

Мири мысленно вздохнула.

— Я хотела спросить, что тебя гложет? Что мне следует знать?

— Капитан, был только один сильный взрыв. Если бы там была артиллерия, она уже действовала бы. У нас только сто человек. Вероятно, противостоящий нам отряд более многочислен.

— Прекрасно. Силы выравниваются.

Она не знала, дошел ли до него ее сарказм. Он просто кивнул и спросил разрешения попить из своей фляжки, поскольку бой может начаться в любой момент.

На секунду стрельба в отдалении почти стихла, а потом возобновилась, став еще интенсивнее.

Мири понимала, что значат эти звуки: одной из сторон удалось собрать силы для атаки. Басовитый равномерный огонь «Парадиза-88» заставил ее предположить, что икстранцы идут в атаку на хорошо защищенные позиции.

Она подождала, чтобы лейтенанты передали ее приказ сержантам, а потом двинулась дальше — и звук шагов уже не казался таким громким на фоне все усиливающегося шума боя.

Четыре взвода под командованием местного лейтенанта растворились среди деревьев — в меру своего умения. Основная часть отряда отправилась дальше под звуки выстрелов, в едком дыму боя. Продвижение вперед вдруг резко остановилось. Солдаты попадали на землю, укрываясь от огня. Впереди в лесу было шумно — похоже, там уже никто не старался не быть услышанным.

Мири упала, ощущая присутствие Нелирикка: тот занял позицию телохранителя, защищая ее от нападения сзади, — и при этом благодаря своему росту он мог видеть то, что происходило впереди.

Шум оборвался так же неожиданно, как и начался, а потом послышались более отдаленные звуки — какой-то отряд уверенно шел вперед. Мири поползла к одному из лейтенантов, но тут лес вблизи взорвался оружейным огнем.

Противник оказался выше по склону: Мири вдруг различила движение и услышала выстрелы нескольких десятков незнакомых винтовок. Потом раздалось громкое шипение, взрыв и крик — но теперь уже стало понятно, кто есть кто, и ее отряд впервые открыл огонь по врагу.

Было ясно, что они наткнулись на икстранцев, совершавших обходной маневр, которому, видимо, пытался помешать огонь из «Парадиза-88».

Теперь наступил их черед. Она дала своим взводам команду занять линию обороны и попыталась спрямить изгиб, который мог оказаться опасным. Похоже, народ на склоне не ожидал такого количества людей, но все равно готов был вести бой.

Сказать точно было трудно, но казалось, что на склоне появляется все больше и больше икстранцев, словно весь чертов десант попытался пойти в обход.

Нерегулярные отвечали на огонь, но передний взвод оказался в плохом положении — его могли отрезать. Икстранцы сосредоточили огонь на этом взводе. На склоне их было много: похоже, готовилась атака.

Мири вытащила из кармана свисток, просигналила, требуя внимания, а потом двойной свисток, означавший короткое отступление. Ее солдаты стали стрелять гораздо реже: каждый постарался отползти назад на пять метров, как они делали это на учениях.

— Красавчик, что там наверху? Готовится атака? — крикнула Мири.

— Да, капитан. Мне это кажется вероятным.

— Скажи той команде, чтобы заводили свою игрушку. И побыстрее!

Нелирикк пополз к команде, все еще не развернувшей обернутый вокруг древка штандарт. Он потащил к ним коробки с запасными боеприпасами, задержался, чтобы указать им на наиболее вероятное направление движения вниз по склону...

Тарахтение «Стернбаха» звучало на удивление отрадно. Конечно, это не «Парадиз-88», но и он сойдет. Мири снова посмотрела на окруженных дымом пулеметчиков.

Хреново. Теперь начнется.

Пулеметчики сидели под прикрытием поваленного дерева, а боевой штандарт Нерегулярных бросал вызов неприятелю.

Неожиданно вверху, на склоне, появилось цветное пятно — и заполоскалось на ветру кроваво-красное полотнище.

Нелирикк вдруг оказался рядом. Он низко пригибался к земле, а на его лице сияла радостная улыбка.

— Капитан, против нас сражается Штурмовой отряд Двадцать Два. Они славятся своими атаками!

Она выругалась, но Нелирикк не услышал: в этот момент лес взорвался воплями икстранцев и атака началась.

Времени на тонкости не было. Мири просвистела сигнал, передававший командование взводами сержантам. А когда она повернулась, чтобы повторить сигнал в другом направлении, то увидела позади икстранцев.

Этот бросок имел целью пулеметчиков. Отряд самостоятельно двинулся во фланг — икстранцы направились туда же.

Молодой солдат — один из добровольцев-беженцев — упал всего в трех шагах от них. Выстрелом у него снесло пол-лица. Мири рванулась вперед, подхватила его винтовку и начала стрелять по приближающейся волне. «Стернбах» поддерживал свою сторону беседы, а «Парадиз»...

У ее ног упал убитый икстранец, и короткий резкий звук пистолетного выстрела у нее за спиной сказал ей, что надо обернуться.

Пистолет выстрелил снова, и мимо нее пролетел раненый икстранец. Он начал было подниматься, и она убила его, а потом развернулась к лесу клинков: волна икстранцев встретилась и слилась с Первым Литаксинским Нерегулярным.

Мири выстрелила, уложила своего противника, нашла новую мишень и услышала крик Нелирикка:

— Ядак!

Клинок стремительно рванулся вниз, смертельно-яркий в огромной лапе. Она вскинула винтовку, чтобы остановить его...

Сверху и сзади вынеслась рука Нелирикка, выбив нож у икстранца. В следующую секунду пальцы Нелирикка сомкнулись на вражеском горле, раздавив его, и он взревел:

— Нерегулярные! Нерегулярные!

«Стернбах» снова затарахтел, и новые голоса подхватили клич «Нерегулярные!», и флаг поднялся еще выше.

У Нелирикка была перевязана рука, но вся его забота принадлежала штандарту. К древку он кверху ногами прикрепил знамя Штурмового отряда Двадцать Два.

Мири ждала новых сведений об убитых, наблюдая, как пулеметчики заботливо разбирают и чистят свой «Стернбах».

— Красавчик, — спросила она наконец, — что такое «ядак»?

— Докладываю, капитан. — Он старательно смотрел не на нее, а на флаг. — Ядак — это было боевое прозвище мертвеца. Оно ничего не значит.

Мири кивнула. Этого она и опасалась.

— Значит, ты знал того парня. Мне очень жаль...

Он пожал плечами, и Мири показалось, что его беспокоит не только рана.

— Ядак сделал много ошибок, капитан. Он вступил в Четырнадцатый Корпус Завоевания. Он прилетел с ними на эту планету. Он добровольно вызвался стать членом Штурмового отряда Двадцать Два. И он напал на моего капитана с мачете, когда она командовала отрядом, на флаге которого символ самого Джелы.

— Ты хочешь сказать, что ему следовало быть умнее?

Он ответил не сразу.

— Капитан, мы с Ядаком оба обучались у Джелы. Он ушел из родного отряда раньше меня: хотел воевать. — Он устремил на нее мрачные голубые глаза. — Ядак не верил в традиции. Но — да, капитан. Ему следовало быть умнее.

Какое-то время статус спасательной шлюпки номер четыре оставался неизменным. Рен Зел прикоснулся к кнопке на главном пульте.

— Рубка!

Голос Расти Моргенштерна охрип от усталости.

— Говорит мостик, радист, — проговорил Рен Зел настолько мягко, насколько это позволял лишенный модальностей земной язык. — Пожалуйста, будьте любезны направить лазерный пучок по следующим координатам. — Нажатие кнопки передало их с его компьютера на компьютер Расти. — Сообщите на мостик, как только установится режим диалога.

— Будет сделано.

— Спасибо, — проговорил Рен Зел и на секунду замялся, подыскивая нужные обороты. — Пожалуйста, все-таки воспользуйтесь своим временем отдыха, радист. Кораблю нужно, чтобы вы были бодры.

Наступило недолгое молчание, потом звук, напоминающий невольный смех.

— Поймал меня, да? Лягу, как только мы свяжемся с Шаном. Рубка, конец связи.

— Мостик, конец связи.

Он вернулся к своим обязанностям. Наблюдатели не замечали ничего, что внушало бы опасения. Похоже, при первом же столкновении им удалось внушить икстранцам уважение к себе.

Или икстранцы просто выжидали.

Как бы то ни было, «Долг» продолжал двигаться к Литаксину по спиральной орбите. Рен Зел включил дополнительный экран и начал рассчитывать векторы сближения, сравнивая различные орбиты с точки зрения наиболее эффективной защиты находящегося под ними мира...

В какой-то момент он заметил чье-то присутствие и, подняв голову, увидел, что рядом с ним стоит Присцилла Мендоса и не сводит глаз с экрана слежения.

— Спокойная вахта, первый помощник?

— Спокойная, капитан. Спасательная шлюпка приземлилась. Рубка пытается наладить связь. Икстранцы ведут себя... осмотрительно.

— Икстранцев следует с этим поздравить, — отозвалась она и, оторвав наконец взгляд от экрана, улыбнулась своему первому помощнику.

Рен Зел похолодел — но в эту секунду она положила руку ему на плечо. Это было прикосновение сестры: оно грело, но причиняло невыразимую боль тому, кого три кровные сестры считают умершим для них.

— Это — Оружейная Палата, — объясняла стоящая перед ним женщина. Ее низкий голос был звучным, черные глаза яростно полыхали. — Я же говорила, что мне нужно сделать некие приготовления. Ради корабля.

— Говорили. — Он прокашлялся. — Просто было неожиданностью...

Она рассмеялась — громко и искренне, заставив вахтенного пилота на секунду обернуться через плечо. Правда, он тут же снова сосредоточился на своем пульте.

— Ну конечно же! Это и для меня было почти неожиданностью, а ведь я бывала в Оружейной Палате несчетное число раз.

Ее взгляд снова устремился на экраны, на миг задержался на том углу, где отражалось положение спасательной шлюпки номер четыре, а потом переместился на экран с расчетами.

— Вы рассчитывали орбиты обороны. Хорошо. Нам также нужно взять в вилку этот военный корабль. Вам удалось обнаружить систему защиты?

— Осколки ее, — ответил Рен Зел, вызывая соответствующей кнопкой схемы. — Судя по корабельным данным, существовала

спутниковая система защиты — на орбитах, близким к орбитам этих скоплений обломков. — Он заглянул в эти яркие черные глаза. — Икстранцы поработали как следует.

Она кивнула.

На главном пульте зажегся индикатор внутренней связи.

— Говорит рубка.

Капитан Мендоса перегнулась через плечо Рен Зела и включила связь.

— Привет, Расти.

— Капитан, — серьезным тоном отозвался связист. — Хотел сообщить вам — на лазерный пучок ответа нет.

Рен Зел застыл, наблюдая за профилем капитана, не разрешая себе отчаиваться. Ведь в конце концов существовало немало причин, по которым спасательная шлюпка не могла бы отозваться на вызов по лазерной связи, и не каждая была... мрачной.

— Понятно, — негромко сказала капитан. — Продолжайте попытки через каждые четверть витка. Когда ответ будет получен, немедленно известите меня.

— Да, мэм. Будет сделано.

— Хорошо, — сказала она. — И вот что, Расти...

— Рен Зел уже устроил мне выволочку, — прервал он ее. — Я передаю вахту Тони и Лине и отправляюсь на боковую.

— Лине? — недоуменно переспросила капитан.

— Да, Лине, — решительно отозвалась из рубки библиотекарь. — Я говорю по-икстрански, Присцилла.

— Правда?

— Конечно, — ответила Лина, как будто в такой способности не было ничего необычного. — А почему бы и нет? Разведчики снабдили меня материалами. Если бы я оставила такой подарок без внимания, это было бы нехорошо.

— Конечно, — серьезно отозвалась капитан, но Рен Зелу показалось, что кончики ее губ задрожали. — Работайте. Конец связи.

— Конец связи, — сказала Лина.

Индикатор связи потух, и капитан снова перевела свои яркие глаза на него.

— Кстати о сменах, первый помощник. Полагаю, ваша вахта закончилась.

Он начал было вставать с кресла, но тут его взгляд снова скользнул по экранам.

— Капитан... — заговорил он — и замер.

На третьем экране, там где за секунду до этого приборы показывали только чистое пространство, появилось пятно темноты.

— Блохи, — проговорил он, а его пальцы уже набирали команду общей тревоги. — Всем, всем! Внимание! Блохи в секторе три! По боевым постам! Полная боевая тревога!

Рядом с собой он услышал — нет, ощутил — судорожный вздох, и, повинуясь какому-то таинственному инстинкту, его глаза обратились туда, где на экране должны были высвечиваться координаты четвертой спасательной шлюпки...

И вместо этого прочел жесткое послание следящего компьютера: «КОНТАКТ УТЕРЯН. СПАСАТЕЛЬНАЯ ШЛЮПКА ЧЕТЫРЕ ЗА ПРЕДЕЛАМИ СЕТКИ».

Взрыв оказался... свыше того, что он ожидал.

Когда земля перестала дыбиться, Шан благоразумно дал себе несколько секунд на то, чтобы заново привыкнуть к не столь изменчивому состоянию, и сел, стряхивая с себя веточки и камешки.

Он ожидал, что перегрузка аккумуляторов даст заметный... результат, так что постарался отойти на разумное расстояние от эпицентра, длинноногим зайцем метнувшись через лес. Под мышкой у него была зажата стазисная шкатулка, в другой руке — икстранская винтовка. Он упал за показавшийся надежным валун и уткнулся лицом в дерн.

Взрыв был куда сильнее, чем ожидал Шан. Взрывная волна повалила деревья, расколола валуны чуть поменьше того, что стал его укрытием, и взметнула в небо тонны земли и камней.

После взрыва наступила тишина — такая глубокая, что Шан обеспокоился, не оглушило ли его. Он встал — с трудом, но не выпустив из руки винтовки — и утер лицо рукавом кожаной боевой куртки. Тишина была пугающей. Завалы из веток и выкорчеванных корней — ошеломляющие. Если последняя служба спасательной шлюпки вызвала такие разрушения здесь, то как должно выглядеть место взрыва?

— Право, Шан, — проговорил он и с облегчением услышал собственный голос, пусть неясный и хриплый. — Ты ведь мог кого-нибудь убить!

Он вдруг снова сел за камнем, стиснув зубы, чтобы не дать вырваться звукам, которые с равной вероятностью могли быть хохотом или рыданием. Инстинктивно он начал проверку.

Винтовка осталась цела, магазин — полон. Икстранский солдатский пояс с патронами, оказавшийся слишком большим для его талии, был надет наискось через грудь, как патронташ. Икст-

ранский кортик, который Дастин снял вместе с поясом, висел так, чтобы его легко было выхватить правой рукой.

Пересчитав и проверив оружие, он переключил внимание на стазисную шкатулку. Она помялась, Дерево и Дракон покрылись царапинами, но герметичность не нарушилась. Убедившись в этом, он улыбнулся и приложил ладонь к исцарапанному гербу.

«В тебе чувствуется Дракон...»

Он резко тряхнул головой.

«Присцилла, — подумал он с мукой, — не сможет спокойно принять известие о том, что шлюпки в сетке слежения больше нет». Но если бы они поменялись местами, он сам отреагировал бы точно так же. Оставалось только надеяться, что у его спутницы жизни хватило бы ума не взрывать летательный аппарат с гиперпространственным двигателем на поверхности планеты.

Край тишины стали обкусывать какие-то звуки. Шан поднял голову, прислушался — и разобрал звуки выстрелов в некотором отдалении, на востоке.

Кивнув самому себе, он встал, поднял свою драгоценную шкатулку и винтовку и огляделся.

Упавшие деревья служили даже слишком хорошим укрытием, но оказавшиеся на земле ветки представляли собой скорее помехи, чем помощь. Вот почему он потратил несколько секунд, чтобы спланировать свой маршрут: от этого валуна до вон того ствола, потом — к тому дереву, потом — к тому, а потом — к большому рыжему камню, где он высмотрит вехи следующей перебежки.

Шан проделывал уже третий этап передвижения в сторону звуков боя, когда его открытые чувства Целителя уловили знакомое мерцание ауры. Он изменил направление и очень скоро увидел вымазанное грязью лицо капрала Дастина.

— Сэр! — В глазах цвета корицы читалось искреннее облегчение и немалая доля опаски. — А я уж решил, что мы вас потеряли!

— Только временно, как это ни прискорбно для вас, — ответил Шан, устраиваясь за стволом, служившим капралу укрытием, и ставя шкатулку рядом с собой.

— Вы были рядом с местом того взрыва? — спросил Дастин.

— Боюсь, что это я вызвал тот взрыв. Если одновременно замкнуть все контуры аккумуляторов космического корабля и поставить разряд на максимум, то произойдет катастрофическая перегрузка, и примерно через пять стандартных минут можно ожи-

дать взрыва. Если вас это заинтересовало, я могу провести более точные расчеты.

— Поверю на слово, — сказал Дастин. — Сэр. — Он пожевал нижнюю губу. — А разве там не должно быть аварийного устройства, чтобы он случайно не перегрузился?

Шан посмотрел на него.

— Оно имеется.

— Конечно. — Дастин вздохнул. — Икстранский броневик?

— Я поставил бы кантру — если бы она у меня была, — что с икстранским броневиком проблем не будет, капрал. Когда я убегал, они как раз остановились, чтобы осмотреть мою шлюпку. А какое положение здесь?

— Мы довольно сильно рассредоточились. В пределах видимости человек семь-восемь. Еще с полдюжины вниз по ручью. С Джином еще пятнадцать — позади, на склоне.

Двадцать восемь солдат. Бывалых солдат, напомнил себе Шан. Солдат, знающих свое дело и действующих профессионально. Он посмотрел на Дастина.

— Нам следовало бы собраться, пройти к карьеру и занять позицию.

— Да, сэр.

Дастин опустил руку к поясу, вытащил комм и включил его.

— Диспетчер два, капитан собирается вести нас туда, откуда мы пришли.

Несколько секунд длилось изумленное молчание, а потом из комма послышался очень четкий голос субкомандора Критулкаса.

— Дай мне капитана.

Дастин передал комм Шану. Тот нашел переговорную кнопку сбоку приборчика и нажал на нее.

— Добрый вечер, сударь.

— Ты! — Голос звучал не слишком приветливо. — Ты случайно не знаешь чего-нибудь о той спасательной шлюпке?

— Мне показалось разумным устранить предмет спора, — серьезно сообщил Шан. — Особенно поскольку приближался икстранский броневик.

— Роскошно. Вот что я тебе скажу. Пусть Дастин ведет людей — он знает план. Нам прислали помощь из дома, так что начинается вторая партия. Оставайся на месте и дождись их. Оставь комм у себя и сообщай мне, что видишь. Справишься, капитан?

— Да, сэр.

— Тогда выполняй, — сказал он и отключил связь.

* * *

На пути к карьеру они выкурили две группы икстранцев. От первой встречи они получили выстрел из зенитной установки, а от второй — еще пару жертв, пока Уинстон не подполз достаточно близко, чтобы бросить им одну из самодельных гранат-сюрпризов, приготовленных Вал Коном.

Вторая группа потеряла двоих убитыми и приобрела пять винтовок, которые Красавчик назвал боевыми карабинами, с патронташами, к ним положенными. Мири вздохнула. Убитых насчитывалось уже двадцать человек — и новички. Раненых было немного больше, причем пятерым следовало уже два часа как быть в капсулах автоврача.

Зачистка продолжалась. Нерегулярные и солдаты отряда Критулкаса, присоединявшиеся по дороге, оптимистично теснили остатки икстранского десанта к карьеру — и второй линии опытных наемников.

Конечно, некоторым удастся уйти: они опередят смыкающиеся фланги, перегруппируются и, возможно, будут ждать эвакуации. Не обязательно было убить всех икстранцев, оказавшихся в заповеднике. Главное было очистить район вокруг старого карьера и держать оборону.

Мири всмотрелась в местность впереди. Они уже должны были бы поравняться с дозорными, выставленными Критулкасом в точке поворота. Там надо будет немного отклониться на юг и затянуть петлю, а потом двигаться к карьеру.

— Капитан, — сказал у нее за спиной Красавчик, но Мири уже увидела его: высокого и стройного мужчину в полевой кожаной форме с нахально переброшенным через плечо патронташем и винтовкой — точнее, офицерским боевым карабином, — который он держал наготове, но не угрожая приближающемуся отряду.

Только когда Мири вышла из строя и подошла ближе, она разглядела белые волосы, выбившиеся из-под шлема, разлетающиеся брови и серебристые глаза, уже однажды виденные ею во сне. Во сне, который был реальностью.

Она остановилась, поправила пальцем собственный шлем и заметила, что он сначала посмотрел на ее знаки различия, а потом уже — на лицо. Светлые брови взлетели вверх, сказав, что он ее узнает.

— Капитан... Робертсон?

Она вздохнула.

— Конечно, а кто же еще? С моим-то везением!

Она снова осмотрела его: помятый шлем, запачканное лицо, исцарапанный костюм и этот чертов патронташ. И карабин. Откуда, к дьяволу, у него этот карабин?

— У меня тоже день не из лучших, — проговорил брат Вал Кона голосом, который, должно быть, звучал очень красиво... примерно за пятнадцать сильных испугов до этого. — Однако мне приходится указать на то, что позади вас стоит икстранец.

Она чуть повернулась, чтобы краем глаза поймать Красавчика.

— Привыкай, — посоветовала она. — Его зовут Нелирикк Исследователь, и он принес клятву роду йос-Фелиум. — Она вытянула палец. — Красавчик, это — брат разведчика, Шан йос-Галан.

— Рад вас приветствовать, Шан йос-Галан, — произнес Нелирикк на высоком лиадийском.

Серебристые глаза на секунду закрылись, словно у брата Вал Кона только что сильно заболела голова. В общем, Мири его вполне могла понять. Потом он открыл глаза и кивнул.

— И я рад вас приветствовать, Нелирикк Исследователь, связанный клятвой с Кланом Корвал. — Он снова перевел взгляд на нее. — А где Вал Кон, — спросил он, переходя обратно на земной, — кстати говоря?

Она покачала головой, на секунду сосредоточив внимание на его узоре в своем сознании: сосредоточенный, деловитый, усердный. Он ощущает присутствие опасности, но с ним ничего плохого не происходит.

— В другом месте. С ним все в полном порядке и он будет рад тебя видеть, когда вернется в лагерь.

Он секунду не двигался: можно было подумать, решал, был ли ей смысл ему врать. Мири и в этом его не винила, а просто дождалась его кивка, а потом указала на комм, прикрепленный к его поясу.

— Критулкас велел взять тебя на зачистку, а на комме оставить Скотти, — сообщила она, кивнув в сторону ветерана «Гирфалька», тяжело опиравшегося на самодельный костыль.

Шан снова кивнул и снял с пояса комм. Мири взяла его и вручила Красавчику. Икстранец отнес прибор Скотти и наклонился, помогая ему устроиться в укрытии. Серебристые глаза следили за его действиями, а на смуглом лице отразилось нечто вроде ироничной покорности.

— Спустя какое-то время к нему привыкаешь, — сказала Мири.

Брат Вал Кона посмотрел на нее и вежливо ответил:

— Уверен, что привыкаешь.

* * *

Потертый красный жетон был у нее в руке, нагретый присутствием Шана. Живым присутствием Шана. Она то ощущала его, то нет — когда оборона занимала все ее внимание.

— Орудия три и пять, огонь по готовности.

«Долг» содрогнулся. На экране возникла дорожка чистого пространства, проложенная полосой огня, но прямо у нее на глазах она стала заполняться топкой темнотой — признаком присутствия блох.

«Всематерь, сколько же их?»

Красный жетон вспыхнул в ее пальцах, она почувствовала странный сдвиг и... Она стоит на цыпочках, глядя поверх ростков кукурузы на синее небо с неровным черным горизонтом, — и ветер от их приземления обдает ее тигельным жаром, и на их пути не остается ничего живого...

Ее рука скользнула по пульту, нажав одну кнопку.

— Машинное отделение, половину мощности на главные двигатели по моей команде. Давайте!

Вторая кнопка:

— Пилот, по моей команде ускорить вращение корабля на пятьдесят процентов.

Третья:

— Всей команде — пристегнуться! Повторяю. Всей команде пристегнуться.

Она вздохнула и прикоснулась к последней кнопке.

— Пилот, даю команду.

Корабль на секунду замер, а потом медленно начал вращение.

— Машинное отделение, когда пятьдесят процентов будет достигнуто, увеличьте мощность главных двигателей до трех четвертей от максимума.

— Машинное слушает. Есть три четверти после пятидесяти.

— Присцилла? — Вопрос прозвучал очень тихо. — Что ты делаешь?

Она повернулась к Рен Зелу, пристегнувшемуся в соответствии с приказом у запасного пульта управления, ощутила острие его страха тем чувством, которое уже не было чувством Целителя, но гораздо более пугающим Зрением, становившимся бременем каждого, кто побывал в Палате.

Она вздохнула, подавляя в себе знание его тайных страхов.

— Блохи, — ответила она в ответ на его встревоженный взгляд. — Оружие дальнего действия бесполезно. Мы можем расстрелять все наши запасы — и все равно всех их не остановим. И

нам неизвестно, скольким удалось просочиться за периметр. Если мы усилим вращение корабля...

Он кивнул.

— Те, кто еще не успел закрепиться, будут сброшены, а приближающимся трудно будет выбрать нужный вектор. А также возникнут проблемы гравитационного плана.

Он замолчал, хмуро глядя ей за спину. «Долг» все быстрее вращался вокруг них.

— С разрешения капитана, можно использовать еще один элемент защиты ближних подступов.

Она жестом пригласила его продолжать — и заметила вспышку цвета от зажатого в пальцах жетона.

— Метеоритная защита. Если вращение будет в противоположном направлении и максимально приближено к планетарной гравитации, то возникнет заряд...

...и в пространстве между кораблем и щитом возникнет эффект, сходный с мощным полярным сиянием, которое зажарит все, что окажется внутри поля.

Присцилла посмотрела на своего первого помощника, проникая чувствами за подобающую лиадийцу непроницаемость, чтобы прочесть ужас и решимость в его душе.

— Необходимость, капитан, — тихо проговорил он.

Она кивнула.

— Необходимость, первый помощник.

И нажала кнопку связи с пилотом.

Привал объявили только у крайней южной точки зачистки. Шан осторожно наклонился, поставил шкатулку между ног, выпрямился — и закрыл глаза. Ушибы перестали беспокоить его уже довольно давно: они потонули в усталости, настолько глубокой, что он готов был заснуть стоя.

Среди солдат были и такие, кому пришлось еще тяжелее, чем ему, — ходячие раненые. В матрице аур отряда он видел кроваво-красные всполохи физической боли, а также все мыслимые оттенки ужаса, стресса и горя. Закрыв глаза, он покачнулся, туманно подумав, что ему надо бы что-то предпринять. Он — Целитель. Люди нуждаются в его помощи.

Он вздохнул, быстро проделал набор упражнений для восстановления сил и ощутил вблизи себя яркую ауру спутницы жизни Вал Кона — надежный остров спокойствия сиреневого, розового и светло-зеленого.

Шан открыл глаза.

Леди Вал Кона стояла всего в полушаге от него, с нетатуированным икстранцем за спиной. Она протягивала фляжку.

— Думаю, тебе стоит попить, — сказала она. — Ты ведь свой кувшин потерял.

Вода! Эта мысль пробудила настоящий водоворот жажды. Он принял фляжку и поднес ее к губам. Вода оказалась тепловатой, со слабым привкусом пластика. Но он смаковал ее так, как не смаковал лучшие вина из знаменитых погребов йос-Галанов.

Он разрешил себе сделать два драгоценных глотка.

— Спасибо, — сказал он, протягивая «кувшин» обратно.

Она отмахнулась от него.

— Оставь себе, — посоветовала она. Взмах руки трансформировался в жест, указующий на поцарапанную и помятую шкатулку. — Что в хранилище?

Он посмотрел на нее.

— Сеянцы.

— Сеянцы, — бесстрастно повторила она и кивнула. — Красавчик понесет их за тебя.

Шан окаменел.

— Прошу прощения, — проговорил он, тщательно подбирая слова. — Наверное, я недостаточно ясно выразился. В этой шкатулке находится полдюжины заключенных в стазис сеянцев Джелаза Казон. Мой долг как пилота Клана Корвал состоит в том, чтобы доставить их в безопасное место.

Леди Вал Кона предупреждающе подняла ладошку.

— А я сказала, — твердо заявила она, — что Красавчик понесет шкатулку за тебя.

Как ни толкуй, но это был приказ. Она была спутницей жизни Вал Кона, а Наделмэ Корвал, безусловно, имела право приказывать какому-то Тоделму йос-Галану, что следует делать в вопросах Дерева и Клана. А с точки зрения солдатской премудрости шкатулка обременяла его, замедляла и понижала его боевые качества. Как командир данного военного отряда она могла спокойно приказать ему вообще бросить шкатулку, а не просто передать ее... Он всмотрелся в лицо Нелирикка, приготовился заглянуть глубже — и увидел, как великан склоняет голову.

— Будьте покойны, Шан йос-Галан, — проговорил икстранец на высоком лиадийском, — я принадлежу к собственному отряду Джелы. Сеянцы его Дерева в моих руках будут в безопасности.

— К отряду Джелы? — переспросил Шан.

«Не может быть, — подумал он сначала. — Спустя столько времени?»

«Ну как это похоже на чертовское везение Вал Кона, — подумал он потом почти истерично. — Выбрать из всех возможных именно этого икстранца!»

И тут ему в голову пришла третья мысль.

— Простите, если я касаюсь больного вопроса, — обратился он к икстранцу на земном, — но мне хотелось бы знать, не имели ли вы раньше знакомства с моим братом. Возможно, лет одиннадцать или двенадцать тому назад?

— Да, — подтвердил его догадку Нелирикк.

— И вы принесли клятву его роду? — спросил Шан. — Мне бы казалось, что вы должны были попытаться его убить!

— А он попытался, — вмешалась Мири Робертсон. — Но они договорились, что кто из них победит в вооруженном поединке, тот станет боссом. И Вал Кон победил. — Она вздернула подбородок. — Пора идти. Передай шкатулку Красавчику.

Шан послушался, хотя и испытал боль при виде того, как огромные ладони сжимают печать с Драконом и уносят шкатулку.

Шан уже не ощущал усталости, давно перейдя к состоянию отупелой гипербдительности, при которой каждое колыхание листка царапало сознание, а каждое ощущение чужих эмоций обжигало.

И чувства Целителя спасли ему жизнь.

Рисунок ауры был чужим, темным от жажды крови, с застоявшимися глубинными кошмарами. Шан заметил ее за секунду до того, как под ногой бросившегося в атаку икстранца хрустнула ветка.

Для замаха винтовкой не было места, хвататься за нож было некогда. Опускавшийся ему на голову топор был черным — он поглощал свет и был смертоносно заострен. Шан крикнул, сам не зная, что именно, и потянулся схватить щит, которым закрылся, когда Присцилла плеснула в него вином. Как это было давно: почти в другой жизни!

Топор со свистом опустился. Отскочил. Сломался.

Икстранец яростно завопил, и Шан потянулся снова, в затхлые глубины ужаса. Он выхватил оттуда извивающийся, визжащий кошмар и изо всех сил швырнул его в бодрствующий разум икстранца.

На этот раз вопль выражал не ярость. Икстранец отбросил прочь сломанное топорище. Впиваясь ногтями в глаза, он отшат-

нулся и упал назад, в кусты, откуда только что выскочил. В ту же секунду со всех сторон раздались выстрелы.

Шан отскочил влево, тяжело рухнул за ствол дерева, поднял винтовку и начал стрелять в атакующих икстранцев.

Бой был коротким, без всяких правил. Икстранцы были вооружены только стандартными карабинами и, похоже, остались без командира. Атака на проводящий зачистку отряд была непродуманной — последним отважным поступком отчаявшихся людей. Когда шум наконец стих, среди деревьев оказалось двадцать убитых врагов.

Шан бессильно обмяк за своим укрытием, прижавшись щекой к руке. В тумане усталости он думал, что, услышав приказ, он скорее всего не сможет не то что идти, а и просто встать.

Позади него листок дерева царапнул по коже — и он перекатился на спину, ловя в прицел противника...

— Спокойно, Шан йос-Галан.

Нелирикк Исследователь опустился рядом с ним — удивительно бесшумно для такого гиганта. Немного смутившись, Шан опустил винтовку.

— Капитан отправила меня узнать, ранены ли вы.

Ранен ли он? Шан попытался сосредоточиться на собственном теле, но через секунду беспомощно покачал головой.

— Просто обессилел. Кажется. Я к таким прогулкам не привык.

На лице великана отразилось изумление.

— Разве? Но ведь вы — солдат?

Шан вздохнул и снова уронил голову на землю, глядя на икстранца из-под полуопущенных век.

— Я никогда не был солдатом, — проговорил он настолько четко, насколько это позволяли его надорванные голосовые связки.

Наступило недолгое молчание.

— И тем не менее вы принесли славу отряду, потому что получить этот карабин было нелегко. Или вы убили противника издали?

— Очень даже изблизи, — заверил его Шан. — Однако следует отметить, что прежний владелец этого карабина был ранен. А у меня была очень толстая палка.

— Палка. — На невозмутимом лице появилась улыбка. — Вы действительно потомок Джелы и брат разведчика!

Прозвучал сигнал: три коротких свистка, пауза — и один длинный.

Нелирикк зашевелился.

— Это команда двигаться дальше. Соблюдайте бдительность еще немного времени, Шан йос-Галан. Мы уже заканчиваем зачистку. Когда придем в карьер, будет отдых.

Свисток снова заговорил: короткая трель. Нелирикк усмехнулся.

— Мой капитан зовет, — сказал он и исчез среди деревьев.

Спустя мгновение Шан с трудом поднялся на ноги, надел шлем и вернулся в строй.

Граница территории Клана Эроб
В тылу неприятеля

Пока данные Нелирикком сведения оказывались в высшей степени точными.

Вал Кон скорчился под не слишком надежным прикрытием в виде колесной ниши автомашины и осторожно высунул из-за него голову. Он результативно провел время в помещении с генератором и на складе боеприпасов, и ему хотелось думать, что и недавние труды в гараже окажутся достаточно успешными.

Нанося максимальный ущерб, он вел подсчеты: воздушный транспорт, наземный транспорт, продукты питания, ящики с зарядами... Подсчеты подтвердили убежденность Нелирикка в том, что Четырнадцатый Корпус Завоевания в своем стремлении к славе зарвался.

А очень скоро его ресурсы истощатся еще сильнее. В ночной тишине приближающиеся шаги звучали особенно громко. Вал Кон постарался глубже уйти в свое укрытие. Двое часовых протопали всего в полушаге от его носа, глядя прямо перед собой, надежно устроив на широких икстранских плечах свои карабины.

Вал Кон затаил дыхание, а когда солдаты прошли, тихо выдохнул воздух. Его внутренние часы говорили, что до фейерверка в генераторной остается еще два часа. У него достаточно времени, чтобы создать условия, способствующие еще большему смятению. А потом пора будет уходить к флайеру.

Осторожно, используя все свои чувства, он проверил ближайшие окрестности на присутствие наблюдателей. Не обнаружив таковых, он выскользнул из гаража и растворился в тени сбоку от пешеходной дорожки.

Спустя несколько минут он уже входил в казарму, тенью скользя между рядами коек. На секунду он задерживался у выставок солдатского оружия, устроенных в ногах каждой койки, действуя бесшумно, стремительно и уверенно.

Удача оставалась на его стороне: никто из солдат не страдал бессонницей. Правда, на какое-то время ему пришлось замереть неподвижно (его обострившиеся чувства оценили эту задержку чуть ли не как часовую): долговязое тело зашевелилось в гнезде из одеял, раздраженно приказав какому-то Гранчу не тянуть резину и немедленно стрелять из этой чертовой штуки.

Солдат успокоился, так и не проснувшись окончательно, и Вал Кон призраком скользнул дальше, а потом вышел из казармы и растворился в ночи.

В центр связи Вал Кон направился в последнюю очередь: диверсия в центре потребует очень быстрых действий и связана с наивысшим риском себя обнаружить.

Вал Кон забился в узкий темный проход между баком с водой и металлической будкой с икстранской надписью: «Опасность: Высокое напряжение». Задержавшись там, он проанализировал ситуацию.

В Центре связи ярко горел свет и кипела жизнь. У входа стояли двое часовых, кто-то постоянно приходил или уходил. Вал Кон хмуро отметил, что на испещренных шрамами лицах этих входящих и уходящих изобилуют офицерские татуировки.

Что-то произошло. И что-то значительное. Он был в этом совершенно уверен.

Он глубже ушел в тень между двумя строениями, наблюдая, как снуют офицеры. Он сверился с внутренними часами. До первого взрыва, который потрясет лагерь, оставалось пятьдесят минут. Здравый смысл говорил ему, что вряд ли за это время, подслушивая под дверями икстранцев, можно узнать нечто стоящее.

И все же... А если высадился Пятнадцатый Корпус?

Вал Кон скользнул к самому краю темноты, затаил дыхание, наметил себе путь через ярко освещенную полосу — и стал ждать. Его терпение вскоре было вознаграждено: одновременно явились трое возбужденных офицеров, начавших толкаться у дверей, и отвлекли внимание часовых ровно настолько, чтобы он успел стремительно пересечь опасную полосу света и нырнуть в тень за хлипкой времянкой. Оттуда вдоль проводов он добрался до своей цели.

Лиад
Джелаза Казон

На залитой солнцем восточной террасе Антора йос-Галан внезапно оторвалась от завтрака и, нахмурясь, обвела взглядом безлюдные газоны.

— Дживз... — негромко позвала она.

Огромный робот, стоявший позади ее стула, отозвался мужским голосом с интонациями образованного землянина:

— Работаю, мисс Антора.

— Мне представляется... что у нас гости. Четверо?

— По одному на каждую сторону света, — спокойно подтвердил дворецкий йос-Галанов. — Мне ими заняться?

Секунду она сидела молча, кусая губы и рассматривая ауру незваных гостей. Холодность, неуравновешенность, дисгармония и уродство. Каждая аура настолько походила на остальные, что можно было подумать, будто все они мыслят одним мозгом. Но — нет. Ей уже приходилось видеть подобных людей. Раз познакомившись с работой Департамента Внутренних Дел, ее уже ни с чем нельзя спутать.

— Как они сюда пробрались? — спросила она у робота.

— Проверяю файлы контроля границ. Имею отклонение длительностью в шестьдесят три секунды полчаса тому назад. Приношу вам мои извинения, мисс Антора. Они проникли через особенно устойчивую часть границы. Я вижу, что необходимо применить более сильные меры, хотя использовать принуждение неприятно.

Она повернула голову и удивленно посмотрела на шарообразную «голову» без человеческих черт лица, на секунду забыв об угрозе со стороны потенциальных убийц.

— «Принуждение»? Дживз, братья говорили мне, что пока тебя не переделали в дворецкого, ты был боевым роботом! Надо полагать, что в прошлом ты использовал принуждение.

— Можно практиковать искусство выживания, не получая от этого удовольствия, — заметил Дживз, протягивая руку с захватом к чайнику. — Могу я подогреть вам чашку?

— Спасибо, — сказала она и подала ему чашку, молча дожидаясь, пока она будет наполнена, а чайник — возвращен на место.

— Скажи мне правду, Дживз. Ты действительно был боевым роботом?

— Я много чем был, мисс Антора. Как и подобает побудительной силе Независимого Вооруженного Военного Модуля. Мне заняться теми, кто вторгся на наш газон? Это займет всего несколько мгновений.

Антора отпила немного чаю и мысленно коснулась ауры на востоке. Лениво, небрежно, почти весело она применила свою волю к уродливой холодности. И ощутила, как что-то сдвинулось внутри конструкции, воздвигнутой Департаментом Внутренних Дел.

Антора сделала еще глоток, по-земному покачала головой и неспешно отставила чашку в сторону.

— Нет, — ответила она роботу, — не трогай их. Они здесь не задержатся.

Граница территории Клана Эроб
Зона военных действий

Джейсон невозмутимо выслушал его, а потом встал и направился в дальний угол палатки.

— Кофе, парнишка? Не очень свежий, но чай еще хуже.

Вал Кон откинулся на спинку раскладного стула. Теперь, когда все закончилось, он мог позволить себе почувствовать усталость.

— А вода есть?

— Вот уж что есть, то есть.

Он услышал тихое позвякивание и звук льющейся жидкости, а потом Джейсон снова устроился за столом, обхватив большими ладонями стальную кружку, над которой поднимался пар. Вал Кон взял свою кружку, закрыл глаза и сосредоточился на блаженном вкусе воды, освежившей его пересохшее горло.

Внезапно Джейсон вздохнул, нарушив тишину.

— Значит, икстранцы сосредоточивают силы в нашем направлении. Не самые лучшие новости недели, но ничего неожиданного. Иначе зачем тебе было проводить столько времени с людьми Клана Эроб, сея на их территории все эти маленькие свидетельства уважения?

Вал Кон открыл глаза.

— Было бы лучше, чтобы они так далеко не продвинулись.

— С этим я спорить не стану, — согласился Джейсон и поднял кружку, чтобы отпить несвежего кофе.

Вал Кон снова выпил воды и впервые за много дней позволил себе прикоснуться к тому месту, где жила в нем мелодия Мири.

Секунду он просто воспринимал ее сущность. Его глаза наполнились слезами, и он закрыл их, сосредоточив все свое внимание на ней, спящей и далекой, как...

Он открыл глаза и поставил кружку — так резко, что она стукнула по столу.

— Дело в том, что икстранский генерал разобижен, потому что Критулкас и Рыжик только что крепко приложили его лучших парнишек, — сказал Джейсон, возможно, обращаясь к самому себе. — И к тому же они потеряли трофей и броневик. — Он покачал головой. — Неудивительно, что мы заслужили его особое внимание.

Он поднял кружку, допил кофе и отставил ее в сторону.

— Мы здесь подготовились, как могли, — проговорил он, вдруг переполняясь решительности. — Теперь надо убедиться в том, что на холмах мы тоже поработали как следует.

Он отодвинулся от стола и приостановился, пристально глядя на Вал Кона.

— Тебе ведь захочется в следующий раз быть с Рыжиком?

Пока он отсутствовал, Мири была в бою! Она могла погибнуть... Вал Кон резко дернул головой и обжег Джейсона возмущенным взглядом.

— Конечно, я хочу быть с ней, чтобы мы могли разработать оптимальную оборону, — ответил он несколько резче, чем намеревался.

Джейсон только кивнул и встал.

— Мы с тобой одного мнения. Жди меня у флайера через пятнадцать минут, и мы полетим вместе. Я только свяжусь Большим Домом и дам генералу знать, что он остается за старшего.

Их встретила невероятно жизнерадостная рядовая со свежезажившей раной на подбородке. Она равнодушно скользнула взглядом по Вал Кону и широко улыбнулась Джейсону.

— Доброе утро, командор! Вы пропустили самое интересное.

— Давай, Санди, сыпь мне соль на раны, — печально отозвался Джейсон. — Можно подумать, мне и так не обидно, что вы намедни так хорошо погуляли, пока я торчал тут и развлекался только учебной подготовкой новичков.

Она рассмеялась и повернулась, показывая им дорогу по перекрещивающимся и расходящимся в стороны тропинкам.

Поскольку дама желала разговаривать только со своим командиром, Вал Кон тем временем старался подмечать окопы и возможные схроны с оружием, одновременно прислушиваясь к мелодии Мири. По оттенкам ее песенки он чувствовал, что она уже совсем близко. Он заметил, что у него колотится сердце, хотя их проводница задала не слишком быстрый темп ходьбы. По правде говоря, он с трудом удерживал себя, чтобы не оставить своих спутников позади и не побежать через лес в объятия своей спутницы жизни.

— Почти пришли, — объявила Санди, поворачивая резко направо, потом налево.

И неожиданно перед ними оказался лагерь и солдаты, и все было затянуто сверху камуфляжными сетями. Их сопровождающая решительно повернула налево. Вал Кон, сосредоточившийся на мелодии Мири, посмотрел направо, туда, откуда она слышалась, надеясь хоть мельком увидеть медную косу или ее профиль, но обзор закрывали облаченные в кожаные костюмы незнакомцы...

Вал Кон споткнулся — и у него чуть не остановилось сердце. Он моментально восстановил равновесие, а его сердце больно заколотилось о ребра. Дыхание вернулось к нему в виде крика.

— Шан!!!

Беловолосый мужчина стремительно повернулся, изящный в своем боевом кожаном костюме. Он раскрыл объятия, и Вал Кон бросился в них, крепко стиснув брата и прижавшись щекой к его плечу.

В эту секунду он снова стал ребенком, а Шан наконец вернулся домой после долгого года брака по контракту. Сидя со своим учителем музыки, Вал Кон услышал в холле голос брата и вскочил из-за омнихоры, чтобы сбежать по лестнице в открытые ему навстречу объятия.

— Шан, Шан...

— Привет, денубиа.

Этот любимый голос! И, боги, — прижать к себе брата, услышать под ухом биение его сердца, почувствовать, как вздымается его грудь...

Он разжал руки и подался назад в объятиях, которые не хотели его отпускать, поднял голову — и поднес дрожащие пальцы к щеке брата.

— Ты плачешь.

Шан улыбнулся дрожащими губами.

— Ты тоже.

Совсем близко послышался посторонний звук, словно кто-то провел клинком по оселку. Это откашлялся Джейсон Кармоди.

— Надо понять так, что вы двое знакомы.

Вал Кон бросил быстрый взгляд на Джейсона и заметил, как покраснело его лицо там, где не было бороды и усов.

«Он покраснел! — изумленно понял Вал Кон. — Мы ухитрились смутить Джейсона Кармоди, человека, не ведающего стыда!»

Он осторожно отступил на полшага и неохотно отпустил брата. Руки Шана также не хотели разжиматься.

— Шан, это младший командор отряда «Гирфальк» Джейсон Кармоди, который командует местными силами.

Он положил руку на кожаный рукав... милостивые боги, снова коснуться родного человека!.. судорожно вздохнул и посмотрел в лицо огромного землянина.

— Джейсон, это... это мой брат, Шан йос-Галан. Мастер-купец и... и...

— И капитан... — голос Шана умело скрывал его чувства, — ...боевого корабля «Исполнение долга», находящегося в системе Литаксина. К данному моменту, возможно, уже на орбите вокруг Литаксина.

Непривычная краска уже почти сошла со щек Джейсона, зато взгляд заметно обострился.

— Да что ты говоришь! Ты, случайно, не тот парнишка, что посадил спасательную шлюпку в наш карьер?

— К сожалению, случайно тот, — серьезно ответил Шан. — Я искренне извиняюсь, командор, но, право, у меня не было выхода. У шлюпки практически кончилось горючее. Мне надо было где-то сесть.

— Ну, отчасти из-за тебя я сюда и прилетел. Мы идем поболтать с субкомандором Критулкасом и капитаном Рыжиком. Пойдем с нами?

Шан кивнул, и Вал Кон поймал мимолетную улыбку, адресованную ему.

— Мне будет очень приятно к вам присоединиться, командор. Однако должен вас предупредить, что субкомандору Критулкасу я не очень понравился.

— Субкомандору Критулкасу, — отозвался Джейсон, снова поворачивая налево и делая знак терпеливому проводнику вести их дальше, — вообще почти никто не нравится. Но можешь считать, что тебя он признал, паренек. В конце концов он ведь оставил тебя в живых.

* * *

Усаживаясь рядом с Вал Коном за поспешно сколоченным субкомандором столом для совещаний, Шан решил, что его брат изменился.

Он это заметил еще тогда, когда они вели мысленный разговор, и Вал Кон отдал приказ, в результате которого четверо прямых наследников клана оказались на Литаксине или рядом с ним — и жизни каждого угрожала опасность. Однако тогда мысленный разговор поглотил большую часть его внимания. Общие характеристики ауры соответствовали тому Вал Кону, которого Шан знал, и в тот момент у него не было возможности рассматривать детали.

И вот теперь, пока командор Кармоди о чем-то переговаривался с субкомандором Критулкасом, а все они дожидались появления спутницы жизни Вал Кона, у Шана появилась такая возможность.

Ущерб. Зрением Целителя он наблюдал полосу разрушений в памяти, душе и мыслях. То, что после такой опустошительной бури от сущности Вал Кона йос-Фелиума сохранилась достаточная часть, обеспечившая Исцеление, было настоящим чудом.

А Исцеление произошло! Шан видел и его следы вдоль безжалостной полосы разрушений. Целые элементы были выращены заново, рост других еще не закончился. Еще какие-то элементы были залатаны, укреплены и объединены в единое целое — целое, которое явно и несомненно было Вал Коном.

Но только — другим.

И сейчас в его ауре начали появляться цвета напряжения и боли.

Шан моргнул, сфокусировал взгляд на лице брата и осторожно прикоснулся к его руке.

— Вал Кон! Что с тобой случилось?

Подвижные губы плотно сжались, и внутренним Слухом Шан уловил муку и нечто, похожее на... стыд? Однако зеленые глаза продолжали смотреть на него прямо и открыто.

— Со мной случился Департамент Внутренних Дел. — Он громко вздохнул. — Мне очень жаль, Шан.

Жаль? Шан покачал головой, снова открыл свои чувства Целителя и снова проследил шрамы. Ущерб. Такой большой ущерб!

— Как?

Вал Кон невесело улыбнулся.

— Тебе этого лучше не знать.

— Тогда скажи мне хотя бы — это было сделано преднамеренно?

Но еще не закончив вопроса, он своим внутренним Взором обнаружил некую закономерность в рисунке шрамов и регенерации. Это не было рукой Целителя, нет. Это сделал некто, очень хорошо представлявший себе результаты — применявший пытки со знанием и тщанием.

Он моргнул и снова заглянул в глаза брата.

— Получить Долг будет... трудно.

— Расплата по Кодексу, — ответил ему Вал Кон, — не обсуждается.

Шан кивнул и увидел, как его согласие находит отклик во мраке личности, которой теперь стал его брат. Прежде аура Вал Кона... играла, переливалась и вспыхивала от избытка энергии и страсти. Эта новая личность была лишена таких излишеств, однако страсть не умерла. Она просто... сконцентрировалась, стала горячим ярким пламенем в центре его существа, его души.

Из этого пламенного центра, из глубины души Вал Кона вздымалась конструкция из живого опалесцирующего огня, изгибающаяся мощной дугой и выходящая за пределы личности Вал Кона, заканчиваясь таким же корнем в искристой упрямой ауре — Мири Робертсон.

— Эй, босс!

Голос Мири прервал его созерцание этой удивительной структуры, вернув к реальности. Она уселась на свободный стул слева от Вал Кона и приветливо кивнула Шану. Ее икстранец встал на страже позади нее. Нет, внезапно понял Шан, — позади них обоих.

— Вижу, ты успел найти своего брата.

— Шатрез!

Улыбка Вал Кона была полна такой нежности, что у Шана защемило сердце. И в то же время он увидел, как огненный мост покрылся волнами, которые потекли в обе стороны, от души к душе.

— Нелирикк! — Вал Кон повернулся назад, чтобы обратиться к икстранцу. — Я нахожу тебя в здравии?

— Так точно, разведчик. Мы принесли отряду славу на поле боя и захватили два знамени, прибитых теперь под нашим.

Вал Кон выгнул бровь и посмотрел на свою даму.

— Интересно, а у нас есть боевой штандарт?

Она ухмыльнулась.

— И очень художественно сделанный. Веди себя уважительно, и мы его тебе покажем, когда кончим разговоры разговаривать.

— А разве я когда-то веду себя неуважительно?

— Огласить весь список или можно ограничиться краткой сводкой?

— Ладно, вот и она. — Джейсон Кармоди прервал свой разговор с субкомандором, и они вернулись к столу. Он широко улыбнулся. — Рыжик! Критулкас говорит, что твои ребята действовали как профессионалы.

Она покачала головой.

— Мы держались неплохо, — серьезно ответила она. — Только потеряли много людей.

— Так бывает, когда имеешь дело с добровольцами и новичками, — сказал Джейсон уже серьезно. — Но важно, что вы прошли боевое крещение и выполнили задачу. В следующий раз они уже будут знать, чего ожидать, что очень удачно, потому что разведчик принес нам известия о том, что нас ожидает еще большее веселье. Похоже, вы с Критулкасом заполучили себе поклонников.

— И дело не только в этом, — как всегда недовольно, сказал Критулкас. — Эта компания охотилась за спасательной шлюпкой капитана. Наверное, они решили, что его отправили с этого его военного корабля к клану. Дом Клана похож на командный пункт. Да он, черт побери, всего месяц назад и был командным пунктом.

Джейсон Кармоди кивнул и посмотрел на Шана.

— Не хочешь ввести меня в курс дела?

И во второй раз за эти два дня Шан поведал историю о гондоле со взрывными устройствами, об атаке икстранцев и его незапланированной посадке на планету.

— И теперь я вижу, что совершил довольно серьезную ошибку, командор. Я искренне считал, что для всех будет лучше, если я взорву шлюпку и ликвидирую икстранский броневик. Однако на шлюпке было действующее устройство для космической связи, что, как мне сказал субкомандор Критулкас, представляет в данный момент немалую редкость.

Джейсон кивнул.

— Икстранцы первым делом вывели из строя спутниковую сеть. Красавчик говорит, что так всегда делается. Нам надо узнать, как сейчас обстоят дела в космосе: ты-то ведь это видел. Достанем тебе компьютер...

— Уже сделано, — сказала спутница... Мири. — Он этим занимался с тех пор, как мы пришли в лагерь.

Она полезла в нагрудный карман куртки, извлекла оттуда диск и протянула его Джейсону. Тот ухмыльнулся.

— Ты на шаг впереди меня. Что мне и следовало ожидать, малышка моя!

Он снова посмотрел на Шана, и тот поднял брови:

— На том же диске — данные о летных качествах и вооружении моего корабля.

— Ха! Сам придумал?

— Мне представилось, что именно такие сведения будут вам полезны, — отозвался Шан, и Джейсон снова ухмыльнулся.

— Выхожу в отставку, и ведите войну сами. Скажете мне, когда все закончится.

— Советую передумать, — проговорила Мири, уютно привалившись к плечу Вал Кона. — Мой опыт показывает, что отставка — это хороший способ влипнуть в серьезные неприятности.

Джейсон кивнул.

— Тогда немного подожду. Лично я не люблю неприятности.

Он вдруг посерьезнел и обвел взглядом присутствующих.

— Вот что я вам скажу, люди. Мы подготовлены настолько, насколько это позволяет наше упрямство и хитроумие разведчика. Когда совет закончится, мы с Критулкасом намерены обойти тут все и посмотреть, не прозевали ли мы нечто такое, что может привлечь внимание икстранцев. Но наше положение очень неблагоприятно в отношении поддержки с воздуха и противовоздушной обороны. Проще говоря, у икстранцев они есть, а у нас — нет.

Он посмотрел на Шана.

— Как по-вашему, ваш корабль мог бы обеспечить оборону?

— У нас одно орудие «космос-земля», — медленно проговорил Шан. — Что неплохо для нападения, но не особенно хорошо для обороны. И кроме того, у нас нет связи...

— Не сдавайся так легко, — посоветовал ему Джейсон. — Очень может быть, что нам удастся захватить передатчик икстранцев — а разведчик убедит его поработать на нас. Но вообще-то ты прав, сынок. Оружие «космос-земля» на своей стороне иметь приятно, но оно не заменит хорошей местной противовоздушной обороны, а именно ее-то у нас и нет. Силы Клана Эроб отправились к праотцам, когда икстранцы при высадке обстреляли аэродромы.

Вал Кон поднял голову.

— Противовоздушная оборона... Но ведь бомбардировка — несколько налетов на стратегические цели икстранцев — была бы не менее полезной?

Джейсон пожал плечами.

— Конечно. А если уж мечтать о манне небесной, то почему бы сразу не заменить ее мороженым?

Вал Кон покачал головой и подался вперед.

— В таких налетах нет ничего фантастического, Джейсон. У нас здесь есть, — тут он поочередно ткнул пальцем в Шана, Нелирикка и себя, — три пилота класса мастер. А там у нас, — тут он указал на юго-запад, — много десятков самолетов.

Джейсон изумленно воззрился на него:

— Икстранских самолетов!

— Ну, это верно. Однако Нелирикк имеет уникальную возможность обучить нас с братом особенностям икстранской системы управления. Могу дать вам слово: мы с ним — хорошие ученики. А если мы поднимем в воздух три самолета, то сможем нанести значительный ущерб. Если удача будет на нашей стороне, мы могли бы убедить Четырнадцатый Корпус Завоевания в разумности стратегического отступления.

— Гм...

Джейсон погладил бороду.

— Плохая мысль, — решительно заявила Мири.

Вал Кон повернулся к ней, поднимая брови.

— Мири, мы можем управлять всем, что летает. Мы с Шаном еще не знаем пределов наших способностей пилотов. — Он наклонил голову набок. — Правда, Мири.

— Не сомневаюсь. Но если ты не планируешь в ближайшие полчаса стремительно вырасти, ничего из этого не выйдет.

— Я не понимаю...

— Все очень просто. — Она прервала его и, отодвинувшись от стола, жестом велела ему встать. — Красавчик, стань вот здесь. Босс, а ты встань тут.

Когда они встали рядом друг с другом, она отошла на шаг и присела на край стола, скрестив руки на груди.

— Если Красавчик имеет стандартные параметры, а судя по тому, что мы видели, это так и есть, то тебе полутора футов не хватает до минимального роста.

Шан должен был признать, что она права. Обычно никто не считал Вал Кона маленьким, но стоя рядом с икстранцем, он выглядел почти миниатюрным. И глядя на них, казалось совсем не-

вероятным, что Вал Кон вел бой с этим гигантом — и, как утверждали Мири и Нелирикк, вышел из него победителем!

Мири резко поменяла позу и наклонилась вперед, словно заметив стальное упорство, появившееся в ауре Вал Кона. Впрочем, Шан внезапно понял, что она вполне могла его увидеть.

— И нечего упрямиться! — рявкнула она. — Это не изменит того, что ты слишком маленький! В кабине, рассчитанной на Красавчика, тебе просто не дотянуться до всех ручек управления.

— С разрешения капитана, — негромко сказал икстранец, — среди членов Отряда есть некоторая разница в росте. Кабины истребителей допускают некоторую регулировку. Пилот ростом с брата разведчика легко может управлять самолетом.

Мири кивнула.

— Хорошо. А бывают икстранские пилоты ростом с разведчика?

Нелирикк замялся.

— Никак нет, капитан. Иногда недоростки... доживают до взрослости. Но они никогда не становятся пилотами.

— Ха! — Вал Кон выгнул бровь и встретился взглядом со своей спутницей жизни. — Шелудивый карлик?

У нее задрожали уголки губ.

— Главное в том...

— Главное в том, — прервал ее Вал Кон, — что если кабина регулируется так, чтобы подойти Шану, то можно еще немного переделать так, чтобы она подошла мне. Мы определенно сможем это учесть.

— Это так, Красавчик? — спросил Джейсон Кармоди, не дав Мири возможности отреагировать на это утверждение.

— Так точно, командор. Я... я думаю, что это возможно.

— Тогда мы примем этот план. Трое в небе будут устранять главные опорные пункты, а мы начнем рвать их в клочки на земле. Это заставит их по-другому посмотреть на свои позиции.

Субкомандор Критулкас кивнул.

— Вы с Рыжиком не хотите обойти со мной линию обороны и получить представление о позиции, пока пилоты будут разбираться со своими проблемами? Я бы поставил на то, что все начнется очень скоро.

— Конечно. — Джейсон выпрямился во весь свой внушительный рост. — Давай встретимся здесь через несколько часов, парнишка, — сказал он Вал Кону. — Нам надо как следует скоординировать наши действия. Пошли, Рыжик?

— Сейчас.

Она подождала, пока не останется с ними одна, после чего одарила каждого гневным взглядом. Шан почувствовал, как ее воля ударяется о его защиту со звоном, сделавшим бы честь удару стали о броню.

— Ладно. Вы трое обдумываете, как лучше устроить этот номер. Я понимаю, что риск неизбежен. — Она в упор посмотрела на Шана, который принял это, как страшную несправедливость. — Но вы не пойдете на идиотский риск. Вал Кон!

— Да, капитан?

Она посмотрела на него.

— Продумай свои приспособления и испытай их. Когда ты добьешься того, что можно будет лететь, я требую, чтобы ты подумал: разрешил бы ты Шану, или Нелирикку, или мне лететь с этими времянками. И если ответ будет отрицательный, ты откажешься. Понял?

— Понял, капитан.

Она покачала головой.

— А толку-то? — Ее взгляд снова по очереди остановился на каждом из них. — Никаких глупостей, ладно? Это приказ.

— Капитан, — сказал Нелирикк, — мы принесем отряду славу.

Она со вздохом слезла со стола.

— А мне казалось, что вы меня слушали.

В корабельном архиве нашлись координаты Дома Клана Эроб, и Присцилла приказала, чтобы «Долг» занял над этим местом геостационарную орбиту на средней высоте. Она решила, что это самое малое, что они могут сделать для союзника Клана Корвал.

Самое малое.

После того как нападение блох было успешно отражено, икстранцы больше не пытались их беспокоить, хотя Лина докладывала о том, что к «Долгу» проявляется живейший интерес. Судя по мониторингу переговоров, всех очень интересовало, куда и зачем корабль направляется. К великой досаде Расти, ему никак не удавалось установить связь с планетой, а вот подслушивать болтовню икстранцев было легче легкого.

Направляясь на мостик, чтобы сменить Рен Зела, Присцилла обдумывала проблему связи. У Эроба имелась узколучевая связь, но, судя по сведениям архива, в клановом доме находилась только импульсная станция, отправлявшая сообщения на передатчик и приемник, расположенные на спутнике. При уничтожении спутниковой системы обороны Литаксина была

выведена из строя и узколучевая станция, а это означало, что сообщение, посланное с «Долга» в адрес Клана Эроб, не дойдет до адресата.

Однако домашняя установка клана по-прежнему могла бы принимать сообщения — если бы существовал способ выяснить ее адрес. Рен Зел утверждал, что сообщение по всему диапазону всем возможным адресатам принесло бы вреда больше, чем пользы, однако Присцилла уже готова была спорить с ним. Если они проявят хитроумие...

Дверь на мостик открылась, и она вошла внутрь, кивнув Трине и Вилобару, как раз заканчивавшим вахту. Они остановились на минуту, обратившись к Присцилле тепло, как старые друзья, но она ощутила их жалость. Это на секунду ее озадачило, но потом она сообразила, что, конечно же, они считают, будто Шан погиб.

Глупые друзья! Шан не погиб. Она почувствовала бы его смерть. Что она и сказала Горди, когда тот прибежал на мостик, когда спасательная шлюпка исчезла с экрана. Она видела, как он пытается ей поверить: юноша почти согласился с тем, что ей лучше знать. Присцилла могла бы подтолкнуть его к стопроцентной уверенности, но это потребовало бы Целительства, а она не вполне доверяла способностям, только что обретенным под холодными каменными сводами Оружейной Палаты.

Присцилла тихо прошла на капитанский мостик и остановилась за спиной у Рен Зела. Он весь вибрировал от сконцентрированной энергии, и она взглянула на экраны, пытаясь понять, в чем дело.

— Что это? — спросила она, глядя на сумятицу кораблей и опознавательных знаков на его главном экране.

— Пытаюсь выяснить, — ответил он, не глядя на нее. — Они начали выпускать шаттлы примерно пять часов назад. А теперь от них отходят катера, шлюпки и лихтеры. Маленькие аппараты, почти без вооружения. У большинства только противометеоритная защита. И только катера способны совершать посадку на планету. — Он отодвинулся от пульта и совершенно нехарактерным для себя жестом взъерошил себе волосы. — Это же совершенно бессмысленно!

Присцилла нахмурилась и всмотрелась в экран. Действительно, создавалось такое впечатление, будто икстранцы твердо решили отправить на гибель как можно больше плохо вооруженных летательных средств. Зачем? С какой целью? Она почувствовала что-то у себя в ладони, перевела на нее взгляд, увидела красный

жетон и рассеянно стала пропускать его между пальцами, снова сосредоточившись на вопросе «зачем?».

Если «Долг» начнет по очереди устранять эти беззащитные корабли? Результатом будет оценка дальности его орудий, а также понимание противника: готов ли «Долг» атаковать, тратя энергию и боезапас на пешек? Станет ли такой военачальник, какой должен командовать боевым кораблем Икстранга, разменивать материальные ресурсы на сведения такого рода?

Нет, решила она, ощущая теплоту красного жетона. Такой размен был бы неправильным: слишком много кораблей находилось в космосе. У него совсем иные цели.

На экране Рен Зела появилось постоянно меняющееся трехмерное изображение: так главный компьютер представил ситуацию в целом. И в таком виде распределение соотносилось с орбитой «Долга», хотя не представляло сомнений, что им не угрожает опасность от...

Присцилла замерла, впившись взглядом в главный экран.

— Предположи, что количество летательных аппаратов останется стабильным, — сказала она, почти не замечая, что проговаривает свои мысли вслух. — Проведи расчеты на ситуацию через шесть, двенадцать и двадцать четыре часа и выведи их на экран.

Пальцы Рен Зела уже заплясали по клавишам. Экран на секунду опустел, а потом начал заполняться новыми картинками.

Вспомогательные летательные аппараты задвигались в странно-кокетливом танце, то заслоняя, то открывая военный корабль икстранцев.

— Повтори то же самое с точки зрения того корабля, — приказала Присцилла.

Корабли снова затанцевали, то сближаясь друг с другом, то расходясь в стороны. Присцилла услышала, как судорожно вздохнул Рен Зел.

— Он открывается и закрывается, — пробормотал он.

Присцилла кивнула.

— Это — окно. Вспомогательные аппараты заслоняют корабль от нас и каждые... — тут она сверилась с расчетами, — ...двадцать два часа между кораблем и планетой открывается проход.

Рен Зел кивнул, затребовав координаты точки, которая оказывалась под кораблем каждые двадцать два часа по планетному времени, хотя, конечно, Присцилла и сама могла бы ему это сказать: это был Дом Клана Эроб.

Она наклонилась, потянулась через его плечо и нажала кнопку связи.

— Рубка на связи.

— Расти, я прошу тебя послать на планету сообщение в широком диапазоне. Длительность передачи должна составлять тридцать секунд, три трансляции в течение ближайших тридцати минут. С опознавательным знаком Дерева и Дракона, пожалуйста. Посмотрим, кого нам удастся разбудить.

— Есть, мэм. — В динамике был слышен перестук клавиш, а потом снова заговорил Расти: — Первый сигнал отправлен, капитан. Второй и третий — по таймеру.

— Спасибо. Все ответы немедленно передавай на мостик.

— Есть, капитан! Рубка, конец связи.

— Капитан, конец связи.

Присцилла нажала кнопку, выключившую внутреннюю связь, и, посмотрев на своего первого помощника, заметила, насколько он устал. Она с улыбкой дотронулась до его плеча.

— Вахта закончена, друг. Пора пойти поспать. Следующие вахты могут оказаться долгими.

Ключевой была процедура запуска.

Каждому пилоту отводилось пятьдесят пять секунд, чтобы задействовать должную последовательность кнопок, ручек и рычагов, включающих различные системы истребителя, запускающих двигатель и подтверждающих, что пилот действительно является членом Отряда. Стоило пилоту пропустить какой-то элемент в этой последовательности или перепутать кнопки, и его самолет не только не включался, но и компьютер охраны подключал кресло пилота к двум источникам высокого напряжения.

Поскольку Нелирикк дал им мощный стимул к совершенству, описав результат неправильного включения, который ему однажды пришлось наблюдать во время обучения, Вал Кон и Шан с самой первой попытки ни разу не ошиблись.

После этого они перешли к общей характеристике личного вооружения солдата элитной гвардейской части: от двух до пяти потайных ножей, карабин с пулями, начиненными скрытыми иглами с болеутоляющим средством (чтобы жертва не могла оценить своего ранения), быстродействующим ядом или даже галлюциногенами, разнообразные кастеты, шипы и тому подобное. И возможно, еще и пистолет. Далее последовал урок по рисункам татуировки на лицах тех, с кем у них будет шанс встретиться в ближнем бою.

Изложив этот материал настолько подробно, насколько позволяли обстоятельства, Нелирикк заставил Шана еще десяток

раз повторить всю последовательность операций на макете пульта, на скорую руку слепленном из обрезков дерева и кресла из штаба Критулкаса. Когда икстранец объявил, что доволен результатами, они занялись подгонкой «кабины пилота» под размеры Вал Кона.

Для этих модификаций понадобилась ручка от метлы, несколько пластиковых захватов и деревянный брусок, чтобы короткие ноги разведчика могли достать до педали тормоза. Вал Кон играючи повторял последовательность запуска, каждый раз сокращая время на всю процедуру, пока Нелирикк не прервал тренировку.

— Разведчик, прошу вас учесть, что если вы снизите отведенное на запуск время больше, чем в пять раз, компьютер охраны сочтет, что его пытается обмануть робот противника, и включит разряды тока.

Пристегнутый к креслу из конференц-зала Вал Кон вздохнул и отбросил упавшую на лоб прядь волос.

— Спасибо. Я буду иметь это в виду. Еще раз?

— Еще раз, — согласился Нелирикк. — Постарайтесь уложиться в пятьдесят секунд.

И разведчик идеально уложился в пятьдесят секунд. Нелирикк кивнул:

— Достаточно.

Вал Кон отстегнулся и встал на ноги, после чего отцепил от макета свои приспособления.

— А ты сделал то, что приказала капитан Робертсон, брат? — спросил Шан у него за спиной. — Ты подумал о том, допустил бы ты, чтобы она сама, я или Нелирикк летали с этими приспособлениями?

Тот встал на колени, отстегнул деревянный блок от «педали тормоза», а потом легко выпрямился и посмотрел брату в лицо.

— Я задал себе этот вопрос. И должен сказать, что определенно не позволил бы никому из моих подопечных лететь на этой нашей времянке. — Он кивком указал на кусок дерева у себя в руках, а потом снова устремил на Шана свои яркие зеленые глаза. — Если только такой полет не обеспечил бы наибольшую вероятность того, что они сами и их близкие останутся живы.

— Необходимость, — неожиданно проговорил икстранец.

Вал Кон кивнул.

— Необходимость.

— Необходимость, — согласился Шан. — Не знаю только, согласится ли с этим твоя жена.

— О! — Вал Кон пожал плечами. — Моя жена может не согласиться. Но полагаю, что мой капитан меня поддержит.

На пульте зажегся вызов рубки, и Присцилла включила связь.

— Мостик на связи.

— Капитан, мы получили ответ на вызов.

Столь быстрый ответ мог предполагать только узколучевое сообщение. Присцилла улыбнулась.

«Отлично. Мы застали Эроб у себя дома».

— Пожалуйста, переведи его на мой третий экран, Расти.

— Сделано.

Канал связи остался открытым, что было странно. Присцилла взглянула на третий экран.

— Гондола семьдесят семь? — спросила она, воззрившись на краткое объявление о том, что на связь вышел этот странный элемент. — Расти, ты определил координаты, откуда пришло это сообщение?

— С территории Клана Эроб, — ответил он, и тут Присцилла поняла, почему он не отключал связь. — Но не из дома. С горной гряды ближе к побережью. Вот отсюда.

На рабочем экране открылось еще одно окно, с картой местности, где было отмечено местоположение гондолы 77. Присцилла включила увеличение и вызвала название местности. Красный жетон лежал у нее на ладони, одушевленный присутствием Шана.

— Так, — проговорила она, обращаясь к связисту. — Что бы это ни было, но живет оно на горе Драконий Хребет.

Она откинулась в кресле, ощущая, как в неподвижном воздухе корабля зашевелилось нечто электрическое, похожее на приближающуюся грозу.

Гора Драконий Хребет. Присцилла медленно втянула в себя воздух. Корвал и Эроб. Давний союз, заключенный много веков тому назад. И... гондола на горе Драконий Хребет? Возможно, подарок? Клану Корвал свойственно было бдительно охранять свои интересы, а Клан Эроб обосновался на внешней планете, расположенной слишком далеко от центра, чтобы получить помощь в случае нападения.

Жетон разогрелся у нее в руке, и она вдруг вспомнила дворецкого йос-Галанов. Модифицированный боевой робот, как объяснил ей Шан, — и помимо прочих обязанностей он ведал системой защиты вокруг долины Корвал.

«Милосердная Всематерь!»

— Присцилла?

В голосе Расти слышалась тревога. Она тряхнула головой и сосредоточилась на настоящем.

— Да. Расти, сделай мне одолжение и отправь гондоле семьдесят семь запрос в... в коде, который я сейчас тебе передам. Осведомись о состоянии ее защитных систем.

— Защитных систем? Присцилла, откуда нам знать, что это не какой-то икстранский радиолюбитель решил поразвлечься?

— А мы и не будем знать, пока она не ответит нам в том же коде, — ответила она, поднимая пальцы над пультом.

Быстро введя нужный пароль, она вызвала ключевой файл капитана. Там она сделала запрос на Главный код Клана Корвал и, получив его, передала Расти одним нажатием клавиши.

— Получи. И отправь, пожалуйста, запрос, Расти. И когда бы ни пришел ответ, передай его прямо мне.

После секундной заминки он отозвался:

— Есть, капитан. Рубка, конец связи.

— Капитанский мостик, конец связи, — рассеянно проговорила она и снова защелкала клавишами, вызывая из капитанского файла сведения относительно гондолы 77 или горы Драконий Хребет на Литаксине.

Им предстояло выйти вечером, направившись к карьеру — и дальше. Номер состоял в том, чтобы встретить икстранцев до того, как они сами попросятся в гости. Может, захватить их врасплох. Выиграть время.

Основным силам обороны пришло время занять главные точки. А Вал Кону, Шану и Красавчику пришло время захватить истребители и начать бомбовые удары.

Именно самолеты определили ее решение сделать бастионом отряда выведенный из строя аэродром Клана Эроб.

— Нет смысла красть эти чертовы штуки, если их нельзя будет привести домой, — заявила она на координационном совещании. — Мы удержим аэродром. — Она в упор посмотрела на сидевшего напротив Джейсона. — Без проблем.

После секундной паузы он кивнул, и вопрос был решен. Теперь ей оставалось только не проиграть свою ставку.

И не тревожиться.

Направляясь к своей палатке, чтобы собрать пожитки и, может быть, поспать часок, Мири хмыкнула. Забавно: в гуще событий на тревогу времени не остается. Ты просто разбираешься с

тем, что против тебя бросили боги войны, и, как правило, даже не боишься.

А вот до того и после того... Вот когда наступает время нервов и страхов. Вдвойне сильных, если в это время твой спутник жизни, новый брат и человек, который стоял у тебя за спиной, защищая от своих же собратьев, рискуют жизнью в бешеной, смертельно опасной игре.

Мири могла представить себе десяток возможностей погибнуть, еще до того, как они захватят самолеты. Она тряхнула головой, прогоняя список вероятных провалов, но не могла избавиться от кома в горле и щемящей боли в сердце.

Она повернула направо, кивнула часовому и вошла в полумрак своей палатки.

Вал Кон встал с края койки, сделал два шага ей навстречу и раскрыл объятия.

Мири бросилась вперед и обхватила его руками в отчаянии таком же остром, как его собственное. Взглянув на его узор, она ощутила холодный укол его страха — и подняла губы навстречу почти жестокому поцелую.

Они любили друг друга, словно это был бой — резко, молча, отчаянно. А потом она долго прижимала его к себе, запустив пальцы ему в волосы.

— Будь ты проклят, не смей погибать!

Теплое дыхание тронуло ей ухо.

— Я тоже тебя люблю, Мири.

Он отодвинулся, и оба привели в порядок свою одежду, подняли брошенные как попало портупеи и застегнули все пряжки. Вал Кон прикоснулся к ее щеке.

— Завтра днем встретимся на аэродроме клана. — Он приложил палец к ее губам, и она ощутила волну пробежавшего в его сознании мрачного смеха. — Без проблем, да?

Он убрал палец.

Мири улыбнулась сквозь слезы, слепившие ей глаза.

— Без проблем.

Согласно материалам, полученным с помощью капитанского ключа, гондолы тактической обороны с номера 72 по номер 83 были выведены из состава флота Клана Корвал при постройке «Радостного долга», двести пятьдесят стандартных лет тому назад.

Крепко сжимая в кулаке красный жетон, Присцилла выяснила, что списанные гондолы с 72-й по 76-ю были пожертвованы

Разведке. Гондолы с 79-й по 83-ю использовались как управляемые мишени во время боевых учений, связанных с оживлением в деятельности икстранцев.

А вот гондола 77... Она пролистала файл. Делм Теонна йос-Фелиум подарила гондолу 77 верному союзнику Корвала, Клану Эроб. А потом приказала засекретить доклад, который теперь читала Присцилла. Она нахмурилась, отодвинулась от пульта, а потом снова нажала кнопку, чтобы продолжить поиск.

Так.

Гондола 78, просто говорилось в последней записи, находится на Помешанной. Смотри План Б.

Она нахмурилась сильнее. Смотреть План Б? Но ведь...

Экран замерцал, в левом нижнем углу появилось окно и стало быстро заполняться текстом.

«ГОНДОЛА ТАКТИЧЕСКОЙ ОБОРОНЫ 77 на связи
ПРОВЕРКА ВООРУЖЕНИЯ
НАЧАЛО СКАНИРОВАНИЯ
ДАЛЬНОБОЙНАЯ ПУШКА ЗАРЯЖЕНА
РЕЗУЛЬТАТ СКАНИРОВАНИЯ: ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА ОРБИТЕ
НАЧАЛО ВТОРИЧНОГО СКАНИРОВАНИЯ
КОМПЬЮТЕР ПРИЦЕЛА ВКЛЮЧЕН
ТАКТИЧЕСКИЙ КОМПЬЮТЕР ВКЛЮЧЕН
РЕЗУЛЬТАТ ВТОРИЧНОГО СКАНИРОВАНИЯ: СОСТОЯНИЕ ВТОРЖЕНИЯ
РУЧНАЯ БЛОКИРОВКА ОТКЛЮЧЕНА
ВСЕ СИСТЕМЫ ВКЛЮЧЕНЫ
ВСЕ СИСТЕМЫ РАБОТАЮТ НОРМАЛЬНО
ОЖИДАЮ ЦЕЛЬ».

План разведчика был простым: украсть три истребителя-бомбардировщика из тех, что стояли у штаба, поднять их в воздух — и уничтожить самолеты, боеприпасы, бронетехнику и другие подобные цели до того, как они будут использованы против сил обороны.

Этот план был несколько схематичен, но Нелирикк ни на секунду не усомнился в том, что он будет успешно претворен в жизнь — к вящей славе капитана и Отряда. План слишком отчаянный, чтобы провалиться.

Ради этого предприятия Нелирикк пожертвовал своими усами и невоенной прической и снова был облачен в икстранскую форму, позаимствованную у офицера, у которого в ней больше не

было необходимости. Он изменил маркировку чина, превратившись в адъютанта Военной Инспекции. Брат разведчика удивительно умело нанес ему на лицо необходимые вингтай.

— Не забудь стереть всю эту чепуху, как только благополучно улетишь, — посоветовал Шан, отступая, чтобы полюбоваться собственной работой. — Не хочу хвастаться, но вид у тебя получился пугающий. Тебя очень легко можно принять за икстранца.

Это была одна из уже привычных шуток брата разведчика — вовсе не такого недоумка, каким он порой прикидывался. В соответствии с этим Нелирикк оскалил зубы в усмешке, удачно демонстрируя вингтай.

— А почему бы тебе вместо этого не сесть и не дать Нелирикку тебя разукрасить? — спросил от двери разведчик.

— Нет необходимости, — ответил Шан, поворачиваясь, чтобы положить кисточку на место.

А когда он повернулся обратно, Нелирикк ахнул. Его рука дернулась к пистолету, хотя разум пытался убедить его в том, насколько невозможно, чтобы перед ним стоял майор Инспекции — как раз на том месте, где секунду назад...

— Стой!

И так стремительно разведчик уже стоял перед ним, с глазами, полными угрозы, приподнявшись на цыпочки, заняв позицию, чтобы заслонить...

Кого же, как не Шана йос-Галана?

Нелирикк медленно убрал руку с рукояти пистолета. И так же медленно наклонил голову.

— Прошу простить мою ошибку, — проговорил он в официальной модальности высокого лиадийского.

Разведчик встал спокойнее и склонил голову набок.

— И в то же время это не была ошибка, — пробормотал он на земном. — Все твое тело выражало изумление и тревогу. Ты потянулся за пистолетом, чтобы защищаться. Но... просвети меня... что ты увидел?

Шан деликатно кашлянул. Разведчик стремительно повернулся к нему.

— Подозреваю, что он увидел среди нас майора Инспекции. По крайней мере именно такое впечатление я пытался создать. — Он устремил свои серебристые глаза на Нелирикка. — Я понимаю так, что эта иллюзия была убедительной? Как приятно это сознавать!

— Убедительной, — хрипло подтвердил Нелирикк.

Разведчик покачал головой.

— Я видел, как ты отвернулся, чтобы убрать кисточку, — сказал он брату. — Я видел, как ты повернулся обратно — и Нелирикк отреагировал на угрозу. Никакого майора Инспекции тут не было.

— О! — Серебристые глаза немного расширились. — Возможно, теперь?

Нелирикк судорожно сглотнул, но на этот раз сумел остаться стоять неподвижно, хотя над разведчиком навис майор, лицо которого под татуировкой чина и отличий было безжалостным.

Разведчик пожал плечами, быстро стрельнул глазами на Нелирикка, стоявшего чуть сзади, и снова перевел взгляд на майора.

— Во всяком случае, Нелирикка ты убедил. Я вижу только тебя.

Шан улыбнулся и снова превратился в худощавого мужчину чуть выше среднего роста. Выгнувшиеся белые брови красиво смотрелись на фоне гладкой смуглой кожи его лица.

— Вспомни: ты был единственным из нас, кому удавалось сдерживать Антору, когда она была твердо намерена добиться своего. Сомневаюсь, чтобы нам попался икстранец с такой же силой воли. А если попадется... — тут его губы сжались, — то, боюсь, у меня есть и другие способы защиты.

— Правда? — Разведчик вздохнул. — Это — новые способности, брат?

Шан кивнул.

— Должен тебя предупредить: объяснение прозвучит бессмысленно. Хотя я, конечно, готов попробовать.

— Если это прозвучит бессмысленно, — отозвался разведчик, — мы с этим повременим. Когда все будет позади, мы выпьем рюмку-другую и поведаем друг другу свои фантастические истории.

— Договорились.

— Договорились.

— Итак, вы двое, оба — внушительного вида пилоты, смело пройдете по лагерю, задерживаясь только для того, чтобы разложить взрывчатку по самым многообещающим центрам связи. После этого вы пройдете к своим самолетам и сядете в них. Тем временем я воспользуюсь более окольным путем и тайком украду свой самолет. После этого мы будем действовать так, как договорились: каждый хотя бы по разу пролетит над аэродромом, а потом отправится по выбранному маршруту. Вопросы есть?

Вопросов не было. Они все обговорили заранее. И в конце концов их план был очень простым.

Разведчик кивнул.

— Хорошо. Пора отправляться.

«Исполнение долга»
Орбита Литаксина

Через час икстранское окно должно было полностью открыться, одновременно дав боевому кораблю возможность открыть огонь по Дому Клана Эроб и собрав между боевым кораблем и «Долгом» толстый слой летательных аппаратов заграждения.

В последние несколько часов Присцилла несколько раз проводила математические расчеты, требуя, чтобы тактический компьютер нашел для «Долга» способ отвлечь, остановить или ослабить икстранский огонь.

Ответ был отрицательным.

Она скопировала данные о текущем положении и передала их гондоле 77. Что по этому поводу могла предпринять эта древняя установка, лишенная даже искусственного интеллекта, Присцилла понятия не имела. Все последующие попытки наладить с ней диалог не дали никакого ответа. Возможно, гондола просто отключилась.

Рен Зел, которого она пригласила на мостик и поспешно ввела в курс дела, молчал, устремив взгляд на экран, показывавший движение икстранского щита.

— Ответа так и не было?

— Никакого, — ответила Присцилла. — Может, я ее обидела?

— Скорее перегрузила, — отозвался он, не отрывая глаз от экрана. — Ты ведь сказала, что она очень старая, а программа в нее заложена чисто оборонительная. Возможно, она не рассчитана на то, чтобы анализировать такие объемы данных, какие «Долг»...

Тут он замолчал и очень медленно и осторожно выдохнул.

— А возможно, рассчитана.

Присцилла посмотрела на экран: окно сообщений заполнялось словами.

«ГОНДОЛА ТАКТИЧЕСКОЙ ОБОРОНЫ 77 РАБОТАЕТ
АНАЛИЗ ПЕРЕДАННЫХ ДАННЫХ ЗАКОНЧЕН

ПЛАН ОБОРОНЫ СФОРМУЛИРОВАН
ПЕРВЫЙ ЭТАП ПРИВЕДЕН В ИСПОЛНЕНИЕ
ДАННЫЕ ПЕРЕДАЮТСЯ МОБИЛЬНОМУ ЭЛЕМЕНТУ НАВЕДЕНИЯ»

Рен Зел стремительно рванулся вперед, очистил удаленный экран и тремя нажатиями клавиш вывел данные компьютера наведения. Присцилла завороженно замерла, сжимая в руке красный жетон и глядя, как на экране появляются слова:

«РАСЧЕТНОЕ ВРЕМЯ АТАКИ: 43 ЕДИНИЦЫ
ИДЕТ СИНХРОНИЗАЦИЯ МОБИЛЬНОГО ЭЛЕМЕНТА НАВЕДЕНИЯ»

— Она ввела данные седьмого и девятого орудий, — сообщил ей Рен Зел, стремительно работая на клавиатуре, — и дала приказ открыть огонь по этим координатам через сорок стандартных минут.

«ГОНДОЛА ТАКТИЧЕСКОЙ ОБОРОНЫ 77 В СОСТОЯНИИ ГОТОВНОСТИ, КОД ОРАНЖЕВЫЙ».

Сообщение закончилось, и Присцилла наконец повернулась.

— Первый помощник, пожалуйста, удалите инструкции гондолы 77 из системы компьютера наведения.

Он развернул свое кресло, и она увидела лицо, абсолютно лишенное всякого выражения.

— Не могу, — тихо проговорил он, и она почувствовала, какими усилиями ему удается сохранять спокойствие. — Файл закрыт.

— Закрыт, вот как? — Она потянулась к своему пульту. — Я вытащу их...

Рен Зел кашлянул.

— Прошу меня простить. Мне следовало сказать, что инструкции и координаты защищены личным шифром Делма Клана Корвал.

— Защищены лично Делмом?

Присцилла ощутила трепет, очень похожий на ужас. Теонна йос-Фелиум оставила древней оборонной гондоле способность пользоваться личной печатью Делма! Да, Теонна йос-Фелиум оказалась весьма предусмотрительным Делмом.

Или буйнопомешанной.

Присцилла глубоко вздохнула, почувствовала тепло красного жетона у себя на ладони и посмотрела на Рен Зела.

— Значит, мы можем все видеть, но изменить ничего не можем. — И еще произнося эти слова, она получила подтверждение

их истинности: ведьминское чувство сказало ей, что теперь их судьбу определяют какие-то древние императивы Клана Корвал. — Прекрасно. Переключи все на мой экран два, пожалуйста. Давай по крайней мере выясним, во что мы вляпались.

— Дядя Вин Ден!

Элис стремглав выбежала из дома как раз в тот момент, когда он собирался сесть во флайер, чтобы облететь внешнюю линию обороны. Он подождал ее, не забыв сурово нахмуриться.

— Ну, в чем дело, племянница? Я считал, что ты дежуришь за главным компьютером.

— Я дежурила, дядя. Но там появилось сообщение... — Она замолчала, чтобы жадно глотнуть воздуха. — Сообщение на телекодере — том, старом, который не принимает никаких сообщений...

Тель-Вости застыл на месте, вспомнив ночные страшилки, которые ему рассказывал еще его собственный дядя, много-много лет тому назад: в них всегда фигурировал этот вечно молчащий телекодер.

— Продолжай! — потребовал он у Элис.

— Да. В послании сказано, что оно от Планетарной оборонительной установки, и она... — девочка подняла на него недоуменный взгляд, — ...дядя, там говорится, что она активировала противометеоритную защиту над Главным командным пунктом Клана Эроб!

Литаксин
Зона военных действий

Вал Кон скрылся на краю аэродрома, прихватив с собой мешок с приспособлениями для кабины пилота, и второй — такой же, какой нес Нелирикк. Его целью стал пункт связи на южной стороне аэродрома: там располагалась запасная система космической связи. Установив заряды взрывчатки из второго мешка, он выберет себе самолет и взлетит. Они договорились, что это произойдет через полчаса.

Шан и Нелирикк открыто шли через поле. Нелирикк нес свой мешок со взрывчаткой, брат разведчика гордо шагал налегке, как и подобало офицеру, которого он извлек из подсознания Нелирикка. Их целью были радарная станция и центр связи.

На аэродроме шла работа, но не слишком напряженная. Судя по расчетам Нелирикка, они попали на базу во время паузы между двумя волнами. Те, кто находился на поле, имели определенные обязанности. Никто не обращал внимания на двух офицеров, высокомерно и неспешно идущих по своим делам. Они прошли прямо к центру связи. Шан остался ждать, изображая открытое нетерпение, а Нелирикк умело вскрыл замок, открыл дверь, шагнул назад и четко отдал честь. В соответствии со своей ролью, Шан не отреагировал на салют, решительно направившись в помещение. Нелирикк прошел следом за ним, услужливо закрыв дверь.

— Не трогайте это, — сказал он, указывая на панель с зелеными полосами. — Это — сигнал тревоги.

Он бросил мешок на пол и извлек оттуда два взрывных устройства, изготовленных разведчиком.

Шан взял одно из них, прошел налево, установил его и включил таймер так, как его научил брат. Тем временем Нелирикк выполнил то же действие в противоположной части помещения.

Через две минуты они уже снова шагали по аэродрому.

У помещения радарной станции дверь оказалась открытой. Нелирикк приостановился, встревоженно посмотрел на своего спутника — и в ответ ему был адресован злобный взгляд майора Инспекции.

«Ничего, — решил Нелирикк. — Мы сделаем то, для чего пришли».

Он распахнул дверь и поднял кулак в салюте. Майор протопал мимо него в помещение, не удостоив его взгляда.

Из-за пульта выскочил техник. На его лице отражалось изумление, при виде их винтай быстро перешедшее в испуг.

— Господа инспектора! — Его салют был отдан поспешно, лицо под татуировкой побледнело. Линии татуировки говорили, что он — специалист, дважды прошел тестирование для работы на боевом радаре, доброволец, успешно выполнивший сложное задание, ранее состоял в Техническом отряде Орнджала. — Меня не предупредили, что вы здесь. Я...

Шан нахмурился, и техник поперхнулся. Медленно и с такой угрозой, что у самого Нелирикка замерло сердце, брат разведчика указал на дверь.

— Майор-инспектор! — Техник снова отдал честь. — Я не получил уведомления о вашем приходе. Долг требует, чтобы я попросил вас предъявить пропуска.

— У нас нет на это времени! — зарычал Нелирикк, двигаясь на него. — Сразу несколько подсистем защиты секретности дали сбой! Мы должны обследовать эти устройства и сертифицировать их! Убирайся и не мешай нам выполнять наш долг!

Несмотря на то что лицо техника стало совсем бледным, а на верхней губе выступили капельки пота, он не сдался так легко. Набрав полные легкие воздуха, он посмотрел прямо в глаза Нелирикку.

— Мне нужны ваши документы, господа. Вы же понимаете. От меня требуют...

Они обучили брата разведчика всего тридцати словам солдатского языка, не думая, что это может ему понадобиться.

— Идиот! — взревел он, резко поднося руку к самому носу техника. — Документы, твою мать!

Техник вздрогнул, еще поспешнее отдал салют и вытащил свои предписания, инструкции и продовольственный аттестат. А офицер тем временем разносил его на все корки, называл ленивой собакой и только что не бил.

Техник дрожащими руками разложил бумаги в нужном порядке и протянул их, снова отдавая честь.

Брат разведчика резко вырвал бумаги, брезгливо просмотрел и особо презрительно поморщился на драгоценный продовольственный аттестат. Потом он резко сунул бумаги в руки Нелирикку и направился к рядам экранов.

— Солдат! — рявкнул Нелирикк. — У тебя глаза есть?

— Так точно, сэр! — Тот дрожащей рукой отдал салют. — Да, сэр!

— Хорошо! Если хочешь еще когда-нибудь что-нибудь жрать, уноси их отсюда!

Он швырнул ему бумаги, и техник поймал их, прижав к груди, не отрывая взгляда от аттестата, который Нелирикк все еще держал в руках.

— Есть, сэр!

— Сегодня можешь взять только половину пайка! — резко бросил Нелирикк, сунув аттестат в потное лицо техника. — Свободен!

— Есть, сэр!

Техник отдал честь, бросил на майора, осматривавшего боковые экраны, полный ужаса взгляд и чуть ли не бегом покинул помещение.

Нелирикк закрыл за ним дверь, уронил мешок и поспешно открыл его.

— Скорее, — сказал он, вручая бомбу брату разведчика. — Мы отстаем от графика.

* * *

Пригнувшись позади ненадежного укрытия, Вал Кон дожидался, пока офицер, облаченный в настоящий мундир, подобие которого попытался создать себе Нелирикк, с украшенным вингтай лицом, пугающе похожим на художества Шана, проведет... Да, это была настоящая инспекция!

Драгоценные минуты бежали, а офицер все не выходил из пункта связи.

«Еще три минуты, — сказал себе Вал Кон, лежа на животе под платформой с кабелем. — Если через три минуты он не уйдет, я установлю заряды под стеной пункта и буду надеяться на удачу».

Что было достаточно рискованно даже при самых благоприятных обстоятельствах, поскольку удача — дело ненадежное. И в то же время что еще ему оставалось? Все их безумное предприятие было рассчитано на везение, а родилось из-за отчаянной потребности в успехе. Им обязательно нужно нанести поражение икстранцам. Обязательно. Цена провала была слишком ужасной, чтобы допустить даже мысль о нем.

Дверь помещения открылась, и Вал Кон уткнулся лицом в сгиб локтя, посматривая краем глаза, как инспектор со своим адъютантом шагают к ожидающему их броневику. Они уселись в него — и уехали.

«В последний момент, командор, — сказал он себе, внимательно осматривая ближайшее окружение. — Теперь не мешкай, и все будет в порядке».

Убедившись, что вокруг достаточно пусто, он выбрался из укрытия, тенью скользнул к пункту связи и вошел в дверь.

Брат разведчика благополучно сел в выбранный им самолет. Нелирикк пошел по полю дальше, чтобы взлетать в некотором удалении друг от друга.

Краем глаза он увидел, как бронированный автомобиль сделал плавный поворот и поехал прямо в его сторону. У него не было оснований думать, что водителя автомобиля может почему-то заинтересовать адъютант Инспекции, но Нелирикк почувствовал, как коротко остриженные волосы у него на затылке встают дыбом.

Стараясь никоим образом не проявлять поспешности, он изменил направление движения, свернув к одному из более новых самолетов класса «Рафикс». Проклятый броневик поехал следом! Нелирикк скрипнул зубами и продолжил мерно шагать вперед, оценивая расстояние до самолета — на случай, если начнется погоня.

Позади него автомобиль увеличил скорость. Перекрывая шум двигателя, оттуда раздался оклик на языке солдат:

— Эй, ты! Стоять! Приказ майора Инспекции!

Нелирикк побежал.

Шан подумал, как даже небольшая высота меняет взгляд на вещи.

Удобно устроившись в кабине икстранского истребителя и полагаясь на внушение, которое сможет убедить случайных прохожих, будто эта самая кабина пуста, он смотрел на самолеты, стоящие на аэродроме.

В некотором отдалении грузовики и заправщики деловито оснащали следующую эскадрилью. Шан взял это на заметку.

Ближе к своему самолету он разглядел широкие плечи и бравую выправку Нелирикка Исследователя, на которого надвигался броневик, украшенный икстранской надписью «Центральная инспекция». Шан сел прямее и попытался прочитать тех, кто находился в автомобиле. Его чувства до них не дотянулись. На его глазах машина увеличила скорость. Нелирикк перешел на бег и метнулся к трапу самолета.

До установленного срока оставалось пять минут.

Шан включил сеть безопасности. Его пальцы задвигались по пульту управления, хотя он тщательно следил за тем, чтобы не действовать чересчур быстро.

Вал Кон опаздывал к назначенному сроку. Его снова и снова задерживало передвижение грузовиков обслуживания и команд техников. Наконец он повернул обратно, направляясь к последним трем самолетам, стоящим на некотором удалении от остальных, на самом краю аэродрома.

Это было рискованно. Место просматривалось, и присутствие охраны (он насчитал трех часовых) указывало, что эти самолеты предназначены для высокопоставленных пилотов.

Рискованно. Он скользнул обратно в узкую полоску тени и попытался оценить степень риска. Он ничего не достигнет, если погибнет прежде, чем сможет подняться в воздух.

И потом — он ведь обещал Мири, что встретится с ней в полдень на аэродроме клана.

Тут он едва заметно улыбнулся и ощутил, как напряжено его лицо. Легкомысленное обещание с обеих сторон, если принять во внимание то, что они оба намерены предпринять. Тем

не менее Мири будет рассчитывать, что он постарается сдержать слово.

Здесь явно требовался отвлекающий маневр. Если ему удастся заставить охранников сойти со своих мест всего на несколько шагов, он получит то самое честное преимущество Люкена и бросок к ближайшему самолету станет возможным.

Казалось, будто его собственная мысль подействовала: по аэродрому пронесся рев, следом за ним — еще один звуковой удар. Это стреляло орудие «земля-воздух». Взревел второй двигатель, и охранники побежали на шум, сдергивая с плеч винтовки. Вал Кон отбросил в сторону все мысли, подхватил мешок, набрал побольше воздуха в легкие и побежал.

Он не смотрел на охранников. Он смотрел только на трап — достаточно удобный для длинных ног Нелирикка, а от него требовавший закончить пробежку прыжком, да еще с увесистым мешком...

Пуля взрыла землю в шаге перед ним. Осколки гравия разлетелись в стороны. Он подпрыгнул, ухватился за трап и услышал еще один выстрел. Но он уже карабкался вверх. Третий выстрел, четвертый. У него сорвалась рука, но он удержался, почувствовал, как мешок сползает с плеча, и отпустил его, стремительно поднимаясь выше, выше... Он упал в кабину, почувствовав, что левая нога отказывается повиноваться, но он рванулся вперед и нажал кнопку, закрывшую пуленепробиваемый фонарь.

Двигатель с ревом ожил — и самолет поехал вперед. Шан осторожно притормозил, нашел управление пушкой, поймал в перекрестие прицела броневик и нажал гашетку.

Самолет вздрогнул, автомобиль разлетелся градом осколков — и Шан убрал ногу с тормоза, позволяя самолету начать разгон. Выбранный Нелирикком самолет с икстранскими цифрами 32 на хвосте пополз вперед. Кивнув, он решил его опередить: полностью отпустил тормоз, разрешив двигателям везти самолет по взлетной полосе. А потом он начал разгонять машину и в первый же возможный момент потянул ручку на себя.

Набирая высоту, он глянул вниз и увидел, что самолет Нелирикка стремительно взлетает, а на земле царит сумятица. Над самыми кронами деревьев он выровнял машину и резко повернул ее обратно, туда, откуда только что прилетел. Включив орудия на брюхе, он расстрелял слабые, беззащитные самолеты, сидевшие на поле. Пролетев весь аэродром, он снова потянул ручку на

себя — и снова увидел машину 32, которая стремительно неслась над аэродромом, превращая его в кашу.

С момента их расставания прошло уже тридцать пять минут, а третьего истребителя в воздухе не было. Шан прикусил губу, снова развернулся, пристально глядя на поле, и увидел взлетающий самолет: красивую машину с номером 03 высоко на гордом хвосте. Он ухмыльнулся. Как это похоже на Вал Кона: выбрал себе такого красавца!

На секунду Шану показалось, что прекрасная машина дрогнула, но в следующую секунду она уже устремилась прямо в небо, а потом выровнялась и легко повернула направо и понеслась над аэродромом, поливая его огнем.

«Все идет по плану, Шан, — сказал он себе, испытывая нелепое чувство облегчения. — С небольшими отклонениями. Мы все благополучно поднялись в воздух. Что бы из этого ни вышло. Лети на восток, молодой человек, и заканчивай свою работу. А потом можешь сходить с ума: я обещаю тебе такую возможность».

Он взялся за ручку и сделал поворот на восток, набирая высоту и выискивая подходящие цели.

Его ранили. В левую ногу, намного выше колена. Из раны текла кровь. Много крови. Плохо.

И теперь, когда он увидел рану, появилась и боль. Он попытался вытеснить ее из сознания, с помощью рычагов уменьшил размеры кабины до минимума и обнаружил, что сеть безопасности ему велика. А потом обнаружил, что это не имеет значения. Если бы он пристегнулся, то не дотянулся до пульта управления. Вместо этого он максимально поднял кресло пилота и опасно устроился на самом его краешке. Боль...

Процедура включения.

Он вытянулся, глубоко вздохнул и прикоснулся к первой кнопке, повторяя всю процедуру, чтобы лучше сосредоточиться.

— Проверка аккумулятора. Отключен наружный тормоз. Отключен внутренний тормоз. Часы — синхронизировать. Часы — переключить на нулевое время взлета. Включить двигатели. Внешние показатели стабильны. Внутренние — стабильны. Отключить наружный кабель.

Вал Кон сбился: боль рвала мысли. Он быстро прошел радугу, отделяя тело от сознания, и продолжил процедуру запуска.

— Выпустить закрылки, включить педаль тормоза. Запускается двигатель А. Двигатель А запущен, тяга нулевая.

Он запаздывает. Они будут беспокоиться, но он не может ускорять процедуру, потому что...

Если он ускорит процедуру, случится что-то нехорошее.

— Запускается двигатель Б. Двигатель Б запущен, тяга нулевая. Проверка часов: идет отсчет времени. Кольцевое давление пятьдесят процентов, тяга включена. Сканирование включено. Проверка вооружения. Проверка бомбовой подвески.

На земле, далеко внизу, были солдаты. Они бежали к его самолету. Он посмотрел выше — и там тоже оказался солдат: он стоял на трапе и заглядывал в фонарь.

— Убрать запал шестнадцать. Закрыть запал шестнадцать. Вынуть штырь семь.

К самолету направлялся грузовик. Он увидел в кузове орудие и стремительно закончил последние элементы запуска.

— Убрать закрылки, отключить тормоз пилота, открыть воздухозаборники, включить полную мощность.

Самолет начал движение, как и предусматривалось в процедуре запуска, набирая скорость и разбрасывая во все стороны солдат. Он поднял голову, увидел, что за фонарь все еще цепляется икстранец, а потом мгновенно забыл о нем, потому что скорость увеличилась, а справа взорвалось здание и по ветру поползли разводы ярко-оранжевого дыма.

Самолет очень быстро набирал скорость, и перегрузка ощущалась как нечто приятное — если не считать ноги... Вал Кон не сразу нашел индикатор, который сказал ему, что самолет едет уже достаточно быстро. Он с силой потянул рычаг и даже не заметил, когда солдат наконец соскользнул с фонаря.

Набирая высоту, он увидел, как поворачивает еще один самолет, и повернул направо, чтобы пролететь над аэродромом, как они и планировали.

Снизив высоту, он увидел, как взорвалось еще одно здание: яркая вспышка, а потом тяжелый черный дым, быстро начавший рассеиваться. Он включил орудия, увидел, как внизу гибнут самолеты и люди, а потом снова пошел вверх. Второй истребитель повернул, направляясь на восток, и он вспомнил, что это тоже входило в их план. Нелирикк направится на юг. Он полетит на запад.

В соответствии с этим он сделал поворот направо.

— А!

Ему удалось не потерять сознание, и мучительная боль ушла. Потянувшись к рычагу, он увеличил подачу кислорода в кабину, надеясь, что этого хватит, чтобы его не начало клонить ко сну. И не окажется настолько много, что он опьянеет.

Наполнив легкие обогащенным воздухом, он снова потянулся к пульту и увеличил давление в кабине: это должно уменьшить кровотечение.

Самолет был дивный, поразительно послушный и устойчивый. Вал Кон воспользовался этим, чтобы убрать с ручек управления обе руки и срезать с раны остатки кожаных брюк. Потом он как мог перевязал ногу, стараясь накладывать бинт как можно туже.

Зона военных действий

— Простите, если я покажусь вам недостаточно любезной, — сказала Мири мужчине с колуном, — но мы идем дать бой противнику, и время играет важную роль. Я советую вам продолжить продвижение в тыл, чтобы вывести ваших людей из опасной зоны.

— Ваша заботливость делает вам честь, — ответил он совершенно неискренне и указал в ту сторону, где стоял его сброд, вооруженный по большей части граблями, кольями, пистолетами, кусками труб, ножами и камнями. — Как видите, мы вооружены. Мы готовы сражаться. Простите, но я смею заметить, что в вашем отряде мало людей. Мы увеличим вашу численность и повысим вероятность успеха.

Лицо у него было мрачным и немного безумным.

— Мы стоим перед вами сейчас только потому, что уже вступали в бой, капитан, и одержали победу. У всех нас в городе остались погибшие.

Мири подумала, что это ей нужно меньше всего. Кучка психованных гражданских, не имеющих представления о дисциплине. Половина едва держится на ногах, и почти ни у кого нет нормального оружия.

Она гневно посмотрела на их предводителя, но он не дрогнул. В складке его губ было нечто, напомнившее ей Вал Кона в режиме «гори все синим пламенем». Конечно, она может идти дальше, не захватив их с собой. Но она не сможет помешать им идти следом и устроить из поля боя толкучку, которая пошлет к чертям всю дисциплину и приведет к огромному числу ненужных жертв.

«Проклятие».

— Хорошо, — согласилась она, наклонив голову так, чтобы показать: он загнал ее в тупик и она вынуждена ему уступить, но

ему не следует перегибать палку. — Сержанты распределят ваших людей по уже существующим взводам. Учтите: вы будете выполнять приказы сержантов с этой минуты и до того момента, как враг будет побежден. И к тому же я не беру на войну детей.

Она указала на детсадовское отделение: десятка два ребятишек не старше восьми-девяти лет под охраной трех взрослых с охотничьими ружьями (которые были самым приличным вооружением в этой толпе).

— Они со своими защитниками пойдут в тыл и попросят защиты в Клане Эроб.

— Капитан, так и будет.

Тут он поклонился, низко и признательно, словно она сделала ему какое-то великое одолжение, а вовсе не пригласила на почти верную смерть. А потом он повернулся, чтобы передать ее приказ своему сброду.

— Противометеоритная защита? — Эмрит Тайазан посмотрела на своего сородича, но, не заметив признаков безумия или насмешки, спокойно переспросила: — Какая противометеоритная защита?

— Та, которая, согласно показаниям наших приборов, уже сейчас включена и закрывает довольно большой участок с Деревом Клана Корвал в центре.

Дерево Клана Корвал росло в саду перед домом — и какая удача для всех, что это так. При этой мысли Делм Эроб резко вздохнула.

— Похоже, что Планетная оборонительная установка обеспокоена тем, что Дерево будет атаковано из космоса. — Она посмотрела на тель-Вости. — Я должна предположить, что эта озабоченность имеет под собой некую реальную основу?

— Я думаю, что у нас нет альтернативы, Эмрит.

— Вот как. — Она прошла к письменному столу, вызвала архив Делма и заказала поиск «Планетной оборонительной установки». Ответ пришел достаточно быстро, и, прочтя его, она снова вздохнула. Подарок Клана Корвал. Да защитят их боги от подарков Корвала.

— Есть повод посмеяться, Вин Ден, — проговорила она, просмотрев файл до конца. — В те моменты, когда Планетная оборонительная установка не отвлекается на возможность метеоритного удара, она представляет собой не что иное, как Драконий Клык, жилище для супругов по контракту с Кланом Корвал.

Она отодвинулась от стола, внезапно ощутив страшную усталость.

— Кровь становится все жиже, Вин Ден. Нам не следовало об этом забывать.

— Мирная жизнь притупляет чувства, — мягко отозвался он. — Будем благодарны за то, что Клык Корвала остался на месте, Эмрит. И будем надеяться, что он не затупился.

Шло перемещение сил: отряды подходили с юга. Нелирикк опознал колонну снабжения, направил самолет вниз и воспользовался орудием, экономя драгоценные бомбы, закрепленные у истребителя под брюхом.

Во время второго пролета начался ответный огонь, и он потратил одну бомбу на зенитку в голове колонны, а потом снова включил пушку, расстрелял машину командования и лег в левый поворот, готовясь к последнему заходу.

Еще две бомбы пришлось потратить на четыре броневика. Нелирикк набрал высоту и снова лег на курс, вполне довольный тем, чего ему пока удалось достичь.

Собиралась гроза, и усиливающийся ветер оказался неожиданно опасным, когда самолет снизил скорость после ведения огня. Шан с огромным усилием удержал машину на нужной высоте и снова повернул обратно, сосредоточив огонь на медлительных грузовиках.

Самолет содрогнулся и быстро потерял скорость. Шан открыл дроссельную заслонку и увидел под собой цветки пламени: это взрывались грузовики со снарядами.

Гондола 77 приказала орудиям «Исполнения долга» направить широкий низкоэнергетический магнитный луч прямо на защиту икстранцев, поддержать стабильную интенсивность в течение пяти стандартных минут, потом дать максимальный импульс длительностью в полминуты и отключить его.

Присцилла покачала головой, быстро выводя нужное уравнение на второй экран. Тем временем Рен Зел ввел в тактический компьютер все данные для моделирования ситуации. Такой неинтенсивный магнитный луч даже самый легкий летательный аппарат воспримет как просто слабый толчок. Какой эффект может дать столь...

Рядом с ней Рен Зел тихо зашипел сквозь зубы, напомнив рассерженного кота. Она ахнула, растерялась, посмотрела на ре-

зультаты моделирования и изумилась его сдержанности, тому, что он не взвыл и не взревел.

Магнитный луч, направленный седьмым орудием в течение пяти стандартных минут в гущу легких летательных аппаратов, в третьем слое натолкнулся на очень легкую платформу. Луч толкнул ее — и платформа сдвинулась. В пятом слое платформа натолкнулась на грузовой катер, и давление ее щита, сложившись с напором луча, привело в движение и этот катер.

Модель девятого орудия дала подобные результаты, и в конце концов каждый луч толкал уже скопление из десяти мелких аппаратов, направляя их прямо в центр окна.

Когда первый беззащитный кораблик попал в край окна, мощность луча стала максимальной. Аппараты, отталкиваемые лучами, влетели в зону огня и...

— Они луча не остановят, — прошептала Присцилла. — У них слишком слабая защита. Он пройдет сквозь них.

— Не совсем, — возразил Рен Зел. — Проходя через препятствия, луч потеряет мощность и ударит по наземной цели с меньшей силой.

Присциллу затошнило, хотя она не могла не одобрить тактику гондолы 77. Действительно, это — логика обороны. Когда ослабленный луч боевого корабля пройдет через атмосферу, древнее орудие получит возможность произвести ответный выстрел без всяких помех.

— Сколько? — тихо спросил Рен Зел. — Сколько таких устройств разбросано по миру без присмотра? — Он склонил голову, признавая ее принадлежность к основному семейству клана, в которое сам не входил. — Если мне позволено узнать.

— Два, — ответила Присцилла, ощутив его чувство облегчения так же остро, как свое собственное. — Всего два. Это и еще одно.

Им повезло. Во-первых, икстранцы их не ожидали — по крайней мере не ожидали так рано. А во-вторых, их тоже было не слишком много.

А в-третьих, думала Мири, дожидаясь последних докладов о ситуации, икстранцы решили, что против них выставлены профессиональные бойцы.

На самом деле им противостояли оставшиеся Нерегулярные, чьи ряды по дороге к аэродрому увеличились в четыре раза за счет банд отчаявшихся и полных мщения гражданских.

Мири не знала, уцелел ли тот тип с колуном. Похоже, ей следовало бы попросить у него прощения. Его спутники сбродом не были. Позже она увидела настоящий сброд.

Нерегулярные начали атаку, ударив минометом по икстранской палатке-столовой как раз в разгар обеда. После этого они захватили склад боеприпасов и направили два захваченных полевых орудия на застигнутых врасплох икстранцев.

А на последнее укрепленное орудие хлынула толпа беженцев. Расчету пришлось встретиться с ножами, кольями, камнями — и жгучей ненавистью. Никто не продавал свою жизнь дешево, так что в грудах тел оказалось неожиданно много икстранцев.

Получив последний доклад, Мири вздохнула. Погибли или пропали без вести одиннадцать ее солдат. И сотни гражданских. Икстранцы, будь они прокляты, засыпали в баки танков песок. На их месте она сделала бы то же самое.

Однако аэродром удалось захватить — теоретически, как и плацдарм в сотню метров в каждую сторону от него, сохранив не слишком надежный коридор на запад.

О теории приходилось говорить потому, что икстранцы не любили проигрывать. Они не побросали винтовок и не убежали с поля боя с воплями ужаса. Они отступили в максимально хорошем порядке и теперь затаились в лесу, дожидаясь то ли темноты, то ли контратаки на рассвете — но скорее всего подкреплений. Время от времени кто-нибудь из них выскакивал на танцплощадку и бросал горсть конфетти, выискивая слабые места.

Воспользовавшись складом оружия, оставленным икстранцами при уходе, Мири время от времени приказывала обстреливать из минометов южное и восточное направления. На западном направлении были остатки отряда Критулкаса и скромные бронемашины наемников.

Она приказала использовать трофейные полевые орудия для обучения на месте. К этому времени с ними познакомилась уже четверть отряда. Они стреляли наугад по дорогам, где с наибольшей вероятностью могли бы двигаться икстранские броневики или подкрепления.

Гражданские, когда убивать стало некого, только мешались, толпясь на взлетно-посадочной полосе. Это было плохо. Она приказала одному из лейтенантов очистить поле, и через несколько минут сержант со взводом прошел туда, чтобы убрать толпу.

Мири выпила немного воды из фляжки и посмотрела на часы. Скоро должны показаться самолеты. Ветер начал усиливаться, на

горизонте появились тяжелые тучи. Великолепно. Гипноуроки пилотирования, подобранные для нее Вал Коном, не стеснялись рассказывать, как трудно летать в грозу. Чем скорее она увидит самолеты, тем легче будет у нее на душе.

И правда... Она наклонила голову, нахмурилась, ловя звуки, которые могли бы оказаться шумом самолета, но не оказались.

Она чутко прислушалась. «Броневики, — решила она. — Наверное, Критулкас решил немного продвинуться вперед, пока все ти...»

Тут она услышала громыхание, крикнула: «Наступают!» и увидела, как ныряют в укрытия ее солдаты — а за ними и гражданские, что пособразительнее.

Броневики.

И не их.

Он потратил все свои бомбы к вящей славе отряда и сугубому ущербу для неприятеля. Четырнадцатый Корпус Завоевания понес в этот день большие потери в оружии, боеприпасах, оборудовании и репутации.

И пилотов они тоже потеряли. Трое, вылетевшие ему наперехват, отправились за славными наградами, ожидающими погибших храбрецов.

Нелирикк проверил уровень топлива, сделал последний заход над южным опорным пунктом Четырнадцатого Корпуса и полетел к аэродрому Клана Эроб, где его дожидались его капитан и товарищи по оружию.

Шан считал, что, возможно, причинил неисправимый урон. Он неплохо расправился с тяжелой артиллерией, броневиками и боеприпасами.

И с самолетами.

Несмотря на то что «Солдатская премудрость» впиталась ему в плоть и кровь, он был истинным представителем Клана Корвал, и губить корабли ему было больно. Разум говорил ему, что неприятельские корабли необходимо уничтожить.

Но сердце пилота обливалось кровью из-за красоток, брошенных убитыми или смертельно раненными, которым никогда больше не знать радости полета.

Надвигающаяся гроза была у него за спиной, когда он подлетел к условленному аэродрому и со вздохом облегчения увидел над ним штандарт Первого литаксинского. Но пролетая над ле-

сом, он увидел полдюжины броневиков, быстро продвигавшихся к полю.

Он резко развернулся и увидел грозовой фронт прямо перед собой: стену кипящих черных туч, прошитую молниями и увенчанную грудами сияющих кучевых облаков. А потом он пошел на снижение, поймал танк в перекрестье прицела и нажал на гашетку.

Сначала самолетов не было. Потом с противоположных сторон появились два.

Мири смотрела, как первый мчится перед грозовым фронтом, как он снижает скорость, снижается — а потом поворачивает над лесом. И звуки, которые он издавал, говорили о присутствии врагов.

— Засеките точку! — крикнула она минометчикам. — Наведите на нее оба орудия. Беглый огонь!

Второй самолет сделал один круг над аэродромом, пару раз качнул крыльями, а потом снизился, выпустил шасси и почти бесшумно приземлился, описав на поле широкую дугу и развернувшись носом в сторону леса.

Пилот отключил двигатели, но в воздухе еще раздавался вой, когда крышка фонаря отъехала назад, и со следами грима на лице на землю спрыгнул Нелирикк, подбежал к ней и отдал честь.

— В носовой пушке осталось три очереди, мой капитан. Но топливо кончилось.

Она ответила на его салют, пытаясь понять, почему на такого урода так приятно смотреть.

— С топливом я тебе не помогу. Но из вон того леса вот-вот должны появиться броневики. Ты можешь наводить пушку, не взлетая?

— Да, капитан.

— Так наводи.

Он бросился обратно к самолету — и как раз в этот момент стал садиться первый самолет. На слишком высокой скорости, как показалось Мири. Он коснулся земли и выключил двигатели почти одновременно, а потом свободно покатил к дальней стороне аэродрома. Ей показалось, что пилот погиб или тяжело ранен, и она потянулась мыслями к узору Вал Кона, чтобы успокоиться.

Последнее, что она увидела, — это купол ярко-оранжевого парашюта, который вырвался из хвоста севшего самолета, сбросив его скорость до нуля.

* * *

По кораблю была объявлена боевая тревога, но команды орудий семь и девять по приказу капитана ушли со своих постов.

Таймер в углу главного экрана командования отсчитал секунды до нуля и погас. Программа наведения сообщила, что орудия семь и девять включили магнитные лучи на низкую мощность.

Капитан и первый помощник наблюдали, как реальность повторяет то, что они уже видели на модели: лучи неотвратимо толкали беззащитные корабли в пасть окна.

Икстранский корабль произвел выстрел.

Шаттлы и грузовые катера, платформы и лихтеры приняли удар на себя, расплылись — и исчезли.

— Энергия луча снизилась в три раза, капитан, — тихо сказал первый помощник, глядя на свой рабочий экран.

Капитан кивнула.

Компьютер сообщил, что орудия семь и девять отключены, а цели уничтожены.

Ветер бил по самолету. Вал Кон выровнял его — почти выровнял. Кажется, линия горизонта выше, чем следует?..

Он с трудом дотянулся до пульта и внес нужную поправку.

Он приближался к первой зоне удара. Аэродром остался далеко позади. Внизу перемещался неприятель. Он нашел колонну подкрепления и снизился.

Это были закаленные солдаты, хорошо знающие звуки боя. Большинство даже не посмотрели наверх, когда над ними пронесся самолет воздушной поддержки.

Вал Кон направил самолет вниз, навел перекрестие прицела на колонну солдат и открыл огонь.

Звук выстрела походил на тихий стон. Самолет содрогнулся и резко потерял скорость. И чем медленнее он летел, тем сильнее его мотал ветер.

Заход на обстрел занял всего несколько секунд, а потом пришлось сделать резкий поворот вправо, и он охнул, когда раненую ногу прижало ускорением.

Новый заход, нос опущен, самолет снизился...

Да, это были закаленные солдаты. В него стреляли, хотя зенитку еще не успели установить.

Вал Кон снова установил прицел, не обращая внимания на тех, кто бежал укрыться, сосредоточившись на цели.

На этот раз он добился прямого попадания: неожиданный взрыв подбросил самолет, и Вал Кона тряхнуло в слишком про-

сторной кабине. Он удержался в кресле, схватившись за край приборной доски. В глазах у него начало темнеть, боль вгрызлась в тело хищным зверем, пожиравшим его заживо...

Он действовал инстинктивно, хватаясь за жизнь так же цепко, как за приборную доску.

Он потянулся в ту часть своего существа, где нанесенный Департаментом ущерб был слишком сильным, и повернул некий рычаг...

Боль не ушла, она просто перестала быть важным фактором. Он знал, что ранен, что влага у него на ноге — это кровь, и наклонился, чтобы затянуть повязку туже. Было бы неэффективно умереть от потери крови прежде, чем будет выполнена задача.

Очень далеко звучала мелодия. Эта мелодия утешала его, только сейчас у него не было времени слушать. Под ним находились цели, а его задача имела критическое значение. Если она не будет выполнена, мелодия смолкнет, а этого он допустить не может.

Вал Кон закончил с войсковой колонной и полетел дальше, выискивая новые цели. Он еще раз затянул на ноге повязку и увеличил приток кислорода. Отрезав от кожаной куртки длинную полосу, он примотал себя стоймя у пульта управления. Уровень топлива был нормальным. В грузовом отсеке оставалось еще много бомб.

Он пролетел над полем на средней высоте, увидел силуэты летательных аппаратов «земля-космос» и понял, что обнаружил цели, достойные его опыта. Он вернулся, приготовил орудия — но тут все были начеку, не то что колонна на марше, оказавшаяся столь уязвимой для атаки с воздуха.

В него полетели ракеты. По земле к самолетам бежали люди. Он опустил нос и открыл огонь по самолетам, потому что не следовало сражаться с ними всеми в воздухе.

Выпущенные ракеты изменили курс, выискивая его. Вал Кон увидел одну совсем рядом: она летела, словно сопровождая его. Он направил самолет к ней — и она отклонилась от него в сторону. Он расхохотался, снова попытался сблизиться с ней и стал смотреть, как она отходит на безопасное расстояние.

Однако огонь зениток не был таким кокетливым. Снаряды взорвались у самого кончика его крыльев, и он отклонился направо, с силой опираясь на приборную доску. И в голове у него звучала мелодия, и ему хотелось слушать, но он не мог, потому что наперехват ему шел вражеский самолет, и ему следовало включить орудия на крыльях и открыть огонь.

Взрыв почти ослепил его. Он почувствовал, как тряхнуло его самолет, услышал град металлических осколков по бронированной обшивке.

Ему на помощь пришли рефлексы: он резко отклонился вправо, прекрасно зная, что этого делать не следовало... Резко вправо... Кожаная лента удерживала его на месте... И резко вправо, и теперь он оказался позади самолета, который гнался за ним. И если он теперь снова нажмет вот эту кнопочку...

Орудийный огонь был красивым. Он рассмеялся взрыву.

Однако он миновал аэродром, а ему следовало убить корабли. Он повернул вправо и пошел на малой высоте. Это всегда хорошо ему удавалось. Он знал, как лететь, почти касаясь верхушек деревьев. Он миновал высокий горб и не забыл, что все орудия должны работать.

Но корабли уже не спали. Один совсем проснулся и взлетал. И люди на земле стреляли в него. Еще две ракеты прилетели посмотреть на него — и ушли в стороны, потому что его самолет сказал им, что он — икстранский ас.

Он выстрелил по взлетающей цели, но оказалось, что он летит слишком быстро. И он миновал ее, и снова повернул вправо и взял ручку на себя, потому что цель набирала высоту.

Вал Кон понимал, что ему необходимо что-то предпринять. Эта цель — эта цель была транспортным кораблем. Он не мог допустить, чтобы она улетела и привезла вниз новых солдат.

В голове у него звучала мелодия. Раньше он много раз ее слышал. Он заложил вираж вправо, увидел цель прямо над собой и увеличил мощность двигателей до максимума.

Цель немного приблизилась, но он понимал, что она имеет больший запас скорости и способна лететь выше. Он выстрелил из пушки, но цель не взорвалась, как другие.

При максимальном ускорении стало трудно двигаться. Кожаная лента крепко держала его, пока его самолет поднимался прямо под целью, но цель уменьшалась.

У него в голове звучала мелодия, и ему хотелось ее слушать, но цель необходимо было остановить. Небо становилось темнее, цель уменьшалась, и он должен будет вскоре прекратить подъем, потому что его летательный аппарат не такого типа...

Он одновременно выстрелил носовой пушкой, пушками на крыльях — и ракетами. Он выстрелил, и ему показалось, что он попал в цель, а потом показалось, что не попал, потому что она продолжала двигаться, а он все равно не мог больше лететь прямо вверх. У него болела нога, и он очень устал.

Он закрыл глаза и привалился к приборной доске.

И тогда он вспомнил, что мелодию зовут Мири и что для него было большим счастьем ее слышать.

Члены Клана Эроб, оставшиеся в доме, укрылись в самых глубоких подвалах.

Он сумел предостеречь охранников, которые оказались вне щита (не то чтобы его предостережение принесло им большую пользу), и отправил зашифрованное сообщение о случившемся в предполагаемое местонахождение Джейсона Кармоди — в лагерь у карьера.

Выполнив свой долг, Вин Ден тель-Вости уселся за свой рабочий стол в малой гостиной, превращенной в командный пункт, и стал ждать развития событий.

— Дядя?

Элис замерла на пороге. У нее был не очень опрятный вид: китель, перешедший к ней от старшей кузины, туго затянутый на талии ремень с оружием, пистолет в руке.

Он вздохнул.

— Дитя, тебе следовало сидеть в подвале с остальными.

— Но вы же не сидите! — заявила она безапелляционно. — Почему вы пришли сюда?

Он снова вздохнул, чувствуя себя ужасно старым. И казалось, все эти годы ничему его не научили.

— Потому что я — генерал, дитя. Долг требует, чтобы я находился на своем месте на тот случай, если я понадоблюсь.

— О! — Она быстро пересекла гостиную и прислонилась к нему, положив руки ему на плечи. Он обнял ее за талию, стараясь не задеть пистолет. — А что случится, дядя?

— Не знаю, — тихо признался он. — Возможно, ничего.

Однако даже Элис была слишком взрослой, чтобы в это поверить.

— Драконий Клык не проснулся бы, — сказала она ему, — если бы ничего. Клан Корвал — наш союзник.

Мудрость и глупость в одной короткой фразе, подумал тель-Вости. Можно подумать, что союзные отношения с Кланом Корвал могут обеспечить безопасность. Он крепко ее обнял.

— Это правда.

Свет погас. Компьютеры отключились.

Потом был звук — вопль десяти тысяч ногтей, одновременно скребущих по десяти тысячам грифельных досок, — и длился он бесконечно.

Воздух наполнился треском помех, в комнате стало жарко. Элис вскрикнула и вздрогнула, а потом овладела собой и напряженно застыла рядом с ним. Ее рука свинцовым прутом давила ему на плечи.

Звук смолк.

Свет зажегся. Компьютеры запищали и начали перезагрузку. Воздух стал мягким и приятно холодил кожу.

Элис вздохнула и немного расслабилась. Тель-Вости вспомнил, что надо дышать.

Переговорное устройство у него на столе мелодично зазвенело. Он подался вперед и нажал кнопку связи.

— Да?

— Дядя, это Кол Вус. На старом телекодере появилось новое сообщение. Планетарная оборонительная установка сообщает нам, что экраны не смогут отразить второго удара. А еще там говорится: «Вторая фаза введена в действие, Вторая фаза подтверждается, Вторая фаза осуществляется».

Шан сбежал по трапу, пробежал через поле с пистолетом в руке и упал на живот рядом с крошечным телом в кожаном костюме.

Его налет на лес остановил один икстранский танк, но это означало, что еще пять приближаются к аэродрому. Солдаты Первого литаксинского смотрели в нужном направлении, приготовив минометы и бронебойные пушки. Самолет Нелирикка с икстранскими цифрами 32 на хвосте был в состоянии готовности, а это вполне могло означать, что в носовой пушке еще остались снаряды. На данный момент эта часть взлетного поля была такой же безопасной, как и все другие, но так будет недолго, а Мири...

Она лежала, как мертвая, уткнувшись лицом в землю. Боевая каска съехала с ярких волос.

Он знал, что она не убита и даже не ранена, однако не мог понять, что означает клубок стали и огня, представший перед его Внутренним Взором.

Земля задрожала. На прогалине показалась танковая башня: первый икстранский броневик выехал из леса. Шан поднялся на колени, приготовив пистолет, услышал, как взвыл самолет Нелирикка, и снова упал, прикрыв Мири своим телом.

Пушка Нелирикка взревела, земля успокоилась, Шан снова перекатился на колени, убрал пистолет в кобуру, поднял жену брата на руки — и побежал.

* * *

Она так устала. Открыть глаза не было сил. Но ей необходимо открыть глаза, потому что...

Будь она проклята, если знает почему.

Тепло. Она устала. Так... устала... Лучше заснуть и не думать...

Потому что самолетов было три, а приземлились только два. Ей надо открыть глаза и найти третий, самый важный, и проследить, чтобы он благополучно добрался до дома.

Всей силой воли она потребовала зрения — и тяжелые веки поднялись. Мир стал расплывчатым пятном.

Она не сразу поняла, что это — из-за того, что она упала на приборную доску и ее щека прижимается к одному из циферблатов. Она снова напрягла волю и выпрямилась. Ей помогла повязка, удерживавшая ее у приборной доски.

Так было лучше. Ей видны приборы: показатель уровня топлива, альтиметр (КАКАЯ высота?) и компас. А через стекло фонаря ей виден...

Плавный сдвиг. И это неправильно: это она запомнила по гипноурокам, которые Вал Кон велел ей выучить. Неправильно, потому что значит...

Полет не горизонтальный.

Руки были тяжелыми, но она смогла сжать одной рычаг управления, а потом нашла указатель горизонта и медленно нажала ручку, глядя, как линия горизонта переползает с почти вертикального положения на ровное.

Рычаг двигался туго. Она попыталась перенести свой вес влево, чтобы увеличить плечо, и упала бы, если бы не полоса кожи.

Однако ей удалось медленно сдвинуть рычаг так, что на указателе наконец появилось положенное горизонтальное сечение: бело-голубое небо сверху, черное, обозначавшее землю, внизу.

Теперь через фонарь она видела горизонт, далекий и ровный. Он слегка поворачивался...

Что не было ни правильно, ни неправильно, а просто фактом, пока она не выяснит, где... И компас подсказал ей это. Она нашла солнце и поняла, что летит не в том направлении, и снова взялась за ручку управления...

Под ней оказался котел, кипящий чем-то серым и белым. Она вздрогнула, нога у нее подогнулась, но самодельный ремень безопасности не дал ей упасть, а его голос прошептал издалека, едва слышно:

— Гроза. Внизу.

Она потянулась, чтобы прикоснуться к его узору, но его не было... Нет, он был, но вокруг нее, и почему-то он угасал. Его краски расплывались туманом, переплетения начинали медленно распускаться.

Она прикусила губу.

— Ты умираешь! Вал Кон...

— Управляй. Самолетом.

Мостик между спутниками жизни кипел всплесками энергии. Шан мог различить ауру Вал Кона — очень слабую, и ауру Мири, гораздо более сильную, — и неоформившуюся третью, берущую нити у обеих, веретеном танцуя выше, ниже или внутри ткани мостика.

И он не смел прикоснуться к этой структуре.

Он делал что мог: дежурил у ее тела в скорлупе, оставшейся от ангара. Спустя какое-то время к нему пришел Нелирикк.

— Хотел спросить, что с капитаном. Я видел, как она упала. — Голубые глаза тревожно устремились к ней, отметили тихое движение грудной клетки и переместились на его лицо. — Жива.

— Жива, — подтвердил Шан.

— Разведчик не вернулся из полета.

Шан кивнул, наблюдая за мостиком спутников жизни. Его собственный отец после смерти своей спутницы жизни жил еще год. Однако связь между душами его родителей была тонкой, словно паутинка, и мало напоминала тот пожар, что соединял Вал Кона и Мири. Если Вал Кон умирает...

— Что с капитаном? — спросил Нелирикк.

Шан поднял голову.

— Она с разведчиком.

Голубые глаза заморгали, но потом Нелирикк кивнул.

— Идут новые танки. И солдаты.

«Солдатская премудрость» ожила.

— Доложи обстановку.

— Можем победить, — произнес от входа новый голос, с трудом подбирая слова на торговом. — С храбростью.

К ним направлялся мужчина — немолодой лиадиец, державший икстранскую винтовку, словно младенца. В петле у пояса висел колун, целиком окрашенный красным.

Нелирикк выпрямился во весь свой немалый рост. Не обращая на него внимания, лиадиец прошел мимо него и остановился, глядя на Мири. Спустя секунду он повернулся и обратился к икстранцу:

— Ты летаешь для капитана? А? Убиваешь по ее слову?

Нелирикк наклонил голову.

— Да, сударь.

— Она разрешила мне и моим товарищам быть с ней при условии, что мы будем подчиняться сержантам. Сержант моего взвода погиб. И есть много других, примкнувших к нам уже потом, и у них нет сержанта, чтобы ими командовать, а сражаться они будут яростно.

— Вы говорите мне это с какой-то целью? — осведомился Нелирикк.

Мужчина раздвинул губы, демонстрируя зубы в улыбке мертвеца.

— Я говорю тебе это, чтобы ты повел нас, капитанский икстранец.

— Я не...

— Все мои командиры убиты, понял? — крикнул лиадиец. — Ты возьмешь то, что я тебе предлагаю, чтобы использовать с толком, или мои мертвые погибли зря?

Пауза длилась доли секунды, не больше. Нелирикк поклонился.

— Солдат, я поведу вас. Во славу Отряда и капитана. Покажите мне ваших бойцов.

Она управляла самолетом. Бросив его в пике, она безжалостно вонзилась носом в облака, вспоминая корабли, которыми никогда не управляла, и чрезвычайные ситуации, в которые никогда не попадала.

Долгое время небо было серым. Тряска и шум ветра ее поразили. Самолет перешел на дозвуковую скорость и так страшно затрясся, что ей пришлось сражаться с управлением, до которого она с трудом дотягивалась. А потом она вышла из облаков.

Вокруг все было зеленым, слева текла река. Проносящиеся обрывки облаков на секунду закрыли ей обзор, а потом отстали.

Вдали она увидела аэродром с высоко поднятым флагом Первого Литаксинского Нерегулярного.

У левого крыла сверкнула молния, самолет дернулся и металлический корпус загудел от громовых раскатов.

Она стремительно приближалась к аэродрому, но ей мешали порывы ветра, бросавшие самолет так, словно он был не тяжелее мотылька. Ей трудно было видеть, правильно оценивать расстояние из такого положения.

Внизу и чуть впереди, среди деревьев — икстранские танки.

Она посмотрела на приборную доску, убедившись, что в запасе остались бомбы. Узор Вал Кона окружал ее со всех сторон, налагаясь на все вокруг усталыми меркнущими красками.

Она знала, что надо делать, дотянулась до пульта — и сделала это. Самолет опустился низко-низко, так что крылья скользнули по вершинам деревьев, а к ней понесся икстранский истребитель, но пока это было не важно.

С земли ее тоже заметили икстранцы. Она увидела, как поворачивается наводимая на нее зенитка, однако не изменила скорости, заходя на строй низко и отчаянно быстро. Она выжидала, выжидала — и зенитку навели, и выстрелили по ней, но промахнулись. А она уже была прямо над икстранцами, и открыла люки, и сбросила бомбы и остатки топлива — а потом они остались сзади, а другой самолет по-прежнему висел у нее на хвосте. Танк прицелился и выстрелил. Мири ударила по кнопке и выпустила шасси.

Истребитель позади взорвался.

Они не были солдатами, но были полны ярости, и их гнев помогал им слушаться приказов.

И Нелирикк заставил их выжидать в укрытии у края взлетного поля. Они выждали, пока первый самолет пронесся над лесом, сбросив топливо и оставшиеся бомбы на головы врагам. Выждали, пока выстрелившая зенитка сбила преследователя.

А потом, когда враг был в смятении и ужасе, он встал во весь рост, выкрикнул боевой клич: «Отмщение!» и повел сброд в атаку под вой ветра и раскаты грома, заглушавшие голос орудий.

Луч, направленный с поверхности планеты, прошел через оставленное икстранцами окно и коснулся их корабля.

Присцилла увидела вспышку — наружная защита, потом еще одну — внутренняя.

Она вздохнула и покачала головой. Это была отважная попытка, хотя и неудачная, и...

Неожиданно икстранский военный корабль повернулся и, прибавляя скорость, направился прочь от планеты...

— Данные обстановки, капитан. — Голос Рен Зела оставался ровным, не выдавая его чувств. — Тактические данные, капитан.

— Тактические? — переспросила Присцилла и потянулась к своему пульту, переводя изображение окна и военного корабля на четверть экрана, а на остальном немедленно возникли сигналы выхода кораблей из гиперпространства. Их оказалось не мень-

ше десятка, и, судя по характеристикам, это были земные корабли. Военно-транспортные корабли.

— Принадлежность?

— Дерево и Дракон, — сообщил Рен Зел, пока в системе появлялись все новые корабли. — Гирфальк. — Он сделал паузу. — Хунтавас.

— Хунтавас! — повторила она и посмотрела на него.

Он бесстрастно встретил ее взгляд.

— Возможно, они решили, что икстранцы не полезны торговле.

— Ну что ж, это не исключено.

Она снова посмотрела на экран. Рядом с икстранским военным кораблем творилось нечто странное. Пространство вело себя крайне необычно. Оно пульсировало, и казалось, что там что-то то появляется, то исчезает. Нет — есть. Нет — есть. Нет...

Есть.

Присцилла судорожно вздохнула, глядя на огромный астероид, который вел себя совершенно не по-астероидному.

— Присцилла! — вскрикнул Рен Зел, и она на секунду прикоснулась к его рукаву.

— Стая, — объяснила она, мысленно умеряя его смятение. — Это всего лишь корабль стайных черепах, друг. Брат капитана йос-Галана был... усыновлен черепахой.

— Да, — сказал он, переводя дыхание. — Конечно.

«Правый закрылок и немного левого элерона. Вошли во встречный поток, но не слишком, и выпустить закрылки на две трети, чтобы снизить скорость. Нос направлен вниз и почти ровно. А теперь выпустить предкрылки, чтобы резко уменьшить подъемную силу. Выпустить закрылки на максимум, не подскакивать. Главное шасси коснулось земли. Дать обратную тягу, немного подскочили, носовое колесо коснулось земли и катится. Ветер стал сильнее, и нас немного заносит — недостаточная корректировка встречного потока. Рули отчаянно сопротивляются напору ветра, а теперь изо всех сил нажать на тормоз раненой ногой...»

Боль пронзила ее, как удар электрического ската. Там, на земле, ее забили судороги, спина выгнулась. Шан навис над ней, прижимая плечи к земле, попытался прикоснуться к ней чувствами Целителя — и не решился, потому что узоры их аур соединились в прекрасном непонятном орнаменте. И Мири открыла глаза как раз тогда, когда самолет проехал мимо них — слишком быстро, даже если...

— Вал Кон!

Она с криком вернулась обратно в кабину и навалилась на ручку управления, толкнув ее вперед из последних сил. Кожаная лента врезалась ей в тело, и надо бы дать ручку до отказа, но она понимала, что не может пошевелиться — больше не получится, больше никогда...

— Дядя, — сказала Элис в переговорном устройстве, — Планетарная оборонная установка говорит, что убирает защиту после проведения успешного удара по наводящему компьютеру противника.

Тель-Вости изумленно расширил глаза. И вздохнул.

— Спасибо, племянница.

— Да. А еще она говорит, что прибыли подкрепления.

Лиад
Штаб-квартира Департамента Внутренних Дел

Из четырех агентов, направленных в Джелаза Казон, двое проходили переподготовку. Сообщение на экране Командира обещало, что один из них, возможно, снова достигнет формы, которую имел до катастрофы. Второй, по компетентному мнению старшего служащего, наблюдающего за этим процессом, на первоначальный уровень умений не выйдет. Однако наблюдающий оптимистично предсказывал, что его можно будет использовать как младшего полевого агента.

Чего нельзя было сказать про агента йо-Зимина, которого адъютант Командира вынужден был ликвидировать прямо в приемной Командира, как и про агента пел-Изо, получившего смертельное ранение, когда охранник в космопорту Солсинтры пытался помешать ему украсть корабль с гиперпространственным двигателем.

От тех двоих, кто сейчас проходил переподготовку, они услышали историю об ужасающем — кошмарном — происшествии, которое в каждом случае было совершенно различным, если не считать непреодолимого ощущения собственной обреченности.

Один агент рассказал, что был отрезан от физического мира, одновременно ощущая острую потребность бежать.

Второй сообщил, что у него начала болеть голова, и он закрыл глаза, чтобы немного уменьшить нагрузку. Когда он их снова открыл, то обнаружил, что стоит за пределами территории Джелаза Казон, вблизи того места, где все они накануне вечером на нее проникли. Не поверив тому, что видит, он снова зажмурился, а открыв глаза, обнаружил себя уже на горной гряде, служившей границей Долины Корвал. При этом агент не помнил, чтобы он туда шел. Он продолжал функционировать в таком дискретном режиме, пока его не обнаружил в Солсинтре полевой агент. Тот предусмотрительно запер его в чулане, а потом связался со своим непосредственным начальником.

С точки зрения Командира самым странным в этом невероятном приключении было то, что, по мнению специалистов, во время отключения сознания агентом руководили импульсы его порабощенной личности.

Именно этого агента специалист считал возможным заново подготовить для работы на Департамент. Командир нахмурился и нажал кнопку, чтобы связаться со своим помощником.

— Да, Командир?

— Агент вен-Эгут.

— Проходит переподготовку, Командир.

— Да. Позаботьтесь об его устранении. Недопустимый риск.

— Слушаюсь, Командир.

Он отключил связь и очистил экран. Корвал лишил его трех агентов. Он должен подумать о том, как лучше на это ответить. А пока следовало принять во внимание приручённую йос-Фелиумом землянку.

Программа подбора, сравнивавшая генную карту женщины, известной как Мири Робертсон, с данными кланов дала... интересный результат.

Гены Мири Робертсон хорошо подходили под гены Клана Эроб, старейшего союзника Клана Корвал.

Это значительно меняло картину событий, превращая якобы случайную встречу йос-Фелиума и «землянки-наемницы» в элемент хорошо продуманного и давно составленного плана.

Это также делало некую точку галактики наиболее вероятным местопребыванием Вал Кона йос-Фелиума.

Командир агентов снова нажал кнопку связи.

— Четырех опытных агентов в конференц-зал среднего уровня ровно к двенадцати часам. Приоритет главного командования. Подготовьте данные по истории, главным моментам развития, численности и ресурсам кланов на планете Литаксин. Сводку всех

данных о лояльности всех агентов, когда-либо работавших на Литаксине.

— Будет исполненно немедленно, Командир, — ответил помощник. — Какие еще будут приказания?

Командир секунду помедлил, вспомнив о потерянных трех агентах и вероятной виновнице этого — драмлизе Клана Корвал. Тут необходимо провести специальное расследование, поскольку одну ошибку он уже допустил.

— Да. Мне нужна сводка о способностях находящихся на планете драмлиз и сравнительный анализ их таланта. И еще... — Тут он замялся. Пока нарушать равновесие не следует. Но если Антора йос-Галан обратится к услугам кого-нибудь из драмлиз, находящихся у нее в долгу... — И, пожалуйста, представьте мне к завтрашнему утру планы на случай непредвиденных обстоятельств в отношении гильдий и объединений. Пока это все, — закончил он и отключил связь.

Литаксин
Дом Клана Эроб

Приказ исходил из собственных уст капитана, и поэтому на шестое утро после боя за аэродром Нелирикк вышел из похожего на бункер госпиталя под домом Клана Эроб и направился на улицу.

Он неспешно шагал вперед, доедая одно из тех потрясающих пирожных, которые повара принесли в палату капитана. У него были петлицы лейтенанта, нашивки капитанского адъютанта, а на левом плече — зеленая лента, знак отряда «Первый Литаксинский Нерегулярный», а еще знак Дерева и Дракона, который капитан приколола ему почти самостоятельно.

Приказ. ПРИКАЗ! Он был так рад тому, что она уже может приказывать, что прошел бы ради нее по всем горным вершинам планеты.

— Убирайся отсюда, — прошептала она, и лицо у нее было белее подушек, на которых она лежала. — Это приказ. Съешь пару лишних десертов. Это приказ. Если тебе нечего делать, пройди на аэродром и узнай, что происходит. И не смей здесь появляться до завтрашнего утра — если у тебя не будет для этого самых веских причин.

Ее раны были копией ран пилота. В течение тех долгих часов горя и ожидания, когда казалось, что они оба уйдут в места, где

вознаграждается служение долгу, Целитель, который был звездным капитаном и солдатом, объяснил ему кое-что насчет волшебников и уз спутников жизни. И все-таки если бы он сам не увидел ссадин от самодельного ремня безопасности и черные круги вокруг глаз из-за перегрузок... Да, странная жизнь у тех, кто хранит Дерево Джелы.

И весь мир стал странным. Территорию патрулировали дисциплинированные отряды, и хотя кое-кто посматривал на него с недоверием, никто его не останавливал. Воздух был сладким, солнце — ласковым, и он решил идти пешком, поскольку капитан явно желала обеспечить его полезность для отряда и сохранить его здоровье, пока сама она медленно поправляется.

Избранный им маршрут привел его на холм, откуда перед ним открылся вид, похожий на тот, который он наблюдал из штаба Четырнадцатого Корпуса Завоевания, когда отважный глупый самолетик благородно выступил против Корпуса, а корабль-разведчик бросил небесам вызов самого Джелы.

Долину заполняли всевозможные самолеты и космические корабли: наемники не хотели допустить, чтобы Пятнадцатый Корпус явился заканчивать то, что начал Четырнадцатый. Тут располагались ракетные установки и истребители и один странный маленький корабль — очевидно, курьерский или личный корабль какого-нибудь командующего.

Воронку от взрыва корабля разведчика уже очень мудро превращали в котлован для фундамента какого-то нового строения.

И... ему показалось или в долину действительно быстро спускался разведывательный корабль?

При виде этого силуэта у него перехватило дыхание от восхищения. Может быть, когда-нибудь капитан позволит ему попасть внутрь такого корабля...

Он одним глотком покончил с пирожным и стал смотреть, как корабль аккуратно садится на ближайшем краю поля. А потом он побежал.

Когда он добрался до корабля, там уже стояли трое в повседневной одежде: женщина и двое мужчин. Все трое — лиадийцы, все трое, судя по осанке и быстроте реакций — пилоты. Они разговаривали с квелым агентом Клана Эроб. Этот служака показывал на купу деревьев, и, медленно подходя к ним, Нелирикк услышал его слова:

— Истребители... другой защиты не оставалось...

Двое мужчин явно были старшими пилотами. У одного в руке была трость, другой вырастил на лице усы, словно землянин. У

обоих в волосах виднелась седина. Оба открыто плакали, а женщина стояла рядом, серьезная и настороженная.

Увидев его, она широко раскрыла глаза и подняла руку — мягко, но решительно. Мужчины повернулись к нему, мгновенно почувствовав угрозу.

Нелирикк отдал честь.

Лиадиец с усами (такое Нелирикк точно видел впервые) держался так, словно на него навалился тяжелый груз. Его лицо еще не просохло от слез. Второй был одновременно и более спокоен, и более опасен: его взгляд быстро скользнул по лейтенантским петлицам, ленте, Дереву и Дракону — а потом переместился на лицо Нелирикка.

На мгновение Нелирикк почувствовал себя так же, как тогда, когда капитан в первый раз обходила вокруг него. Этот способен при необходимости мгновенно отнять у него жизнь. Этот, Джела свидетель...

— Нелирикк Исследователь, лейтенант Первого Отряда Литаксинских Нерегулярных войск, — объявил он на высоком лиадийском. — Я могу быть вам полезен, разведчики?

Все трое переглянулись, а потом одновременно поклонились: Нелирикк знал, что так равные приветствуют равного. Агент Клана Эроб принял это как добрый знак и поспешно ретировался.

— Шадиа не-Зейм, лейтенант-разведчик, первопроходец, — проговорила женщина, прижимая руку к сердцу.

— Клонак тер-Мьюлин, командор-разведчик, — сказал мужчина, который плакал сильнее. — Простите за демонстрацию, лейтенант. Я только что узнал, что здесь погибла моя дочь.

Третий очень внимательно осмотрел его и извлек из внутреннего кармана руку, на которой блестело одно серебристое кольцо. Разжав кулак, он продемонстрировал на ладони значок Дерева и Дракона, как у Нелирикка на куртке.

— Я тоже служу Дереву и Дракону, Нелирикк Исследователь, и мне что-то не удается вспомнить ваше имя в наших списках.

Нелирикк стоял навытяжку, словно перед самим разведчиком, разведчиком, который...

— Я недавно завербован, сэр. Личный адъютант Мири Роберт-сон, капитана Первого Отряда Литаксинских Нерегулярных, спутницы жизни Вал Кона йос-Фелиума из Клана Корвал. Служу роду йос-Фелиум.

Лейтенант-разведчик тихо вздохнула. Усатый мужчина поземному покачал головой и пристально посмотрел на мужчину с Драконом на руке.

— Кланы возвращаются к истокам, друг мой. И вот перед нами истинный Солдат, а если тот корабль — это не курьер Хунтавас, то есть, проще говоря, пиратский, то я готов проглотить свой справочник координат.

Не реагируя на слова своего спутника, безымянный разведчик низко поклонился.

— Сударь, — сказал он Нелирикку, — я вынужден поручить себя вашим заботам и попросить любезно представить меня вашему капитану — той, которая стала спутницей жизни Вал Кона йос-Фелиума, ибо я тоже принес клятву служить роду йос-Фелиум. Где ее можно найти?

— Сэр, она в госпитале, поправляется после ранений, полученных в последней славной битве.

— Она сможет со мной говорить? Или, может быть, со мной поговорит ее спутник жизни?

— К капитану уже допускают посетителей. Думаю, что она захочет поговорить с разведчиками, хотя обещать не могу. А ее спутник жизни...

Он замолчал, вспомнив то, что извлекли из истребителя звена асов.

Воздух вдруг стал ледяным, а лицо, в которое он смотрел, напряженной непроницаемостью напомнило ему другое лицо, так хорошо знакомое.

— Ее спутник жизни, сэр, находится в капсуле автоврача. Медицинские техники надеются, что через неделю он сможет говорить, а через месяц, возможно, ходить.

Воздух снова потеплел, а лицо перед ним почти улыбнулось.

— Тогда я полагаю, что вам следует как можно скорее отвести меня к его спутнице. — И тут он вдруг перешел с высокого лиадийского на язык солдат: — Солдат, служи отлично, потому что задача у тебя трудная. — Он поклонился и снова заговорил на лиадийском, в модальности, которой научил Нелирикка брат разведчика: она называлась товарищеской. — Я очень рад с вами познакомиться, исследователь. Меня зовут Даав йос-Фелиум.

ДЕРЗАЮ

День 276-й
1392 год по Стандартному календарю
Мастерская мастера Дженна
Неглит

Они смели сомневаться в его мастерстве! Смеялись над ним, Госпожа тому свидетельница! Позволили себе думать, что он уже вышел в тираж, старый подслеповатый землянин, руки-крюки, неспособные даже полировать столовое серебро, а уж сделать дубликат колечка — куда ему!

Но это было до лиадийцев.

Да, это точно были лиадийцы: красивые монеты-кантры конфетками мелькали в их тонких эльфийских руках, лестные слова слетали с их губ. И приходится признаться Госпоже Нашей, что кантры говорили громче. Мужчина и его внук с запасом из трех кантр могли жить припеваючи целый год — а то и шесть лет — на этой захолустной планете Неглит.

А они обещали ему еще три кантры, когда придут забрать кольцо.

Кольцо. Да, работа получилась превосходная. В молодости он схватился бы за такой заказ только ради того, чтобы проявить свои способности, не думая об оплате.

С возрастом он отучился от подобных глупостей — он возьмет свою плату. И хорошую плату. И он все равно прошел через утонченное, жестокое испытание работой, и теперь ее плод, многократно и тщательно отполированный до такого состояния, что интарзийный узор, зеркально сверкающий в ярком луче его рабочей лампы, доказывал: он все еще великолепно владеет своим ремеслом.

Они обратились к нему — хитрые лиадийцы. К нему, Дженну с Неглита, хотя могли бы выбирать среди лучших мастеров Солсинтры. Однако они специально прилетели на провинциальную

планетку, нашли старого и слабеющего мастера-землянина и поручили ему создать... воссоздать... свое кольцо. Зачем?

История, которую они приготовили для землян, звучала достаточно просто. Оригинал кольца, фамильная реликвия, потерялся — и его необходимо заменить, пока некие старейшины не заметили.

Подобные вещи случаются, поскольку канализация и азартные игры повсеместно угрожают дорогим украшениям. И, возможно, мастера Солсинтры сплетничают между собой, и чей-то шепот может долететь до ушей строгого старейшины — к великому смущению его красивеньких заказчиков.

Возможно.

У него хватило ума не расспрашивать их слишком настойчиво. У него не было желания лишиться своих шести кантр, хотя он, возможно, и заартачился бы, если бы они потребовали использовать стразы, сплавы или стекляшку. Однако их инструкции были недвусмысленными: в дело идут только бриллианты, чистое золото и изумруд. Им нужна была замена, вот на чем они настаивали: полный дубликат потерянного кольца.

И он изготовил для них дубликат, точный до самых мельчайших деталей.

Он снова взял кольцо, поворачивая его под светом и восхищаясь простотой и мощью дизайна. Пойманный в идеально гибкой позе, бронзовый дракон парил, расправив крылья, над деревом, покрытым зеленой листвой. Улыбнувшись, мастер еще раз сравнил кольцо с голограммой оригинала, которую ему оставили.

— Я свидетельствую: ты обмануло бы даже того мастера, который тебя сотворил, — ласково сообщил он копии.

— Действительно, отличная работа, — произнес у него за спиной голос с сильным акцентом.

Старый ювелир испуганно вздрогнул и резко обернулся, хмурясь на светловолосого лиадийца в дорогой кожаной куртке.

— Так человека до смерти напугать можно — нехорошо так неслышно подкрадываться!

Он опомнился, перевел взгляд со своего посетителя на дверь мастерской, над которой был закреплен колокольчик, звеневший всякий раз, когда к нему с улицы заходили редкие заказчики. Он снова посмотрел на гладкое бесстрастное лицо лиадийца.

— Как вы вошли?

Лиадиец указал себе за спину, где осталась приоткрытой внутренняя дверь.

— Через дом.

Страх — крохотная искра страха — вспыхнул в сердце старого мастера. Мальчик был его последним сокровищем. Он не думал, что его заказчики — похитители детей, но...

— Я вас расстроил, — мягко проговорил лиадиец. — Это не входило в мои намерения.

— Так. — Памятуя о трех кантрах, которые ему еще предстояло получить, мастер-ювелир взмахнул рукой, словно прогоняя свой страх, и сдержанно проговорил: — Понимаете, час уже поздний. Мальчику надо отдыхать.

— Конечно, — согласился лиадиец.

У него за спиной шевельнулась какая-то тень. Старый мастер прищурил глаза и встретился с неподвижным взглядом лиадийской женщины.

— Ребенок спал, — сказала она тихим невыразительным голосом. — Мы его не разбудили.

Он быстро кивнул, радуясь возможности не смотреть ей в глаза.

— Спасибо вам.

— Ну что вы, — произнесла она и двинулась вперед.

Ее напарник посторонился, давая ей возможность видеть рабочий стол. Она остановилась с таким же ничего не выражающим лицом и стала сравнивать голограмму и реальность, лежащие рядом под рабочей лампой.

— Превосходно, — объявила она наконец, но в голосе ее не слышно было уважения. Тем же холодным взглядом она посмотрела в лицо Дженна и направилась к столу. Ее движение заставило его чуть повернуться на своем табурете. Лиадиец исчез в тенях мастерской. — Вы действительно мастер-ювелир, — сказала женщина.

Она протянула руку и, взяв кольцо, стала поворачивать его в луче света, а потом опустила, чтобы снова сравнить с голограммой. Женщина стояла вплотную к мастеру, отделив его от мастерской, и Дженну оставалось только наблюдать за ней. На холодном красивом лице не видно было ни радости, ни облегчения.

— Да, — решила она и отправила кольцо в карман своей куртки, словно это была дешевая побрякушка. Голограмма была убрана в другой карман, откуда появились три монеты по кантре, засверкавшие на ее ладони, словно три луны. — Вы заслужили свои деньги, мастер Дженн, — сказала она, протягивая руку.

Три монеты блестели, обещая уют, спокойствие и образование для мальчика. Он подался вперед — и ощутил острую боль в основании черепа.

Лиадийка отступила назад и дала телу упасть на пол. Ее спутник взял со столика полировочную суконку и стер кровь с тончайшего стилета, после чего спрятал клинок во внутренний карман. Из другого кармана он извлек пузырек, содержимое которого вылил на тело. После этого он снова закупорил пузырек, тоже обтер его суконкой и положил ее на место.

Женщина подняла руку и повернулась, неспешно пройдя через сумрачное, захламленное помещение мастерской. Он пошел следом за ней в дом, мимо неподвижной фигурки в детской кроватке, через взломанную дверь — и в ночь.

Через пять минут после их ухода первые языки пламени пробудились к жизни, питаясь зажигательной жидкостью, оставленной для них. Еще через пять минут мастерская и дом уже были охвачены огнем — настолько яростным, что вода из брандспойтов пожарных шипела и испарялась, еще не соприкоснувшись с пламенем.

Через пять часов огонь погас, пожрав дом, мастерскую и все, что в них находилось, не оставив даже пепла на каменном полу полуподвала.

День 283-й
1392 год по Стандартному календарю
Космопорт Макджи
«Награда фортуны»

— И сколько раз вы собираетесь меня увольнять?

Пат Рин йос-Фелиум вздохнул.

— Освежите мне память, мистер Мак-Фарланд. Сколько раз мне уже удалось вас уволить?

Мощный мужчина ухмыльнулся.

— Хорошо, тут вы правы. Но, понимаете, мне казалось, что у нас есть уговор. Я не только ваш пилот, но и ваш помощник. Эта ваша идея — забрать деньги и затаиться — вполне удачная. Больше того, это — прекрасная идея, даже если учесть, что вы мне рассказали, хотя я не такой тупица, чтобы поверить, будто это вся правда. Единственный ее недостаток — это что вы собираетесь действовать в одиночку, что не умно. На дно надо ложиться осторожненько и гладко, стараясь не поднимать волны. И при этом не забывать, что каким бы хитрым ты ни был и как бы низко ни

пригибал голову, что-нибудь обязательно произойдет — скорее всего какая-нибудь глупая случайность — и тебе понадобится помощь. Вы должны рассчитывать, что они вас найдут, и должны быть к этому готовы. Если вы будете думать иначе, то с тем же успехом можно прямо сейчас взять пистолет и застрелиться. По крайней мере так у всех будет меньше хлопот.

Какое красноречие! Пат Рин выгнул бровь.

— Вы меня заинтриговали, Мак-Фарланд. Интересно, откуда вы так хорошо знаете, как ложатся на дно?

— Может, когда-нибудь и расскажу, — буркнул его пилот.

Пату Рину пришло в голову, что он раздражает пилота не меньше, чем пилот — его. Он постарался овладеть собой и наклонил голову.

— Прошу прощения, пилот. Я не имел намерения причинить вам боль.

— И не причинили, — ответил Чивер, все еще довольно отрывисто. — Если не считать головной боли. — Он шумно вздохнул. — Послушайте, мы уже об этом говорили. Прикрывать вас — это часть моего договора с Шаном. Сделайте мне одолжение и поверьте, что я не настолько глуп, чтобы нарушить слово, данное лиадийцу, ладно? Если вы недовольны ситуацией, обсудите ее с ним, когда в следующий раз окажетесь в одном помещении.

— А!

Пат Рин задумался над услышанным. Подобная забота была... необычна. Его двоюродные брат и сестры были младшими и привыкли, что старший кузен сам выбирает свой путь. Что заставило Шана решить, что на этот раз Пат Рин может столкнуться с трудностями настолько серьезными, что потребуется присутствие Мак-Фарланда? Если только...

Но Шан — Целитель, а не Предсказатель. Однако самая младшая сестра Шана, кузина Пат Рина Антора, считалась довольно уважаемой драмлизой, и в число ее талантов входила способность предсказывать будущие события. Пат Рин один раз видел Антору в момент действия ее дарования и не сомневался, что эта способность вполне реальна. Возможно, Антора предвидела холодную тень опасности, угрожающей клану, еще в тот момент, когда он готовился улететь с планеты, и шепнула словечко на ухо брату?

И в конце концов, какое это имеет значение? Пилот Мак-Фарланд прав. Меланти Пат Рина не позволяет ему нарушать договоренность, существующую между Шаном и другим человеком.

Он вздохнул и в упор посмотрел на своего пилота.

— Я считаюсь метким стрелком, — проговорил он со всей доступной ему мягкостью. — Говорю это просто для того, чтобы вы приняли это к сведению.

— Да, сэр, я в этом не сомневаюсь. Но и вам иногда нужно спать.

«И с этим, — подумал Пат Рин, — спорить не приходится». Он наклонил голову, уступая не только Чиверу Мак-Фарланду, но и Шану.

— Хорошо, — сказал он. — Раз вы настаиваете на том, чтобы продолжить работать на меня, я сообщаю вам, что мне требуется отбыть на рассвете.

Массивный пилот одарил его пристальным взглядом.

— Вот как?

— Да, так, — довольно резко отозвался Пат Рин. — Я высказал требование, которое для вас невыполнимо?

— Нет. Но нам обоим было бы проще, если бы вы догадались вызвать диспетчерскую и перевести нас на площадку для срочного взлета.

Теперь уже настал черед Пат Рина пристально смотреть на него.

— Чтобы получить статус срочного взлета, мне пришлось бы сообщить в диспетчерскую номер моей лицензии, — сказал он, пытаясь понять, не подвыпил ли все-таки его пилот во время пребывания в городе.

Чивер кивнул.

— Да, но моя карточка уже зарегистрирована. Вы могли бы ввести свой запрос вручную, прямо в систему, и никто бы не узнал, что на борту был не я.

— Пилот Мак-Фарланд...

— ...потому что вы ведь знаете порядок подключения, правда? Как и остальной пульт управления? Вот что я вам скажу: я совершенно не понимаю, почему вы не желаете занимать кресло второго пилота. По-моему, я еще никогда не видел человека, который бы так интересовался пультом. А мне помощь была бы очень кстати. Как замена, понимаете?

— Мистер Мак-Фарланд, я не пилот. Браться за пульт...

— Каков порядок перевода на срочный взлет? — бесцеремонно перебил его Чивер.

Пат Рин раздраженно сверкнул глазами.

— Кнопки для получения статуса «срочный взлет» — двенадцать, зеленая, правая. Должная ориентация корабля — север-юго-восток-запад. Это предполагает, что имеется должный запас мощ-

ности, а он у нас есть, потому что иначе индикатор мощности показывал бы синий-синий-красный, а не синий-синий-синий, как в настоящий момент. Тогда мы вынуждены были бы использовать преобразователи, что стоило бы нам еще половину кантры в стандартную минуту с соответствующим пересчетом на земное время за дополнительную услугу.

Он судорожно вздохнул и снова попытался взять себя в руки. Чтобы наемный служащий позволил себе устроить ему столь элементарную проверку! Неужели он похож на дурака?

Землянин кивнул.

— Правильно. Значит, вы могли это сделать. Хотя они скорее всего взяли бы с вас лишние деньги, если бы вы не вспомнили, что надо предупредить их о переориентации на брюхо вместо спины: ведь это корабль постройки до 1350-го, а они неправильно истолковали бы ваш запрос, потому что обводы у него выглядят новыми.

Он снова кивнул — похоже, самому себе.

— Если вы все это знаете, то могли бы брать управление, когда надо переместить корабль на внешнюю ячейку при нахождении на орбите. Я был бы очень благодарен вам, если бы вы занимали место второго пилота, потому что в какой-то момент нам могут понадобиться лишние руки или глаза. Шеф.

Пат Рин вздохнул, и внезапно погасший гнев ощущался как холод.

— Мистер Мак-Фарланд, я не пилот, и если я сяду за пульт, любой нормальный командир корабля испугается так, что тут же уйдет в отставку. Да, я знаю все протоколы. Почти все мои родственники — пилоты. Меня самого проверяли на способности к пилотированию. И я испытания провалил. Неоднократно. И я, право, не знаю, как понятнее вам это объяснить.

— Вы объяснили, — успокоил его Чивер. — Вы хотите сказать мне, что знаете, что именно надо делать, просто делаете это недостаточно быстро. Так?

— Да.

— Ладно. Но вы все равно могли бы кое в чем мне помогать, что было бы на пользу нам обоим. Вы ведь все формулы знаете?

Боги! Еще как. Когда он был мальчишкой, то считал это игрой: дядя Даав, двоюродный дядя Эр Том и даже Люкен бросали ему незаконченную фразу пилотирования и щедро хвалили его, когда он правильно ее завершал. В тех случаях, когда он совершал промашку — а поначалу такое случалось часто, — они мягко говорили ему правильный ответ, а потом снова хвалили, когда он повторял его без ошибок.

Он делал то же самое со своим собственным ребенком, учил его детским стишкам пилотов...

Пат Рин посмотрел на массивную фигуру Мак-Фарланда. «Это — мастер-пилот», — напомнил он себе и вздохнул.

— Да, мистер Мак-Фарланд. Я знаю все формулы.

— Прекрасно. Я не могу заставить вас что-то делать, но я выскажу свое профессиональное мнение как мастера-пилота: для корабля было бы лучше, чтобы вы выполняли роль моего второго пилота, когда обстановка спокойна.

Пат Рин поклонился — как новичок мастеру.

— Хорошо, мистер Мак-Фарланд. Если вы считаете, что это — вопрос безопасности корабля, я буду сидеть на месте второго пилота.

— Великолепно, — сказал Чивер и потянулся. Его вытянутые над головой руки коснулись потолка каюты. — Я пойду приму душ и волью в себя немного кофеина. А тем временем вы свяжетесь с диспетчерской и переведете нас на статус срочного взлета, хорошо? Не забудьте напомнить им про ориентировку на брюхо.

С этими словами он повернулся и ушел с мостика, оставив Пат Рина гневно смотреть в пространство.

Спустя какое-то время лиадиец вздохнул и сел за пульт, чтобы ввести запрос в диспетчерскую.

День 283-й
1392 год по Стандартному календарю
Лиад
Штаб-квартира Департамента Внутренних Дел

Закончив чтение, командир агентов закрыл папку с докладом полевых агентов.

Сила Клана Корвал заключалась в том, что он хранил — можно даже сказать, копил — корабли, что в членах клана выше всего ценились навыки и быстрота реакции пилотов, что браки намеренно заключались так, чтобы рождались пилоты, чтобы члены клана стали идеалами пилотов...

Эта сила таила немаловажную слабость.

Пат Рин йос-Фелиум, наследник Карин, старший кузен Вал Кона, по праву родства и крови должен был бы сейчас стоять во главе Клана Корвал — вот только он не был пилотом.

Будучи неполноценным с точки зрения Корвала, он был отброшен, оставлен вести бессмысленную жизнь балованного эгоиста.

А вот Департамент Внутренних Дел прекрасно знает, как надо ценить Пат Рина йос-Фелиума и какое место ему следует отвести в своем Плане.

Командир агентов едва заметно улыбнулся и положил руку на закрытую папку.

Пусть Департамент для своего успеха считает нужным убрать Корвал с игровой доски, однако миру в какой-то степени Клан Корвал будет нужен по-прежнему. Как можно лишиться клана, который владеет контрольным пакетом почти сорока основных производств на планете, имеет решающий голос в гильдии пилотов, основал Разведку, целиком владеет пятнадцатью торговыми кораблями и бесчисленным количеством более мелких кораблей, не говоря уже о доках, где эти корабли обслуживают? Экономика планеты содрогается даже при одном намеке на подобную катастрофу! Да ведь Корвал владеет даже красками, с помощью которых изготавливаются кантры, и только выдает их гильдии Монетчиков порциями, рассчитанными на двенадцать лет. Эта традиция уходит еще во времена первого Вал Кона йос-Фелиума, наследника Кантры.

Короче говоря, в План Департамента банкротство Лиад не входит. Для Департамента необходимо, чтобы лиадийская экономика процветала и развивалась.

И если экономике необходим Клан Корвал, то он будет существовать.

День 284-й
1392 год по Стандартному календарю
Отлет с Макджи

Мощная фигура Мак-Фарланда нависала над пультом «Награды фортуны», но его пальцы двигались легко и уверенно, почти лаская кнопки и рычажки своими прикосновениями. Несмотря на свои габариты, он удобно помещался в кресле пилота, которое отодвигалось от пульта на максимальное расстояние. На

этом этапе полета его внимание было полностью поглощено пультом с его десятком индикаторов, счетчиков, ручек и переключателей и экранами над пультом.

На этот раз пилот включил для главного пульта совсем немного изображений. Вид местного пространства по направлению прямо вперед, на которое картинка с радара накладывалась поверх изображения в обычном и инфракрасном диапазонах. Задний вид был взят под сверхширокимуглом, и все, не входящее в передний вид, изображалось с двойным уменьшением. Некоторые экраны были довольно неожиданными, в особенности левый угловой, с двухстрочной записью последних 144 слогов основной радиосвязи на земном — поверху шли получаемые сообщения, понизу — отправляемые.

Пульт второго пилота был включен, и Пат Рин сидел за ним, чувствуя себя крайне неловко. Он тщательно избегал прикасаться к пульту, сосредоточиваясь на уравнениях прыжка, которые он готовил на утверждение пилота. Словно подтверждая, что это кресло он занимает исключительно по прихоти пилота, экран над пультом показывал не изображение пространства вне корабля, а мозаику пиктограмм — всех систем корабля, представленных в порядке, известном только пилоту.

Пат Рин закончил последний расчет и записал результат. Откинувшись на спинку кресла, чтобы находиться от пульта на максимально возможном, но все же не абсурдно далеком расстоянии, он стал смотреть по экранам, как Чивер Мак-Фарланд ловко проводит «Награду фортуны» через оживленное пространство низких орбит.

Время от времени Пат Рин замечал, что руки пилота делают паузу: наступал очередной момент принятия решения. Когда это произошло в третий раз, Пат Рин поднял глаза и увидел, что слева открылось новое окно.

— Я отслеживаю удаленный перехват, — совершенно спокойно сообщил землянин. — Вообще-то здесь, во всей этой каше, обычно нужно было бы думать только о ближайших 72 секундах, потом — о следующих 720 секундах и не особо беспокоиться о дальнейшем, потому что слишком много орбит тут проходит на малых расстояниях и приходится активно маневрировать. Но если бы кто-то высматривал, как мы будем прыгать с какой-то более или менее определенной точки, то находиться такой наблюдатель должен был бы где-то вблизи траектории перехвата. Например, на трехчасовом расстоянии, когда корабли вроде нашего обычно совершают прыжок.

Поистине — урок пилотирования! Пат Рин шевельнул рукой, показывая, что слушает.

— Вот прямо сейчас параллельным с нами курсом идет какой-то корабль. Но он-то не проблема — я сомневаюсь, чтобы кто-то решил преследовать нас на рудовозе. А чуть позади него еще один, который взлетел с ремонтных доков примерно в одно время с нами. Визуально принимается прекрасно, а вот маячок у него какой-то странный и наладка у него сбилась, я бы сказал. Орбиту держит как по ниточке, как и положено кораблю только что из дока.

Пат Рин снова махнул рукой, а Чивер опять связался с диспетчерской, голосом подтверждая свое направление — и в ответ узнав, что «в связи с усиленным движением» главный диспетчер просит все корабли отлететь от планеты еще на четверть диаметра, прежде чем начинать прыжки.

— Дьявол! — тихо пробормотал Чивер и нажал кнопку связи.

— Диспетчерская, а нам нельзя оставить прежнее расписание? У меня тут новичок потеет, вычисляя координаты для прыжка, и если ему придется начинать все заново, мы проторчим у вас еще сутки!

Такое промедление не могло быть вызвано только тем, что скорость света конечна. В ответ Чивер услышал сдавленный смех.

— Ох, ладно, отменяем поправку, «Награда фортуны». И мне велено сказать, что ваш новичок должен будет поставить помощнику диспетчера выпивку, когда в следующий раз сюда попадет.

— Слушаю и повинуюсь, диспетчерская. «Награда фортуны», конец связи.

Пат Рин с вопросительной улыбкой посмотрел на своего пилота.

— Я мог бы ввести поправки в уравнения. Четверть диаметра — это не...

Ответом было типичное для землян покачивание головой.

— Да понятно. Но теперь у нас есть объяснение, почему мы прыгнули чуть раньше срока и с совершенно неправильным уровнем энергии — на тот случай, если за нами следят.

Значит, они действуют осмотрительно — на тот случай, если враг Клана Корвал его обнаружил. Похоже, Чивер Мак-Фарланд — человек себе на уме и строит свои планы с учетом наихудшего варианта.

— Вот что я вам скажу, — говорил тем временем пилот. — Как только мы войдем в прыжок, я переключу тот пульт, чтобы вы отслеживали мой заход на Теристу. И я буду задавать вопросы, проверяя, насколько вы внимательны.

Пат Рин с трудом удержался, чтобы не огрызнуться. Споры со старшим, желающим научить тебя необходимым вещам, могут принести неудачу — особенно когда в действие введен «План Б».

День 50-й
1393 год по Стандартному календарю
Литаксин
Медцентр Клана Эроб

Назвав имена своих родственников, они получили доступ в дом и быстроногого провожатого, который был готов провести их туда, где лежала их сестра, оправлявшаяся от ранений.

Следуя за Элис Тайазан Клана Эроб, кузиной Мири Робертсон Тайазан леди йос-Фелиум, Точильщик думал, как удачно получилось, что они не стали медлить, а со всей поспешностью высадились на поверхность планеты и направились прямо в это жилище.

По правде говоря, Хранитель так сильно беспокоился, что на поиски родичей они отправились весьма торопливо. Однако Хранитель так глубоко изучил Мири Робертсон, как ни один представитель Стаи еще не изучал индивидуума из человеческих кланов, и потому Точильщик был готов прислушаться к нетерпению своего брата.

И нетерпение это не оказалось чрезмерным, когда им открылись двери дома Клана Эроб. Новости, сообщенные Элис Тайазан, были чрезвычайно тревожными, и Точильщик всей душой надеялся на то, что они прибыли достаточно быстро и обладают достаточными умениями, чтобы выполнить задачи, записанные судьбой на их имена.

Впереди него бежала невозможно хрупкая личность Элис Тайазан. Ее рыжие волосы, так похожие на волосы его сестры, были заплетены в две косы, которые чуть приподнимались на ветру, созданном ее собственным движением. Ей преградила путь стена, которая тут же бесшумно и быстро отступила в сторону, пропустив ее и следом за нею Точильщика и его братьев в короткий безмолвный коридор, где у двери стоял одинокий часовой в форме и с вооружением наемника.

При их приближении он нахмурился, сделал несколько шагов вперед и поднял многопалую руку, повернув к ним ладонью.

— Стоп! — сказал он Элис Тайазан. — Надеюсь, ты не собираешься вести их туда, девочка?

— Именно собираюсь, — ответила она, немного запыхавшись. — У них право родства. Моя кузина пожелает увидеть их немедленно.

Это был рослый мужчина из тех, которые называют себя землянами, однако ему пришлось довольно сильно задрать голову, чтобы посмотреть на Точильщика и Хранителя.

— Право родства? — переспросил он, чуть прищуриваясь.

— Дитя говорит правдиво, — подтвердил Точильщик. — Мири Робертсон Тайазан, Леди йос-Фелиум, Капитан Рыжик, как ее здесь знают, является сестрой мне и этому моему брату. И мы также в родстве с тем, кого зовут Вал Кон йос-Фелиум Разведчик.

Солдат хмуро посмотрел на Элис.

— Было приказано пускать только родственников, да и тех как можно меньше. Кэп Рыжик всего восемь часов как из автоврача, девочка. Если она переутомится, техники запихнут ее обратно в капсулу, и ты можешь не сомневаться — ей это не понравится.

— На самом деле, — заговорил Хранитель с решимостью, которая была совершенно не похожа на его прежнюю робость, — мы находимся здесь именно потому, что услышали тревожные известия о здоровье нашей сестры. Нас бы успокоило, если бы мы могли увидеть ее, поговорить с ней и самостоятельно оценить ее состояние.

— О! — Солдат пожевал нижнюю губу, а потом вдруг быстро кивнул, словно приняв какое-то решение. — Ладно, я понимаю: вам хочется видеть, как ее подлатали. Могу впустить вас глянуть. Только я говорил: не стоит утомлять ее настолько, чтобы этим заинтересовались медтехники. Особенно когда ее напарник в таком состоянии.

Точильщик моргнул.

— Мы слышали, что положение нашего брата крайне тяжелое.

— Ну, — задумчиво сказал солдат, поворачиваясь и прикладывая ладонь к дверному замку, — ему уже не так плохо, как шесть дней назад, но я бы точно не хотел поменяться с ним местами.

Дверь отъехала в сторону, и он посторонился, небрежно махнув рукой в знак приветствия.

— Ну идите. И не забудьте, что я вам сказал.

— Мы не забудем, — пообещал Хранитель, проходя следом за своим братом в комнату, где лежала его сестра, выздоравливая среди лишенных песни.

* * *

Рыжеволосая Мири Робертсон, еще недавно — капитан Литаксинских Нерегулярных Войск, лежала с закрытыми глазами на подушках. Комнату наполняли звуки — обычные звуки больничной палаты: журчание и бормотание аппаратуры, редкие шорохи движений женщины-техника, которая обслуживала аппараты, — и дыхание самой Мири. «Странно, — подумала она немного сонно, — что больничные палаты всегда звучат одинаково, земные и лиадийские, планетные и космические».

Вздохнув (очень тихо, чтобы техники не стали лезть с уговорами подремать: можно подумать, она и так не проторчала шесть стандартных дней в автоврачебной в полной отключке), она собрала внимание, намеренно отключая все знакомые звуки больничной палаты и сосредоточившись на том месте у себя в голове, где она так привыкла находить... А, дьявол, называйте это хоть «жизненной силой», хоть «тенью души» — или просто узором — своего спутника жизни.

Раньше эта конструкция была полна жизни, переливалась всеми красками, поражала хитроумной сложностью. В последнее время она поблекла, ее поразительные переплетения начали распадаться с величественной и ужасающей точностью. В тот момент Вал Кон умирал от нескольких ран. Самой серьезной из них была пуля, которую он получил от солдата Элитной гвардии Икстранга, когда угонял атмосферный истребитель, который охранник вполне резонно считал принадлежащим его воинской части.

В Элитной гвардии использовали пули с целым салатом начинок: взрывчатые вещества, галлюциногены и прочие не слишком полезные вещи. Пуля, задевшая Вал Кона, несла в себе нервный токсин. Она не осталась у него в теле, что было к счастью, потому что прямое попадание могло бы завалить даже массивного солдата-икстранца, а уж обычный лиадиец «чуть выше среднего роста — для лиадийца» расплавился бы на месте.

Поэтому Вал Кон не умер, хотя на этом его удачливость в тот день закончилась. Им удалось разделить остальные его травмы между собой, так что она сама на несколько дней угодила в капсулу автоврача, леча раны, которых не получала. А он все еще был запечатан в кризисном модуле, и опасность для его жизни все еще не миновала. Шан все это ей объяснил... вернее, попытался объяснить, но у нее было такое чувство, что ей придется заставить его еще раз повторить самые заковыристые моменты: как могло получиться, что ей достались травмы от перегрузки, когда ее тело без чувств лежало на земле, во многих милях от самолета, кото-

рый она привела на посадочную площадку, после того как Вал Кон...

«Брось, Робертсон, — сказала она себе. — Тебе этого все равно не понять. Просто согласись, что это произошло. Нет смысла биться головой о невозможное».

Битьем головой о невозможное стала и попытка как-нибудь проверить состояние Вал Кона. Она скрипела зубами и старалась сосредоточиться, чувствуя, как на лбу выступает пот. Сдерживая дыхание, она устремлялась внутрь себя — но видела только серость, одну только серость. Раньше это не было так трудно!

И вдруг у нее получилось: узор вспыхнул, яркий и четкий, разгоняя вихри тумана.

Мири судорожно сглотнула.

Несомненно, это Вал Кон. Несомненно, он жив. Но было... разделение, трещина. Связи были разорваны, островки отделились от целого. Кое-где цвета мерцали и бледнели, кое-где почти выцвели до прозрачности.

— О боги! — прошептала она и прикусила губу.

Она решительно не хотела привлечь к себе сейчас внимание техника. Ей нужно было время, чтобы рассмотреть узор, попытаться понять, что именно она видит.

И как она может это все исправить... если вообще это можно исправить.

Она осторожно сосредоточилась на одном мерцающем секторе, замечая что-то вроде трещин в горной породе...

— Кузина Мири!

Этого пронзительного оклика было бы достаточно, чтобы отвлечь ее внимание, даже если бы медтехник не внесла свою лепту в мир и спокойствие, резко приказав на высоком лиадийском:

— Немедленно убирайтесь отсюда!

А еще один голос, такой мощный, что все кости в ее больном теле содрогнулись, прогудел:

— Все песни в диссонансе, брат!

Мири открыла глаза и увидела, как девятилетняя Элис Тайазан с аккуратно заплетенными косичками кладет руки на свои почти не существующие бедра и возмущенно смотрит на медтехника. Тем временем два крупных панцирепосных существа неспешно двигались к стене с приборами.

— Уведи их немедленно, — приказала медтехник, но Элис не желала ее слушать.

— Они — родня и имеют право здесь находиться. Эта леди — моя кровная кузина, и я сама буду...

— Заткнитесь! — заорала Мири.

Вернее, попыталась заорать. «За» получилось недурно, хотя и не в самом лучшем ее стиле, но последний слог был безнадежно испорчен: голос у нее сорвался на кашель. Однако ей удалось добиться желаемого результата: все немедленно затихли и повернулись к ней. Она гневно посмотрела на всех по очереди, стараясь не обращать внимания на текущую по щеке струйку пота, на оглушительный стук крови в ушах.

— Вы чего, совсем сдурели? — огрызнулась она слабым голосом. — Забыли, что ли, что здесь больная?

— Кузина... — начала было Элис.

— Я же велела заткнуться, — прервала Мири, а потом перешла на прерывистый низкий лиадийский — на тот случай, если девочка еще не поняла: — Это значит: молчи, дитя, и не мешай старшим.

Элис упрямо надула губы, но сумела изобразить вполне приемлемый поклон.

— Да, кузина.

Медтехник заикалась от возмущения. Мири решила не обращать на нее внимания и посмотрела на большего из высоких нелюдей.

Двух с половиной метровое существо бутылочно-зеленого цвета: мягкий свет больничной палаты бросал малахитовые и кобальтовые блики на пластины его великолепного панциря. Глаза величиной с суповые тарелки, желтые, с вертикальными, как у кошки, зрачками. Вес полтораста килограммов, не меньше. Ее брат, Двенадцатый Панцирь Пятого Высиженного Ножа Весеннего Помета Фермера Зеленодрева из Логова Копьеделов Клана Средней Реки, Точильщик. Да помилуют боги ее душу.

— Рада тебя видеть, Точильщик, — сказала она.

— Сестра, песня моего сердца рядом с тобой обретает полноту.

Ого! Она перевела взгляд на вторую, более мелкую и менее великолепно опанцированную черепаху. Ей показалось, что у него встревоженный вид, хотя она понятия не имела, почему она так подумала.

— Хранитель? Что тебя тревожит?

Она пошевелила рукой, лежавшей поверх одеяла. Ей хотелось поднять ее и помахать ему, но сил не хватило.

— Сестра, песни в этой комнате меня раздражают. И хуже того — они мешают процессу твоего выздоровления. Если родичам разрешается сказать это — и прости меня, если я говорю слишком кратко, — я очень сильно тревожусь за тебя. Ведь ты

была ранена — и теперь тебя окружают диссонансы. И сверх того, я тревожусь за нашего брата, избранника твоего сердца: ведь нам сказали, что его раны тяжелее твоих, отчего он гораздо более подвержен дурному влиянию неверного пения.

Она недоуменно заморгала, проваливаясь в армию подушек. Дыхание обжигало ей грудь, словно она пробежала кросс с полной боевой выкладкой. Она закрыла глаза и устало, осторожно заглянула в свое сознание, на разбитый, мигающий узор, которым был Вал Кон.

— Леди йос-Фелиум, — сказала медтех, — позвольте мне призвать специалиста вам на помощь. Эти... личности... опасно вас утомляют, и...

— Человек должен сам оценивать грозящую ему опасность, — проговорила Мири, почти попав в интонацию высокого лиадийского, предназначенную для разговора начальника с наемным работником. Она открыла глаза и перевела взгляд с Хранителя на Точильщика.

— Вы хотите мне сказать, что у вас есть возможность помочь Вал Кону лучше, чем автоврач и мониторы?

— Сестра, — серьезно ответил Точильщик, — это так.

— Хорошо, — сказала Мири и пару минут обдумывала услышанное, но так, чтобы Точильщик и Хранитель этого не заметили.

В Стае не лгут. И, конечно, не лгут родичам. И у них с лиадийцами одинаковые правила насчет того, что родичи должны заботиться о своих. Хотя это не значит, что они не могут причинить столько же вреда, сколько любой другой — исключительно из добрых побуждений. Она передвинула голову на подушках и вздохнула.

— А вы не могли бы как-то мне это продемонстрировать, прежде чем мы станем решать вопросы жизни и смерти? — спросила она. — Поймите: я верю вашему слову, но мне представляется, что еще остается место для естественных сомнений и искренних заблуждений, поскольку речь идет о другом биологическом виде. Что-то просто может... не совпасть, — договорила она немного неуверенно.

— Наша сестра благоразумна, — объявил Хранитель и обменялся с Точильщиком долгим желтоглазым взглядом.

Спустя какое-то время Точильщик снова перевел взгляд на нее и заговорил:

— Среди людей бывают индивидуумы более зоркие, нежели прочие, — объявил он, и его гудящий голос сотряс кровать, на которой лежала Мири. — Эти зрячие могут заглянуть в души сво-

их собратьев, прикоснуться к нитям их существа и порой излечить беды, поразившие дух. Если такого приведут к нам, мы можем показать наши намерения и наши методы.

— Это полная нелепость! — заявила медтехник.

— Ничуть, — возразила Мири, которая уже была слишком утомлена, чтобы разбираться со сложными интонациями высокого лиадийского. Ей удалось поднять руку и указать пальцем на девочку. — Найди Шана и доставь его сюда.

Элис сдвинула брови, разбирая земную фразу, а потом улыбнулась, подошла к внутреннему телефону и нажала кнопку вызова.

Литаксин
Парк Клана Эроб

Они миновали первого часового и вскоре должны были оказаться рядом со вторым, скользя по дорожкам и тенистым тропинкам, словно тени погибших солдат. Ни один листик не шелохнулся, ни один камешек не перевернулся, ни одна веточка не сломалась, когда они прошли.

Сердце Нелирикка переполняла гордость из-за того, что он идет во главе такого отряда: как равный среди равных. Быстро и бесшумно — так ходят исследователи.

И конечно, именно так ходят и лиадийские разведчики, кем и были трое его спутников. Это была странно подобранная троица, скорее сборище, чем отряд. Они очень непринужденно шутили друг с другом, совсем как тот капитан и разведчик, которому сам Нелирикк принес клятву.

— Сколько еще до вашей базы, исследователь Нелирикк?

Это спросил более низкорослый из двух старших разведчиков — тот, которого звали Клонак тер-Мьюлин. У него под курносым носом росли усы, как у землян.

— Надо обойти еще одного часового, — сказал ему Нелирикк. — Вскоре после этого лес сменится полем. Оттуда, если мы продолжим идти с той же скоростью, мы окажемся в Доме Клана Эроб приблизительно через двадцать пять стандартных минут.

Клонак шумно вздохнул.

— Так далеко? Шадиа, мое сокровище, беги вперед и умоляй, чтобы нам прислали машину. Я слишком слаб, чтобы бродить при такой гравитации.

Самая молодая из разведчиков рассмеялась.

— Ну конечно! Я вижу, что тебя уже шатает из стороны в сторону. Бедненький старенький Клонак!

— Не тот подбор слов, — отозвался усатый разведчик. — Лучше было бы сказать «милый нежный Клонак».

— Я в этом не сомневалась, — дружелюбно ответила Шадиа, ловко подныривая под зловеще когтистую ветку.

— Я что-то не вижу, чтобы ты бежала вперед к дому, — напомнил ей Клонак.

— И не увидишь, — бойко ответила она. — Прислали машину, как же! Полно, Клонак: для пешей прогулки чудесная погода. Даже с гравитацией.

Он вздохнул:

— Какое отчаянное падение дисциплины мы наблюдаем среди нашей молодежи, а, Даав?

Даав йос-Фелиум, обладатель знака «Дерево и Дракон», указывающего на службу Клану Корвал, иронично выгнул бровь.

— А вот теперь я в недоумении. Мне показалось, что Шадиа проявила всего лишь — естественно, прискорбное — отсутствие уважения к старшим. Где ты нашел нарушение дисциплины?

— Я выше ее чином, — начал объяснять Клонак, но между этим шагом и следующим вдруг замолчал и стал совершенно неслышным. Остальные последовали его примеру, превратившись в три облаченных в кожу камня, разбросанных по дорожке.

Так же застывший Нелирикк напряг слух и различил тихие звуки, которые исходили от часового, стоявшего на посту сразу за ближайшим поворотом тропинки. Нелирикк позволил себе расслабиться, но его уважение к Клонаку возросло еще больше.

— Все в порядке, — проговорил он очень тихо. — Только часовой на...

— Стой! — крикнул часовой. — Кто идет?

Кусты слева от Нелирикка и чуть впереди вдруг взорвались шумом, словно какое-то крупное животное начало там метаться туда-сюда — возможно, пытаясь высвободиться из очень колючих зарослей.

— Стой! — снова крикнул часовой. — Говори пароль или я стреляю!

Кустарник затих, а потом зашуршал уже более вежливо. Ветки задрожали, и на дорожку у самого поворота вышла крупная фигура мужчины. Он в обеих руках держал солдатскую общевойсковую винтовку, наставляя ее прямо в небо. Медленно наклонившись, он положил оружие на землю. Еще осторожнее выпрямившись, он отступил на два шага и поднял обе руки на уровень пояса, ладонями наружу.

— Капан Миири Роберзун, — проговорил он, и у Нелирикка зашевелились волосы.

— Капитан Мири Робертсон, — театральным шепотом произнес Даав йос-Фелиум настолько громко, чтобы впереди его услышали.

— Назовите себя! — резко потребовал часовой, благоразумно оставаясь в укрытии.

Нелирикк вышел вперед, демонстрируя свободные от оружия руки и одним глазом наблюдая за икстранским солдатом, который терпеливо стоял на дорожке с поднятыми руками.

— Лейтенант Нелирикк Исследователь, Литаксинские Нерегулярные Силы.

Солдат на дорожке не отреагировал на земные слова, как, конечно, и следовало ожидать. Рядовых земному не учили. Торговому обучали только командиров.

— Адъютант капитана Мири Робертсон, — прибавил Нелирикк, адресуясь к спрятанному часовому. — Пароль — «сардоникс». Я веду к капитану трех разведчиков.

Краем глаза он увидел, как губы солдата зашевелились, а глаза широко распахнулись.

— Капан Миири Роберзун, — повторил он, и его голос от волнения зазвучал чересчур громко. Он указал на лежащую на земле винтовку, а следующие свои слова произнес на языке солдат: — Сэр, мы пришли, чтобы предложить геройскому капитану свое оружие и свои жизни.

Нелирикк повернулся к нему, и солдат поперхнулся, потрясенный отсутствием вингтай на столь явно икстранском, солдатском лице.

— Я имею честь обращаться... к герою Нелирикку Исследователю? — пролепетал он.

— Что этому парню надо, лейтенант? — вопросил часовой, но не успел Нелирикк ответить, как Даав йос-Фелиум шагнул вперед, привлекая внимание солдата взмахом руки.

— Мы? — резко спросил он на солдатском икстранском, и его акцент был лишь чуть резче, чем у Вал Кона йос-Фелиума. — Вытаскивай сюда этих «мы». Немедленно!

— Есть, сэр! — Солдат радостно ударил себя кулаком в плечо и повернулся на пятке, обращаясь к кустам, из которых не последовало немедленного ответа.

— Проклятие! — крикнул часовой. — Откуда вы взялись?

— Сравнительно недавно — с посадочной площадки, — на жизнерадостном земном ответил Клонак тер-Мьюлин. — А до

того... Ну, вы должны понять, что я не имею права все вам рассказывать, хоть вы и вооружены довольно внушительно. Я — один из разведчиков, которых к капитану Робертсон ведет вон тот лейтенант.

— Это действительно так, — бросил Нелирикк через плечо, предвосхищая следующий вопрос часового.

— Да, сэр. Но что он здесь делает? — взвыл часовой.

Клонак укоризненно пришелкнул языком.

— Да ничего особенного, просто следит, чтобы вы не сочли за благо застрелить очаровательное молодое существо, которое справляется о здоровье капитана Робертсон. Так уж получилось, что разведчик, который стоит рядом с милым лейтенантом Нелирикком, — родня капитану Робертсон и очень бережет ее имущество.

— Имущество! — возмущенно вскрикнул часовой.

Стоявший на дорожке Даав йос-Фелиум шагнул вперед.

— Ну? — прикрикнул он на кусты, скрещивая руки на груди. — Я что, слепой? Или дурак?

Кусты не дали ему ответа.

Разведчик хмыкнул.

— Герою капитану Мири Робертсон тру́сы не нужны. Лейтенант?

Нелирикк вытянулся по стойке «смирно» и гневно воззрился на стоически ожидающего солдата.

— Капитан Мири Робертсон принимает в свой отряд только самых храбрых и умелых! — зарычал он, охотно принимая подсказку. — Это — капитан, в отряде которой состоит разведчик. Это — капитан, которая взяла себе в адъютанты исследователя. Капитан, которая сломала хребет Четырнадцатой армии!

— Покажитесь, — приказал Даав кустам и ловким прыжком метнулся вперед. Приземлился он уже с винтовкой в руках. — Или умрите!

Кусты оставались безмолвными, но ветки разошлись в стороны от той, что вышла из них, показывая пустые ладони.

— Там находится один раненый, — сказала она, переводя взгляд с разведчика на Нелирикка.

С чувством неизбежности он прочел на ее щеке метку исследователя. Конечно, разве простой пехотинец смог бы пробраться через первую линию охраны, чтобы принести боевую клятву капитану Мири Робертсон? Рядовые не стали бы — они просто не способны — действовать вразрез с приказом. Однако исследователь, как и разведчик, приучен думать за пределами обычного.

Исследователь, как и разведчик, легко может переподчинить себе пехотинца, который будет принимать ее приказы так же безусловно, как и команды любого другого офицера.

— Стойте! — приказал он Дааву, но разведчик уже положил винтовку обратно на землю.

— Я не стреляю в разведчиков, — проговорил он спокойно, по-лиадийски. — Если они не дают мне повода.

Исследователь посмотрела на него с высоты своего роста.

— Никакого повода, — ответила она на неуверенном лиадийском без всякой модальности. — Ранен... мой командир. Ранен... — Она беспомощно повела рукой и снова посмотрела на Нелирикка. — Он у врат славы, — договорила она на солдатском.

— Шадиа? — негромко спросил Даав, обращаясь к кустам.

— Здесь, капитан Даав, — ответила из зарослей молодая разведчица, чуть запыхавшийся голос которой звучал в товарищеском тоне. — Он не выглядит образчиком здоровья, по правде говоря.

Наступило молчание, потом — тихий стон. Исследователь дернулась и тут же снова застыла на месте, опустив глаза.

— Велите часовому запросить полевой автомедик, — решительно сказала Шадиа. — Этот человек умирает.

— Нам нужен медик, немедленно, — сказал Клонак часовому. — Там человек ранен и находится в критическом состоянии.

— Мистер, это — икстранские солдаты, а все икстранцы, которые мне в последнее время встречались, хотели умереть! — возразил часовой.

— Но ты должен был заметить, что как раз эти икстранские солдаты хотят жить. Они ведут себя соответствующим образом, они сложили свое оружие, как послушные детки, и ведут себя очень воспитанно — по моим понятиям по крайней мере. — Голос Клонака зазвучал строже. — Вызывай команду «скорой помощи», и быстро. Если вон тот разведчик на дорожке на тебя рассердится, тебе вряд ли понравится.

— Давай-давай, делай из меня пугало, — откликнулся Даав, пока часовой его не слышал за шумом переговорника.

Нелирикк смотрел, как женщина-исследователь морщит лоб, пытаясь уследить за разговором.

— Твоему командиру вызывают медицинскую помощь, — сообщил он ей на языке солдат.

— Да. — Она посмотрела на него с вызовом. — Ты — Нелирикк Исследователь, лейтенант отряда под командованием Мири Робертсон. Ты примешь нашу клятву и примешь отряд от лица капитана?

Нелирикк не сомневался, что капитан — и уж конечно, разведчик — будет рада принять к себе на службу исследователей, и хорошо понимал, какая дилемма скрывается за вопросом женщины. Но он не был вправе принять клятву вместо капитана.

— Не приму, — ответил он, сожалея, что в простом солдатском нет даже такого маленького слова, как «увы».

— В чем проблема?

Это спросил Даав йос-Фелиум, по-прежнему в товарищеской модальности, но взгляд его ярких черных глаз стремительно перебегал с лица исследователя на Нелирикка.

Нелирикк вздохнул.

— Она... они пришли принести клятву и быть... принятыми... в отряд с настоящим капитаном. Это нужно, чтобы их жизнь обрела форму и долг. Мы... медик...

Он растерянно замолчал. Обе брови Даава изумленно взлетели, но он со свойственным разведчикам терпением ждал, пока ему объяснят суть проблемы.

— Это — вопрос культуры, — смог наконец сказать Нелирикк. — Вопрос... должного поведения. Они хотят — должны — принести свою клятву только капитану или тому, кто говорит от ее лица. Я не имею права принимать клятвы от имени капитана. А они не могут ничего принять от врагов.

— А! — Черные глаза заблестели еще ярче. — А ваша собственная клятва — она была принесена семейству йос-Фелиум, не так ли?

— Да.

— Ага. Тогда, полагаю, мы можем найти выход.

Он шагнул к напряженно наблюдавшей за ними икстранке.

— Мне нужно твое имя, — рявкнул он на жутком икстранском.

Она гордо подняла голову.

— Хэзенталл Исследователь.

— Так. — Даав перешел на торговый: — Хэзенталл Исследователь, я предлагаю вам компромисс. Я в родстве с героем капитаном Робертсон. Кровные связи, понимаете?

Она сжала губы и быстро кивнула:

— Понимаю.

— Хорошо. Вы понимаете, что обязанности капитана Робертсон многообразны и включают в себя командование родовым отрядом, генетическим членом которого я являюсь. Имя этого отряда — Семейство йос-Фелиум. Капитан Робертсон приняла клятву Нелирикка Исследователя от имени этого родового от-

ряда. — Он наклонил голову набок. — Вы это понимаете? Я не хочу вас обмануть.

Она снова отрывисто кивнула:

— Я понимаю.

— Превосходно. Теперь слушайте меня внимательно. Обычаи родства позволяют мне принять от вас промежуточную клятву.

Хэзенталл нахмурилась.

— Про... Временную клятву?

— Совершенно верно. Ради жизни вашего командира. Медик, которого сейчас вызвали, — его единственный шанс выжить: Шадиа не бросается словом «умирает». Я, кажется, уже сказал, что не хотел бы видеть гибель разведчиков. Я хочу получить от вас клятву, что вы и все, кто вам принадлежит, будут служить семейству йос-Фелиум в лице Даава йос-Фелиума (это — я). Я, в свою очередь, поклянусь вам, что приведу вас непосредственно к капитану Робертсон, чтобы она могла вынести суждение, как положено капитану, ради блага всего отряда.

Он замолчал, возможно, в ожидании вопросов. Хэзенталл молчала.

— Период действия вашей клятвы, — добавил Даав, — будет окончен тогда, когда капитан вынесет свое решение. Вы можете согласиться на это?

Молчание было долгим. Нелирикк увидел, как исследователь сузила глаза, словно мысленно взвешивая предложенную ей клятву и выискивая в ней подвох, в существовании которого она не сомневалась.

Нелирикк мог бы указать ей на двусмысленность в отношении предложенного срока окончания действия клятвы, но в интересах отряда было принять на службу новых исследователей, если это возможно, и потому он держал язык за зубами.

Наконец исследователь Хэзенталл снова отрывисто кивнула.

— Мы имеем право дать и сдержать такую клятву.

— Великолепно. — Даав поманил к ним терпеливо дожидающегося рядового. — Объясните ему ситуацию. — Он бросил быстрый взгляд на Нелирикка. — Пожалуйста, помогите ей, лейтенант.

— Да, разведчик.

Нелирикк слегка поклонился и шагнул к Хэзенталл Исследователю.

Вдалеке послышался быстро нарастающий треск старенького мотора.

Литаксин
Дом Клана Эроб

— ...благословенной Матери мы остались целыми и невредимыми, — говорила Присцилла.

Прием был удивительно хорошим, если учесть, что планетарную сеть, уничтоженную икстранцами, восстановили подручными средствами. Возможность слышать голос своей спутницы жизни после этих долгих и полных событиями дней разлуки была несказанной радостью. И все же Шан печально подумал, что настоящим блаженством было бы увидеть ее лицо, запустить пальцы в кудрявые черные волосы, погладить нежную щеку, прижаться губами...

— Шан?

Он встряхнулся.

«Постарайся же не быть таким невежей, Шан! — сказал он себе. — Неужели ты будешь отвергать ее голос потому, что не можешь получить остального?»

— Прости меня, Присцилла, я был заворожен мысленной картиной того, как вы, доблестные воины, зажав ножи в зубах...

— Шан!..

— Присцилла, право же, тебе нужно проводить с моей сестрой меньше времени, — очень серьезно сказал он. — Ты совершенно безупречно передала ее интонацию.

В своем корабле, высоко на орбите вокруг Литаксина, она рассмеялась. Шан, сидя за рабочим столом в гостевой комнате, предоставленной ему Кланом Эроб, иронично улыбнулся и погладил пластиковое лицо комма.

— Давай составим план твоего пребывания на планете, — предложил он. — Вылетай прямо сейчас, и я приду в космопорт тебя встретить...

Луч секунду гудел пустотой, а потом принес ему вздох Присциллы.

— Любимый, ты ведь понимаешь, что мне необходимо остаться с кораблем. Рен Зел вполне справляется со своими обязанностями, но...

— Но Рен Зел не принадлежит к Клану Корвал, — договорил он, не хуже ее зная все требования момента. — Горди, конечно, принадлежит к Клану Корвал и к тому же насчитывает уже целых девятнадцать стандартных лет. Ему еще года-другого не хватает, чтобы принять командование кораблем на орбите около планеты, которая только что пережила войну.

— Верно, — сказала она, и ее тихий голос заполнил расстояние, которое их разделяло. — А ты не можешь оставить Мири и Вал Кона, когда они так больны.

— Мири вышла из капсулы! — сообщил он, внезапно вспомнив, что еще не сказал Присцилле об этом. — Конечно, сил у нее — как у новорожденного котенка. Вал Кон...

У него перехватило дыхание, и он покачал головой, как будто она могла его видеть.

— Техники по-прежнему считают, что у него останутся... дефекты?

— Дефекты! — Он невесело ухмыльнулся. — Да, они действительно так считают, и это с их стороны очень недоброжелательно, если правду сказать.

— Я с тобой согласна, — нежно отозвалась она. — Я... когда он выйдет из капсулы и будут сделаны оценки, то, может быть...

Неожиданно у него на поясе запищал переносной комм. Шан вздрогнул, выругался и нажал кнопку приема.

— Минутку, Присцилла... Йос-Галан! — рявкнул он в комм.

— Шан... лорд йос-Галан... это Элис Тайазан. Я нахожусь в палате для выздоравливающих с моей кузиной Мири и двумя стайными черепахами, которые ей братья.

«Ну конечно, — подумал Шан. — Тут не хватало только двух с половиной метровых черепах».

— Как это приятно всем нам, право же. Я немедленно спущусь, чтобы...

— Их Премудрости, — прервала его Элис, демонстрируя очаровательное пренебрежение к его высокому положению, — Их Премудрости говорят, что песни машин вредят моей кузине, вашей сестре. Они говорят, что автоврач, возможно, не дает Вал Кону... лорду йос-Фелиуму... полностью поправиться. Медтехник... — Она помолчала: видимо, решила, что он и сам в состоянии оценить эмоциональное состояние медтехника, и стремительно закончила: — Кузина Мири велела привести вас сюда.

Последние три слова были произнесены на земном и так похоже на интонацию самой Мири, что Шан невольно улыбнулся, несмотря на то что сердце у него заныло.

— Минутку, — попросил он Элис, нажимая кнопку отключения приема и поворачиваясь к настольному комму. — Присцилла?

Она медленно ответила:

— Есть вероятность, что ритмы механизмов мешают полному выздоровлению. Подобные случаи известны. Хотя и не часто встречаются. — Она секунду помолчала, а потом выпалила: — Кто

знает, что может им повредить? Они соединены, умом и душой, этим... строением... И они настолько же не просто люди, как... как стайные черепахи! Нет, — уточнила она уже спокойнее. — Они больше люди, чем стайные черепахи. А черепахи могут иметь истинное зрение... для своих сородичей.

— Тогда, похоже, моя задача ясна, — отозвался Шан и снова включил переносной комм.

— Пожалуйста, дай моей сестре знать, что я уже иду к ней, — сказал он Элис Тайазан. — Попроси ее ради меня не трогать медтехника, пока я не приду.

Послышался какой-то странный звук, словно Элис сдавленно фыркнула, а потом спокойный ответ:

— Я передам это моей кузине, сударь.

Связь прервалась.

— Присцилла, любимая...

— До скорого, Шан.

— До скорого. И пусть твоя Богиня позаботится, чтобы это было очень скоро.

Ему показалось, что он услышал тихий вздох, а потом индикатор связи погас. Тоже вздохнув, он встал и быстро вышел из комнаты.

Спустя пару минут он уже четким шагом вошел в коридор, который вел к палате Мири, кивком приветствовав солдата, охранявшего ее.

— Меня вызвали.

Наемник покачал головой и повернулся, чтобы приложить ладонь к замку.

— И это называется отдых? С тем же успехом она могла бы нанять оркестр и назвать это вечеринкой!

Дверь отъехала в сторону, и солдат нетерпеливо махнул рукой. Шан перешагнул через порог и... остановился.

Прямо перед ним две очень высокие зеленые персоны, спина и плечи которых были покрыты внушительной коллекцией пластин, стояли перед лиадийкой среднего роста — а это означало, что ее нос находился почти на уровне экватора более низкого из пластинчатых личностей. То, что женщина в высшей степени возбуждена, было видно даже без того трения, которое ощутило его чувство Целителя. Черепахи оказались невидимы для его зрения Целителя, что резко контрастировало с их весьма внушительным физическим присутствием. Шан бросил взгляд в сторону и отыскал Элис Тайазан, которая предусмотрительно встала между медтехником и кроватью, где увядала под гнетом подушек Мири. Ее

длинные рыжие волосы растрепанной косой лежали на одном плече, глаза были закрыты, а щеки — белее соли.

Игнорируя гнев медтехника, Шан сосредоточился на Мири, увидев в ее узоре блеск разрушений и страх, граничащий с ужасом.

— Кузина Мири, — сказала Элис, — лорд йос-Галан пришел.

Женщина на кровати открыла яростные серые глаза и криво ему улыбнулась.

— Почему так долго шел?

— Надо было побриться.

Ухмылка стала шире, а потом ее рука чуть пошевелилась в горизонтальной плоскости, так что ее указательный палец почти устремился на более высокую из зеленых персон.

— Точильщик, — хрипло проговорила она. Палец сдвинулся — то есть было заметно, что хотел сдвинуться. — Хранитель. — Рука упала обратно на одеяло. — Это брат Вал Кона, Шан йос-Галан. Он — Целитель. Скажите ему то, что сказали мне.

— То, что они вам сказали, — отрезала медтехник в модальности, опасно приближенной к той, которую высший использует по отношению к низшему, — это полная чушь! Машины необходимы! Ваше сердцебиение необходимо регистрировать! Воздух, которым вы дышите, следует фильтровать! Ваше кровяное давление и температуру тела необходимо проверять! Отключить аппаратуру — это ненужный риск, которого можно избежать, леди. И даже думать о том, чтобы забрать из капсулы вашего спутника жизни с его повреждениями...

— Молчите.

Одно слово, произнесенное срывающимся шепотом, — как оно пугало в устах женщины, которая умела быть услышанной в адском шуме боя!

— ...значит просто его убить! — продолжала медтехник, не желая угомониться. — Эти... личности... они не входят в медицинский штат Дома Эроб! Они...

— Молчать! — прорычал Шан со всей силой Приказа.

Гнев техника вспыхнул с новой силой, и он подавил его, едва замечая, что делает, — просто набросив покрывало охлаждения, словно горсть снега. Медтехник замолчала, остыла, поклонилась и отошла, усевшись в кресло.

— Очень хорошо.

Он повернулся к черепахам, которые продолжали терпеливо стоять на месте, наблюдая за ним желтыми кошачьими глазами.

— Шан йос-Галан, — прогудела черепаха, стоявшая справа... Точильщик, как вспомнил Шан. Это был узнаваемый высокий лиадийский, хотя какую именно модальность использовал Точильщик, определить на такой громкости не представлялось возможным. — Мне радостно говорить с братом моего брата.

— Для меня большая честь встретить одного из тех, о ком мой брат рассказывал так часто и с такой теплотой, — ответил он с привычной официальностью высокого лиадийского, выбрав модальность родича, встретившего родича.

— Позвольте мне также, — сказала на земном черепаха по имени Хранитель, — выразить радость от знакомства с вами, Шан йос-Галан.

— Я тоже счастлив с вами встретиться, — ответил Шан на том же языке.

Он посмотрел в сторону кровати, увидел напряженную фигурку Мири на высоких подушках и чутьем Целителя снова уловил ее острый страх.

— Пожалуйста, простите меня, что я так быстро перехожу к делу, — сказал он черепахам на благословенно быстром земном, не обремененном никакими модальностями, — но я не могу не заметить расстройства моей сестры. Похоже, медтехник считает, что вы хотите, чтобы она — и мой брат тоже — рассталась с лечащей аппаратурой.

— Эти устройства диссонируют! — воскликнула черепаха по имени Хранитель. — Они нарушают истинную песню моей сестры. Мы слышали, что наш брат получил еще более серьезные повреждения. Я опасаюсь... в душе я опасаюсь, что машина, которая держит его в плену, беспомощного и неспособного выразить свои потребности, может его убить.

Шан нахмурился.

— И тем не менее наша сестра благополучно вышла из того же устройства, излечившись от всех травм. Ей осталось только восстановить силы. Многие... — Что Вал Кон рассказывал о том, как Стая называет все расы человечества? А! — ...многие представители человеческих кланов делают это каждый стандартный год. Так мы излечиваем наши физические раны.

— И тем не менее, как сказал мой младший брат, мы слышим, как из этих устройств исходит диссонанс, и слишком хорошо знаем, какие повреждения он может вызвать. Наша сестра окружена вещами, которые высасывают ее силы и превращают путь к полному ее звучанию в опасное путешествие с сомнительным исходом. — Точильщик серьезно заморгал огромными глазами. — Наша

сестра говорит, что вы из тех, кто видит ткань других и может отчасти восстановить то, что было разорвано.

— Я — Целитель, — медленно проговорил Шан. — Но я не имею навыков лечения физических повреждений. Я могу только оказывать первую помощь, что эта медтехник легко сделает намного лучше и даже без помощи машин.

— Мы хотим использовать ваше зрение для жизни нашей сестры и брата, — сказал Хранитель. — Мы только что видели, как умело вы заставили замолчать медтехника и утишили ее гнев прежде, чем он стал опасен для нее самой.

Он сделал — что? Шан посмотрел на медтехника, которая мирно сидела в своем кресле. Он осторожно углубился в ее сознание и прикоснулся к ее узору, натолкнувшись на покрывало прохладного терпения, под которым остальная... суть этой женщины, казалось, дремала.

«О боги! — изумленно подумал он. — Шан, дурень, что ты сделал?»

— Я вынужден признаться, — проговорил он, глядя в огромные глаза Хранителя, — что я не вполне уверен в том, что сделанное мною... пошло на пользу этой женщине.

Точильщик повернул свою массивную голову и пропел высокую шепчущую ноту, которая стихла прежде, чем Шан смог...

— Ей не причинен вред. Она почиет в спокойствии и излечивается от своего расстройства. Это было хорошо сделано, — уверенно заявил Точильщик.

— Они сказали, — проскрипела Мири с кровати, — что могут устроить вроде как демонстрацию, чтобы ты мог решить, не убьет ли нас то, что они считают оптимальным.

Он посмотрел на нее.

— Это я буду решать? Какое это доставит мне наслаждение! Вал Кон не говорил вам, что я его наследник? Вы предоставляете мне идеальную возможность убить вас обоих и захватить власть над Кланом Корвал в свои руки.

— Ну конечно, — благодушно согласилась Мири. — Послушай, почему бы тебе не отключить мониторы на пару минут, пока техник дремлет, и пусть Точильщик пропоет тебе пару тактов. Хорошо?

— План моей сестры полон достоинств, — согласился Точильщик.

Мири повернула голову на подушке и обратилась к Элис. Ее голос почти не сорвался с тона, предназначенного для общения родственников.

— Кузина, тебя где-то ждут. То, что мы сейчас предпримем, — это дело Клана Корвал и не должно волновать никого из тех, кто принадлежит к Клану Эроб.

Секунду казалось, что Элис станет возражать, но она поклонилась женщине на кровати, как родственнице:

— Честь имею, кузина Мири.

Следующий поклон был адресован ребенком Дома в равной степени черепахам и Шану:

— Честь имею, Ваши Премудрости, Лорд йос-Галан.

После этого она с холодным достоинством прошла через палату и скрылась за дверью.

Шан посмотрел Мири в глаза.

— Ты уверена, что хочешь это попробовать?

Она криво улыбнулась:

— Мне больно тебе в этом признаваться, но я и прежде дышала нефильтрованным воздухом и не понесла серьезного ущерба.

Он вздохнул.

— Я приму это как «да».

Он подошел к стене и повернул первый включатель, а потом — быстро — остальные пять. На другом конце палаты медтехник с сонными глазами сидела в своем кресле.

Последний неестественный отзвук стих, и палату наполнила тишина. Хранитель наполнил легкие, пробуя всевозможные запахи комнаты, утешаясь отсутствием диссонанса. Закончив заниматься стеной приборов, Шан йос-Галан снова вернулся к ним. Его светлые волосы цветом напоминали меньшую из лун родного мира, а глаза походили на вещество, которое люди называют серебром.

— Хорошо, — произнес он, и его голос был приятен экономией силы. — Я приготовил объект для испытаний, если вы готовы начать, господа.

Старший брат моргнул на человека. Хранитель не сомневался, что при этом он ощутил вкус его силы и отваги.

— Продолжайте говорить, Шан йос-Галан.

Беловолосый мужчина нагнулся и легко прикоснулся к своему правому колену.

— Я имел глупость натрудить колено. Травма слишком пустячная, чтобы пользоваться автоврачом, но должен признаться, что она мне досаждает. — Он выпрямился и обвел серебряными глазами обеих черепах. — Это относится к тем вещам, которые вы могли бы исправить так, чтобы я мог это наблюдать?

Старший брат Хранителя дал знак, что возьмет на себя это незначительное излечение. Освобожденный Хранитель отошел в глубь палаты и встал рядом со своей сестрой, Мири Робертсон.

— Имейте в виду, что это очень немного по сравнению с тем, что мы предполагаем сделать ради наших брата и сестры, — сказал Точильщик.

— Я это прекрасно понимаю, сударь. Нам желательно опробовать саму концепцию. Если от вашего лечения моя нога разлетится на части, это неудобство легко будет исправить недолгим пребыванием в капсуле автоврача, а мы получим ответ, не подвергая опасности нашего брата и нашу сестру, поскольку оба они дороги мне так же сильно, как и вам. — Он замолчал и чуть наклонил голову. — Надеюсь, вас не оскорбят мои крики, если получится так, что моя нога действительно разлетится на части.

— Полагаю, что вам не будет необходимости кричать, Шан йос-Галан, — серьезно ответил Точильщик. — Я попрошу вас теперь закрыть глаза и погрузиться в тишину.

Шан йос-Галан выпрямился и закрыл свои внешние глаза. Хранитель услышал, как усилилась песня его силы, — а Точильщик открыл рот и пропел необходимые ноты.

Шан успокоился и снял всю внутреннюю защиту, наблюдая за происходящим глазами Целителя.

В этот момент черепахи предстали пред ним как системы почти невыносимой сложности, получающие информацию путями, находящимися за пределами его понимания, протянувшимися далеко за границы его способности читать души — и в то же время дразняще знакомыми, словно...

Внезапно он вспомнил: он сам, только что вернувшийся домой из Гильдии Целителей, тщеславясь своими только что приобретенными способностями, подходит к Дереву Клана Корвал, знаменитому Джелаза Казон, и отбрасывает свои щиты, словно бросая вызов.

И его немедленно захватило нечто длинное, медленное, зеленое, спиралью уходившее — как показалось его близоруким глазам — в бесконечность. Каждый виток спирали был неповторим, богат оттенками и неожиданностями. Зачарованный Шан замер, наблюдая и восторгаясь, — пока Вал Кон не сшиб его с ног на промокшую траву. Брат упал ему на грудь, крича прямо в ухо:

— ...идет дождь, и мать тебя обыскалась!..

Вал Кон!!!

Шан сделал глубокий вдох, усилием воли сохраняя спокойствие, сурово подавив желание спрятаться за своими жалкими

стенами. Речь идет о жизни Вал Кона, и он не имеет права ошибаться — ни в чем. Его колено чуть побаливало: взгляд Целителя видел раздражение связок как гневное алое свечение. Он разрешил этой слабой боли остаться у него в сознании.

Едва слышно зазвучала нота. Он ощутил ее, как капли теплого дождя на обнаженной коже, увидел ее, как удар колокола, постепенно затухающий... Первую ноту догнала, дополнила, усилила вторая, заставившая мягкий дождь начаться всерьез. Тон стал сливаться в шар, и шар этот стал плотным, еще плотнее, будто сжатый вдруг силой направленного внутрь взрыва...

Музыка смолкла. Колено перестало болеть. Быстрая проверка показала полное отсутствие гневного свечения травмы, которое его только что окружало.

Шан открыл глаза.

— Ну? — хрипло вопросила Мири.

Он повернулся к ней.

— Полный порядок, — сообщил он, снова глубоко вздохнул и заставил себя полнее вернуться в физический мир.

Медленно воздвигая привычную защиту, он вдруг почувствовал, как ему жалко терять из виду огромную непонятность черепах.

Он подошел к кровати и зажал тонкую холодную руку Мири между своих ладоней.

— Я сообщаю вам суждение вашего Тоделма, Корвал, — сказал он, используя тон, предназначенный для разговора с Делмом.

Она изумленно моргнула:

— Я не Корвал!

— Кодекс гласит, что спутники жизни — это одно меланти в двух телах. Вал Кон — Наделм, будущий глава Клана Корвал. Вы — истинные спутники жизни, соединившие души. Мой собственный отец погиб от смертельной раны своей спутницы жизни. Сейчас ты говоришь за обе ваши жизни — и за весь Клан Корвал.

Она замолчала, и взгляд ее немного расфокусировался, словно она мысленно справлялась в Кодексе, что было бы просто сме...

Ее взгляд снова стал пристальным.

— Это, — проговорила она, идеально выдерживая высокий лиадийский тон, — именно так, как ты сказал. В этом я принимаю решение как Корвал на благо клана. Пусть Тоделм йос-Галан вынесет свое суждение.

— Я полагаю, что клану нужно рискнуть. Следует позволить этим вашим братьям применить их странный способ исцеления. Я употребляю слово «рискнуть». Я слышал суждение техников: в лучшем случае мой брат выйдет из капсулы, будучи в состоянии

обслуживать себя, говорить, рассуждать и проходить ограниченное расстояние. Ваши братья предлагают шанс для более высокого выигрыша — и более крупной потери. Я не в состоянии передать то, что я только что видел. Однако я, как Целитель, одобряю как метод, так и результаты. — Он помолчал, а потом добавил на земном: — Может сработать.

Секунду она застыла на подушках в полной неподвижности, слабая и бледная, а потом кивнула.

— Значит, действуем, — сказала она на земном.

Шан выпустил ее руку и выпрямился.

— Как желает Корвал.

— Следовательно, все решено, — объявил Точильщик, устремляя свой взгляд на Хранителя. — Этот мой брат останется здесь и пропоет нашу сестру к гармонии. Шан йос-Галан и я поспешим к нашему брату и определим, какую песню нам следует создать для его полного доброго здравия.

— План звучит неплохо, — прошептала Мири и адресовала Шану еще одну слабую улыбку, от которой щемило сердце. — Забери с собой медтехника и оставь ее где-нибудь отсыпаться, ладно? Мне не хотелось бы, чтобы она очнулась на середине мероприятия и снова начала возникать.

День 50-й
1393 год по Стандартному календарю
Лиад
Штаб-квартира Департамента Внутренних Дел

Командир агентов закрыл папку и откинулся на спинку кресла. Ему несвойственно было давать волю несвоевременному оптимизму, однако он готов был признать, что планы, созданные для обуздания Клана Корвал, являются... адекватными.

Этих планов пришлось составить несколько, поскольку Корвал имел сразу несколько фронтов, по которым следовало вести атаку.

Во-первых, продолжались действия, направленные на поимку Вал Кона йос-Фелиума, вышедшего из-под контроля агента и будущего Делма Клана Корвал. На этом фронте был сделан прорыв: программа генного анализа, проведенная для якобы землянки, наемницы Мири Робертсон. Шансы на то, что йос-Фелиум в

эту минуту находится на Литаксине, укрывшись у самого древнего союзника Корвала, Клана Эроб, приближались к ста процентам. Недавние сообщения о появлении икстранцев вблизи этой планеты или на ней, за которыми последовали слухи о поспешном отступлении и другие слухи о странно ведущем себя корабле, якобы изготовленном из камня, — эта информация только прибавляла веса рассчитанной вероятности.

В результате этого команда из четырех полных агентов перемен была отправлена на Литаксин, чтобы захватить Вал Кона йос-Фелиума живым. Живой он еще представлял ценность для Департамента, который он предал. Живой он послужит как приманка и узда для остатков Клана Корвал: ведь, конечно же, его родичи не станут предпринимать ничего такого, что поставило бы под угрозу жизнь их будущего Делма. Разумеется, они станут делать все, что им будет приказано, — в обмен на гарантии его благополучного возвращения.

Командир агентов был готов гарантировать благополучное возвращение Вал Кона йос-Фелиума его родственникам. В конце концов ведь Вал Кон йос-Фелиум был агентом перемен и прошел полную подготовку Департамента. А тот, кто один раз прошел подготовку, сможет пройти и переподготовку.

Вторым объектом внимания Департамента стала Антора йос-Галан, единственный член Клана Корвал, оставшийся на планете. Она благоразумно удалилась из Дома семейства йос-Галан, Треалла Фантрол и поселилась в Джелаза Казон, древней крепости Корвала.

Немного... обескураживало, что мастера драмлиз в своих многократных проверках так и не смогли измерить пределы способностей Анторы йос-Галан. Согласно одному из конфиденциальных сообщений гильдии, она была не просто лучшей из современного весьма скудного числа волшебников, но и самой могущественной драмлизой, которая появлялась с момента смерти Рул Тайазан. А ведь та умерла через сорок лет после того, как Кантра йос-Фелиум благополучно доставила своих пассажиров на планету, которой они дали имя Лиад.

Однако волшебные способности друг другу рознь, все дело в степени их развития. Результаты исследований, проведенных несколько лет тому назад, отложенные тогда в сторону за ненадобностью, внезапно оказались весьма показательными. Тогда было обнаружено, что определенные модификации стандартной установки для стазиса вызывают интереснейшие реакции у помещенных туда драмлиз. Среди них была и действенная нейтрализация спо-

собности к магии. Командир агентов приказал создать такую камеру, сделав ее переносной. Сейчас как раз шли последние стадии ее испытаний. Когда камера будет готова, Антора йос-Галан оставит свою резиденцию в Джелаза Казон, которая могла бы послужить ей базой для каких-то — возможно, катастрофических — вмешательств с целью оказания помощи своим рассеянным по вселенной родичам, и будет жить так, как укажет Департамент.

Возможно, волшебница Корвала имеет какую-то ценность для своего клана, хотя ее и оставили на Лиад без всякой охраны, когда остальные бежали куда-то — в безопасное место. Командир готов был признать, что Антора также может оказаться полезной в качестве заложницы. Возможно, если Вал Кона не удастся захватить живым, его псевдосестра-полукровка сможет исполнить роль, предназначенную для него, вплоть до окончательного уничтожения Клана Корвал. Командир агентов оставил себе возможность менять планы в соответствии с обстоятельствами, пока не будет ясности относительно результатов экспедиции, отправленной за йос-Фелиумом.

Командир агентов позволил себе мимолетную улыбку, а потом отодвинулся от стола и встал. Ударь прямо в сердце — раз, второй, третий, — и Корвал падет.

И это будет хорошо.

Литаксин
Медицинский центр Клана Эроб
Палата интенсивной терапии

Медтехник Пер Вел сиг-Зерба вскочил на ноги, как только дверь палаты интенсивной терапии начала открываться.

— Сударь, прошу прощения... — сказал он беловолосому человеку, показавшемуся в дверях, — но это отделение закрыто для... — Он замер с открытым ртом, глядя на вторую... личность, вторгшуюся в отделение: два с половиной метра личности, в великолепном панцире бутылочно-зеленого цвета, с круглыми светящимися глазищами, похожими на желтые луны.

Дверь тихо закрылась. Медтехник с трудом перевел взгляд обратно на беловолосого мужчину.

— Сударь... Лорд йос-Галан. Мы уже обсуждали с вами этот вопрос, сэр. Палата интенсивной терапии закрыта для всех, кроме медицинского персонала. Приборы очень чувствительны, и жизнь вашего родича зависит от их должного функционирова-

ния. Ваше желание находиться рядом с родичем, оказавшимся в столь тяжелом положении, вполне естественно, но, право, сударь, он не знает, находитесь ли вы здесь или где-то еще. Вы больше поможете ему тем, что сохраните свои силы и приготовитесь спокойно встретить его, когда он выйдет из капсулы.

— Эти машины тоже поют дисгармонично, — пророкотало большое зеленое существо. — Где то устройство, в котором заключен наш брат?

Медтехник сиг-Зерба недоуменно заморгал.

— Капсула интенсивной терапии находится здесь. — Он указал на черный куб, сводчатая крышка которого щетинилась датчиками, индикаторами, мониторами и реле. Он снова посмотрел на Шана йос-Галана и слегка поклонился. — Поскольку вы уже здесь, я скажу вам, что последние данные уже проанализированы. Восстановление по многим показателям идет успешно. Мозговые функции стабилизировались, так что мы можем больше не опасаться припадков и неожиданных перепадов состояния. Кровеносная система и все органы функционируют, как им полагается.

Он замялся.

— А повреждения нервной системы? — негромко спросил Шан, ощущая смущение медтехника почти как собственное. — Как идет восстановление в этом отношении?

Техник вздохнул.

— Увы, не слишком хорошо. Восстановление возможно только в том случае, когда сохранилась хоть какая-то часть системы. Регенерация... идет с переменным успехом. Последний анализ дает примерно сорок пять процентов функционирования.

Он опустил голову.

— Это означает, что ваш родич не сможет управлять космическим кораблем, воздушным летательным аппаратом или наземной машиной. Однако, упражняясь, он скорее всего снова обретет способность ходить, брать различные предметы и бросать их. — Он перевел дух и встретился взглядом с зоркими серебристыми глазами. — Это не так уж плохо, если ваша милость вспомнит, в каком состоянии ваш родич попал в капсулу. В тот момент мы даже не надеялись спасти ему жизнь. То, что ему удалось получить обратно так много, — это... повод радоваться. А то, что он утратил кое-что из того, что уже не удастся получить обратно, — это...

— Неприемлемо, — заявило большое зеленое существо таким голосом, от которого все стрелки на приборах дрогнули.

Медтехник сиг-Зерба вздрогнул и уставился в огромные светящиеся глаза.

— Я... прошу прощения, э-э?..

— Это — Двенадцатый Панцирь Пятого Высиженного Ножа Клана Средней Реки Весеннего Помета Фермера Зеленодрева из Логова Копьеделов: Точильщик, — сказал лорд йос-Галан. — Он также состоит в родстве с вашим пациентом. Он получил неприятные сообщения относительно хода лечения нашего родича, которые подтверждаются вашим последним анализом. Существует... стайный метод лечения, который мы намерены применить.

— Намерены... — Пер Вел сиг-Зерба с трудом выдохнул и заставил себя сохранить спокойствие. — Лорд... Господа! Состояние вашего родича крайне тяжелое. Сейчас не время пробовать альтернативные методы: необходимо завершить опробованный курс лечения. Время для альтернативной помощи наступит тогда, когда мы благополучно выведем пациента из критического состояния и он вернется к повседневной жизни. Тогда, после должных исследований и анализа, можно будет составить режим реабилитационных мер и дополнительных процедур. Сейчас, однако, мы должны следовать проверенным методикам, которые могут обеспечить конечное выздоровление вашего родича.

— При всем уважении к вам и вашему ремеслу, — проговорил Точильщик, снова заставив все приборы подпрыгивать на месте, — используемый вами метод опасно истощает силы моего брата. — Крупная голова повернулась. — Откройте ваши глаза, Шан йос-Галан, и посмотрите на нашего брата. Вы можете сказать, что он поправляется так, как ему следовало бы?

Шан нахмурился и расширил сферу своего восприятия, игнорируя желто-оранжевые всполохи тревоги, которые стали возникать в ауре медтехника, и ожидая появления знакомого и горячо любимого узора своего брата.

Шли секунды. В тревоге медтехника появилось больше оранжевого, чем желтого, и даже пара красных всполохов. Шан открылся еще сильнее, мельком увидел интригующие сплетения Точильщика, однако не заметил ничего, что хотя бы отдаленно напоминало четкую сложность или...

— Сударь... — начал медтехник.

Шан предостерегающе поднял руку и отбросил всякую защиту, отчаянно стремясь отыскать своего брата. Его физический взгляд был устремлен на индикаторы, закрепленные на крышке саркофага, которые говорили, что Вал Кон жив...

Внезапно он уловил его — только намек. Ничего, кроме следа кисловатой сладости, такой же знакомой, как лицо брата. Жестко соблюдая целительскую дисциплину, он последовал за

этим намеком, медленно, бдительно высматривая возможные опасности.

И наконец, отыскал Вал Кона: съежившегося, потускневшего и расколотого, окруженного липкой серой трясиной. Где-то в отдалении он разглядел мост, соединявший душу Вал Кона с Мири, — посеревший, похожий на испачканную радугу.

— Нет!

— Сударь! Я должен настаивать, чтобы вы оба ушли. Немедленно. Вы ничем не поможете вашему родичу, приходя в волнение из-за...

— Прекратите.

Шан открыл свои внешние глаза и с трудом сфокусировал взгляд на лице медтехника.

— Что вы сделали с моим братом? Вы сказали, что стабилизировали мозговые функции. В чем они были нестабильными?

Техник растерянно заморгал.

— Ну... так были... всплески. Их можно было даже сравнить с энергетическими пиками. И сверхактивность. Чрезмерная возбудимость, неуместная при состоянии покоя. Эти отклонения заставили моих начальников заподозрить нарушения... Что не было неожиданным в свете остальных травм. Были предприняты шаги к нормализации мозговой деятельности, и наши усилия увенчались успехом. Нам больше можно не бояться опасных для здоровья припадков или катастрофических отключений внимания...

— Вы... — Шан задохнулся, не находя слов.

— Что вас расстроило, Шан йос-Галан? Нашему брату плохо помогают известные методы исцеления?

— Они... Стремясь привести все к норме, они ослабили связь, существующую между нашим братом и его спутницей жизни, — ту самую связь, которая, несмотря на ужасные травмы, позволила ему сохранять жизнь до тех пор, пока его не поместили в капсулу...

Он посмотрел на техника.

— Я лично сказал вашим начальникам о том, что у этого человека есть спутница жизни, — проговорил он, и собственный голос донесся до него словно издалека.

Техник нервно кивнул.

— Действительно. Это отмечено в его карте. Однако нормальная мозговая деятельность не...

— Вон, — сказал Шан.

Техник моргнул:

— Сударь?

— Вы сейчас уйдете, — повторил Шан, слыша, как сила звучит в каждом его слове. — Вы вернетесь сюда только после того, как Вал Кон йос-Фелиум отсюда уйдет. Вы не станете докладывать об этом вашим начальникам. Ступайте!

Лицо техника обмякло, глаза затуманились. Он четко поклонился и быстро вышел из палаты, закрыв за собой дверь.

Шан пришлепнул ладонь к пластине замка, запирая дверь, а потом направился обратно к мрачной черной установке и громадной терпеливой черепахе.

— Я могу закончить цикл исцеления, — сказал он Точильщику. — Но пройдет некоторое время, прежде чем нашего брата можно будет извлечь из капсулы, потому что системы должны завершить работу в нормальном порядке.

— Я вас понимаю, — пророкотал Точильщик и начал осматриваться. Подняв трехпалую руку, он повел ею в сторону стены со множеством приборов. — А эти вы можете заставить замолчать?

— Да.

Шан уже стоял за пультом управления капсулой, нажимая кнопки и поворачивая рукоятки. Он удалял датчики, перекрывал потоки лекарств и питательных веществ, отменяя вещества, тонизирующие мускулатуру. Когда все индикаторы на пульте погасли, оставив только один, главный, Шан перешел к стене с приборами.

«Боги, боги! Нормализовали мозговую деятельность? Идиоты! И если Вал Кон остался бы инвалидом из-за того, что они отрезали его от спутницы жизни...» Шан судорожно вздохнул, усилием воли подавил гнев и повернул последний выключатель. А потом повернулся в поисках... А, вот!

Он подкатил кровать к капсуле автоврача, развернул одеяло и снова остановился, чтобы подавить желание взять ближайший тяжелый предмет и расправиться с тонкой аппаратурой, закрепленной на стенах.

— Пока мы дожидаемся освобождения нашего брата, — прогудел Точильщик, выталкивая его из мыслей о погроме и отчаянии, — нам необходимо предпринять некое действие.

Шан повернулся к нему.

— Да? И какое же именно?

— Эта вещь... вы, наверное, могли бы назвать ее «тонкой настройкой», — сказал Точильщик. — Ваше зрение, ваша любовь и ваше понимание будут помогать мне в том деле, которое я предприму для наилучшего здравия нашего брата. Вы будете управлять песней — и останавливать ее, если она отклонится от цели

или выйдет за ее пределы. Прежде чем мы встретимся на арене взаимного труда, было бы благоразумно испытать наше партнерство и укрепить то, что может оказаться не таким сильным, как нужно было бы.

— Генеральная репетиция, — откликнулся Шан, кивая. — Понятие мне знакомо. Что я должен делать?

— Только слушать, пока я пою, отложив в сторону ту чешую, которой вы закрываете ваши видящие глаза.

Да, конечно. Шан сделал глубокий вдох, приготавливаясь, сосредоточиваясь. Он убрал свои щиты полностью, что Присцилла просила его не делать, целиком обнажив свое внутреннее «я», так что любой, обладающий зрением — или какими-то иными чувствами, — мог бы увидеть его таким, каков он есть, со всеми его недостатками.

— О! — Этот звук походил на мурлыканье невероятно большого кота. — Вы — клинок, на который стоит смотреть, Шан йос-Галан. Тот, кто вас создал, может по праву гордиться своей работой. Теперь слушайте меня.

Первая нота была стрелой с железным наконечником, пронзившей живое ядро его сердца.

Вторая нота — брызгами кислоты в глаза.

Третья нота бросила его существо в вихри Судьбы и Неудачи. Терзаемый их зубами изо льда и железа, он нанес ответный удар, усилием воли пожелал стены — и стены появились. Каменные стены и каменный пол, на котором он опустился на колени, скорчившись и рыдая, не обращая внимания на протянутую ему руку, пока суровый женский голос не отругал его.

— Ты не в безопасном убежище и прекрасно это знаешь! Поднимись и возвращайся. Быстрее!

Длинные сильные пальцы сомкнулись на его запястье. Он поднялся, не зная, сделал ли это сам, или подчиняясь ее воле, и заглянул в холодные синие глаза светловолосой женщины с обветренными щеками, которая уже миновала период молодости.

— Присцилла! — Откуда у него взялась уверенность в том, что это она? Но эта уверенность была. — Присцилла, песня меня изменяет!

Ее лицо смягчилось. Она отпустила его запястье и обеими руками обхватила его лицо.

— Песня изменяет нас всех, — мягко проговорила она. — Не бойся этого. А теперь иди.

Она поцеловала его, каменные стены растаяли, он выпрямился — мокрое от слез лицо и теплые от ее поцелуя губы... по-

смотрел на стайную черепаху по имени Точильщик в палате интенсивной терапии.

Черепаха моргнула своими огромными глазами и поклонилась так низко, как ей позволял панцирь.

— Вся честь принадлежит вам, Шан йос-Галан.

Шан с трудом ответил на его поклон, как равный равному.

— Да послужит наш труд возвращению полного здравия нашему брату, — проговорил он голосом, холодеющим от высокого лиадийского, и повернулся, чтобы открыть крышку саркофага.

Внутренности капсулы слабо осветились, бросая прохладные синие тени на худое обнаженное тело мужчины. Шан открыл защелки и опустил переднюю стенку капсулы. Щит, на котором лежал пациент, выскользнул из сумерек на яркий свет. Человек был золотокожий, не обезображенный шрамами, поджарый, мускулистый и чуть более длинноногий, чем большинство лиадийцев. Его грудь поднималась и опускалась в благословенном, неспешном ритме глубокого сна. Лицо у него было гладкое, до боли невинное в дремоте: четкие брови расправлены, твердо очерченные губы плотно сомкнуты, длинные темные ресницы затеняют золотистые щеки. И Шан с абсурдным чувством облегчения увидел, что шрам, обезображивавший лицо его брата, был стерт автоврачом, запрограммированным стирать рубцы.

— Время идет, Шан йос-Галан, — прогудел мощный голос у него за спиной. — И я боюсь, что следует проявить поспешность.

— Да, конечно.

Сморгнув слезы, он бережно просунул руки под плечи и колени брата и переложил его со щита на кровать. Вал Кон вздохнул и прижался щекой к подушке. Его губы шевельнулись и стали мягче в подобии улыбки, но он не проснулся. Шан нежно укрыл худое тело одеялом, выпрямился и посмотрел Точильщику в глаза.

— Что теперь?

— Превосходный вопрос, — ответила черепаха. — Давайте выясним. Все ваше внимание необходимо будет здесь и сейчас, Шан йос-Галан. Сосредоточьтесь на этом нашем брате и руководите мною в моем исследовании.

— Руководить? — Шан изумленно воззрился на него. — Как я смогу вами руководить?

— Я подчиню свою волю вашей. Если песня выйдет за границы, только волеизъявите мне «нет», и я ее сдержу. Если она пробудит то, что следует оставить спящим, ваше прикосновение отправит это в спячку. Это должно быть так для вящего здравия нашего брата.

Шан наклонил голову в знак согласия, посмотрел на лицо спящего Вал Кона и в третий раз за этот день полностью отключил всю свою защиту, сосредоточив внимание на тусклом беспорядке прежде столь красочной ауры своего брата.

— Сначала мы вопрошаем, — пророкотал Точильщик и издал последовательность из трех коротких, связанных друг с другом нот. Пользуясь взглядом Целителя, Шан увидел, как в тусклой ауре по очереди загораются и гаснут огни, показывая узор, разорванный и стертый: поврежденная нервная система.

Точильщик спел снова, и Шан увидел усиление цвета, искру страсти — но они почти сразу же растворились в окружающей серости, демонстрирующей то, что медтехник гордо назвал нормализованной деятельностью мозга.

Точильщик запел в третий раз — и мостик супружеской связи вспыхнул во всей своей красе, оживленный волей двух своевольных, страстных душ, соединившихся друг с другом в... блеклой меланхолии.

— Что, — спросил Точильщик голосом, уровень которого в децибелах Шан счел стайным шепотом, — было это последнее?

— Мост, который соединяет нашего брата и нашу сестру, душу с душой и сердце с сердцем.

— И те, кто лечит с помощью машины, посмели затронуть ТАКОЕ? — вопросил Точильщик чисто риторически. — Они — глупцы, Шан йос-Галан.

— Я склонен с вами согласиться, — ответил Шан, по-прежнему большую часть внимания сосредоточивая на заболоченной ауре Вал Кона. — Они забыли, что значит «спутник жизни». Вернее, что это значило в прошлом.

— Такой союз... необычен для человеческих кланов, я это знаю. Он более типичен для вашего Клана Корвал или для человеческого клана моей сестры, Эроба?

— Когда-то Клан Эроб давал могущественных волшебников, — мечтательно ответил Шан. — А Корвал всегда был... Корвалом. Непредсказуемые люди, пираты, возмутители спокойствия. Удача вокруг нас движется резко.

Наступило молчание, достаточно длинное для того, чтобы Шану, находящемуся одновременно в двух мирах, оно показалось чересчур затянувшимся, а потом — шумный вздох.

— Я все больше благоговею перед этими моими родичами, которые живут с такой страстью, тем самым творя произведение искусства, подобного которому на протяжении моей жизни не встречалось! Я... со временем я найду слова: сейчас они от меня

ускользают. Возможно, мне придется узнать новые слова, чтобы описать новое искусство и охватить новую деятельность. Однако сейчас не место и не время для этого: нам предстоит труд, который требует любви и умения. Да будет наша песня верной и страстной, подобной тем, кому мы будем служить. Способны ли вы, Шан йос-Галан?

Боги, способен ли он? А разве кто-то вообще способен?

Вспышка панического страха затуманила его внутренний взор. Он судорожно вздохнул, усилием воли восстанавливая спокойствие, и услышал из прошлого голос отца — суровый, ласковый и безмерно любимый.

«Мы делаем все, что в наших силах, дитя мое. Мы принимаем наилучшее решение, на которое способны на основе нашего опыта и подготовки. Это наш долг перед близкими и теми, кто поручен нашим заботам. Я бы сказал тебе, что необходимость придает нам мудрости, если бы это было правдой. Но я скажу тебе только одно: мы все делаем все, что можем, мы все допускаем ошибки, и те, кто нас любит, нас прощают».

Шан еще раз судорожно вздохнул, потом заставил себя сделать медленный успокаивающий вдох. Потом он вздохнул еще раз, и еще. Снова обретя равновесие, он открыл внутренний взор и увидел своего брата, страдающего от травм. И только Шан мог встать между ним и пугающей песней стайной черепахи.

— Я способен, — сказал он, продолжая смотреть на Вал Кона, только на Вал Кона, чье будущее зависит от его брата Шана — и который простит его, если он допустит ошибку.

Точильщик запел.

Мири лежала на влажных подушках и смотрела на Хранителя.

— Думаю, нам стоит начать этот танец, пока медтехник не вернулась со своим начальником.

Хранитель моргнул — сначала одним глазом, потом — вторым. Очень серьезно он ответил:

— Возможно, в будущем мы будем танцевать, ты и я. Мне представляется, что такой опыт научил бы меня многому. Но сейчас я прошу тебя просто слушать ту песню, которую я для тебя создал.

«Так». Мири прикусила губу, напоминая себе, что, судя по всему, небольшая песня, которую Точильщик спел колену Шана, не причинила никакой боли. Лицо его отразило только удивление, да еще, пожалуй... мечтательность. Такое выражение было у Вал Кона, когда он увлеченно играл на омнихоре.

— Тебе не нужно бояться, — проговорил Хранитель мягким (для стайной черепахи) голосом. — Я — твой брат. Твое сердце говорило с моим сердцем. Я не причиню тебе боли.

Если подумать, то это звучало подозрительно похоже на лиадийское обещание. Мири вздохнула. «Что с тобой, Робертсон? Стала к старости привередой? Если Хранитель хочет перерезать тебе горло, то нож у него такой острый, что больно не будет».

— Сестра?

Она ухмыльнулась, скользнув взглядом по его массивной зеленой фигуре.

— Все в норме. Ты поешь, я слушаю. Честное разделение труда.

— Вот именно, — сказал Хранитель и замолчал.

Мири расслабилась на подушках и закрыла глаза. Спустя какое-то время она услышала нечто, что могло быть нотой — или, возможно, ветром, играющим в листве...

Стояла весна, и Мири шла по саду, по вымощенной камнем дорожке. Дорожка неспешно вилась между разросшихся кустов, которые кое-где почти смыкались на ней массами цветов. В ветвях у нее над головой пели птицы, не обращая внимания на незнакомку, идущую через их сад. Ароматы растительности пьянили.

Тропинка круто повернула и закончилась на поляне. Мири остановилась на последнем камне, глядя поверх синевато-зеленой травы на ствол гигантского дерева.

На поляне стоял сумрак, созданный огромным переплетением ветвей, и Мири заморгала, а потом широко улыбнулась: приспособившиеся к полумраку глаза различили стройную фигуру мужчины, прислонившегося к массивному стволу. Не колеблясь, с улыбкой до ушей, она пошла по упругой траве.

Мужчина двинулся ей навстречу, оторвавшись от ствола. На нем была поношенная куртка из черной кожи, распахнутая на груди, тонкая белая рубашка, мягкие черные брюки и удобные полусапоги. Волосы у него были темно-каштановые, глаза — зеленые, а улыбка на безбородом золотистом лице такая же широкая, как ее собственная.

— Шатрез!

Мягкий, любимый голос ласкал слух, и она рассмеялась, радуясь тому, что его слышит.

— Вал Кон!

Она схватила его за руку и застыла, как дура. Она была так дьявольски счастлива, что даже не могла придумать, о чем говорить.

— Ты хорошо выглядишь, — проговорила она наконец.

Это прозвучало дико — пока она не вспомнила, что знает: он находится в капсуле автоврача в палате интенсивной терапии, где ему залечивают раны, он которых он должен был бы погибнуть.

— Внешность обманчива, — пробормотал Вал Кон, что было шуткой, и потянул ее за руку, приглашая вернуться с ним к основанию монументального дерева. — Я очень рад, что ты сюда пришла, Мири.

— Да? — Она искоса посмотрела на него. — Не откажешься ли объяснить, куда это «сюда»?

— Пожалуйста, — ответил ее спутник жизни. Он подошел к дереву и обернулся к ней, приложив ее свободную руку к стволу. — Это — Джелаза Казон. Самое безопасное место во всей галактике.

В нормальном положении она приняла бы эти слова за шутку: оба они не очень-то думали о безопасности. Однако она ощутила волну... уверенности, которая перешла из центра его существа в центр ее собственной души.

Это ее смутило, как всегда смущали подобные вещи, хотя боги свидетели: их нити так переплелись, что невозможно было бы сказать, который из них упадет, если одного поразит пуля. Она ощутила, как пальцы Вал Кона сильнее сжимают ее пальцы, и уперлась второй ладонью в дерево.

Мири охватила приветливая радость, объятия зеленой жизнерадостности, такой яркой, что она пошатнулась. В глазах у нее потемнело, в ушах зашумело — она упала бы, если бы ее напарник не был рядом. Он подхватил ее и помог усесться на мягкую траву, привалившись спиной к Дереву.

Ликование медленно померкло. Мири поморгала глазами, снова четко увидев поляну, услышав громкое пение птиц. Она вздохнула и закрыла глаза, примашиваясь к стволу, который заметно грел ей спину, будто улыбался незримо.

— Шатрез? — окликнул ее Вал Кон немного встревоженно.

Она покачала головой и посмотрела на него.

— Оно часто так себя ведет?

Его зубы блеснули в улыбке:

— Только когда ему кто-то нравится.

— Мне повезло, — отозвалась она и откинула голову на теплую кору. — Ты, конечно, знаешь, — сказала она ярким зеленым глазам Вал Кона, — что все это — только сон.

Одна бровь картинно выгнулась.

— Мне, естественно, очень больно не соглашаться с моей возлюбленной и спутницей жизни...

— Сон, — повторила Мири, безжалостно его прервав. — Я вышла из капсулы сегодня утром. А ты...

Она положила руку ему на сердце, ощутив его сильное биение под ее ладонью.

— Ты развалился на полдюжины кусочков, босс. Они рассчитывают извлечь тебя из Последний Надежды на следующей неделе по стандартному времени.

Она вздохнула.

— Мне хотелось бы, чтобы ты прекратил выкидывать эти глупые шуточки, — добавила она с наигранной суровостью. — Так ты себя угробишь.

— Прости, Мири, — кротко отозвался он, и она рассмеялась и рванулась вперед, чтобы его обнять.

— И ты меня прости. Боги, как я по тебе скучаю! Так скучаю, что ты даже так сильно мне приснился.

— Это не сон, Мири, — выдохнул Вал Кон ей в ухо, крепко обхватив ее руками. — Это — Джелаза Казон.

— Самое безопасное место в галактике, — повторила она, уткнувшись ему в плечо. — Конечно. — Она вздохнула и выпрямилась, отстраняясь от него. — Кстати, мы победили.

Он несколько секунд недоуменно смотрел на нее, а потом в его зеленых глазах зажглось понимание.

— А! — сказал он. — Икстранцев. Это хорошо.

— Можно сказать и так. — Она покачала головой. — Дело в том, что когда мы заканчивали то дело на аэродроме, на орбите неожиданно появилось подкрепление. Короче, нас поддержали Судзуки и все наемники, которые в момент набора оказались свободными, плюс стайный камнекорабль, которым управлял Точильщик. — Она ухмыльнулась, вспомнив еще кое-что. — Точильщик и Хранитель сейчас здесь... там. Ну, где-то. Им серьезно не нравится, как нас лечат. Они выставили медтехника из моей палаты и... Постой-ка.

Она закрыла глаза, пытаясь сосредоточиться.

— Мири?

— Погоди, погоди! Я...

Она вдруг вспомнила неприятные подробности последнего часа — и ощутила прилив ужаса. Открыв глаза, она заглянула в его лицо — чего не могла сделать на самом деле. Было еще что-то, еще более страшное, чем просто его тяжелое ранение...

— Медики говорят, что ты больше не сможешь пилотировать, — проговорила она и услышала, как задрожал ее голос. — Они говорят... повреждения нервной системы... Может, ты по-

началу даже не сможешь ходить. И что-то случилось с... тем, как я тебя вижу. Они...

— Нет! — Он поймал ее руки. — Мири, подумай: Точильщик и Хранитель здесь, и они выставили медтехников за дверь. А потом?

— Потом? — Что было потом? О! Она вспомнила: — Они спели колено Шана до выздоровления и сказали, что могут привести нас в полный порядок. Точильщик с Шаном пошли петь тебе. Хранитель... А Хранитель, наверное, прямо сейчас поет мне! — Она судорожно вздохнула. — У меня голова болит!

Он радостно ухмыльнулся.

— Нет, не болит.

— Знаешь все лучше всех, да?

— Больше, чем знал раньше, — очень серьезно ответил ей Вал Кон. — Я... То, что случилось... что позволило тебе вести тот самолет после того, как мое тело мне отказало... — Он поднял руку и прикоснулся к ее щеке. Глаза у него потемнели. — Мири, я не знаю, чем мы стали.

— Большим, чем сумма наших частей? — предположила она и увидела, как он недоуменно нахмурился.

— То есть?

— Целое больше, чем сумма его частей, — процитировала ему Мири. — Может быть, то, что случилось — как бы это ни случилось, — состоит в том, что мы построили узор «мы», который... сильнее, чем ты или я по отдельности.

Зеленые глаза зажглись снова.

— Вместе, — пробормотал он, — мы настоящие черти.

Мири ухмыльнулась.

— Неплохо! Может быть. По крайней мере эту теорию можно пока принять.

Вал Кон наклонил голову.

— Тебя не беспокоит эта... новая близость?

— К чему только человек не привыкает! — ответила она, качая головой. — Я бы не поменяла то, что у нас есть — чем бы оно ни было, — на прыжковый корабль класса «А».

— Такой обмен делать не нужно, — заметил Вал Кон. — Клан Корвал владеет несколькими кораблями класса «А». Только скажи мне, который из них ты желаешь оставить за собой, и дело с концом.

Мири воззрилась на него, а потом чуть криво улыбнулась:

— Я все забываю, какой ты богатый.

— А вот тут ты ошибаешься. Йос-Фелиумы совсем не так богаты, как семейство йос-Галан. Видишь ли, они — торговцы, а йос-Фелиумы в основном заняты администрированием.

— И безобразиями, — добавила Мири.

— Время от времени, — согласился он. — Надо же чем-то развеивать скуку. Однако сам Клан Корвал... влиятелен. Нам принадлежат доки, корабли, дома, деловые предприятия... Дэа-Гаусс скажет тебе все, когда мы вернемся домой. Моя информация устарела на несколько лет, но я не думаю, чтобы Нова нас разорила.

— Мы будем возвращаться на Лиад? — спросила Мири, пристально глядя на него.

— В конце концов нам придется это сделать. Департамент Внутренних Дел... Счеты должны быть сведены, и не только ради Клана Корвал. Я, как наследник Капитана, обязан уберечь пассажиров от гибели. Департамент пьет кровь из всей Лиад и всех лиадийцев. С этим будет покончено.

Мири нахмурилась.

— Наследник Капитана? Какого капитана?

— Что? — Он моргнул, а потом виновато покачал головой. — Я забыл о том, что ты еще не читала Дневники. На «Исполнении долга» есть полный вариант. Когда попадешь туда, попроси Шана дать их тебе. Тебе необходимо узнать нашу историю и те решения, которые принимались до нас. Это понадобится, когда мы станем Делмом.

Так.

— А мы можем скоро стать Делмом?

Он вздохнул и взял ее за руку.

— Да, скоро. Нова временно хранит Кольцо, и она доказала свои способности по многим показателям. Но она не может свести счеты с Департаментом Внутренних Дел. Это, Шатрез, будет нашим делом.

Он вдруг поднял голову и сдвинул брови, словно услышав, как кто-то его окликнул.

— А! Мне нужно возвращаться.

Он встал и наклонился, протягивая ей руку. Она вложила пальцы ему в руку и легко поднялась на ноги, а потом замерла, глядя ему в глаза.

— Вал Кон...

У нее перехватило горло, и ей едва удалось сдержать слезы.

Он шагнул вперед, обхватил ее за плечи и крепко обнял. Ее руки обвились вокруг его шеи.

— Все будет хорошо, Мири, — прошептал он ей на ухо. — Боги, время уходит. Подари мне поцелуй, чтобы я мог унести его с собой.

Она жадно подставила ему губы. Несколько ударов сердца спустя они одинаково неохотно разжали объятия, и Вал Кон повернулся к тропинке.

— До скорого, Мири, — сказал он.

— До скорого, Вал Кон, — прошептала она и стала смотреть, как он уходит от нее по траве — быстро, бесшумно, грациозно.

Она на секунду отвернулась, а когда снова посмотрела в ту сторону, он уже исчез.

Оставшись одна, она стояла на лужайке, слушая птиц и ветер, нежно овевающий влажную весеннюю листву.

Расколотую нервную систему засеяли двумя дюжинами кристаллических нот и перешли к более серьезной проблеме: нужно было заново сплести распустившуюся на нити ткань. Шан оказался внутри серого, болезненного ландшафта. Песня Точильщика двигалась где-то впереди него, ведя поиск, словно помогающий охотнику зверь, и везде, где она проходила, цвета закреплялись и начинали светиться.

Немного дальше песня зацепилась за угрюмый, пыльный выступ, разбудив тусклое недовольство женой сиены и умбры. Шан потянулся вперед и поймал ноту, задержав ее на месте, пока он будет осматривать аномалию.

У нее был вкус чего-то искусственно созданного, однако она реагировала, когда он приложил к ней свою волю, зашипев с лихорадочной враждебностью, которая сигнализировала его чувствам Целителя о чем-то неправильном.

Он расширил свою область восприятия и увидел, что эта странная структура неуклюже прикреплена к душе его брата. Приглядевшись внимательнее, он увидел, что это крепление двойное: некоторые из первоначальных грубых креплений сломали и заменили чем-то более тонким и узнаваемым — материалом, из которого была сформирована вся остальная структура.

Шан осторожно приложил свою волю к чуждому построению, ощутил, как оно ворчит и дергается, словно плохо приученный пес, пытаясь порвать новые, более тонкие крепления. Влажные красные цифры вспыхивали, предсказывая опасность и дурные последствия. Шан чуть подался вперед и заставил их успокоиться.

Потом он снова сосредоточился на новых креплениях, узнавая в узлах и двойных переплетениях Вал Кона. Так. Его брат ценит эту штуку, чем бы она ни была, однако не считает нужным ей доверять. Хорошо.

Он окутал это строение своей волей, погасил его враждебность поцелуем, провел рукой по его очертаниям, стирая углы лжи, закрывая отверстия, оставленные для доступа посторонних, устраняя яд, собравшийся в его центре. А потом он вернулся на то место, где нота Точильщика терпеливо замерла на месте, и посмотрел на результаты своих трудов.

Цвет странной структуры улучшился: она стала густо-топазовой, с медными отблесками. Ее форма тоже стала более приятной: не такой чужеродной. И она больше не рычала, когда он прикасался к ней своей волей, а просто переходила в состояние готовности. Так будет вполне приемлемо.

Хотелось бы надеяться.

Он убрал ограничения на продвижение ноты, позволив ей хлынуть вперед, накрыть странную штуку — чем бы она ни была — и безвозвратно сделать ее частью целостного Вал Кона.

День 286-й
1392 год по Стандартному календарю
Центропорт Теристы
«Дом Панак», «Поля Огня», «Спекулятивный Фонд»

Как оказалось, Чивер Мак-Фарланд тоже знал Теристу, хотя и не ту ее сторону, которую знал Пат Рин. Чивер знал ремонтные мастерские, большие и маленькие, и предложил позаботиться о том, чтобы знак Дерева и Дракона на борту их корабля был удален или закрыт. После некоторого размышления Пат Рин от этого предложения отказался.

«Награда фортуны» уже была занесена на доску прибытий и зарегистрирована начальником порта, и хотя им действительно вскоре понадобится превратить ее в совершенно другой корабль, зарегистрированный на имя какого-нибудь фиктивного владельца с окраинной планеты, такие изменения, вероятно, разумно будет сделать в месте несколько менее... популярном, чем Териста.

Пилот Мак-Фарланд также был знаком с многочисленными местными забегаловками, обслуживавшими земные или смешанные команды, и в одну из таких они отправились прежде, чем перейти к многочисленным делам дня.

В «Доме Панак» куртка Чивера — или, может быть, его лицо — завоевала им право попасть в просторный и более удобный зал для завсегдатаев. Широко улыбающийся хозяин позвал их:

— Сюда, пилоты!

Меню уже легло на стол, и кофе был налит прежде, чем Пат Рин успел отказаться.

Предложение убрать их сумки было отвергнуто, хотя и с благодарностью, а, пообещав «вернуться через секунду», официант поспешил наполнить чашки за соседним столом.

Меню хотя и было написано на земном — языке, с которым Пат Рин был хорошо знаком, — оказалось практически недоступным его пониманию. «Шматы» и «стопки», предлагаемые к его услаждению, были лишены смысла, как и их предполагаемые характеристики: «толстый», «малый», «полный»...

Ему не следовало тревожиться. Его спутник перехватил официанта взмахом большой руки.

— Два дежурных блюда, двойные ломти и ц-сок.

Принесенная трапеза состояли из стопки лепешек, которые, судя по действиям Чивера Мак-Фарланда, следовало поливать различными жидкостями и умащать вареньями, узнаваемых яиц и нескольких кружков молотого и прессованного мяса, каждый размером примерно с лепешку.

Пат Рин осторожно отведал все приношения. Напиток из сока оказался достаточно знакомым. Остальные блюда были приятно пряными. Он съел понемногу от каждого.

— Здешний порт, — сообщил Чивер, жуя кусок лепешки, — очень оживленный. Это заведение всегда открыто, а пилотам предоставляют лучшие столики. Заказываете у них дежурное блюдо — и получите вкусный и недорогой обед.

Пат Рин оторвал взгляд от тарелки.

— Однако я не пилот.

Мак-Фарланд отправил в рот кусок мясного кружка и задумчиво начал его жевать.

— Можете сойти, — проговорил он в конце концов. — Достанем вам куртку — и никто не усомнится в том, что вы знакомы с прыжками.

Он осушил кружку кофе и помахал ею в сторону официанта, а потом чуть качнул ею, адресуясь к Пат Рину.

— Если мы собираемся лечь на дно или еще что, то вам стоит научиться пить это всерьез.

Пат Рин выгнул бровь, посмотрел на свою почти нетронутую кружку и чуть улыбнулся.

— Я вижу, что меня ожидает больше трудностей, чем я думал, — негромко сказал он на земном.

Взяв кружку, он сделал большой неспешный глоток темного напитка. Вздохнув, тихо взгрустнул по спокойному утреннему чаю и сделал еще один глоток. В этот момент к ним подошел официант с большим кувшином в руках.

— Не-а, этот еще ничего, — сообщил ему Чивер. — Если мы попадем в такое место, где я отопью всего глоток, тогда вам можно будет воздержаться...

— Пилот, я вижу, что нас обоих ждет немало уроков!

Чивер молча кивнул. Официант подлил им в кружки горячего напитка из своего кувшина и поведал новости о свежих булочках и пончиках, которыми можно завершить трапезу.

Имя Пат Рина обеспечило им право войти в «Поле Огня», где распорядительница с радостью нашла им места в зале, предназначенном только для членов клуба. Туда они попали как гости заведения.

Распорядительница также предложила отказаться от платы за посещение, если он поставит свою подпись в книге для гостей. Лиадийский стрелок его уровня редко заходил в земное заведение такого ранга, и подпись действительного чемпиона Тей Дора заметно повысит меланти дома. Решение вопроса о том, оказывать ли такую честь заведению, Пат Рин отложил на потом, пока что молча поклонившись и вежливо приняв предложение к сведению.

После этого их провели длинным коридором с прозрачными стенами. Распорядительница старалась произвести на Пат Рина впечатление, перечисляя различные удовольствия, предлагаемые заведением. Они миновали несколько дюжин стендов — некоторые освещенные и занятые, некоторые — освещенные и пустые, некоторые — темные. Всюду имелись разнообразные мишени. Она продолжала рассказ о клубе, объясняя, что «Поле Огня» — это не самый крупный тир на планете. Нет. Но он оснащен лучше других, поскольку предлагает полный ассортимент оружия, от легкого до тяжелого, включая дуэльные пистолеты множества калибров. В тире также постоянно дежурили мастера по ремонту и пристрелке оружия и инструктор.

Тут она замолкла, сообразив, что почти допустила оплошность, и замаскировала свое смущение, картинным жестом вставив карточку в ту часть стены, на которой была надпись: «Только для членов клуба».

За дверью освещение было лучше, ковровое покрытие — более высокого качества, и даже имелся небольшой буфет с энергичным молодым человеком за стойкой. Из этого центра расходились индивидуальные галереи, по восемь с каждой стороны от двух центральных галерей, где могли размещаться по четыре стрелка одновременно.

Только одна из галерей была занята: сквозь толстый пластиглас виден был мужчина, деловито укладывавший в бронированный чемоданчик множество маленьких пистолетов. На полу рядом со стойкой стоял второй такой же чемоданчик, уже закрытый.

Распорядительница провела их мимо полукруга трибун на большую галерею слева, включив с помощью своей карточки механизмы и свет. Когда дверь бесшумно закрылась, она жестом пригласила гостей пройти по пандусу на утопленный в полу рубеж, рядом с которым находились подставки для оружия и пульт управления. Сама она не стала спускаться: на огневой рубеж допускались только стрелки.

— Думаю, вам здесь будет удобно, господа, — сказала она. — Эта галерея свободна до самого вечера. Вам отведено три часа стрельбы. Таймер включается с первым выстрелом или при включении следящего компьютера. И я повторяю: мы будем рады не брать с вас платы, если лорд Пат Рин согласится сделать запись в нашей книге почетных гостей.

Пат Рин взял у нее карточку и листок с кодами, и очень скоро они с Чивером Мак-Фарландом уже разложили свое оружие, надели предоставленные клубом наушники и начали обычную проверку того, что земляне называли «железом».

На подставке Чивера устроились два массивных химических «Ладеметра» с несколькими десятками патронов, гораздо меньший по размеру, но тоже химический двуствольный крупнокалиберный пистолет для голенища с яркими патронами к нему и пара стандартных пулевых пистолетов с тремя дополнительными магазинами к каждому. В его руке был крупный даже для руки землянина немалого роста аварийный клинок. Перед каждым из трех выстрелов из него Чивер оглядывался назад, проверяя, что его никто не видит. Как только был сделан последний, третий выстрел, он тщательно перезарядил потайное оружие, вложил его в ножны и сразу же заправил обратно за голенище.

И тут же — хотя уже открыто — перешел к крупнокалиберному пистолету, ведя стрельбу быстро и точно. Пистолет почти полностью скрылся в его огромной руке. Звуки выстрелов, как и те, что издавал его пистолет-нож, даже через наушники слышались как рез-

кие щелчки. Химический состав оставлял синеватую дымку и резкий запах, который быстро удаляла система кондиционирования.

Пат Рин все еще работал своим первым оружием — лиадийским пулевым пистолетом стандартного калибра дэа-Нобли. Но хотя калибр его был стандартным, сам пистолет был произведением искусства: филигрань на металле, изготовленный по специальному заказу скоростной лучевой прицел, рукоять из крил-рога, любовно пригнанная по руке. Каждый выстрел сквозь наушники звучал как тихий шлепок, хотя сопровождавшее его магнитное зудение проходило без помех. Его «демонстрационный пистолет», дэа-Нобли, был точнее, чем дуэльные пистолеты многих кланов, — и дороже, чем почти все они.

Мишени менялись — от неподвижных кругов до мифических существ ярмарочных тиров и движущихся силуэтов людей, которые стрелок мог выбирать по своему усмотрению. Удовлетворившись качеством стрельбы дэа-Нобли по неподвижной мишени, Пат Рин собрался было перейти к чему-нибудь более сложному, когда ритм выстрелов его спутника изменился, а потом и вовсе прервался.

Движение руки его массивного спутника было едва заметным, но совершенно понятным. Опустив оружие, Пат Рин обернулся и увидел, что они привлекли внимание двух зрителей, которые сидели в креслах по другую сторону пластигласа, за столиком с кружками и закуской.

Мужчина был явно землянином — возможно, не таким крупным, чем Чивер, но гораздо больше среднего мужчины своей расы. Кожа лица у него была смуглая, с первыми морщинами — как у человека, который слишком часто подвергался воздействию солнечного излучения. Возможно, это был бывший наемник или уроженец какой-нибудь далекой планеты: с сильными чертами лица, квадратным подбородком и не слишком умный.

Женщина была — скорее всего — землянкой. Она тоже была смуглой, но, похоже, от рождения, а не от действия солнца. Ее волосы лежали на аккуратной голове черной шелковой шапочкой над лицом с тонкими чертами, и ее быстрые глаза тоже были черными. В эту минуту они были устремлены на Пат Рина с весьма большим интересом.

— Только что сели, — вполголоса сообщил Чивер. — Он — громила, а вот если она — не пилот, то я готов съесть собственную лицензию. У обоих сумки, но у нее...

— У нее пистолет под правой рукой, — договорил за него Пат Рин. — Вот почему ее жилет кажется чуть толще, чем следовало

бы в такой теплый день. Мужчина, как вы и сказали, телохранитель.

Женщина подняла руку, возможно, приглашая их продолжить стрельбу.

— Полагаю, нам пора сделать перерыв, мистер Мак-Фарланд. Пожалуйста, окажите мне честь, зарегистрировав наши результаты. А потом мы посмотрим, что нам удастся узнать о наших посетителях.

— Годится.

Пат Рин поставил свой дэа-Нобли на предохранитель и демонстративно оставил свое красивое оружие на стойке, ощущая привычный вес тайника в правом рукаве как нечто успокаивающее. Повернувшись спиной к Чиверу Мак-Фарланду, он прикоснулся к пульту и вышел из галереи.

Его накрыла волна теплого воздуха и уже ставший привычным запах кофе.

— Вам не нужно было прерываться ради нас, мастер, — проговорила женщина на почти правильном лиадийском, пока они приближались к ней. Не вставая с места, она поклонилась, изящно передав обращение новичка к мастеру, что, безусловно, было чистой лестью. — Мы через несколько минут пойдем во вторую галерею. Однако здесь редко приходится видеть подобную стрельбу!

Пат Рин склонил голову.

— Мы не намеревались устраивать демонстрацию стрельбы, так что, боюсь, стреляли не лучшим образом. Мы некоторое время находились в пути.

— О, тогда это тем больше впечатляет! — Темные глаза испытующе скользнули по нему, а потом она повернулась, сделала знак своему спутнику и обратилась к нему на земном, который у нее звучал не менее вежливо, чем лиадийский. — Джульер, мои манеры мне изменили. Пожалуйста, принеси нашим гостям кофе и закуску... Или, может быть, чай для мастера.

Пат Рин оценивающе посмотрел на женщину, а потом поднял руку.

— Позвольте мне отправить с ним и мистера Мак-Фарланда, — сказал он, переходя следом за ней на земной. — Он знает мой вкус в кофе.

Она адресовала ему полуулыбку и пожала плечами, как это делают настоящие земляне.

— Конечно, вы предпочитаете отправить кого-то блюсти ваши интересы.

Пат Рин взглянул на Чивера.

Пилот кивнул и дождался, чтобы телохранитель встал. Они вместе ушли в буфет, только что не щетинясь, словно два кота, которые одновременно попали на незнакомую территорию.

Женщина чуть подалась к Пат Рину и наклонила голову движением, которое превратилось в официальный поклон.

— Мастер, нам необходимо поговорить... без свидетелей. Я — Натеза. Мне кажется, что наши интересы совпадают.

Двое крупных мужчин беспокойно ерзали на месте, чувствуя себя неловко, внезапно оказавшись в роли наблюдателей. Дверь за ними закрылась с тихим шелестом.

— Они нервничают, — заметила Натеза, спускаясь с Пат Рином в галерею. — Это хорошо их характеризует.

— Подозреваю, что все мы четверо несколько озабочены, — пробормотал Пат Рин, беря со стойки дэа-Нобли. — Мистер Мак-Фарланд сказал мне, что вы — профессиональный стрелок и скорее всего пилот первого класса.

— А! А мой опекун сообщил, что вы стреляете лучше, чем могло показаться.

Пат Рин бросил раздраженный взгляд в сторону двоих мужчин, оказавшихся в роли зрителей, а Натеза мелодично рассмеялась.

— Я подумала, что вы оцените уровень помощи, которую мне предоставляют местные по их собственному настоянию. Джульер хорошо может себя показать в пьяной драке (как, я подозреваю, и мистер Мак-Фарланд), но он, наверное, окажется во втором эшелоне в отношении стрельбы и сообразительности в отличие от мистера Мак-Фарланда. — Она улыбнулась и повела рукой. — Я беру синюю сторону.

Пат Рин хладнокровно наблюдал за тем, как она достает из своей сумки оружие. Разложив его на подставке так, как ей было удобно, она снова повернулась к нему и подняла открытую ладонь в древнем как мир знаке миролюбивых намерений.

— С вашего позволения, мастер. Мне следует проверить и эти.

Из-под жилета она извлекла миниатюрный пистолет, который также бережно пристроила на подставке, демонстративно развернув его дулом в сторону мишеней. Модель оказалась незнакомой, и по ее очертаниям нельзя было определить, является ли оружие химическим. Натеза снова запустила руку под жилет и достала крошечное и странное оружие, которое он узнал мгновенно, хотя держал такое в руках всего один раз, и то очень много лет тому назад.

Он приподнял бровь, и она наклонила голову, не без иронии.

— Благодарю вас за заботу. Можете не сомневаться в том, что мне известно: это — не игрушка. Нам следует быть друг с другом откровенными. Меня называют Натеза Убийца — это одно из моих многочисленных имен. А это, — указала она на оружие, — пулевой пистолет тройного калибра. Однозарядный. С очень высокой мощностью. Видимо, его можно сравнить с одним из специальных зарядов мистера Мак-Фарланда.

Вот как. Пат Рин медленно вздохнул, понимая, что ставки резко возросли — хотя, по его ощущениям, не выше разумных пределов.

— Я, — сказал он, глядя прямо в умные глаза женщины, — не профессионал. И при мне, безусловно, нет ничего, что бы...

Она прижала палец к губам и по-земному зашипела, призывая его к молчанию.

— Вы правы, конечно, — согласилась она, коротко кивнув. — Мы оба не готовы демонстрировать все наше оружие и запасные варианты. Однако вам следует знать, что я вижу две единицы вашего спрятанного оружия.

Он чуть наклонил голову, становясь высокомерным аристократом.

— Благодарю вас.

Ее губы чуть дрогнули, и она снова поклонилась.

— Скажем, лучшие из пятидесяти? — предложила она. — Смешанные мишени? У меня здесь есть оружие такого же калибра, как ваш пулевой пистолет.

— Конечно.

Пат Рин проверил заряды в своем пистолете, а она — в своем.

— Мы будем стрелять поочередно? По одинаковым мишеням? Или дуэтом? — спросил он, привычно опуская глаза к полу и проверяя, нет ли на полу чего-то, обо что можно споткнуться.

— Дуэтом, — сразу же ответила она и взялась за выключатель движения мишеней. — Я включу этот. А вы выбирайте мишени.

И это, понял Пат Рин, было первым ходом. Как опытный игрок, он знал: лучший способ отреагировать на первый ход — это принять его.

Он поднял руки к пульту, ввел в него свой выбор и положил палец на стартовую кнопку, глядя на женщину.

— Мы выберем одинаковую крупную дичь. Скорость должна быть высокая. Расстояния должны меняться одинаково. Если вы согласны.

Она не стала кланяться, а просто кивнула. Лицо у нее было просто приятным.

— Разумеется, крупная дичь. Превосходный выбор.

Он поднял пять пальцев, определяя задержку включения, активировал мишени и шагнул на огневой рубеж.

Замелькали цифры, показывая обратный отсчет. Свет померк. Мишени пришли в движение.

Крупная дичь.

Первая мишень выросла из пола в дальнем конце галереи: изображение пригнувшегося мужчины, прицеливающегося из винтовки и готового стрелять. Пат Рин выстрелил быстро — и автоматически. Стрелять положено между руками, ниже приклада, по возможности ближе к горлу. Мишень исчезла, сменившись новой, появившейся из левой стены: двое мужчин рядом, с пистолетом. За ними — юная девушка с пистолетом, пропустить мальчика с цветами в руке, постараться попасть в голову фигуре с винтовкой, прячущейся за стволом дерева.

Он заметил, что на второй галерее мишени появляются одновременно с его собственными. Казалось, выстрелы из ее пистолета накладываются на его собственные... но мишени все появлялись.

Пат Рин вспотел, заряды в дэа-Нобли почти закончились, мишени все были сбиты в нужное время, позволив мальчику с цветами, старику с метлой, паре с мороженым и двум маленьким существам... возможно, это были собаки? — удержать свои позиции.

Через мгновение появились результаты.

Натеза тихо присвистнула. Синяя сторона: 297 очков. Зеленая сторона: 298.

— Можно? — спросила она, протягивая руки к пульту.

Пат Рин поклонился, и убийца вывела на экран подробный подсчет.

— Так, мастер. У каждого было пятьдесят подвижных мишеней. Мы оба добились пятидесяти приличных попаданий. Мое время было... как видите... чуть более быстрым. Ваши выстрелы были предельно точны, хоть и чуть медленнее моих. Но мои были достаточно хороши.

Пат Рин снова поклонился.

— Все ваши выстрелы были быстрее моих, и для крупной дичи это важно. Я могу сказать вам, что заметил: ближе к концу вы стали делать чересчур большую поправку на отклонение влево. Без этого вы наверняка выбили бы триста.

Тут она рассмеялась и тоже поклонилась.

— Благодрю, мастер. Вы ориентируетесь настолько хорошо, что наблюдаете за обеими нашими мишенями. А почему было отклонение влево, вы мне не скажете?

Он внимательно посмотрел на нее, поднял палец и показал, что ей следует повернуться на месте. Она пожала плечами и повернулась, а потом замерла, вопросительно глядя на него искрящимися черными глазами. Он снова повел пальцем, обозначая более медленное вращение, что, возможно, было ошибкой: он на секунду отвлекся на ее формы. Наклон ее головы и разворот плеч дали ему понять, что она это заметила.

— Полагаю, это ясно, — проговорил он на лиадийском в модальности мастера, обращающегося к другому мастеру. — Ваш жилет немного сковывал ваши движения. Проблема вызвана тем плоским предметом над вашей левой почкой.

— А! — Натеза Убийца на одну секунду растерялась, а потом низко поклонилась, как новичок мастеру. — Это было поучительно.

Она выпрямилась и серьезно посмотрела на него.

— Давайте рассматривать оружие, — предложила она, — и говорить, повернувшись лицом к мишеням, чтобы те, кто окажется позади нас, не смогли прочесть по губам, о чем мы разговариваем.

Итак, время настало. Неизвестно только, для чего. Пат Рин поклонился в знак согласия и начал разбирать свой пистолет.

— Мастер Тей Дора, — мягко сказала она, уверенно и быстро разбирая собственное оружие, — пожалуйста, распоряжайтесь мной. Если вам нужен транспорт или безопасное убежище, дополнительная охрана или денежный аванс... — Она быстро скользнула по нему темными глазами. — Имейте в виду, я имею полномочия. И более того. Я имею права. Если вам потребуется, можно устроить многое.

— И, несомненно, вы предлагаете все это исключительно по доброте душевной, — пробормотал он, бросая на нее взгляд.

Она подняла голову и посмотрела на него в упор.

— Если хотите, можете рассматривать это как официальное предложение Хунтавас: продолжение помощи и содействия, о которых вы, возможно, слышали.

Натеза замолчала.

Его не удивила ее принадлежность к Хунтавас: именно это он и предполагал. То, что она обратилась к нему с этим щедрым и открытым предложением помощи, было... огорчительно. Тем не менее ее следовало выслушать, чтобы узнать, какие меры безопасности ему могут понадобиться... в другом месте.

С бесстрастным лицом, уверенно держа в руках оружие, он наклонил голову в вежливом предложении продолжать.

Натеза вздохнула.

— А! Я опасалась, что вы посмотрите на это именно так. Мастер, выслушайте меня. Я повторяю: наши интересы совпадают. Знаю, знаю: старое соглашение. Но многое... обстоит не так, как раньше.

Она подняла руку и серьезно продолжила:

— И я вам говорю: Хунтавас обнаружили, что на Лиад что-то очень не так. Представители Корвала исчезают из пространства, все, кроме вас... Возможно, вы — приманка в ловушке?.. и глупенькой юной кузины. Корабли Корвала летают по своим маршрутам, но мы отмечаем изменения в устоявшихся привычках: капитаны перераспределяются, членов команды высаживают, устанавливают гондолы с тяжелым вооружением. В других секторах начинает расти недоумение, которое, как показывает наш анализ, связано с... изменениями в поведении Корвала. Мы слышим о... неких людях, которых следует избегать. И некоторые из тех, кто имел дело с определенными лиадийцами, оказываются не разоренными или посрамленными, а мертвыми.

«План Б», — подумал Пат Рин, а потом негромко сказал:

— Введен в действие «План Б». Корвалу грозит опасность, Натеза Убийца. Мы ушли в укрытие.

— Да? — сверкнула она глазами. — Но вы не ушли в укрытие, мастер. А Хунтавас изучали Клан Корвал. Мы не думаем, что Дракон в своем изгнании будет кротким. Мы ожидаем решительных действий с неожиданной стороны. И в самое ближайшее время.

Она немного помолчала, продолжая смотреть ему в глаза.

— Поймите меня, Пат Рин йос-Фелиум. Как Судья сектора я в состоянии предоставить вам то, что вам может потребоваться. Что бы вам ни потребовалось. А если вы сможете привести нас к вашему родичу, чтобы стайные черепахи убедились в том, что Хунтавас честно придерживается своих соглашений, будет еще лучше для всех нас.

— Судья сектора? — повторил он незнакомый ему титул, спокойно и медленно собирая свой пистолет.

— Да, да. — В ее голосе зазвучало нетерпение. — Я... облечена властью. Когда возникают споры относительно территории или права собственности на какие-то предметы или недвижимость, меня вызывают, чтобы найти ответы и все уладить. А если появляется проблема, которую нельзя разрешить переговорами, я имею власть решать ее так, как сочту нужным.

Она замолчала, сосредоточившись на какой-то мелкой детали своего оружия.

— Вот почему я хожу с Джульером, которого на время моего пребывания на планете мне подарил местный босс. Босс хочет заручиться моим согласием, когда оно ему понадобится.

Она посмотрела на Пат Рина, с тихим щелчком загоняя в пистолет новый магазин.

— Старое соглашение — Хунтавас не вмешивается в дела Клана Корвал. Корвал не мешает Хунтавас... — проговорил Пат Рин мягко, очень мягко. — Вы советуете мне его отбросить. Вы говорите — очень убедительно! — что обстоятельства изменились настолько кардинально, что границы мудрости, границы, обеспечивавшие наше взаимное выживание, следует провести заново, поставив Хунтавас и Корвал рядом перед лицом нового врага.

Он передернул плечами, внезапно ощутив огромную усталость.

— Вам известно, кто я. Я не имею права отметать политику клана. И уж конечно, не в отношении данного вопроса. Какими бы ни были мои потребности.

Она молчала. Он выпрямился и попятился от стойки, демонстративно направив дуло пистолета в сторону от нее. Бросив взгляд в сторону мишеней, он направился к пульту управления.

— Постреляем? — спросил он, вводя новые команды. — Сто мишеней, начиная от стандартного размера и расстояния и уменьшающиеся до одной шестой в размере и удаляющиеся на двойное расстояние.

— Вы уверены? — спросила она, и в ее мягких, культурных тонах действительно зазвучало сомнение.

Пат Рин оглянулся и увидел, что она стоит, направив собранный пистолет в пол: хрупкая, смертоносная и очень привлекательная.

— Почему бы мне не быть уверенным? — беззаботно спросил он. — Ставлю кантру, что вам не удастся победить меня по очкам.

Она рассмеялась.

— А вы действительно любите азартные игры, правда? Но — нет, я не стану вас разорять. Лучше договоримся расстаться подружески.

Она поклонилась — неглубоко и весело.

— И — да, мастер, мне будет очень приятно еще пострелять.

Они быстро расправились с сотней мишеней, но ни один из них опять не одержал победы над другим. После этого Натеза изящно поклонилась и оставила его. Он выпустил ее из галереи к подаренному ей телохранителю и впустил Чивера Мак-Фарланда обратно.

— Мы улетим с Теристы раньше, чем планировали, мистер Мак-Фарланд, — сообщил он, когда его массивный спутник зарядил свой второй «Ладеметр» и встал на огневой рубеж. — Когда мы закончим, я зайду в банк. Нам следовало бы улететь сегодня вечером.

Пилот посмотрел на него с выражением, средним между ухмылкой и гримасой.

— Назначили свидание?

— Да, мистер Мак-Фарланд. Мне необходимо попасть в казино, иначе мы прибудем к месту назначения без средств, которые бы позволили нам вступить в игру.

— О! Угу. Но она — та еще штучка, правда, босс?

— Не понял вас, пилот?

— Эта Натеза. И собой хороша, и стреляет, как чемпион. Что понятно, потому что она — действующий чемпион этого клуба.

— Это интересная информация, но не неожиданная.

Пат Рин подошел к стойке и сделал первый выстрел.

— Хунтавас, да?

— Похоже, вы это поняли.

— Парень, который был при ней, соответствует по полудюжине признаков. Наколка здесь, другая — там. Вооружен типичным оружием Хунтавас, а вот Натеза — нет. И даже чертово кольцо носит! Никакого стиля у парня. Скажу вам: если он приятель этой дамочки, то я крайне удивлен.

— Вот как. Похоже, она ставит вас гораздо выше, чем Джульера.

— Надо надеяться! Он не дипломатичнее пьяного наемника на пляже нудистов!

— Мистер Мак-Фарланд, если вы рассчитываете заставить меня промахнуться, пытаясь меня отвлечь или рассмешить, то вы серьезно ошибаетесь.

— Ну, попробовать стоило. Вы опередили меня на два выстрела. Осталось двадцать.

— Стреляйте, мистер Мак-Фарланд. Если вы продолжите в том же духе, то можете повторить счет Натезы.

— Похоже, она-то отвлеклась, а? По-моему, вы ей понравились, босс.

— Мистер Мак-Фарланд...

— Ага. Конечно. Мой выстрел.

Менеджер частных вкладов была новой: когда в прошлый раз Пат Рин брал деньги со своего счета в Спекулятивном Фонде Теристы, ее он там не видел. Предыдущий менеджер был мужчина, тихоголосый и вежливый.

Новый менеджер была женщина, суетливая и раздражающая.

— Мои глубочайшие извинения, сударь, — лепетала она, колотя пальцами по клавиатуре, — но я что-то не нахожу вашего счета. Я... О, вот он! Ох нет. Нет, это не он.

Пат Рин проглотил едкое замечание, досчитал до двенадцати и напомнил ей, что в бумаге, которую он ей подал, указаны не только его имя и номер счета, но и первые две фразы из кода доступа, чего должно быть более чем достаточно, чтобы найти его деньги.

— Да, да, конечно, вы совершенно правы, сударь! — затараторила она. — Просто... Да! Я вижу, что мне нужно вызвать начальника отдела. Подождите минуточку, сударь, будьте так добры. Я вернусь немедленно...

Она вскочила с места и убежала. Дверь за ней закрылась.

Пат Рин сжал зубы, борясь с раздражением. Право, это было ни с чем не сообразно! У нее не должно было возникнуть ни малейшей проблемы с доступом к его счету. Видимо, менеджер неправильно ввела его запрос. Впрочем, можно только удивляться, как ей вообще удалось что-то набрать на клавиатуре: руки у нее так и тряслись.

«А почему у нее тряслись руки?» — внезапно подумал он. В конце концов его нельзя назвать пугающей личностью, а его просьба была совершенно рутинная.

Нахмурясь, он обошел стол менеджера. Экран все еще не погас и был полон красных линий и сигналов опасности. В центре находился код его личного счета, на котором числилось около девяноста шести кантр. А за ним шел незнакомый код, тоже красный.

Вот как.

Совершенно хладнокровно он забрал бумаги с ее стола, сложил их и спрятал во внутренний карман куртки, снова обошел стол и приложил ладонь к замку. Она открылась при его прикосновении, что его несколько удивило, однако он решил, что неопытная девушка не привыкла к опасным клиентам.

Быстрым шагом он прошел по коридору и экономно обставленной общей приемной, направляясь к выходу на улицу. У себя за спиной он услышал стук каблучков и испуганный возглас:

— Сударь? Сударь, минутку, пожалуйста!

Не поворачивая головы, он вышел за дверь.

Оказавшись на улице, он зашагал дальше, хотя колени стали неприятно нетвердыми. Он едва успел сделать шесть шагов, как к нему присоединился крупный мужчина, который нес пару чемоданчиков с оружием.

— Закончили дела, босс? — спросил Чивер.

— Закончил, — ответил он, чуть задыхаясь, — но не к нашей выгоде. Я не смог снять деньги со счета. Хуже... Мистер Мак-Фарланд, я опасаюсь, что мог оповестить кого-то... нежелательного... о моем присутствии.

— Следовало ожидать, полагаю, — философски заметил Чивер. — Время взлетать?

Пат Рин зашагал дальше, немного медленнее, и заставил себя сосредоточиться. Паника никогда не обеспечивает выигрыша.

— Нет. Мне надо попробовать казино. Раз я не могу пользоваться счетом корабля и моими собственными вкладами, потребность в деньгах становится острой.

— Если им известно, что вы здесь, они установят наблюдение за казино, — довольно логично предположил Чивер.

Пат Рин повел рукой в знак согласия.

— Непременно. Но в казино есть служба безопасности, и там заинтересованы в благополучии своих посетителей. Меня могут увидеть, но маловероятно, чтобы мне стали надоедать. — Он вздохнул. — В любом случае с риском придется мириться. Нам необходимы наличные.

После недолгой паузы Чивер вздохнул.

— Ну что ж, надо — значит, надо, — сказал он. — Я пойду с вами.

Состояние Пат Рина лучше всего характеризовало то, что такое самовольство вызвало у него не досаду, а чувство облегчения.

— Благодарю вас, мистер Мак-Фарланд, — сказал он. — Я буду рад вашему обществу.

Квартал казино Теристы «Практичный Статистик»

— Лорд Пат Рин! Секундочку, будьте добры!

Прекрасно одетый джентльмен не отреагировал на оклик. Он взял кости, слегка их встряхнул и бросил умелым поворотом кисти. Его богатые кольца эффектно блеснули в свете ламп. Кости ударились в обтянутую сукном стенку стола, отскочили, два раза повернулись и замерли. На первом и втором кубике было по одной точке, на третьем — пять. Джентльмен стоял молча, чуть наклонив темную голову, и хладнокровно ждал решения игорного дома.

— Семь заявлено и семь выброшено! — объявил крупье, ловко отделяя от банка три монеты и пододвигая их к игроку. — Казино выплачивает три золотых джентльмену с синей серьгой. Кости со стуком упали на сукно рядом с монетами. — Бросите еще, сударь?

Джентльмен секунду подумал — что было вполне естественно, когда игра шла на золотые. На каждый кон ставились три монеты заведения и две — его собственные.

Драгоценные камни вспыхнули на красивых пальцах, которые легли на монеты.

— Делаю паузу.

— Джентльмен с синей серьгой делает паузу! — воскликнул крупье. — Кто делает ставку против заведения?

Кости перешли к медноволосой даме в непозволительно алом платье, которая весьма энергично их встряхнула. Джентльмен с синей серьгой ловко собрал пять золотых и отошел от стола, направляясь в сторону, противоположную той, откуда его так некстати окликнули. Он двинулся к столу, за которым в последний раз видел Чивера Мак-Фарланда.

Как только он пробрался сквозь толпу, собравшуюся у столика, где шла игра в кости, его схватил за рукав остролицый мужчина в удивительно незаметном костюме.

— Лорд Пат Рин?

Он выгнул бровь.

— Да? — тихо спросил он, многозначительно глядя на свой стиснутый чужими пальцами рукав.

Увы: поймавший его был настолько поглощен своим делом, что не понял намека.

— Сударь, с вами хотят поговорить. Очень срочно!

Пальцы мужчины сжались сильнее. Пат Рин нахмурился.

— Вы, — проговорил он негромко, но совершенно явно в тоне приказа, — немедленно меня отпустите.

Изумленный мужчина так и сделал, отступив на шаг и воззрившись на Пат Рина.

— Прошу прощения, сударь. Я не хотел проявить неуважения. Но один человек хочет...

— Срочно поговорить со мной, — закончил Пат Рин, полностью поглощенный разглаживанием своего обиженного рукава. — Конечно. Я не имею желания оставлять мои развлечения. Если вашему... нанимателю... настолько сильно хочется со мной поговорить, то он сам ко мне подойдет.

Незнакомец разинул рот, а потом поклонился — резко и в нечеткой модальности, — развернулся на месте и исчез в толпе,

оставив Пат Рина стоять, глядя туда, где он только что находился, и ругать себя за глупость.

Стараясь не выказывать ни спешки, ни тревоги, он пересек комнату, подошел к малой рулетке и внедрился в толпу, собравшуюся у нее. Там, окруженный со всех сторон высокими землянами, он попытался собраться с мыслями.

Он сомневался в том, что остролицый мужчина принадлежит к Хунтавас, хотя полностью такой вариант отвергать было нельзя. Можно было допустить, что местный босс попытался добиться превосходства над Судьей сектора, которую ему навязали. И все же...

Остролицый мужчина был лиадийцем. По Плану Б ему особо рекомендовалось избегать Лиад — и лиадийцев. И, по правде говоря, в его недавнем собеседнике было нечто такое, что заставляло представителей Хунтавас — и в особенности Хунтавас в лице Натезы — казаться благородными, чистыми и полными заботы о клане и родне.

Слева в толпе зрителей началось какое-то движение. Пат Рин полуобернулся — и с радостью увидел лицо Чивера Мак-Фарланда.

— Рад вас видеть, пилот, — пробормотал он так, чтобы его слышал только его спутник. — Полагаю, нам пора уходить.

Их почти не захватили врасплох.

Они вместе вышли через боковую дверь (на этом настоял пилот Мак-Фарланд) и быстро двинулись к далекому свету стоянки такси.

Ночь бурлила ветром, была полна влаги, обещающей дождь. Пат Рину понадобилось несколько мгновений, чтобы убедиться: едва заметные шумы и движения в темноте были результатом согласованных движений, а не просто случайными перемещениями развлекающихся людей.

И к тому времени стало ясно, что за ними следят — и что они находятся в численном меньшинстве. Чивер легко прикоснулся к своему карману, но Пат Рин тихо прошептал:

— Рано. У нас нет плана.

Они продолжали идти в сторону стоянки, надеясь на своевременное появление такси или челнока, но перехват прошел чисто.

— Сюда, пожалуйста, — сказал по-лиадийски бледноволосый мужчина, бесшумно подошедший к ним, а потом добавил на земном: — Для тревоги нет оснований.

Место, куда их доставили, находилось неподалеку от квартала казино, в переулке без окон. Они прошли через двор, где стояло несколько автомобилей. Как это ни странно, там же оказа-

лись какие-то деревья и кусты, словно кто-то сделал попытку устроить парк.

Их провели мимо деревьев в еще более узкий и темный переулок. Некоторые из сопровождающих отстали — Пат Рин заключил, что им была поручена охрана подходов. Сделав еще несколько шагов по второму переулку, они оказались у дома с неровными стенами. Дверь была открыта: бледноволосый мужчина завел их внутрь. Они вошли следом, а его телохранитель закрыл за всеми дверь.

Мужчина провел их по узкому и неприветливому коридору, а оттуда — в плохо освещенную комнату странной формы.

В комнате пахло старой пылью. Пол был неровный, словно здание двигалось, образуя на плитках тектонические разломы.

Предводитель жестом пригласил их подойти к грубому столу, при котором стояло два еще более грубых стула, поставленных в центре сумрака. Бледноволосый занял стул ближе к двери, а его адъютант встала у него за спиной.

Они последовали той же модели: Пат Рин на стуле, Чивер Мак-Фарланд за его спиной.

— Мы — посланцы, — негромко проговорил бледноволосый мужчина, поглаживая воздух между ними движением, которого можно было ожидать за обеденным столом Главы клана, а не за пластиковым столиком в плохо освещенном заброшенном чулане. — Всего лишь посланцы, сударь. Мы принесли известия от тех, кто желает вам не вреда, а только блага.

— Известия, — повторил за ним Пат Рин, которому происходящее продолжало все так же не нравиться и который был жарко благодарен тому, что за его стулом стоит внушительная фигура Чивера Мак-Фарланда.

Он глубоко вздохнул, заставив свое лицо оставаться спокойно-нейтральным: знакомая и привычная маска игрока, — и наклонил голову.

— Конечно, — проговорил он, приняв мягкие интонации собеседника, — известия всегда приятно получить, когда находишься на беззаботном отдыхе.

Мужчина напротив него серьезно кивнул. Его доверенная телохранительница неподвижно застыла у него за спиной.

— Конечно, — согласился он, кладя руки на стол ладонями вниз и глядя Пат Рину прямо в глаза. — Я привез известия о вашем клане.

Вот как? Пат Рин бросил быстрый взгляд вниз, выискивая знак с Деревом и Драконом, которому полагалось незаметно по-

явиться между двумя неподвижными пальцами мужчины. И не слишком удивился, обнаружив его отсутствие.

Он снова взглянул в невыразительное вежливое лицо бледноволосого.

— Всегда приятно получить известия о родне, — мягко проговорил он.

— Может ли быть иначе? — отозвался тот в соответствии с общепринятой формулой. Его удивительно невыразительные глаза впились в глаза Пат Рина.

— Ваши родные мертвы, — проговорил он так, словно произносил вежливый пустяк, ничего более неожиданного, чем внезапная перемена погоды.

Под спокойно-нейтральной маской игрока Пат Рин застыл. Он снова услышал это хладнокровное, невыразительное предложение, не понимая его смысла. Его родные. Его родные — мертвы? Все его родные? Квин? Люкен? Нова? Шан? Мать? Мертвы? Смешно.

— Смешно, — бесстрастно услышал он свой собственный голос.

Собеседник наклонил голову.

— Понимаю, — пробормотал он. — Такая большая перемена в судьбе Клана Корвал — и вашей собственной. Конечно, такой опытный игрок, как вы, пожелает получить доказательства. Так уж получилось, что у нас доказательства есть.

Тут он демонстративно опустил взгляд на стол.

Пат Рин проследил за направлением его взгляда, увидел, как жилистые золотистые руки поднялись и исчезли, оставив на неровном пластике небольшую вещицу, блестевшую даже в этом тусклом свете. У него были все основания хорошо знать эту вещь: он видел ее на руке нескольких своих родичей. В последнее время — на руке кузины Новы, которая временно возглавляла Клан вместо Вал Кона.

И которая отдала бы Кольцо Клана Корвал сидящему перед ним мужчине только в момент собственной смерти.

Он заставил себя моргнуть и оторвать взгляд от невозможности, лежавшей перед ним на столе, заставил себя спокойно заговорить с мужчиной, который наблюдал за ним невыразительными хищными глазами на странно неподвижном лице.

— Впереди меня, — заметил он, словно вещь, лежавшая перед ним была пустяковой побрякушкой, — есть другие. Право, мне кажется, что есть еще дети, даже не вошедшие в отрочество, и по крайней мере один родственник-землянин, которым это Кольцо должно было перейти, прежде чем попасть ко мне.

Мужчина мягко улыбнулся.

— Они больше не стоят у вас на пути. Нова йос-Галан, Антора йос-Галан, Шан йос-Галан, Карин йос-Фелиум, Люкен бел-Тарда, Вал Кон йос-Фелиум и даже Гордон Арбетнот. Все сметены со стола.

Слышать имена своих родных — своих погибших родных!.. Да, но мужчина не назвал детей! Пат Рин ухватился за эту мысль, заставляя свою голову работать. Бледноволосый мужчина не назвал детей, но его мать и Люкен — во всех вариантах Плана Б, которые ему приходилось заучивать, Люкену бел-Тарде и Карин йос-Фелиум поручалась безопасность детей. Если его мать и Люкен погибли...

Нет. Этого... не может быть. Невозможно!

Он слепо протянул руку, схватил кольцо со стола и уставился на него, скользя взглядом по знакомым очертаниям Дерева и Дракона Корвала, яркой эмали, безупречным изумрудам, обрамляющим четкую надпись «Фларан Чаменти».

— Кто это сделал? — вопросил он, не отрывая взгляда от дракона и изумрудов.

Двух безупречных изумрудов...

— Время от времени, — проговорил бледноволосый все так же мягко и воспитанно, — возникает необходимость вывести из игры тех, кто мешает работе Департамента Внутренних Дел. Так случилось с теми, кто был вашими родственниками. И теперь благодаря усилиям Департамента Внутренних Дел вы достигли подобающего вам высокого положения.

С огромным трудом Пат Рин поднял взгляд и посмотрел на сидевшего напротив него мужчину, который низко наклонил голову, не вставая с места обозначив поклон глубочайшего уважения.

«Глава Клана Корвал», — произнес он.

Пат Рину не удалось полностью справиться с содроганием. Он вернул кольцо в центр стола и перевел дыхание.

— Департамент Внутренних Дел потребует какой-то... услуги, чтобы расплатиться за те усилия, которые предпринимались ради меня, — мягко предположил он.

Бледноволосый мужчина повел рукой странно успокаивающим жестом.

— Вам только следует блюсти интересы Департамента на Совете Кланов. Рекомендации и информация будут доставляться вам в соответствующее время. — Он улыбнулся. — Достаточно невысокая плата. Вы убедитесь в том, что Департамент неустанно защищает своих союзников.

— О! — Он резко, судорожно вздохнул, поднял руку, словно желая заслонить лицо, но мгновенно опомнился, резко опустил руку вниз и отвел взгляд. — Прошу прощения! — выдохнул он.

Потайное оружие скользнуло из рукава ему в руку.

— Конечно, — отозвался его враг. — Вам понадобится время, чтобы освоиться...

Пат Рин поднял миниатюрный пистолет и выстрелил ему в правый глаз. Тело мужчины рухнуло вперед, лицом на стол. Его телохранитель схватилась за оружие, пока ее подопечный падал. Громовой удар пистолета Чивера Мак-Фарланда и дождь крови из зияющей дыры в груди были одновременными.

— Вы в порядке, сударь?

Пат Рин сделал вдох, которому не удалось наполнить его легкие, попытался сделать еще один и, наконец, обрел голос — удивительно ровный, хотя и несколько высокий.

— Со мной все хорошо, мистер Мак-Фарланд, благодарю вас.

Он рассеянно вернул пистолет обратно в рукав и встал.

— Вам придется оставить здесь куртку, — извиняющимся тоном заметил Чивер. — Кровь.

— Конечно.

Он расстегнул застежку и снял куртку, уронив ее в благословенные тени на полу. Секунду он непонимающе смотрел на квадратик ткани, который ему молча протягивал Чивер. Шелковая салфетка. Он запоздало догадался, что его лицо могло оказаться... не совсем чистым. Он схватил ткань и тщательно вытерся, а потом бросил в тени и ее.

— Это — кольцо Новы?

Он взглянул на рослого пилота, потом повернулся и схватил украшение со стола. Два идеальных изумруда. Глупцы. И все же...

— Мистер Мак-Фарланд, боюсь, что мы попали в переделку. — Он покрутил подделку. — Это не Кольцо Клана Корвал, хотя они... — тут он повел рукой в сторону мертвецов, не глядя на них, — ...и утверждали, что это оно. А еще они утверждали, что все мои родичи... мертвы.

Его голос все-таки работал не слишком хорошо. Он сглотнул и заставил себя продолжить.

— Они назвали имена, мистер Мак-Фарланд. И... мы оба не дети. И не дураки. Мы оба понимаем, что человек, солгавший один раз, не обязательно солгал дважды.

В тусклом свете лицо Чивера могло показаться каменным.

Пат Рин наклонил голову.

— Вот именно. Необходимо свести счеты.

Он надел поддельное кольцо на свою левую руку — на средний палец левой руки — и поднял ее, чтобы поймать камнями угрюмый свет.

После короткого молчания Чивер кивнул своей большой головой.

— Понял. А теперь давайте выбираться отсюда, пока их дружки не пришли посмотреть, к чему был весь этот шум.

У выхода в переулок Чивер предупреждающе поднял руку. Пат Рин послушно отступил в тень у дверного проема. Держа пистолет наготове, массивный землянин бесшумно скользнул в темноту.

Дрожа на ветру в тонкой шелковой рубашке, Пат Рин досчитал до двенадцати — двадцати четырех — тридцати шести. Из переулка не возвращались ни звуки, ни свет, ни Чивер Мак-Фарланд. Сорок восемь — и Пат Рин стал мысленно искать альтернативные выходы и прикидывать их возможную охрану. Пятьдесят семь... и в переулке заскрипел гравий, который намеренно был придавлен каблуком сапога.

Через секунду сам Чивер возник в полутьме, демонстрируя пустые ладони.

— Все чисто, сударь. Об охране позаботились.

Бесшумно и быстро. Пат Рин спрятал пистолет.

— Ваша работа?

Чивер ухмыльнулся и опустил руку.

— Ну что вы. Мне одному такое не под силу. — Он дернул головой влево. — Ваша подружка оказала нам услугу.

Подружка? В тенях справа возник некий намек на движение. Пат Рин повернулся — и Натеза Убийца позволила ему увидеть ее, глубоко поклонившись в своем тусклом черном костюме.

Позади нее Пат Рин мельком увидел лицо — тело в бурьяне. Мужчина, который подходил к нему в казино...

— Мастер, я слышала, в помещении имел место спор. Возможно, мы могли бы вам помочь.

Она выпрямилась, демонстрируя ему умело зачерненное лицо, на котором антрацитовой водой поблескивали глаза.

— Насколько я понял, вы уже мне помогли, — ответил он и поклонился, признавая себя должником. — Вам это не повредило?

Ирония — глубокая и тонкая — была передана одним изгибом обтянутой в кожу руки.

— Нисколько не повредило. Они были невнимательны и высокомерны.

Он махнул рукой, обозначив строение у них за спиной.

— В комнате в конце коридора находятся два мертвых человека. Было бы лучше, если бы их не нашли.

— Об уборке позаботятся, — спокойно ответила она и снова поклонилась. — Я снова предлагаю вам транспорт и все, что вам может понадобиться. — Она выпрямилась, сверкнув глазами. — Мастер, вам вообще не нужно было попадать в ту комнату.

— Очень нужно было, — возразил Пат Рин и поднял руку.

Слабый свет отразился от яркой эмали, и древняя эмблема Корвала звездой вспыхнула в переулке. Убийца резко вздохнула, вытащила из кобуры свое самое заметное орудие и протянула его ему на обеих ладонях.

— Служба, глава Клана. Я буду стоять у вас за спиной.

Пат Рин закрыл глаза. Собственные слова Кантры из Дневников Главы Корвала ярко вспыхнули под его веками: «Когда оцениваешь возможного союзника, соображения семейства, клана, планеты и расы должны отступить перед двумя главными вопросами, которые заключаются в следующем: 1. Умеет ли он стрелять? 2. Будет ли он целиться в твоего врага?»

Пат Рин открыл глаза и поклонился в знак того, что клятва принята.

— Служба принимается, — проговорил он и повернулся к пилоту. — Мистер Мак-Фарланд, мы уходим.

Массивный землянин кивнул и прикоснулся к рукояти пистолета, заправленного за пояс.

— Да, сэр. Вижу.

День 287-й
1392 год по Стандартному календарю
Отлет с Теристы

Где-то на Теристе имелось тайное убежище Хунтавас. Натеза хотела отвести их туда. От этого предложения Пат Рин, естественно, отказался, настаивая на том, чтобы они — или по крайней мере он — вернулись на «Награду фортуны».

— Я не оставлю мой корабль без присмотра, когда рядом враги, — логично заявил он.

По крайней мере он сам считал, что говорит логично. Инстинкт самосохранения говорил, что с убийцей из Хунтавас следует разговаривать логично — и, больше того, со всем уважением.

Секунду она молча смотрела на него. Темные глаза на зачерненном лице ничего не выражали. После этого она низко поклонилась, как положено кланяться уважаемому Делму, и у Пат Рина по спине пробежали мурашки. Она, конечно же, это заметила. Неправильно было демонстрировать слабость перед таким человеком, которому следует показывать только силу и полную уверенность... Когда ему необходимо быть безжалостным, чтобы свести счеты.

— В конце концов, — сказала Натеза будто про себя, — Корвал — это корабли.

Она взглянула на Чивера, и тот кивнул.

Поэтому они втроем вернулись на «Награду фортуны», хотя и с предосторожностями, которых потребовал Чивер Мак-Фарланд. Пилот взял на себя задачу проверить, что враги не переиначили шифры корабля и не поджидают за соседними кораблями. Получив сигнал, что все в порядке, Пат Рин двинулся вперед. Натеза шла чуть позади и слева от него. Так они и поднялись на борт.

Чивер уже сидел за пультом, болтая с диспетчерской так, будто за прошедший час вселенная не свихнулась с оси. Хотя, конечно, для Чивера вселенная сохранилась. На них двоих напали головорезы, с которыми они быстро и умело расправились. При этом они приобрели довольно... необычную союзницу, но, похоже, Чивер не испытывал к Хунтавас ни трепета, ни отвращения, относясь к ним как к еще одному факту жизни. А жизнь продолжалась.

Действительно, продолжалась.

Стоя в центре мостика, Пат Рин осторожно набрал в легкие воздуха и повернулся к замершей в ожидании убийце. Женщине, которая принесла ему клятву.

— Перед прилетом в этот порт, — проговорил он в модальности двух равных собеседников, — я допустил прискорбную оплошность. Теперь мне хотелось бы исправить ошибку.

Она наклонила голову.

— Мастер, я к вашим услугам.

— Тогда вы скажете мне, возможно ли — или когда будет возможно — поменять название, идентификационный код и порт приписки этого судна.

Она поджала губы и задумалась, а потом чуть заметно кивнула головой в сторону занятого своим делом пилота.

— Пилот Мак-Фарланд уже регистрирует исправленный маршрут. Думаю, это мудро с его стороны. Сегодня вечером мы помешали игроку, о котором я недостаточно много знаю. Поскольку неведение активно угрожает нашему выживанию, разумно от-

правиться в менее взрывоопасное место. Так. Если вы позволите, то в этом секторе есть станция, где можно сделать упомянутые вами изменения — быстро и профессионально.

— А цена? — спросил он, что было вполне благоразумно, делая покупку у Хунтавас.

В глазах Натезы загорелись веселые искры.

— На эту станцию распространяется моя юрисдикция. Законные траты Судьи, выполняющего задание, оплачивает организация.

— Понятно.

Он напомнил себе, что принял ее услуги. Необходимость. Значит ли это, что через нее он принял услуги у всей организации Хунтавас?

Необходимость.

Он сделал вдох — глубокий и успокаивающий — и посмотрел на свои руки. Яркое и поддельное новое украшение горело на среднем пальце его левой руки — на нем Временный глава Клана Корвал носила настоящее Кольцо. И если на то есть милость богов, носит его до сих пор. Фальшивка затмевала все его остальные украшения, словно они были стекляшками, а не...

А не наличными. Пат Рин встряхнулся, вспомнив, что его выигрыш этим вечером был небольшим, а все счета — закрыты. Он поднял глаза и поймал на себе внимательный взгляд Натезы.

— И еще кое-что, — проговорил он, демонстрируя ей правую руку, переливающуюся драгоценными камнями.

Она кивнула.

— Выгоднее всего было бы продать их здесь. Если желаете, я вызову сюда человека, который проведет нужные действия. Деньги будут вас дожидаться на станции обслуживания, о которой я уже упомянула.

И ему достаточно только ей довериться, подумал он, чуть не рассмеявшись.

— Вы очень добры, — отозвался он и снял драгоценности, горкой свалив их на ее протянутую ладонь. Немного поколебавшись, он потянулся к синей серьге. Отличительный знак, по которому его узнают.

— Постойте, — тихо сказала женщина. — Колец пока достаточно, мастер. Это... стоит слишком мало, если продается без соответствующей истории.

Он посмотрел на нее, от неожиданности подняв брови, но она только улыбнулась, поклонилась и перешла к пульту, негромко попросив пилота установить для нее линию связи.

— Нам дали разрешение на взлет меньше чем через час, босс, — бросил Чивер Мак-Фарланд через плечо. Его лицо было как всегда спокойным. — Есть какие-то идеи насчет того, куда мы летим?

— Сначала мы займемся кое-каким переоборудованием, которое мы слишком долго откладывали. У Натезы есть координаты... нужной мастерской в этом секторе.

Нисколько не смутившись, Чивер кивнул.

— А потом?

«Ну? — с интересом спросил себя Пат Рин. — И что потом?»

Он посмотрел прямо на массивного пилота:

— «Потом» будет зависеть от необходимости, пилот. — Он направился к переходу, который вел к его каюте. — Если я вам не нужен, я сейчас удалюсь и буду размышлять о моих... потребностях.

— Ладно. — Чивер снова кивнул. — Я вам просигналю, когда будем взлетать.

— Благодарю вас, мистер Мак-Фарланд, — тихо сказал Пат Рин.

Он наклонил голову и ушел с кипящего деятельностью мостика в свою каюту.

Если бы нашелся такой смельчак, который спросил бы Пат Рина, считает ли тот себя человеком любящим, он ответил бы отрицательно. Конечно, человеку свойственно оказывать предпочтение знакомым и даже родне, но он не был привязан к клану. И он определенно не относился к тем людям, которые заполняют свою базу данных изображениями родственников во всех их выражениях лиц и временах.

И действительно, самый внимательный просмотр этой самой базы данных принес ровно шесть изображений, и все — до крайности неудовлетворительные.

Шесть.

Он бережно расположил их на экране, заполнив все пространство и увеличив так, чтобы на запечатленных в цифровом коде лицах можно было разобрать каждую черточку, каждый оттенок чувств.

Вот: Шан, Нова и Антора вместе, смеются вокруг вездесущего Дживза. Снимок не из последних: у Шана на пальце временно надето Кольцо, которое он вынужден был взять после смерти дяди Эр Тома. Антора выглядит еще подростком, а Нова... Нова тоже не старше.

А вот Квин, его собственная наследница, бежит наперегонки с кузиной Пади, дочерью Шана. Это изображение несколько более позднее, но все равно ему уже несколько лет.

Следующий снимок оказался свежим, и Пат Рин долго вглядывался в два лица, дороже которых у него на свете не было. Люкен бел-Тарда, его приемный отец: песочного цвета волосы тронуты сединой, плечи в любимой куртке гордо расправлены, и Квин, превратившаяся за время между двумя изображениями из сорванца в юную особу. Они стоят перед пасирским ковром ручной работы — гордостью Люкена и единственной роскошью, которую он себе позволил. Люкену за этот ковер предлагали целые состояния. Увы: состояния Люкена совершенно не интересовали. Квин в дорожном костюме, с до боли приглаженными волосами. Опаловые глаза, доставшиеся ей от матери, широко раскрыты и смотрят невозможно невинно. На полу лежит дорожная сумка. Пат Рину вдруг стало больно дышать: он вспомнил, что после того, как этот снимок был сделан, он проводил своего ребенка в превосходную частную школу, в которой она сейчас... в которой она училась.

Еще один снимок: не из недавних, но все же не такой старый, как изображение его кузенов и их домобота. Его мать за работой: несколько изданий Кодекса достойного поведения открыты на ее рабочем столе, глаза устремлены на экран.

Еще один: кузен Вал Кон, небрежно развалившийся в кресле перед камином в малой гостиной Треалла Фантрол: ноги вытянуты вперед, в левой руке небрежно зажат бокал вина. Он смотрит прямо в камеру и мягко улыбается, и глаза у него яркие, как изумруды на поддельном кольце с пальца Пат Рина.

Последнее изображение было самым старым, смазанным из-за недостатка умения фотографа. На нем были четыре человека в официальных позах, стоящие попарно. Слева — высокая Энн Дэвис, добродушная и улыбающаяся. Ее рука лежит на плече желтоволосого мужчины редкостной красоты: Эр Тома, ее спутника жизни. Рядом с Эр Томом, темноволосый и отчаянный, сам дядя Даав, держащий за руку хрупкую, изящную леди. Ее темно-русые волосы схвачены резным гребнем, зеленые глаза искрятся радостью. Эллиана, спутница жизни Даава. Мать Вал Кона. Мертвы — все четверо мертвы. Они умерли задолго до того, как был введен в действие «План Б». Это был портрет призраков, который он рассматривал пристальнее всего — и делал это уже много лет...

Шесть изображений, неполные и старые. И если верить Департаменту Внутренних Дел, это все, что осталось от его близких.

Он несколько минут сидел, глядя на экран ослепшими глазами, пытаясь придумать способ — какой-нибудь способ — получить известия о своих близких, не подвергая опасности тех, кто еще мог остаться цел.

На «Награде фортуны» была установка узколучевой связи. У него есть код, предназначенный для нерегулярно проводимых перекличек, а также другие коды, которые в старые добрые времена позволяли связаться с Люкеном, с «Исполнением долга», с Новой, с дэа-Гауссом и с главным компьютером Джелаза Казон.

Холодные и логические размышления сказали ему, что он не смеет воспользоваться ни одним из них. Департаменту Внутренних Дел удалось найти его, предложить ему свою возмутительную сделку — и в результате их нахальства их посланец погиб. Эти факты отнюдь не гарантировали, что интерес Департамента к нему погиб вместе с ним. Напротив: он склонен был думать, что их интерес может стать значительно более горячим, когда обнаружится, что их посланец и его помощники не явились с докладом.

Совершенно ясно, что Департамент Внутренних Дел следит за его счетами. Можно не сомневаться, что они следят и за известными частотами Корвала — и, возможно, если к ним в руки попал хотя бы один взрослый, — и менее известными частотами также.

Пат Рин содрогнулся и закрыл глаза. Он не смеет никого вызывать. Больше того: он не смеет попасться в руки Департамента живым, чтобы потом не быть вынужденным предать тех, кто еще мог остаться на свободе.

И самое главное, он не смеет позволить, чтобы его отчаянное желание заставило его не видеть вероятности того, что слова посланца были чистой правдой: он, Пат Рин йос-Фелиум, стал последним представителем своего клана.

Он открыл глаза, несколько раз моргнул, чтобы сфокусировать взгляд на лицах своих близких, и придвинул к себе клавиатуру.

Оставив их изображения на главном экране, он включил вспомогательный и нетвердыми пальцами стал неуверенно составлять список потребностей... Главы Клана Корвал.

Его спутники — пилот и убийца — выслушали его список и его план. Когда он закончил, пилот присвистнул, низко и протяжно.

— Значит, вы собираетесь исчезнуть и собрать резервы?

Пат Рин наклонил голову:

— В основном.

— Это — смелый план. И трудный, — сказала, в свою очередь, убийца, переплетя пальцы на крышке стола. — Я не уверена, мастер, относительно действующего космопорта. Интересно, а вам не подойдет примитивный порт? Даже очень примитивный. Тогда вы могли бы переделывать его в соответствии с вашими потребностями.

Он задумался над ее словами. Космопорт необходим: ему потребуются корабли. Ему нужно будет строить, принимать и обслуживать корабли. И в то же время космопорт приглашает к себе всю галактику, а ему не менее важно оставаться вне пределов досягаемости врагов Корвала. Пока он не сочтет нужным дать о себе знать — в нужное ему время и в нужном ему месте.

— Примитивный космопорт имеет для нас некоторые преимущества, — ответил он ей. — Но не настолько примитивный, чтобы его нельзя было модернизировать — и быстро.

— Понимаю. — Она посмотрела на свои руки, потом снова ему в глаза. Ее собственные были похожи на глубины беззвездного пространства. — Давайте тогда возьмем планету, которая во многих отношениях примитивна, однако ее дикость дает... возможность для манипулирования. Человек с сильной волей, способный составить и воплотить в жизнь план, мог бы в конце концов делать там все, что пожелает. — Она вздохнула (что он счел для нее нехарактерным). — Я знаю такую планету.

Пат Рин перевел взгляд на Чивера Мак-Фарланда, который помахал своей крупной рукой, показывая, что слушает их разговор, но добавить ему нечего.

Так.

Он снова посмотрел на Натезу Убийцу — на ее спокойные руки и неспокойные глаза.

— Похоже, вам не очень нравится этот мир, — тихо проговорил он. — Почему?

Она пошевелила плечами. Это было больше похоже на изящное и расплывчатое движение лиадийцев, чем на честное земное пожатие плечами.

— Моя... юрисдикция... на него не распространяется, — сказала она так же тихо. — Я... возможно, у меня там есть связи, но и то не слишком надежные. Мне известно... относительно безопасное место посадки, так чтобы в порту не заметили нашего присутствия... Но юрисдикция? — Она посмотрела ему прямо в глаза. — Он вне всякой юрисдикции.

— А!

Планета, которая в равной степени защищена от так называемого Департамента Внутренних Дел и от Хунтавас. Идеально.

Пат Рин кивнул.

— Я полагаю, что это... желательно.

Она кивнула, словно и не ожидала другого ответа. Как, предположил Пат Рин, дело и обстояло.

— Как называется эта планета? — спросил Чивер с места.

Натеза повернулась к нему.

— Пустошь, пилот. Вы о ней слышали?

Как это ни странно, массивный землянин запрокинул голову и расхохотался.

— О, я о ней слышал, конечно. — Он с широкой улыбкой повернулся к Пат Рину. — Она права, босс. Если и существует планета, на которой все что угодно может потеряться и никогда не обнаружиться, то это Пустошь.

— Хорошо, — проговорил Пат Рин, склоняя голову. — Тогда это решено.

День 50-й
1393 год по Стандартному календарю
«Исполнение долга»
Орбита Литаксина

Вахта близилась к концу. Первый помощник Рен Зел дэа-Джуден закончил последний отчет, дожидавшийся его внимания, и откинулся на спинку кресла, мысленно удивляясь тому, что бумаги для войны и бумаги для торговли настолько похожи.

Хотя, с другой стороны, решил он, протягивая руку за кружкой, они уже не находятся в состоянии войны, а застряли где-то между обычным и невероятным и ждут одним богам известно чего.

Рен Зел сделал глоток, счел чай остывшим, вздохнул — и все-таки его выпил.

Отчеты, составленные силами наемников, находившимися на планете, говорили о «фазе зачисток», наступившей в военной операции, и указывали, что военные столкновения между наемниками и остатками икстранских солдат стали редкими и неорганизованными и происходят на большой площади. Посадочная площадка Клана Эроб, бывшая предметом споров до того, как военные корабли Икстранга ушли с орбиты, оставив тысячи солдат умирать на планете, была в безопасности. То, что осталось от космопорта Литаксина, тоже было отвоевано.

Капитаны и помощники кораблей, которые сейчас окружали «Долг» — опытные боевые офицеры, — единогласно решили, что улетевшие икстранцы вряд ли вернутся с подкреплениями, чтобы выручить оставленных солдат.

Рен Зел содрогнулся — но не от холода. Чтобы твой собственный корабль оставил тебя среди враждебно настроенных чужаков, когда последний долг, который тебе остается, — это достойно умереть...

Это было слишком близко к действительности — и вызвало неприятные воспоминания. Чтобы твою смерть зарегистрировали и сочли истиной, пока ты еще жив и...

— Довольно! — резко приказал он себе и встал.

Ему хотелось чаю. Свежезаваренного горячего чаю — и еще прекращения досадливого лепета дурных воспоминаний. Он лишен клана: мертв для своих близких, исключен из законов Лиад. Он был бы по-настоящему мертв, если бы Шан йос-Галан не протянул ему руку и не объявил, что он и команда его корабля рады принять пилотов, обладающих способностями и твердой волей. Здесь, на «Исполнении долга», Рен Зел дэа-Джуден, покойник Клана Обрелт, имеет товарищей, место и работу — как пилот и, теперь, как первый помощник под началом госпожи спутницы жизни Шана йос-Галана Присциллы Мендоса. Его состояние на несколько порядков превышает то, чего могут надеяться достичь другие бесклановые — да и многие клановые.

Чай. Он подошел к закусочному пульту — и тут комм у него на столе запищал.

По-пилотски стремительно он пересек комнату и нажал кнопку связи.

— Первый помощник.

— Приветствую вас, о первый помощник, — жизнерадостно проговорил радист Расти Моргенштерн. — Получили вызов по срочной связи. Требуют дежурного старшего офицера. Примете?

По срочной связи?

— Конечно.

— Ну, она ваша, — сказал Расти. Послышался щелчок подключаемого канала, и снова голос Расти, почти мучительно уважительный: — Пилот дэа-Джуден на связи, сударыня. Вахтенный офицер.

— Благодарю вас, мистер Моргенштерн, — произнес женский голос. — Пилот дэа-Джуден?

— Да, сударыня, — подтвердил Рен Зел на своем осторожном земном. — Могу я узнать, с кем имею честь разговаривать?

Наступило короткое молчание — словно леди была огорошена тем, что нашелся кто-то, кто ее не знает.

— Я имею честь, — заявила она отрывисто и холодно на высоком лиадийском, тоном объявления, — быть Первым представителем Клана Корвал. Мое личное имя — Нова йос-Галан. Я прибуду ко второму причалу через полчаса по стандартному времени. Мне необходимо встретиться с капитаном сразу же по приезде. Я говорю ясно?

— Вы говорите чрезвычайно ясно, миледи, — ответил Рен Зел в модальности принесшего клятву, обращающегося к своему сюзерену, что было правильно даже по законам Лиад, которые поставили бы под сомнение само его право разговаривать с ныне живущей лиадийской аристократкой. — Будут приняты меры, чтобы вас приветствовали на втором причале через полчаса по стандартному времени.

— Это хорошо, — сказала Нова йос-Галан и отключила связь.

Рен Зел нахмурился. Нова йос-Галан, временный Первый представитель Клана Корвал, приходилась сестрой Шану йос-Галану. Он встречался с этой дамой всего один раз, защищенный своей анонимностью и меланти капитана. Именно этот капитан небрежно поставил репутацию своей сестры на волосок от гибели, представив ей на земном Рен Зела:

— Пилот дэа-Джуден, сестра. Рен Зел, моя сестра Нова, тоже пилот.

И вот теперь Корвал-пернарди прилетает на волне двойной опасности и требует встречи с капитаном «Исполнения долга». При этом она имеет в виду своего брата, который... уже не на корабле.

Рен Зел наклонился над пультом и быстро ввел последовательность команд, почти не глядя на клавиатуру. Второй приглушенный звонок был прерван глубоким, звучным голосом Присциллы Мендоса, которая была первым помощником до него.

— Мендоса.

— Прошу простить меня за то, что я нарушаю ваш отдых, — проговорил он на высоком лиадийском, почти не слыша собственных слов. — Обстоятельства требуют.

— Судя по всему, ужасные обстоятельства, раз они заставили вас вернуться к высокому лиадийскому, — спокойно отозвалась Присцилла на земном. — Что за трагедия нас постигла, друг?

Рен Зел слабо улыбнулся и переменил свою речь.

— Я прошу прощения, — осторожно проговорил он. — Человек действительно только что завершил разговор с дамой на высоком лиадийском. — Он взглянул на часы, закрепленные на сте-

не у пульта закусок. — Ровно через двадцать восемь минут по стандартному времени Нова йос-Галан, Корвал-пернарди, прибудет на второй причал. Она желает иметь удовольствие встретиться с капитаном немедленно по прибытии.

Присцилла произнесла три колючих слова на языке, который не был ни земным, ни лиадийским. Рен Зел моргнул.

— Прошу прощения? — сказал он настолько мягко, насколько это позволял земной.

Из динамика ясно донесся ее вздох.

— Нет, это я прошу у вас прощения, — отозвалась она не менее мягко, — ибо вынуждена отправить вас навстречу опасности одного — и только потому, что не могу вынести встречи с Корвал-пернарди на пустой желудок.

Она снова вздохнула.

— Пожалуйста, сделайте мне одолжение: встретьте леди Нову на причале Два и проведите ее ко мне в кабинет.

— Я? — Рен Зел закусил губу. — Присцилла, но я же...

— Вы — пилот, первый помощник и член команды, пользующийся на этом корабле авторитетом, — прервала она его. — Леди Нова знает, как надо ценить такие вещи.

Рен Зел с иронией напомнил себе, что к тому же он получил приказ от своего капитана. Он наклонил голову так, словно она могла его видеть... И кто знает, возможно, могла бы: ведь она же драмлиза!

— Я встречу леди Нову и провожу ее в ваш кабинет.

— Хорошо, — сказала Присцилла.

Его рука потянулась к пульту, чтобы отключить связь, и замерла, когда она его снова окликнула.

— Да?

— Вам нет необходимости, — сказала она, — сообщать леди Нове, что ее брат в настоящее время не находится на корабле.

«Обычаи драмлиз полны тайны, — решил Рен Зел. — Однако обычаи Корвала — еще страннее». Он снова наклонил голову.

— Я понимаю, — отозвался он, и индикатор связи погас.

Индикатор среды сменил цвет с красного на зеленый, и дверь люка открылась. За ней оказалась высокая светловолосая женщина в кожаной куртке пилота поверх темной рабочей рубашки и брюк. Лицо у нее было именно таким благообразным, каким он его запомнил, а брови привычно нахмурились, хотя он позаботился прийти на место за несколько минут до назначенного срока, чтобы не опоздать и успеть отдышаться.

Он поклонился ей как принесший клятву — своему сюзерену, что могло бы вызвать у нее вопросы, не будь она столь сосредоточена на своих проблемах. А так она просто кивнула ему в ответ и коротко бросила:

— Здравствуйте, пилот.

— Приветствую вас, леди, — проговорил он, выпрямляясь в том темпе, которого требовали правила, и пристойно отводя глаза. — Меня прислали, чтобы я провел вас к капитану.

— Так я и поняла, — сухо отозвалась она. Ее слова сверкали позолотой знаменитого выговора Солсинтры. — Если капитан к тому же отдал вам приказ вести меня длинным путем, то прошу вас изменить ваши намерения. Мне известен кратчайший путь, и я без труда смогу найти его сама.

Рен Зел мысленно признал, что порой капитан йос-Галан действительно отдавал подобный приказ, и снова поклонился.

— Капитан отдыхал между вахтами, — тихо позволил он себе заметить, — и необходимо было время, чтобы подготовиться.

— Конечно, — согласилась леди Нова, взмахом изящной руки указав в сторону коридора. Кольцо Клана Корвал на секунду вспыхнуло в лучах света серебром и зеленью. — У меня срочное дело к капитану.

— Конечно. Если ваша милость изволит пойти со мной...

Надо отдать леди должное: она не стала настаивать на самом коротком пути через узкие служебные коридоры. Однако по общим коридорам она двинулась в таком темпе, что вести разговор было невозможно, чему Рен Зел мог только радоваться.

Достаточно скоро они уже оказались перед ярко-красной дверью рабочего кабинета капитана. Леди приостановилась, вежливо позволяя Рен Зелу приложить к пластине замка собственную ладонь. Дверь бесшумно отъехала в сторону, и он перешагнул порог впереди гостьи, как того требовал протокол, нашел взглядом капитана, которая сидела за письменным столом, гордо выпрямив спину, и, отвесив ей низкий поклон, уступил место Нове йос-Галан.

— Я привел... — начал он и замолчал: голос Присциллы, говорившей на мягком земном, перекрыл его слова:

— Рада нашей встрече, сестра. Желаешь вина?

Рен Зел выпрямился. «Сестра»! То, что будет происходить потом, — дело родственное. Ему тут не место. Он осторожно шагнул вперед. Обе женщины посмотрели на него, но он заставил себя смотреть только в лицо Присциллы.

— Капитан, мне занять ваше место на этой вахте?

Она улыбнулась.

— В этом нет необходимости, первый помощник. Пожалуйста, идите отдыхать.

Он снова поклонился:

— До свидания, капитан. До свидания, миледи.

И сделал над собой усилие, чтобы выйти не пятясь.

Дверь закрылась за спиной темно-русого пилота. Нова медленно вздохнула и бросила возмущенный взгляд на женщину, сидевшую за столом.

— Так. Сестра и капитан, вот как? Где мой брат?

— На планете, — ответила Присцилла своим грудным спокойным голосом и подняла руку, останавливая готовую протестовать Нову. — Это был несчастный случай, клянусь. Мы получили повреждения, и он настоял на том, чтобы войти в ремонтную команду. Враги начали атаку и отрезали его от корабля. — Помолчав, она добавила: — В том бою Сет Джонсон пожертвовал жизнью, чтобы защитить своего капитана и свой корабль. Думаю, вы его знали.

Нова склонила голову, с ясностью, которая была ее даром и ее проклятием, вспоминая длинного крысолицего пилота-землянина.

— Кто мы, что люди ради нас умирают? Честь ему.

— Честь ему, — тихо повторила Присцилла.

Нова подняла голову:

— Первый помощник поднимается по командной лестнице и заполняет брешь в командовании, когда капитан отрезан от корабля. Это понятно. А теперь — сестра?

— Мы с Шаном объявили себя спутниками жизни.

Нова закрыла глаза.

— Не обратившись ни к закону, ни к Первому представителю.

— Клан был рассеян, враги нас преследовали, — негромко проговорила Присцилла. — Я отказалась уйти с корабля и остаться в безопасности, а он был слишком мудрым капитаном, чтобы приказать своему первому помощнику уйти.

Нова открыла глаза.

— О, я понимаю. Жертва на алтарь долга! Конечно же, это так похоже на Шана!

Присцилла запрокинула голову и расхохоталась. Спустя секунду Нова вздохнула и придвинула себе стул.

— Пожалуй, я выпью рюмку белого, сестра. А потом ты можешь рассказать мне, как дела у моих братьев на планете.

— У Шана, — сказала Присцилла, грациозно проходя по комнате к бару, — ...все хорошо. У Вал Кона... не так хорошо.

Она налила две рюмки вина и вернулась с ними к столу. Вручив Нове рюмку, она снова села за стол, охватив рюмку своими тонкими изящными пальцами.

Нова сжала губы.

— Насколько... не так хорошо... обстоят дела у моего младшего брата?

Присцилла поднесла рюмку к губам и чуть было не рассмеялась снова, поймав себя на том, что прибегла к приему, которым пользовался Шан, когда хотел тянуть время.

— Вал Кон был очень опасно ранен во время атаки, которая сломала хребет икстранцам, высадившимся на планету. Он находится в капсуле интенсивной терапии в медицинском центре Клана Эроб. Медтехники не едины в прогнозах о том, каким будет процент его инвалидности.

С лица Новы сбежала вся краска, так что оно стало болезненно песочным. Ее отчаяние ударило по внутреннему чувству Присциллы, словно пронзительный крик.

— Нова...

Сестра ее спутника жизни подняла тонкую золотистую руку и полуотвернулась.

— Секунду, будь так любезна. Вал Кон... — У нее перехватило дыхание. — Если он не сможет летать...

«Если Вал Кон не сможет летать, — подумала Присцилла, без труда прослеживая ход мыслей Новы, — тогда, по законам Клана Корвал, он не сможет быть Делмом. А сейчас Корвалу как никогда необходим Делм: ведь действует «План Б», и со всех сторон их окружают враги».

— Спутница жизни Вал Кона уже вышла из капсулы и, по всем сообщениям, полностью поправится, — сказала она, глядя в полные ужаса глаза Новы. — Она сможет летать. У Корвала есть Делм.

— Спутница жизни, — бесстрастно проговорила Нова и, полузакрыв глаза, прибегла к помощи рюмки.

— Спутница жизни, — решительно повторила Присцилла. — Шан говорит — они соединены в самом полном смысле этого слова: между ними образовалась такая же связь, какая существовала между вашими родителями.

Нова закрыла глаза.

— Да смилуются над нами боги, — пробормотала она. Сделав еще один глоток, она снова открыла глаза. — Я отправлюсь на планету, как только получу разрешение на посадку у соответству-

ющих инстанций, — объявила она с неестественным, хрупким спокойствием.

— На поверхности планеты находятся икстранцы, — напомнила ей Присцилла, хотя и не особо надеялась отвратить Нову от ее решения. — Вашей жизни может угрожать опасность.

Нова йос-Галан устремила на нее свои непроницаемые лиловые глаза.

— Я осознаю возможность опасности, — медленно проговорила она. — Однако полученный мною доклад наемников говорит о том, что Дому Эроба больше не угрожает нападение и что икстранцы потеряли надежду. Я — Корвал-пернарди. Есть необходимость.

«И этим, — подумала Присцилла с мысленным вздохом, — все сказано». Ей было прекрасно известно, насколько бессмысленно пытаться отговорить любого лиадийца от действия, которое из-за какого-то мистического сочетания долга, желания и меланти определено как необходимость.

— Могу я кое о чем спросить вас, как капитана этого корабля? — неожиданно сказала Нова.

«Что теперь?» — подумала Присцилла, однако заставила себя выглядеть и говорить совершенно безмятежно.

— Да, конечно.

— Интересно, как вы сделали бесклановика первым помощником?

— А! — Присцилла откинулась на спинку стула и тоже сделала глоток вина. Ее взгляд невольно устремился на блестящий легкомысленный мобиль, который Антора йос-Галан подарила своему брату Шану. — Рен Зел обладает огромными возможностями: ему всего нескольких часов не хватает, чтобы стать мастером-пилотом. Его уважают его коллеги и... — она заставила себя встретиться взглядом с Новой, — ...и он не совсем... лишен клана. Этот корабль — и его экипаж — его родные. Он будет до последнего вздоха сражаться за их безопасность.

Секунду Нова сидела неподвижно, а потом наклонила голову.

— Это хорошо аргументировано. Я благодарю вас. — Она встала и поставила пустую рюмку на край письменного стола Присциллы. — Мне можно воспользоваться коммом?

Присцилла встала.

— Можешь воспользоваться этим, — сказала она. — Меня ждут на мостике.

— Спасибо... сестра. — Тут она улыбнулась — неожиданно и искренне. — Я рада, что могу это сказать.

Лиад
Штаб-квартира Департамента Внутренних Дел

Ящик имел площадь примерно пять квадратных футов, был тускло-черным и, на поверхностный взгляд, однородным.

Командир агентов, завершив проверку, которая отнюдь не была поверхностной, остановился у двери и посмотрел на напряженного техника.

— Я желаю посмотреть внутреннюю часть.

— Сию минуту, командир.

Техник извлек из кармана цилиндрик размером не больше указательного пальца, приостановился у двери и нажал на какой-то участок его черной поверхности. Никакого звука слышно не было, но когда командир снова повернулся к ящику, оказалось, что одна его стенка отъехала в сторону. Внутри было очень темно. Командир агентов достал из кармана фонарик, включил его и шагнул внутрь.

Внутренние размеры ящика оказались несколько меньше, чем можно было ожидать, глядя на него снаружи. Потолок оказался настолько низким, что командиру агентов пришлось опустить голову и сгорбить плечи. Более высокий человек вообще не смог бы там стоять: ему пришлось бы опуститься на колени прямо на жесткий металлический пол.

— Устройство, — неразборчиво заговорил техник от входа, — помещено в пол и боковые стенки. Если прислониться к стене, опуститься на колени или лечь на пол, то летаргия становится гораздо более сильной. Подопытный смог почувствовать ослабление своих способностей, которого не ожидалось — но которое может оказаться полезным. На коротком сроке было зафиксировано, что заметное уменьшение силы порождает в подопытном панику, граничащую с истерией.

Командир агентов прошелся лучом фонарика по внутренней части ящика, с удовлетворением отметив гладкие и почти ровные металлические стенки. На неподвижной стене был ряд маленьких вентиляционных отверстий — как было сказано в отчете, общим числом 33. Они предназначались для поступления воздуха — а если понадобится, то и введения газов. В самом центре «потолка» оказалось несколько углублений: это были микрофон и динамики для общения с заключенным или для воспроизведения тех звуков, которые могут потребоваться. В целом это было

весьма неудобное помещение в нормальных условиях, но для представителей драмлиз — пытка.

— Насколько я понимаю, вы потеряли подопытного? — спросил он у техника, не оборачиваясь.

— Это так, командир. Первая драмлиза очень быстро оценила свое положение и смогла собрать достаточно силы, чтобы бросить в устройство под полом огненный шар.

Тонкий луч фонарика командира скользнул по полу и нашел черный потек, похожий на пятно жира, на полу почти у самых своих ног. Похожее пятно обнаружилось на середине стены, лицом к которой он стоял.

— Механизм получил повреждения?

— Тесты, проведенные сразу же после происшествия, показали, что устройство сохранило все рабочие характеристики, — ответил техник. — Видите ли, материал очень хорошо отражает ту энергию, которой пользуются драмлизы. Таким образом, огненная стрела отразилась от пола и стен и попала в подопытную, испепелив ее. Я виноват в потере материала.

— Все эксперименты чреваты расходами. Насколько я понял, вам удалось найти второго подопытного, несколько менее вспыльчивого.

— Было решено, что должная проверка требовала использования драмлиза с большими, а не меньшими способностями. Наш новый подопытный, как и первая драмлиза, очень силен. Однако он молод — и мы держим в заложницах его чалекет, что обеспечивает нам его сотрудничество. Кроме того, я обратил его внимание на пятна, которые вы обнаружили, сэр, и подробно объяснил ему, откуда они появились. — Техник сделал паузу. — Конечно, существует некоторая опасность, что он попытается покончить с собой, воспользовавшись этим способом, действенность которого доказана, но он, как я уже сказал, молод, привязан к своей чалекет и склонен верить в возможность спасения.

Продолжая горбиться, командир вышел из ящика, пятясь, и выключил фонарик. Выпрямив уставшие плечи, он снова посмотрел на техника.

— Вы дали ему надежду на то, что он может ожидать спасения?

Техник наклонил голову.

— Это представлялось наилучшей стратегией, с учетом необходимости скрывать эту разработку от драмлиз.

Командир быстро обдумал услышанное. При обычных условиях он не допускал подобных нововведений от жалких техни-

ков. Однако в данном случае, учитывая, как было сказано, необходимость экономить ресурсы... Он наклонил голову.

— Вы поступили правильно, — сказал он. Техник поклонился предельно низко. — Я хочу поговорить с подопытным через... — он справился со своим хронометром, — ...четыре часа по стандартному времени. Предлагаю, чтобы время перед встречей он провел тут.

Командир небрежно махнул в сторону ящика. Техник снова поклонился.

— Командир, это будет сделано.

Литаксин
Лагерь наемников

Клонак оказался в лагере: он играл в покер с самыми отпетыми шулерами, каких Дааву случалось видеть за последние двадцать лет. Он без особой надежды подумал, что, возможно, Клонак позволит им сохранить свое достоинство — если не деньги.

Шадиа, будучи женщиной разумной, ушла отдыхать сразу же, как только стало можно уйти с обеда командора Кармоди.

Нелирикк — или Красавчик, как его называл командор Кармоди — пожелал остаться со страшной парой, которую он (без всякой иронии, насколько мог понять Даав) называл новобранцами. Пехотинец по имени Диглон оказался человеком флегматичным и скорее всего последовал бы разумному примеру Шадии. Однако привлекательная и послушная Хэзенталл была совершенно другой породы. Она была весьма недовольна, узнав, что ей не позволят сидеть на страже рядом с капсулой, которая скрывала и — если боги будут милостивы — лечила ее командира. Она с большой неохотой последовала с Нелирикком и Диглоном в казарму.

Таким образом, Даав, которому совершенно не хотелось спать и который был рад возможности остаться одному, сидел в темноте на скамье около капсулы с раненым исследователем, поджав под себя ноги и закрыв глаза.

Именно в такие моменты он чувствовал, что она сидит рядом с ним, уютно прижав колено к его ноге. Ее молчание полностью оправдывало его нежелание разговаривать. Эллиана, его спутница жизни. Умершая уже двадцать пять лет тому назад.

Даав вздохнул в темноте и почувствовал, как Эллиана утешающе положила руку ему на колено.

Он вдруг подумал, что и сам он такой же призрак, как она: его брат мертв и спутница брата тоже. Кто из членов Клана Корвал помнит Даава йос-Фелиума, который так давно покинул клан и домашний очаг? Конечно же, не его столь страшный сын, которого и исследователь, и командор-наемник называли просто «разведчик», словно в галактике существует всего один. Маленький мальчик, которого он плачущим передал заботам своей чалекет, каким-то образом стал мужчиной, которого почитает божеством икстранский солдат, побежденный им в рукопашном бою. Спутник жизни рыжеволосого бесенка, которого обожает Джейсон Кармоди.

— Что мы можем подарить этим кровожадным детям, нашим родственникам? — спросил он у темноты.

— Ну конечно же, действующего пехотинца, — отозвался у него в ухе теплый голос Эллианы, — и пару исследователей. Похоже, такой подарок они оценить сумеют.

Даав улыбнулся и едва удержался от соблазна потрепать по руке, которая не могла к нему прикасаться.

— О, действительно. И как удачно, что они попались мне по дороге.

Эллиана тихо рассмеялась, и он огромным усилием воли заставил себя не открывать глаз и не смотреть не нее. Вместо этого он ей улыбнулся и чуть слышно вздохнул.

— Командор Кармоди обещал сообщить даме нашего сына и попросить о свидании при первом же удобном случае, — сказал он. — Возможно, мы скоро ее увидим.

— Как ты думаешь, она примет икстранцев? — спросила Эллиана.

Даав снова вздохнул.

— Командор Кармоди считает, что это... возможно. И мы видели, что наш сын уже убедил ее взять одного икстранца...

— Удивительно убедителен этот твой разведчик, — поддразнила она его.

— Ты не можешь возложить за него вину на одного меня, — отозвался он с наигранной суровостью. — Ты не только с энтузиазмом участвовала в его создании, но и была совершенно очарована результатом.

— А ты, конечно, никогда не называл его «Дракончик» и не читал ему часами нелепые стишки, чтобы он уснул.

— Человек с моими заслугами и положением? Нет, конечно!

— Неправда, ах, неправда, ванчела! Для человека с твоим достоинством...

— О, так теперь мне не хватает достоинства?

Он забылся и произнес это вслух, чем привлек внимание дежурной.

— Там все в порядке? — громко окликнула его она.

— Да... — начал было Даав, открывая глаза, и тут же вскочил, глядя на автоврача, которому следовало бы сиять индикаторами и цифрами жизненных показателей и который еще недавно ими сиял.

— Что-то сломалось, — сказал он технику.

Она подбежала к нему, бросила взгляд на мрачную капсулу и со вздохом покачала головой.

— Ничего не сломалось, — сказала она. — Он просто умер, вот и все.

Ночные страшилки

Дом был окутан предрассветным сумраком, его комнаты отдыхали. Наверху женщина беспокойно спала на кровати под серебрящимся окном в потолке. Ее волосы темным крылом разметались по подушкам. Серый кот, чью предрассветную дремоту нарушило беспокойное метание спящей, сидел в ногах постели, тщательно умывая свои усики.

— Необходимость! — ясно проговорила женщина голосом, полным непролитых слез.

Кот прервал умывание, задержав лапку у щеки, насторожив уши — словно не торопился вынести суждение об истинности ее утверждения, покуда не выслушает все.

— Необходимость, капитан, — простонала Антора йос-Галан, извиваясь под сбившимся одеялом.

Она судорожно вдохнула и резко села. Широко раскрытые серебристые глаза были устремлены на кота, но видели нечто совсем иное.

— Икстранцы, — тихо вскрикнула она. — Корабль-самоубийца. Боги, о боги. «Долг»...

Она заморгала, а потом ее глаза наконец сфокусировались на коте, который встретился с нею взглядом, отвел глаза и завершил приостановленное умывание усика.

Антора отбросила одеяло и встала. Ленты ночной рубашки трепетали от ее порывистых движений. Она прошла по комнате, схватила белый шелковый халат и набросила его на себя, на ходу завязывая пояс.

— Лорд Мерлин! — позвала она, выходя из комнаты.

Кот встряхнул лапкой, спрыгнул на пол и последовал за ней.

* * *

Он едва успел закрыть глаза, когда его посетил боевой сон: как всегда ужасный. Он вырвал его из дремоты, как это делал каждый его третий или четвертый сон. Лина, корабельная Целительница, уверяла его, что со временем воспоминания поблекнут и оставят его в покое. Однако до той поры Рен Зелу приходилось придумывать собственные способы справляться с демоном, вырывая у него возможность отдохнуть.

Когда освещение в комнате стало ярким, он взял с полки у кровати переплетенный томик земной поэзии.

В книге были собраны лирические стихотворения, посвященные чувственным наслаждениям. Это был подарок Селейны Гаддер, с которой он в позапрошлый торговый рейс заключил союз удовольствия. Он улыбнулся, с теплотой вспоминая ее, и, открыв книгу наугад, вскоре погрузился в богатый образный язык.

В конце концов его убаюкали образы — одновременно и непонятные, и успокаивающие, — и он поймал себя на том, что клюет носом. Взмахнув рукой, он погасил в каюте свет.

Он немедленно погрузился в сон — и его рукав сразу же сжали чьи-то пальцы. Он не мог точно сказать, кто именно его держит, но и прикосновение, и голос показались ему... знакомыми. И нескрываемое смятение коренилось в том же ужасающем происшествии, которое преследовало и его собственные сны.

— Спокойствие, спокойствие, — утешил он ее, потому что она была из членов экипажа: она ведь должна была быть членом экипажа, правда, чтобы иметь это воспоминание? И его долг первого помощника требовал, чтобы он ее успокоил. — Спокойствие, — повторил он в третий раз, когда она настоятельно толкнула сон вперед, отчаянно выкрикивая предупреждение о приближающейся катастрофе.

Это на секунду его озадачило, но потом он понял: она все еще испытывает муки кошмара, где прошлое и настоящее слились воедино.

— Это уже позади нас, — сказал он ей в дружеской модальности. — Мы в безопасности. Сражение закончилось. Война подходит к концу. Все хорошо. — Вытянув руку, он прикоснулся к ее плечу — легко, по-товарищески. — Спи, тебе не о чем тревожиться.

И мягким толчком он ее отстранил.

В этот момент Рен Зел наполовину проснулся, вздохнул и погрузился в забытье без снов, уронив книгу из руки на пол. Через несколько часов он еще раз приблизился к бодрствованию — настолько, что почувствовал, как его грудь теребят кошачьи лап-

ки. Он сонно поднял руку и погладил животное, ощутив под ладонью мягкую бархатную шкурку и вибрацию мурлыканья. И тут его глаза изумленно распахнулись.

— Кошка?

Звук его голоса заставил зажечься свет. У него на груди кошки не оказалось, и с пола или подставки для комма на него не смотрели укоризненные кошачьи глаза. Однако к ткани одеяла прилип длинный белый кошачий усик. Рен Зел бережно его освободил, несколько секунд взирал на него — а потом отбросил одеяло и решительно встал с постели.

Под койкой кошки не оказалось. В освежителе — тоже. Кабина поистине была бескошачьей. Как и следовало.

И все же...

Он поднес волосок к свету, восхищаясь его длиной и упругостью, а потом повернулся к тумбочке. Немного порывшись в вещах, он извлек узкую стеклянную пробирку-анализатор — еще одно напоминание о Селейне — с герметичной пробкой. Волосок легко скользнул в пробирку. Он аккуратно ее закупорил и огорченно посмотрел на часы.

До начала вахты оставалось два часа — слишком мало, чтобы в третий раз попытаться приманить к себе сон. Ну что ж, душ и раннее начало дня — философски решил он, направляясь к освежителю.

Он принимал душ дольше обычного, два раза включив холодный игольчатый режим, но когда он оттуда вышел, кошачий усик по-прежнему оставался в пробирке.

Песня была повсюду: она заполняла комнату, планету, бесконечную чашу пространства... Будучи одновременно единой нотой и стоя в стороне от песни, Шан рассматривал смелый, невероятный и исключительно правильный узор, который был Вал Коном йос-Фелиумом.

Во время Исцеления им встретились другие останки вторжения, которое было ответственно за внедрение программы вычислений. Когда это случалось, Шан включал свою волю и заставлял чужака подчиниться большому узору брата. Теперь, когда песня отдыхала сама на себе, он осматривал свою работу, проверял ее узлы и соединения, любовался ярким светом интеграции — и был удовлетворен.

Затем он переместил фокус своего внимания на дугу живой силы, которая бесконечными волнами радуги текла из охраняемого центра узора, где Вал Кон хранил свою душу, и убедился в том, что она превосходит все, что ему случалось видеть.

Дело сделано, решил он, — и все хорошо.

Он осторожно сосредоточился на песне, сообщая о завершении. Нота растянулась, изменилась, ускорилась — и смолкла.

Шан тряхнул головой и заморгал. Сначала он сфокусировал глаза на крепко спящем Вал Коне, укрытом тонким одеялом, а потом переместил взгляд дальше и посмотрел в сияющие глаза невероятно древнего существа, зовущегося Точильщиком.

— Дело сделано, — сказал он и почувствовал, как слова царапают его пересохшее горло.

— Дело сделано, — отозвался Точильщик и поднял трехпалую руку в жесте, который показался приветственным. — И сделано хорошо. Вся честь принадлежит вам, Шан йос-Галан. — Он моргнул. — Теперь наш брат спит и проснется в должное время. Нам двоим также следует искать постели.

— Это, — признал Шан, внезапно заметив, как у него болит спина и слипаются глаза, — прекрасная мысль. — Он поколебался, глядя на раскладную койку. — Не следует ли нам...

— Полагаю, что мы со всей безопасностью можем оставить его здесь, — прогудел Точильщик, направляясь к двери.

Помедлив секунду, Шан наклонился и поцеловал брата в щеку.

— Сладких снов, денубиа, — прошептал он и пошел следом за черепахой.

Однажды Антора шутя спросила у своего брата Вал Кона, как разведчикам удается выведывать у дикарей самые глубокие тайны их мира и культуры, не будучи при этом ритуально убитыми и съеденными.

— О, тут нет ничего трудного, — заверил ее Вал Кон, блеснув зелеными глазами. — Надо просто задавать правильные вопросы.

Тогда она рассмеялась — чего он и добивался. И только постепенно, с течением лет она начала понимать, насколько часто успех дела зависит от того, задан ли правильный вопрос. Даже если ты драмлиза в расцвете своих немалых сил.

В особенности если ты — драмлиза.

И вот теперь, спеша по дорожкам к центру сада, осажденная ужасными видениями о том, как «Долг» окружают бесчисленные икстранцы на крошечных кораблях с торпедами, она ругала себя за глупость. Каждый вечер с момента своего переезда в Джелаза Казон она перед сном уходила в центр сада. Уютно устроившись в корнях Дерева, она задавала идиотский вопрос: «Живы ли все, кто мне дороже всего?» — и бросала свои мысли в пространство.

Каждый вечер она пересчитывала хрупкие яркие огоньки своих родных — и тем утешалась.

И ей ни разу не пришло в голову спросить, кому из них угрожает опасность, кто их враги и существуют ли способы, известные драмлизам или скрытые в ее собственных непроверенных талантах, оказать им помощь.

Конечно, они все находились в опасности — ведь был введен в действие План Б. Однако, с точки зрения Анторы, бывают просто опасности и ОПАСНОСТИ, и вот под эту категорию явно подпадало нападение вооруженных и отчаянных икстранцев.

Мощеная дорожка вывела ее на поляну, тускло освещенную ночными цветами фриаты. Антора не замедлила шага, а почти пробежала по траве, которая охладила ей ноги и замочила подол халата. Она спешила прямо к чуть фосфоресцирующей громаде Дерева. Оказавшись рядом с ним, она приложила ладонь к теплой коре.

— Доброе утро, старейшина, — проговорила она, хотя вслух произносить слова было совершенно не обязательно. — Я идиотка.

У нее над головой легким смешком зашуршала листва, хотя на поляне не было ни ветерка. Антора вздохнула.

— Да, конечно. Но «Долгу» угрожает нападение сил икстранцев — а может, оно уже произошло! Я должна их предостеречь, иначе...

Она замолчала, закусив губу. А что, если нападение было в прошлом? Что, если «Исполнение долга» уже стало военной добычей Икстранга, а Шан и его Присцилла погибли или умирают в невыразимых муках?

Она ощутила мягкое, успокаивающее прикосновение к лодыжке и, опустив глаза, обнаружила у своих ног Мерлина. Она снова подняла голову к темным внимательным листьям.

— Мне нужно их предостеречь, — снова сказала она Дереву.

Листья прямо над головой не шелохнулись, но где-то в вышине началось движение, словно белка с силой бросила вниз маленький камушек. Антора отступила на шаг — и в траву у ее правой ноги упал орех.

— Спасибо, — прошептала она, ощутив волну тепла.

Наклонившись, она подняла подарок, почесала Мерлина за ушком и выпрямилась. Она расколола орех и съела ядро, наслаждаясь мятным привкусом. А потом она крепко прижалась спиной к стволу Дерева, закрыла глаза и представила своим внутренним взором ту сложную конструкцию из эмоций, разума и силы, присущую в галактике только той, которая звалась Присцилла Делакруа и Мендоса. Присцилла была ведьма, и ее таланты и способности

были удивительно близки к тем, которыми обладала сама Антора, представительница немногочисленных волшебников Лиад. Антора знала, что если на «Долге» кто-то и обладает ушами, которые смогут услышать ее послание, то это — Присцилла.

Эту мысль унесла волна, которая увлекла Антору в безвременье. Свет вспыхивал языками пламени, и там был ветер, на котором незнакомые и ненужные ей души кружились, словно мириады странных листьев. В этом вихре ярко вспыхнул узор Присциллы.

Антора напрягла волю — но вместо того чтобы установить ожидаемый контакт, она пронеслась мимо цели, потеряв управление, падая... Нет. Управление вернулось — резко и довольно неожиданно, словно она каким-то образом споткнулась и оказалась в объятиях незнакомца, который постарался осторожно поставить ее на ноги. Подхвативший ее источал недоумение — недоумение и смутный, потный страх, словно остаток дурного сна.

Антора ухватилась за этот намек, вплела его в свой собственный сон, но еще не закончив плетения, увидела, как его преобразуют в совершенно иное изображение, которое сопровождалось коротким, теплым, успокоительным прикосновением.

А потом контакт прервался — и не по ее воле. Ее окружила темнота, густая и уютная, как любимое одеяло.

Антора вздохнула, открыла глаза — и обнаружила, что неловко лежит у основания Дерева, устроив голову на покрытый мхом корень, а ей в лицо пристально смотрит Мерлин.

Она с трудом расправила затекшие конечности и села, привалившись спиной к Дереву. На краю поляны луч солнца касался купы ночных цветов, которые уже свернулись в дневной дремоте.

Антора с изумлением поняла, что спала. Спала несколько часов!

Мерлин устроился рядом с ней на мшистом корне, словно курица на насесте, щурясь от удовольствия.

Антора, чуть задыхаясь, сказала:

— Это было не предсказание — это было воспоминание. Не знаю, кто... Обняли, как ребенка!

Она больно закусила губу, стараясь справиться с недоумением и возмущением. Чтобы ее удержали, как новичка, а потом отправили восвояси — погрузили в сон... Словно ее воля ничего не значила...

— Сражение закончено, — добавила она относительно спокойно. — Враг потерпел поражение и отброшен. «Долгу» ничего не угрожает, а мне... — тут ее голос сорвался, и она сама не могла определить, было ли это истерикой или яростью, — ...мне велено не тревожиться!

Литаксин
Лагерь наемников

Командор Кармоди предоставил им места в казарме: хорошие места с душем в углу и капралом у двери.

Нелирикк, знакомый с укладом Гирфалька и размещением солдат в лагере, понял, что их поместили в охраняемое помещение с наблюдением, на случай неприятностей.

Сам он неприятностей не предвидел. Особенно после того, как увидел, с каким аппетитом новобранцы поглощали бутерброды, присланные из столовой. Исследователь ела не менее жадно, чем пехотинец.

Трапеза проходила по большей части в молчании. После нее новобранцы воспользовались душем, почистили и снова надели свои полевые кожаные костюмы.

Сытый и вымытый пехотинец Диглон беззаботно уселся на полу у кровати, привалившись спиной к койке, и развернул свою скатку, готовясь разобрать и почистить оружие. Нелирикк отметил это с одобрением: простому солдату положено заботиться о своем оружии, это правило действовало как среди землян, так и в Отряде Икстранга. Более того: знакомое занятие успокоит пехотинца, который, как и Нелирикк, понимает, что он остался один и что со всех сторон его окружают чужаки, которым у него нет оснований доверять.

Да, решил Нелирикк, сидя на своей койке с лоскутом рукоделия в руках, пехотинец был не самой срочной его проблемой. Его проблемой была Хэзенталл Исследователь.

Она протестовала против приказа Даава йос-Фелиума: тот распорядился, чтобы она устроилась с остальным своим отрядом, оставив своего командира одного, беспомощного, среди бывших врагов. Но отец разведчика, надо отдать ему должное, сумел подчинить ее своей воле и заставил исполнить приказ (хоть и очень неохотно). И при этом он не поднял ни голоса, ни руки.

Теперь, отказывая себе в утешении, которое мог бы дать ей уход за оружием или даже сон, хотя усталость была видна во всех черточках ее лица, Хэзенталл Исследователь, одетая и готовая к бою, беспокойно кружила по казарме.

Во время ее третьего круга рядовой Диглон оторвался от своего занятия, явно выказывая беспокойство.

— Исследователь? — сказал он уважительно и по-солдатски. — Долг?

Хэзенталл остановилась.

Склонившись над своим рукоделием и наблюдая за ней краем глаза, Нелирикк увидел, как она осознает опасность. Они находятся в окружении тех, кто победил их в бою, дали клятву лиадийцу и готовы вскоре принести клятву еще кому-то: невозможно было поверить в то, что это может быть так. И все же это было именно так. Долг командира состоит в том, чтобы принимать это невозможное как самое обычное, ничем не выдавая беспокойства. Это нужно для блага отряда — будь он большим или маленьким.

Так.

— Вольно, рядовой, — сказала она твердо, но не чересчур твердо.

Успокоившись, он отдал ей честь и снова занялся своим оружием.

Все так же украдкой Нелирикк смотрел, как исследователь глубоко вздохнула, четко развернулась на месте и подошла туда, где он сидел на своей койке, кладя аккуратные стежки на подарок, который готовил для Элис Тайазан.

Семь-восемь секунд она стояла над ним. Нелирикк продолжал работать, не поднимая головы. Наконец она бесшумно отступила, поджала ноги и села на пол перед ним. Он поднял голову и встретился с ней взглядом.

Ее глаза, окруженные татуировками, обозначавшими ее заслуги и достижения, оказались темно-карими. Нелирикк решил, что они такого же цвета, как любимый напиток капитана. Она указала подбородком на его руки.

— Какая работа? — осведомилась она на солдатском диалекте.

Нелирикк расправил ткань на колене, чтобы она смогла рассмотреть вышивку. Ее глаза расширились: она узнала эмблему, которую он вышивал, эмблему отряда, который сломал хребет Четырнадцатого Корпуса Завоевания.

— В доме капитана, — сказал он тоже по-солдатски, — есть юный солдат, которая этого достойна.

Хэзенталл поджала губы.

— Солдат.

Нелирикк вернулся к своему занятию, аккуратно работая иголкой.

— Как и я. Или ты. — Он снова поднял глаза и перешел на диалект исследователей, чтобы не нарушать покоя пехотинца Диглона. — Почему исследователи совершали переход вместе с рядовым пехотинцем?

Она отвела глаза.

— Командование улетело с планеты. Мы оказались...

Нелирикк закрепил зеленую нитку.

— Я имел в виду, — безжалостно прервал он ее, — почему исследователи сражались рядом с пехотой?

Она бросила на него возмущенный взгляд:

— Это скажет старший.

Нелирикк вынужден был признать, что с точки зрения субординации это правильно. Было очень... удобно, что воинский устав лишал Хэзенталл возможности отвечать на вопрос, на который ей отвечать не хотелось, — а ведь исследователи далеко не всегда подчиняются уставу. Тем не менее Нелирикк не стал обижаться на нее за эту уловку.

Подняв иголку, Нелирикк посмотрел на нее.

— Капитан потребует от тебя многого. Такого, что противоречит всему порядку, к которому ты привыкла. — Он коротко кивнул в сторону занятого своей винтовкой пехотинца. — И совершенно противоречит тому, к чему привык вот он.

Хэзенталл вздохнула.

— Она извлечет нас из контекста, — проговорила она с той же усталостью, что читалась на ее лице. — Ей посчастливилось. Половину работы за нее уже сделали.

«Конечно, — подумал Нелирикк. — Разве существует контекст для того, чтобы тебя оставили на милость врага — победившего врага, когда командование обращается в бегство, спасая свою жизнь?» Он на секунду склонился над вышивкой, следя за тем, чтобы стежки получались ровными и маленькими.

— Капитан потребует, чтобы вингтай был убран. — Он снова поднял голову, демонстрируя ей свое голое лицо. — Как видишь. В автовраче есть программа стирания.

Он не стал говорить ей, что эта процедура безболезненная, хотя сам был в этом уверен. Приобретение вингтай было сопряжено с мучительной болью — казалось неправильным, что их можно легко и безболезненно стереть во время короткого сна в капсуле автоврача.

— Капитан требует этого, потому что ее отряд — враг Икстранга, — медленно проговорила Хэзенталл, прослеживая ход мыслей командира, как этому обучали исследователей. — Солдаты, которые считают себя икстранцами, носят знаки отличия и придерживаются традиций Команды, не будут крепко стоять против Икстранга. Исследователь способна проследить мысли капитана и понять требования. Но он... — Хэзенталл чуть повернулась в сторону рядового, — всего лишь пехотинец. Он не поймет.

— Вы — вторая в цепочке командования, — безжалостно напомнил ей Нелирикк. — Ваш долг — или долг вашего командира, если он будет в состоянии — помочь ему понять. Я полагаю, что лучший метод руководства — это собственный пример.

Он увидел, как она судорожно вздохнула, но не позволил ей заговорить.

— Капитан Мири Робертсон не принимает посредственности. Она ждет превосходного исполнения обязанностей. Иногда она требует большего. Ты приспособишься...

— Или погибну, — огрызнулась Хэзенталл, словно это было вызовом, а не истиной, которую они оба прекрасно знали.

— Или погибнешь, — спокойно подтвердил Нелирикк.

Хэзенталл опустила глаза — возможно, на руки, которые она крепко переплела на коленях.

— Командир... — заговорила она, замолчала и судорожно сглотнула. — Устав соединил нас, младшую со старшим. Ты знаешь, как это делается. А перед этим он дважды пересекал море звезд, отметив множество миров для будущих завоеваний Икстранга.

— Он принес славу исследователям, — отозвался Нелирикк, сделав целый ряд стежков и так и не дождавшись от нее новых слов.

— Славу... — повторила она. — Я уступаю ему во всем: в славе, в знаниях, в понимании. Когда пришел приказ, что мы должны сопровождать Четырнадцатый Корпус, словно... когда мы получили приказ и пока мы оба выполняли задачу, которая объединяет нас со всеми солдатами, от детишек до командиров, он говорил со мной о битве. Он сказал, что солдат должен быть всегда готов умереть. Что... что долг требует, чтобы смерть не была напрасной, а шла на пользу Команде.

Новое молчание, не такое долгое, как в первый раз, а потом стремительный поток слов.

— Командир... У него нет награды, но он все равно Герой. Позволить ему... просто умереть, когда командование нас предало, — это шло вразрез всему, чему он меня научил. Команде не нужно, чтобы такой воин умер без всякой пользы, проигравшим, когда остается так много...

Из-за двери раздался голос капрала, спросившего, кто идет.

— Капитан разведчик Даав йос-Фелиум, — прозвучал ответ.

Хэзенталл поднялась на ноги и повернулась к двери. Все ее лицо выражало тревогу. Нелирикк отложил работу и к моменту появления отца разведчика тоже успел встать.

Лицо лиадийца было бесстрастным, поза не выражала ничего, кроме обычного внимания, — и все же Нелирикк почему-то вдруг решил нужным встать ближе к Хэзенталл Исследователю, чтобы ее можно было задержать.

Разведчик остановился и посмотрел в лицо Хэзенталл, сжав руки на уровне пояса.

— Мне жаль, дитя, — сказал он на земном. — Он умер.

День 307-й
1392 год по Стандартному календарю
Улица Блер
Пустошь

На улицах босса Морана был день страховки, и Джим Снайдер, новый помощник босса, позаботился выйти на тротуар рано, подняв воротник, чтобы спрятаться от холодного утреннего ветра. В прошлый день страховки он был помощником помощника, и хотя события того дня посодействовали повышению Джима, он был полон решимости научиться на ошибках, которые привели к провалу его предшественника.

И прежде всего он понял: босс рассчитывает, что день страховки пройдет легко и гладко, без проблем, недоплат и оправданий.

Боссы вообще были людьми раздражительными — что, если подумать, было делом понятным. На боссах лежала вся ответственность по наведению порядка на их территориях, сбору страховки, размещению вышибал на границах, установке пунктов сбора пошлин — и босс должен был следить, чтобы собранные пошлины приносили ему. Спору нет: быть боссом нелегко, и, как считал Джим, любой, кто брался за это, имел право быть слегка раздражительным.

Возможно, босс Моран был чуть более раздражительным, чем многие. Джим этого точно не знал: он был совсем маленьким, когда эти улицы принадлежали боссу Таурину, а босс Рэндел продержался так недолго, что никакого впечатления произвести не успел. Босс Виндал держалась года два или даже четыре. При боссе Виндал Джим был на пункте сбора пошлин. Это было не так уж плохо: Джим не припоминал, чтобы она пристрелила кого-нибудь за недоплату пошлин. Но если уж на то пошло, то, наверное, она была не таким уж хорошим боссом, потому что когда

дым при встрече рассеялся, то босс Моран остался на ногах, а босса Виндал унесли в крематорий.

Иногда все воротилы собирались на нейтральной территории и пересматривали границы, обменивая какую-нибудь улицу на промышленный квартал. Когда такое случалось, важно было иметь сильного босса, который бы защищал твои интересы. Хотя в последнее время такого не случалось. Но стоит тетке Джима, Карле, выпить пару пива, и она начинала рассказывать такое, от чего волосы дыбом становились. Тогда она сама была маленькая и жила на территории босса Хенрика. Это было перед тем, как воротилы устроили одну такую встречу. На том собрании как раз назначили босса Таурина, и все, от улицы Блер до Карни — части территорий босса Хенрика и босса Тьеде, — отделили и назвали его владением. Последовал некоторый период неразберихи, и когда один из боссов взялся за подсчеты (тетя Карла переключалась с Хенрика на Тьеде в зависимости от количества выпитого), то решил, что его обманули. Если верить тетке Карле, тогда на улицах было много оружия, так что крематорий работал вовсю.

Но таких проблем теперь не было. По крайней мере — на здешних улицах. Босс Моран держал эту территорию уже почти три года, и если изредка и пристреливал своего помощника за мелкую оплошность в счете или в науку другим наказывал какого-нибудь лавочника, задержавшегося с выплатой, так это только показывало, что он — сильный босс. А босс должен быть сильным, чтобы он мог защищать твои интересы, иначе какой-нибудь другой босс может наложить на территорию свою лапу, а от этого всем будет плохо.

Первой остановкой в этот день была бакалея Уилмета. Джим толчком открыл дверь, и колокольчик, подвешенный над нею на проволоке, протестующе звякнул. Старик Уилмет поспешно вышел из кладовой и остановился, ломая пальцы, пока Джим неспешно обходил лавку, высматривая следы ремонта или нового оборудования. Он выбрал себе неплохое яблоко и продолжил инспекцию, пока не съел все яблоко, оставив коричневые пятна. Бросив огрызок на пол, он кивнул Уилмету, словно только теперь его заметил.

— День страховки, — сказал он, зацепляя большие пальцы за ремень.

Глаза старика метнулись вниз: он пристально посмотрел на пистолет за поясом у Джима, а потом поднял взгляд и кивнул — быстро и как-то дергано.

— Так и есть, — ответил он, и Джим решил, что голос у него тоже звучит дергано.

Это хорошо. Важно, чтобы жильцы сохраняли здоровое уважение к боссу — и к помощникам босса.

Устроив настоящий спектакль и намеренно не торопясь, Джим сунул руку в карман и вытащил Книгу. У бакалейщика чуть посерели губы. Джим лизнул палец и неспешно начал листать Книгу, добираясь до нужной страницы. На просмотр расписания платежей у него ушла пара минут: Джим читать умел, но это никогда не было его сильной стороной. Потом он кивнул и поднял глаза. Бакалейщик уже вспотел. Джим позволил себе криво улыбнуться, как это делал босс, когда хотел заставить человека помучиться. Полезная тактика: Джим на собственном опыте убедился, что она отлично работает.

— Так, — сказал он Уилмету, — в этом месяце это будет двенадцать наличными, а остальное босс получит шоколадом, сахаром, кофету и тушенкой. Ящиками — ты знаешь порядок.

Лицо бакалейщика стало уже настолько серым, что Джим даже подумал, что он вот-вот грохнется в обморок. И он даже вытащил из кармана грязную тряпицу и вытер ею лоб.

— Двенадцать наличными, конечно, угу. Секунду.

Он поспешно юркнул обратно в кладовку. Джим взял еще одно яблоко, не такое хорошее, как первое, но лучшего в корзине не оказалось.

Уилмет вернулся, сжимая в руке купюры, и отсчитал двенадцать, по одной, выкладывая их прямо на морковку и картошку.

— Парнишка отнесет товар к боссу домой, — сказал он, глядя на деньги. — Все будет доставлено до обеда, мистер Снайдер.

Джим кивнул, бросил недоеденное яблоко на пол, вытащил из другого кармана карандаш и поставил галочку на странице Уилмета. После этого он убрал Книгу и карандаш, взял наличность и положил в бумажник, который ему выдал босс, убрал и его, а потом жизнерадостно кивнул дрожащему бакалейщику.

— До следующего месяца ты застрахован, Уилмет. Прибыль боссу.

— Прибыль боссу, — отозвался тот шепотом.

Джим ухмыльнулся и ушел, так шваркнув дверью, что колокольчик слетел с проволоки.

Еще до обеда Джим успел зайти за страховкой ко всем жильцам, занесенным в Книгу. Оставалась только скобяная лавка, которую он специально оставил напоследок, потому что она была

всего в двух домах от заведения Тоби, где он рассчитывал поесть и выпить пива перед тем, как отнести боссу дневной сбор.

Не торопясь, ощущая в животе приятное тепло и умиротворенность, Джим завернул за угол, направляясь к скобяной лавке.

Краем глаза он заметил что-то яркое и цветастое, и он бросил взгляд на противоположную сторону улицы, думая, что скорее всего увидит одну из красоток Одри, которая вышла на работу пораньше.

То, что он увидел на самом деле, заставило его остолбенеть, уставясь на другую сторону улицы.

Это была... лавка. Джим решил, что это лавка. Только она была не похожа ни на одну из лавок, которые он видел за всю свою жизнь. Большое окно было не только не закрыто ставней, но и вымыто, чтобы можно было заглянуть в ярко освещенное помещение и пересчитать — один, три, восемь, девять... двенадцать ковров. Некоторые висели на стенах, некоторые лежали на чисто отмытом пластиковом полу. Ковры были таких цветов, для которых Джим и названий-то не знал. И по коврам вились такие сложные узоры, что у него голова закружилась при попытке их рассмотреть.

И можно было подумать, что этого большого, яркого, рискового окна мало: дверь лавки была широко открыта, и узкий коврик с лианами и цветами густо-красного, ярко-синего и желтого цвета лежал наполовину в лавке, наполовину — на рассыпающемся тротуаре, так что по нему прошелся бы всякий, кто заходил в лавку. У самых дверей стоял мужчина. Если бы Джим увидел его, например, у Тоби, то принял бы его за работника Одри: темноволосый, низенький, почти по-девичьи стройный, он был одет в красивую синюю куртку, а под ней была сверкающая белизной рубашка. Брюки у него были более темного синего цвета, чем куртка и ровно спускались до сверкающих черных сапог. Он стоял, сцепив руки за спиной, и смотрел на улицу так, словно вид трескающегося асфальта и лавок, закрытых пыльными ставнями, был чем-то... интересным.

Глядя на него, Джим поймал себя на том, что ведет обратный отсчет, пытаясь вспомнить, когда он в последний раз менял рубашку.

Словно почувствовав давление изумленного взгляда, человечек в лавке повернул голову и встретился взглядом с Джимом. Джим сжал зубы и сверкнул глазами, давая человечку понять, что он смотрит на того, кто имеет на территории вес.

Человечек вроде как поклонился, чуть согнувшись в пояснице, а потом повернулся и ушел в лавку.

В свою невероятную лавку.

* * *

— Когда, к дьяволу, эта штука здесь появилась? — спросил Джим у Эла, владельца скобяной лавки, спустя пару минут.

При этом он ткнул большим пальцем себе за спину в направлении лавки с коврами. Эл пожал плечами.

— Пару дней назад.

— Пару дней?

Джим пришел в полное изумление, вспомнив, какой была эта лавка, когда он видел ее в последний раз. Она, конечно, пустовала: ее прошлым владельцем был жилец, которого босс Моран использовал как наглядное пособие для остальных — три-четыре дня страховки назад. Поскольку Джим тогда был помощником помощника, то он возглавил команду, которая разделала заведение. Тогда это была обувная лавка. Теперь он вспомнил. Он раздраженно посмотрел на Эла, пытаясь хотя бы отчасти вернуть исчезнувшее теплое чувство самодовольства.

Эл снова пожал плечами и уставился в потолок, словно дата открытия лавки с коврами могла быть записана на одной из почерневших балок над головой у Джима.

— Угу, посмотрим... Позавчера он и еще один верзила зашли сюда, как раз когда я открывался. Им нужны были доски, молотки, гвозди, краска, швабры, мыло, ведра, метлы, пыльные тряпки, толстая проволока — ох и повозился же я, пока ее отыскал! — и горсть шурупов. Разговаривали тихо, заплатили наличными. Ушли к себе и взялись за дело. В обед я выглянул — а они уже сняли ставни с окна, и он стоял там со шваброй и ведром и оттирал грязь. Слышал, как внутри что-то прибивали, видел, как пара подручных несколько раз выходили куда-то — надо думать, гонял их с поручениями. Короче, когда я закрывался, они все еще работали. А когда я пришел вчера утром — ну, все было так, как сейчас. А тот верзила — он стоял перед лавкой и подметал тротуар!

Подметал тротуар! Джим закрыл глаза.

Строго говоря, эта ситуация в его задание не входила: лавки с коврами в Книге страховок не было. Поскольку Джим пошел на повышение с пошлин, а не со страховки, он еще никогда не видел, как делают лавку — и уж тем более не делал ее сам. Но среди того множества вещей, которые раздражали босса Морана, были подручные, не способные проявить инициативу. Босс Моран очень высоко ценил инициативу, и поскольку Джиму хотелось ясно продемонстрировать боссу, что его не следует отправлять следом за его предшественником на переработку в золу, он решил, что, закончив дела с Элом, он должен перейти через улицу и

продемонстрировать этому щегольку в красивой синей куртке, с кем на территории надо считаться.

С этими мыслями он извлек из кармана Книгу и зачитал взнос Эла: пятьдесят наличными, а товаром — ничего. Эл вытащил из кассового ящика купюры и заплатил, не говоря ни слова.

Джим поставил галочку в Книге, убрал ее, карандаш и деньги, повернулся — и тут же повернулся обратно.

— Так и как же его зовут? — спросил он.

Эл пожал плечами в третий раз за его визит и постарался говорить совершенно нейтрально, но Джиму показалось, будто он улыбается.

— Верзила называл его «босс», — ответил лавочник.

Ярко освещенный магазин, в который через открытую дверь нахально ввалился Джим через пару минут, оказался пустым. Он как раз успел разобрать, что на большом ковре, висящем на задней стене, изображено несколько голых людей, которые делали друг с другом такое, чего, не сомневался Джим, не освоили даже лучшие девочки Одри, но тут ковер вдруг отодвинулся в сторону, открывая завешенную дверь — и красавчика, который входил в лавку, чуть улыбаясь.

— Доброе утро, сударь! — сказал он, и голос у него звучал тихо, как и говорил Эл, но при этом ясно и совсем не дергано. — Не сомневаюсь, что вы пришли воспользоваться нашей распродажей в честь открытия.

Джим пристально посмотрел на него и зацепил руку за ремень, рядом с пистолетом. Мужчина посмотрел на пистолет, но, похоже, не слишком обеспокоился, как следовало бы мужчине, который оказался голым — то есть без оружия. Вблизи куртка обнаружила матовый блеск, который Джим туманно связывал с шелком, поскольку один раз видел шелковую подушку у Одри наверху. Рубашка под ней была настолько белой, что смотреть было больно, и в одном ухе у него был камень — точно такого же цвета, что и куртка.

— Чем я могу вам служить? — спросил он, и говорил он как-то странно.

Не то чтобы его трудно было понимать, но слова у него выходили какие-то гладкие, словно он тщательно их отполировал и убрал из них все репьи и острые края.

Джим нахмурился и постарался сделать свой взгляд пожестче.

— Сегодня — день страховки, — сказал он. — Ты должен боссу Морану за месяц.

Мужчина наклонил голову — серьезно и вежливо.

— Спасибо, но у меня есть своя страховка. — Он махнул рукой, блеснув кольцом на среднем пальце, и указал Джиму на ковер с групповухой. — Я вижу, что вам весьма понравился этот образчик. Это — очень любопытный ковер, который редко случается обнаружить за пределами планеты, где его ткут.

Последовав взглядом за его жестом, Джим снова воззрился на резвящихся людей.

— Почему это? — спросил он.

— О, потому что их изготавливают как епитимью, видите ли. Изготовление ковра храм предписывает тем, кого сочли грешниками. Ткать его положено на публичной площади, где все могут видеть ткачей и знать их позор. После того как ковер закончен — и храм назначил за него цену, — кающемуся полагается его купить и вывесить в гостиной своего дома до конца своей жизни. Так что можете сами судить, насколько они редки. Посмотрите!

Он поднял край ковра и отвернул его, показывая обратную сторону изделия.

— Видите эти узлы? Их — сто двадцать на дюйм! Право, сударь, этот ковер доставит вам много часов наслаждения.

Он отпустил ковер и провел кончиками пальцев по выпяченной попке удивительно фигуристой бабы.

— Пощупайте ворс! Представьте себе, каково ходить по этому ковру босиком.

Джим невольно вытянул руку — и тут же отдернул ее назад, снова сдвинув брови и стараясь смотреть как можно более враждебно.

— Я здесь не для того, чтобы покупать ковры. Сегодня — день страховки. Ты на территории босса Морана и должен ему за месяц.

— Нет-нет, прошу вас, — проговорил человечек, снова проведя пальцами по женской заднице и поворачиваясь к Джиму. — Не надо о нас беспокоиться, сударь. Моя страховка в полном порядке.

Он шевельнул рукой, привлекая внимание Джима к углу комнаты. Джим посмотрел туда — и моргнул.

Он считал, что знает всех профессиональных стрелков с трех соседних территорий, но эту он раньше никогда не видел. Она была почти не выше того мужчины, стройная — если не считать кое-каких очень интересных изгибов, — и кожа у нее была смуглая и мягкая на вид. На ней был темный жилет, темная рубашка и темные брюки. Из кобуры у нее на поясе высовывалась рукоять с серебром, и она смотрела на него черными глазами, которые были холодными и безжалостными, как ночь в зимнюю стужу.

Нелегко было отвести от нее глаза и снова посмотреть на человечка, но Джим сумел это сделать.

— Босс Моран никому не разрешает продавать страховку на его территории.

Мужчина наклонил голову.

— Понимаю. Тут проблемы нет. Эта дама работает на меня.

Джим не понимал, какое это имеет отношение к тому, как положено вести дела. Ему стало казаться, что у человечка в башке метель гуляет, но это значения не имело. Страховка есть страховка. Ее положено платить первого числа каждого месяца. Так было заведено у босса Морана, и никаких исключений, проблем, недоплат или извинений. Если кому-то не хотелось послужить уроком для других.

В любом случае от Джима тут уже ничего не зависело. Он старался — даже боссу придется это признать — и сделал все, что можно было, пытаясь уговорить сумасшедшего. Боссу решать, что теперь делать с этим малышом.

Джим высокомерно нахмурился на него.

— Я сообщу об этом боссу Морану сразу же, как уйду отсюда, — сказал он. — У тебя есть подарок или что-то, что ты хотел бы ему отправить?

Хороший подарок — скажем, что-нибудь вроде этого удивительного ковра на задней стене — мог бы умерить настроение босса Морана до уровня, не угрожающего жизни. Что, казалось бы, должен был сообразить даже псих.

Но, как оказалось, не этот. Он подергал плечами под своей красивенькой курткой и пробормотал:

— Увы, кажется, я не имею ничего... подобающего.

Джим покачал головой.

— Ладно, — угрожающе объявил он. — Если хочешь играть в такую игру, меня это не колышет.

Решив, что это подходящие прощальные слова, он удалился, тяжело наступив на коврик в дверях. Выйдя на тротуар, он повернул направо, к дому босса, а не в заведение Тоби обедать, как собирался.

Почему-то у него пропал аппетит.

У него за спиной раздалось нечто, удивительно похожее на шипение. Пат Рин обернулся и посмотрел на Натезу, вопросительно приподняв бровь.

Она покачала головой: ее черные глаза сверкали.

— Его не нужно было провоцировать.

— Вот как? Но, насколько я понял, наша задача здесь заключается в провокации, насилии и разборке.

Он не сомневался в том, что Натезе это известно. Они составили свои планы настолько тщательно, насколько смогли, уделив немало внимания выбору жертвы и территории. Чтобы Пат Рин добился успеха — чтобы он успешно свел счеты, — ему необходимо превратиться в силу... в «воротилу», а захваченная территория должна находиться на портовой дороге.

Подняться на вершину в качестве воротилы можно было двумя путями. Например, можно было оказать существующему боссу такую услугу, за которую тот должен был бы расплатиться территорией и статусом. Это потенциально был бескровный путь, однако он требовал больших затрат времени.

Сама Натеза высказалась — и очень убедительно — за более быстрый путь: возвышение через убийство. Это был традиционный путь, который был одной из причин многочисленных бед Пустоши. Чивер Мак-Фарланд высказал свое мнение: чем быстрее Пат Рин устроится, тем быстрее можно будет сделать главное дело. Этот довод тоже был убедительным, и Пат Рин позволил себя убедить.

Однако теперь, похоже, представительница Хунтавас поменяла свое мнение. Пат Рин развел руками, стараясь не смотреть на фальшивый блеск на левой руке.

— Если все идет по плану, то к нам скоро придут гости, — мягко сказал он. — Мы устроили провокацию, мудро это или нет, следуя плану — мудрому или нет. Если вы обнаружили изъян в моих намерениях, сейчас самое время о нем упомянуть.

Секунду Натеза молчала, пристально глядя на него, а потом вдруг поклонилась, как ученику положено кланяться мастеру.

— Я просила бы, чтобы вы не подвергали себя опасности, — проговорила она, перейдя на высокий лиадийский. — Мастер, в этом нет необходимости. Мистер Мак-Фарланд и я вполне можем принять и... занять этих гостей.

— А, я понял. Принесшие мне клятву — это расходный материал, а я — нет.

Она снова поклонилась.

— Мастер, это так.

— Я не согласен, — отозвался он несколько более язвительно, чем требовала модальность. Вздохнув, он виновато махнул рукой. — Право, — добавил он, снова переходя на земной, — давайте не будем спорить. Ловушка подготовлена, и мы не меньше босса Морана обречены плыть по течению.

Натеза, казалось, задумалась над его словами, чуть наклонив голову, а потом пожала плечами.

— Действительно.

Легкими шагами танцовщицы она скользнула в свой угол, указав подбородком на ковер, висевший на задней стене.

— Этот ковер действительно изготавливается так, как вы рассказывали помощнику босса? — спросила она.

— Конечно, — ответил Пат Рин, идя к ковру вместе с ней. — Вы ведь не думаете, что я стану дезинформировать покупателя относительно ценности его будущего приобретения?

— Но... — она нахмурила брови, — как он попал на Базар?

— Подозреваю, что кто-то, кому стало жарковато, ушел с солнцепека, — пробормотал он, вытягивая руку, чтобы снова ощутить нежнейший ворс. — Я заплатил за этот ковер кантру. Если бы мы продавали его на Солсинтре и с сертификатом торговца, обладающего большим опытом, нежели я... Есть покупатели, с кем... мне приходилось иметь дело, которые не глядя предложили бы за него двадцать кантр, и не из-за сюжета, а из-за того, какая это редкость. — Он пошевелил плечами, мысленно представляя себе все, что они уже успели увидеть на Пустоши. — Здесь я сочту удачей, если мне удастся вернуть себе ту кантру.

Он постоял секунду рядом с принесшей ему клятву убийцей Хунтавас, размышляя над одной своей мыслью, которая пришла ему в голову после нескольких недель их совместной деятельности, и оценивая необходимость нарушить обычаи и вероятность такой необходимости. За эти последние дни он проделывал это упражнение уже не раз и успел убедиться в том, что его потребность сильнее естественного опасения, которое вызывали у него обычаи Хунтавас.

Так.

— Я, несомненно, проявляю невежливость, — очень мягко проговорил он, — но мне хочется знать, не назовете ли вы мне ваше имя.

Он почувствовал, как она шевельнулась рядом с ним, и быстро повернулся к ней лицом, заставив себя не отступить и не потянуться за оружием, а только встать перед ней и встретить ее взгляд, как равный.

Ее лицо оставалось спокойным, глаза были бездонными.

— Вы знаете мое имя, мастер, — ответила она столь же мягким тоном.

— Полагаю, что мне известно ваше оружейное имя, — отозвался он, удивляясь тому, как сильно ему хочется это узнать. — Я прошу вас оказать мне честь, назвав ваше личное имя.

Последовало короткое молчание. Лицо ее оставалось все таким же спокойным. А потом она тихо спросила:

— Зачем?

Он наклонил голову.

— Мне принадлежит ваша клятва, а это означает, что я несу перед вами некие обязательства. Как вы, конечно же, знаете. Путь, на который мы ступили, чреват риском. Если понадобится, я хотел бы... должным образом оповестить ваших родных.

— Ну, что до этого, — ответила она весело — слишком весело, — то вам достаточно просто сообщить Хунтавас, что Судья сектора Натеза, прозванная Убийцей, закончила свою карьеру при обстоятельствах, изложенных ниже. — Она подняла руку, как это сделал он, и погладила ворс Ковра Грешника. — Отправить такое сообщение — значит выполнить ваши обязанности по отношению к вассалу, полностью и с честью.

Итак, он получил отпор, понял Пат Рин. Чего и следовало ожидать. И его нахальство получило очень мягкий ответ.

— Хорошо. — Он чуть поклонился, давая понять, что этот разговор закончен. — Не выпьете ли со мной чашку чая, пока не пришли наши гости?

Босс Моран пересчитывал купюры и слушал отчет Джима. Когда Джим дошел до неожиданно появившейся лавки и жильца, имеющего собственную страховку, босс положил деньги и уставился на него. Лицо Морана начало приобретать тот лиловый оттенок, который означал, что где-то кому-то придется очень плохо.

— Кто его страховка? — спросил он.

Джим покачал головой.

— Я ее не знаю. Но профессионалка.

Он нахмурился, пытаясь вспомнить то, что говорил человечек.

— Я ему сказал, что жильцу не разрешается покупать чужую страховку, но он ответил, что все в порядке, потому что она на него работает. — Тут Джим вспомнил еще кое-что. — Парень из скобяной сказал, что подручный ковровщика называет его «босс».

— Вот как?

Такой цвет лица был у босса, когда он пристрелил своего прошлого помощника, сощуренные глаза горели. Джим уже готов был серьезно задуматься о продолжительности собственной жизни, когда босс шлепнул обеими руками по столу и заорал, вызывая Тони.

Джим расслабился. Тони возглавлял комитет по рекламе.

Маленький красавчик — и его красивенький магазинчик — должны стать уроком для публики.

Пять человек прошли по красно-желто-синему ковру в ярко освещенную лавку. Первыми шли Джим и Тони, потом — босс, а потом — Вийна и Лю. Барт и Гвинс заняли позиции на улице, демонстрируя серьезное оружие.

Лавка была пуста, как и в начале дня. Босс осмотрелся, подошел к ковру, висевшему на стене справа, взялся за угол, а потом снова его отпустил.

— Ковры, — сказал он, качая головой. — За сколько он их продает?

Джим закусил губу: он вдруг понял, что не задал человечку этот вопрос, что было серьезным отсутствием инициативы с его стороны. Он собирался было выпалить цифру наугад — четыре сотни наличными показались ему достаточно высокой ценой, — но спокойный, округлый голос жильца, которому принадлежала эта контора, его остановил.

— Этот ковер немного вытерт в центре, как вы, конечно же, заметили, — проговорил он, выходя вперед и ясно демонстрируя свои пустые руки. — Однако такая потертость не должна считаться дефектом — скорее это свидетельство его подлинности. Конечно, у нас имеются соответствующие документы. Итак, этот ковер, — он протянул руку и погладил ладонью свой товар, словно успокаивал нервного пса, — этот ковер я могу продать вам за одну тысячу наличными.

— Одну ты... — Босс Моран воззрился на человечка, который встретил его взгляд совершенно спокойно, несмотря на присутствие пяти человек, каждый из которых был выше, тяжелее и злобнее, чем он. — Ты знаешь, кто я? — спросил босс.

Человечек пошевелил плечами в своем странном пожатии.

— Увы, нет. Однако я уверен, что вы собираетесь мне это сказать.

— Точно, черт подери. — Босс растопырил пальцы и с силой ткнул его в плечо. — Я — Моран. Я босс территории от улицы Блер до Карни. Если ты селишься на моих улицах, ты подчиняешься моим правилам. Понятно?

— Признаюсь, что слышал похожие слова от этого вот джентльмена. — Рука с большим броским кольцом изящно указала на Джима. — Кажется, он также хотел продать нам страховку. К сожалению, я не мог пойти ему навстречу, поскольку имею страховку, которая полностью отвечает моим потребностям.

— Если ты селишься на моих улицах, ты платишь страховку, — заявил ему босс и вытащил из кармана скрученную травку.

Он прищелкнул пальцами, и Джим бросился вперед, чтобы зажечь ее промышленным пламенником, который ему одолжил комитет по встречам.

Босс набрал полные легкие дыма и выдохнул его в лицо человечку. Надо отдать ему должное, подумал Джим, вспоминая, как сам впервые получил от босса порцию дыма в лицо, человечек не содрогнулся и не отпрянул назад — только аккуратно сложил руки на поясе.

— Возможно, ты не понимаешь насчет страховки, — сказал босс спокойно. — Давай я тебе объясню. — Он помахал травкой у тысячного ковра, и зажженная сигарета оказалась у ткани всего в одном волоске от ткани. — Видишь ли, без страховки с этим твоим товаром может случиться что-нибудь ужасное. У тебя хороший товар. Будет очень жаль, если он пропадет — скажем, при пожаре.

Человечек наклонил голову.

— Благодарю вас, я очень хорошо понимаю принцип страховки.

— Хорошо, — отозвался босс. — Очень хорошо. Но если у тебя нет страховки, может случиться и что-то пострашнее. Ты... ты можешь получить травму. Такое часто случается. Человек падает, ломает ногу. Или шею.

Он поднял травку и еще раз глубоко затянулся. На этот раз дым не попал в лицо человечку, хотя Джим не мог точно сказать, как именно или когда именно человечек двигался.

Босс осмотрелся, щуря глаза на ковры, на пол, подсчитывая.

— Я решил, что твой страховочный взнос будет десять тысяч наличными. Можешь заплатить нашему мистеру Снайдеру.

Человечек развел руками.

— К сожалению, я вынужден еще раз напомнить вам, что имею собственную страховку, которая меня полностью удовлетворяет.

Босс с серьезным видом кивнул.

— Правильно, ты об этом говорил. Нет проблем. Вызови ее. Я ее уволю.

— А! — Он чуть повернул голову и обратился себе за спину: — Натеза!

— Да, сударь?

Джим стремительно обернулся, выпучив глаза, — и точно, она оказалась здесь, вся в черном, как и в прошлый раз, с шегольским пистолетом, поблескивающим в кобуре. Позади нее, как раз пе-

ред ковром с групповухой, стоял огромный верзила, скрестивший руки на груди. Глаза у него были полузакрыты, и он выглядел неповоротливым, сонным и глупым, какими обычно бывают по-настоящему большие парни. Если он и был вооружен, то его оружие прикрывал жилет.

— Натеза, — говорил тем временем человечек, двинув рукой, чтобы указать ей на босса. — Вот мистер Моран. Он представил себя, как человека, который может вас уволить.

Она спокойно заявила:

— Он заблуждается.

— Вы уверены? — спросил человечек. — Я хочу говорить откровенно, Натеза. У меня было впечатление, что наш контракт исключает все другие. Если я выясню, что вы также находитесь на работе у мистера Морана, я буду очень недоволен.

— Я никогда в жизни мистера Морана не видела, — сказала профессионалка все так же спокойно. — И не имею желания еще раз его видеть.

Лицо босса побагровело, но он только еще раз кивнул и сказал ей, очень серьезно:

— Можем договориться. Тони!

Тони был самым быстрым стрелком в команде босса. Джим увидел, как он потянулся за своим оружием, — и раздалось чересчур много выстрелов.

Не успел он вытащить оружие, не успел даже толком понять, что случилось, как все уже было кончено.

Джим застыл на месте, чуть приподняв руки. Профессионалка Натеза тоже стояла: ее щегольской пистолет был наставлен на него. Верзила тоже стоял и уже совсем не казался сонным. В руке у него была пушка, направленная на входную дверь. Красавчик с синей серьгой стоял, и его миниатюрный пистолет тоже смотрел на Джима. На них не было ни единой отметины. У человечка даже куртка не помялась.

А вот комитет по встрече выглядел не слишком хорошо.

Тони лежал на полу справа от Джима. В центре его лба появилась аккуратная дырочка. Пистолет у него так и остался в кобуре.

Босс Моран... бывший босс Моран — скорчился под ковром, который грозился сжечь. Его травка смялась, будто на нее кто-то наступил, и от нее поднимались две жалкие струйки дыма.

Джим скосил глаза и разглядел руку и выпавший пистолет на полу: видимо, это было все, что осталось от Вийны и Лю.

— Ваши друзья мертвы, мистер Снайдер, — сообщил человечек. Голос у него чуть прерывался, словно он пробежал пару кварталов, однако пистолет он держал уверенно. Но даже если бы это

было не так, то у профессионалки проблем с прицелом не было. — Если вы попытаетесь достать пистолет, вы к ним присоединитесь. Я говорю понятно?

Джим облизнул губы.

— Да, сэр.

— Хорошо. А теперь у меня есть к вам предложение...

— Гости, — негромко прервал его верзила.

Джим осторожно повернул голову и увидел в дверях Гвинс. Ей не понадобилось много времени, чтобы понять, что произошло. Джим увидел, как она обвела взглядом троицу с оружием — и миролюбиво направила свое в пол. Она кивнула здоровяку.

— Босс? — сказала она.

Тот дернул головой влево.

— Босс — он.

Если Гвинс и подумала, что никогда в жизни не видела никого, кто бы меньше походил на босса, чем щеголь в синей куртке, она этого не сказала. Вместо этого она кивнула и ему — очень почтительно.

— Босс. Я Гвинс. — Она нахмурилась на безобразие на полу. — Вы хотите, чтобы мы вас от этого избавили?

— Вскоре, наверное. — Голос босса снова стал ровным, совсем не запыхавшимся. — Однако сначала вы и ваш напарник должны сделать выбор. Пожалуйста, введите его внутрь и закройте дверь. Постарайтесь не смять мой ковер.

— Есть, сэр, — ответила она и высунулась наружу, одной ногой оставшись в лавке. — Эй, Барт! Босс тебя зовет!

Он явился сразу же: в подчинении у боссов именно так остаются живыми, — остановился у порога и быстро обвел глазами помещение, пока Гвинс заходила ему за спину и медленно закрывала дверь, чтобы не сбить коврик босса.

Гвинс была не дура, но Барт соображал еще быстрее, чем она. Он не пробыл в лавке и двух секунд, как уже не только оценил ситуацию, но и опознал человечка, адресовав ему кивок и негромкое приветствие:

— Здравия желаю, босс.

— Привет, Барт, — еще тише отозвался босс. А потом уже гораздо резче добавил: — Прошу сообщить, были ли у кого-то из умерших родные.

Барт недоуменно нахмурил лоб и быстро посмотрел на Гвинс:

— Родные?

— Семья, — еще резче бросил босс. — Братья, сестры, матери, отцы, дети — кто-то, кто их ценил и кому их будет не хватать, когда обнаружится их отсутствие.

— Ну... — проговорил Барт. — Кажется, у Тони была девица...

— Уже нет, — вмешалась Гвинс. — Он поколотил ее в очередной раз, и она ушла и отыскала другого охотника платить аренду.

Она хмуро посмотрела на трупы, лежащие на полу.

— Вийна... Понимаете, я не знаю, будет ли недоставать ее или ее денег, но она часть своей платы всегда посылала брату. Лю... — она пожала плечами, — я никогда не слышала, чтобы у Лю кто-нибудь был. Босс... — Она скользнула взглядом по лицу щуплого человечка, — прошу прощения, сэр. Я хотела сказать — Моран. Может, кому-то из других воротил его будет не хватать. Я на таком уровне не бываю.

— Понятно, — сказал босс. — Вы знаете, как связаться с братом Вийны?

— Угу, знаю. Хотите, чтобы я сообщила ему новости?

— В какой-то момент, наверное, захочу. Мы также захотим отправить ему ее имущество и выяснить, какую сумму он привык от нее получать, чтобы установить график выплат.

Гвинс моргнула.

— График выплат? Босс, если я правильно понимаю, Вийна погибла, когда пыталась застрелить вас и ваших людей.

— Действительно. Она погибла, выполняя свой долг. Ее пенсия будет назначена ее брату, как пережившему ее родственнику. Что до остальных... — Босс посмотрел на Натезу, и та кивнула. — Мы опубликуем их имена в газете, одновременно с объявлением о... смене администрации.

— В газете? — Джим покачал головой, продолжая бдительно наблюдать за пистолетом Натезы. — У нас нет газеты.

— А раньше была, — оживленно вмешался Барт. — Лет этак восемь или девять тому назад. Единственное, что успел сделать Рэндел, до того как появилась Виндал и устроила себе повышение. Он тогда закрыл сплетницу и пристрелил ее владельца, в пример другим. Виндал, та занималась укреплением границы, и...

Босс поднял узкую красивую руку — и его большое кольцо заблестело, словно живое. Барт поперхнулся и замолчал.

— На территории есть типография?

— Ну да, конечно, — ответил Барт, кивая. — Точно есть, босс. Только она никогда не печатала сплетницу...

— ...Но она сможет приспособиться к этой идее. Хорошо. — Босс опустил руку и перевел взгляд. — Мистер Снайдер!

Началось. Джим расправил плечи и постарался не смотреть на профессионалку с пистолетом.

— Да, сэр.

— Мне кажется, что вы — человек, который ценит свою жизнь, мистер Снайдер. Я прав?

Джим не сразу понял, что именно ему говорят, но, поняв, с энтузиазмом кивнул.

— Хорошо. Тогда мы сделаем вот что. Мы с вами пройдем в подсобное помещение. Я буду задавать вам вопросы, а вы будете давать мне правдивые ответы. Когда мои вопросы будут исчерпаны, я распоряжусь, чтобы у вас было сопровождение до границы.

Джим выпучил глаза.

— Вы высылаете меня с территории?

— Да. Я не хочу показаться невежливым, но поскольку мы оба намерены говорить правду, я должен признаться вам, что вы не относитесь к такому разряду людей, каких мне хочется видеть на моих улицах. Однако вы не обнажали против нас оружия, так что заслужили себе право жить. На определенных условиях.

У босса была странная манера разговора. Хмурясь, Джим попытался добраться до смысла его слов и пришел к теории, что новый босс ценит инициативу не меньше прежнего и что Джим проявил себя не слишком хорошо.

— Эй, на территории Дикона не так уж плохо, — жизнерадостно заявила Гвинс. — Вы там прекрасно устроитесь, мистер Снайдер.

«Ей легко говорить, — подумал Джим. — Ее никто не выбрасывает с территории, на которой она выросла. С другой стороны, судя по пистолету Натезы и ее холодному терпеливому лицу, особого выбора нет».

— Ладно, — сказал он боссу, стараясь говорить так, словно в смене территории нет ничего особенного. — Договорились.

— Счастлив, что это так, — сказал босс и указал на заднюю стену. — Прошу вас пройти с Натезой. Я очень скоро к вам присоединюсь.

Натеза повела пистолетом, приглашая его идти впереди нее. Он послушался, и верзила отодвинул ковер от двери, чтобы они могли пройти.

— Мистер Мак-Фарланд! — сказал босс, когда верзила опустил ковер, закрывая дверной проем.

— Да, сударь?

— Я прошу вас проверить, могут ли Гвинс и Барт быть полезными в моей администрации. Если это не так — или если они не захотят остаться у меня на работе, их также можно проводить до границы и разрешить ее пересечь без уплаты пошлины. Если они пожелают остаться и вы найдете их ценными, то прошу вас принять их в ваше подчинение.

— Хорошо, сударь, — охотно ответил верзила. — Займусь прямо сейчас.

— Благодарю вас, мистер Мак-Фарланд, — сказал босс и оставил их.

— Ладненько, — сказал верзила. — Меня зовут Мак-Фарланд, как вы уже слышали. Кто из вас не хочет остаться? Говорите, не стесняйтесь.

Гвинс и Барт переглянулись, а потом оба посмотрели на мертвяков на полу — и снова на здоровенного мистера Мак-Фарланда. Оба ничего не сказали.

— Ну ладно. — Он убрал свою пушку в кобуру и кивнул на пол. — Первое наше дело — это проверить все карманы. Потом мы приберемся, чтобы все было аккуратненько, как босс любит.

— Есть, сэр! — хором отозвались они и двинулись выполнять первое задание своего нового босса.

Женщина Гвинс оказалась ключом, который обеспечил им доступ в так называемый особняк покойного мистера Морана — в гораздо большей степени, нежели те ключи, которые были извлечены из кармана мертвеца.

К тому моменту, как Пат Рин поговорил с домашней прислугой и получил от всех временные обязательства верности, встретился с типографом, которая поспешно явилась на вызов из своего цеха, пропитанная краской и нескрываемым трепетом, переговорил с ней относительно необходимости в бюллетене с новостями и обсудил содержание первого выпуска, который (да, сэр, босс, без проблем) будет на улицах уже завтра утром не позже, чем через час после рассвета, и обнаружил рабочий кабинет босса, на улицах — на ЕГО улицах — уже было темно. Натеза и Чивер Мак-Фарланд были заняты где-то в других помещениях дома: Натеза — на «проверке безопасности», Чивер — собеседованием с другими слугами. Ну что же — его тоже дожидались необходимые дела.

Кабинет оказался наверху — затхлая и мрачная комната. В ней было холодно, как и на всей этой жалкой планете, а стены, возможно, когда-то были белыми. Письменный стол был покрыт пластиком ржавого цвета, шкафчик для картотеки, а два стула — один за столом, другой перед ним — были соответственно из синего пластика и желтого. Пол — тоже пластиковый — давно тосковал по швабре. Ковер — ибо в комнате, где не было ни книг, ни коммустановки, ни чайника, ни цветка в горшке, ни каких-либо других предметов, обеспечивающих человеку удобство, — ковер был просто поразительный. Это был всего лишь примитивный половик из

связанных между собой и переплетенных лоскутов, квадратной формы, однако изготовлен он был со вкусом, так что был веселым, не будучи аляповатым: он радовал глаз и давал ему отдохнуть.

Пат Рин ахнул, и глаза у него вдруг заволокла пелена. В этих нескольких гадких кварталах этого жалкого, грязного города, которые он теперь имеет удовольствие называть своими, у кого-то из его людей есть достаточно мужества, чтобы создавать красоту. Он тряхнул головой, сморгнул нелепые слезы и, пошатываясь, шагнул к картотеке.

Он с трудом выдвинул первый ящичек и изумленно застыл, глядя не на ряд аккуратно размеченных карточек и даже не на беспорядочную кипу бумаг. Нет, верхний ящик дешевого, незапертого шкафчика для картотеки в кабинете босса Морана был до отказа набит купюрами всех достоинств, перемешанными как попало, словно их просто запихнули туда, а потом задвинули ящичек обратно.

Во втором ящичке оказалось такое же безобразие. В нижнем ящичке хранились монеты.

Пат Рин закрыл его и выпрямился. «Идиот! — подумал он. — Нет даже сейфа?» Он вздохнул и снова вернулся к письменному столу.

Синий стул был грязный, сиденье из пластиковой сетки растянулось, пластиковые ножки тревожно выгнулись. Пат Рин отодвинул его в сторону.

В центре стола лежала маленькая книжка. На одну безумную секунду ему показалось, что он обнаружил личную книгу счетов Морана. Но нет — земляне не ведут записи счетов. А по рассказам Натезы и Чивера он мог заключить, что достойные жители планеты Пустошь тем более не ведут книг счетов.

Он взял книжку и открыл ее, хмуро перелистывая страницы. Очень быстро он убедился в том, что держит в руках Книгу страховки Морана, где записаны все предприятия на территории, их имущество и их выплаты.

Это оказался удивительно бестолковый документ, написанный каким-то расплывчатым и плохо читающимся веществом, похожим на уголь. Диапазон пометок лежал между едва понятными и неподдающимися расшифровке. Пат Рин закончил свой просмотр, не слишком хорошо понимая, какую выгоду приносит продажа страховки на Пустоши, — и при этом с неприятной болью над глазами.

Вздохнув, он потер лоб и заставил себя посмотреть на веселый скромный коврик на грязном пластиковом полу.

Боль в голове ударила его яркой вспышкой — и он увидел не пол в кабинете побежденного Морана, а пол у себя в лавке после перестрелки, сверкающую пластиковую поверхность, усеянную телами... телами его родных.

Вот Антора с оторванной у плеча рукой, там — Шан с пулевым отверстием между покрытыми инеем бровями, а еще дальше — Квин с наполовину снесенным лицом...

Давясь, Пат Рин поднял руки к лицу, пытаясь закрыть ужасающее зрелище, и снова услышал неуступчивый бесстрастный голос бледноволосого: «Ваши родные мертвы. Нова йос-Галан, Антора йос-Галан, Шан йос-Галан, Карин йос-Фелиум, Люкен бел-Тарда...»

В дверях послышался шум, слышный даже на фоне голоса его врага, декламирующего имена его погибших. Пат Рин стремительно обернулся, и пистолет ловко лег ему на ладонь. Одним плавным движением он поднял его, прицеливаясь...

В Судью сектора Хунтавас Натезу по прозвищу Убийца.

Надо отдать должное ее таланту: она не потянулась за оружием и не спровоцировала его на выстрел, приняв позу жертвы. Она просто замерла в дверях, выгнув темные брови над черными глазами и склонив голову.

— Мастер, — произнесла она в модальности ученика, обращающегося к учителю. — Мне приятно обнаружить, что вы так хорошо защищены. А я как раз шла, чтобы поругать вас за то, что вы оставили тех, кто принес вам клятву.

Пат Рин опустил пистолет. В ушах оглушительно билась кровь, к горлу подступала тошнота. Он демонстративно занялся возвращением пистолета в рукав и ответил ей на земном, не поднимая головы:

— Мне казалось, что принесшие мне клятву заняты своими делами.

— Конечно, мистер Мак-Фарланд и я выполняли свои обязанности, заботясь о том, чтобы в этом доме вы были в безопасности, — сказала она по-прежнему на высоком лиадийском. — Однако мистер Мак-Фарланд сообщил мне, что оставил у вас за спиной Гвинс.

Еще одно слово на языке его родины, и он... он сделает что-то непоправимое. Пат Рин глубоко вздохнул и нашел в себе силы встретиться с ней взглядом.

— Будьте добры. Я предпочитаю говорить на земном.

Что-то шевельнулось в ее черных глазах, но она наклонила голову прежде, чем он успел разобрать, что именно, и пробормотала:

— Как пожелаете.

— Да. — Пат Рин откашлялся. — Гвинс хорошо выполнила свои обязанности. Закончив разговоры с прислугой и с типографом, я отправил ее есть — и, возможно, спать. — Он отвел глаза, осторожно остановив взгляд на лоскутном коврике. — Сегодня она понесла потери.

— Судя по ее словам, наверное, нет, — сухо отозвалась Натеза. — Однако вы, наверное, будете рады узнать, что она соответствует требованиям мистера Мак-Фарланда. Нельзя было ожидать, что она откажется выполнять прямой приказ босса, однако она все-таки отправилась к начальнику своего подразделения, чтобы сообщить ему о том, что ее отпустили.

— После чего вас делегировали меня отругать, — заключил Пат Рин и передернул плечами. — Ну что ж, я рад, что Гвинс доказала свои способности. Но я не намерен жить под постоянной охраной.

— Тогда вы не намерены жить, — отозвалась она, изящно облокотившись на дверной проем и скрестив руки на груди. — Я разочарована.

Он наклонил голову в красноречивой иронии.

— Мне, конечно, очень печально это слышать.

Натеза резко вздохнула.

— Объясните мне мою ошибку, раз вы два раза за один разговор берете меня на прицел.

И тут, понял он, ошибка не ее, а его собственная. Слишком поздно осознанная ошибка, когда его ноги уже твердо встали на путь, который требовал от него причинять насильственную смерть людям, никогда не слышавшим о Лиад, Клане Корвал, Плане Б или даже Департаменте Внутренних Дел. Людям, у которых есть братья. Людям, которые несколько лет могли бы безбедно жить на деньги, полученные от продажи безделушки, надетой на его палец, — при условии, что за это время их не убьют ради наживы.

— Я прошу у вас прощения, — сказал он принесшей ему клятву, не сомневаясь в том, что его интонации при произнесении этой непривычной земной фразы не несут в себе ничего неприятного.

— Это не ответ, мастер, — упрекнула она его, пристально наблюдая за ним.

Это действительно не было ответом, и Натеза достаточно хорошо знала обычаи, чтобы понимать: как вассал она заслуживает большего, нежели капризы и мелочность. И в то же время что он может ей сказать, не выдав того, что ее честь оказалась в руках безумца, каковым он, несомненно, является?

Вздохнув, он продемонстрировал ей пустые ладони.

— Я прошу у вас прощения, — еще раз повторил он. — Я... Сегодня люди лишились своей жизни только ради моей необходимости. Чтобы мои счеты были сведены так, как это должно, умрут еще многие — еще до того, как я смогу добраться до моего врага.

Внезапно лишившись способности оставаться на месте, он обошел вокруг стола и остановился, глядя на лоскутный коврик. Натеза излучала глубочайшее терпение, которое почему-то его успокоило и помогло говорить более открыто.

— Счеты... вы понимаете, что счеты необходимо свести. Этот... Департамент... должен получить ответ.

— Конечно, должен, — ответила она мягко, оставаясь в дверях. — Ваши родные погибли от их рук.

Он чуть было не рассмеялся.

— Да. Но Департамент необходимо остановить не из-за этого, — сообщил он коврику и только потом повернулся, чтобы встретиться взглядом с Натезой. — Мне достаточно много лет, чтобы понимать: сведение счетов не возвращает мертвых к жизни. Если я уничтожу целые планеты, убью галактику — мои близкие не появятся.

А вот слезы могли появиться, а он тщательно следил — и должен и дальше следить — за тем, чтобы его вассал не видела его слез. Он закрыл глаза, сделал глубокий, успокаивающий вдох — и снова встретился взглядом с Натезой.

— Однако Корвал связан... контрактом. Древним и очень четким контрактом, который требует, чтобы тот, кто носит его, — тут он указал на Кольцо на своем пальце, — защищал население Лиад. Представитель Департамента Внутренних Дел продемонстрировал мне такие цели и методы, сделал такие предположения... Лиад в опасности. Если счеты не будут сведены, и притом очень точно, — то невинные люди окажутся в рабстве — или того хуже.

Ему стало немного легче дышать благодаря тому, что он проследил цепь обязанностей и необходимых действий, которую с таким тщанием сковал после того, как Департамент сделал предложение ему самому.

Молчание тянулось, но не было неловким. А потом раздался негромкий, глубокий голос Натезы:

— Я понимаю. И спасибо вам.

Она выпрямилась и потянулась — по-кошачьи гибко.

— Когда я в последний раз видела мистера Мак-Фарланда, он пытался познакомить повара с понятием «овощи», — сказала она. — Сомневаюсь, чтобы ему это удалось, но не исключено, что нас ждет некое подобие трапезы.

Еда. У Пат Рина судорогой свело желудок. Однако он должен есть и оставаться здоровым, чтобы счеты были сведены так, как это необходимо. Он снова посмотрел на Натезу.

— Я учел ваши слова относительно необходимости телохранителя. Я склоняюсь перед мудростью принесшей мне клятву.

— А! — Она улыбнулась. — Мы постараемся не оставлять вас с незнакомцами слишком часто. — Изящным взмахом руки она пригласила его выйти из комнаты впереди нее. — Не надо заставлять повара ждать.

Овощи были поданы — каша из непонятных зеленых листьев, сваренных с куском жира. Как блюдо это была полная неудача: даже Чивер Мак-Фарланд не смог проглотить больше одной вилки, — однако это было еще не худшим из того, что было предложено для услаждения вкуса нового босса.

Мясо было несвежее — каковой факт повар постарался скрыть, щедро использовав острые приправы. Тут Чиверу не удалось съесть и одной вилки, а Пат Рин и Натеза даже не стали класть порции себе на тарелки.

С другой стороны, рис оказался очень недурным, и сливочное масло, вопреки ожиданием Пат Рина, не было прогорклым. Он утолил голод тарелкой риса, щедро приправленного маслом, и с улыбкой отметил, что Натеза поступила так же. Чивер отважно попробовал все, что было выставлено на стол: полвилки здесь, пол-ложки там.

На выбор было предложено три напитка: исключительно мерзкое горячее варево (служанка шепотом пояснила: «Чай, босс»), пиво, которое Чивер пил с явным удовольствием, и простая холодная вода. Сделав один недоверчивый глоток «чая», Пат Рин перешел на воду. Натеза снова последовала его примеру.

— То, что они называют «кофе», не лучше, — сказал Чивер. — Худшего кофету я в жизни не нюхал. Даже не стал пытаться его пробовать. — Он покачал головой, обращаясь к Натезе: — Надо что-то сообразить насчет запасов.

— Сначала безопасность, — сказала она, получив в ответ добродушную ухмылку.

— Босс, эта женщина не понимает, что значит красивая жизнь. Ладно. Безопасность.

Его большое лицо стало серьезным.

— Если принять во внимание все, то мы не так плохо устроились. Прежний босс высоко ценил свою шкуру, так что мы унаследовали кое-какие неплохие системы. — Он наставил на Натезу свою вилку. — Не такие хорошие, какие может установить она,

но нам можно будет не тревожиться, пока она будет вводить усовершенствования. Люди... — Он положил вилку и потянулся через стол, чтобы отломить кусок плотного черного хлеба — второе выдающееся блюдо в этой трапезе. — Есть несколько приличных людей. Я имею в виду, что они поддаются обучению. Похоже, прежний босс не пользовался особой популярностью у наемников, так что они будут благодарны нам за услугу. У Гвинс задатки профессионала. Барт, похоже, достаточно надежен, если его не перегружать работой.

Он намазал хлеб маслом.

— Конечно, любой из них продаст нас тому, кто предложит им больше: так здесь принято делать дела. Но предложений не будет, пока народ не опомнится. И даже дольше, если у них не будет оснований считать себя обиженными. — Он ухмыльнулся. — А эту задачу босс Моран нам сильно облегчил.

Пат Рин отодвинул от себя пустую тарелку и потянулся за стаканом воды.

— Как... — начал он, но тут дверь открылась, впустив привратника по имени Филмин и молодую рыжеволосую женщину, с ног до шеи закутанную во вполне приемлемую черную бархатную накидку. На ногах у нее были изящнейшие серебряные сандалии.

— Девица пришла, босс, — объявил Филмин, и, видимо, решив, что выполнил свои обязанности так, как положено, удалился, громко захлопнув за собой дверь.

Девица, несколько более сообразительная, чем Филмин, замерла, осматривая помещение. Пат Рин поднял руку, и его кольцо блеснуло в неярком свете.

— Босс — это я, — сказал он. — Могу я узнать ваше имя?

Глаза у нее были светло-карие, взгляд — прямой и совсем не испуганный.

— Я — Билинда, босс. Из «Дома Одри».

Одри, насколько он понял со слов достойной Гвинс, была владелицей самого доходного дела на новой территории Пат Рина. Он решил, что с борделями так бывает часто.

— Понимаю, — мягко проговорил он. — Но, знаете ли, я не просил о компаньонке на этот вечер.

— Да, но это ничего, — спокойно отозвалась Билинда. — Все внесено в расписание. Я могу его вам переписать, если хо...

Она замолчала и ее довольно бледное лицо вдруг вспыхнуло, а взгляд стал... не таким бесстрашным.

Пат Рин сдвинул брови, пытаясь понять, в чем может заключаться проблема, а потом вспомнил неграмотные каракули в книге, обнаруженной им наверху.

— Я умею читать, — сказал он Билинде и увидел, как страх уходит из ее взгляда.

— Однако, — продолжил он, — этим вечером мне хватает общества. И я не предвижу нужды следовать расписанию прежнего босса.

Билинда нахмурилась.

— Вы меня не хотите?

Пат Рин успокаивающе поднял руку.

— Это — вопрос деловой, — мягко ответил он, — и не имеет никакого отношения к вам самой. Я сожалею, что не знал о существовании расписания и таким образом подверг вас риску хождения по улицам в позднее время.

Он взглянул на Чивера, который застыл в почти нелепой неподвижности.

— Мистер Мак-Фарланд проводит вас в «Дом Одри». Кроме того, если есть плата...

Билинда заморгала.

— Плата? За меня? Нет, сэр, босс. Это входит в договор. Миз Одри так платит свою страховку. — Она помялась, а потом срывающимся голосом сказала: — Я не хочу вас задеть, но... если вы не собираетесь придерживаться договора, то значит ли это, что миз Одри не имеет права заниматься делом?

С другой стороны стола донесся тихий звук — словно Натеза чихнула. Пат Рин чуть нахмурил брови.

— Это — между мною и миз Одри. — Он наклонил голову. — Я прошу прощения за беспокойство, которое доставил вам и миз Одри. Приятного вам вечера, Билинда. Мистер Мак-Фарланд?

— Уже иду. — Чивер поднялся на ноги и ухмыльнулся девице. — Ладно, Билинда, пора домой.

Против босса не попрешь, как было принято говорить здесь. Билинда это быстро поняла. Она кивнула Пат Рину, чуть подумав — Натезе тоже и позволила Чиверу увести ее из комнаты. Дверь за ними закрылась — тихо.

Пат Рин закрыл глаза, внезапно почувствовав себя очень, очень усталым.

— Мастер?

Он открыл глаза.

— Полагаю, я отправлюсь спать, — проговорил он, лениво махнув рукой. — Усилия этого дня меня весьма утомили.

Он хотел изобразить манеру самых высокомерных и неприятных представителей аристократических домов, но Натеза не улыбнулась. Она молча кивнула и встала.

— Я провожу вас в спальню и удостоверюсь, что там все в порядке с безопасностью.

* * *

Спальней кто-то занимался. Здесь в отличие от остального неприбранного дома босса Морана пол был вымыт, стены протерты, постельное белье — безупречно свежее. На полу у кровати лежал лоскутный коврик, похожий на тот, что был в кабинете. Пат Рин остановился рядом с ним, глядя, как Натеза обходит комнату.

Когда она убедилась в том, что все в порядке, она отошла к двери, остановилась на пороге и наклонила голову.

— Доброй ночи, мастер. Спите спокойно. Один из нас будет поблизости.

— Не лишайте себя сна, чтобы охранять мой, — отозвался он, и тут она улыбнулась, из чего он понял, что она не намерена ему повиноваться.

— Спите спокойно, — повторила она и вышла в коридор, закрывая за собой дверь. Когда щель стала уже меньше дюйма, дверь вдруг приостановилась, и до него долетел ее голос: — Мое имя — Инас Бхар.

День 50-й
1393 год по Стандартному календарю
Литаксин
Дом Клана Эроб

Ветер стихал настолько постепенно, что Мири даже не могла бы сказать, когда именно он прекратился совсем. Она отметила его отсутствие, после чего решила, что проспала достаточно долго, — и проснулась.

Секунду она лежала с закрытыми глазами, прислушиваясь к тишине, ощущая радостное пение крови в своих жилах и сладкое движение воздуха в легких. Она потянулась, наслаждаясь плавным скольжением мышц, находящихся в отличном тонусе. При этом она чувственно потянулась и сознанием, каким-то непонятным, но совершенно точным образом устремляясь к узору, который был ее восприятием личности Вал Кона.

Узор сверкал многоцветно и чисто, его ответвления и переплетения были совершенно цельными, абсолютно, полностью и неопровержимо его собственными — радостно неповрежденными. Задыхаясь от этой красоты, Мири потянулась и погладила его, разбудив искры неожиданной страсти и особый ярко-зеленый блеск, который был смехом. А потом медленно, очень мед-

ленно, наслаждаясь каждой секундой контакта, она ощутила, как его пальцы скользят по ее щеке и губам. Мири вздохнула, подняла руки, чтобы его обнять, и внезапно обнаружила его отсутствие, хотя и видела его узор так же ясно, как всегда.

Она с сожалением открыла глаза в палате для выздоравливающих в Клане Эроб. Стена врачебных штучек была темной и тихой, экран медтехника был пустым и в готовности, хотя техника на месте не было. Не было и большого зеленого существа, которого они оба знали как ее брата Хранителя.

Отбросив одеяло, Мири спрыгнула с постели и прошла к двери, чтобы проверить замок. Он был заперт, и притом изнутри. Она попыталась понять, тревожит ли ее это — и должно ли тревожить, а потом послала все к черту. Дверь заперта изнутри, а Хранитель, который, надо полагать, позаботился об этом обстоятельстве, явно не находится с ней в одной комнате. Следовательно, Хранитель самостоятельно бродит по дому лиадийского клана. Это могло бы вызвать тревогу, если бы означенный клан недавно не пережил гражданскую войну и вторжение иктранцев. На этой стадии вряд ли кого-то особо взволнует такая мелочь, как стайная черепаха, разгуливающая по помещениям.

Что, если подумать, звучало гораздо более забавно, чем дальнейшее пребывание в брошенной всеми палате. Она не больна. Если она когда-то чувствовала себя лучше, то не могла припомнить, когда именно.

Однако она была немного грязной, что легко было исправить с помощью душа. После этого она намеревалась пойти на прогулку, если кто-нибудь не явится с убедительной причиной, по которой ей этого делать не следует.

Приняв решение, Мири быстро направилась в освежитель, по дороге сдирая с себя ночную рубашку.

Вахта пока проходила спокойно. Рен Зел провел обычные проверки систем и немного позанимался общей приборкой. Время от времени его мысли сбивались на невозможность появления кошки у него в каюте и неопровержимое доказательство в виде того длинного белого уса. Наконец он не выдержал и вывел список библиотеки любимцев, хотя и без того знал, что именно он там обнаружит.

Как он и ожидал, в каталоге библиотеки на настоящий момент кошек не было. И, конечно, не существовало корабельной кошки, которая бы свободно бродила по судну, отрабатывая проезд уничтожением грызунов. Какими бы полезными ни были эти создания,

они обладали склонностью забираться в неудачные места, что приводило к поломкам механизмов и, очень часто, к кошачьей смерти.

И даже если бы на «Долге» была кошка, то кто бы пустил ее к нему в каюту?

Он вздохнул и закрыл список.

Да, это была загадка, и единственной возможностью ему представлялось, что кто-то из команды тайком пронес на борт своего любимца. Однако тогда появлялась новая непростая загадка: как удалось сохранить это в тайне от всех?

Он снова вздохнул и подумал, не отнести ли усик к корабельному Целителю, чтобы посмотреть, что ей удастся по нему прочесть. Лина была весьма способной Целительницей, и то, что ей не удавалось ему помочь, объяснялось тем, что сам он обладал какой-то «природной защитой». Насколько он понял, такие вещи случались. К несчастью, эта защита не давала возможности исцелить его от кошмаров, связанных с боем, и от боли собственной смерти. Хотя ему казалось, что эту вторую рану он залечивает сам, хотя и медленно.

Ну что ж, решил Рен Зел. По окончании вахты он отнесет усик Лине. Конечно, это наилучший путь.

Кто-то был настолько заботлив, что приготовил пару рубашек ее размера. Этот же кто-то, решила Мири, приняв душ и тщательно высушившись струей прохладного воздуха, предусмотрительно начистил ее сапоги и позаботился о том, чтобы ее кожаный костюм был в порядке.

Во всем этом явственно ощущалась рука Красавчика: идеальный адъютант капитана, подумала Мири с ироничным смешком, застегивая манжеты рубашки. Она сунула ноги в сапоги, приложила руку к замку и вышла из гардеробной. Остановившись на полушаге, она повернулась и бросила хмурый взгляд на мужчину, развалившегося в кресле у поста медтехника, вытянув ноги вперед и скрестив их в лодыжках. Он был одет так же, как она: в рабочий кожаный костюм и сапоги, начищенные до зеркального блеска.

— Дверь, — проговорила она, стараясь, чтобы ее голос звучал сурово, — была заперта.

— Была, — признал Вал Кон. — И теперь тоже заперта. Надеюсь, ты не считаешь, что я не буду бдителен в таком вопросе.

Ей потребовалось огромное усилие, чтобы не расхохотаться, чего, конечно, он и добивался. Вместо этого Мири удалось издать вполне убедительный вздох, пока она обводила его взглядом.

Она решила, что Вал Кон выглядит так же, как его узор: новеньким и сияющим, таким прекрасным, что дух захватывает, а

сердце начинает странно трепыхаться. По правде говоря, он выглядел удивительно хорошо для человека, про которого ей сказали, что ему потребуется потратить немало времени на то, чтобы снова научиться ходить. Вал Кон поднял вторую бровь.

— Что-то не так, шатрез?

— Посмотрим, — ответила она. — У нас очередное сновидение?

— Сно... А! Джелаза Казон. — Он улыбнулся. — Полагаю, что можно с уверенностью утверждать, что сейчас мы оба присутствуем в непрерывной реальности. — Он наклонил голову набок, обдумывая происходящее. — По большей части непрерывной.

— По большей части — это больше, чем у нас было в прошлый раз, — согласилась она, перемещаясь к нему. Она откашлялась. — Ты, случайно, не знаешь, где сейчас Точильщик и Шан?

— Увы. А нам надо немедленно их найти?

Она заглянула ему в лицо.

— А у тебя есть лучшие предложения.

— Да, — ответил он.

Она увидела, как по его узору пробежали знакомые искры, и затрепетала.

— Да? Вот как?

Ее рука поднялась — не совсем по ее воле. Она осторожно погладила четкие подвижные брови, провела кончиками пальцев по высокой скуле...

— Шатрез?

Его голос звучал не совсем ровно. Мири снова погладила его по щеке.

— Шрам исчез, босс, — прошептала она, проводя пальцами по тому месту, где он находился.

— Много шрамов исчезло. Я... Мири... — Он судорожно сглотнул. — Мири, давай любить друг друга.

— Здесь? — поддразнила она его, словно ее кровь не бурлила желанием.

Он поднял руку и поймал ее пальцы.

— А почему бы и нет? — пробормотал он и, поцеловав кончики ее пальцев, бросил на нее невероятно озорной взгляд. — Дверь заперта.

Эмрит Тайазан, глава Клана Эроб, имела привычку делать перед сном пару кругов по атриуму. Поскольку это было привычкой и ее отца, который был Делмом до нее, временной цикл этого помещения был установлен на контраст с днем и ночью наружного сада, где царил саженец Дерева Клана Корвал.

Здесь росли более приличные растения: благовоспитанные и способствующие спокойному сну. Дерево Корвала приносило безумные сновидения, совершенно не подобающие старой женщине, которая потеряла треть своего дома в недавних военных действиях.

Оставшись наедине со своими мыслями и своими мертвецами, она брела по сладко-ароматным дорожкам, время от времени останавливаясь, чтобы полюбоваться ростом каких-нибудь любимцев. Под увещеваниями поддельного солнечного света напряженные мышцы шеи начали расслабляться. Ее домашние башмаки тихо шуршали по дорожке, усыпанной дробленой древесной корой. Первые ноты ручья, поющего за следующим поворотом, уже дразнили ее слух. Успокоенная всем мягким и обычным, Эмрит Тайазан улыбнулась.

Она завернула за поворот тропинки, и навстречу ей ринулась песня воды. Она приостановилась, как делала это всегда, подставив лицо фальшивому солнцу, прикрыв от удовольствия глаза, чтобы потом направиться к своему любимому месту, каменному гроту, окруженному простыми камнеломками и заколдованному радостными водами.

И этим вечером наполненному до отказа двумя большими зелеными... штуками.

Поначалу Эмрит приняла их за два валуна, которые принес сюда какой-то благонамеренный, но ненормальный садовник. А потом она заметила у меньшего вытянутую переднюю лапу, заканчивающуюся трехпалой рукой. Она подошла ближе и обнаружила новые детали: лица с клювами и щелястыми ноздрями, роговые зеленые шкуры и похожее на панцирь вещество, охватывающее большую часть крупного туловища. Оба, похоже, спали. Или умерли. Эмрит Тайазан смотрела на них долго — по ее меркам. Она даже не стала гадать, откуда они взялись: в конце концов, к чьей орбите прибиваются все странные, неудобные или опасные существа этой вселенной?

Спустя какое-то время она вздохнула и сделала нечто, что до сей поры допускала в этом саду всего однажды: она опустила руку в карман и включила дистанционный пульт.

— Мой Делм?

Голос Ан Дера звучал удивленно — что было вполне естественно, недовольно подумала она.

— Найди Шана йос-Галана, — приказала она, стараясь держаться с подобающим спокойствием. — Приведи его к поющей воде в атриуме. Полагаю, что я нашла нечто, принадлежащее его Дому.

* * *

Как было договорено, все остались ждать в саду, а Нелирикк отправился, чтобы сообщить капитану о приходе разведчика и новобранцев.

Время было позднее, и он был уверен, что медтехник, который сейчас находится на посту у капитана, сочтет его визит неуместным. Если бы Нелирикку в подобной ситуации нужен был бы икстранский командир, он просто отстранил бы техника и сделал свой доклад: воинский долг стоит выше всего — болезни, удовольствий, сна и еды.

Однако лиадийцы придерживались другого порядка обязанностей, и потребности солдат не всегда стояли во главе списка. Вот почему сложилась такая ситуация, когда какой-то медтехник мог отдавать приказы капитану.

И в соответствии со сложной структурой правил и обычаев, в которой завязли лиадийцы, адъютанту капитана не разрешалось применять силу к медтехнику, чтобы попасть к своему капитану.

Таким образом, ему необходима была убедительная причина, по которой он должен немедленно говорить с капитаном, — такая причина, которую медтехник принял бы как достаточно срочную, чтобы нарушить ее покой.

Сражаясь с этой задачкой, Нелирикк завернул за угол — и резко остановился, выпучив глаза.

Навстречу ему шли два человека — человека, которых он имел основания очень хорошо знать. Женщина была не кем иным, как его капитаном, которую он в последний раз видел этим утром: она лежала на подушках, бледная и слабая, а за ней бдительно наблюдала медтехник. А мужчина был самим разведчиком, который, уж конечно, не должен был ходить — явно не сейчас, а может, и никогда.

Тем не менее они шли неспешно посередине коридора, держась за руки, и неопытному человеку могли бы показаться уязвимыми и наивными, как дети. Нелирикк открыто уставился на них.

— Эй, Красавчик! — окликнула его капитан. — Как прогулялся?

— Капитан? — Он опомнился и вытянулся в струнку, отдав ей честь. — Моя прогулка была... интересной.

— Да? Ты, случайно, не видел стайных черепах, а?

Стайных черепах? Нелирикк с трудом подавил дрожь, горячо понадеявшись, что никогда в жизни не увидит стайную черепаху — врага Команды, убийцу флотов.

— Капитан, — ответил он несколько напряженно, — я их не видел. Однако я видел разведчиков, и вместе мы...

— Разведчиков? — негромко переспросил мужчина. — Ты уверен?

Нелирикк нахмурился:

— Есть ли среди лиадийцев другие, которые умеют двигаться бесшумно и знают леса и прибывают на планеты на кораблях класса разведки?

— По правде говоря, — неожиданно ответил разведчик, — есть.

Нелирикк задумался над услышанным, а потом посмотрел на капитана, которая наблюдала за ним полными иронии серыми глазами.

— Двое представились как разведчики: Клонак тер-Мьюлин, командор-разведчик, Шадиа Не-Зейм, лейтенант-разведчик, первопроходец. Третий... — он перевел взгляд с серых глаз на зеленые, — ...третий не говорил, что он разведчик, хотя остальные относятся к нему как к равному, а иногда ему подчиняются. Лейтенант обращалась к нему как к капитану. Он носит знак Дерева и Дракона... — он прикоснулся к соответствующему символу у себя в петлице, — и представляется как Даав йос-Фелиум.

Брови разведчика взметнулись вверх.

— Вот как?

Он посмотрел на капитана.

— Какие шансы на то, что он — оригинальный вариант? — спросила она.

Разведчик пошевелил плечами.

— Обмануть Клонака было бы трудно даже на расстоянии: они с моим отцом вместе проходили подготовку. Позже он был членом группы поиска, которой командовал мой отец. Дядя Эр Том говорил, что они были хорошими друзьями, несмотря на то что Клонак был влюблен в мою мать. — Он снова пошевелил плечами и улыбнулся, глядя капитану в глаза. — Если ты хочешь узнать вероятности, миледи, то я вынужден сказать, что у меня слишком мало данных и мне необходимо самому увидеть этого человека.

— Ну конечно, — смиренно проговорила она.

Разведчик ухмыльнулся, и Нелирикк вздрогнул: ощущение неправильности, которое у него вызывало лицо его собеседника, внезапно стало понятным. Зеленые глаза переместились, остро впившись в него.

— Да?

— Я... — Нелирикк кашлянул. — Разведчик, у вас... пропала нчака!

— А! — Невысокий разведчик наклонил голову. — Команда помнит.

— Команда помнит, — подтвердил Нелирикк и снова перевел взгляд на своего капитана.

— Капитан. Помимо разведчиков моя прогулка принесла новобранцев.

Она тряхнула головой.

— Нерегулярные Войска работу закончили. Мы новобранцев не берем. Направь их к командору Кармоди.

— Командор Кармоди обеспечил врачебную помощь, еду и место в казарме, тем самым заработав себе место в лагерных легендах. Однако, с позволения капитана, эти новобранцы согласны дать свою клятву и оружие только Героическому капитану Мири Робертсон, которая победила Четырнадцатый Корпус.

Она вздохнула:

— Так ты говоришь об икстранских новобранцах?

— Рассказы о твоем геройстве звучат в рядах двух армий, — пробормотал разведчик. — Героиня для икстранцев и наемников, ты...

— Заткнись, — велела она ему и хмуро посмотрела на Нелирикка. — Сколько?

— С позволения капитана, один рядовой-пехотинец и исследователь. Всего двое. Третий — старший исследователь — ушел за славной наградой.

— Вот как? Вы двое поспорили?

— Капитан, я не имел чести знать Гернчика Исследователя до его смерти. Он был ранен в арьергардном бою, позволившем офицерам улететь. Видя, что его положение серьезно, и не желая пустить в ход последний клинок, его подчиненная — Хэзенталл Исследователь — приказала рядовому Диглону подчиняться ее приказам и привела всех троих сюда, чтобы сдать свое оружие и принести клятвы.

— И по-быстрому определить старшего в капсулу автоврача. — Она кивнула. — Как она принимает его смерть?

Как приятно было служить капитану, которая так хорошо понимает обычных бойцов! Нелирикк отсалютовал ей.

— Капитан, в настоящий момент она... послушна. Даав йос-Фелиум высказал мнение, что это положение может измениться, быстро и катастрофически.

— Высказал, да? Тогда я надеюсь, что ты держишь ее где-то, где она не сможет причинить слишком большой ущерб.

— Капитан, она в саду, прилегающем к этому крылу дома.

Капитан моргнула. Она посмотрела на разведчика, а тот выгнул бровь.

— Нелирикк, — мягко проговорила она.

Он судорожно сглотнул и встал по стойке «смирно».

— Да, капитан!

— Ты сошел с ума?

— Нет, капитан.

— Ты в этом уверен?

— Да, капитан.

— Ладно. — Она посмотрела на него. — Не хочешь мне объяснить, о чем ты думал?

— Капитан, у Даава йос-Фелиума была мысль, что Хэзенталл Исследователь должна немедленно предстать перед капитаном, чтобы принести ей полную боевую присягу. Он опасается, что временная клятва, которую она принесла ему, не окажется достаточно сильной, чтобы ее связать в том случае, если горе победит ее рассудок. В этом его поддержали разведчики.

— Даав йос-Фелиум принял временную клятву от рядового икстранца и исследователя? — спросила она.

— Да, капитан.

Мири покачала головой и снова посмотрела на разведчика.

— Похоже, это действительно должен быть твой отец.

— Складывается впечатление, что он не лишен фамильного чувства юмора.

Его лицо оставалось бесстрастным.

— Ты это так называешь? — Она вздохнула. — Что еще, Красавчик? Выкладывай уж все.

— Капитан, это все. Ваши новобранцы вас дожидаются в сопровождении разведчиков.

— Нерегулярные Войска уже расформированы, — повторила она, но уже обращаясь к разведчику. — Думаю, будет дурным тоном, если семейство йос-Фелиум соберет себе личный отряд.

— Тому, — пробормотал разведчик, — есть некоторые прецеденты.

— Великолепно. Полагаю, дома то и дело нанимают икстранских солдат охранять их копилки. Нет! — Она протестующе подняла руку. — Ничего мне не говори.

— Как прикажет капитан.

— Никакого уважения — вот в чем твоя проблема.

С этим она замолчала и хмуро уставилась в пространство. Спустя некоторое время она подняла голову.

— Ладно. Возвращайся назад. Мы скоро туда придем.

Нелирикк вскинул руку в салюте.

— Есть, капитан. Спасибо, капитан.

— Думаю, ты уже должен был бы запомнить, что меня благодарить не следует, — отозвалась она, и голос ее стал строже. — Если исследователь решит, что клятва ее не связывает, стреляй в нее на поражение. Если ее рядовой будет вести себя разумно, можешь на этом остановиться и ждать меня. Если начнется свистопляска, то я рассчитываю, что ты и разведчики в конце останетесь на ногах. Это приказ.

Нелирикк еще раз вскинул руку.

— Есть, капитан.

— Хорошо. Вали отсюда.

Еще один салют — и он исчез.

Мири подождала, чтобы звук его шагов затих в коридоре, и только тогда заглянула в зеленые глаза своего напарника.

— Какие прецеденты? — спросила она.

«Дитя вот-вот сорвется», — подумал Даав, подавляя вздох.

Где-то за глазами он ощутил, как пошевелилась Эллиана, но она ничего не сказала.

На поверхностный взгляд (скажем, на взгляд человека, не проходившего подготовку разведчика) Хэзенталл казалась воплощением благовоспитанного послушания. Она сидела там, куда ее посадили — на широкой каменной скамье под душистым деревом, оплетенным огоньками. Рядовой Диглон сидел с ней рядом.

Сад был в основном погружен в ночь и только кое-где пронизан гирляндами декоративных огней. Шадиа растворилась в темноте между скамьей и калиткой, которая служила выходом из сада, сохраняя бдительность на случай неприятностей. Клонак исчез в тенях ближе к дому, охраняя дверь на случай броска иктранцев.

Как держатель клятвы, Даав занимал самое опасное положение, облокотившись на искусно расположенный валун прямо перед каменной скамьей, занятой его вассалами. Он скрестил руки на груди, благодаря чему его правая ладонь лежала прямо на рукояти пистолета, спрятанного в жилете.

«Боги! — подумал он. — Как мне не хочется зря терять разведчика!»

— Но нам не следует и подвергать опасности Дом.

Тон Эллианы был довольно кислым, и Даав вынужден был признать, что вполне этого заслуживает: он подверг Дом Клана Эроб опасности, настояв на этом безумном варианте.

«Если капитан придет быстро...» — подумал он.

Да, но еще необходимо было, чтобы Хэзенталл сохранила разум разведчика, не утонув в поднимающейся волне ярости из-за

того, что ее решение, которое должно было купить жизнь ее командиру, провалилось, а она и ее подчиненный оказались в ловушке, во власти врага...

— Она рассчитывала на то, что ее командир найдет ясный путь, когда выздоровеет, — заметила Эллиана. — Она не планировала такого варианта.

«А как она могла его планировать? — ответил он, читая перемены в мышцах Хэзенталл: жар гнева сделал их податливыми. — Его жизнь была основой ее плана».

Хэзенталл подвинулась на скамье: ее мышцы сжались, словно для броска. Даав сомкнул пальцы на спрятанном пистолете.

— Исследователь! — Неожиданно рядовой Диглон подался вперед. — Исследователь, капитан идет.

Она повернулась к нему, оскалив зубы, словно для рычания, и резко вздрогнула, когда дверь дома со щелчком открылась, впуская фигуру и голос Нелирикка Исследователя.

— Стройся на поверку! — приказал он на обычном диалекте Икстранга.

Рядовой Диглон тут же встал, четко прошел к пятну света, вырвавшегося из открытой двери, и встал навытяжку.

Хэзенталл Исследователь осталась сидеть, словно окаменев. Глаза у нее остановились, лицо под сетью татуировок начало морщиться.

— Когда я был в Команде, исследователи соблюдали дисциплину, — заявил Нелирикк предельно едко, а потом рявкнул: — Стройся на поверку!

Приказная модальность заставила дрогнуть даже тренированные нервы Даава. Ослабевшая Хэзенталл была не в состоянии сопротивляться.

Угрюмо, но послушно она встала, вышла на свет и встала в стойку «смирно» чуть впереди рядового Диглона, как и подобает старшему по чину. Нелирикк встал правее и чуть впереди их обоих, глядя прямо перед собой.

Даав вздохнул и отодвинулся от валуна, опустив руки и оставив пистолет в потайном месте. Он мысленно спросил себя, насколько скоро придет капитан.

На этот вопрос ответ пришел быстро.

— Отряд! Смирно! — крикнул Нелирикк, и все трое вытянулись и застыли.

В пустом дверном проеме появилась хрупкая женщина в полевом кожаном костюме. Белая рубашка была зашнурована серебряной тесьмой, рыжие волосы аккуратно заплетены в косу и трижды уложены вокруг головы, словно корона принцессы вар-

варов. За ее спиной, не сразу заметный, шел мужчина, одетый, как и она, в полевой кожаный костюм. Рубашка на нем была черная, волосы — тоже черные.

Даав осторожно вздохнул.

«Разведчик, так? — подумал он. — Эллиана, смотри на нашего сына».

Его зрение ускользнуло, изображение стало блеклым, как бывало всегда, когда она прямо пользовалась его глазами, а не полагалась на те сведения, которые он собирал для них обоих.

— Воплощенный идеал разведчика, — пробормотала она. — Бестелесен, как мысль, и с такими четкими контурами, что только что не блестит. Хотя, по-моему, он не был бы настолько невидимым, если бы его дама намеренно не отвлекала бы внимание на себя. — Она помолчала. — Опасная пара детей, ванчела, тут сомнений нет. И соединены как подобает, кроной и корнями. — Его зрение на секунду расплылось — и снова стало его собственным. — Мы можем гордиться.

«Или трепетать от страха», — добавил Даав и услышал ее смех, тихо гаснущий в его сознании.

Рыжеволосая дама прошла прямо к построившимся солдатам и остановилась перед ними, заложив руки за спину и высоко подняв голову. Она неспешно их рассматривала. Мужчина, стоявший рядом с ней, лениво окинул взглядом сад, безошибочно определив позиции всех трех разведчиков.

Видимо, удовлетворенная тем, что видит, леди соизволила заговорить:

— Я — капитан Мири Робертсон, боевое имя — Рыжик. — Ее голос звучал твердо, по-иностранки она говорила медленно, но уверенно, а выговор, с иронией отметил Даав, хотя и не был безупречным, но и не такой ужасающий, как его собственный. — Я здесь командир. Лейтенант, представьте новобранцев.

— Есть, капитан! — Нелирикк картинно отдел честь, а потом отчеканил: — Кандидат Хэзенталл Исследователь, шаг вперед!

Как это ни поразительно, но та повиновалась и даже отдала честь, хотя и не вполне внятно. Вся ее поза открыто говорила о недоверии, и она уставилась вниз на капитана, рост которой был на одну треть меньше ее собственного, а вес — вдвое меньше.

— Здравия желаю, капитан... — неуверенно произнесла она.

— Здравствуйте, исследователь.

Голос капитана звучал холодно.

— Кандидат Диглон, рядовой пехотинец! — приказал Нелирикк. — Шаг вперед!

Тот шагнул и энергично отдал честь.

— Здравия желаю, капитан!

— Здравствуйте, рядовой. — На этот раз отклик был чуть теплее и сопровождался едва заметным кивком. — Почему вы хотите вступить в отряд под моим командованием?

— Капитан...

Он повторил приветственный взмах, но вид у него был озадаченный. Даав решил, что это вполне понятно: рядовые не привыкли задумываться над вопросом «почему?».

— Капитан, солдатам нужны командиры. Нас... бросили на месте, без приказов, не считая того, что мы должны сопротивляться врагу, пока не погибнем. — Он замолчал и нахмурил лоб так, что вся татуировка пошла волнами. — Капитан, я предпочел бы жить, а не умереть.

Капитан Мири Робертсон, боевое имя Рыжик, улыбнулась.

— И я тоже.

Улыбка погасла.

— Хэзенталл Исследователь!

— Да, капитан?

— Почему вы хотите вступить в отряд под моим командованием?

Наступило молчание, которое затянулось несколько сильнее, чем то было совместимо с уважением к чести капитана.

— Капитан... солдатам нужны командиры.

Капитан по-земному покачала головой.

— Но исследователи, как и разведчики, тяготятся слишком жестким командованием. Как я прекрасно знаю.

Она помолчала, а потом в полной приказной модальности отрезала:

— Объясняй!

Хэзенталл дернулась и поспешно отдала честь.

— Есть, капитан. Стало известно, что Героиня сражения за аэродром взяла в свой отряд исследователя. Возникла мысль, что такой капитан захочет взять в свой отряд других исследователей. Четырнадцатый Корпус Завоевания нас предал. Без командиров мы мертвы и лишены чести. Под командованием героического капитана мы можем служить с честью и умереть со славой. Для блага Команды.

После короткой паузы капитан кивнула.

— Лучше.

Она взглянула на безмолвно стоявшего разведчика и, возможно, прочла по его лицу что-то, что оставалось невидимым для Даава. А потом она снова перевела взгляд на двух икстранцев.

— Прежде чем я приведу вас к присяге, — медленно проговорила она, — я сообщу вам, что отряд, в который вы хотели вступить, Литаксинские Нерегулярные Войска, был боевым формированием. В него вошли те, кто выжил после первой волны вторжения, и некоторые опытные солдаты, которые отстали от своих отрядов. Выполнив свою задачу, нерегулярные войска — с честью и без упрека — были расформированы. Выжившие отправились восстанавливать свои дома. Многие опытные солдаты вернулись в свои части, которые прилетели в составе сил контратаки. Те, кто этого не сделал, временно вошли в отряды наемников, располагающиеся здесь. Они сядут на транспортные корабли, когда будут улетать силы наемников, и вернутся в свои части на местах расквартирования. Примите это к сведению. Я обладаю чином капитана наемников, который мне присвоил сам командор Кармоди, но в настоящее время у меня нет отряда.

Она сделала паузу. Оба новобранца не издали ни звука.

— В дополнение к моему чину капитана, — продолжила она, — моя верность принадлежит семейной группе — Клану Корвал. Эта семейная группа приобрела достойного и хитрого противника. Чтобы бороться с этим противником, нам понадобятся солдаты. Подгруппа клана, Семейство йос-Фелиум, готово принять вашу клятву, если вы захотите ее дать, но вы должны понять, что служба будет совсем иной. Вы должны будете изучить языки, отличающиеся от солдатского: вам потребуется усвоить другую культуру. Хуже: вы будете подчиняться не одному капитану, а предводителям подгруппы, которых двое и которые равны.

Она приложила правую руку раскрытой ладонью к своей груди, а потом так же прикоснулась к стоявшему рядом с ней мужчине.

— Это — Вал Кон йос-Фелиум, Клан Корвал. Среди прочего, он лиадийский разведчик и мой спутник жизни. — Она наклонила голову набок и спросила по-лиадийски: — Вам понятно, что такое «спутник жизни», Хэзенталл Исследователь?

— С позволения капитана. Как нас учили, это — соглашение о половых услугах с оттенком эксклюзивности.

«Ой!» — прошептала Эллиана.

«Она еще молода, — парировал Даав. — И, признаюсь, миледи, когда мы оба имели телесную форму...»

«Верно».

Капитан подняла брови и посмотрела на мужчину, который стоял рядом.

— Слышал? — сказала она на земном. — Услуги.

Он пошевелил плечами.

— Интерпретация обычаев очень часто чревата ошибками, как признает даже самый осторожный ученый.

Хэзенталл пошевелилась.

— С позволения капитана, — с трудом проговорила она на своем неуклюжем земном. — Значит ли это, что «спутник жизни» не несет сексуальной нагрузки?

— Как правило, несет, — медленно отозвалась капитан, — но на самом деле это нечто гораздо большее. Нелирикк тебе растолкует, а ты сможешь разрезать все на кусочки, которые будут по зубам рядовому. Если, конечно, вы захотите через это пройти. Я не стану вас винить, если вы не захотите связывать себя клятвой Семейству йос-Фелиум. Нелирикк может просветить тебя и насчет этого тоже.

Хэзенталл вопросительно посмотрела на него.

— Разведчик, который стоит рядом с капитаном, одной крови с самим Джелой, — объявил Нелирикк на солдатском.

Даав увидел, как Диглон дернулся и подался вперед, чутко слушая икстранца.

— Семейство, клятву которому просит вас дать капитан, — это то семейство, которому дал клятву и я сам. Когда капитан и разведчик пойдут воевать с врагом своей крови, я буду у них за спиной. Если во всей галактике есть место, где можно служить с такой же славой, то я о нем не слышал.

Наступило молчание. Хэзенталл смотрела на рядового Диглона, но не так, словно она его видела, как показалось Дааву, а так, словно оценивала ту ношу, которая ложится на ее плечи. А потом она вздохнула и вскинула руку в салюте.

— Капитан! Мы пришли предложить себя и свое оружие капитану Мири Робертсон. Это не изменилось. Если капитан, столь умудренная в боях, примет наши клятвы и наше оружие, мы будем служить ей до последней пули.

Капитан кивнула, перевела взгляд — и Даав оказался пригвожденным к месту хищным взглядом серых глаз.

— Если разведчик йос-Фелиум отменит временную клятву, которую он дал от моего имени, мой спутник жизни и я примем ваши клятвы Семейству йос-Фелиум.

Эмрит Тайазан не без удовлетворения решила, что йос-Галана подняли с постели. Не то чтобы он был взъерошен, не застегнут, неловок или хоть в чем-то непрезентабелен, однако веки над серебристыми глазами казались тяжелыми, а маска говорливого дурня полностью отсутствовала. Право, можно было бы сказать, что поклон, который он ей адресовал, был... сжатым.

— Здравствуйте, Эроб.

— Здравствуйте, йос-Галан.

Она только наклонила голову, не потрудившись встать с края каменного моста, и указала на гигантов, дремлющих в ее укромном уголке.

— Насколько я понимаю, они ваши?

Он вздохнул.

— На самом деле нет, хотя они состоят в родстве с моим братом и его спутницей жизни.

Она ответно вздохнула.

— Как могло быть иначе? Ну, это не важно. Не мне заниматься родственными связями Корвала. Благодарение богам. Уберите их. Немедленно.

Тонкие белые брови выгнулись.

— Я не обратил внимания на местоположение пневматической лебедки, когда сюда заходил. Не будете ли вы любезны...

— Думаю, что нет. Разбудите их, йос-Галан, и уберите. Поймите: я не потребовала бы этого от вас, будь ваш чалекет и его спутница жизни в силах. Однако, по моим сведениям, оба еще считаются выздоравливающими, так что долг переходит к ближайшему родственнику.

— Они, — медленно проговорил он, — гости этого Дома.

Она воззрилась на него.

— Прошу прощения? Кто их впустил?

— Эти сведения наверняка содержатся в журнале двери.

Да, естественно. И это можно будет выяснить позже, а не сейчас. И она слишком опытная старуха, чтобы открыто усомниться в утверждении одного из представителей Клана Корвал. Она снова вздохнула и посмотрела на крупные неподвижные махины, расположившиеся в ее любимом уголке отдыха.

— И, полагаю, это точь-в-точь их дом? — Она поспешно подняла руку. — Нет, оставьте. Только скажите мне, сколько они будут спать.

— Простите меня, но я не осведомлен относительно их обычаев и привычек. Возможно, спутница жизни моего брата будет знать, сколько длится период их сна, но я не решаюсь нарушить ее собственный отдых.

— Да. Так.

Она начала с трудом подниматься со своего места на краю моста и была приятно удивлена, когда ей протянули крупную смуглую руку. Она вложила свою руку в его и позволила ему помочь ей встать, а потом дружелюбно пошла рядом с ним обратно через мост, к выходу из атриума.

— Очень приятный сад, — сказал йос-Галан, с улыбкой глядя на многоцветную клумбу с гладиолусами.

«Действительно, — мысленно согласилась Эмрит, — особенно когда в него не вторгаются гигантские черепахи».

Она наклонила голову.

— Я благодарю вас, — спокойно проговорила она. — Это — одна из радостей, которые...

Включился дистанционный пульт у нее в кармане. Она резко вытащила его, нажала кнопку приема и зарычала:

— Кто смеет?..

Наступила секунда испуганного молчания (по крайней мере так ей хотелось думать), а потом Ан Дер очень почтительно сказал:

— Прошу прощения, мой Делм. Я передаю сообщение от двери. Леди Нова йос-Галан прибыла и заявила права гостьи, прося, чтобы близкая родня открыла ей двери.

— Вот как, — отозвалась глава Клана Эроб и возмущенно посмотрела на брата упомянутой леди. — Прошу вас отвести леди Нову в гостевые апартаменты в садовом крыле. Ее брат скоро к ней присоединится. Если у нее будут еще какие-то просьбы, то Дом существует для того, чтобы ей служить.

Она отключила связь.

Йос-Галан развел своими крупными руками.

— Но вы же не можете винить меня?

— Неужели не могу? — огрызнулась Эмрит Тайазан. — Она ваша сестра!

— Но прежде всего, — успокаивающе произнес он, — она — Корвал-пернарди, и в этом качестве близка к природной стихии. Брат — всего лишь Тоделм! — не может распоряжаться ее прибытиями и отъездами.

Она набрала побольше воздуха, но он уже кланялся: изящно и не без иронии.

— Однако поскольку ваш Дом обещал моей сестре гостеприимство ее ближайшей родни, мне следует безотлагательно отправиться в гостевые апартаменты. Доброго вам вечера, мадам.

И он оставил ее кипеть от возмущения.

— Лейтенант, отведите ваших подчиненных в штабной буфет и ждите меня там, — приказала капитан Робертсон. Потом она повернулась и посмотрела в темный сад. — Шадиа Не-Зейм!

Темнота зашевелилась — и сгустилась в силуэт женщины в кожаном костюме разведчика, которая поклонилась ей поклоном равных.

— Капитан Рыжик?

— Сделайте мне честь составить компанию новым членам отряда, — проговорила капитан, и ее лиадийский звучал как у уроженки Солсинтры. А потом она переключилась на земной: — Подальше от неприятностей, поняли?

Шадиа ухмыльнулась.

— Поняла. — Она помахала Нелирикку. — Идите первым, лейтенант.

— Отряд, правое плечо вперед. Колонной по одному! За мной!

Нелирикк маршевым шагом ушел в Дом Эроб, а за ним печатали шаг исследователь и рядовой. Последней легко скользнула разведчик, которая быстро прикоснулась к пульту, как только перешагнула через порог. Дверь за ней тихо закрылась.

Даав чуть сдвинулся с места и поймал на себе взгляд двух пар глаз — серых и зеленых.

— Клонак, — проговорил разведчик, не поворачивая головы, — дай нам полчаса.

Ответа не было — только едва заметное колебание воздуха и тихий звук калитки в дальнем конце сада: она открылась и сразу же закрылась.

Даав ждал.

Как это ни странно, первой заговорила Мири Робертсон:

— Есть какие-то идеи насчет того, что нам с вами делать?

Ее голос звучал довольно иронично, говор был — земных улиц. Даав пожал плечами, демонстративно по-земному.

— Не знаю, зачем вам что-то со мной делать, — отозвался он самым лощеным профессорским тоном.

Она фыркнула и сказала зеленоглазому мужчине, стоявшему слева от нее:

— Чувствуется должное уважение к командованию.

— Ага, — отозвался он бесстрастно.

Она покачала головой и снова перевела взгляд на Даава. На ее подвижном лице выражались одновременно досада и смех.

— Не хотите объяснить мне, в качестве кого вы приняли у них клятвы?

— В качестве кровного родственника! — ответил он ей резче, чем собирался. — Я не мог принимать клятву от лица Дома, знаете ли, — особенно в свете того, что склонен полагать: мое имя вычеркнуто из списка живых и перенесено в списки мертвецов Клана Корвал.

— Нет, — отозвался разведчик очень тихо, — это не так.

Даав встретился с зелеными глазами и стал ждать.

Брови разведчика чуть приподнялись.

— Вы ведь не думаете, что ваш брат перестал надеяться, что вы вернетесь? Или что перестал ваш сын?

— Мой брат, — медленно ответил Даав, — возможно, и нет. Что мог сделать мой сын... Увы, я не в состоянии предсказать. Видите ли, он был еще так мал, когда мы расстались.

— Вот именно, — пробормотал мальчик. — Возможно, вас позабавит, когда вы услышите, что ваш сын не вычеркивал вашего имени из книги живых и никогда не оставлял надежды на ваше возвращение. Ему нужно задать вам несколько острых вопросов, как вы, конечно, понимаете.

— Мое понимание работает на полную мощность, — заверил его Даав, — поскольку именно необходимость задать острые вопросы заставила меня отвлечься от сведения моих счетов и отправила обратно к Лиад.

Что-то мелькнуло в зеленых глазах. Мальчик наклонил голову.

— Сожалею, что должен сообщить вам: ваш брат Эр Том умер во время вашего отсутствия. Он пережил свою спутницу жизни всего на один стандартный год.

У него по жилам все еще разливался холод при мысли о том, что Эр Тома нет, что он больше никогда не увидит лица своего брата и не услышит редкую, сладкую музыку его смеха. Даав судорожно вздохнул, тоже склонил голову и перешел на высокий лиадийский, чтобы дать должный ответ:

— Я благодарю вас. Клонак уже сообщил мне об этом, но я еще не слышал этого от родных.

Он выпрямился и обнаружил, что капитан оглядывается через плечо на разведчика.

— Ну? — спросила она.

— Ну, — ответил он.

— Так. — Она посмотрела на Даава, и ее серые глаза теперь были совершенно серьезными. — Хотите насовсем или просто погостить?

Он несколько раз обсуждал с Эллианой эти варианты. Она была за то, чтобы снова войти в клан, напоминая ему, что он не сможет воскресить профессора Килади на Дельгадо, и, таким образом, ему понадобится снова создавать себе новую легенду на новом месте, вместо того чтобы сводить свои счеты.

«И, право, ванчела, — добавила она, — мне кажется, что эта фаза сведения счетов завершена. Теперь пора искать союзников и сопоставлять факты».

Это был хороший совет, и доводы были убедительными, и все же он чувствовал некоторое нежелание снова возвращаться к

жестким правилам Лиад, после того как столько лет наслаждался свободными обычаями земных миров.

Мири Робертсон ухмыльнулась:

— Нелегкий вопрос, да?

— На удивление нелегкий. — Он улыбнулся ей. — Я склонен поступить в соответствии с пожеланиями моей спутницы жизни, которая, как я убежден, хотела бы, чтобы я остался в безопасности среди родных.

— Безопасность среди родных мы в этом квартале не гарантируем, — сообщила она ему очень серьезно. — Вы должны это хорошо понять.

Даав поднял брови.

— Теперь я это понимаю, спасибо. Это положение в любом случае мало отличается от моей жизни вдали от родни.

— Тогда ладно. Начнем с самого главного.

Она отступила на шаг, оказавшись плечом к плечу со своим спутником жизни.

Даав судорожно вздохнул и почувствовал присутствие Эллианы: она была очень заинтересована всем происходящим.

Мири Робертсон вздернула подбородок, посмотрела ему в глаза, а потом развела руки в ритуальном жесте.

— Мы видим вас, Даав йос-Фелиум, — проговорила она, и звучная фраза на высоком лиадийском наполнила темноту. — Идите сюда и воссоединитесь со своим Домом.

С замирающим сердцем и затуманенным взором он шагнул вперед. Ему пришлось чуть наклониться, чтобы принять поцелуй своей Тоделми, — и совсем не пришлось, чтобы принять поцелуй Тоделма. И он не ожидал объятия, которое за этим последовало, — как, наверное, и его сын, судя по тому, каким оно было порывистым и как он хрипло, с болью прошептал ему в ухо:

— Отец, где тебя черти носили?

День 308-й
1392 год по Стандартному календарю.
Улица Блер
Пустошь

Несмотря на естественное желание сделать своему вассалу приятное, Пат Рин спал плохо. Поистине, его усилия достичь освежающего сна были вознаграждены настолько плохо, что он

встал со своей девственной, просевшей кровати после нескольких часов бесполезных метаний, и поспешно воспользовался душем, от которого ему удалось добиться только чуть тепловатой воды. После этого в сопровождении Натезы, которая отказалась повиноваться прямому приказу и идти спать, он еще раз обошел свои новые владения, открывая все ящики во всех комнатах. Его инспекция завершилась безрезультатно (если не считать, что благодаря движению он согрелся) в так называемой гостиной, куда вскоре явилась типограф.

Эта достойная женщина, как и накануне, была перемазана чернилами и задыхалась от волнения, но сегодня она принесла охапку тонких серых листков, которые с широкой улыбкой сунула Пат Рину.

— Уже на улицах, босс. Пара моих ребят и кое-кто от Одри уже на улицах, читают их вслух и раздают лишние тем, кто умеет читать.

Он сразу же увидел, что серый цвет имеет сама бумага: печать оказалась на удивление четкой и не смазывалась. Объявление о смене администрации было помещено наверху по центру, предложенный им текст остался без изменений. Хорошо. В нижней части страницы в рамочке было объявление о большой распродаже в честь открытия Центра Ковров на улице Блер, прямо напротив скобяной лавки Эла.

— Нам надо распространять такие каждое утро, — сказал он типографу. — Я буду сообщать вам новости из кабинета босса. Однако мне было бы приятно, если бы это предприятие развилось в честную... публикацию, сообщающую новости, которые были бы важны и интересны для всех, кто живет на этих улицах.

Типограф кивнула.

— Я говорила с одним из моих этой ночью, пока мы набирали эти. Он — старик. И он помнит давнее и говорит, что когда-то у нас была... ежедневная сплетница. Рассказал мне, как ее устроить. Нам нужно держать пару человек на улицах, чтобы они узнавали, что происходит и кто чем занят. Они станут об этом писать, а мы будем набирать, и каждое утро, рано, она будет на улицах, бесплатно. Бесплатно, — снова повторила она решительнее, хотя Пат Рин не выразил протеста. — А раздавать ее мы сможем, потому что места для объявлений вроде вашего мы будем продавать предпринимателям вроде Эла и Тоби и, дьявол, миз Одри. Мне это показалось странным, но Лерд — это тот старик, — Лерд говорит, что владельцы платили и были довольны. Они с этого имеют то, что к ним приходит больше клиентов, особенно если они

назначают специальную цену на что-то такое, что всем нужно — например, на сахар. Оценивают его дешево, вместо того чтобы...

Пат Рин поднял руку, и типограф замолчала на полуслове, испуганно закатив глаза на перемазанном краской лице.

— Я знаком с этим принципом. Именно это я и предлагал, и я очень рад, что у вас есть советчик. Вы считаете себя способной взяться за такое предприятие?

— Я играю, — ответила она. — Но мне нужно знать вашу долю, чтобы назначить цену на врезки.

Пат Рин нахмурился.

— Мою... долю? Я... А!

Ожидалось, что он будет получать деньги от предприятия типографа, не беря на себя ее рисков. Боги, что за мерзкое место! Он вздохнул.

— Моя доля будет заключаться в рекламном месте, — сказал он, указывая на тонкий листок. — Врезка, такая же, как эта, со словами, которые будут изменяться по моему усмотрению. Три раза в неделю я буду получать от вас такое объявление.

Она моргнула.

— И все?

Он поднял брови, сознательно прибегая к высокомерию аристократического Дома.

— Этого достаточно.

— Да, сэр! — поспешно сказала она и, откашлявшись, огляделась. — Ну, если вы не...

— Постойте! — Он вытянул руку, и она застыла, словно он превратил ее в камень. — Вы можете оказать мне еще одну услугу. За нее, — строго добавил он, — я заплачу.

Типограф отвела взгляд, видимо, надеясь прочитать что-нибудь по лицу Натезы. Это, похоже, оказалось невозможным, потому что она снова перевела взгляд на Пат Рина и отрывисто кивнула.

— Конечно, босс. Что я могу для вас сделать?

— Ручки, — ответил он.

— Ручки?

— Которыми пишут. Чернильные ручки. Желательно с черными чернилами или с синими. Но любой цвет годится: я сознаю, что, возможно, не могу позволить себе привередничать. У вас есть доступ к таким вещам?

Она судорожно сглотнула, снова покосилась на Натезу, а потом немедленно посмотрела на него.

— Да, сэр. Я могу достать вам ручки. С черными чернилами и с синими. Есть еще красные и зеленые... фиолетовые...

— Черные, — твердо сказал он и, немного подумав, добавил: — И красные. По дюжине каждых, если они имеются у вас в таком количестве. Если нет, то столько, сколько сможете принести мне сегодня, а остальные — тогда, когда они появятся.

Она отрывисто кивнула.

— Ясно, босс.

Ее ноги заскользили по пластиковому полу, явно готовясь уйти, но она снова замерла, когда Пат Рин поднял руку.

— И последнее, — добавил он. — Журнал.

— Журнал, босс?

На лице женщины отразилось искреннее недоумение.

Пат Рин вздохнул.

— Это — книга в переплете с пустыми страницами внутри, чтобы можно было... делать записи. Хорошего размера. — Он очертил руками в воздухе квадрат. — И переплет из какого-нибудь прочного материала... кожи, может быть, или...

— Поняла! — Типограф просияла. — Будет сделано, босс. У меня есть именно то, что вам нужно. Я пришлю его вместе с ручками.

— И накладной, — предостерег ее Пат Рин. — Я намерен все это у вас купить.

— Конечно, босс. Как скажете.

Она снова шаркнула ногами, явно спеша удалиться.

— Спасибо, — сказал ей Пат Рин. — Вы все сделали хорошо. Натеза вас проводит.

— Угу. Э-э... не за что, босс.

Она юркнула в дверь следом за Натезой, и Пат Рин закрыл глаза, мечтая всей душой о чашке чая.

Пат Рин поставил жестянку на кухонный стол, не сумев справиться с содроганием, и встал, наклонив голову и пытаясь набраться терпения. Когда-то в жестянке хранилась просто замечательная смесь чая для завтрака. Теперь же...

Повар, стоявший у него за спиной, завернув руки в передник, шумно вздохнул.

— Плохой, да?

Он проговорил это почти с надеждой.

— Сразу по нескольким причинам, — ответил ему Пат Рин с поистине похвальной выдержкой. — Во-первых, он старый. Во-вторых, он влажный. Это же сухой листовой чай. — Он медленно вздохнул. — Ну что ж. Нам придется купить нового. Когда...

Повар энергично затряс головой.

— Нет, сэр. Или по крайней мере если вы хотите такого же, как в этой жестянке. У нас их в кладовке много.

— И того же возраста? — тихо спросила Натеза.

Пат Рин повел плечом.

— Возможно, возраст не так уж важен, — сказал он. — Эта жестянка была стазисной укупорки. Если остальные не вскрывались, то в этом доме может оказаться нечто, что можно пить. — Он лениво помахал рукой повару. — Ведите меня в кладовку.

Тот заморгал.

— Это ни к чему, босс. Я мигом принесу их вам сюда.

— Да, но, видите ли, — мягко объяснил Пат Рин, — в какой-то момент я пожелаю поесть, и, боюсь, качество, которое было продемонстрировано вчера, должно быть повышено. Срочно. Так что меня интересует, что еще может оказаться в кладовке, помимо чая. И съедобно ли это — или можно ли это сделать съедобным. — Он пристально посмотрел на повара и нахмурился. — Короче, я желаю выяснить, нужна ли мне новая кладовка или новый повар.

— О! — сказал повар. — Понял. — Он высвободил руки их передника и указал на дверь. — Прямо сюда, босс.

Пат Рин последовал за ним, а Натеза замкнула процессию. Кладовка оказалась в конце узкого коридора, за тяжелой деревянной дверью. Повар открыл ее и включил свет, открыв взгляду полдюжины аккуратных полок с консервами и мешки, на которых содержимое было обозначено пиктограммами и надписями: соль, сахар, мука, рис. Справа от них оказалось несколько ящиков, накрытых старыми одеялами. На потолочной балке висело с дюжину крупных шаров, покрытых воском.

Повар почтительно посторонился, давая Пат Рину возможность осмотреть помещение. Пустых полок оказалось больше, чем полных, что показалось ему странным для дома, где жил власть имущий, но, с другой стороны, многое в покойном боссе Моране казалось странным. Он неспешно осматривал припасы, среди которых обнаружились десять стазисно упакованных жестянок с таким же прекрасным чаем, как тот, что был испорчен. Он взял одну и стоял, держа ее в руке, читая этикетки на других жестянках.

Оказалось, что он богат консервированной рыбой, галетами в жестянках и двумя или тремя сортами консервированного супа. Рядом с ними оказалось около полудюжины стеклянных банок в вакуумной упаковке, и на этикетке каждой от руки было написано «Джем». Он взял одну из них и, пристроив рядом с жестянкой чая на согнутую руку, прошел, чтобы проверить содержимое ящиков. Натеза двигалась чуть правее и на шаг позади.

Дальше вправо, в тенях, отброшенных рядом пустых полок, что-то зашевелилось. Стоявший у двери повар ахнул и напряженно застыл. Рядом с ним Натеза прицелилась, стремительная и яростная...

— Нет! — Он стремительно выбросил руку, и она повернулась, устремив на него обсидиановые глаза, которые определенно должны были ранить... ранили. Он встряхнул головой, избавляясь от этого ощущения, и указал рукой: — Это всего лишь кошка.

Она посмотрела в сторону, куда он указал, и кошка любезно вышла на свет, бросила на них взгляд желтых глаз, полных невероятной скуки, а потом быстро убежала в дальний конец помещения, чтобы снова потеряться в темноте.

— Я... вижу. — Натеза протяжно выдохнула и убрала оружие. Она снова посмотрела на него — уже далеко не таким острым взглядом — и наклонила голову. — Мастер...

— Право, это просто везение, — отозвался он намеренно беззаботно и оглянулся на повара, который стоял у двери, бледный и сжавшийся. — Я имею некоторый опыт... общения... с кошками.

— Да, сэр. Босс Моран, тот любил стрелять в кошек.

— Да, ну что ж. Я предпочитаю не иметь мышей.

Глубоко вздохнув, он проследовал к ящикам.

Наклонившись, он отбросил одеяла. В ящике номер один оказалось немалое количество каких-то корней, все еще покрытых слоем родной почвы. Ящик номер два был полностью занят резко пахнущими луковицами — вероятно, местным эквивалентом лука. Ящик номер три был почти до отказа наполнен крупными оранжевыми плодами, которые выглядели довольно крепкими.

Пат Рин повернулся к повару и указал вверх на балку:

— Сыры?

— Точно, босс. Лучший сыр в городе.

— А! Дело в том, что я питаю пристрастие к сыру.

Повар улыбнулся.

— Мы отрежем кусок от того, что на кухне, когда вернемся. Человек, который любит сыр, с этим подружится.

Пат Рин воззрился на него.

— Из этого я заключаю, что мистер Моран не любил сыра?

— Нет, сэр. Босс Моран, он мало что любил — кроме как копить деньги. И заставлять своих подручных ползать. От этого он получал кучу удовольствия.

— Странно, что вы оставались у столь несимпатичного нанимателя, — заметил Пат Рин, но повар только молча на него уставился. Пат Рин вздохнул и кивком указал на ящики: — Те корнеплоды — это местное растение?

Повар кивнул.

— Джонни выращивает их на крыше. Он почти всеми овощами занимается.

— Ясно. Однако когда мистер Мак-Фарланд специально пожелал, чтобы на ужин к столу были поданы овощи, вы прислали какую-то кашу из листьев. Интересно, почему?

— Зелень, вот он что мне сказал. А для зелени еще не сезон. Мы кое-что заморозили в конце прошлой осени, но и то все закончилось.

— Ясно, — снова повторил Пат Рин и махнул свободной рукой, приглашая повара выйти из кладовки. — Давайте отправимся на кухню. Мне очень хотелось бы выпить чая и, возможно, съесть немного вашего превосходного хлеба — с джемом.

Немного позже, когда пришел Чивер Мак-Фарланд, они уже сидели за кухонным столом. Перед всеми троими стояли пивные кружки, наполненные чуть дымящимся бледно-зеленым напитком. На тарелках перед каждым остались липкие следы от хлеба с джемом. Пат Рин и повар совещались, видимо, составляя список покупок, а Натеза наблюдала за ними. Глаза у нее были усталые, но в них прятался смех.

— Утро, — сказал он ей, указывая на объедки. — Больше не осталось?

Она легким кивком указала на разделочный столик.

— Есть чай, джем и хлеб. Тосты готовятся на гриле.

— Так. — Он пристально посмотрел на нее. — Длинная ночь?

Пальцы на ее левой руке стремительно сложились в знаки старого торгового, давая ему понять, что босс не спал — и она тоже.

— Так, — снова повторил он. — Теперь моя вахта. Отдыхай. Я на него сяду.

Она слабо улыбнулась.

— Желаю удачи, но, думаю, вы окажетесь побежденным, — пробормотала она, вставая со стула.

У раковины она вылила остатки чая, сполоснула кружку и поставила ее в мойку.

Выходя из кухни, она оглянулась. Пат Рин йос-Фелиум и повар продолжали совещаться. Повар старательно записывал пожелания босса.

— Мне сдается, что реклама не привлекла к нам публику, — заметил Чивер примерно через полчаса позднее ленча. — А что, если нам закрыть лавку на час и пойти к Тоби перекусить?

Пат Рин оторвался от потрепанной книжицы, которую он изучал почти все утро.

— Да, нас покупатели, похоже, не запрудили, — вежливо признал он. — И я немного потерял счет времени. Безусловно, мистер Мак-Фарланд, купите себе поесть.

Чивер громко вздохнул и покачал головой.

— Мне казалось, мы объяснили вам, что значит «охрана». Я не оставлю вас здесь одного, пусть вы даже самый меткий стрелок на этой планете. — Он нетерпеливо обвел лавку рукой. — Подумайте! А что, если сейчас в дверь войдут пятеро убийц, а вы — один?

Лиадиец вежливо улыбнулся, словно Чивер выдал ему немного непристойную шутку.

— Ну, мистер Мак-Фарланд, тогда я немедленно удалюсь через заднюю дверь.

— Если бы я в это поверил — а я не верю, — то как вы собираетесь справиться с теми двумя, кого оставили следить за переулком? — Он постарался нахмуриться как можно более гневно. — Вы очень усложняете задачу вашим телохранителям, босс. В моем экземпляре плана ничего не говорилось насчет того, что вам разнесут голову.

— А!

Он закрыл глаза и признался себе, что ему неспокойно. План — а этот план существовал, и они втроем тщательно его обсудили перед тем, как высадиться на Пустоши — был хорош только в определенном отношении. Захват территории Морана — он прошел по плану. Им необходимо было получить базу на планете, и хотя улицы Морана не находились на удобном расстоянии от космопорта, они были ближайшей из самых легких целей. С этого места можно будет укреплять позиции и решать, как справиться с более сильными воротилами, которые контролируют территории вокруг порта.

Чивер предвидел, что им придется не один раз пускать в ход пистолеты, потому что именно так на Пустоши делаются дела, но не обратил на это особого внимания.

А вот со вчерашнего дня он немало об этом думал.

Пат Рин... Пат Рин не профессионал. О, он прекрасный стрелок. Он двигается как надо, и на его спокойном красивом лице ничего не отражается, но это — бравада игрока... плюс сколько-то чистого упрямства, надо отдать парню должное. Но в нем нет ничего такого, что делает Натезу бойцом, который внушает страх.

Пат Рину нужно отомстить. Чиверу это было понятно. И он не сомневался в том, что если для этого боссу понадобится пере-

стрелять всех воротил на Пустоши, то это будет сделано. Однако его немало тревожило то, что останется от Пат Рина йос-Фелиума в конце этой кампании. Он уже получил такой удар, от которого, насколько Чивер мог судить, большинство лиадийцев свихнулось бы. Пат Рин не свихнулся — по крайней мере по нему это не заметно, — но в нем чувствуется напряженность. Хотя он спокойно сидел на стуле, откинув голову и закрыв глаза, Чивер видел, как напряжены у него все мускулы, как вокруг рта начали пролегать новые морщины. «Успех всей игры зависит от этого человека», — подумал Чивер и вдруг понял, что никто — и может быть, сам Пат Рин — не знает, что Пат Рин предпримет дальше.

— Так... — Лиадиец открыл глаза и спрятал книжицу в карман куртки. — Нельзя трудиться весь день на одном бутерброде с джемом.

Он встал — чуть менее ловко, чем обычно, — и Чивер решил, что это начала сказываться бессонная ночь.

— Давайте пойдем и поедим, мистер Мак-Фарланд.

По правде говоря, Чивер не надеялся победить в этом споре, и теперь, добившись своего, он засомневался, а правильно ли, что босс будет сидеть у Тони в окружении рядовых жильцов. Тем не менее в городе их должны видеть: в этом и заключалась идея лавки с коврами. И словно в подкрепление этой мысли, живот у Чивера забурчал, требуя пива и бутербродов.

Решив для себя этот вопрос, он вошел вслед за боссом в лавку как раз в тот момент, когда туда зашел первый в этот день покупатель.

Картина была что надо: на первый взгляд она казалась на этих улицах такой же неуместной, как и сам Пат Рин. На второй взгляд оказалось, что шелк был второсортной синтетикой, а драгоценности — из дутого золота с кристаллами. И тем не менее она держалась как человек, обладающий меланти, которая пришла с визитом к равному.

И Пат Рин поклонился ей именно так.

Дама рассмотрела его умными синими глазами и покачала светлой головой со сложной прической.

— Я даже не стану пытаться повторить такое, — проговорила она высоким мелодичным голосом. — Давайте просто считать, что я сделала все, чего требуют правила вежливости.

— Действительно, — согласился Пат Рин с улыбкой, — давайте. Я имею удовольствие говорить с миз Одри?

Она кивнула головой, нисколько не удивившись.

— Ждали меня, да? Ну, думаю, и следовало бы, после вчерашнего. Я выходила по делам, иначе постаралась бы уладить все прямо тогда. Надеюсь, мы сможем прийти к соглашению сегодня — если у вас есть время?

— Мы с мистером Мак-Фарландом направлялись на ленч. Если вы согласитесь к нам присоединиться...

— Великие люди мыслят схоже, — отозвалась она с улыбкой. — Я надеялась, что вы сочтете возможным перекусить у меня. Там и народу поменьше, чем у Тоби, и еда лучше.

Пат Рин всмотрелся в нее и отметил некоторую напряженность, что было вполне ожидаемым, когда человек идет с визитом к новому и незнакомому человеку, от которого зависит как вассал. Умные глаза встретили его взгляд открыто, что было редкостью для этого места, где он теперь оказался. Она была дамой не первой молодости и показалась ему умной и властной.

На самом деле она показалась ему той, чья поддержка ему поможет — если им удастся заключить союз к взаимной выгоде.

Он наклонил голову.

— Вы меня почти убедили, — негромко сказал он. — Мистер Мак-Фарланд?

Он скорее почувствовал, чем услышал вздох своего мощного телохранителя.

— Звучит здорово, — сказал он. — Заведения Тоби не из тех, где можно обсуждать дела, босс.

«Ну вот, — подумал Пат Рин, — я посоветовался с «охраной». Видите, какой я добродетельный!»

— Ну, раз уж мы... — начала было дама, а потом вдруг замолчала, устремив взгляд за плечо Пат Рина. — Вы только посмотрите! — благоговейно выдохнула она. — Я в жизни...

Она огромным усилием заставила свой взгляд вернуться к лицу Пат Рина.

— Чертовски интересный ковер.

— Конечно, — согласился он, быстро переключаясь на роль купца.

Взмах руки пригласил ее приглядеться к ковру поближе. Она была более чем рада принять это приглашение. Следуя его указаниям, она пощупала ворс, послушно осмотрела оборотную сторону, восхитилась ровными узлами ручного тканья.

— Кто же делает такие? — спросила она, когда он закончил демонстрацию и позволил ей отойти на шаг, чтобы любоваться рисунком.

— Некие... члены определенной секты, — ответил он истинную правду. — Подобные вещи крайне редко бывают в продаже.

Она бросила на него проницательный взгляд.

— Почему же?

— Потому что на той планете, где его изготовили, этот ковер является предметом религиозного культа, и правила секты не позволяют их продавать.

— Тогда откуда он у вас?

Он улыбнулся: она нравилась ему все больше.

— Естественно, я не могу выдавать своих поставщиков. Давайте скажем так: его выставил на продажу лицензированный торговец, у которого оказалось достаточно бумаг, убедивших меня в подлинности этого ковра.

Она вздохнула, в последний раз погладила ковер и с сожалением отступила еще на шаг, не отрывая взгляда от полных радости гуляк.

— И во сколько же человеку обойдется подобная вещь?

— Этот ковер — будучи уникальным, как вы понимаете — может быть куплен за восемь тысяч наличными... — он поднял руку, останавливая протест, готовый сорваться с ее губ, — ...или его можно арендовать на стандартный месяц или стандартный год.

— Арендовать. — Она нахмурилась, и в ее умных глазах отразилось недоумение. — Это как?

— О! Это — договор, в котором клиент обязуется выплачивать некую сумму, значительно меньшую стоимости ковра, плюс подлежащий возврату залог, чтобы пользоваться определенным ковром в течение месяца, двух месяцев, года. — Он повел плечами и поднял руки, демонстрируя ей пустые ладони. — В этом случае составляются определенные бумаги, заключаются соглашения. Клиент дает обязательство беречь ковер от порчи, охранять от воров и возвратить его в целости и сохранности в оговоренный день. Если клиент не выполняет условия договора, он будет считаться купившим ковер, и в этом случае обязан выплатить его полную розничную цену.

Одри с интересом посмотрела на него.

— Тогда сколько будет стоить его аренда — скажем, на месяц?

Пат Рин чуть нахмурился, стремительно проводя мысленные подсчеты. «Что за безумная выходка!» — ругал он себя, и в то же время он был совершенно уверен в том, что ему необходимо заручиться расположением этой женщины. Не то чтобы он намеревался ее подкупить — по правде говоря, он сомневался, что смог бы ее подкупить. Но ему необходимо продемонстрировать добрую волю и готовность вести переговоры... Да, это он сделать должен. Как равный с равной. Итак...

— Я попрошу две тысячи наличными плюс залог такого же размера. Но, видите ли, для нас обоих невыгодно, чтобы аренда длилась месяц. Я должен запросить более высокую цену, потому что мне дважды придется переместить его за очень короткое время. Самым разумным для нас обоих был бы такой договор, согласно которому ковер мог бы оставаться на одном месте в течение нескольких месяцев. Если бы вы пожелали заключить договор аренды на три месяца, например, то ежемесячный тариф понизился бы до тысячи наличными, если на шесть — то стоимость снова снизится, до восьмисот. Годовая аренда может быть получена всего за шестьсот в месяц плюс залог.

Она ухмыльнулась.

— Впечатляющая схема. Посмотрим-ка... — Она быстро считала. — Если я арендую его у вас на год, то вы получите семьдесят восемь сотен наличными — всего на двести меньше, чем полная продажная цена.

— Вот именно. Однако в течение периода аренды ковер не будет числиться в списке товаров, так что я должен застраховать возможную потерю.

Теперь она уже рассмеялась — искренне и мелодично.

— Ну конечно же! А потом вы получите ковер для продажи. Или новой аренды. Мне сдается, что аренда выгоднее.

— В отношении определенных товаров — безусловно. Мне повезло в том отношении, что ковер, о котором идет речь, прочный и его нелегко испачкать или подпалить. Однако это — уникальная вещь и потому уязвима для кражи. А если его украдут, я уже не получу его для дальнейшей продажи.

— Да, это верно. — Она задумчиво посмотрела на него. — Ладно, я пришла пригласить вас на ленч, а ваш подручный, похоже, готов съесть один из ковров, что определенно не пойдет на пользу торговле. Давайте пойдем ко мне и поговорим.

— Конечно. — Он кивнул. — После вас.

Она улыбнулась, повернулась и пошла впереди, хотя в дверях на секунду остановилась, чтобы со вздохом оглянуться на ковер грешников.

Дом миз Одри определенно затмевал «особняк» босса Морана. Следуя за хозяйкой дома через просторные комнаты и широкие коридоры, Пат Рин решил, что, прежде чем стать борделем, это здание представляло собой три смежных дома, и для доведения его до нынешнего состояния относительной роскоши пришлось провести значительную перепланировку.

Дом был населен довольно сильно, судя по числу молодых созданий в яркой одежде, которые им встретились на пути в «личную столовую». Желание увидеть в этом здании Дом Клана было почти непобедимым, однако ему следовало непременно устоять перед этим соблазном.

Когда они наконец пришли в «личную столовую», та оказалась уютным внутренним помещением. На длинном столе у дальней стены стояли различные супницы и блюда. Круглый стол меньшего размера стоял в центре комнаты на лоскутном ковре из тех, которые он уже привык здесь видеть. Стол был накрыт на трех человек, с шелковыми салфетками и серебряными приборами. Бокал у каждого прибора был наполнен светло-янтарной жидкостью. В центре стола стоял искусно составленный, но скромный букет.

— Ну вот мы и пришли, — жизнерадостно сообщила Одри. — Придется самим себя обслуживать, зато можно поговорить без посторонних.

Она подвела их к буфету, сняла крышки с блюд и принялась класть себе еду — что, конечно, было ее правом: ведь она была у себя дома. Пат Рин взял тарелку, как и она, и пошел вдоль стола, кладя себе по чуть-чуть от каждого незнакомого блюда. Дойдя до конца буфета, он перешел следом за хозяйкой дома к круглому столу, поставил на него тарелку, отодвинул стул и сел.

— А вы падки на изящное, — проговорила она задумчиво.

Начавший расправлять салфетку Пат Рин замер. «Как смеет...» Он медленно, лениво повернул голову и, хмурясь, встретился взглядом с миз Одри.

Нельзя было сказать, что неодобрительный взгляд Пат Рина йос-Фелиума заставлял закаленных игроков падать в обморок. Однако знающие люди единогласно утверждали, что такой хмурый взгляд вынести бывает нелегко, тем более что он заставлял вспомнить о том, что Пат Рин был первым стрелком Тей Дора — и доказывал это уже несколько лет.

Миз Одри рассмеялась — довольно весело — и расправила свою салфетку.

— Нет, я не имела в виду ничего обидного: это просто профессиональная привычка. Как вы, только войдя в комнату, сразу же обратили внимание на мой несчастный лоскутный ковер.

Она вздохнула и подняла голову, добродушно улыбнувшись Чиверу Мак-Фарланду с его щедро наполненной тарелкой.

— Правильно, — приветливо сказала она. — Мужчина ваших размеров должен хорошо питаться. Кушайте.

— Я так и намерен поступить, мадам, спасибо, — непринужденно отозвался Чивер. Он положил салфетку на колени, взялся за вилку и принялся за еду.

Не до конца успокоившись, Пат Рин закончил расправлять свою салфетку, протянул руку за бокалом, поднял его и отпил пробный глоток.

Это оказалось молодое вино, сладкое, с легким привкусом, немного напоминавшим имбирь. Пат Рин сделал еще глоток и отставил бокал.

— Приятное вино, — сказал он хозяйке дома. — Можно узнать его марку?

Одри улыбнулась.

— Мы называем его просто Осенним вином. Его обычно привозят из деревни, в ящиках по шесть бутылей, и я покупаю пару дюжин, если столько до нас доедет. Некоторые из наших клиентов и кое-кто из работников весьма к нему неравнодушны. У нас еще осталось несколько от закупок прошлого сезона. Я буду рада подарить вам бутылку.

Вино в дар. Почувствовав нелепую радость, Пат Рин кивнул.

— Спасибо. Мне это будет приятно.

Она кивнула и с удовольствием отпила из своего бокала.

— Хорошо! — проговорила она, а потом покачала головой. — Учтите: если вино хранить до конца весны, оно скиснет, так что у вас получится очень ароматный растворитель для краски.

— А! Тогда мне следует не забыть насладиться им в ближайшее время, с теплыми воспоминаниями о вашем гостеприимстве.

Секунду она смотрела на него с полуулыбкой на губах, а потом покачала головой и снова вернулась к еде.

Пат Рин наконец притронулся к своей тарелке и нашел, что незнакомые блюда недурны и даже очень вкусны. И он не удивился, когда Чивер Мак-Фарланд встал из-за стола, чтобы снова наполнить свою тарелку.

— Мне хотелось бы узнать, — тихо сказал Пат Рин, — известно ли вам, кто изготавливает эти лоскутные ковры. Несколько есть у меня... дома, и мне было бы приятно увеличить их количество. Или даже купить несколько для продажи.

— Ну, что до ковров, то их делает Аджей Нейлор, уже много лет этим занимается. Но что до покупки их для перепродажи... это дело неприбыльное, босс. Коврами она расплачивается. Аджей живет только бартером.

— Вот как? Но я не имел в виду только местную торговлю.

— Собираетесь продавать их в порту? — Одри задумчиво нахмурилась в тарелку. — Могут пойти, наверное.

— Разве в порту не садятся корабли? — негромко осведомился Пат Рин.

— А, ну... корабли... Садятся, конечно. Когда снег летом идет. Проблема с продажей товаров кораблям в том, что приходится привозить весь заказ вовремя. А это значит, что вам нужна свободная дорога отсюда туда. А ее нет.

— И тем не менее существует Портовое шоссе, которое проходит через эту территорию и идет прямо в порт, — напомнил ей Пат Рин.

— Верно. Но между нами и портом еще шесть разных территорий. А это — немалые пошлины, и то при условии, что ни в одной к моменту вашего проезда не началась территориальная война. А на это полагаться не приходится, с этим народом. И еще надо, чтобы какой-нибудь шустрик не решил свалить вас и присвоить ваши денежки.

— Понятно. — Пат Рин снова пригубил вино. — Тогда нам следует заняться тем, чтобы обезопасить Портовое шоссе, с целью создать всем равные возможности для торговли.

Одри заморгала.

— Конечно, следует, — вежливо согласилась она.

Чивер Мак-Фарланд рассмеялся.

— Не подначивайте его, мадам, — попросил он, отодвигая тарелку и берясь за вино. — Он это сделает только для того, чтобы доказать, что вы ошибались.

— Благодарю вас, мистер Мак-Фарланд, — холодно бросил Пат Рин и снова повернулся к хозяйке дома. — Прошу вас принять во внимание, что у меня было мало времени для того, чтобы просмотреть те записи, которые я... унаследовал от покойного мистера Морана, так что мне хотелось бы спросить у вас, есть ли на моей территории банк?

Ее брови недоуменно сдвинулись.

— Банк?

Пат Рину крайне редко случалось усомниться в своем владении земным, но она столь явно его не понимала — и это после вопроса об учреждении, которое не может быть не известно успешному деловому человеку... Он поспешно начал рыться в памяти, пытаясь найти слово, которое передавало бы то, что он хотел сказать. Этим словом был «банк»!

— Банк, — снова повторил он, мягко, но уверенно, однако ее недоумение не прошло. — Простите. Учреждение... которое хранит крупные суммы денег, доверенные ему клиентами, ссужает крупные денежные суммы, берет залоги, выплачивает проценты...

— О! — Проблески понимания появились. — Ясно. Ломбарды. Точно, у нас есть два действующих, и один только начинает работать. — Она на секунду нахмурилась. — Но чтобы выплачивать проценты... Дело идет совсем наоборот. Ломбард берет проценты с вас, понимаете, за то, что хранит вещь, вместо того чтобы ее продать. Им нет смысла выплачивать проценты, когда им к тому же приходится хранить барахло.

Чивер Мак-Фарланд рядом с ним беспокойно шевельнулся, но когда Пат Рин посмотрел на него, то оказалось, что пилот завороженно рассматривает искусно составленный букет.

— Ломбард — это совершенно другое предприятие, — осторожно проговорил Пат Рин. — Учреждение, которое имел в виду я, хранит деньги, доверенные клиентами, и дает денежные ссуды другим клиентам, с которых берет проценты. После чего учреждение выплачивает проценты членам-вкладчикам, оплачивая использование их средств.

Он намеревался объяснить более сложные функции банков, но по ее лицу понял, что сказал достаточно. Одри явно решила, что он бредит.

Ей пришлось прибегнуть к помощи вина, и она держала бокал в руке, устремив на него внимательные синие глаза.

— Так, — сказала она наконец. — И кто будет управлять этим заведением... этим банком?

Пат Рин выгнул бровь.

— Совет распорядителей.

— Угу. И почему бы им не забрать все эти наличные и не свалить на территорию Дикона?

А! «Ты забыл, где ты оказался», — сказал он себе и виновато вздохнул.

— В обычной ситуации, — ответил он Одри, — я сказал бы: потому что они связаны законами и обязательствами. Но я понимаю, что нельзя обеспечить соблюдение таких законов и обязательств... в настоящих условиях.

— Это было бы сложно, — признала она. — У нас нет привычки к законам и обязательствам: ни здесь, ни на других территориях, о которых мне случалось слышать.

Она нахмурилась и выпила еще вина.

— Мне нравится эта идея, — медленно проговорила она. — Я могу представить себе, как это могло бы работать. Но эти ваши распорядители... ими должны быть люди, которые не соблазнятся большими кипами купюр, а я таких не встречала.

— Многих людей соблазняют крупные денежные суммы.

Пат Рин нахмурился. Ему казалось, что существует еще что-то, какой-то механизм, помимо законности и порядочности, который обеспечивает защиту инвесторов и честность распорядителей?

— А что, если... — пробормотал он, тоже устремив взгляд на букет, но видя нечто совсем другое: мистера дэа-Гаусса, который сидел у себя в кабинете и распространялся относительно структуры некоего фонда, в который Пат Рин хотел вложить деньги. Старый финансист описывал всяческие предосторожности и правила... — Что, если бы устав для доступа к самим деньгам требовал бы ключей по крайней мере трех распорядителей? Если все эти распорядители будут при этом заметными деловыми людьми...

— И еще лучше, если они все друг друга терпеть не могут, — добавила Одри, неожиданно улыбнувшись. — Это могло бы сработать. Может сработать. Тут нужно будет все распланировать и подойти к делу тонко, но это может получиться. — Ее улыбка превратилась в ухмылку. — Только что переложили из папки «Невозможное» в папку «Может быть». Вы сами будете распорядителем?

— Ни в коем случае. Банк... лучше назвать его... э-э... торговой ассоциацией... не должен иметь никакого отношения к боссу и его администрации. В идеале это должно быть совершенно независимое учреждение, защищенное законами и обязательствами, которые, как мы с вами согласились, в настоящее время не соблюдаются.

Она изумленно раскрыла глаза, а потом рассмеялась и бросила быстрый взгляд на Чивера Мак-Фарланда.

— Он всегда такой?

— Нет, мадам, — совершенно серьезно ответил Чивер. — Иногда бывает совсем злющий. Изредка спит. И порой играет.

— Вот как? — Она снова с интересом посмотрела на Пат Рина. — Карты? — спросила она, но тут же поправилась: — Нет, вы ведь стаканник, да? Кости.

Пат Рин вздохнул и позволил себе гневно посмотреть на Чивера Мак-Фарланда, который опять принялся рассматривать цветы. Адресуясь к Одри, он чуть наклонил голову:

— Я знаком... с большинством азартных игр, существующих в галактике.

— Вот как. — Она допила вино и поставила бокал. — И что вы здесь делаете?

Он выгнул бровь.

— Отдыхаю.

Она не улыбнулась.

— Планируете задержаться?

— Ну, это, конечно же, касается только меня.

— Уже нет, — возразила она почти сурово. — С тех пор, как стали боссом. Это меняет правила игры.

Она подняла руку, словно почувствовав его возмущение.

— Выслушайте меня, просто выслушайте сначала. Норт Моран был тупое, эгоистичное животное, и всей территории без него будет лучше. Виндал — она была боссом до него — была умная, но не крепкая. Говорят, она даже не попыталась вытащить пистолет, когда к ней вошел Моран. Вы... вы — умный и крепкий, и вы нам нужны. Вы поможете бизнесу — эта ваша мысль насчет банка, например, и сплетница на улицах. И это только в первый день! Кто знает, что вы придумаете, когда пробудете на улицах неделю?

— Действительно, кто знает, — вежливо согласился Пат Рин, сурово подавив содрогание.

Второй раз в жизни ему предлагали Кольцо. Боги! На этот раз хотя бы предложение было сделано с честью (по крайней мере так ему показалось), хоть и было приправлено здоровой порцией страха.

Одри кивнула.

— Верно, верно. Вы — босс. А я вышла за рамки. — Она со вздохом отодвинулась от стола. — Только... подумайте о том, что я сказала, хорошо?

Похоже, их деловой ленч закончился. Пат Рин кивнул и встал.

— Я об этом подумаю. Благодарю вас за очень вкусную и дружескую трапезу.

— Не за что, — отозвалась Одри столь же официально. — Надеюсь, она будет первой из многих. — Она перевела взгляд на Чивера Мак-Фарланда. — Мистер Мак-Фарланд, было очень приятно.

— Нет, мадам. Это мне было очень приятно, — галантно заверил ее пилот, заслужив веселый смех.

После чего она провела их через широкие коридоры и просторные комнаты к главному входу.

Там оказалось значительно больше народа, чем раньше: судя по менее шикарным — и более сдержанным — одеждам, это были посетители. То, что некоторые посетители приняли его за нового работника, было видно по заинтересованным взглядам, которые он на себе ловил. Он мысленно вздохнул и пошел следом за хозяйкой дома, поравнявшись с ней в тот момент, когда она остановила лощеного молодого человека, облаченного только в шаровары из алого синтешелка и пурпурный кушак. Молодой человек адресовал ему широкую улыбку.

— Вилли, милый, сбегай в кладовку и принеси боссу бутылку Осеннего вина, — проговорила Одри настолько громко, что ее услышали даже те, кто находился на другой стороне комнаты.

В их стороны повернулось несколько голов. Улыбка молодого человека стремительно погасла, но он энергично кивнул.

— Конечно, миз Одри. Слетаю за секунду.

И он исчез, легко пробежав через комнату босиком.

— Он хороший мальчик, — спокойно сообщила Пат Рину Одри. — Сейчас ваше вино будет здесь.

— Миз Одри, — сказал он тихо, но искренне, — напомните мне, чтобы я никогда не играл с вами в кости.

Она рассмеялась и потрепала его по руке.

— Пусть они хорошенько вас рассмотрят, — отозвалась она так же тихо. — Ваш телохранитель стоит прямо за вами. И потом, никто уже очень давно не позволяет себе такой глупости, как достать оружие у меня в доме.

По полу тихо прошлепали босые ноги, и Вилли вернулся с бутылкой в руке. Он театрально передал ее миз Одри и осмотрительно исчез.

— Хорошо.

Одри не менее театрально протянула бутылку ему, и он принял ее у нее из рук.

— Благодарю вас, — сказал он так, чтобы его было хорошо слышно.

— Рада быть полезной, — заверила его Одри столь же четко.

Она с улыбкой обвела взглядом присутствующих, и они проследовали дальше. У выхода Чивер открыл дверь и внимательно осмотрел улицу.

— Чисто, — объявил он через плечо.

Пат Рин поклонился миз Одри поклоном равных и повернулся.

— О! — сказала она вдруг. — Еще одна вещь.

Он обернулся, приподняв бровь.

— Я арендую у вас тот ковер на шесть месяцев. Вы можете прислать его ко мне завтра?

Во второй половине дня в магазин постоянно заходили покупатели. Пат Рин решил, что большинство хотели просто посмотреть на нового босса. Было довольно неловко оказаться выставленным вот так на всеобщее обозрение, и ему понадобился весь его немалый такт, чтобы держаться, неспешно двигаться между покупателями, отвечать на вопросы мягко и вежливо.

Помимо него самого наибольший интерес вызывал ковер грешников. Он потерял счет тому, сколько раз ему пришлось демонстрировать плетение, характеризовать ткань, пересказывать его любопытную историю и сообщать, что с завтрашнего дня он отдается в аренду миз Одри на период, равный шести месяцам по

стандартному календарю. Достаточно часто это вызывало обсуждение самого понятия «аренда», как это было и с Одри.

Когда наконец в лавку явился Барт, которому предстояло выполнять в ней обязанности ночного сторожа, Пат Рин почувствовал, что его, выражаясь словами матери Шана, «выжали досуха». У него заболела голова, и он отчаянно затосковал по своему кабинету в Солсинтре, с книгами, экраном комма и креслом, которое нежно принимало в себя его тело. Так отчаянно, что у него затуманились глаза, и ему пришлось опустить голову и с силой прикусить губу.

«Его нет, — сурово сказал он себе. — Все и вся исчезло, погибло, уничтожено, мертво. Поверь в это. Сосредоточься на сведении Счетов, иначе сойдешь с ума».

— Что с вами, сударь?

Как это ни странно, голос Чивера Мак-Фарланда звучал мягко и даже с нотками сочувствия.

Пат Рин выпрямился. Ему нельзя выказывать слабость перед своими вассалами. Он глубоко вздохнул.

— Я в полном порядке, мистер Мак-Фарланд, — хладнокровно заявил он и зашагал по тротуару к «особняку», который ему приходилось называть домом.

Дверь им открыла добродушно улыбающаяся Гвинс.

— Вечер, босс, мистер Мак-Фарланд. Натеза велела сказать вам, босс, что работа, которую вы попросили сделать, ведется. Повар спрашивает, когда вам подать ужин. Посыльный принес вам пакет из типографии. Натеза отнесла его в ваш кабинет.

Пат Рин закрыл глаза в тесной прихожей своего дома и попытался вспомнить, что именно он просил Натезу сделать. А! Это означает улучшение охраны, установленной боссом Мораном. Хорошо. Новость о пакете из типографии тоже была приятной: в этот день он имел дело с двумя порядочными людьми, что, безусловно, сделало его богаче, чем накануне. Что еще... Да. Ужин.

— Пожалуйста, скажите повару, что мистер Мак-Фарланд, Натеза и я сядем ужинать через час по стандартному времени. Мистер Мак-Фарланд принес бутылку вина, которое мы пожелаем выпить за трапезой.

Она приняла бутылку от Чивера. Брови ее чуть дергались — возможно, от удивления, — но она только почтительно пробормотала:

— Да, сэр, будет сделано.

— Спасибо, Гвинс, — сказал он и уже начал было отворачиваться, но снова повернулся к ней. — Кстати, вы не знаете Аджей Нейлор?

Гвинс явно удивилась.

— Конечно, босс. Аджей знают все.

— Увы, не все, — негромко возразил Пат Рин. — Я не имел такой чести — и хотел бы исправить этот недосмотр. Как вы думаете, вы могли бы пригласить ее зайти ко мне в магазин завтра в первой половине дня?

Теперь Гвинс выглядела уже не только удивленной, но и слегка встревоженной.

— Конечно, могу.

Она быстро посмотрела на Чивера Мак-Фарланда, но, похоже, не увидела на его лице ничего, что умерило бы ее беспокойство.

— Э-э... босс... К вашему сведению. Аджей лет этак четыреста. Она не... не... — Гвинс беспомощно замолчала, перестроилась и сумела только довольно беспомощно закончить: — Она делает ковры, понимаете? И меняет их на то, что ей нужно.

«Боги, что за мерзкое место! — с яростью подумал Пат Рин. — Словно я могу убить старуху...»

Его ярость погасла, сменившись потрясением и ознобом. Хотя он пока не убивал старух, кто может сказать, куда заведет его необходимость свести Счеты? Гвинс вправе с подозрением относиться к его желанию увидеть Аджей Нейлор. Он вздохнул и встретился с ней взглядом.

— Мне надо обсудить с Аджей Нейлор деловые вопросы, — мягко проговорил он, с неуместным удовольствием глядя, как тревога уходит из ее взгляда.

— Ясно, — энергично сказала она. — Завтра в первой половине дня, в лавке. Я ей скажу, сэр.

— Спасибо, — снова повторил он и зашагал по недлинному коридору, ощущая за спиной внушительно и неожиданно успокаивающее присутствие Чивера Мак-Фарланда.

На пороге гостиной он резко остановился.

Когда он в последний раз видел эту комнату, она была почти такой же замурзанной, как владелица типографии, с которой он в ней разговаривал. Сегодня вечером, хотя обстановка по-прежнему могла привести в отчаяние любого человека, обладающего вкусом, остальное изменилось к лучшему.

Например, пол. Утром он был тусклый и липко-серый. Теперь же он демонстрировал всем свой истинный цвет — светлый и довольно приятный оттенок голубого — и мелкий повторяющийся рисунок синего цвета. То ли цветы, то ли какие-то декоративные насекомые.

Стены, которые утром по серости могли поспорить с полом, тоже были вымыты — и выяснилось, что в каком-то почти забытом прошлом они были покрашены в голубой цвет в тон пола. Потолок, также освобожденный от многолетней грязи, оказался белым, а центральная круглая панель освещения — желтой. Результат оказался неожиданно приятным: немного похоже, будто вошел в освещенное солнцем небо.

— Да... — прошептал он и услышал, как у него за спиной хмыкнул Чивер Мак-Фарланд.

— Думал, она поспит.

Пат Рин взглянул на пилота, подняв брови.

— Вы думаете, это сделала Натеза?

— Ну конечно. А вы не думаете?

— Нет, — ответил Пат Рин, осматривая комнату и обдумывая варианты. — Думаю, она позаботилась о том, чтобы это сделали. Интересно, что еще произошло, пока мы с вами приятно проводили время?

— Мы могли бы устроить экскурсию и проверить.

— Могли бы, — признал Пат Рин. — Или могли бы спросить у Натезы, что было бы не так утомительно.

Он повернулся и посмотрел на своего массивного спутника.

— Мистер Мак-Фарланд, я иду готовиться к обеду. Не сомневаюсь, что мой вид успел вам порядком надоесть, и вы будете рады побыть в одиночестве. Я даю вам слово, что меня не убьют до обеда.

Чивер неожиданно ухмыльнулся.

— Свободен! — жизнерадостно провозгласил он и кивнул. — Увидимся за ужином.

Оставшись в благословенном одиночестве, Пат Рин еще раз осмотрел голубую комнату, пообещал себе, что не забудет поздравить Натезу с результатами, и отправился наверх, чтобы переодеться к обеду.

Трапеза состояла из двух удивительных перемен блюд. Первая включала в себя тарелку консервированного супа, поставленную перед каждым едоком, и общую тарелку с крекерами и сыром. Потом на столе появилось главное блюдо из печеных корнеплодов под пряным коричневым соусом в сопровождении тонких ломтиков мяса, поджаренного с луком. А еще на столе стояли свежий хлеб, сливочное масло и Осеннее вино.

— Гораздо лучше, — пробормотал Пат Рин и услышал негромкий смех Чивера Мак-Фарланда.

— Лучше — это не то слово. Сдается мне, вчера повар пытался нас отравить. А, Натеза?

— Не исключено, — отозвалась она. — Но вполне возможно и другое: он настолько перепугался, что растерял все свои умения.

Она осторожно попробовала вино — и Пат Рин увидел, как поднялись у нее брови.

— Очень приятное, — сказала она. — У нас есть винозавод?

— Увы. Эта бутылка — подарок. И нам сообщили, что это вино плохо хранится — его нельзя держать до конца весны. — Он пошевелил плечами. — А еще нам сказали, что этот сорт делают в деревне и порой до нашей территории доезжает не менее двух дюжин бутылок. В этом случае их покупает миз Одри.

— А! — У нее просветлело лицо. — Вы нанесли визит миз Одри?

— Скорее это она нанесла нам визит. Мы имели очень приятную беседу у нее дома за ленчем.

— Где босс уговорил ее завести банк... нет, постойте — торговую ассоциацию... поскольку ломбарды его не устраивают. А она попыталась получить от него обещание остаться боссом на всю жизнь. — Чивер подцепил вилкой кусок корнеплода и задумчиво на него посмотрел. — Конечно, здесь это все равно так принято, только у нее, кажется, возникло мнение, что его жизнь окажется дольше, чем у большинства других. Очень он ей понравился. Сказала, что он — изящный.

Натеза рассмеялась.

— А еще, — негромко добавил Пат Рин, — мы сдали в аренду ковер грешников на шесть стандартных месяцев за восемьсот в месяц.

— Миз Одри, конечно, — отозвалась Натеза. — Больше никто это себе позволить не смог бы. — Она помолчала, чуть наклонив голову. — По правде говоря, я удивлена и тем, что она может это себе позволить.

— Проверка на доверие, — тихо заметил он, с подлинным сожалением доедая свою порцию. — Она должна посмотреть, сможем ли мы работать вместе. Что нужно узнать и мне. А еще мне кажется, что контрабанда, которой она занимается, приносит неплохой доход. — Он передернул плечами. — Так что сегодня мы добились прогресса.

Он отодвинул тарелку и потянулся за вином.

— Я заметил улучшения в гостиной, — сказал он.

Эта фраза прозвучала бы совершенно естественно на высоком лиадийском, но на земном показалась какой-то странной —

почти обвинением. Однако Натеза, владевшая высоким лиадийским, похоже, расслышала похвалу, которую ему хотелось высказать. Она вежливо кивнула и пробормотала, что передаст прислуге слова его одобрения.

— Как охрана дома? — спросил Чивер.

Натеза повернулась к нему.

— Как и трапеза, гораздо лучше. Барьеры нельзя назвать неприступными, но они стали трудными. Если завтра работа пройдет так же успешно, они будут едва преодолимыми.

— Это хорошо. Как насчет избыточных сигналов? Я могу помочь сегодня, если нужно.

— Спасибо. Помощь будет весьма кстати. А еще в подвале стоит... устройство, по поводу которого я хотела бы услышать ваше...

Дверь столовой приоткрылась ровно настолько, чтобы пропустить худую фигурку в костюме, который, видимо, был здесь стандартным: мешковатые брюки и рубашка, поверх которой была надета еще одна, вместо куртки. На этой личности еще оказалась бесформенная кепка, нахлобученная на уши. Она сделала два шага в комнату в сопровождении юркой тени, следовавшей за ней по пятам, и замерла, широко раскрыв глаза на остреньком смуглом лице.

Пат Рин наклонил голову, рассматривая видение. Пришедший был юн — всего лишь парнишка. Судя по виду, он был на несколько стандартных лет моложе Квин и держался с неуверенностью, которую и следовало ожидать от маленького и слабого подручного, из тех, кто слоняется в толпе по улицам и готов взяться за любую поденную работу.

— Добрый вечер, — мягко сказал он распахнутым испуганным глазам. — Я — босс.

Паренек энергично кивнул и неожиданно сунул руку в карман. Пат Рин напрягся — но заставил себя расслабиться. Это было разумно, поскольку из кармана появился корнеплод. Паренек поднял его выше и прижал к своей груди.

— Какого... — начал было Чивер, но Пат Рин предостерегающе поднял руку, глядя в огромные глаза, которые наблюдали за ним — за его лицом с таким вниманием, что...

— Подождите, — сказал он. — Мне кажется, это Джонни, который огородничает на крыше.

На этот раз паренек кивнул настолько энергично, что кепка слетела у него с головы и упала на пол рядом с ботинками. Он не стал за ней нагибаться.

— А еще мне кажется, — продолжил Пат Рин, — что Джонни глухой.

Мальчишка снова кивнул, и спутанные черные волосы, освободившиеся от кепки, упали ему на лицо.

— Глухой? — переспросил Чивер. — Но ведь можно имплантировать... — Тут он прервал сам себя и резко вздохнул. — Конечно. Пустошь.

— Вот именно. — Пат Рин нахмурился.

Он когда-то слышал от кого-то... может быть, от Вал Кона?.. что глухие на низкотехнологических планетах часто создают язык жестов, которым пользуются между собой. И несмотря на все различие в культурах, каждый из них основан на староторговом, в котором конкретное превалирует над абстрактно-философским.

Он неуверенно сделал рукой жест приветствия.

Джонни наклонил голову, и его взгляд переместился с лица Пат Рина на его руки. Его собственная рука — та, в которой не было корнеплода — поднялась, прикоснулась кончиками пальцев к губам, а потом опустилась ладонью вверх, остановившись на уровне груди.

Это был не тот знак, которым воспользовался Пат Рин, — не совсем. Он повторил усеченный жест паренька и был вознагражден еще одним энергичным кивком.

— Вот как.

Он вздохнул и снова поднял руку, указав сначала на Чивера, а потом на Натезу. Он произнес их имена очень четко, повернув лицо к Джонни, чтобы мальчик мог читать у него по губам, а потом указательным пальцем нарисовал в воздухе круг, означающий «защиту».

Джонни на секунду нахмурился, а потом вдруг широко улыбнулся. Спрятав корнеплод в карман, он с помощью обеих рук изобразил пистолеты.

«Действительно, различия в культуре», — подумал Пат Рин и попробовал знак «служба».

Однако его Джонни перевести не смог. Секунду поразмыслив с нахмуренными бровями, он сдался, преувеличенно пожав плечами.

— Вот именно, — проговорил Пат Рин медленно и четко. — Почему ты ко мне пришел?

Это было понято и вызвало целый град жестов. Единственный, который Пат Рин смог опознать, имел отношению к росту — или выращиванию чего-то. Вполне возможно, незнакомые знаки были техническими терминами, созданными для того, чтобы описывать конкретные растения.

Пат Рин поднял руку ладонью наружу. Руки Джонни остановились. Опустились.

— Завтра утром, — сказал он, — мы пойдем в сад, и ты мне покажешь. Это — достаточно скоро?

Джонни кивнул.

— Хорошо. Завтра утром в...

Он показал время на пальцах и услышал, как Натеза у него за спиной вздохнула.

Джонни снова кивнул, а потом изобразил свой вариант «до свидания» — просто повторил «привет» в обратном порядке, — подхватил кепку с пола и исчез за дверью раньше, чем Пат Рин успел ему ответить.

— Завтра утром через два часа после рассвета? — переспросила Натеза безнадежным тоном.

— Мне следует заняться этим перед тем, как я уйду в магазин, — ответил он ей очень серьезно. — А завтра мой день должен начаться рано, потому что нужно будет доставить ковер грешников в дом миз Одри. — Он наклонил голову. — Вам не обязательно со мной идти, знаете ли. Не похоже, чтобы он был способен — или склонен — сбросить меня с крыши.

— Верно. Однако у него вполне могут найтись друзья, которые очень на это способны и отчаянно склонны. — Она встала и бросила выразительный взгляд на Чивера. — Мистер Мак-Фарланд, если мы намерены заняться избыточными сигналами, то это следует сделать сейчас.

— Да, мэм, я это вижу. — Он сурово нахмурился на Пат Рина. — В эту вахту вашим телохранителем будет Гвинс. Постарайтесь ее не пугать, ладно?

Пат Рин неохотно кивнул.

— Приложу к этому все мои слабые силы, мистер Мак-Фарланд. В разумных пределах.

Рослый землянин молча покачал головой и ушел следом за Натезой.

Пат Рин уже совсем собрался пойти следом, но вдруг остановился: его внимание было привлечено...

Кошка сидела под одним из лишних пластиковых стульев, обернув хвост вокруг лапок, повернув к нему настороженные ушки. Ее глаза сияли расплавленным золотом.

— Ну-ну, — сказал Пат Рин, грациозно опускаясь на одно колено и приветственно протягивая ей палец.

Кошка неспешно оценивала варианты действий — и как раз в тот момент, когда Пат Рин уже решил убрать руку, она вдруг под-

нялась на лапки, вышла из-под стула и прикоснулась к протянутому пальцу нежно-розовым носиком.

Пат Рин понял, что это та самая кошка, вернее, кот, который так встревожил Натезу этим утром в кладовке: коричневый, с несколькими широкими неровными черными полосами на худых боках и еще одной — на спине. Хвост у него был довольно пушистый, как и шерсть на туловище, и тоже с коричневыми и черными полосами. Этого кота никак нельзя было назвать красивым: судя по ушам, он имел склонность ввязываться в драки, но Пат Рин готов был заплакать от радости при виде него.

— Ну-ну, — снова повторил он. — Не сомневаюсь, что ты пришел поблагодарить меня за то, что я защитил тебя от меткой Натезы.

Кот моргнул, неспешно прошел вперед и энергично потерся о колено Пат Рина. Легко, готовясь отдернуть руку при первом же намеке на когти, Пат Рин погладил черно-коричневую спинку. Хвост поднялся, кот выгнулся навстречу руке, и раздался короткий скрежет, словно кто-то провел оселком по лезвию ножа. Пат Рин улыбнулся, погладил кота в третий раз и неохотно выпрямился. Кот поднял голову и посмотрел на него ярко-золотыми глазами.

— Долг зовет, и голос его суров, — сообщил Пат Рин коту. — Я должен идти в кабинет. Ты можешь пойти со мной, если хочешь, или вернуться к своим обязанностям в кладовке.

С этими словами он ушел из столовой, забрал Гвинс, дожидавшуюся за дверью, и поднялся наверх к себе в кабинет, где через несколько часов его нашла Натеза, которая успела решить как вопрос с избыточными сигналами, так и с устройством в подвале.

Он навалился на письменный стол, упав головой на открытую книгу. Из ослабевших пальцев выпала ручка, а на полу у его ног свернулся клубком уродливый коричнево-черный кот, сощурившийся желтые глаза в щелки. Натеза судорожно вздохнула, чувствуя, как у нее сжимается сердце, а потом заметила, как его брови нахмурились на какой-то нахальный сон, и вздохнула. Он просто заснул, вот и все! Она двинулась к нему бесшумно, как убийца.

Он писал — черными чернилами на сероватых страницах так называемого журнала. Она взглянула на левую страницу, предполагая увидеть какой-нибудь шифр или таинственный язык символов и намеков...

Он счел нужным писать на торговом, очень просто. Ровные строки его записи увлекли ее взгляд, хотя она и говорила себе, что не имеет права это читать.

«Пустошь, День 308, 1392 год по Стандартному календарю.

Мое имя — Пат Рин йос-Фелиум, Клан Корвал. Я пишу на торговом, потому что не знаю, кто вы будете и с какой планеты придете — те, кто сменит меня. Я начну с описания моих обстоятельств, непосредственно предшествовавших моему прибытию на эту планету. Я очерчу Счеты, которые мне необходимо свести, и причины, которые меня к этому побудили. Я запишу, насколько смогу, все факты из других журналов и дневников, которые могут пролить свет на мои поступки и решения.

Начну.

На планете Териста в день 286-й 1392 года по Стандартному календарю посланец Департамента Внутренних Дел принес мне известие о том, что все мои родственники убиты — уничтожены агентами этого Департамента.

Я перечислю здесь имена моих родственников, чтобы они не были забыты, и скажу вам, что только я, Пат Рин, самый малый из всех нас, остался теперь, чтобы свести Счеты до успешного завершения...»

День 50-й
1393 год по Стандартному календарю
«Исполнение долга»
Орбита Литаксина

Лина согласилась встретиться с ним за чаем в библиотеке по окончании его вахты. Необходимость забрать из своей каюты кошачий ус заставила Рен Зела немного опоздать к назначенному сроку, так что Лина уже дожидалась его с горячим чайником и двумя приготовленными чашками.

— Удачная встреча, друг, — сказала она с улыбкой.

Такое приветствие стало между ними за годы знакомства чем-то вроде шутки. Несмотря на заботы, которые не оставили Рен Зела после вахты, он невольно улыбнулся ей в ответ.

— Друг, — отозвался он, усаживаясь за стол напротив нее и вдыхая аромат чая. — А! — Его улыбка стала шире. — Я наливаю?

— Будь добр. Мне что-то хочется полениться.

Увидеть предающуюся лени Лину значило увидеть невозможное. Рен Зел наполнил чашку и передал ей. Она обхватила ее ладонями и подняла выше, наслаждаясь запахом душистого чая. Рен Зел налил чая себе и откинулся на спинку стула, также с

удовольствием нюхая ароматный пар. А потом он отпил маленький глоток, дразня свой вкус сложным букетом напитка.

— Ну, — проговорила Лина спустя какое-то время и отставила чашку в сторону. — Чем я могу тебе помочь, друг? Тебя снова преследовали сны?

— По правде говоря, да, — пробормотал Рен Зел. Он тоже отставил чашку и полез в карман за пробиркой. — А когда я проснулся, то обнаружил, что сон принес мне вот это.

Он положил пробирку на стол перед Линой, а потом с трудом отодвинулся от стола.

— Я... понимаю. — Она взяла пробирку и стала поворачивать в разные стороны на свету. — Исключительно красивый экземпляр. Ты говоришь, что нашел его во сне?

— Сразу после сна, — медленно ответил Рен Зел. — Я проснулся... или мне приснилось, что я проснулся... и почувствовал вес кошки у себя на груди. Я поднял руку, чтобы погладить ее, и внезапно понял, что кошки не может здесь быть, так что проснулся по-настоящему. — Он махнул рукой в сторону пробирки. — И обнаружил усик, прилипший к одеялу.

— Понимаю, — снова сказала Лина, глядя на усик. — А до сна о кошке были другие сны?

— Два, — сразу же ответил он. — Первый был сном о сражении. Я проснулся после него и читал, пока не начал дремать. Тогда пришел другой сон. Во время него ко мне пришла... одна женщина из экипажа, с таким же сном. Там были те блохи и... решение, которое мы приняли, чтобы спасти себя. Я успокоил ее, как мог, и отправил отдыхать. А потом...

Лина остановила его, подняв руку.

— Ты узнал этого члена команды?

Рен Зел задумался, а потом по-земному покачал головой.

— По правде говоря, я принял ее за члена команды потому, что ею владело воспоминание и она была так расстроена... — Он нервно повел плечом. — Но в конце концов это был сон.

— Вот именно. — Лина прикоснулась кончиком пальца к пробке пробирки. — Ты мне разрешишь?

— Конечно.

Она извлекла усик из пробирки и откинулась на спинку стула, закрыв глаза и зажав усик между ладонями.

Лишившись ее внимания, Рен Зел снова взял свою чашку и стал медленно пить чай, требуя от себя терпения.

— Я знаю этого кота... — пробормотала Лина немного невнятно, словно во сне.

Рен Зел застыл, не донеся чашки до губ, чтобы не нарушить транса Целительницы.

— Я знаю этого кота, — снова повторила она тихим шепотом. — Это... — Ее лицо изменилось, напряглось, веки затрепетали — и поднялись. Она вздохнула и слабо покачала головой. — Насколько мне известно, этот кот никогда не бывал на «Исполнении».

С этими словами она взяла пробирку, вернула туда усик, вставила пробку на место и, чуть подавшись вперед, положила все это перед ним.

Рен Зел опустил чашку, переводя завороженный взгляд с ее сдержанного лица и непроницаемых глаз на пробирку.

— Кажется, — проговорил он в конце концов, очень тщательно подбирая слова, — сейчас в трансе ты получила не только сведения об этом коте?

— Правда?

Лина взяла свою чашку и отпила глоток.

И какими бы ни были эти сведения, Рен Зелу дэа-Джудену их, похоже, сообщать не собирались. Он закусил губу и, глядя на пробирку, сосредоточился на том, чтобы дышать ровно. Он считал, что Лина входит в число его друзей...

— Ты считаешь меня жестокой, — сказала она. — Друг, не надо меня винить.

Он поднял взгляд, увидел в ее глазах сочувствие и поднял руку.

— Тогда почему...

Она изменила позу и снова поставила чашку на стол.

— Скажи мне, не было повторения того явления, о котором рассказывал Шан, когда он нашел тебя в Касиапорту?

Он моргнул и выиграл мгновение на раздумье, бережно поставив чашку на стол.

— Конечно, нет. Почему оно должно было повториться?

Она шевельнула рукой, разгладив воздух между ними.

— Прости меня, я не хотела обидеть. Просто Шан говорил, что ты был в трансе и пророчествовал...

— Я был ранен, — возразил он резче, чем намеревался, — и бредил.

Лина секунду помолчала, а потом склонила голову:

— Вам виднее, пилот.

Рен Зел содрогнулся:

— Лина...

— Ах, нет! — Она подалась вперед и накрыла ладонью его руку, лежавшую рядом с пробиркой. — Мир... мир. Друг, ты должен понять, что очень трудно... выбрать правильный путь с то-

бой. У нас на корабле три весьма сильных Целителя — одна полная драмлиза, — а ты остаешься за пределами досягаемости для всех. Ты так хорошо защищен, что никто из нас не может даже прикоснуться к тебе, чтобы умерить кошмары.

Она ласково похлопала его по руке и прервала контакт.

— С тобой нам приходится... приходится лететь вслепую, веря в то, что наши умения и искренняя привязанность к тебе приведут нас к благополучной посадке.

Она вздохнула, снова взяла чашку и отпила глоток. Рен Зел последовал ее примеру, чувствуя странное волнение.

— Вот почему, — продолжила Лина, — я скажу тебе, что мой транс действительно принес больше сведений. Не столько, — с иронией призналась она, — сколько мне хотелось бы. Однако больше, чем я скажу тебе. Моя подготовка — и мое дружеское расположение к тебе — подсказывает мне, что лучше будет позволить тебе... следовать дальше без предубежденности. Возможно, этот кот больше никогда к тебе не придет. А возможно, он будет появляться часто, когда сам того пожелает. Ведь коты всегда так себя ведут.

— Действительно. — Он взял пробирку, опустил ее в карман, встал и поклонился. Уважительно, как мастеру. — Примите мою благодарность, Целительница.

Она грустно улыбнулась и кивнула.

— Принимаю, пилот. Удачного взлета.

— Счастливого приземления, — отозвался он.

Именно такими пожеланиями удачи обменивались пилоты перед путешествием.

Он медленно вернулся к себе в каюту, пытаясь угадать, в каком путешествии он, по мнению Лины, оказался.

День 309-й
1392 год по Стандартному календарю
Улица Блер
Пустошь

Наверное, Натеза была права, осудив выбранный им час для этой встречи, думал Пат Рин, следуя за Джонни по огороду на крыше. Воздух был ледяным, а легкий ветер вскоре заставил его задрожать всем телом, с тоской вспоминая об умеренном климате родины.

Ну что ж, он выпьет чашку чая уже совсем скоро, а тем временем он почти выучил знаки, соответствующие названиям очень большого количества овощей.

Оказалось, что Джонни устроил экскурсию по огороду для того, чтобы получить у Пат Рина советы относительно того, что именно посадить в этом сезоне. Определение этого обязательно оказалось бы делом утомительным или даже невозможным, поскольку зимовали грядки под брезентовыми покрывалами и давно лишились визуальных признаков, необходимых для общения с глухонемым. Однако тут Джонни проявил неожиданную сметку.

Продемонстрировав Натезе пустые руки с растопыренными пальцами, он открыл пластиковый ящик с инструментами и извлек оттуда предмет, который неожиданно оказался завернут в клеенку. Спустя мгновение Пат Рин уже держал в руках потрепанную карманную книжку, озаглавленную «Как выращивать еду на маленьких площадях», и пытался одновременно читать описания, сопровождающие иллюстрации, на которые ему указывал Джонни, и следить за пантомимой и знаками, которыми изъяснялся парнишка.

Так что в конце концов планирование оказалось только утомительным, и под конец Пат Рину уже казалось, что он лично перекопал все грядки и своими руками посеял все семена.

— Ну хорошо, — сказал он Джонни, закрывая книжку. — При должной заботе мы благополучно прокормим себя в течение следующей зимы. Я рассчитываю, что ты о нас позаботишься как следует.

Паренек улыбнулся и кивнул, а потом несколько встревоженно потянулся за книжкой, которую Пат Рин продолжал держать в руке.

— Минутку.

Он поднял руку, и мальчишка замер. Улыбка его погасла, взгляд стал испуганным.

Пат Рин вздохнул.

— Я просто хочу спросить, дитя. Ты умеешь читать?

Курносый нос наморщился, правая рука закачалась в знаке, который был совершенно понятным: «так себе».

— А! — Он взглянул на Натезу. — Наверное, не стоит надеяться, что на этой территории есть школа?

Задавая этот вопрос, он заранее знал, каким будет ответ.

Однако Натеза его удивила.

— Гвинс мне сказала, что научилась читать в доме миз Одри. Не думаю, чтобы она работала там ночной бабочкой, так что пред-

ставляется вероятным, что миз Одри дает деньги на школу. — Ее губы изогнулись в слабой улыбке. — На школу в некотором смысле этого слова.

— Ну, поскольку я сегодня буду встречаться с миз Одри, я у нее справлюсь.

Он протянул книгу Джонни, тот с явным облегчением схватил ее и отошел, чтобы спрятать в ящике с инструментами, предварительно завернув в непромокаемую клеенку.

Лезвие ветра разрезало воздух над крышей. Пат Рин охнул, снова затрясся от холода и повернулся к довольно пугающей металлической лестнице, по которой они поднялись с чердака на крышу.

— Пойдемте, — сказал он Натезе. — На кухне должен быть чай.

— Он прекрасен! — выдохнула миз Одри несколько часов спустя, завороженно глядя на ковер грешников.

Он действительно хорошо смотрится, подумал Пат Рин, стоя рядом с ней и глядя на ковер. Он постарался внушить подручным, нанятым для того, чтобы перенести ковер и устроить его на новом месте, насколько важно правильно расположить ковер в помещении, чтобы края лежали ровно и не появилось некрасивых складок. На самом деле на должное размещение ковра ушло больше времени, чем он предполагал. Однако результат вполне оправдывал усилия.

— Я уже все продумала, — говорила ему Одри с явной радостью. — Специальное предложение, только для... понимаете... для знатоков.

— Надеюсь, что это будет вам выгодно, — вежливо пробормотал он, и она рассмеялась.

— О, будет! Этот ковер будет очень полезен для бизнеса. — Она повернулась к нему с улыбкой. — Спасибо вам. А теперь давайте пройдем ко мне в кабинет и я передам вам залог и арендную плату за первый месяц.

— Я хочу узнать, не можете ли вы мне помочь, — негромко сказал он, идя за ней по коридорам и комнатам, где было гораздо меньше народа, чем накануне.

Одри бросила на него быстрый синеокий взгляд.

— Ну, попробую, — ответила она с должной осмотрительностью. — А в чем дело?

— В моем доме есть ребенок, который нуждается в обучении. Он читает, но плохо. Я хотел бы, чтобы его умение увеличилось.

Обе брови Одри взметнулись вверх.

— Если он вообще читает, то он в лучшем положении, чем большинство жильцов.

— Верно. Однако он отягощен глухотой, и таким образом для него вдвойне важно научиться хорошо читать и писать. — Он наклонил голову и немного подумал. — Ему было бы очень полезно научиться и простой арифметике.

Она хмыкнула, почти рассмеявшись.

— Вы что, решили, что у меня детский сад? Кто этот ребенок?

— Его зовут Джонни. Он работает моим садовником.

Она замерла посреди коридора, повернувшись к нему. Пат Рин тоже вынужден был остановиться, несколько удивившись.

— Парнишке примерно... сколько? Тринадцать, четырнадцать? Лицо остренькое такое, и черная шевелюра, при виде которой руки так и чешутся взяться за гребень и ножницы?

Неплохое описание. Пат Рин кивнул.

— Похоже, это именно тот ребенок.

Возможно, она его услышала, а может, и нет. По крайней мере она продолжала так, словно не слышала:

— И глухой. Метели, наверняка это он!

— Должен ли я понять, — спросил Пат Рин по прошествии нескольких секунд, когда она ничего больше не добавила, — что Джонни вам знаком?

— Знаком... — Она обратила к нему посуровевшее лицо. — Послушайте, этот паренек раньше жил здесь. Мы научили его читать, и счет ему тоже очень неплохо давался. Не то чтобы ему нравилось читать или считать, но ему нравилось выращивать растения, так что он учился тому, что было для этого нужно. А потом... года два тому назад... ну, подробности вам не нужны. Короче, как-то ночью сюда пришел клиент, по уши накачавшись какой-то дури, а когда дым рассеялся, он лежал убитый (чего заслуживал), но были убиты и двое моих, а они этого не заслуживали. — Она вздохнула. — В их числе оказалась мама Джонни. Паренек вошел откуда-то, взглянул, закричал — я впервые услышала, чтобы он издал какой-то звук, — повернулся и убежал. Двое ребят бросились за ним, но потеряли в темноте. И, знаете, мы думали, что он вернется, когда придет в себя. — Она вздохнула. — Пока он не возвращался.

Поистине горькая история, и если паренек не может вернуться на место, где была убита его мать, не Пат Рину называть его трусом. Однако ему следует научиться читать и считать, иначе, став взрослым, он не сможет нормально жить. Пат Рин посмотрел на Одри.

— Я поговорю с ним, — пообещал он и увидел, как ее брови чуть приподнялись — возможно, с иронией. — Если он не захочет

приходить сюда на занятия, возможно, уроки смогут приходить к нему. — Он наклонил голову набок. — Конечно, если вы готовы обеспечить обучение этого ребенка в обмен на приемлемую плату.

Она взмахнула рукой — неловко и бессмысленно.

— О, конечно. У меня есть беременная девочка, которая так и глотает книги. Она будет рада иметь работу и заработок. Не знаю, как у нее со счетом, но если она не справится, то за это может взяться Вилли. Терпелив, как стекло, наш Вилли, и очень хорошо умеет обращаться с детьми.

— Тогда это в принципе решено, — сказал Пат Рин, испытывая совершенно нелепое чувство облегчения. — Хорошо. Сегодня вечером я поговорю с Джонни и посмотрю, не удастся ли мне уговорить его прийти сюда завтра. Если нет, то я пришлю вам весточку, и вы сможете отправить к нам его учителя.

— Идет, — отозвалась она и неожиданно широко и заразительно улыбнулась. — Ну вот, снова вы бросаете перемены на ветер! Давайте закончим на этом, пока вы не решили, что на улицах слишком холодно и надо установить там центральное отопление!

Ближе к полудню они с Чивером Мак-Фарландом вернулись в лавку и обнаружили перед витриной сгорбленную и оборванную старуху, прижавшую к стеклу ладони и нос.

Она была настолько поглощена созерцанием, что Чиверу Мак-Фарланду пришлось три раза покашлять, прежде чем она пошевелилась и оторвалась от стекла, моргая, но без страха.

— Я — Аджей Нейлор, босс. Гвинс сказала, что вы хотели со мной поговорить.

Чивер покачал головой.

— Я не босс, — ответил он и указал на Пат Рина. — Босс — он.

Она посмотрела в направлении вытянутого пальца, и на ее лице появилось выражение, к которому Пат Рин уже начал привыкать: открытое изумление, смешанное с недоверием.

Он наклонил голову.

— Я действительно босс. Спасибо, что нашли время зайти сюда. Не зайдете ли в лавку, чтобы нам можно было поговорить в удобной обстановке?

Недоверие увеличилось на шесть порядков. Она снова повернулась к Чиверу.

— Это правда? Он — босс? Тот, который расправился с комитетом Морана, как мне рассказала Гвинс?

— Это правда, — заверил ее Чивер. — Он — босс. Я — один из его подручных.

Она покачала головой.

— Дьявол. — Ее взгляд снова вернулся к витрине. — Красивые у вас вещи, босс.

— Спасибо. Не хотите посмотреть на них вблизи? Как ковровых дел мастеру, вам, наверное, будет это интересно.

Тут она ухмыльнулась, продемонстрировав беззубые десны.

— Интересно, конечно. Ладно. Хотя мои ковры в одну комнату с этими класть нельзя.

— О, но именно это я намерен сделать, — проговорил Пат Рин, отпирая лавку. — Если мы с вами придем к соглашению.

Гвинс открыла им дверь, улыбаясь и кивая.

— Вечер, босс, мистер Мак-Фарланд. Натеза передает, что работа движется, босс. Повар спрашивает, когда вы хотите ужинать.

— Через час, — ответил Пат Рин. — Пожалуйста, попросите Джонни зайти ко мне в кабинет через три часа.

— Есть, сэр. Будет сделано.

— Спасибо вам, Гвинс.

Он двинулся было по коридору, но остановился и посмотрел на Чивера. Тот ухмыльнулся.

— Понял. Увидимся через час.

Пилот зашагал прочь, насвистывая. Пат Рин двинулся дальше, но медленнее.

Деловые переговоры с Аджей Нейлор были завершены к обоюдному удовлетворению. Она была не против изготавливать для него ковры на заказ, хотя к перспективе отправки их с планеты отнеслась даже с меньшим оптимизмом, чем Одри. Проблема заключалась в дороге, насколько он это понял. Когда Аджей была молодой, Портовое шоссе было нейтральной территорией, по которой гарантировался свободный проезд. Конечно, такой проезд не был безопасным, но регулярно составлялись караваны, которые везли в порт предназначенные к продаже товары, и большинство из них, хотя и не все, попадали на место.

Аджей затруднялась сказать, что именно изменилось. Ходили слухи о ссоре между несколькими боссами самых крупных территорий, в результате которой шоссе закрылось и было предоставлено бандитам. Согласно другому слуху, закрылся сам порт, а корабли садиться перестали вообще. Но этот слух, не без иронии отметила Аджей, скорее всего был фантазией. Хотя босс, конечно, знает об этом больше нее.

Аджей удалилась, и к ним зашел Эл, владелец скобяной лавки и их ближайший сосед. Он немного с ними поболтал, восхитился

коврами, не выражая ни малейшего желания в них разобраться, и наконец перевел разговор на то, как Пат Рин намеревается построить систему страховки.

Услышав, что выплаты по страховке временно приостановлены, Эл обрадовался гораздо меньше, чем можно было ожидать, и задумчиво подергал себя за длинный подбородок.

— Нужен же какой-то план насчет заработка, — сказал он. — Не обижайтесь, босс.

— Никаких обид, — заверил его Пат Рин. — Мой план насчет заработка очень прост: я намерен торговать коврами. За деньги.

— Ага, конечно, — отозвался тот. — Хотя вам стоило бы завести чего-нибудь подешевле. Я не говорю — дешевку, просто такое, что было бы по карману... ну, морось... мне хотя бы! Эти штуки красивые, но дорогие. Но это — просто лавка. Вы же босс — вам нужно откуда-то брать наличные.

— На что я должен получать средства? — вопросил Пат Рин несколько запальчиво. — Босс латает дыры на тротуарах? Босс финансирует клиники? Библиотеки? Школы?

— Ну... нет. Не в последнее время. Одри — она загребла все, что успела, из клиники и библиотеки Виндал, перед тем как Моран их спалил. Если ты получил рану или сломал руку или ногу — или еще что, — идешь в дом к Одри, там о тебе позаботятся. Мало что смогут сделать, если подхватил что-нибудь мудреное, но с обычными хворями справляются очень даже неплохо. То же самое если хочешь научиться читать. Идешь к Одри, и там тебя кто-нибудь научит.

— Мне представляется, — заметил Пат Рин, — что если здесь и следует платить страховку — или местный налог, то его должна получать миз Одри, которая делает для жителей этой территории больше, чем любой босс.

— Не-а, не-а, это не так. Послушайте... дело в том... забудьте Морана, он был свинья. На самом деле босс — это тот, кто улаживает проблемы. Скажем, у меня проблема с Тоби, и мы не можем ее уладить сами. Так что мы приходим к вам и говорим: «Босс, у нас есть проблема, и мы ее решить не можем. Скажите нам, что делать». И вы, может, какое-то время рассматриваете дело, а потом говорите нам, что делать. Надо же получать что-то за то, что за всех думаете. Правильно? И потом, послушайте, босс — это тот, кто следит, чтобы территория была цела и чтобы ее не захватили другие боссы. И за это тоже надо что-то получать. А ежели вы планируете устроить на улице клинику или, может, библиотеку, чтобы этак разгрузить миз Одри маленько, то и за это вам полагаются наличные.

Тут он замолчал, несколько удивленный собственным красноречием, а потом подвел итог:

— Вот что я вам скажу, босс: эта лавочка все такое не обеспечит.

И поднимаясь вверх по длинной холодной лестнице к себе в комнату, Пат Рин думал о том, что Эл был прав. Если босс действует так, как это описал владелец скобяной лавки, то он оказывается кем-то вроде Делма. Пат Рин вздохнул, злясь на себя. Основываясь на информации о том, что это — земное захолустье, жестокое и плохо управляемое, он позволил себе забыть о том, что люди порядочные, естественно, стремятся соединиться в кланы, если эти группы и не совсем определяются родственными связями.

Снова вздохнув, он открыл дверь в свою комнату, увидел движение тени — и услышал урчание за секунду до того, как коричнево-черный кот метнулся к его ногам, задрав хвост и оглушительно мурлыча.

Улыбаясь, Пат Рин наклонился и погладил животное. Хоть это и казалось невозможным, но мурлыканье стало еще громче, и кот прижался к ногам Пат Рина в экстатическом приветствии.

— Все это хорошо, — сказал он с напускной суровостью, — но, полагаю, ты провалялся весь день, пренебрегая своими обязанностями перед поваром?

Кот снова заурчал, качаясь из стороны в сторону, а потом поднял сначала левую переднюю лапу, а потом правую, словно разминая воздух.

Пат Рин тихо засмеялся и выпрямился.

— Льстец. А теперь, с твоего позволения, мне надо приготовиться к обеду.

В этот вечер ужин был проще: пирог с вареньем и запеканка, созданная на основе в обилии имевшихся в кладовке рыбных консервов. Однако, несмотря на свое плебейское происхождение, блюдо получилось приятным.

Разговор вели в основном вассалы Пат Рина, и посвящен он был таинствам охранных систем. Он внимательно слушал их, изумляясь тому, что они считают всего лишь разумным, и дивясь рассказам о процедурах и устройствах, которые были установлены исключительно с целью охраны его жизни.

Отодвинув тарелку, он стал молча пить чай. Наконец в беседе о защите и обороне, нападении и вылазках наступило затишье, и Натеза повернулась к нему. Глаза у нее были темные и сверкающие, лицо было переполнено тенями и нюансами.

— В школе миз Одри нашлось место для Джонни? — спросила она с явным интересом.

— Как это ни странно, да. Хотя она сомневается в том, что он к ней придет. Он раньше жил в доме миз Одри, пока там не погибла его мать, после чего он убежал. Мы сошлись на том, что я с ним поговорю, и если он не захочет к ней ходить, она пришлет учителя сюда.

— Ну, значит, тут все в порядке, — одобрительно сказала она.

— Более или менее, — согласился он и подумал было, не упомянуть ли о разговоре с Элом.

Но — нет. Это ему сначала хотелось тщательно обдумать самому, хорошо взвесив свое меланти, — и только потом справиться о мнении Судьи сектора Хунтавас.

Так.

— У нас заключен контракт с Аджей Нейлор относительно ковров для продажи. Она сомневается относительно космопорта, хотя и говорит, что во времена ее юности Портовое шоссе было открытым и нейтральным.

— Так оно и было, пока не совпало несколько несчастий, которые нарушили это правило, — подтвердила Натеза. — Во-первых, началась война за территории между двумя соседствующими боссами, которая закончилась не так, как можно было ожидать. Вместо того чтобы один из боссов захватил территорию другого, обе территории подверглись разделу. Нескольким разделам. Это привело к хаосу, который мог бы в конце концов закончиться, если бы не началась вирусная эпидемия. В порту была вакцина — Пустошь в то время входила в Систему здравоохранения, — и ее должны были доставлять служащие порта. Но в порту не хватало рабочих рук, и вместо того чтобы отправить служащих порта в броневике и с должным вооружением, оттуда разослали нескольких туземцев, работавших в порту. Им дали список территорий и количество вакцины, которую следовало оставить каждому боссу.

Пат Рин поставил кружку.

— Их ограбили?

— Ах, нет. Но только потому, что они продали весь груз боссу ближайшей к космопорту территории, после чего исчезли. — Она повела плечами, по-лиадийски выразительно. — Возможно, у них хватило ума оставить вакцину и для себя. Но хочется надеяться, что они опустили эту деталь. Судя по всем сообщениям, болезнь была жуткая, и тысячи людей погибли из-за того, что не имели наличных для покупки лекарства.

Он закрыл глаза. Боги! Что за планеты производят подобных людей? И в то же время Эл и Одри, Гвинс, Джонни, Аджей, Вилли...

— Мастер?

Он открыл глаза и прочел на ее лице искреннюю тревогу за него.

— Хотелось бы знать, — проговорил он, безжалостно меняя тему разговора, — каков у нас выбор средств связи? Например, среди бывшего имущества мистера Морана я не обнаружил радиоприемника. Как боссы поддерживают связь друг с другом? Что хуже, я не вижу коротковолновых раций, с помощью которых мы могли бы обмениваться информацией друг с другом — например, чтобы я мог говорить с вами из лавки.

Чивер хмыкнул.

— Пытаюсь решить эту проблему, — сказал он. — У меня есть пара людей, которые говорят, что здесь есть местный вариант переносного комма, но торговлю контролирует один из дальних боссов. Послезавтра я собирался проверить корабль. Думаю заодно сделать крюк и разузнать насчет торговли коммами, раз уж буду в той стороне. — Он помолчал. — Кстати, аварийные переговорные устройства с корабля можно было бы использовать, чтобы держать связь между нами троими. Я принесу их с собой, если хотите.

— Да, будьте добры, — попросил Пат Рин.

Он допил чай и поставил кружку, а потом поймал на себе взгляд Натезы.

— Боссы держат связь друг с другом? — спросил он у нее.

Она чуть прищурила глаза.

— По моим сведениям, наиболее влиятельные боссы, которые контролируют более крупные территории, поддерживали связь между собой, заключали торговые сделки, союзы. Так ли это сейчас... сомневаюсь. Похоже, что с момента составления того доклада ситуация сильно ухудшилась.

Она резко вздохнула и подалась вперед. Ее взгляд и выражение лица были очень серьезными.

— Проблема Пустоши в том, что система боссов гниет изнутри. Нет упорядоченной передачи власти. Боссов часто убивают свободные стрелки, которые стремятся только к собственной власти. Такие стрелки обычно не имеют никакого представления об ответственности и об администрации, не говоря уже о компромиссах и взаимной выгоде. Поэтому территории увеличиваются в количестве, уменьшаясь в размерах, а хаос царит повсюду.

— Но нам и нужен был хаос, — напомнил Чивер со своего места за столом.

Натеза кивнула.

— Действительно, хаос очень полезен нам в том, чего мы хотим достичь. Однако он отнюдь не полезен тем, кто здесь живет и кто пытается выжить в мире, который трещит по всем швам. И для деловых интересов это тоже не полезно.

Она имела в виду деловые интересы Хунтавас. Пат Рин внимательно посмотрел на нее.

— Казалось бы, Хунтавас должны быть сторонниками хаоса.

— Нет. Отнюдь нет, мастер. Хунтавас стремятся к порядку. Чтобы можно было вести дела, нам необходимы определенные вещи: легкий и безопасный доступ, легкий и безопасный выход, постоянные поставки, экономика. И стабильная структура управления, с помощью которой можно установить выгодные связи. Пустошь ничего этого не обеспечивает. Это — горькая пустыня, и не только для Хунтавас.

— Но если бы появился такой босс, который смог бы объединить и удержать территории и подготовить преемника, способного делать то же? — спросил Пат Рин.

— Возможно, гниль было бы можно удалить, — медленно отозвалась она. — Возможно. Но сначала мы должны задать вопрос, способна ли Пустошь произвести такого босса.

— Но ведь на других территориях должны найтись такие же порядочные люди, каких мы видим здесь? — сказал он.

— Конечно, должны, — согласилась она. — Но рассмотрите текущее положение дел, если его можно удостоить такого названия. Если бы такая благородная и порядочная личность возникла, ей пришлось бы ступить на путь, который для нее открыт, — путь хладнокровного убийства. Чтобы объединить все — или даже большую часть — территории, ей придется убивать, и не один раз. И достигнув своей цели, объединенной территории, она должна превратиться в государственного деятеля, способного на компромисс, не спешащего убить даже самого упорного противника. — Она покачала головой. — Я не думаю, чтобы одному человеку удалось успешно играть обе эти роли, однако они нераздельны.

— Однако вы сами были и судьей, и убийцей.

Она улыбнулась.

— Меня прозвали Убийцей, — сказала она, и в ее голосе звучал смех. — Хотите узнать, за что?

— Да, — совершенно серьезно ответил Пат Рин, — хочу.

Однако Натеза только засмеялась и легко поднялась на ноги.

— Возможно, когда-нибудь я об этом расскажу. — Она отвела взгляд. — Мистер Мак-Фарланд, вы не уделите мне несколько минут вашего времени?

— Конечно.

Массивный землянин встал из-за стола и посмотрел на Пат Рина. Тот поднял руку.

— Гвинс. Я постараюсь ее не пугать. Спасибо вам, мистер Мак-Фарланд.

— Доброй ночи, босс.

Оставшись в столовой один, Пат Рин вздохнул, закрыл глаза и просто сидел в течение десятка ударов сердца. Боги, до чего он устал! Он уже устал — а ему еще надо так много сделать!

— Кратчайший путь к концу — через начало, — пробормотал он.

Это было присловьем дяди Даава. Лиадийские слова уже приобрели странный привкус: ведь он последние несколько дней разговаривал только на земном. Сможет ли он вообще говорить полиадийски, когда наконец вернется на родную планету, чтобы уничтожить врага Корвала?

Ладно. Всему свое время. Теперь ему уже давала совет Энн Дэвис. «Землянка Эр Тома», как ее называла его мать — но всегда так, чтобы этого не услышали дядя Даав или кузен Эр Том.

Пат Рин отодвинулся от стола, забрал Гвинс с ее поста за дверью столовой и спустился на кухню.

Повар надраивал суповую кастрюлю. Когда Пат Рин вошел, он сразу же отложил тряпочку и кастрюлю и вежливо кивнул.

— Вечер, босс. Что вам приготовить?

— Сейчас ничего не надо, спасибо. Я просто хотел сказать вам, что доволен качеством кулинарии, которое демонстрируется со вчерашнего обеда.

Повар ухмыльнулся и шаркнул ногой.

— Эт-то... Спасибо, босс. Я намерен поддерживать качество.

— Очень рад это слышать, — заверил его Пат Рин и повернулся к двери, закончив дело.

Однако сделав пару шагов к выходу, он вспомнил еще одно дело и оглянулся.

— Черно-коричневый кот, — сказал он, глядя на вновь встревожившегося повара.

Тревога усилилась.

— Да, сэр. Он вам не надоедает?

— Нисколько. Я просто хотел узнать его имя.

— Имя? — переспросил повар, пряча руки под передник. — Ну... кот, наверное. Я хочу сказать, кто же дает имена котам?

Пат Рин секунду молчал, а потом наклонил голову.

— Причуда. Доброй ночи.

— Всего наилучшего, — отозвался повар.

Теперь следовало отправиться в кабинет. Он оставил Гвинс охранять дверь, а сам направился к шкафчику для картотеки, чтобы извлечь оттуда журнал.

Он успел заполнить примерно три страницы, когда в дверь заглянула Гвинс.

— Джонни пришел, босс.

Он поднял голову.

— Хорошо. Впустите его сюда, пожалуйста.

Она исчезла, и через секунду в комнату неуверенно вошел Джонни. На его остреньком личике отражалось беспокойство.

— Не бойся, я тебя не съем, — мягко проговорил Пат Рин и указал на желтый пластиковый стул. — Присядь на минутку. У меня к тебе предложение.

Джонни сел, по-прежнему чувствуя себя неуверенно.

— Спасибо. Миз Одри сказала, что будет учить тебя читать лучше, считать и писать. Мне хочется, чтобы ты взялся за это. Ты меня понимаешь?

Мальчик кивнул, но не слишком радостно: кепка осталась у него на голове.

— Хорошо. Так. Миз Одри говорит, что ты можешь не захотеть идти на уроки к ней домой. Если это так, тогда она пришлет учителя и ты сможешь заниматься в этом доме. — Он устремил на ребенка строгий взгляд, как делал это с Квин, когда нужно было утвердить отцовский авторитет. — Вопрос об уроках не обсуждается, а вот место их проведения — да. Которое ты выберешь?

Парнишка поднял руку, шевеля пальцами: «подождите».

Ну что ж, ему предстоит сделать нелегкий выбор между страхом и самоуважением. Пат Рин осторожно откинулся на спинку стула, готовясь выжидать достаточно долгое время, если понадобится.

Этого не понадобилось. Джонни несколько секунд сидел с опущенной головой, словно созерцая дырку на правом колене своих брюк, а потом выпрямился. Глаза у него ярко сияли. Он сделал знак, который был совершенно понятен и неприличен.

— Ты будешь ходить к миз Одри? — спросил Пат Рин для полной ясности.

Джонни кивнул так, что его кепке грозило падение.

Пат Рин улыбнулся.

— Я рад. Жди в прихожей завтра утром, когда я буду уходить, и мы сможем вместе дойти до дома миз Одри.

Паренек ухмыльнулся и снова кивнул.

— Хорошо. Что-нибудь еще есть?

Все та же улыбка, но на этот раз сопровождается покачиванием головы.

— Тогда мы закончили. Доброй ночи.

Он сделал знак, который знал как «прощай».

Мальчик встал, чуть помялся — и поклонился. Поклон был без определенной модальности, но исполнен изящно и благонамеренно. И стал полной неожиданностью.

Не успел Пат Рин прокашляться, как Джонни исчез, призраком выскользнув за дверь.

Еще одна победа этого дня, подумал Пат Рин, берясь за ручку и снова сосредоточиваясь на журнале.

Это было хорошо.

Он бежит по холодным извилистым переходам, сжимая в руке пистолет. У его преследователей тоже пистолеты, как он знает к своему отчаянию, и их гораздо больше, чем ему удастся уложить своими пулями. Одному ему не справиться. Ему нужна помощь. Ему нужны близкие.

Коридор повернул — вправо, влево, вправо — и привел его в обшарпанную серую комнату, где одинокий человек сидел в кресле, вытянув вперед ноги, с рюмкой вина в руке. У Пат Рина радостно стукнуло сердце, и он бросился вперед.

— Вал Кон! Кузен, ты должен мне помочь...

Он протянул руку, прикоснулся к плечу кузена — и отшатнулся, давясь беззвучным криком.

Человек в кресле оказался скелетом, скалившимся на него в смертоносной ухмылке.

Ахнув, Пат Рин проснулся. Он медленно соображал, где находится, выравнивая дыхание. Чуть повернувшись в гнезде из сбившихся одеял, он вдруг ударился коленом обо что-то твердое.

Он осторожно опустил руку, ощутил мягкую шерстку и уютную вибрацию мурлыканья: безымянный черно-коричневый кот.

Улыбаясь, он снова откинул голову на плоскую подушку, не отрывая руки от кота.

Остальная часть ночи прошла без сновидений.

День 310-й
1392 год по Стандартному календарю
Улица Блер
Пустошь

Кот шел за ним по пятам из спальни на кухню, сидел у его ноги, пока он завтракал хлебом, сыром и чаем, а потом, высоко и нахально подняв хвост, побежал рядом с ним по коридору к прихожей.

В прихожей было странно тесно. В дополнение к Чиверу МакФарланду, который был вполне способен заполнить это про-

странство без посторонней помощи, там находились Джонни и стройная тень — Натеза.

— Доброе утро, — поздоровался Пат Рин со своими вассалами, одновременно делая приветственный знак ребенку.

— Утро, босс.

— Добрый день, мастер.

Ребенок также ответил на его приветствие, сделал паузу и сделал еще один знак. Пат Рину показалось, что знак адресован не ему, а...

Коту.

— Доброе утро, Босс Шелк, — пробормотал он, читая знак, и привлек внимание Джонни, вопросительно махнув рукой. — Кота зовут Шелк? — спросил он, имитируя мягкий, плавный жест.

Мальчишка кивнул и сбросил с растопыренных пальцев еще один знак.

— О, правда? Он мне сразу показался разборчивым котом.

— Что он сказал? — тихо удивилась Натеза.

Пат Рин встряхнулся.

— Что этот кот — Шелк — был настолько умен, что сравнительно недавно хорошенько поцарапал босса Морана, к вящей радости некоего кровожадного маленького дикаря. — Он наклонил голову. — Прошу прощения за любопытство, но должен ли я понять, что вы сегодня намерены нас сопровождать?

— Сегодня у меня есть дело на улицах, и я решила идти с вами, мистером Мак-Фарландом и неким кровожадным ребенком, пока нам по дороге.

Она изящно наклонила голову, имитируя полный поклон в своей любимой модальности ученика перед учителем.

— Возможно, я некстати.

— Или, возможно, нет, — сухо возразил он. — Это был просто вопрос.

— Кот тоже пойдет, босс? — лениво осведомился Чивер, прислонившийся к двери.

— Полагаю, его обязанности задержат его дома, — ответил Пат Рин и строго взглянул на сопровождавшее его животное.

Шелк моргнул ярко-золотыми глазами, а потом повернулся и заструился по коридору в сторону кухни.

— Ну, час настал, — сказал Пат Рин. — Мистер Мак-Фарланд, будьте любезны открыть дверь.

Одновременно с этими словами он сделал знак Джонни, обращая его внимание на то, что дверь открывается. Они вышли из дома настоящим отрядом: Чивер, затем Пат Рин, мальчик рядом с ним и Натеза, которая бесшумно и грациозно двигалась чуть сзади и правее.

Он услышал свист пули у уха и одновременно крик Натезы: «Ложись!», и упал на тротуар, с пистолетом в руке и мишенью в поле зрения.

А потом была учебная стрельба — крупная дичь. И когда мишени перестали появляться, он заморгал, не понимая, что случилось. В ушах пронзительно звенело.

— Не вставайте! — прошипела Натеза у него за спиной. — Не двигайтесь. Мы ждем знака мистера Мак-Фарланда.

Слово «знак» стремительно вернуло его к реальности улицы, где он лежал в полузамерзшей грязи, глядя на мужчину, скорчившегося у стены дома напротив. Его кровь ярким пятном расплывалась по грязному тротуару.

— Где... — начал он, но тут снова зазвучал голос Натезы, на этот раз громче:

— Знак был. Я встаю первая. Медленно считайте до двенадцати. Если в меня не стреляют, вставайте, но держите оружие наготове.

Он ощутил ее движения и медленно сосчитал до двенадцати. Улицу окутывала тишина. Пат Рин поднялся, держа пистолет наготове.

На противоположной стороне улицы открылась дверь чуть дальше мертвого мужчины. Оттуда выглянула женщина и поспешно спряталась снова, захлопнув дверь.

Новое движение на противоположной стороне улицы. Чивер Мак-Фарланд выскользнул из переулка, который должен был быть для него чересчур узким, и помахал рукой.

— Все чисто! — громко объявил он и зашагал к их позициям.

Освободившись, Пат Рин стремительно обернулся, посмотрев сначала на землю рядом с собой, но там не оказалось ничего, кроме грязи.

— Мастер?

— Ребенок, — сказал он, вспоминая, как свистела пуля и кричала Натеза.

Но Джонни этого слышать не мог. Хотя, конечно же, увидев, как все его домашние бросаются на землю, он...

— Ребенок, — повторил он снова, глядя в черные-черные глаза Натезы. — ГДЕ РЕБЕНОК?!

Ее взгляд сместился к нему за спину. Он обернулся и увидел оборванный узел материи — на самом деле совсем рядом.

— Боги.

Он опустился на колени рядом с неподвижным маленьким телом, повернул мальчика к себе на руки. Ни дыхания, ни пульса, ни широкой радостной улыбки.

Боги, боги... Нет!

— Мастер?

— Кто это сделал?

Высокий лиадийский льдом обжигал рот.

— Мастер, мистер Мак-Фарланд обнаружил среди них Джима Снайдера, — тихо ответила она. — Он полагает, что остальные пришли с территории босса Дикона.

Пат Рин стоял на коленях с мертвым ребенком на руках, и если даже и плакал на глазах у вассалов, то не ощущал стыда. Он не ощущал ничего, кроме бесконечного и пугающего холода.

«Это прекращается, прекращается немедленно. Больше никого из моих не убьют на улице».

Он повернул голову к Натезе и увидел, как расширились ее глаза.

— Приведите Одри, — проговорил он. Он слышал, что у него дрожит голос, и не обращал на это внимания. — Я желаю знать имя моего врага. Они мне ответят. Полностью.

Натеза приостановилась у выхода в сад: непривычная робость остановила ее ноги на верхней ступеньке. Она увидела его на середине крыши — силуэт на фоне ночного звездного неба Пустоши. Он сидел на краю закрытой садовой дорожки, ссутулив плечи, и у его ног свернулся кот. Оба, похоже, не замечали ветра, то и дело задувавшего с севера и делавшего вечерний воздух еще холоднее.

Смерть ребенка... Она вспомнила лицо, которое он повернул к ней тогда, вымазанное в грязи, блестящее от слез, заледеневшее в решительности, которая на порядок превосходило простое мщение, и содрогнулась уже не от холода.

— Инас, почему вы пришли?

Его голос звучал мягко и вежливо. Он не повернул головы. И кто мог сказать, что должно означать обращение к ней по имени?

Натеза собралась с мужеством, подняла ногу и вышла в сад.

— Здесь холодно, — сказала она, приняв его тон. — Я пришла, чтобы принести вам одеяло.

— А.

Она тихо скользнула между темных пятен спящих грядок и остановилась перед ним с перекинутым через руку одеялом.

Он посмотрел на нее — его лицо в звездном свете походило на золотую маску.

— Спасибо, — сказал он, но не шевельнулся, чтобы взять у нее одеяло.

Рядом с ним кот приподнялся и сел, аккуратно обернув хвостом передние лапы.

Натеза тихо вздохнула.

— Миз Одри попросила меня передать вам, что ее дом для вас открыт.

На золотой маске не отразилось никаких чувств.

— Я благодарен миз Одри, но не ищу возможности отвлечься.

Порыв ветра был таким холодным, что даже Натезу пробирал — а ведь она позаботилась о том, чтобы надеть куртку. Стоя так близко, она заметила, что он дрожит, хотя, наверное, сам он этого не замечал.

— Пат Рин! — Она решила, что смеет назвать его по имени, раз он сам установил такую модальность. — Пат Рин, вы замерзли. Погода холодная. Возьмите хотя бы одеяло, если я не могу убедить вас спуститься в дом. — Она прикусила губу. — Вы никому не поможете, если заболеете.

— Совершенно верно, — ответил он вежливо, но даже не попытался взять у нее одеяло.

Поражаясь собственной храбрости, она шагнула вперед и набросила одеяло ему на плечи. Кот Шелк, сидевший свечкой у его ног, одобрительно моргнул золотыми глазами.

Что-то в его лице изменилось. Он вздохнул, поднял руку, на которой блестело Кольцо Корвала, прикоснулся к одеялу и плотнее закутался в него.

— Спасибо, — снова повторил он, и ей показалось, что в этих словах было нечто большее, чем ритуальная формула. — Я благодарен за вашу заботу.

— Не за что.

Она медлила, не зная, что может ему предложить. Ей не хотелось оставлять его здесь в ледяной ночи одного, только с котом и его погибшими.

— Вам следует знать, — неожиданно сказал он, — что я решил принять на себя те роли, которые, как вам кажется, одному человеку сыграть невозможно.

Она нахмурила лоб.

— Извините?

— Я объединю территории, — заявил он совершенно нормальным голосом. — У нас будут законы и договоры. Мы будем свободно и безопасно перемещаться по улицам, вплоть до космопорта. Мы снова присоединимся к Системе здравоохранения. Появятся школы, библиотеки и клиники. Дети и взрослые смогут пользоваться этими благами, не опасаясь за свою жизнь. Я этого добьюсь.

— Пат Рин...

— Мы начнем с присоединения территории босса Дикона.

Натеза тряхнула головой, разрываясь между досадой и жалостью.

— Пат Рин, босс Дикон хорошо защищен. И более того, его территория лежит в противоположном направлении от вашей цели.

— Вы меня не слушали, — мягко укорил он ее. — Я объединю территории. Таким образом, первым мы сделаем того, кто посмел принести смерть одному из моих людей. Это послужит уроком и привлечет к нам внимание тех, с кем нам нужно будет вести переговоры.

— И сделав это, — строго сказала она, — вы привлечете еще больше убийц, пока один из них не добьется успеха.

— Инас, мы можем победить. Не бескровно, да. И возможно, нам придется принимать у себя еще убийц, пока мы не добьемся успеха. Но это можно сделать. Я это вижу. Я знаю, как следует действовать.

Жалость победила досаду. Его разум сломался под грузом горя. Не будь она Судьей сектора, она вполне могла бы упасть на колени и возопить к равнодушным богам — ибо именно так оплакивают мертвых и безумных на далекой и забытой планете, где она родилась.

Вместо этого она подняла руку и легко, по-дружески прикоснулась к его плечу.

— Хорошо, что у вас есть план. Мистер Мак-Фарланд внизу. Давайте пойдем к нему и обсудим действия за чаем с сыром.

Она не ожидала, что он так легко позволит себя убедить, но он встал, сбросил одеяло с плеч и аккуратно сложил его, повесив себе на руку.

— Давайте так и сделаем, — проговорил он все так же негромко и разумно. — Шелк, мы идем вниз. — Он кивнул, оставаясь воплощением вежливости. — Инас, я за вами.

День 50-й
1393 год по Стандартному календарю
Литаксин
Дом и сад Клана Эроб

Несмотря на всю неспешность, Шан дошел до нужных апартаментов значительно раньше, чем ему хотелось бы. Подавив вздох, он приложил руку к замку.

По другую сторону двери тихо зазвенел колокольчик. Последняя нота еще не успела стихнуть, когда дверь стремительно отъ-

ехала в сторону, открыв стоявшую за ней лиадийку исключительной красоты. Золотые волосы падали на плечи, огромные лиловые глаза смотрели с лица, настолько жестко спокойного, что оно казалось скульптурой, отважно созданной из чистого бледного золота, а не живой плотью. Утомленным чувством Целителя Шан воспринял предсказуемый гнев, смешанный с равными долями ужаса и облегчения. Это взрывоопасное соединение не предвещало спокойной беседы брата с сестрой.

Ну, у него не было другого выхода, как только начать. Приняв решение, он отвесил ей теплый поклон старшего брата.

— Добрый вечер, сестра, — сказал он, избрав низкий лиадийский, который предпочитала Нова, а не земной, который предпочитал он сам. — Как приятно видеть тебя здесь! Надеюсь, полет прошел приятно?

Губы Новы сжались.

— Приятно, — повторила она настолько монотонно, что модальность исчезла почти полностью. Глубоко вздохнув, она отступила на шаг, изобразив рукой приветственный жест. — Входи, пожалуйста, брат.

Он вынужден был войти и побрел через комнату к бару. Взяв рюмку, он налил туда немного приятного столового красного вина Эроба, что было, конечно, не очень хорошо с его стороны. Кодекс требовал, чтобы он дождался, пока ему предложат подкрепить силы. Но, с другой стороны, тот же Кодекс учил, что неформальность между близкими родственниками вполне допустима. В любом случае это давало Нове возможность раздражаться на мелочь и, возможно, немного обезопасило бы взрывчатую смесь эмоций.

— Вина, сестра? — бросил он через плечо. — Красное Эроба вполне приемлемо. Желтое чуть сладковато, а зеленое на днях показалось мне несколько затхлым. Хотя, может быть, просто попалась неудачная бутылка.

— Красного, будь добр, — спокойно ответила Нова позади него.

Шан вздохнул. Ну что ж, ему бессчетное количество раз приходилось выносить полный напор бешенства Новы, вынесет он его и сейчас. Он налил вторую рюмку красного вина и вручил ее сестре. Та кивнула и сделала маленький глоток.

Шан пил вино и мысленно очень медленно считал до двенадцати.

Он дошел до девяти, когда Нова резко поставила рюмку на стол и встретилась с ним взглядом.

— Я совсем недавно имела случай обменяться новостями с Присциллой Мендоса, — проговорила она непринужденно. — Она сказала мне, что наш брат и Мири Робертсон стали подлинными спутниками жизни.

— О, это магический союз, совершенно очевидно, — отозвался Шан с наигранным энтузиазмом. — Я вижу их связь совершенно ясно. Любой Целитель может ее увидеть, если не боится рискнуть тем, что его Зрение на несколько часов будет ослеплено блеском.

— Ясно.

Она помолчала, но напряжение ощущалось в каждой ее черточке. Однако даже когда она заговорила снова, ее голос звучал спокойно и ровно.

— Присцилла теперь называет себя капитаном «Исполнения долга» и удостоила меня сообщением о том, что вошла в семейство йос-Галан как спутница жизни Тоделма.

Шан ухмыльнулся.

— Я никогда еще не имел такого убедительного доказательства храбрости Присциллы!

Нова вздохнула.

— Еще один подлинный союз спутников жизни, брат? Не хотелось бы думать, что ты... отверг слово Первого представителя из пустого каприза.

— Пустого каприза? — Он поднял брови. — Разве мы не из Клана Корвал? Наши капризы никогда не бывают пустыми. Право, изучая Дневники, ты должна была бы в этом убедиться!

— Шан!

Он вздохнул и потер кончик носа.

— Мне трудно судить. Единственными примерами для меня служит то, что я вижу между Вал Коном и Мири — и что я видел между нашими родителями. Я... мы... у нас... нечто иное. Хотя что это за иное, я сказать не могу. — Еще один вздох, гораздо более резкий. — Мне нужно увидеться с Присциллой!

«И это, — решил он, — преуменьшение, которое сделало бы честь Вал Кону».

— Она выразила такую же потребность. — Нова взяла свою рюмку и отпила немного вина с таким видом, словно это было не слишком вкусное лекарство. — Итак, я обнаруживаю, что оба моих брата взяли себе спутниц жизни, не прибегая ни к Кодексу достойного поведения, ни к Первому представителю. Мы введем новую моду, так что тайные браки станут популярными.

Она одним глотком допила вино и снова вернула рюмку на стол.

— Другая новость Присциллы касалась здоровья Вал Кона, — сказала она спокойно. Спокойно — но пламя ее отчаяния и ярости взметнулось резко и высоко, чуть не опалив его. — Мне было сказано, что он опасно ранен, едва избежал смерти и может выйти из капсулы интенсивной терапии, лишившись способности летать.

«Ох, — подумал Шан. — Ох, проклятие!»

— Медтехники, — осторожно проговорил он, — высказывали различные мнения. Некоторые полагают, что поначалу Вал Кон будет настоящим инвалидом, но со временем восстановится и даже снова научится ходить. Это — крайняя точка зрения.

Он сделал паузу. Нова сильно побледнела, но махнула рукой, прося его продолжить.

— Менее экстремальная точка зрения заключается в том, что Вал Кон выйдет из капсулы почти в полном здравии, за исключением того, что больше не будет обладать реакцией, необходимой для мастера-пилота, не говоря уже о пилоте-разведчике. Они также полагают, что его здоровье останется слабым в течение нескольких лет — если не до конца его жизни.

Теперь Нова уже побледнела до самых губ, но продолжала смотреть ему прямо в глазах, во второй раз жестом попросив его продолжать.

— Самый оптимистичный прогноз, — закончил он, забыв упомянуть о том, что в эту группу оптимистов входят только он сам, две стайные черепахи, которые теперь крепко спят в атриуме Эроба, и Мири Робертсон Тайазан, — самый оптимистичный прогноз говорит, что наш брат очнется совершенно здоровым.

Нова моргнула.

— Как могут мнения настолько различаться? — вопросила она. — Первая и вторая группа сходятся в нарушениях, расходясь только в их степени. Но чтобы он очнулся совершенно выздоровевшим? Как...

Шан отпил немного вина, чтобы выиграть время. Нове риск, на который они пошли в отношении жизни Вал Кона, понравится еще меньше, чем медтехникам. И все же лишать ее надежды, когда он ощущает ее страх за Вал Кона почти как собственный...

— Ты должна понять, что имеют место... неизвестные величины, — медленно проговорил он. — Присцилла тебе что-нибудь сказала о том, какие травмы получил Вал Кон?

Нова моргнула.

— Она сказала, что он очень тяжело ранен. Я решила — это травмы при пилотировании...

— Часть из них именно таковы, — признал Шан. — Травмы от перегрузок, переломы, полученные из-за того, что его бросало в кабине, рассчитанной на человека вдвое больших габаритов — по всем показателям... — Он вздохнул и потер лоб. Проклятие, у него начинается мигрень! — Понимаешь, летательных аппаратов не было, так что Вал Кону, мне и... еще одному пилоту... пришлось захватить их у икстранцев. В процессе захвата корабля Вал Кона задела икстранская пуля, отравленная нервным ядом. Попади она в него по-настоящему, он умер бы более или менее мгновенно, насколько я понимаю. Результаты действия меньшей дозы в течение более долгого времени... плохо документированы. Кроме того, существуют... альтернативные методы... — Он воззрился на нее, не понимая, качается ли она или у него плохо со зрением. — Сестра?

— Ты... и Вал Кон, — повторила Нова дрожащим голосом, — украли корабли у икстранцев?

— Ну, понимаешь ли, у них их было так много, — виновато ответил он. — Необходимо было устроить воздушный удар, так что, естественно...

— Вас могли убить! — прервала его Нова.

Шан снова отпил вина.

— Шла война, — сказал он, стараясь не потерять терпения. — Меня убили бы, если бы я прятался в Доме с больными и детьми. А если ты считаешь меня способным свернуть Вал Кона с избранного им пути, взывая к здравому смыслу, то ты сильно переоцениваешь мои возможности убеждать!

Она смотрела на него еще пару секунд, а потом наклонила голову, признавая его правоту.

— Конечно. Итак, «альтернативные методы»?

Ну, час настал. Он допил вино и отставил рюмку.

— Проконсультировавшись со стайными черепахами Точильщиком и Хранителем, спутница жизни Вал Кона пришла к убеждению, что существует более эффективный метод лечения — стайный метод. Я предложил себя в качестве подопытного и нашел этот метод... удивительно действенным. Затем Мири решила — как спутница жизни Вал Кона и глава Корвала, — что он и она пройдут это лечение. Мы с Точильщиком несколько часов трудились над Вал Коном и оставили его мирно спящим. Его состояние заметно улучшилось по сравнению с тем, каким мы извлекли его из капсулы...

— Извлекли из капсулы? — вопросила Нова.

Шан вздохнул. Ну, так он и знал: ей это не понравилось.

— Вы посмели рисковать жизнью Главы Клана Корвал? Когда медтехники — когда ты сам! — признавали, что долгосрочные результаты воздействия яда неизвестны, что...

— Это решение Наделми Корвал, — оборвал ее Шан несколько громче, чем намеревался. — Она приняла его за себя, за своего спутника жизни и за весь Клан Корвал.

— Наделми Корвал! — возмущенно бросила Нова. — Эта выросшая среди землян наемница, невежественная в делах кланов, не знающая Кодекса...

— Ничего подобного.

Нова окаменела.

— Изволь объяснить.

Он потер лоб. Боги, как он устал! Он поспешно прибег к тонизирующей процедуре Целителей. Ожидаемый прилив энергии был больше похож на слабую дрожь испуга, но придется удовлетвориться этим. Пока.

— Мири и Вал Кона связывают подлинные узы спутников жизни, ты не забыла? Я готов поставить кантру против котенка, что она знает Кодекс не хуже... не хуже... да самого Вал Кона! И я готов к тому же спорить, что она будет летать, как разведчик. Она прекрасно понимала, что может означать ее решение, и приняла его обдуманно.

Наступило долгое молчание. В душе Новы боролись ужас, ярость, надежда и досада. В конце концов она вздохнула.

— Я желаю видеть нашего брата.

Шан покачал головой.

— Это было бы неразумно. Мы оставили его спящим, в состоянии... близком к трансу. Он проснется сам, когда придет время.

— Я желаю его ВИДЕТЬ, — повторила она с едва сдерживаемым бешенством. — Если он в трансе, то он меня не заметит, а у меня сердце немного успокоится. — Ее глаза опасно сверкнули. — Или у меня уже нет родственных прав?

Конечно, у нее есть родственные права, признал Шан. И по правде говоря, его собственное сердце тоже успокоится, если он убедится, что Вал Кон по-прежнему сладко спит, исцеленный и огражденный от всех опасностей.

— Хорошо, — согласился он. — Но только один взгляд. А потом мне нужно лечь.

Нова кивнула и повернулась к двери.

— Леди йос-Фелиум?

Медтехник поспешно встала. У нее немного закатывались глаза, за что Мири нисколько ее не винила. В конце концов после

первого недоверчивого взгляда ей удавалось почти не глазеть на пациентов. Мири наклонила голову, пытаясь держаться с непринужденным высокомерием.

— Этим моим вассалам, — проговорила она, избрав в высоком лиадийском модальность нанимателя по отношению к служащему, что было довольно близко к истине, если учесть, что она имеет кровь и гены Эроба, — требуется оптимизация. В последнее время они недоедали и, несомненно, нуждаются в добавках. Кроме того, следует удалить татуировки. У медтехника, прикрепленного к наемникам, должна быть программа стирания. Прошу вас связаться с ним и попросить ею поделиться от имени капитана Робертсон.

Медтехник судорожно сглотнула и изобразила вполне приемлемый поклон повиновения.

— Это будет сделано. — Она посмотрела снизу вверх на Нелирикка, Хэзенталл и Диглона и сверху вниз — на Шадию, а потом снова на Мири. — Прошу прощения, но работник не владеет языком... подопечных. Хотелось бы предотвратить... неловкие ситуации, миледи.

— Понимаю, — успокоила ее Мири и движением руки привлекла внимание медтехника к Нелирикку и Шадии. — Лейтенант-разведчик Шадиа Не-Зейм и мой адъютант, лейтенант Нелирикк Исследователь, останутся здесь, чтобы содействовать вам во всем, что будет необходимо.

Эти слова, похоже, успокоили медтехника, что показывало, насколько мало контактов у нее было с разведчиками. Она снова поклонилась и направилась к первому автоврачу из трех, находившихся в лазарете.

— Если бы... старший солдат... прошел сюда?

Нелирикк перевел это в виде приказа, и рядовой Диглон четко шагнул вперед.

Мири переглянулась с Шадией, которая ухмыльнулась и по-земному показала ей большой палец.

— У нас все под контролем, капитан Рыжик.

— Почему это меня не успокаивает? — риторически вопросила Мири и отправилась разыскивать Эмрит Тайазан, чтобы сообщить ей о том, что происходит в ее лечебном центре.

Мири отправилась в лечебный центр, чтобы позаботиться о последних подопечных йос-Фелиумов, оставив Вал Кона наедине с отцом.

Мальчишкой он мечтал об этой встрече. Его отец неожиданно прилетает и обнимает его сильными руками. Его отец сидит у

его постели утром, когда он просыпается. Его вызывает с занятий дядя Эр Том, а в кабинете его дожидается отец...

Детские мечты, которые не имели никакого отношения к происходящему сейчас. Он, взрослый, нашедший спутницу жизни, стоит в саду, далеко от дома, в присутствии незнакомца, который ему слабо улыбается и говорит:

— Ну...

Вал Кон решил, что внешне его отец — полный антипод его приемного отца. И голограммы молодого Даава совершенно не подготовили его к встрече с немолодым разведчиком, стоящим безмятежно и терпеливо в предутреннем саду. На голограммах был изображен мужчина в расцвете сил, жилистый, с резкими чертами лица. Его пышные темные волосы были собраны в хвост, черные глаза смотрят смело и прямо.

Этот человек уже не был худым. Седых волос у него было больше, чем каштановых, и они были подстрижены коротко, на земной манер. Его лицо, не бывшее красивым даже в юности, все же обладало неожиданной привлекательностью и удивительно напоминало дядю Эр Тома, а черные глаза смотрели с прямотой разведчика.

И Вал Кон вдруг понял, что Даав специально устроил эту паузу, чтобы у сына было время его рассмотреть. Он чуть было не ухмыльнулся этому старинному приему разведчиков.

Даав выгнул бровь.

— Кажется, ты собирался задать мне несколько острых вопросов?

— Самый острый я уже задал: чем ты занимался все эти годы?

«Пока я тебя ждал, и дядя Эр Том ждал...»

Теперь обе брови Даава поднялись.

— По-моему, я сделал запись в Дневниках? Да, я уверен, что сделал. Я ясно помню, что ты при этом присутствовал: там осталась клякса из-за того, что ты толкнул ручку.

«И еще кляксы, — подумал Вал Кон, который был хорошо знаком с этой страницей. — От слез».

— Однако, — продолжил Даав, — раз суть этой записи вылетела у тебя из головы, я напомню: я занимался сведением Счетов из-за гибели моей спутницы жизни.

— Но, — к собственному глубокому изумлению, вдруг заявил Вал Кон, — твоя спутница жизни не умерла.

Похоже, это утверждение у Даава изумления не вызвало. Он просто поднял руку, и старинное кольцо-загадка блеснуло на его пальце, как кусок молнии.

— Мне это стало понятно не сразу, — сказал он. — Наша связь была... повреждена. И прости меня, но я видел, как она умерла. Было вполне разумным решить, что я обезумел от горя и на самом деле не слышу ее голоса.

Он опустил руку.

— Как бы то ни было, убийца — а вернее, тот, кто нанял убийцу — так жарко желал, чтобы я искал злодея на Земле, что я не мог не пойти ему навстречу.

— Хотя, наверное, — пробормотал Вал Кон, — не совсем так, как ему хотелось бы.

— А что мне оставалось? Эллиана не захотела бы, чтобы я начал войну ради нее — даже если бы существовала полная уверенность в том, что ее убийство заказала Земля. В чем уверенности отнюдь не было. В Кодексе ясно сказано, что в вопросах сведения Счетов за жизнь желания сводящего вторичны по отношению к желаниям, которые честь позволяет приписать его погибшему.

Он поднял плечи, пожимая ими совершенно по-земному.

— Моя леди сказала бы, что Земля нанесла удар потому, что испытывала страх, и что страх порождается невежеством. Так что я преподавал культурную генетику. Землянам.

— А! — тихо сказал Вал Кон.

— Вот именно, «А!», — отозвался его отец. Он склонил голову набок. — Твоя леди капитан говорит на повседневном икстранском очень похоже на разведчика. Или, возможно, говорит на нем так, как это делает тот самый Разведчик.

— Право, мне следовало бы приучить Нелирикка называть меня по имени, — задумчиво заметил Вал Кон. Он повел плечами — но не пожал ими. — Я признаю, что икстранский не входил в число языков Мири до... недавних событий.

— А, да! Героический налет захваченных икстранских истребителей на превосходящие силы врага, во время которого ты получил смертельное ранение! Пожалуйста, не надо скромничать, сударь: рассказы о твоих подвигах тебя опережают. Командор Кармоди относится к тебе с трепетом и, похоже, считает совершенно безумным.

Вал Кон рассмеялся.

— Ну да.

Даав сделал пару шагов в сторону и потянулся — осторожно. Вал Кон решил, что так может двигаться человек, опасающийся, что мышцы спины будут протестовать.

— Скажи, если можешь, — сказал он, закончив потягивание, — кто этот могущественный враг, которым капитан Робертсон заманила моих бедных икстранцев?

Вал Кон выгнул бровь.

— А мне показалось, что это — икстранцы семейства йос-Фелиум.

— Трудно не испытывать остаточной нежности, — серьезно ответил Дааб. — Они — такие славные ребятишки!

— Ты меня успокоил, — отозвался он. — Что до врага...

Он замолчал, наклонив голову. Его отец напрягся и повернулся. Калитка в дальнем конце сада повернулась на петлях — и вскоре из теней возник Клонак тер-Мьюлин.

— Полчаса и еще немного, — проговорил он, бережно разглаживая усы кончиками пальцев. — Доброе утро, Тень.

— Доброе утро, Клонак, — отозвался Вал Кон, глядя на пухленького разведчика.

Что-то... шевелилось в уголке его сознания, словно кусочки старой-старой мозаики наконец неизбежно начали становиться на места.

— Клонак, — снова сказал он, испытывая глубокое отвращение к тому, что видел, и зная, что не ошибается. — Мой отец желает знать имя великого врага Корвала, убившего его брата и спутницу жизни его брата. Ты можешь назвать его ему, не так ли?

Немолодой разведчик кивнул.

— Уже называл, но не возражаю против того, чтобы еще раз повторить: Департамент Внутренних Дел. Ты ведь это не забыл, а, Дааб? Хотя я не уверен, что стал бы записывать Эр Тома на их счет: судя по тому, что я слышал от Шана, он умер из-за того, что умерла его спутница жизни.

— Чего не случилось бы, — негромко напомнил ему Дааб, — если бы Энн осталась с нами.

— Верно...

Вал Кон шагнул вперед, заставив обоих мужчин снова посмотреть на него.

— Вы скормили меня им, — проговорил он чуть дрогнувшим голосом. — Разведчики отдали меня Департаменту.

Клонак уставился на него так, словно принял его за сумасшедшего.

— Ну, конечно, мы отдали им тебя, Тень! А кто еще был у нас, кто мог бы с ними справиться — если не первопроходец, командор-разведчик и чистокровный йос-Фелиум? Концентрированная непредсказуемость. Неужели мы не воспользовались бы таким оружием? А ты не воспользовался бы? Не думаю. И потом, — закончил он, скрещивая руки на груди, — долг капитана состоит в том, чтобы заботиться о пассажирах. Эр Том не мог не научить тебя этому!

— Как близкий родственник я прошу тебя его не убивать, — прервал Даав тишину, которая последовала за этими словами. — Я признаю, что он вел себя как идиот в кубе. Но он — мой самый старинный друг, и он мне дорог.

Вал Кон закрыл глаза, прошел через Радугу — и только потом их открыл.

— Хорошо, — проговорил он, заставив свой голос звучать нейтрально, если не спокойно. — Это был мой долг, и я подходил для задания. Но план сорвался. Департамент продолжает существовать.

— Да, конечно, — согласился Клонак, словно разговаривал с умалишенным. — Но ты ведь больше не их креатура, так? Я вижу, что наше оружие вернулось к нам, став в три раза мощнее. Капитан, который очень хорошо знает ту опасность, которая угрожает его пассажирам. — Он резко вытянул руку ладонью вверх. — И как раз вовремя, потому что весь ад вырвался на свободу. Разведчики готовы выполнять ваши приказы, командор.

Вал Кон тряхнул головой.

— Развлекайтесь где-нибудь в другом месте. Мне не до вас.

— Полно, Тень, — строго проговорил пухленький разведчик. — Не надо капризничать. Я потерял у Невлорна многих. И ты тоже.

Вал Кон моргнул:

— У Невлорна?

— Клонак, паренек был болен и отрезан от новостей. — Низкий голос Даава стал совершенно серьезным. — Он не слышал о том, что Департамент Внутренних Дел устроил вооруженное нападение на базу Разведки, и о том, что при этом погибли десятки его товарищей.

Департамент открыто напал на разведчиков? Вал Кон снова моргнул. Это звучало совершенно дико. Департамент процветал исключительно потому, что действовал тайными путями, о которых честные люди даже не подозревали, не предпринимая заметных, открытых действий.

— Почему? — спросил он у Клонака.

— Почему? Да потому, испугался за тебя! — Он вздохнул, неожиданно и резко. — Шадиа обнаружила следы разведчика в испорченном корабле, вращавшемся вокруг запретной планеты, и доложила об этом в соответствии с правилами. Она не связала этого таинственного разведчика с тобой, но некоторые из нас это сделали. Департамент поймал передачу сообщения и вмешался — видимо, сделав тот же логический шаг. — Он по-

жал плечами. — Им настолько важно было тебя вернуть, Тень. Или по крайней мере настолько важно было, чтобы ты не попал ни к кому другому.

— Вы высоко меня цените, — сухо заметил Вал Кон. — Конечно, командир хотел вернуть — или нейтрализовать — меня раньше, чем я стану опасен для Департамента. Но рискнуть всем, совершив открытое нападение на разведчиков... — Он покачал головой. — Командир ведет свои подсчеты не так.

— Возможно, сменил учителя, — предположил Клонак. — Или, возможно, почувствовал себя достаточно сильным, чтобы перейти ко второй фазе, отчего и начал действовать смело.

По спине у Вал Кона побежали мурашки. А вот это звучало достаточно убедительно. План Департамента подразумевал распространение сферы влияния, и, возможно, было сочтено, что пора для этого настала — ведь Клан Корвал рассеялся по различным убежищам. Он как раз собирался сказать об этом Клонаку, когда его слух уловил едва слышный звук, совершенно чуждый тишине предрассветного сада. Он напряг слух, ожидая его повторения, и поднял левую руку в известном всем разведчикам знаке: «Подождите!»

Нова быстро шла по тихим предутренним коридорам дома Клана Эроб. Заворачивая за угол, они двигались настолько быстро, что чуть не сбили с ног рыжеволосую женщину в полевом кожаном костюме, которая шагала в противоположном направлении.

Шан остановился, проскользнув каблуком по навощенному деревянному полу.

— Мири?

Она ухмыльнулась.

— Эй, Шан! Сработало как в сказке!

Он изумленно воззрился на нее. Зрение Целителя принесло ему новый сюрприз в виде яркости ее ауры. Пока он приходил в себя, к Нове уже вернулись равновесие и яростный взгляд.

— Я потерял дар речи, — сказал он Мири, — что, как подтвердит тебе моя сестра, бывает крайне редко. Нова, это — Мири Робертсон Тайазан, леди йос-Фелиум.

Яростный взгляд Новы сменился недоверчивым.

— Вы — Мири Робертсон?

— Боюсь, что да, — подтвердила Мири сочувственно и непринужденно кивнула. — Рада познакомиться.

— Я... — начала было Нова.

Шан решил, что невежливость будет не такой уж большой катастрофой, и безжалостно ее прервал.

— Мы направляемся посмотреть, как дела у Вал Кона, — сказал он, глядя в смеющиеся серые глаза Мири. — Ты не хочешь пойти с нами?

— Не могу. Надо найти тетю Эмрит и сообщить ей кое-какие приятные новости. Но вот что я вам скажу: если вы ищете Вал Кона, то найдете его в саду в конце этого крыла дома. Он разговаривает со своим отцом.

— Со своим отцом? — Шан моргнул. — Мири...

— Даав йос-Фелиум мертв, — вмешалась Нова, которая не позволяла себя превзойти ни в чем, включая и невежливость.

— Нет. Мы только что проделали всю процедуру «добро пожаловать обратно в семью», и...

Ее глаза на секунду расфокусировались, а потом широко распахнулись.

— Что-то случилось! — сказала она и исчезла, бросившись туда, откуда пришла.

Шан побежал за ней уже в следующую секунду, и Нова — с ним.

«Случилось» — это было очень слабо сказано.

Мири бежала, и ее голова была полна стрельбы, смертоносных теней в саду, а Даав упал, и Клонак — рядом с ним, и Вал Кон — Вал Кон...

Она ударила ладонью по пластине замка и нырнула в отверстие, упав на землю перекатом, под укрытие живой изгороди слева. Вскинув пистолет, она осмотрела сад.

Три темные совершенно неподвижные кучи в трех далеко отстающих друг от друга местах сада были мертвяками. Один человек, скорчившийся у орнаментального валуна в центре, был разведчиком по имени Клонак тер-Мьюлин. Он с яростной быстротой работал над другим человеком, облаченным в кожу. В дальнем конце сада на петлях покачивалась калитка.

С замирающим сердцем она подошла к работающему разведчику.

— Насколько серьезно? — спросила она, слыша, как у нее за спиной открывается дверь.

Она стремительно развернулась и успела увидеть, как Шан и Нова врываются в дверь плечом к плечу, словно бегуны на финише.

— Ничего такого, с чем не справится автоврач, — ответил Клонак, выпрямляя спину и вздыхая с явным облегчением.

— Так. Шан поможет вам доставить его в медцентр.

Повернувшись на месте, она справилась со своим внутренним ощущением Вал Кона и нашла его на некотором расстоянии от того места, на котором она стояла. Его узор был смешением ужаса, упрямства и чистого безумного адреналина.

— Департамент Внутренних Дел, — сказал Клонак, и она не стала задерживаться, чтобы слушать его дальше.

Она бежала, бежала, как не бегала никогда — даже когда под ней разваливался на части Кламас. Через калитку — следом за ним.

День 345-й
1392 год по Стандартному календарю
Улица Гамильтон
Пустошь

— К вам босс Конрад, Пенн.

Пенн — босс Пенн Калхун — хмуро взглянул на бухгалтерскую ведомость, которую проверял, и стал ждать, чтобы рев в ушах затих.

Босс Конрад здесь. Он надеялся... Ну, теперь уже не важно, на что именно он надеялся — теперь надеяться было уже поздно. Реальность заключалась в том, что человек, который всего стандартный месяц назад ворвался на территорию босса Морана — человек, которого жильцы прозвали «босс Убийца», — находится на его территории, в его доме! И внезапно Пенн Калхун может рассчитывать на то, что его день закончится рано.

Тера... Он сказал себе, что с Терой все будет в порядке. Конрад охотился на боссов. Говорили, что жильцы и люди, работавшие на босса, оставались в безопасности — если им хватало ума не поднимать оружия на Конрада или его подручных.

Исключением стал Дикон. Конрад взорвал весь его дом, босса и его людей. Но он сделал это так, что соседние дома не взлетели на воздух и не загорелись. Немного покачались, может, пока дом Дикона рушился в его собственный подвал.

И, согласно сведениям Пенна, Дикон заслужил это особое внимание честно и прямо, сделав нечто глупое даже по его собственным меркам: отправив отряд на территорию Конрада, чтобы его убрать. Отряд обратно к Дикону на территорию не вернул-

ся, но им удалось как следует напакостить, прежде чем их пристрелили: они убили парнишку Конрада.

Поразмыслив, Пенн в конце концов решил, что Конрад сделал с Диконом то, что следовало, и не меньше того, что сделал бы сам Пенн, если бы это его парнишку убили.

Ему просто хотелось, чтобы этот тип не сбрендил и не решил уничтожить заодно и всех остальных боссов на планете.

— Пенн? — окликнула его Мардж, его заместитель, которая продолжала стоять у двери.

Голос у нее был неспокойным. Пенн вздохнул, надел на ручку колпачок, закрыл записную книжку, поправил очки на носу и поднял голову.

— Хорошо, — сказал он спокойно. — Пожалуйста, попроси босса Конрада войти, и пусть Дани принесет нам горячего чая. Я слышал, он любит чай.

Мардж так сжала губы, что они побелели.

— Пенн, это тот тип, который...

— Ага, я знаю, кто он, — оборвал он ее. — И что бы ни случилось, я хочу, чтобы ты сотрудничала с боссом Конрадом. Поняла? Говори с ним прямо. Объясни, что ты — мой заместитель и что будешь рада показать ему все, что ему надо. Веди себя умно, ладно? Ты же видела сообщения: ему нужен только я. Он хорошо относится к жильцам, об этом ты тоже читала. Будь умницей, Мардж. Обещай.

Она моргнула повлажневшими ресницами.

— Я буду умницей, Пенн.

— Отлично. — Он кивнул. — А теперь приведи его. Невежливо заставлять гостя ждать.

По всем описаниям босс Конрад был на нижней границе нормального роста, с каштановыми волосами и карими глазами, синей серьгой, блестящим кольцом и склонностью красиво одеваться. Все это оказалось правдой, но Пенн все равно не ожидал увидеть стройного и элегантного человека, который проследовал за Мардж в его кабинет в сопровождении бесшумного и серьезного телохранителя.

Телохранительницы — это была женщина. Натеза. Пенн почувствовал, как одна из его тревог улетучилась. Натеза была профессионалка: ему можно не беспокоиться, что она плохо справится с работой. Она будет действовать быстро и честно. Не то чтобы ручные пушки громадного мужика не справились бы с задачей, но получилась бы жуткая каша, которая бы добавила Тере горя.

С немалым облегчением он встал из-за стола, скрупулезно держа руки на виду, и вежливо кивнул.

— Вечер, сударь. Я — Пенн Калхун.

Темно-карие глаза серьезно смотрели на него с золотистого лица, не обладавшего возрастом. По сообщениям, ему за тридцать — и скорее всего он не моложе. Однако с тем же успехом ему могло быть десять, пятнадцать или даже двадцать. Он наклонил голову, но почему-то это выглядело более торжественно, чем обычный приветственный кивок.

— Добрый день, Пенн Калхун. Меня зовут Конрад. Прошу прощения за то, что помешал вам работать.

Его голос был мягким и звучал в среднем диапазоне, лаская слух.

— Не страшно, сударь. Я вроде как вас ждал.

Четкие брови чуть сдвинулись.

— А, неужели? Интересно почему.

Пенн пожал плечами.

— По моим источникам, вы в основном двигались в этом направлении.

Это была правда. Не было смысла лгать этому человеку. Ему нужно знать положение дел, и лучше, чтобы он узнал все от того, кто знает больше всех. Пенн указал на стул.

— Я буду рад, если вы сядете. Дани сейчас принесет чай.

Брови снова передвинулись — на этот раз вверх.

— Чай будет очень кстати, — пробормотал он и сел с грацией девушки.

Его телохранитель встала у него за спиной.

Пенн опустился в свое кресло, пытаясь понять, что ему говорить теперь. Решение удалось отложить благодаря появлению Дани с подносом, уставленным чашками, чайником и печеньем. Она поставила все на стол, ничего не пролив, что было очень недурно, если учесть, как сильно у нее дрожали руки. Широко открытые глаза метнули на него отчаянный взгляд.

— Спасибо, Дани, — сказал он непринужденно, словно сидел за ленчем с Терой. — Теперь мы сами о себе позаботимся.

— Да, сэр, босс, — прошептала она и сбежала, захлопнув за собой дверь чуть громче, чем нужно.

Пенн аккуратно налил чай в одну из чашек, сделал глоток и откусил кусок печенья. Продемонстрировав свои благие намерения, он наполнил вторую чашку и передал ее через стол.

— Благодарю вас, — негромко сказал босс Конрад и, сделав глоток, посмотрел прямо Пенну в глаза. — Надеюсь, вы простите меня, если я сразу перейду к цели моего визита, — добавил он.

Пенн проглотил остаток печенья.

— Конечно, — отозвался он, сам заметив, что его голос звучит довольно неспокойно. — Вы — человек занятой.

— Как и вы, — согласился Конрад. — Итак, быстро: я пришел сюда для того, чтобы предложить вам возможность стать моим партнером.

Пенн моргнул, решил, что ослышался, и осмелился быстро посмотреть на телохранителя. Она слабо улыбнулась и кивнула.

— М-м... — промычал Пенн и сделал еще глоток чая, чтобы смыть с языка крошки. — Партнером в чем?

— В совершенно безобидном деле — по крайней мере я продолжаю так считать, несмотря на тех, кто решил, что лучше умереть, но не согласиться. — Конрад сделал глоток из своей чашки. — Я представляю себе в перспективе свободное передвижение и торговлю между моими территориями и вашей и объединение некоторых ресурсов во благо всех сторон. Вы будете продолжать управлять своими улицами, как делали это столь успешно последние десять стандартных лет. А я буду управлять моими улицами и надеюсь, что буду делать это не хуже.

Пенн снова моргнул и с тихим смешком тряхнул головой.

— Извините. Видите ли, когда вы сюда вошли, я думал, что мой день закончен. Мне надо пару секунд, чтобы прийти в себя.

Тут его поразила новая мысль, и он заглянул в гладкое, спокойное лицо Конрада.

— Вы не предлагали такую сделку всем... всем остальным боссам, да?

— По правде говоря, нет. Покойный босс Дикон не произвел на меня впечатления человека, с которым стоит иметь дело. Однако что касается остальных... да. Я предложил им именно такую сделку.

— И они вам отказали? — Пенн потер переносицу. — Неужели они настолько глупы? — Тут он помахал рукой. — Знаю, знаю. Именно настолько.

Он прикрыл глаза, обдумывая договор, глядя на него с разных сторон. Это обещало выгоду, развитие и... проблему.

— Я приложил много усилий к тому, чтобы на моих улицах было спокойно, — осторожно проговорил он. — Некоторые из тех территорий, которые вы взяли, довольно неспокойные, судя по моим источникам. Таможни не предотвращают всех неприятностей, но уменьшают их количество.

— Это так. Мы сейчас создаем уличные патрули, которые в будущем сведут неприятности к минимуму. А пока мы могли бы оставить таможни на месте — но только как пункты проверки.

Проезжающие должны будут остановиться и пройти обыск, как и сейчас, но деньги при этом взиматься не будут.

— Ладно, так годится. Это можно сделать.

— Хорошо. Интересно, а как вы относитесь к обмену людьми?

Пенн окаменел.

— К обмену людьми?

Босс Конрад взмахнул рукой, заставив кольцо ярко заблестеть.

— Спокойно. Я просто хотел сказать, что вам было бы выгодно, если бы я, например, попросил мастера пивовара, который живет на моей территории, на время приехать к вам и научить своему мастерству одного из ваших людей. А мне нужна помощь в создании школ, таких, какие есть у вас. Сейчас у нас есть система... бродячих учителей, которые переходят с улицы на улицу, обучая чтению тех, кто хочет. Мне хотелось бы добиться большего, но меня должны научить, как это сделать.

— Понял! — Пенн широко улыбнулся, преисполнившись энтузиазма. — А если, скажем, ваш мастер пивовар не хочет уезжать из дома, может, я мог бы на время послать к нему моего ученика.

Конрад слабо улыбнулся.

— Совершенно верно.

— Ладно, пока это легко. — Пенн посмотрел на своего собеседника уже совершенно серьезно. — А в чем загвоздка?

Еще одна улыбка, немного менее слабая, чем первая.

— Загвоздка в том, что я хочу обезопасить Портовое шоссе на всем его протяжении, и мне нужно будет, чтобы вы гарантировали всем свободный проезд по той части, которая проходит через вашу территорию. Я возьму на себя такое же обязательство.

Портовое шоссе проходило более или менее посередине территории Пенна и было таким же безопасным, как и остальные его улицы. Однако...

— На севере с нами граничит Айвернет, а на западе — Уитмен. Я могу охранять свою часть шоссе, без проблем, но с территории Айвернета никто не выйдет. Уитмен... С Уитмен я могу поговорить, если хотите. Она не из тех, кто отворачивается от прибыли, если вы меня понимаете. Но Айвернет... слякоть его подери, Айвернет — псих.

— О! Тем не менее я намерен посетить босса Айвернета и предложить ему заключить договор. Если договор будет отвергнут, будут приняты меры.

Пенн покачал головой.

— Вы храбрее меня, — заметил он.

— Думаю, я просто авантюрист.

Конрад подался вперед, поставил чашку на стол и встал на ноги — легко и изящно. Пенн тоже встал с таким чувством, словно все его тело ухмылялось.

— Похоже, в принципе мы договорились, — сказал Конрад, наклоняя голову. — Натеза!

Женщина пришла в движение. Пенн успел ощутить резкий всплеск ужаса, а потом увидел, что у нее в руке вовсе не пистолет, а портативная рация.

Он протянул за ним трясущуюся руку.

— Если вам нужно со мной поговорить — консультация или неожиданное происшествие, просто нажмите кнопку «четыре». Если мне понадобится поговорить с вами по такому же поводу, я воспользуюсь своей рацией, и тогда ваша даст три гудка, от низкого до высокого. Это приемлемо?

— Приемлемо, — прокаркал Пенн.

— Это хорошо. А теперь я с вами попрощаюсь и дам вам возможность вернуться к вашим делам. Доброго вам дня, Пенн Калхун.

— Доброго дня, сударь, и вам, мадам. — Он повысил голос. — Мардж!

Дверь открылась с такой скоростью, что стало понятно: она подслушивала у двери. Лицо у нее было абсолютно белым, но улыбка сияла просто ослепительная.

— Мардж, босс Конрад и его телохранитель уже уходят. Пожалуйста, проводи их до дверей.

— Есть, сэр! — энергично ответила она, адресуя свою улыбку мужчине и женщине. — Сюда, мистер Конрад.

Они вышли за ней, не оглядываясь, а Пенн рухнул в свое кресло, наслаждаясь такой простой вещью, как дыхание.

Однако спустя какое-то время его мозги снова заработали, как обычно, и он покачал головой. Намерен навестить Айвернета? Тогда эта Натеза должна стрелять очень метко.

День 345-й
1392 год по Стандартному календарю
Дом радостей Джоли
Пустошь

— Дома на территории Айвернета? — Вин, у которого они гостили в тот вечер, с сожалением покачал головой. — На территории Айвернета домов нет, мистер Конрад. Мы слышали, что на

территории Айвернета вообще мало что есть — по крайней мере из того, что могло бы заинтересовать кого-то еще. Вот если бы вы направлялись на территорию Уитмен, мы бы с большим удовольствием направили вас в Дом Мирабеллы.

— Увы, — отозвался Пат Рин, — мое воображение захвачено перспективой визита к боссу Айвернету.

Вин посмотрел на свою партнершу, Джоли, в честь которой был назван Дом. Та вздохнула.

— Мистер Конрад, Вин прав. На территории Айвернета нет ничего, что бы вам понадобилось. У нас были... когда это случилось, Вин? Два года назад? Три? Когда проходили те ребята?

Он задумчиво наморщил широкий лоб.

— А, черт, угу. Я их помню. Три года, не меньше. В середине зимы.

Джоли кивнула, подалась вперед и прикоснулась к рукаву Пат Рина белыми пальцами.

— Двое ребятишек. Они выбрались с территории Айвернета как раз тогда, как Вин и сказал, в разгар зимы. Ноги у них были замотаны тряпицами и ни одной целой одежки. Мы так и не узнали, как им удалось пробраться мимо таможни. Одну потеряли сразу же: кожа да кости, и так замерзла... Мы ее так и не смогли отогреть, хотя, право, укрыли ее всеми одеялами, какие только нашлись у нас дома, и Нюс с Силби легли по обе стороны. Ничего не помогало. Она была совершенно истощена из-за наркотиков и недоедания, а потом еще бежала по снегу, когда они сбегали. Чтобы спастись.

Она отвернулась, точь-в-точь как лиадийская аристократка, пытающаяся скрыть слишком интимное проявление чувств.

— Ну вот, — заговорила она снова спустя несколько секунд, обращая к нему влажные синие глаза. — Вторая немного продержалась, так что мы уже решили, что она выживет. И она успела рассказать нам, каково там.

Она чуть сильнее прижала пальцы к его рукаву, а потом убрала руку.

— Мистер Конрад, там настоящий ад. Сказать, что Айвернет сумасшедший, это еще ничего не сказать. Там полно наркотика — они называют его «нирф», — и большинство его принимают, потому что он немного смягчает пустоту в желудке из-за того, что еды не хватает. Там нет домов, как Вин и сказал вам. Некоторые работают за то, что дают — а дают в основном нирф. И там совсем нет никакого бизнеса, не как у нас здесь, на территории босса Пенна — или как у вас самого, сударь, на ваших территориях.

Ведь никто не может знать, когда именно у Айвернета полетит предохранитель и он со своими громилами выйдет на улицы на охоту — так они сами это называют. И тогда они поджигают дома, чтобы было достаточно света.

Пат Рин согласился, что это очень похоже на ад. Он был благодарен Натезе за ее терпеливое присутствие — она молча пила чай справа от него. Настолько похоже на ад, что, будь это возможно, он дал бы себя уговорить навестить вместо него босса Уитмен.

Однако существовала необходимость.

— Я предупрежден, — пробормотал он. — Но так уж получилось, что боссу Айвернету принадлежит нечто такое, что представляет для меня интерес. Через его территорию проходит Портовое шоссе.

— Ага, проходит, — подтвердил Вин, садясь прямее. В глазах его загорелся интерес. — Так вы хотите захватить шоссе?

— Хочу, — подтвердил Пат Рин, очень довольный им. — Я намерен его открыть от центральных районов до космопорта, обезопасить и обеспечить бесплатный проезд для всех.

Вин присвистнул.

— Вы говорили с Пенном об этом?

— На самом деле это и было целью моего визита. Мы с мистером Калхуном обсудили сегодня днем этот вопрос и смогли заключить взаимовыгодное соглашение, — сказал Пат Рин. Натеза рядом с ним изменила свою позу. — Прошу вас поговорить с ним самим и задать все вопросы, которые могут у вас возникнуть. Я уверен, что босс, который управляет так хорошо, как это делает мистер Калхун, часто разговаривает со своими людьми.

— Пенн — лучший босс на девять ближайших территорий! — тепло заверил его Вин, а потом покачал головой. — Одри нам сказала, что вы несете перемены, — добавил он, глядя на свою партнершу. — Мы попытались, Джоли. Одри нас предупреждала и о том, что он упрямый.

— Ага. Ага, предупреждала. А еще она сказала, что он будет помогать бизнесу. Чего он не сможет сделать, если его убьют на территории Айвернета. — Она взглянула на него и щеки у нее зарделись. — Не то чтобы это было моим решением. И я не хочу сказать, что миз Натеза — не профессионал...

— Я благодарю вас за заботу, — искренне сказал Пат Рин, — но мои планы не меняются.

— И поэтому-то он — босс, — заключил Вин, хлопая ладонью по столу и широко и радостно улыбаясь. — Вот что я вам скажу:

остановитесь у нас снова по дороге обратно. Мы будем очень рады видеть вас обоих.

Тронутый Пат Рин кивнул. Одри, конечно, дала ему рекомендательное письмо в дом Джоли и Вина, как дала письма и в остальные шесть борделей на шести территориях, которые теперь либо принадлежали ему, либо заключили с ним союз. Все главы домов принимали его сердечно, но никто, кроме Одри — и теперь этих двоих, — не выказывал никакой тревоги за него. И действительно, зачем им было это делать? Боссы приходят и уходят, и даже такого босса, при котором дела идут хорошо, рано или поздно убивают.

— Я благодарю вас, — снова сказал он, наклоняя голову. — Будет очень приятно возобновить наше знакомство на обратном пути.

— Ну, вот и хорошо, — сказал Вин, вставая на ноги.

Джоли встала следом за ним. Пат Рин встал из уважения к хозяевам дома, и Натеза тоже поднялась с места.

— Нам пора спуститься в зал и проследить, чтобы все вели себя спокойно, — сказала Джоли. — Если вам нужно общество, выбирайте тех, кто вам понравится. Это будет за наш счет. Для ранних гостей и тех, кто не ушел домой допоздна, у нас подают завтрак. Приглашаем вас воспользоваться и им тоже.

— Вы очень любезны, — пробормотал Пат Рин. — Мне самому общество на вечер не нужно, хотя, возможно, Натеза пожелает воспользоваться вашим предложением.

— Как пожелаете, — отозвался Вин. — Я отведу вас в вашу комнату и прослежу, чтобы швейцар знал, кто вы. Комнаты служащих — в задней части дома. У нас здесь обычно неприятностей не бывает, но иногда клиенту приглянется кто-то из служащих, и тогда он может немного пошуметь.

Он взмахнул рукой, приглашая Пат Рина пройти с ним.

Он послушно двинулся за хозяином дома, стараясь не оглядываться на Натезу. В конце концов она заслужила немного удовольствий и имела право воспользоваться пребыванием в доме, где так безопасно, как только бывает на Пустоши. Ведь завтра их ждет крайне опасное предприятие — если не открытая глупость.

И потому он не заметил, как блеснули черные глаза, задумчиво наблюдавшие за тем, как он выходит из комнаты.

Она пришла к нему нагая, чего не делала в нескольких его снах на эту тему, с бутылкой вина и двумя рюмками.

Пат Рин, которого ее стук оторвал от работы над журналом, сам освободившийся от куртки и большей части своего оружия,

открыл дверь на ее стук — и застыл на месте, открыто глядя на нее.

— Что-то не так?

В выразительном голосе Натезы звучал явный смех.

— Нисколько, — заверил он ее, мысленно встряхиваясь, чтобы овладеть собой. — Я просто пытался вспомнить, видел ли я вас когда-нибудь без оружия.

— А! — Тут она улыбнулась и продемонстрировала ему рюмки. — Мне можно войти? Джоли считает, что это вино вполне приемлемо.

— Правда?

Он посторонился, позволяя ей пройти, и стал смотреть, как она идет к столу, дивясь ее сдержанной красоте. Она была стройная и даже слишком притягательная в своей кремовой тонкой рубашке и облегающих черных брюках. Он заставил себя отвести глаза и закрыл дверь.

Когда он присоединился к ней за столом, она уже закрыла его журнал и отодвинула его в сторону, освободив место для рюмок и вина.

— Но я не полностью невооруженная, — тихо сказала она, когда он оказался с ней рядом. — И вы тоже небезоружны. — Она бросила на него смеющийся взгляд. — Даже в присутствии друзей мы сохраняем бдительность. Право, это прискорбно.

— Вот мы и скорбим, — согласился он.

Тем временем Натеза сняла с пояса нож со штопором и занялась пробкой.

— Мне непонятно, почему вы здесь, — сказал он, глядя, как ее тонкие ловкие пальцы управляются с пробкой. — Поймите меня правильно: я рад выпить с вами вина! Просто мне показалось, что вы предназначили этот вечер для удовольствий, предоставляемых домом.

— А! Да. — Черные глаза мимолетно блеснули, а потом она извлекла пробку и поставила вино подышать. — Это вы плохо сделали.

— Правда? — спросил он, что было чистым идиотизмом.

Лучше было бы отрицать какие бы то ни было действия. Гораздо лучше было бы ее не понять.

— Да, — подтвердила она. — Плохо.

Она потянулась за рюмкой, и ее рукав скользнул по его рукаву — едва заметное прикосновение ткани к ткани. Совершенно непонятно, почему по его нервам пробежала столь яркая вспышка.

Вино было разлито, аккуратно и без труда. Натеза вручила ему рюмку. Она сама взяла вторую, но пить пока не стала — только стояла и очень серьезно смотрела на него.

— Вы ведь отказали себе в удовольствиях дома, не так ли?

Он наклонил голову, позволив себе легкую улыбку.

— Конечно. Я — босс, и меня всегда ждет работа.

— Да, конечно.

Она подняла рюмку — земной тост, — и он последовал ее примеру.

— За наш успех завтра.

— За наш успех завтра, — повторил он, и они выпили.

— У вас есть сомнения в завтрашнем результате? — спросил он у нее, после того как они сделали еще по глотку, наслаждаясь букетом: это оказалось настоящим вином, совершенно не похожим на ошибочно названное, хотя и приятное, Осеннее вино.

Она тихо засмеялась и села на единственный стул в комнате — воплощенное изящество и элегантность. Пат Рин присел на край стола и посмотрел в ее лицо сверху вниз. У него пальцы зудели от желания погладить ее нежную щеку, что было бы уже не просто идиотизмом, а настоящим безумием. Он отпил еще немного вина, пытаясь собрать остатки здравого смысла.

— Успех никогда не обеспечен, — ответила Натеза совершенно серьезно, несмотря на внешнюю веселость. — И завтра мы выступаем против противника, который непредсказуем и необучен, что прибавляет опасности.

— Мы знали об этом, — напомнил он ей, — и составили планы в соответствии с этим. Мы не идем к боссу Айвернету безоружными, и поблизости будут силы поддержки.

— Все это верно, однако нам не следует быть легкомысленными. По правде говоря, не знай я заранее вашего ответа, я попросила бы вас передумать и остаться тут отдыхать, пока мы с мистером Мак-Фарландом с небольшим отрядом не пойдем и не расчистим вам путь.

Он ответил не сразу, потому что задумчиво разглядывал ее лицо. Она ответила на его взгляд, чуть расширив глаза. Губы ее изогнулись в легкой и явно манящей улыбке.

Тут Пат Рин понял, что Натеза намерена наказать его за то, что он осмелился предложить ей удовольствия этого дома. Он сделал медленный вдох, направленный на то, чтобы охладить температуру своей разогревшейся крови. Она была вправе сводить счеты, раз она сочла, что он перешел границы. Однако сведение счетов не требовало от него, чтобы он вел себя как дурак.

Итак, к делу.

— Мы уже это обсуждали. Я намерен предлагать сделку каждому боссу. Чрезвычайные меры предназначены для тех, кто отказывается с применением насилия. Мы не можем просто убить человека за его репутацию. Возможно, его... неправильно поняли, хотя я готов согласиться, что это выглядит маловероятным. Однако мы не можем решительно заявить, что это абсолютно невероятно. Следует ли нам пересчитать тех, кто теперь думает, что Джонни был моим родным сыном, а его погибшая мать — моей женой, с которой меня надолго разлучил злой рок?

Она кивнула.

— Это так. Однако я не хочу, чтобы вы подвергали себя ненужной опасности. Если босс Айвернет безвреден и оболган, тогда ему не повредит то, что вы сначала отправите к нему посольство. Если же он такой, как сообщалось, то отправка передового отряда означает, что ваша жизнь будет сохранена.

Она допила вино и встала. Бережно поставив рюмку на стол, она повернулась к нему с решимостью в глазах.

Пат Рин тоже поставил рюмку, вставая со стола, — но опоздал. Она сделала один шаг и была совсем рядом. Ее бедро прикоснулось к его боку, рука медленно и уверенно двигалась у него на глазах к его щеке.

«Конец сведению счетов, — подумал он. — Конец чести и правильным поступкам». Желание наэлектризовало его кровь. Он заглянул в ее глаза и понял, что пропал. И что не имеет права пропасть.

— Инас, — прошептал он. — Инас, не надо.

Ее рука приостановилась.

— Почему?

— Потому что... потому что я владею вашей клятвой, — сумел выговорить он, хотя его голос постыдно дрожал. — Я не хочу вас бесчестить.

Что-то шевельнулось в ее глазах. К своему крайнему огорчению, он не смог понять, что именно.

— А! — тихо произнесла она, и ее теплое дыхание коснулось его щеки. — Понимаю.

Ее рука пришла в движение. Палец легко коснулся камня у него в мочке уха, а потом она отступила, поклонившись ему поземному, без всяких нюансов.

— Пат Рин, доброй ночи. Спите спокойно. Хороших вам снов.

— Хорошего вам сна, Инас, — отозвался он и проводил взглядом ее легко удаляющуюся фигурку.

День 346-й
1392 год по Стандартному календарю
Деловая улица
Пустошь

Гвинс подвела машину к тому, что можно было счесть обочиной, поставила ее на тормоз и подняла голову. В зеркале заднего вида Пат Рин увидел, как она обеспокоенно нахмурилась.

— Босс, мне эта улица не очень-то нравится.

Что, по мнению Пат Рина, только доказывало, что она — женщина здравомыслящая. Во время своих последних путешествий ему пришлось видеть плохие улицы. И даже очень плохие улицы.

А эта улица... оскорбление приличия, бельмо на глазу, боль души.

Выгоревшие здания стояли по обеим сторонам разбитой дороги. Щербатые окна походили на клыкастые отверстия черных и бездонных глоток. Здесь не было ни деревьев, ни цветов, которые он видел на некоторых улицах под покровительством Пенна Калхуна. Не было на улице ни людей, ни машин — за исключением их собственной.

На всей этой печальной улице только один дом оставался несожженным и неразоренным: мрачная серая громада, защищенная ржавой решеткой, украшенной сверкающей сетью металлических шипов.

— Хорошо, — проговорил он, собираясь с духом.

Повернувшись, он встретился взглядом с Натезой. Она наклонила голову, как новичок, адресующийся мастеру, без видимой иронии.

— Гвинс, свяжитесь, пожалуйста, с мистером Мак-Фарландом и попросите его подвести свой отряд ближе. Мы с Натезой посмотрим, дома ли босс Айвернет.

Гвинс прикусила губу.

— Босс, разумно было бы подождать, пока мистер Мак-Фарланд не подойдет.

— Вызови его прямо сейчас, — ответил он, сохраняя терпение ввиду ее тревоги. — Они ведь не станут открывать огонь, не выяснив сначала, кто мы.

Он ошибся.

Он успел сделать ровно пятнадцать шагов по разбитому тротуару в направлении к дому в сопровождении Натезы, когда пер-

вая пуля прорычала мимо его уха. Он нашел цель, выстрелил и отпрыгнул в то же мгновение, тяжело упав на плечо за кучей бетонных осколков, которые раньше могли составлять часть стены.

Воздух был полон пуль, которые рычали и ныли, и звонко отскакивали от его ненадежного укрытия. Пат Рин на секунду высунулся из-за него, нашел цель, выстрелил и нырнул обратно с запорошенным цементной пылью лицом.

Он высунулся снова — и замер.

Натеза лежала, открытая и неподвижная, на дорожке, ведущей к дому. Он еще смотрел на нее, не веря своим глазам, когда пуля отколола кусок камня у ее головы. Он не мог определить, жива ли она... Нет, ее рука! Определенно ее пальцы дернулись в сторону выпавшего пистолета!

Град новых пуль заставил его снова спрятаться за укрытие. Он измерил расстояние взглядом, не слушая знакомый, издевательский голос, который говорил ему, что у него слишком медленная реакция — недопустимо медленная. Нет, тут он не потерпит неудачи. Он не оставит ее там умирать.

Он осторожно спрятал пистолет в кобуру. Осторожно подобрал под себя ноги. Обстрел немного ослабел. Он сосредоточился на неподвижной фигуре, лежащей на разбитом тротуаре, сделал глубокий вдох и побежал.

Быстро и отчаянно он добрался до нее, поднял ее на руки и понесся обратно к сомнительному укрытию из обломков бетона.

Он почти успел.

День 51-й
Год 1393 по Стандартному календарю
Литаксин
Территория Клана Эроб

Он опоздал.

Чертыхаясь, Вал Кон опустился на колени у неподвижной фигуры, скорчившейся под пологом деревьев. Он осторожно перевернул ее и вздрогнул, открыв искаженное лицо. Белдин чел-Мара. Когда-то она была разведчиком.

Рана, которую она получила в перестрелке, была достаточно серьезной, но отнюдь не смертельной. Нет, мука, отразившаяся на ее лице, говорила ясно: агент чел-Мара поняла, что ее преследуют — и кто именно это делает. Ее Контур дал ей цифры,

продемонстрировавшие, что он захватит ее раньше, чем она успеет добраться до своего корабля. И еще Контур показал ей вероятность одержать победу при столкновении с ним, когда она так слаба и испугана.

И она подчинилась внедренным в ее подсознание приказам и приняла Финальную программу Контура, покончив с собой, чтобы избежать плена.

Обещать командиру муки двенадцати дюжин адских бездн на таком расстоянии было бесполезно, а у него не было лишнего времени, чтобы на это тратить.

Действуя быстро и уверенно, он обшарил карманы, пояс и тайники погибшего агента, извлекая все, что там было, — даже монеты и лицензии. Кое-как рассовав свой улов по карманам жилета, он встал и попятился. Вот-вот...

— Кто это?

Мири чуть задыхалась. Он поднял руку, приказывая ей не приближаться, и повел мысленный отсчет: «Один, два, три, четыре, пять...»

Тело Белдин чел-Мары ослепительно вспыхнуло. Вал Кон прикрыл глаза сгибом руки, ощутив лицом волну жара и вони горящей плоти, услышал рев огня — и тишину.

Он осторожно опустил руку. Редкая трава, на которой лежало тело агента, чуть обгорела. Больше ничего не оставалось.

— Кто, — повторила свой вопрос Мири совсем близко от него, — это был?

Он посмотрел в хмурые серые глаза.

— Агент перемен Белдин чел-Мара.

— Самоубийство?

Он кивнул и не сразу решился задать свой вопрос, мысленно снова увидев, как стремительно распахивается садовая калитка, слыша, как у него над головой проносятся первые пули, пока он падает на землю перекатом. И длинное тело сминается...

— Мой отец?

— Клонак должен был уже доставить его в медцентр. Он не показался мне особо встревоженным. Думаю, теперь моя очередь тревожиться.

Она промокнула рукавом вспотевшее лицо.

— Если уж у нас остается эта связь спутников жизни — а я не хочу сказать, что это обязательно плохо, — то нам надо кое-что настроить получше. Я знала только, что ты испугался, обозлился и убежал. Клонак сказал, что это Департамент, и я бросилась за тобой, решив, что им удалось тебя схватить.

— Действительно, это говорит в пользу настройки. В свободное время нам предстоит заняться этим делом.

— Ну, не похоже, чтобы у нас пока было много свободного времени. Эти люди не успокоятся, да?

— Да, — признал он, обхватывая ее талию в мимолетном, нелепо успокоительном объятии. — На самом деле новости, которые сообщил Клонак, указывают, что Департамент не только не сдался, но и переходит ко второму этапу своего Плана.

— Ко второму этапу? Что это такое?

— Они начинают действовать более открыто, убирают своих противников, распускают Совет Кланов и превращаются в правительство.

Мири округлила глаза.

— Они это серьезно?

— Очень серьезно, — заверил ее Вал Кон. — И что гораздо хуже, немало шансов за то, что у них все получится. — Он чуть отступил и извлек из кармана беспорядочно сложенное имущество Белдин чел-Мары. — И где-то здесь... А!

Он продемонстрировал ей искомый предмет. Мири прищурилась, а потом поморщилась.

— Корабельный ключ. Великолепно. Теперь нам только надо найти корабль.

— В этом трудности не будет, — ответил он, нажимая соответствующую кнопку.

Устройство ожило у него в руке, дрожа от желания воссоединиться со своим кораблем. Вал Кон слабо сжал его в руке и очень медленно повернулся на месте. Когда оборот был завершен на три четверти, ключ рванулся в своей тюрьме из пальцев.

— Сюда, — тихо сказал он и пошел вперед.

Ключ подпрыгивал у него в руке. Мири молча шла рядом.

— Нет, — твердо сказал Шан. — Мы за ними не пойдем.

— Шан, Наделм и Наделми Корвал находятся...

— Чего ты, похоже, не поняла, — сказал он, повышая голос, чтобы во второй раз за этот час прервать свою сестру и Первого представителя, — это что Наделм и Наделми Корвал — чрезвычайно воинственные личности. Мири Робертсон — капитан солдат-наемников. Только в последнее время она вела солдат воевать, выдержала несколько сражений, освободила посадочную площадку, захваченную вражескими отрядами — да, и взяла под начало икстранского исследователя. И вспомни, что Наделм Корвал имеет звание командора-разведчика. Хотя это само по

себе не гарантирует воинственности, я скажу тебе, по его собственным словам и по словам того самого икстранского исследователя, что Вал Кон йос-Фелиум победил воина в два раза более крупного, чем он, и к тому же находившегося в отчаянном положении, в бою один на один, причем оба они были вооружены ножами.

— Шан...

— И все это означает, — продолжил он, доводя число прерываний до трех, — что они больше опасны для вселенной, чем вселенная — для них. И что враги, с которыми они не смогли бы справиться одним грозным взглядом и взмахом руки, не относятся к числу тех, кого нам хотелось бы встретить во время прогулки по предрассветному лесу. К тому же Эроб отправил несколько профессиональных солдат преследовать остатки этих врагов, кто бы они ни были и сколько бы их ни было. И еще я напомню тебе, что ты — Корвал-пернарди. Как подчиненный тебе Тоделм в соответствии с пятнадцатым пунктом главы восемь Кодекса достойного поведения, я запрещаю тебе рисковать собой в тот момент, когда с нами нет Наделма.

Он сделал глубокий вдох, готовясь высказать еще более сильные аргументы, если понадобится, но она стояла, молча глядя на него, и только ее лицо было заметно бледнее обычного.

Однако если Нова лишилась дара речи, то при этом присутствовали другие, с которыми этого не случилось.

— Браво! — Клонак сдвинул ладони в одобрительных аплодисментах. — Хорошо сыграно, сударь! Да! Прекрасно сыграно! Клянусь богами, я приобрету эту запись!

— Клонак, — предостерегающе проговорил Шан, — я...

— Нет-нет, дорогой, молчи! Ты только что дал гениальное представление. Восстанови силы. Позволь мне занять твое место.

Он шагнул вперед и поклонился, очень правильно и аристократически: почтение Делму, не являющемуся его собственным.

— Леди Нова, как приятно снова вас видеть! Вам понравилась война?

Она бросила на Клонака возмущенный взгляд, что нисколько его не смутило.

— Увы, я пропустила наиболее живые эпизоды. Я прилетела всего несколько часов назад.

— Правда? Значит, вы еще не знакомы с милым лейтенантом Нелирикком. Настоящий бриллиант, этот лейтенант Нелирикк. Я убежден, что он чрезвычайно вам понравится. Как вы уже слышали, его победил ваш брат, достойная Тень. Это был рукопаш-

ный бой, в котором он приобрел место на службе вашему Дому. Человек со множеством превосходных качеств. И как удачно, что он был с нами вчера днем, когда мы подобрали других. Конечно, пока рано предсказывать, какую ценность они будут представлять для Дома Корвала, но я убежден, что они постараются хорошо ему послужить.

— Других? — переспросил Шан, внезапно похолодев. — Каких других?

Клонак одарил его блаженной улыбкой.

— О, Хэзенталл Исследователя и пехотинца Диглона, конечно, кого же еще? Они всего час назад принесли свои клятвы лорду и леди йос-Фелиум.

Шан закрыл глаза.

— Устал, дорогой?

— Смертельно, если хотите знать, — ответил он со вздохом. — Семейству йос-Фелиум принесли вассальные клятвы трое иксстранцев?

— Не сомневаюсь в том, что им найдется работа по дому. По правде говоря, капитан Робертсон очень красноречиво говорила об этом. — Он помолчал, разглаживая усы. — Сомневаюсь, чтобы Тень уже додумался (но он обязательно додумается: этот ваш приемный братец соображает здорово), но уверен, что Дааб уже прикинул возможность составить пару для размножения. — Он повел плечами. — Ну, это не могло не прийти ему в голову, знаете ли. Мы ведь всего лишь результат нашей подготовки.

— Пару для размножения... — тихо пролепетал Шан, но Нову интересовало другое.

— Если вы почему-то решили, что я приму этого человека как Дааба йос-Фелиума, как бы вы с ним ни разыграли моего брата...

— А! — воскликнул Клонак, шлепнув себя ладонью по лбу. — Простите меня! Вы напомнили мне, почему я пошел вас искать. Погодите, я уверен, что он где-то здесь...

Он демонстративно начал копаться в карманах и в конце концов картинно извлек во много раз сложенный лист распечатки.

— Пока его держали в капсуле автоврача, я попросил техников провести генный подбор. Я был уверен, что вас это заинтересует, леди Нова, и стремился только вас успокоить.

Хмуря лоб, Нова разве что не вырвала лист, который он ей протягивал, развернула его и...

— Корвал, — прочла она. — Из семейства йос-Фелиум.

— В точности так, как и должно быть, — заметил Клонак, поворачиваясь к двери. — Было очень приятно поболтать с вами,

ребятишки, но теперь мне надо пойти и посмотреть, как дела у Шадии. Пока!

Дверь за ним тихо закрылась.

— Немного нахальничают, а? — спросила Мири, устраиваясь на живот под кустом, который они выбрали в качестве укрытия. — Ни часовых, ни сигналов, ни ловушек. Просто...

Она махнула рукой в сторону корабля, стоявшего на лесистом склоне на виду у любого, кто даст себе труд его поискать, — но, конечно, Вал Кон уже успел расколоть код ключа и отключить программу невидимости.

— Они рассчитывали на то, что прибор укрытия его спрячет, — пробормотал он. — И нет никаких гарантий того, что в самом корабле ловушек нет.

— А! — Она взглянула на него. — Он, наверное, запрограммирован на связь с базой, так?

— Там определенно должен быть маяк, как тот, что был спрятан на корабле агента сиг-Алды, — отозвался он, хмуро сдвинув брови. — Кроме того, он должен быть запрограммирован на сигнал бедствия в случае, если он слишком долго будет один. Командир — не дурак. Он, несомненно, уже успел убедиться в том, что корабль агента сиг-Алды никогда не бывал на орбите Веймарта. Следует ожидать, что он позаботился, чтобы на этом корабле была... усиленная защита.

— Великолепно! — Мири возмущенно посмотрела на корабль, но тот отказался раствориться в усиливающемся свете, словно ночной кошмар. — Мы ведь не можем оставить эту проклятую штуку тут торчать — она станет миной замедленного действия!

— Верно. — Вал Кон устроил подбородок на сложенных руках, разглядывая корабль. — Может быть, его удастся обезвредить, — проговорил он спустя какое-то время. — У меня с собой лицензия Белдин. С ее помощью я легко войду в главный компьютер и начну полное отключение всех систем.

— Тут меня беспокоит слово «легко».

Он повернул голову, чтобы ей улыбнуться.

— Ну конечно. Однако я не могу «легко» придумать другую программу действий, учитывая то, что корабль находится здесь, четыре его агента убиты и он почти наверняка запросит Департамент о помощи, когда установленный срок истечет и никто на него не явится.

Он снова перевел взгляд на корабль.

— Я предлагаю, чтобы ты подождала меня здесь с остальным имуществом Белдин. Я воспользуюсь ее лицензией, чтобы войти в главный компьютер. Если мне не удастся выдать команду отключения всех систем — если главный компьютер запросит две или больше лицензий, чтобы принять этот приказ к исполнению, — возможно, я смогу хотя бы перестроить его таймер.

— И у нас появится время забрать остальные лицензии, вернуться обратно и сделать новую попытку, — отозвалась Мири.

Она мысленно снова пересмотрела его план. План был славный и простой, он оставлял место для вариантов, предусматривал действия на случай неудачи (что, боги свидетели, для них обоих нехарактерно). И все равно план ей не слишком нравился, о чем она и сказала.

— Альтернативы? — спросил Вал Кон, как ей и следовало ожидать.

Она со вздохом покачала головой.

— Я даже не могу придумать убедительный довод в пользу того, чтобы мы пошли туда вместе, а не разделились бы, — ответила она. — Наверное, старею.

Он улыбнулся.

— Значит, решили. — Взгляд его зеленых глаз стал совершенно серьезным. — Я буду очень осторожен, шатрез.

— Ты всегда так говоришь, — пожаловалась она и села, стараясь не зацепиться волосами за ближайшие ветки. — Ну, наверное, нам пора шевелиться.

— Действительно. Лучший путь к концу — это начало.

Он встал на колени и вытащил из жилета все вещи, которые взял у погибшего агента. Большую часть из них он передал Мири, оставив себе корабельный ключ, металлическую карточку, которая была пилотской лицензией покойной Белдин, и плоский кусочек металла с зазубринами.

— Внутренний ключ, — негромко пояснил он. — Для отпирания ящиков и внутренних люков в моменты нарушения питания.

— Угу, — отозвалась она, отправляя в карман мешанину остальных вещей.

Вал Кон тем временем бесшумно выскользнул из-под куста и двинулся к кораблю агентов.

Люк открылся в ответ на команду с ключа, и Вал Кон вошел в корабль Департамента.

Свет во внутренних помещениях зажигался по мере того, как он двигался вперед, зорко следя за возможными ловушками и

датчиками. Ему удалось благополучно добраться до кабины пилота, где он остановился, чтобы осмотреться.

Пульт был выключен, экраны пустовали. Индикаторы показывали, что все системы находятся на первом уровне ожидания и готовы полностью включиться при первом же прикосновении руки пилота. Вал Кон решил, что это было предусмотрительным шагом со стороны пилота, который не счел возможным приземлиться в космопорту, где можно воспользоваться такой роскошью, как площадка срочного взлета. Тем более что у него не было уверенности в том, что ему не придется взлетать срочно, спасаясь от преследующих его по пятам врагов, а не неспешно и в удобный ему момент.

Ну что ж. Быстро и бесшумно он прошелся по остальным помещениям корабля, удостоверился в том, что он находится там один, а потом вернулся в кабину и вытащил из кармана лицензию Белдин чел-Мары.

Мири беспокойно заерзала под кустом, не сводя глаз с корабля. Люк открылся без фейерверков, и Вал Кон вошел внутрь. У себя в голове она видела узор, который говорил ей, что он действует осторожно и обдумывает каждый следующий шаг. Не было никакого ощущения, что он увидел нечто такое, что показалось бы ему странным, или опасным, или...

Видимый на фоне лесистого склона люк корабля опустился — медленно и с достоинством. Мири стремительно вскочила, не обращая внимания на царапины, полученные от бега через кусты, — и ее крик потонул в нарастающем вое двигателей.

Корабль агентов стремительно унесся в небо.

Его руки бешено летали по пульту, приказывая прервать взлет. Корабль его игнорировал.

Он включил навигационную установку, которая послушно продемонстрировала ему введенный и намертво закрепленный курс, координаты которого были ему слишком хорошо знакомы.

Корабль Департамента вез его в Штаб-квартиру.

Вал Кон закусил губу, позволив ускорению вжать его в кресло пилота. Его руки лежали на пульте — на тех самых клавишах, которые распознали его отпечатки пальцев. Поняв это, он мысленно отвесил поклон командиру агентов, который все-таки не был глупцом.

Корабль несся вверх. Главный компьютер разрешил ему активировать экраны, так что он видел, как удаляется от него земля.

Куст, под которым он оставил Мири, уже невозможно было разглядеть в зеленоватом мареве.

Возвращение в Штаб-квартиру было неприемлемо.

Вал Кон потянулся к пульту и включил связь.

Мелодично зазвенел сигнал связи. Присцилла, продолжая просматривать данные по функционированию систем, рассеянно протянула руку и повернула рычаг.

— Мендоса.

— Присцилла, это Вал Кон.

Его голос звучал из динамика, спокойный и четкий, мгновенно узнаваемый — хотя она и не слышала его уже больше трех стандартных лет. Она резко выпрямилась и изумленно раскрыла глаза.

— Уже? — вопросила она. — Шан говорил, что еще много дней...

— Шан ошибался, — прервал он ее. — Слушай меня. С Литаксина взлетает корабль с координатами 76.51.33 западной долготы и 39.24.17 северной широты, с ускорением в 7,8 местной единицы гравитации. Пожалуйста, поймай его в луч.

Ее пальцы стремительно заплясали по пульту.

— Поймала.

— Хорошо. Уничтожь его.

Она заморгала и проверила показания своих приборов.

— Вал Кон, ты на этом корабле!

— Действительно. Стреляй по готовности.

— Нет.

— Присцилла, если ты этого не сделаешь, ты уничтожишь наш клан. Корабль отказывается мне повиноваться, а заданный ему курс доставит меня нашим врагам.

Его голос звучал спокойно, так спокойно. И именно это спокойствие убедило ее в том, что его приказ правильный и необходимый, хотя, Богиня, что она скажет Шану...

— Было бы лучше, — сказал он, — если бы ты выстрелила, пока мы в атмосфере.

Она улыбнулась.

— Да, конечно. — Ее пальцы на пульте снова пришли в движение, уверенно и решительно. — Усиливаю луч, — пробормотала она. — Цель поймана.

Задрав голову, Мири смотрела в светлеющее небо, провожая взглядом корабль, который уносил его от нее. Он уже был едва различим — точка на фоне белых облаков. Скоро...

Слой белых облаков прорезал тонкий ослепительный луч. Он коснулся точки, окружил ее, вспыхнул ярче...

Корабль взорвался.

Мири закричала.

Рен Зел проснулся — неожиданно и полностью.

Взгляд, брошенный через темную комнату в сторону светящихся льдисто-голубых цифр, сказал ему, что он спал чуть больше часа. Несмотря на это, он чувствовал себя совершенно бодрым — и лежать ему не хотелось. Он сказал себе, что небольшая прогулка — это именно то, что поможет ему снова расслабиться.

С этой мыслью он встал с постели и быстро оделся в почти полной темноте. Вбивая ноги в полусапожки, он поднял руку и сорвал с крючка летную куртку. Его пальцы привычно скользнули по поношенной коже, покрытой шрамами. Аккуратные швы отмечали то место, где кожа была порвана, а позже зашита.

Он улыбнулся в темноте и надел куртку. В следующее мгновение он уже вышел в коридор и повернул направо.

Коридор резко повернул налево, потом — направо. Рен Зел двигался быстро, чувствуя с каждым шагом все больший прилив энергии. Все его чувства обострились.

Коридор снова повернул направо. Он зашел за угол и вышел в сад, перейдя с ковра на траву, и, наконец, остановился, повернув лицо к небу, посеребренному светом звезд. Он наполнил грудь ароматным воздухом — и почувствовал, как что-то толкнуло его в лодыжку.

Он осторожно перевел взгляд вниз. Его зрение все еще было окрашено серебром, так что крупный серый кот, который во второй раз энергично потерся о его ногу, на мгновение показался ему окруженным ореолом света.

— Осторожнее, — пробормотал Рен Зел, наклоняясь и протягивая палец в знак приветствия, — эта нога уже один раз была сломана — и к тому же очень сильно.

Кот моргнул и нежно дотронулся чуть влажным носом до предложенного пальца. Решив, что требования вежливости тем самым удовлетворены, он с силой боднул головой руку Рен Зела. Тот от неожиданности тихо рассмеялся и послушно почесал крепкие серые ушки.

Легкий ветерок пронесся сколь листву, принеся с собой незнакомые ароматы. Рен Зел сделал еще один глубокий вдох и выпрямился, на прощание потрепав кота по шее под подбородком.

— Ну, разреши мне пройти по этому саду. Я... очень давно... не бывал в садах.

Он неспешно двинулся вперед, шурша сапогами по траве. На его губах заиграла улыбка, когда его рукав задел лист туманного ночного цветка и растревожил запах, такой же резкий и приятный, как запах корицы. Именно такое сокровище можно было бы найти в саду, который содержал тот Дом, в котором он родился — за многие годы и миры отсюда.

Прямо впереди поросшая травой дорожка, по которой он шел, закончилась роскошной полосой зелени, но прежде чем туда попасть, наталкиваешься на корни — а потом и на ствол монументального дерева.

Рен Зел прошел по пронизанной корнями земле. Опустив взгляд, чтобы не оступиться, он увидел, что кот по-прежнему сопровождает его, бесшумно скользя по неровной поверхности.

Дойдя до самого дерева, Рен Зел уперся ладонью в удивительно теплый ствол и задрал голову вверх.

У себя над головой он увидел тени — возможно, силуэты листьев и веток. Они совершенно заслонили собой звезды и яркое серебристое небо. Он безрезультатно щурился, вглядываясь в тени: детали разобрать было невозможно, хотя он составил очень яркое впечатление силы... древности... и... теплого расположения.

С высоких ветвей донесся какой-то звук, словно что-то отвалилось и начало быстро падать к земле. Реакция пилота отбросила Рен Зела на полдюжины шагов назад, что оказалось очень кстати — иначе стремительно рухнувший предмет попал бы ему прямо в голову.

А теперь он шлепнулся в темную траву, где на него тут же набросился кот. Он крепко уперся в добычу обеими передними лапами и посмотрел на Рен Зела с явным вызовом, словно говоря: «Ну что? Я его для тебя поймал, Господин Трусишка. Неужели у тебя даже не хватит храбрости посмотреть, что это?»

Рен Зел шагнул вперед и наклонился — не без опаски, вспоминая, какие шутки выкидывали древесные лягушки в саду его юности. Кот отступил назад, высоко задрав хвост, и небрежно ударил предмет лапкой, чтобы ему легче было найти его взглядом.

Это была не древесная лягушка. Чуть хмурясь, Рен Зел нагнулся еще ниже и поднял то, что оказалось орехом — двумя орехами, соединенными маленькой веточкой. Он перевел взгляд на кота, который чопорно уселся, обвив хвостом лапки и пристально глядя Рен Зелу в лицо.

— Твое дерево в меня кидается, да? Мне следует понять, что я тут не имею права находиться?

Одна лапка стремительно поднялась, легко скользнула по усам — и кот зашагал прочь, подняв хвост вверх. Рен Зел повел плечами, хотел было выбросить орехи, но потом не стал: они лежали у него на ладони уютно и тепло, и ему пришло в голову, что позже они ему понадобятся.

Пройдя через половину поляны, кот прекратил свое целенаправленное передвижение и оглянулся. У Рен Зела снова появилось ясное ощущение того, что если бы это животное могло говорить, оно сейчас резко бы высказалось в адрес Господина Трусишки Копуши и потребовало бы, чтобы он поторапливался.

Повинуясь столь ласковому призыву, Рен Зел шагнул вперед. Кот секунду наблюдал за ним, а потом, видимо, убедившись в том, что его будут слушаться, пошел впереди.

Обломки того, что было кораблем, падали с неба, кувыркаясь на лету.

Мири, приподнявшись в укрытии, куда сама не помнила, как попала, смотрела на их падение и осторожно, готовясь отпрянуть при первом же холодном ударе пустоты, протянула свою мысль туда, где следовало находиться его узору.

Он был — там. В это мгновение он был на чем-то сосредоточен, но в нем не было заметно тех признаков затухания, которые она видела, когда он умирал в икстранском истребителе. На самом деле он был просто удивительно занят — для человека, которого должен был распылить тот луч, разорвавший его корабль.

Осторожно, не желая нарушить его сосредоточенности, она проникла мыслью чуть глубже в его узор. Ее поле зрения вдруг безумно сместилось — и она увидела землю с большой высоты, медленно поворачивающуюся и приближающуюся, пока... Пока?..

— Спасательный параплан, — прошептал Вал Кон в ее мыслях. — Ручной ключ открыл ящик, приготовленный на случай чрезвычайных ситуаций, и включил аварийный люк.

Она закрыла глаза, что не совсем избавило ее от дезориентирующего взгляда на далекую поверхность земли. Еще более осторожно она убрала свою мысль из его узора и открыла глаза, чтобы посмотреть на небо.

Высоко на фоне облаков она увидела длинное черное крыло, которое лениво скользило по спирали вниз.

* * *

Тропа закончилась у двери. Кот остановился и оглянулся на него.

Рен Зел оценил ситуацию. Дверь была проделана в секции стены. Эта секция была частью большей стены, которая, как он был совершенно убежден, составляла часть первого этажа кланового Дома. Он посмотрел вниз, на кота.

— Боюсь, что я тебе ничем не буду полезен. Мой отпечаток этой двери не откроет.

Кот зевнул, неспешно подошел к двери, встал на задние лапки, уперся одной передней в нижнюю часть двери, а второй потянулся к засову. Рен Зел резко вздохнул.

— Пойми меня: это бесполезно! Это — Дом клана. А я бесклановик. На всех лиадийских планетах не найдется такой двери, которую бы открыла моя рука.

Кот потянулся выше, но его лапка сильно не дотягивалась до замка.

— По-твоему, я просто упрямлюсь? Ну, доказать обратное легко.

Он сделал шаг вперед и схватился за ручку двери, мысленно уже слыша, как завывают сирены в доме, растревоженном прикосновением чужака.

Ручка легко повернулась. Дверь широко распахнулась, бесшумно двигаясь на хорошо смазанных петлях. Кот прошел внутрь, и потом остановился и оглянулся со ставшим уже слишком знакомым выражением на мордочке.

— Нет. — Рен Зел смотрел прямо в яркие глаза. — Я не могу.

Кот вернулся, мягко и ласково прошелся вокруг его ног, а потом двинулся снова вдоль сумрачного коридора.

Это было рискованно — несмотря даже на поломку, которая позволила ему открыть кодовый замок. Рен Зел осознавал весь риск. Однако дом манил его, обещая возможность взглянуть на жизнь, которой он был лишен. Он сказал себе, что не будет никакой беды, если он немного пройдет по коридору и заглянет в комнату-другую.

Зная грозящую ему опасность, Рен Зел шагнул в дом, бережно закрыл за собой дверь, убедился в том, что замок закрылся, а потом двинулся за котом в глубины дома.

Время и путь стали неясными. Ему показалось, что они с котом прошли через темную пустую кухню, поднялись по узкой лестнице, плохо освещенной ночной подсветкой, прошли по еще одному коридору — или, может, двум...

Время вдруг пошло правильно. Они оказались перед очередной дверью. Кот медлительно и чувственно потерся о ноги Рен Зела, а потом высоко вытянулся на задних лапах, стараясь достать до сенсорной пластины, установленной высоко у него над головой.

— Это — личные апартаменты кого-то, кто живет в этом доме, — едва слышным шепотом запротестовал Рен Зел. — Уж конечно, мои руки тут тебе не помогут.

Кот даже не счел нужным повернуть голову. Рен Зел вздохнул, шагнул ближе и без всяких сомнений приложил руку к сенсорной пластине. Его ладонь чуть покалывало: дом сканировал ее. Его плечи под штопаной курткой напряглись, словно ожидая, что на них ляжет враждебная рука.

Бесшумно и величественно дверь отъехала в сторону. Кот радостно мурлыкнул и прыгнул вперед, высоко подняв хвост, почти вибрируя от восторга.

Рен Зел отступил на шаг. Вернее, он хотел отступить на шаг, вернуться по плохо запомнившемуся пути по чужим, выстланным богатыми коврами коридорам, спуститься по черной лестнице и попасть сначала в освещенный звездами сад, а вскоре после этого — в знакомые и любимые переходы «Исполнения долга».

Вместо этого он сделал еще шаг вперед, пройдя в проем, и услышал, как дверь у него за спиной встала на место.

Несколько запоздало ему пришло в голову, что он сошел с ума.

Но был ли он в своем уме или безумен, но его предательские ноги продолжали двигаться, бесшумно и неспешно ведя его через гостиную с уютным беспорядком, пока он не шагнул через еще один запретный порог, в самую спальню кого-то, кто был клановым, живым и полным радости.

Внутренняя комната оказалась просторной. Центр ее занимала кровать внушительных размеров, установленная прямо под окном в потолке, из которого серебристый свет падал на сбитое одеяло, вплетая звезды в длинные темные волосы женщины, спавшей на подушках. Одна округлая рука была заброшена за голову, сдвинутые брови чуть наморщили гладкий лоб.

К нему вернулся здравый смысл, стремительным холодным душем приковав его ноги к ковру. Они убьют его — те люди, которые имеют право жить в этом доме. Конечно, они убьют его, и за дело: чужака, который один и без приглашения ворвался в самую спальню одной из бесценных дочерей клана.

Кусая губы, он повернулся, чтобы уйти, и в эту секунду кот решил прыгнуть, всем весом приземлившись на живот спящей женщины.

— Уф! — Леди стремительно села и подхватила кота на руки. — Отвратительное создание! Сначала ты отказываешься делить мой сон, а теперь не даешь спокойно поспать? Некрасиво, лорд Мерлин! Я решила, что ты ушел на ночь в сад...

Она замолкла (Рен Зелу показалось, что собственные слова ее немного оглушили) и осторожно отставила кота в сторону, глядя поверх сбитого одеяла на... него самого.

— О! — произнесла она и наклонила голову набок, словно ее удивило, но никоим образом не испугало появление незнакомца у самой ее постели. — Добрый вечер, пилот.

Ее голос был медлительным и необычно звучным. Она говорила в модальности, предназначенной для беседы равных.

В соответствии с Кодексом ему следовало бы пасть ниц, дабы более ее не травмировать и не мешать заниматься делом: криком призывать своих сверстников, старейшин или Делма, чтобы они поскорее пришли и удалили его.

Рен Зел склонил голову, перенимая ее серьезный и спокойный тон.

— Добрый вечер, леди.

В потоке звездного света она улыбнулась, откинула одеяло, встала с кровати и направилась к нему, бесшумно ступая босыми ногами. Подол ночной рубашки едва закрывал ей колени.

— А вот вас, — сказала она, — я, признаться, не ждала. Могу я узнать ваше имя?

Тут он поклонился — очень мягко, как принято при представлении.

— Рен Зел.

Она снова улыбнулась и тряхнула головой, отбрасывая волосы назад. Ему показалось, что в звездном свете с них слетают искры.

— Короткое имя, но неплохое.

Она помолчала, стоя так близко, что он смог разглядеть цвет ее глаз под веселыми темными бровями: серебряные, как звездный свет.

— Меня зовут, — сказала она, — Антора. — Она протянула руку, и кружевной рукав красиво скользнул к плечу. — Можно, я уберу вашу куртку? Мы здесь все пилоты.

— Мне... — У него перехватило дыхание. — Мне не следует здесь оставаться.

— Что? После того, как вы пришли так издалека? По крайней мере отдохните часок перед трудной дорогой обратно.

Она сделала еще полшага вперед. Огромные серебряные глаза смотрели на него с лица, которое нельзя было назвать в полной мере красивым: слишком острые у нее были скулы и подбородок. К нему словно издалека пришла мысль о том, что он уже видел похожее лицо, но эта мысль почти мгновенно потонула в ужасе: он обнаружил, что его рука поднимается, словно ее неудержимо притягивает к ее шелковистой щеке.

Она моргнула, заметив его движение, и он воспользовался этим, чтобы отступить на шаг и поднять руку выше, демонстрируя двойной орех, по-прежнему соединенный веточкой.

— Дар, — с трудом проговорил он, замечая, как неуверенно звучит его голос. — С позволения леди.

— Дар?

Секунду она просто смотрела на него, а потом запрокинула голову и рассмеялась — громко и искренне. Рен Зел почувствовал, как его губы раздвигаются в улыбке. Его взгляд скользнул по безупречному изгибу ее шеи к округлым выступам груди под тонкой материей рубашки. У него сжалось сердце и разгорелась кровь — и в это мгновение она встретила его взгляд и, с улыбкой, потянулась за орехами.

— Прекрасный дар, признаю, и идеально подходящий к событию! Ну, давайте его разделим.

Он заморгал, теряя дар речи от желания и ужаса.

— Леди, я не...

— Нет, не надо! — Она предостерегающе подняла палец. — Ты принес дар, наш долг очевиден. Так.

Она оторвала один из орехов от веточки. Он секунду лежал на ее открытой ладони, а потом аккуратно раскололся пополам, открыв полное, ароматное ядро.

— Итак, гостю. — Она подняла ладонь, и он вынужден был взять протянутый ему орех. — А теперь мне. — Орех снова секунду лежал неподвижно, а потом раскололся на аккуратные половинки. Она изящно взяла ядро из скорлупки, поднесла его к губам — и приостановилась. Серебряные глаза скосились на него, озорные и добрые, словно она прекрасно понимала его страх — и его желание. — Ешь, денубиа. Клянусь, что он тебе понравится.

Денубиа! Ей не следовало так его называть. С этой мыслью он вынул ядро из половинки скорлупки. Ему не подобает слышать ласковые слова от лиадийской леди. Он бережно положил ядро на язык — и ахнул, когда оно взорвалось настоящим бесчинством

вкуса. За первым взрывом последовал второй и третий, так что его глаза вдруг стали различать в эфире странные узоры, а уши услышали музыку, скрывавшуюся за тишиной, а его предательское, слабое тело восстало против своей неполноты.

Он снова ахнул, когда все эти ощущения поблекли — хотя и не исчезли полностью. Ему казалось, что он по-прежнему может видеть линии сил и вероятностей, пронизывающие окружающий воздух, и что тихое звучание музыки дрожало в его ушах.

— Спокойнее...

Это был ее голос, и ее пальцы легли на его руку, чего не должно было быть.

— Леди, умоляю о пощаде...

Он не мог допустить, чтобы это — чем бы «это» ни было — продолжалось. Если он спит, он должен проснуться. Немедленно. Закрыв глаза, он начал вбирать силу — о, она каким-то образом исходила из тех линий, которые он увидел вокруг себя. И эту надо было потянуть так, а вон ту — этак...

— Неси вахту спокойно, пилот. Иногда мудро не делать ничего.

Она погладила его по руке, оставляя линии пламени на его коже даже сквозь штопаный материал куртки. Он совершил ошибку, позволив себе открыть глаза, и увидел перед собой ее лицо. Ее серебряные глаза одновременно были встревоженными и веселыми. Нити, которые он собрал, выскользнули из его власти, нарастающие аккорды музыки снова стали сладким жужжанием. Антора улыбнулась.

— Все хорошо, — сказала она и отступила, протягивая обе руки. — Твою куртку, пилот. Здесь она тебе не нужна.

Мысленно он признал, что она права, и снял куртку, вложив ее ей в руки и не сразу отпустив.

Она секунду держала ее, словно оценивая вес кожи, а потом снова посмотрела на него, недоуменно морща лоб.

— На этой куртке много ран.

— Они зажили, — отозвался он, стараясь говорить весело. — Мы с ней залечили свои раны достаточно успешно. Эта куртка спасла мне жизнь, леди.

— Честь ей и хвала, — сказала она, серьезно глядя на него своими серебряными глазами, и резко тряхнула куртку, словно вытряхивала из половика пыль, а потом повернулась и бросила куртку на спинку стула.

Через мгновение она снова вернулась к нему, и Рен Зелу пришло в голову, что в комнате становится светлее: теперь сквозь тонкую рубашку он мог ясно различить изгибы ее тела.

— Времени остается мало, — проговорила она, придвигаясь к нему и с улыбкой заглядывая ему в глаза. — Я могу получить твой поцелуй, Рен Зел?

Он родился специально для того, чтобы подарить ей свой поцелуй. Но он встретил ее слишком поздно: он мертв, и не в их власти это исправить. Он покачал головой, а потом решил, что она могла и не понять этого земного движения, и тихо сказал:

— Нет. Леди... я бесклановик. Вы... Мне не следовало быть здесь... — беспомощно заключил он.

— Чушь, — отозвалась она на ясном земном и ухмыльнулась — криво и бесподобно. — Ну что ж. Попробуем другую стену крепости. Ты убедишься, что я совершенно лишена стыда. Итак: поскольку я леди и могу сама думать о моем меланти, ты откажешься от моего поцелуя?

Он заглянул в ее серебристые глаза, зная, что ему следует солгать.

— Ни за что.

Ее улыбка смягчилась. Она преодолела последнее расстояние, еще разделявшее их, и тщательно поставила свои босые ноги рядом с его сапогами. Рост у них был примерно одинаковый, и она легко обхватила руками его плечи. Ее дыхание согрело ему щеку, и он обхватил ее талию обеими руками, прижимая ее к себе, когда их губы соприкоснулись...

И вселенная взорвалась.

День 349-й
1392 год по Стандартному календарю
Улица Гамильтон
Пустошь

Он очнулся, слыша отзвуки выстрелов и ощущая обжигающую боль потери.

— Натеза!

Кто-то рядом с ним прошептал ее имя. Голос был незнакомый — слабый и хриплый, — но если рядом есть ее друг...

— Проклятие, только не вздумайте опять начинать это!

А вот этот голос он узнал сразу: Чивер Мак-Фарланд, на что-то злится, судя по громкости.

Пат Рин открыл глаза и немедленно увидел лицо крупного землянина, на котором отражалась не столько злость, сколько

беспокойство, несмотря на всю его громкость. А потом беспокойство сменилось глубочайшим облегчением.

— Ну почему я не догадался сделать это раньше?

— Сделать что? — спросил Пат Рин и понял, что незнакомый хриплый шепот издает он сам.

Тут он начал замечать другие детали своего состояния: у него болело все тело, а левая рука была обездвижена.

— Не догадался просто приказать вам заткнуться, — продолжал тем временем Чивер. — Только, конечно, это все равно не помогло бы: разве вы когда-нибудь делали то, что вам сказано?

Он нахмурился, стараясь казаться кровожадным.

— Вы лежите здесь уже почти два дня, без памяти, в жару. Уже это было бы достаточно тревожно. И вы безостановочно говорите по-лиадийски, не считая тех часов, когда окликаете Натезу. Вот что случилось с вашим голосом. Что случилось с вами еще: вам в руку попала пуля, и еще одна — в ногу. Вы в личном доме босса Пенна Калхуна и за вами ухаживают его люди. Кстати, никто из них на лиадийском не говорит, что, наверное, к лучшему, судя по тому немногому, что удалось разобрать мне.

Ему действительно припоминались... разговоры. Долгие, откровенные разговоры с его погибшими родными — такие, каких он почти никогда не вел. Ему хотелось сказать многое — в первую очередь дочери, а еще Шану, на которого он так часто злился, и, как правило, по таким пустякам...

— Натеза.

Чивер поморщился, и Пат Рин снова ощутил яростный ожог потери — и лицо пилота расплылось в постыдном приливе слез.

— Ну-ну, только не надо скоропалительных заключений.

Голос великана зазвучал неожиданно мягко. Пат Рин закрыл глаза. Слезы выкатывались из-под его век и оставляли на щеках холодные влажные дорожки.

— Послушайте, босс, с ней все будет в порядке. Пуля попала ей в плечо, и куртка почти погасила ее скорость. Не будь в ней добавочного груза, выстрел ее и вовсе не остановил бы. И так она встанет и начнет ругаться раньше, чем местная пародия на врача разрешит вам съесть что-нибудь получше овсянки.

Он немного помолчал, а потом задумчиво добавил:

— По правде говоря, Натеза довольно зла на то, что вы вот так подвергли себя опасности. Я и сам не испытываю по этому поводу радости. Мы — ваша охрана. Я уверен, что уже говорил вам это — раз двадцать, не меньше. Мы рискуем, а вы остаетесь в укрытии. Что на этот раз, как говорит Гвинс, вы и сделали. Толь-

ко потом вдруг взяли и вышли из укрытия и превратили себя в мишень, по которой не промахнулся бы никто, кто не накачался наркотиками до одури. Что Айвернет, на ваше счастье, сделал.

— Принесшие мне клятву, — прошептал Пат Рин, не открывая глаз, из которых упорно продолжали сочиться слезы, — это не расходный материал.

— Нет, расходный, — с досадой возразил Чивер. — В этом вся идея... А, оставим. Пусть Натеза вбивает это вам в голову. Может, у нее получится лучше.

Он лежал неподвижно, медленно усваивая услышанное. Натеза жива. С ней все будет в порядке. Жизнь продолжается.

— А босс Айвернет? — спросил он, наконец вспомнив, почему он подверг себя и — да сжалятся над ним боги — свою любимую такой опасности.

— Когда толпа угомонилась, от босса Айвернета не осталось ничего, что можно было бы отнести в крематорий.

В голосе пилота-землянина появились нотки мрачного удовлетворения. Пат Рин расширил глаза и уставился на него.

— Толпа?

— Верно. Понимаете, после того как вы пошли и чуть было не погибли на этом, Пенну Калхуну не оставалось ничего, как поддержать вас. И к тому же жильцы Айвернета вдруг поняли, что у них появился выход, — и присоединились к делу... — Он тряхнул головой. — Было некрасиво. Но быстро, надо признать. Особенно когда боссы по другую сторону Айвернета пришли на подмогу. Оказалось, всем хотелось от него избавиться, но никто не мог придумать, как это сделать. Пока не пришли вы.

Он пожал плечами.

— Так что вы эту территорию получили. Заместитель Пенна, Мардж Фендер, временно заняла место босса и старается со всем разобраться и наладить дела. Пенн просил, чтобы я передал вам: они взяли власть временно, не пытаются перехватить вашу территорию. Вы пролили ради нее кровь — она ваша. Так он сам сказал.

— Честь ему и хвала, — прошептал Пат Рин, снова закрывая глаза.

Он чувствовал себя совершенно неуместно вымотанным, а его лицо стало мокрым уже не только от безостановочного потока слез.

— Нам надо известить наши остальные территории и...

— Сделано, — прервал его Чивер. — Некоторые из нас не сидели без дела.

Честь и хвала Чиверу Мак-Фарланду, который удержал корабль на траектории, как и полагается пилоту, несмотря на почти произошедшую катастрофу.

Его слух уловил какое-то движение в противоположной части комнаты. Зазвучал решительный женский голос, который приближал стук каблуков по плиткам.

— Мистер Мак-Фарланд! Вы обещали!

— Извините, сударыня. Заболтался.

— Ну так отправляйтесь болтать вниз, к Чиму, и не мешайте мистеру Конраду отдыхать. Даже боссам нужно восстановиться после огнестрельной раны и жара! — Резкий звук, словно от хлопка ладоней. — Ну же, убирайтесь. На сегодня хватит портить дело!

— Да-да. Босс, если я буду нужен, так я рядом, поняли?

— Да. — Он сам едва слышал собственный голос. — Спасибо вам, мистер Мак-Фарланд.

Кровать немного подрагивала в такт тяжелым шагам Чивера по плиточному полу. Отчаянным усилием воли Пат Рин открыл глаза — и обнаружил, что смотрит в круглое лицо улыбающейся женщины примерно одного с ним возраста.

— Я — Кази, — сказала она. — Как говорит мистер Мак-Фарланд, «местная пародия на врача».

Она приложила прохладную пухлую руку к его лбу, недовольно прищелкнула языком и убрала волосы у него со лба, словно он был капризным ребенком.

— От вас уже одни только нервы остались, да? Не знаю почему, но людям кажется, что боссы — не люди. Ну-ну. Давайте вас умоем, а потом я проверю, как у вас дела. Вам повезло, если мистер Мак-Фарланд вам еще об этом не сказал: выстрел в ногу не задел ни артерии, ни кости. Рана чистая, хорошая. Тут никаких проблем. С рукой чуть сложнее, но, думаю, и тут все будет в порядке, если будете благоразумны. Вы можете быть благоразумным?

Она откуда-то достала тазик и тряпку. Прищурив глаза, он наблюдал за тем, как она макает тряпку в тазик, а потом выжимает ее.

— Возможно... смогу, — прошептал он. — Я... давно не пытался.

Кази улыбнулась, наклонилась над ним и протерла ему лицо прохладной тряпкой.

— Ну вот, так лучше, правда?

Она бросила тряпочку в тазик и отставила его в сторону.

— Ладно, теперь я посмотрю ваши раны. Потом сможете подремать. А если заснете, пока я буду вас тыкать, то я не обижусь. Я

захочу, чтобы потом вы выпили немного отвара, но сон — это первым делом. — Она сняла одеяло с левой стороны его тела и потянулась к нему. — Будет немного больно. Не стесняйтесь кричать и ругаться.

Действительно, было просто на удивление больно, хотя прикосновения ее были легкими и уверенными. Пат Рин закрыл глаза и полностью сосредоточил свое внимание на попытке точно вспомнить, какие книги стояли в кабинете его матери, начиная с верхней полки доходящего до потолка стеллажа. Он как раз перешел ко второй полке, когда Кази снова заговорила.

— Обе выглядят неплохо. — Он снова открыл глаза и посмотрел на нее. Она улыбнулась и кивнула. — Почему бы вам теперь не поспать? Попозже я приду и принесу нечто вроде обеда.

Спать. Его тяжелые веки начали опускаться. «Спасибо вам», — сказал он — или намеревался сказать — и позволил черному бархатному приливу сна унести его прочь.

День 355-й
1392 год по Стандартному календарю
Улица Гамильтон
Пустошь

— Босс? — Гвинс остановилась на пороге гостиной, которую Пенн Калхун предоставил в распоряжение Пат Рина. — Босс Мелина Шертон пришла с вами повидаться.

Он оторвал взгляд от книги, которую читал (это была уступка Кази, которая потребовала, чтобы он «отдыхал» между приемом посетителей). Мелина Шертон управляла крупной территорией, которая довольно сильно отстояла от его нынешнего местоположения, граничa с почти мифической «сельской местностью» с ее свежими овощами, полями и виноградниками.

— Пожалуйста, пригласите миз Шертон войти, — сказал он, откладывая книгу в сторону, — и попросите Дани подать угощение.

— Сию минуту.

Пат Рин сел прямее, оберегая руку в неловких негнущихся перевязках. Рядом с ним к столику была прислонена трость — еще одна уступка списку врачебных требований.

Конечно, он не смог принять все ее условия, хотя и старался быть «благоразумным». Вот, например: он все еще гостит в доме

Пенна Калхуна, вместо того чтобы вернуться на собственную территорию или поехать с инспекцией вместе с Чивером Мак-Фарландом.

В коридоре раздались легкие шаги. Пат Рин повернулся лицом к двери и наклонил голову, приветствуя входящую в комнату гостью.

— Надеюсь, вы не обидитесь, если я останусь сидеть, — проговорил он. — Я не хочу проявить к вам неуважения.

Тонкие рыжеватые брови выгнулись над светло-коричневыми глазами.

— Думаю, что человек, который шесть дней тому назад получил пару пуль, имеет право сидеть столько, сколько ему заблагорассудится, — отозвалась она.

Голос у нее оказался сильным и выразительным, фигура — поджарой, лицо — длинным и костистым. Она кивнула.

— Мелина Шертон. Мне принадлежит территория за Айрой Габриэлем.

Босс Габриэль посетил Пат Рина накануне днем. В тот день он был одним из трех, а еще за день до него посетителей было двое. Он оказался человеком разумным и готовым на переговоры. Они расстались по-дружески: Айра унес в огромном кулаке очередной переносной комм.

— Я виделся с боссом Габриэлем, — сказал он Мелине. — Превосходный человек.

— Он знает, что полезно для дела, — согласилась она, проходя вперед и усаживаясь в кресло лицом к нему. — Я веду с Айрой дела уже почти восемь лет. Он верит в шоссе, как и вы. Думаю, вы именно об этом и говорили.

— Действительно, говорили. А вы?

Она моргнула:

— Я?

— Да. Вы верите в шоссе? Я предвижу, что для вас, с учетом вашего положения, держать его открытым было бы непросто.

— Вы хотите сказать — потому что шоссе идет в обе стороны. — Она наклонила голову набок, внимательно глядя на него. — Я думала об этом. Думала немало, если хотите знать, потому что мне принадлежит доля в приграничных фермах и я веду торговлю с некоторыми более далекими. И вот что я решила...

Тут пришла Дани с подносом, который она быстро и бесшумно пристроила на столик. Действуя спокойно и уверенно, она налила сначала Пат Рину, который сделал глоток, демонстрируя, что напиток не отравлен, а потом гостье. Она удалилась — тоже

быстро, но без видимой спешки, оставив дверь за собой чуть приотворенной, что соответствовало полученным ею инструкциям.

Пат Рин отпил еще глоток, а потом поставил чашку на стол.

— Простите меня, — сказал он боссу, — мы обсуждали ваше решение относительно свободного проезда по Портовому шоссе через вашу территорию.

— Так. — Она пристроила чашку себе на колено и подалась вперед, устремив на него пристальный взгляд ореховых глаз. — Я решила, что шоссе может вести и к порту, и в сельскую местность. Морось, я даже стала думать, что можно было бы устроить и другие такие дороги — безопасный путь до побережья и обратно!

Она рассмеялась.

— Именно такие мысли и устроили мне проблемы восемь лет назад, когда я решила, что защитить наши фермы можно, только став боссом на соседней с ними территории. Чтобы она стала вроде как буферной зоной. Вот чем она должна была стать — зоной безопасности между остальным городом и фермами. А потом я осмотрелась на моих улицах, увидела, что там нужно и кто там живет. Связалась с Айрой и обнаружила, что он думает приблизительно так же... — Она тряхнула головой. — Ну, это прошлое. Что я пытаюсь вам сказать: если вы все еще предлагаете такой договор, какой заключили с Пенном, я буду рада его подписать и следить за безопасностью шоссе, обмениваться информацией и помогать устраивать школы и больницы. Может, кто-то из моих сможет научить кого-то из ваших, как выращивать съедобные растения в палисадниках или на крышах.

Память услужливо представила ему яркую картину огорода на крыше, стоящего укрытым и дожидающегося рук огородника, который никогда не вернется...

Он осторожно перевел дыхание, потом вздохнул еще раз — и встретился взглядом с Мелиной Шертон.

— Именно такой союз мы и хотели бы заключить: кооперацию умений и знаний, которая пошла бы на пользу всем.

Она кивнула.

— Точно пошла бы. И если кто-то и сможет создать такую кооперацию, то это вы. Босс, который не боится рисковать своей жизнью ради того, что он считает лучшим? Я с таким готова объединиться.

— Спасибо, — пробормотал Пат Рин и снова потянулся за своей чашкой.

Неспешно отпивая понемногу, он перевел разговор на особенности ее территории. Какое-то время спустя они обнаружили,

что согласовали все вопросы и договорились о времени, когда Пат Рин сможет нанести ей визит. Она серьезно приняла портативный комм, и Гвинс сопроводила ее к выходу, бережно закрыв за собой дверь.

Пат Рин бессильно откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Он ощущал дрожь в ногах и неперевязанной руке. Хотя его состояние значительно улучшилось, однако даже проводимые сидя переговоры крайне его утомляли, а Мелина Шертон стала его четвертым посетителем за этот день.

Сидя так, он, наверное, задремал. По правде говоря, его слабость делала подобную дремоту неизбежной. Следующее, что он заметил, — это едва слышный щелчок закрывающейся двери.

Он открыл глаза и увидел Натезу.

За прошедшие дни их дороги редко пересекались. Как и прогнозировал Чивер, она встала с постели, пока он еще был прикован к ней слабостью, и заняла себя работой, соответствующей ее навыкам. Ему приходило в голову, что ее не пускает к нему гнев, но он пытался приписать такую мысль болезненным эффектам нездоровья (правда, без особого успеха).

И вот она была здесь — пришла к нему сама. Оставалось только выяснить, собирается ли она его придушить или над ним поиздеваться.

— Добрый день, мастер.

Ее поклон стал воплощением изящества. Когда она выпрямилась, ее черные глаза смотрели серьезно, нежное лицо было непроницаемым.

Он наклонил голову, постаравшись изобразить поклон равных, чему мешало то, что он сидел и с трудом мог двигаться.

— Здравствуйте, Натеза. Я рад вас видеть здоровой и танцующей.

— И я тоже рада видеть вас, мастер, хотя бы и выздоравливающим, и с танцами пока только в будущем.

Он иронично улыбнулся.

— Мистер Мак-Фарланд и доктор Кази дают мне понять, что я должен почитать себя счастливым, раз вообще еще слышу музыку.

Натеза кивнула.

— Вы поступили очень глупо, это так. Очень храбро и очень глупо. Я часто замечала, насколько часто мужество и безрассудство оказываются напарниками. Я убеждена, что вы также могли это наблюдать.

— Увы, моя жизнь была не такой, где часто можно находить мужество, хотя глупцов я определенно видел. В последний раз — в собственном зеркале.

Ее гладкий лоб прорезали хмурые морщины.

— Нет, — заявила она наконец, как человек, который должным образом обдумал этот вопрос. — Нет, я с этим согласиться не могу, хотя, конечно, вы вольны считать, как вам угодно.

Она помолчала, а потом поклонилась снова, как вассал сюзерену, и Пат Рин почувствовал, как у него кровь стынет в жилах.

— Мастер, я пришла попросить вас об одной вещи. Надеюсь, вы сможете пойти мне навстречу.

Он кивнул.

— Я не буду настолько груб, чтобы хоть в чем-то вам отказать, — тихо проговорил он, чувствуя при этом, как все тело его напрягается, словно в ожидании удара.

— А!

Она еще раз серьезно наклонила голову, а потом посмотрела прямо ему в глаза.

— Я хотела бы, чтобы мне вернули мою клятву.

Знакомое пламя потери высоко взметнулось, заставив его задохнуться и онеметь, испепелив то, что оставалось от его сердца.

Он выиграл немного времени, не вставая, адресовав ей величественный поклон, а потом поднял свою здоровую руку ладонью вверх в жесте освобождения.

— Ваша клятва возвращается, честная и незапятнанная, — произнес он, и помимо его воли с его губ слетели слова на высоком лиадийском. — Прошу вас принять мою благодарность за службу, которую вы несли хорошо и без скупости.

Она низко поклонилась ему.

— Я получаю мою клятву с радостью, — сказала она, что было должным началом ритуальной фразы, произнесенной, как положено, на высоком лиадийском. Она выпрямилась и договорила уже на земном: — Мне не нужна ваша благодарность, Пат Рин йос-Фелиум.

Он считал, что уже недоступен для новой боли — трижды глупец! Задыхаясь, он отвернулся. Щеки у него горели, словно от пощечин — но ее пальцы действительно легли ему на щеку, прохладные, нежные, успокаивающие.

— Спокойнее, — прошептала она. — Пат Рин, выслушайте до конца.

Он позволил ее сильным прохладным пальцам повернуть его лицо так, чтобы он смотрел в ее глаза, оказавшиеся совсем близко от его собственных.

— Мне не нужна ваша благодарность, — повторила она, но безжалостные слова ее голос превратил в ласку. — Мне нужна твоя любовь.

Задрожав, он поднял руку и прикоснулся к ее шелковистой щеке:

— Она твоя — всегда.

Натеза тихо засмеялась.

— И он ничего не просит взамен! Хорошо, сударь, тогда я сделаю тебе подарок.

Она подалась ближе, так что он ощутил тепло ее ароматного дыхания.

— Я люблю тебя, Пат Рин, — сказала она в интимном наклонении.

И поцеловала его в губы.

День 51-й
1393 год по Стандартному календарю
Литаксин
Дом Клана Эроб

Шан сидел на стуле в коридоре у двери комнаты, где, как он узнал, его долго пропадавший дядя Даав находился в капсуле автоврача. Нова отправилась к главе Клана Эроб, чтобы предложить дружественному клану ту помощь, которая могла понадобиться после того, как в защищенном саду были обнаружены вторгшиеся туда убийцы.

Отговорившись от этой обязанности, Шан закрыл глаза и старательно прошел через несколько уровней упражнений, предназначенных для того, чтобы поднять уровень его энергии, прояснить голову и обострить притупившиеся чувства Целителя. Конечно, позже ему придется расплатиться за такое потакание себе — и он получит по заслугам, если шлепнется носом вниз как раз в тот момент, когда он будет нужнее всего.

И одним только богам известно, не случится ли это тогда, когда его попросят опознать мертвые и истерзанные тела его брата и спутницы жизни его брата.

«Право, Шан, будь же благоразумен! — сказал он себе, со вздохом открывая глаза. — Разве ты только что не объяснял Нове, что они — очень опасные личности?»

Это, правда, не означало, что они непобедимы.

Рядом с ним зашуршала открывающаяся дверь. Он повернулся на сиденье и обнаружил себя вдвойне связанным прямым взглядом черных глаз и щемяще-знакомым сверканием ауры, которую в последний раз он видел ребенком.

— Шанни?

Низкий хрипловатый голос остался совершенно таким же. Он встал на ноги, чувствуя, как его губы растягиваются в идиотической улыбке.

— Дядя Даав! Где вы были?

Он поднял руку, на которой кольцо рассыпало серебряные молнии.

— Умоляю тебя, не начинай хоть ты. С меня хватило объяснений с твоим чалекет. Обращайся за подробностями к нему.

— Если он покажется, я так и сделаю, — пообещал Шан, мгновенно перестав улыбаться. — Они с Мири исчезли сразу после вашей маленькой стычки в саду Эроб.

Он наклонил голову: его чувства Целителя проследили некую аномалию.

— Мой брат сможет объяснить мне и очень странный... резонанс, который я наблюдаю в вашей ауре?

— А, так ты все-таки стал Целителем! Превосходно. — Даав улыбнулся. — Он вполне способен объяснить и это, поскольку обнаружил и его присутствие, и его причину на основании, как я сказал бы, очень немногочисленных данных. Однако поскольку ты Целитель, практическая демонстрация может пойти тебе на пользу.

Он закрыл глаза и совершенно явственно произнес в интимном наклонении:

— Эллиана, здесь Шан, которому хотелось бы с тобой поздороваться.

Наступила пауза — ощущение каких-то сдвигов. Чувства Целителя истолковали эту перемену как некое затухание — и некое усиление, а отнюдь не как ожидаемое появление совершенно новой ауры.

Стоявший перед ним человек открыл черные глаза и улыбнулся — нежной и немного неуверенной улыбкой, совершенно непохожей на чуть ироничное выражение, которое он наблюдал только что. Мускулатура лица использовалась иначе, плечи стали

более узкими и чуть скругленными. Хоть Шан и был Целителем, но почувствовал, как у него на голове зашевелились волосы. Очевидно, абсолютно, убедительно стоявший перед ним человек не был Даавом йос-Фелиумом.

Он видел призрака.

Мягкие темные глаза округлились, улыбка стала шире.

— Шанни! — Низкий голос стал чуть выше, хрипоту смягчила картавость, характерная для выговора Чонселты. — Ну что, мне стать дурочкой и изумиться тому, какой ты стал высокий?

— Тетя Элли! — Он постарался улыбнуться ей как можно нежнее. — Вы никогда не были дурочкой. Это даже я знал.

Она удовлетворенно рассмеялась.

— Молодец! Но, знаешь, если ты хочешь мне поклониться, то делай это побыстрее. С моей стороны было бы нехорошо устроить Дааву головную боль — а это обязательно случится, если я задержусь.

— Понятно. — Он тепло ей поклонился. — Тетя Эллиана, очень приятно снова вас видеть.

Она подняла руку и прикоснулась к его щеке.

— Спасибо, Шанни. Я тоже счастлива тебя видеть. Будь осторожен, хорошо?

Она закрыла глаза.

— Ну вот. — Голос снова зазвучал в прежнем тембре, выговор Солсинтры сделал хрипоту заметнее, вместо того чтобы ее смягчить. Открывшиеся глаза снова смотрели твердо и решительно. — Недолгий разговор для родственников, которые так долго не виделись.

— Ей не хотелось стать причиной вашей головой боли.

Его улыбка смягчилась, но ее ни в коем случае нельзя было назвать неуверенной.

— Она очень бережет мое здоровье. — Он помолчал, словно рассматривая этот вопрос со всех сторон. — Ну, наверное, кто-то должен это делать.

Он повел плечами — Шану показалось, что это движение было чем-то вроде эксперимента — и по-земному кивнул.

— Неплохо для старого разведчика, — заметил он. — Ну, какие новости? Ты сказал, что твой брат и его опасная леди еще не вернулись после преследования неприятеля. Они долго отсутствуют?

— Несколько часов. Тревожит то, что солдаты Эроба еще не нашли их во время своей зачистки.

— Что значит только, что они либо ушли дальше, либо свернули в сторону, либо остались внутри, — заметил Даав. — Мне не

нужно напоминать тебе, что командор-разведчик сам по себе довольно внушительная сила. А командор-разведчик в паре с Мири Робертсон Тайазан... — Он покачал головой. — Моей фантазии не хватает.

Шан ухмыльнулся.

— Хотите что-нибудь послушать про недавнюю войну?

— Мне уже рассказывали о ней Джейсон Кармоди и Нелирикк Исследователь. Этого оказалось достаточно, чтобы расшатать нервы даже закаленному разведчику, хорошо привыкшему к Клонаку тер-Мьюлину. — Он выгнул бровь. — Надо думать, Клонак сейчас с новыми подчиненными семейства йос-Фелиум?

Шан покачал головой.

— Когда я видел его в последний раз, он отправился совещаться с техниками, которым были поручены трупы, предоставив разведчику Не-Зейм и Нелирикку дожидаться, когда остальные выйдут из капсул. Я туда заглянул — в тот момент разведчик обучала исследователя тонкостям земного покера. Техник дала мне понять, что находящиеся в капсулах в последнее время переживали значительные трудности и нуждаются не только в устранении их вингтай, но и в поправке здоровья. — Он помолчал. — Честность требует предупредить вас, что в доме находится моя сестра Нова. Сейчас она с главой Клана Эроб...

— Где ей и следует находиться, — вставил Вал Кон.

Шан ахнул и стремительно обернулся.

— Сколько раз отец просил тебя ни в коем случае не делать этого?

Его брат ухмыльнулся и тряхнул головой, отбрасывая назад непослушную прядь волос.

— Мои ужасные манеры!

— Он забыл, — очень серьезно заступилась за него его спутница жизни, оказавшаяся рядом. — Он всегда в плохой форме после того, как взорвет корабль.

— Постараюсь запомнить. — Он моргнул. — Взорвет какой корабль?

— Ну, надо полагать, корабль Департамента? — негромко предположил Даав.

Вал Кон кивнул и без улыбки посмотрел на Шана.

— Брат, ты не составишь нам компанию? Отец?

— Конечно, — тихо ответил Даав.

Шан вздохнул.

— Я изо всех сил старался не попадаться на глаза главе Клана Эроб — и вам разумно было бы последовать моему примеру. Как

только вы с ней встретитесь, она потребует, чтобы вы убрали из ее сада стайных черепах.

— Правда? А она не могла просто попросить их уйти? Точильщик — человек вежливый, а Хранитель так и вовсе почти робкий.

— Они спят.

— А! Это меняет дело.

Он взглянул на Мири.

Она ухмыльнулась и пожала плечами.

— Думаю, придется рискнуть.

— Действительно. — Он наклонил голову. — А Хэзенталл и Диглон?

— Все еще в капсуле. Заполучив их, техник отказывается выпускать их до тех пор, пока они не достигнут идеала.

— Художник своего дела. Это хорошо. Ну что ж, где искать главу Эроб?

— Значит, мне следует понять, что эти преступники преследовали Наделма Корвала?

Нова кивнула.

— Эроб, это так. Разведчик тер-Мьюлин закончил предварительное опознание тех троих, которых... убили на месте. Наделм Корвал и его леди, кажется, отправились преследовать четвертого.

— Едва вылечились — и снова в гуще событий. — Старая дама вздохнула. — Не будь это недостойно союзника, я бы настаивала на том, чтобы вы отсюда улетели, Корвал-пернарди. Эта планета в последнее время пережила две войны. Нам сейчас не нужны опасности.

Нова поняла, что ей сделали упрек — и упрек справедливый. Она склонила голову.

— Право, мы не намерены обременять Эроб нашими некрасивыми ссорами.

— Однако данная ссора касается не только Клана Корвал, но и всех лиадийцев.

С замиранием сердца Нова повернулась, не вставая с кресла.

В комнату входили четверо, но ее глаза были устремлены только на одного.

Темные волосы — слишком длинные и немного растрепанные, словно он был на ветру. Непослушная прядь, как всегда, падает на гладкий лоб, почти попадая в яркие зеленые глаза. Ее брат Вал Кон держался прямо, на собственных ногах, зацепив

одну руку за ремень и переплетя пальцы второй с рыжеволосой женщиной, которая держалась рядом с ним.

Он, пожалуй, был слишком худ, чтобы сестре это понравилось, — линия скул чересчур заострилась. Однако это был Вал Кон, живой, способный ходить... И на ее глазах одна ровная бровь стала выгибаться — как и должно было быть, раз она глазеет на него как полоумная.

— Сестра с тобой не разговаривает? — спросила у него Мири Робертсон.

Шан и седеющий мужчина в кожаном костюме разведчика приостановились позади них.

— Увы, — тихо ответил он. — Боюсь, что я в немилости. — Бровь поднялась уже совсем высоко, глаза озорно блестели. — Полно, Нова, давай помиримся.

— Поми...

Слово замерло у нее на губах. Она заставила себя медленно вздохнуть и сделала вторую попытку.

— Помиримся, — откликнулась она, а потом, резче чем намеревалась — гораздо резче, видят боги, но было таким облегчением просто его видеть, — спросила в упор: — Где тебя носило?

Вал Кон рассмеялся и беспечно поклонился, не выпуская руки рыжеволосой женщины.

— Мне задана тема! Боюсь, что с подробным ответом придется повременить — есть неотложные дела.

Он посмотрел на стоявшую рядом с ним женщину.

— Шатрез, ты уже видела мою сестру Нову?

— Очень недолго, в коридоре — как раз перед той заварушкой в саду, — ответила она. Улыбнувшись, она кивнула: — Привет, Нова.

— Доброе утро, — сказала Нова укоризненно и была весьма недовольна, увидев, что улыбка Мири стала шире.

— Хорошо. — Вал Кон сделал знак, и пожилой разведчик вышел вперед. — А вот мой отец, Даав йос-Фелиум, который, к нашей радости, к нам вернулся и был принят своим Тоделмом.

Представленный таким образом Даав йос-Фелиум наклонил голову и улыбнулся.

— Доброе утро, дитя, — серьезно проговорил он. — Ты чрезвычайно похожа на своего отца.

— И вы тоже, — отозвалась она, что было правдой. Он был похож — чем-то, что не поддавалось оценке.

— А! Результат нашего воспитания, возможно. — Черные глаза посмотрели дальше. — Доброе утро, Эмрит, — сказал он Делму Эроба.

— Здравствуйте, Даав йос-Фелиум. — Она со вздохом откинулась на спинку кресла. — Только вас тут и не хватало.

Его глаза блеснули:

— У меня нет ни Кольца, ни титула. Какой от меня может быть вред?

— Знаете, — сухо отозвалась она, — я как раз спрашивала себя от этом.

Он рассмеялся. Она — нет.

— Вин Дел захочет с вами увидеться. Он остался вам должен кантру, кажется.

— Так много? Тогда я непременно немедленно его найду.

— Да, пожалуйста. — Она перевела взгляд на Вал Кона. — Итак, Корвал, что за опасность угрожает всем лиадийцам?

— Она зовется Департаментом Внутренних Дел, — негромко сказал он. — Четыре его агента явились в ваш сад сегодня ночью.

Эроб пошевелила рукой.

— Корвал-пернарди сообщила мне, что эти личности преследовали вас.

Он кивнул.

— В данном случае это было так. Однако Департамент нанес ущерб каждому клану. Пилоты, разведчики, бухгалтеры, ученые... Если Департаменту нужен талантливый человек, его не волнует, из какого он клана. Департамент разрушает их личность и делает своими.

Он помолчал. Зеленые глаза смотрели задумчиво.

— Вероятность того, что именно Департамент Внутренних Дел устроил гражданские волнения, предшествовавшие вторжению Икстранга, приближается к стопроцентной. Эроб стал их мишенью из-за своих связей с Кланом Корвал. Я не скрываю этого от вас. Они еще раз попытаются искалечить вас. И этого я тоже не скрываю.

Несколько мгновений она молча смотрела на него.

— Вы, конечно, — проговорила она после паузы, — можете представить доказательства этих утверждений.

Он поклонился.

— Доказательства можно получить, да.

— Так. И что великий Дом Корвал делает для того, чтобы остановить этого страшного врага всех лиадийцев? Мне кажется, что в ваш контракт входит защита всех лиадийцев?

— Это действительно так.

Он снова поклонился, как служащий нанимателю, решила Мири, но жест, сопровождавший его поклон, означал одновременно иронию и верность долгу.

— Корвал планирует возвращение на Лиад, — сказал он, выпрямляясь и глядя ей прямо в глаза. — Мы перенесем военные действия в дом нашего врага.

— Ничего подобного! — Нова вскочила на ноги и воззрилась на него с ужасом. — Ты с ума сошел? Введен в действие «План Б» — разве ты не знаешь? Я отказываюсь санкционировать подобное безумие! — Она подняла руку, демонстрируя ему Кольцо. — Как Корвал-пернарди, я это запрещаю.

— О-па! — произнесла Мири Робертсон, нарушая наступившую после этого абсолютную тишину.

— Вот именно, — согласился с ней Вал Кон.

Не разнимая рук, они двинулись вперед, пока не оказались в двух шагах от неподвижно застывшей возмущенной Новы.

Они одновременно поклонились, выражая почтение к временно выполнявшей обязанности главе Клана. И одновременно выпрямились. Положенные слова произнес Вал Кон: это было его право и его долг, как генетического Делма.

— Кольцо переходит.

После этого Нове полагалось — в соответствии с Кодексом должного поведения, который Мири выучила во время гипноуроков — поклониться точно так же, повторить «Кольцо переходит» и отдать эту штуку, без хлопот и забот.

Нова покачала головой, так что ее золотые волосы волной взметнулись вокруг ее плеч.

— Кольцо не переходит просто потому, что ты обижен, — заявила она укоризненно, в родственном наклонении.

Шан сделал шаг к ней.

— Нова... — начал он и замолчал, когда Вал Кон поднял руку.

— Сестра, — проговорил он очень мягко, — нам противостоит враг, которого я слишком хорошо знаю. Я — генетический капитан, имею истинную спутницу жизни. Мы давали обещания и приносили клятвы ради Корвала и ради пассажиров. Кольцо переходит, потому что так надо. Я говорю тебе прямо, что был бы рад, если бы оно попало в чьи угодно руки, кроме наших.

Нова еще секунду помедлила, вглядываясь в лица Вал Кона, а потом — Мири. Наконец она поклонилась так, как предписывал Кодекс. Выпрямляясь, она объявила: «Кольцо переходит», сняла его со среднего пальца левой руки и протянула ему на ладони. Это была массивная вещь с тяжелой эмалью, блестевшая даже в неярком освещении этой комнаты.

Вал Кон очень серьезно принял его, повернул и протянул.

— Шатрез, пожалуйста, познакомься с этим предметом.

Моргая, Мири приняла кольцо и, сдвинув брови, внимательно его рассмотрела.

Пусть украшение и казалось блестящим, но на близком расстоянии стал заметен его возраст. На верхней части ободка была щербина, как будто кто-то использовал его, чтобы зачистить провод — или, может, нацарапать послание на пластине корпуса. Эмаль, изображавшая Дракона и Дерево Корвала, была цела, но один из двух изумрудов, обрамлявших девиз «Фларан чаменти», имел в середине черную трещину, а второй, целый, был чуть желтоватым.

— Изумруды загнулись, босс, — сказала она, поворачивая Кольцо и заглядывая во внутреннюю часть ободка в поисках гравировки.

— Оно в таком состоянии уже... довольно давно, — отозвался Вал Кон.

Внутренняя сторона ободка была гладкая: если там когда-то и была гравировка, то ее, наверное, стерли многие поколения пальцев Корвала.

Она еще раз пристально посмотрела на Кольцо и отдала его Вал Кону.

— Есть.

— Хорошо.

Секунду он стоял, глядя на лежащую у него на ладони вещь. А потом с решительным видом надел его на безымянный палец левой руки. В голове у Мири раздался звонкий щелчок, словно что-то надежно встало на место.

Пару секунд длилась странная пауза, словно никто не знал, что делать дальше.

Первым с места сдвинулся Даав. Он шагнул вперед и отвесил глубокий поклон Делму — идеально рассчитанный по длительности и адресованный точно между ними двумя.

— Приветствую Корвал.

Они поклонились оба: Делм члену клана.

Следующим был Шан. Его лицо было суровым, серебристые глаза смотрели строго. Его поклон, неспешный и говорящий не только о долге, был адресован Тоделмом Делму.

— Приветствую Корвал. Йос-Галаны ваши.

Рядом с Мири Вал Кон тихо вздохнул, а потом они оба поклонились, как и должно было — от Делма Тоделму.

— Корвал видит Шана йос-Галана, Тоделма, — сказал Вал Кон.

Шан отступил на шаг — и теперь настала очередь Новы. Она поклонилась просто, как член клана Делму.

— Приветствую Корвал, — тихо проговорила она.

Они в третий раз поклонились вместе, как Делм члену клана. Выпрямляясь, Мири уловила чуть заметное движение его плеча и поняла, что настала ее очередь.

— Корвал видит Нову йос-Галан, — проговорила она с серьезностью, которая проникла в самую глубину ее души.

Нова только что дала им право решать вопросы жизни и смерти для нее и ее близких — а они это право приняли. Мири не знала, как Нова относится к этому — ее лицо оставалось спокойной золотистой маской, — но самой Мири хотелось завыть.

Нова отошла к Шану, а Даав вышел вперед снова, поклоном выражая почтение Делму.

Мири решила, что этот поклон сильно отличается от его первого: он был гораздо менее картинным и значительно менее решительным. Когда он выпрямился, она увидела, что и лицо его стало значительно менее решительным, а широко раскрытые глаза смотрели мягко.

— Приветствую Корвал, — произнес он, и выговор у него тоже изменился.

Кусая губы, она поклонилась одновременно с Вал Коном, выпрямляясь, снова уловила его сигнал — и надеялась, что не ошибается.

— Корвал видит Эллиану Кэйлон, — сказала она, и Даав вернулся и встал рядом с Новой.

Эмрит Тайазан встала со своего кресла у стола и поклонилась им, как равным.

— Наконец-то, — сказала она.

«Исполнение долга»
Орбита Литаксина

Получив приказ своего Делма, Шан, не теряя времени, отправился в космопорт и нанял шаттл до «Исполнения долга». Считалось, что его отправили для того, чтобы он все приготовил к отлету, хотя эту деталь можно было бы уладить с помощью короткого разговора по комму с капитаном корабля. Однако его Делм выразил пожелание, чтобы он лично занялся этим поручением.

Его брат попросил передать Присцилле привет — что Шан определенно намеревался сделать, но только после того, как заверит эту леди в своей собственной страстной привязанности.

В пассажирском отсеке наемного шаттла Шан откинулся на спинку кресла. Он уснул еще до того, как они вышли из атмосферы, а проснулся, как и велел себе заранее, во время стыковки.

Он сел прямо, не спуская глаз с янтарного предупреждающего сигнала над люком. Едва цвет сменился на зеленый, как он уже был на ногах.

— Спасибо, — бросил он пилоту и нажал на рычаг, чтобы перейти из шаттла в благословенно привычный Шестой причальный отсек.

Три длинных шага — и он уже прошел через вторую дверь, в альков, где его ждала она: высокая, прекрасная и суровая. Богиня. Он готов был упасть перед ней на колени.

Но в тот момент, когда его ноги начали подгибаться, богиня исчезла, и перед ним оказалась женщина. Ее глаза наполнялись слезами, противоречившими улыбке, а из ее сердца к нему полетела горящая стрела радости.

Она упала в его объятия — или он в ее. Какое это имело значение? Они молча обняли друг друга, позволив волнам чувств проноситься между ними, открывшись друг другу как два Целителя — и нечто большее.

А когда всплеск эмоций выровнялся и радостные слезы высохли, Присцилла зашевелилась в его объятиях, и ее ладони обхватили его щеки. Она заглянула ему в глаза — пытливо и чуть испуганно.

— Шан? — проговорила она своим грудным, волнующим голосом. — Что ты с собой сделал?

Мири и ее спутник жизни направлялись в атриум в сопровождении Даава и его спутницы жизни. Даав заявил, что еще никогда в жизни не видел стайной черепахи, однако Мири склонна была принимать это заявление со здоровой порцией скептицизма.

— Хорошо, — сказала она. — Выдворяем черепах из сада — и что потом? Джейс?

— Клонак, — отозвался Вал Кон, — поскольку он в доме. А еще нам следует выяснить, как дела у Нелирикка. А потом, конечно, Джейсон. — Он отбросил волосы, упавшие ему на глаза. — Нужно торопиться. Корабль... Будь я на месте командира, я бы позаботился о прямом луче в штаб-квартиру в ту же секунду, как корабль меня опознает. Мы должны считать, что им известно о сработавшей ловушке — и о том, что корабль погиб. Они сочтут четырех агентов погибшими или выведенными из строя.

— И отправят армию прямо сюда, на Литаксин, — закончила за него Мири, потому что они уже все это обсудили за столом переговоров. — Вот почему нам необходимо захватить их внимание и занять. Я все поняла. А что Точильщик?

— Прекрасный вопрос, — согласился Вал Кон. — Интересно, мой отец не согласится взять на себя роль посла своего клана?

Даав посмотрел на него, подняв одну бровь.

— Я, конечно, постараюсь выполнить любое задание, возложенное на меня моим Делмом. Позволено ли мне узнать, что именно Стая способна привнести в наше предприятие — если учесть необходимость спешки?

— Твое задание будет дополнительным, если хочешь. В пользу союзника, которому может понадобиться... сменить место обитания.

Наступило недолгое молчание.

— Ты говоришь о Джелаза Казон.

— Да. Ты знаешь, что наше положение отчаянное: Департамент метит не только в Клан Корвал, но и во все дела Корвала. Если мы проиграем этот кон (что очень возможно), то Департамент не успокоится, пока мы не будем уничтожены. Даже если некоторые из нас выжили бы, пытаться переместить Дерево было бы крайне проблематично.

— Я бы назвал крайне проблематичным и перемещение Дерева с Лиад в момент мира и полной гармонии, — сухо заметил Даав.

Вал Кон улыбнулся.

— Вот почему ты и полетишь к Стае в качестве нашего посланника. Мне кажется, что Старейшин такое предприятие заинтересует — и его исполнение вполне в их силах. — Он помолчал, тоже выгнув бровь. — Тут ведь обязательно должен быть задействован разведчик, сам понимаешь.

— Это действительно так, — согласился Даав.

Наступило молчание — и Мири готова была поклясться, что чувствует, как он совещается с советником. Или спутницей жизни.

— Мы можем вести переговоры со Старейшинами Стаи от лица древнего союзника клана, Джелаза Казон, — сказал спустя какое-то время Даав. — Моя спутница жизни просит меня сказать, что ее сердечное желание заключается в том, чтобы любой способ увезти Дерево с Лиад оказался бы ненужным.

— Угу, и наше тоже, — отозвалась Мири, проходя во внутренний сад Клана Эроб. — Но надеждами войны не выиграть.

* * *

— «Солдатская премудрость»!

Они сидели в капитанской каюте с рюмками вина в руках, перед разоренным подносом с закусками. Шан рассказал историю об Оружейной Палате и своей встрече со своим вторым «я».

— Это — самая опасная вещь в Палате, — говорила Присцилла. — Зачем тебе понадобилось ее брать?

— Он дал мне ее. Сказал, что она мне понадобится, а весит немного. — Он отпил вина. — Кажется, мои рассуждения были примерно такими: «Ну стал бы я лгать себе, если на то не было бы веских оснований?»

Присцилла закрыла глаза — и он убедился, что действительно видит страх, и на ее лице, и в ее ауре: страх перед человеком, которым он разрешил себе стать.

— Я могу положить ее обратно, — нерешительно предложил он.

Она покачала головой.

— Нет, — ответила она, и ее печаль сжала его сердце. — Не можешь.

«Редко когда видишь двух существ, которые настолько полностью спят», — подумала Мири, разглядывая их сонные махины, аккуратно и мирно устроившиеся в красивом маленьком гроте, который был для них слишком мал.

— Они могут спать месяцами, — сказала она так, словно Вал Кон мог этого не знать.

— Да.

— Ты знаешь, как их разбудить?

— Нет.

— Великолепно, — пробурчала она и еще немного их порассматривала.

В уголке ее сознания шевелилась совершенно тупая идея.

«Ну и что? — подумала она. — Никому это не повредит. И тогда смогу успокоиться». С этой мыслью она сделала шаг вперед, кашлянула и проговорила — четко, но не особенно громко:

— Точильщик, проснись. Ты нам нужен.

Ничего не произошло.

«Конечно, ничего не произошло, Робертсон! — сделала она себе мысленный выговор. — А ты и не думала, что произойдет, так ведь?»

Она начала уже поворачиваться к Вал Кону, чтобы сообщить ему, что она свою попытку сделала и теперь его очередь, когда по

коже Точильщика пробежала дрожь. А потом — новая волна, более заметная.

Зеленые веки мигнули и поднялись, открыв глаза, круглые и желтые, как луны.

— Сестра, — сказал Точильщик в четверть своей обычной громкости, — чем я могу тебе служить?

Лиад
Джелаза Казон

Кухня была уже залита утренним светом, когда кот и робот — каждый по-своему — различили звук легких быстрых шагов на черной лестнице.

Робот отправил приготовленную заранее пышку в нагревающее устройство и как раз наливал чай в бледную фарфоровую чашку, когда хозяйка дома танцующей походкой вошла в комнату. Ее серебряные глаза сверкали, волосы потрескивали от избытка силы.

— Доброе утро, Дживз! — поздоровалась она с роботом. Ее обычно медленный голос от веселья стал почти скороговоркой. Она остановилась у табуретки у окна и приветственно протянула палец коту, сидевшему на ней. — Лорд Мерлин. Ты сегодня очень доволен собой, сударик мой.

Кот прикоснулся носом к ее пальцу и, повернувшись, стал смотреть в окно. Антора рассмеялась и вприпрыжку прошла к столику, где ей был подан завтрак: чашка с тихо парящим чаем, один алый цветок в высокой простой вазе, салфетка и баночка с джемом. Она легко уселась на высокий стул, развернула салфетку — и громко расхохоталась.

— Ой, нет! Дживз, где ты это нашел?

— В бельевом шкафу с двадцатью тремя точно такими же, — ответил робот, доставая пышку из духовки, укладывая на тарелку и подкатываясь по полу к ней. — Я счел ее соответствующей вашему положению.

— Милосердные боги! — Она внимательно посмотрела сначала на робота, потом снова на салфетку с искусно вышитым Деревом и Драконом, которую она продолжала держать на вытянутой руке. — Две дюжины, говоришь? Наверное, это была шутка. — Она наклонила голову и немного подумала. — Или, может, их заказала кузина Карин. Вот она бы сочла их просто необходимыми.

Робот поставил тарелку перед Анторой, а она бросила салфетку себе на колени.

— Спасибо, — сказала она, берясь за чашку.

— На здоровье, — отозвался Дживз, почтительно откатываясь назад. Оранжевый шар у него наверху (Вал Кон называл его «головой», хотя это было совсем не так: вычислительный узел Дживза был спрятан в его туловище из нержавеющей стали) мягко мигал. — Вы хорошо спали, миз Антора?

— Знаешь, — проговорила она, ставя чашку на стол и аккуратно разламывая пышку, — кажется, первую половину ночи я спала очень крепко, что, как оказалось, было очень удачно. Да, лорд Мерлин?

Кот дернул ухом, но не соизволил оторваться от наблюдений за птицами в кустах за окном. Антора улыбнулась и впилась зубами в пышку. На какое-то время на кухне воцарилась тишина — уютная тишина, поскольку они трое уже хорошо свыклись со странностями друг друга.

Кот смотрел в окно. Женщина ела и пила. Робот распространил свое внимание на всю площадь поместья, считывая данные с охранных постов и начав проверку домашнего компьютера.

— Знаешь ли ты, — заметила наконец Антора, откидываясь на спинку стула и отодвигая тарелку, — что в Касиапорту есть чайная — на одной улице с Гильдией пилотов, — где можно найти самый лучший зимний суп на всем свете?

Оранжевая голова робота мигнула.

— Нет, мисс Антора, я этого не знал. Мне заархивировать этот факт?

Она тряхнула головой, отбрасывая волосы за плечи.

— Думаю, в этом нет необходимости. Хотя, наверное, тебе следовало бы найти рецепт зимнего супа. Нам ведь захочется накормить Рен Зела тем, что ему больше всего нравится.

— Речь идет о Рен Зеле дэа-Джудене, чья лицензия пилота первого класса выдана ему повторно земной Гильдией и заверена Шаном йос-Галаном и Сетом Джонсоном, которому не хватает пяти часов заверенного испытательного полета, чтобы стать мастером?

Антора выпрямилась на стуле и внимательно посмотрела на мигающий оранжевый шар.

— Звучит очень похоже на него. Он раньше здесь был?

— До этой ночи у меня не было сведений о пилоте, — ответил Дживз. — Его отпечаток ладони зарегистрирован домашним компьютером. Он имеет доступ на всех уровнях.

— Совершенно верно, — отозвалась она и бросила через плечо взгляд в сторону окна. — Право, лорд Мерлин!

Кончик кошачьего хвоста чуть шевельнулся — и замер.

Антора покачала головой.

— Пожалуйста, Дживз, зарегистрируй Рен Зела дэа-Джудена в качестве моего спутника жизни. — Она помолчала, чуть нахмурилась, а потом кивнула: — Отправь объявление в газету. Вместо клана напиши его должность: Первый помощник капитана «Исполнения долга».

Свет в голове-шаре у Дживза стал ровным.

— Хорошо, мисс Антора.

— Прекрасно, — сказала она, соскальзывая со стула и решительно направляясь к двери. — А я свяжусь с мистером дэа-Гауссом.

Литаксин
Дом Клана Эроб

Приказ требовал ждать дальнейших распоряжений капитана. Распоряжения от капитана задерживались. Нелирикк и Шадиа начали знакомить последних новобранцев отряда со сложностями покера.

Рядовой Диглон усвоил правила игры со скоростью, которая бы сделала честь исследователю, и сидел над толстой стеной фишек, когда Нелирикк услышал в коридоре звуки знакомого голоса.

— Смирно!

Он бросил карты на стол рубашкой вверх и стремительно вскочил. Хэзенталл и Диглон почти от него не отстали. Шадиа повернулась на стуле, чтобы лучше видеть дверь.

В нее входили капитан и разведчик — хорошо. А за ними... Нелирикк судорожно сглотнул и почувствовал, как его сердце начинает отчаянно колотиться.

Позади капитана шла одна из НИХ — стайная черепаха, убийца солдат, погибель флотов, разоритель планет. Рядом с собой Нелирикк услышал тихий, короткий вздох и решился слегка повернуть голову, чтобы увидеть новобранцев.

Голое смуглое лицо Хэзенталл напряглось, глаза распахнулись, губы сжались в тонкую белую нитку. У рядового Диглона был вид пехотинца, которому приказали вести арьергардный бой с приближающейся колонной боевых машин врага.

Разведчик Шадиа, оставшаяся спокойно сидеть, наклонила голову:

— Командор Тень, капитан Рыжик, Ваша Премудрость! Добро пожаловать.

— Добрые слова, — прогудел убийца, и от его голоса в голове затряслись мозги. — Могу я узнать ваше имя?

Разведчик еще раз кивнула.

— Лейтенант разведки, Первопроходец Шадиа Не-Зейм, в краткой форме. А в самой краткой форме меня зовут Шадиа.

— Еще один разведчик! — воскликнуло страшное существо. — Мой старший брат сейчас совещается с разведчиком, который является прямым предком нашего собственного брата — того, кого вы только что приветствовали как Тень, хоть я и не знал, что это часть его имени.

— Только в том случае, — негромко вставил разведчик, — когда на планете оказывается разведчик тер-Мьюлин.

Шадиа ухмыльнулась.

— Это так. Клонак всех нас вдохновляет. Мне следовало бы тщательнее следить за моими манерами, но, право, сударь, это такое подходящее имя!

— Другие тоже об этом упоминали, — со вздохом заметил разведчик, а потом взглянул в лицо Нелирикка.

Он ожидал, что тут что-то последует: объяснение, выгнутая бровь, предложение хрустального клинка разведчика, с помощью которого ему можно было бы достойно перерезать себе горло, прежде чем опанцированный откусит ему ноги и оставит умирать мучительной смертью.

Однако заговорил не разведчик, а капитан:

— Красавчик! Что с тобой и новобранцами?

— Капитан...

Он колебался, не в силах отвести глаз от стайной черепахи. Старинные боевые доклады об этом враге не преувеличивали: роговая непроницаемая шкура, панцирь, покрывающий спину и мягкое уязвимое брюхо, безжалостные и немигающие желтые глаза.

— С позволения капитана, — с трудом проговорил он, стыдясь того, что его голос звучит не совсем... по-солдатски. — Много, много лет тому назад стайные черепахи нанесли Икстрангу сокрушительные поражения в нескольких сражениях. Условия капитуляции гласят, что с этого момента все икстранцы считаются честной и справедливой добычей победителей.

— Вот как?

Нелирикк встретился взглядом с капитаном.

— Да, капитан. Это так.

— Ладно. А ты собираешься объяснить, какое это имеет отношение к вам?

Он воззрился на капитана, потом посмотрел на разведчика, который ответил ему совершенно ничего не выражающим взглядом.

— Капитан, ко мне и этим новобранцам это имеет то отношение, что... — Он замолчал и мысленно изругал себя, как неопытного малыша. А потом очень тщательно вскинул руку в салюте. — Виноват, капитан. Договоры между Икстрангом и Стаей не имеют никакого отношения к тем, кто стал солдатами семейства самого Джелы.

Она кивнула.

— Мне тоже так показалось. — Она ткнула пальцем себе за спину и вверх и добавила на солдатском: — Солдаты, слушайте меня! Это — Седьмой Панцирь Третьего Высиженного Ножа Клана Средней Реки Весеннего Помета Фермера Зеленодрева из Логова Копьеделов: Хранитель. Полевое имя — Хранитель. Он брат по клятве мой и разведчика. Вы будете служить ему и также его брату, с которым вы встретитесь, как членам семейства йос-Фелиум. Вы меня поняли?

Все трое вскинули руки в салюте.

— Да, капитан! — прозвучало в унисон.

— Хорошо. Очень скоро мы начнем действия против врага нашей семьи. — Она посмотрела на Нелирикка и перешла на лиадийский, обращаясь к нему как сюзерен к вассалу. — Экипируй их так, как подобает тем, кто находится на службе йос-Фелиумов, — сказала она, а потом добавила на земном: — Получи кожаные костюмы и оружие со складов «Гирфалька». Устрой Диглону короткий гипноурок торгового, а если будет время — заложи основы земного. Натаскай обоих на знаки и пароли. Когда придет время грузиться на корабль, вас вызовут.

Нелирикк еще раз отдал честь.

— Есть, капитан! — сказал он, а потом: — С позволения капитана?

— Что еще?

— Какой у нас пункт назначения, капитан?

— Не мог не спросить, да?

Она взглянула на разведчика, и тот с иронией склонил голову.

— Пункт нашего назначения — Лиад, исследователь.

Нелирикк позволил себе ухмыльнуться, а потом еще раз отсалютовал своему капитану и повернулся, чтобы отдать команду новобранцам.

День 376-й
1392 год по Стандартному календарю
Космопорт
Пустошь

Этьенн Борден, ночной начальник порта Пустоши, откинулся на спинку кресла и ухмыльнулся дневному начальнику Кларен Лиу.

— Еще одно полное событий дежурство в космопорту Пустоши, — проговорил он, разминая затекшие руки. — Ну, ты обо всем сможешь прочесть в книге дежурств!

Кларен хмыкнула.

— Если ты снова написал «Во время ночного дежурства ничего не произошло. Во время ночных дежурств вообще никогда ничего не происходит. Зачем здесь нужен ночной начальник порта? Зачем здесь вообще порт?», — заявила она, проходя через комнату к автоподавальщику и заказывая себе кофе с булочкой, — то кончится тем, что ты привлечешь к себе внимание Гильдии. А они могут тебя отозвать и отправить куда-нибудь похуже.

— Назови мне это «похуже»! — потребовал он.

Она замерла, не вытащив чашки из подавальщика, и уставилась на него. После затянувшейся паузы она заявила:

— Должно быть и что-нибудь хуже.

— Ха! Ха, говорю я. Если в галактике и найдется мир более отсталый и дикий, чем Пустошь — и, заметь, я сказал «если», — то там просто не будет космопорта. И логический вывод из этого — следовательно, сударыня дневной начальник — Пустошь находится на последней ступеньке в великой лестнице миров и готова скатиться в кипящую бездну хаоса, которая находится ниже. И любой другой мир галактики — ЛЮБОЙ другой мир — должен, по чистой и беспристрастной логике, оказаться более чистым, здоровым и разумным миром.

— Или не должен, — отозвалась Кларен, откусывая кусочек сдобы. — Митлин был довольно противный.

— Митлин был раем! — объявил Этьенн. — Я мечтаю о нем! Я обнимаю его! Я готов его любить!

— Попробуй — и лишишься при этом необходимого орудия, — парировала она. — На Митлине с этим строго.

Она сделала глоток кофе и указала булкой на главный пульт.

— Ты собрался здесь остаться? Я требую своей доли впечатлений!

— Впечатления! — вздохнул он, развернул кресло, размашисто расписался и стремительно встал. — Дежурство ваше, сударыня дневной начальник!

— Роскошно.

Она неспешно двинулась к креслу, наклонилась к пульту, чтобы поставить чашку с кофе в паз, приложила большой палец к считывающей пластине, бросила взгляд на главный экран — и вздрогнула.

— Какого... — Она увеличила изображение, повозилась с разрешением и снова воззрилась на картинку. — Я вижу цепочку машин, — бросила она через плечо Этьенну. — В главные ворота въезжают семь... девять... двенадцать машин.

— Что? — Он уже стоял рядом с ней, глупо моргая на экран. — К нам вторглись, сударыня! Туземцы явились захватывать космопорт, чтобы поживиться, продавая тягачи на лом.

— Ну, не исключено, наверное, — рассеянно отозвалась Кларен, наблюдая за длинной, величественной, благопристойной кавалькадой, проезжавшей мимо пустых лавок и пустых ремонтных мастерских. — Тебе ничего не кажется странным? — спросила она.

— Странным? — переспросил он. — Ты хочешь сказать, помимо того факта, что нам предстоит погибнуть в спектакле, подстроенном... А, вижу. Они приехали через главные ворота. Они приехали по шоссе!

— Точно. И посмотри на машины — это же не драндулеты. Это...

Она замолчала.

— Что? — вопросил он. — Что — это?

— Это машины воротил, — сказала она, узнав машину босса Вайна, которому принадлежала территория за главными воротами. — Этьенн, к нам направляются двенадцать разных боссов.

Он изумленно уставился на нее.

— Но зачем?

Она вздохнула, выпрямилась и прошла через комнату, чтобы снять китель с вешалки.

— Наверное, мне следует узнать, — бросила она через плечо. — Готов подежурить сверхурочно?

* * *

Когда она вышла на улицу, машины уже стояли аккуратной колонной по три в тени башни диспетчеров, повернув носы к главным воротам.

Кларен отошла от двери на пару шагов, решительно подавив желание подойти к кому-нибудь из высаживающихся из своих машин мужчин и женщин и спросить их, какого черта они сюда приехали. В конце концов она ведь дневной начальник космопорта, а эта должность значительная, даже на Пустоши. Она одернула китель так, чтобы был виден маяк начальника порта, вышитый на груди.

Толпа разобралась и дружно двигалась в ее сторону. Ее возглавлял мужчина в синей куртке, легко опирающийся на палку. Левая рука у него была на перевязи, пустой рукав аккуратно заколот.

Он остановился, оставив между ними комфортабельное расстояние в четыре шага, а остальные выстроились вокруг него. Тут Кларен заметила, что каждый из них что-то несет: одна женщина держала корзину, наполненную блестящими зелеными плодами, мужчина рядом с предводителем нес букет из красных, золотых и белых цветов, еще один мужчина, очень крупный, на широком плече пристроил рулон разноцветной ткани.

Предводитель наклонил голову — это было чем-то более официальным, чем местные кивки, но менее официальным, чем полное лиадийское приветствие.

— Меня зовут Конрад, — проговорил он мелодичным голосом образованного человека. — А это — мои коллеги. Мы приехали сообщить вам, что Портовое шоссе открыто от главных ворот до сельских ферм, и просить помощи начальницы порта в вопросах межгалактической торговли.

— Межгалактической торговли? — Она уставилась на него и получила в ответ безмятежный взгляд бархатных карих глаз. — Это же Пустошь! — строго сказала она. — То, что шоссе открыто сегодня, не значит, что оно будет открыто завтра. Если одного босса по его ходу убьют, то шоссе снова перестанет работать.

— Необязательно, — мягко ответил он. — Мы создаем процедуры, с помощью которых в будущем можно будет избежать хаоса. — Он снова наклонил голову в своем странном приветствии. — Пожалуйста, позвольте нам вам представиться и вручить подарки, которые мы привезли.

Обводя взглядом множество лиц, Кларен поняла, что говорить ему «нет» бесполезно. Некоторые из боссов выглядели нахальными и бесстрашными, но большинство держалось нейт-

рально — и даже чуть неуверенно, словно они не знали толком, что она сделает. И поняв, что они нервничают не меньше нее, она тоже наклонила голову, стараясь повторить стиль Конрада.

— Мне будет приятно узнать имена ваших коллег, мистер Конрад, — сказала она и была вознаграждена легкой обаятельной улыбкой.

— Очень хорошо, — отозвался он и подбородком указал на мужчину с цветами. — Это — Пенн Калхун, с улицы Гамильтон.

Тот шагнул вперед: худой мужчина, похожий на ученого в своих очках со стальными дужками и тщательно прилизанными светло-желтыми волосами — и протянул ей букет. Она приняла его, стараясь не думать о том, насколько трудно ей теперь будет добраться до пистолета в кобуре под мышкой, и кивнула.

— Очень приятно, Пенн Калхун. Я — Кларен Лиу, дневной начальник порта.

Он улыбнулся, что очень украсило его лицо.

— Очень приятно, начальник порта, — проговорил он и шагнул назад, уступая место следующему в ряду.

Все прошло довольно быстро и гораздо более гладко, чем она могла рассчитывать, и вот непредставленным остался только высокий мужчина с рулоном ткани на плече.

— Это, — сказал Конрад своим мягким воспитанным голосом, — мистер Мак-Фарланд, который работает на меня. Недавние травмы делают для меня... затруднительным... переноску моего подарка. Надеюсь, вы примете его с удовольствием.

Мак-Фарланд выступил вперед, сбросил рулон с плеча, ловко подхватил на лету и развернул на асфальте у ее ног: простой и веселенький коврик, изготовленный из переплетенных лоскутов ткани. Кларен невольно улыбнулась — такой это был коврик.

— Так. — Еще одна слабая улыбка. — Мы счастливы тем, что вы сумели поговорить с нами сегодня утром. Нам не хотелось бы и дальше отрывать вас от ваших обязанностей. Нельзя ли нам назначить время, когда трое из нас могли бы приехать к вам, чтобы обсудить организацию торговли — и, возможно, открытие магазинов в порту.

Это человек, которому известно, как должен выглядеть космопорт, поняла Кларен и мысленно решила, что обязательно когда-нибудь спросит у него, откуда он.

Пока же она сделала еще одну попытку повторить его наклон головы и предложила встретиться с представителями «ассоциации» Конрада через шесть дней. Это даст ей возможность навести кое-какие справки и получить указания от Гильдии.

— Превосходно, — негромко сказал он. — Наши представители будут у вас в названный день и час.

Последний наклон головы (остальные кивнули обычно) — и они двинулись обратно к своим машинам, оставив у ее ног свои коврик, корзинки и бутылки. А помощник Конрада, Мак-Фарланд, навис над ней, как гора, протянул к ней пустую руку — а вторую запустил себе в карман.

— Я подумал, вам будет интересно посмотреть сегодняшнюю газету, сударыня, — непринужденно сказал он и продемонстрировал ее — один лист, сложенный вчетверо.

Наклонившись, он положил газету на коврик, кивнул ей и пошел следом за своим боссом.

Кларен осталась стоять, держа в руках букет, и смотрела, как они рассаживаются по машинам и уезжают. Когда последняя машина скрылась за воротами, она повернулась и дала Этьенну сигнал, что все в порядке.

День 376-й
1392 год по Стандартному календарю
Улица Блер
Пустошь

В своей прошлой жизни Пат Рин часто принимал гостей.

По правде говоря, он пользовался репутацией великолепного хозяина дома, чьи самые непринужденные утренние сборища были жемчужинами приятнейших дружеских встреч и изящных бесед. Несмотря на немалые усилия, которые он затрачивал на обеспечение успеха тех приемов, он никогда не испытывал ни малейших волнений по поводу их результата и с недоумением наблюдал за муками неуверенности, которые терпели другие, очень одаренные хозяева перед блестящим успехом очередного мероприятия.

Он всегда считал, что это отсутствие душевной тонкости является еще одним свидетельством его неспособности к теплым чувствам. Конечно, от человека, который, заглянув в свое сердце, когда-то заявил, что по-настоящему любит всего двух людей во всей вселенной, нельзя было ждать особой страсти по поводу бала.

Ну что ж, вселенная изменилась, и он изменился вместе с ней.

Сегодня вечером в его собственном доме должно было состояться собрание, на которое он пригласил не только тех вошедших в ассоциацию боссов, которые не опасались поручить свои территории заместителям, но и нескольких еще не охваченных ассоциацией боссов, чьи территории лежали в стороне от шоссе.

Он ожидал человек пятнадцать гостей. Конечно, это нельзя было назвать многолюдным сборищем, хотя уже много лет на Пустоши в одной комнате не собиралось такого количества боссов. Он убедился, что его повар справился с приготовлением закусок и десертов для ожидающегося количества гостей, и решил, что среди подающихся напитков не будет ни пива, ни виски. Вместо этого будут предложены разнообразные фруктовые соки, поставленные Мелиной Шертон, чай и кофету. Он мог бы даже сделать еще один шаг и дать совет относительно того, какую именно сладкую выпечку следует приготовить, но увидел, что его присутствие на кухне замедляет, а не ускоряет приготовления, и отступил нервничать в свою личную гостиную.

Эта комната примыкала к его заново покрашенному и обставленному рабочему кабинету и была поистине чудом и дивом.

Бывший чулан освободили от хлама, стены его покрасили в мягкий, спокойный зеленый цвет, на отмытый пол уложили один из драгоценных больших овальных ковров Аджей. На правую стену повесили полку, и сейчас на ней стояло шесть переплетенных книг — все неновые и незнакомые. Он пока уделил им только самое поверхностное внимание: провел рукой по корешкам и открыл одну или две на самом начале, но само их присутствие оказалось успокаивающим, как и несколько скромных цветков в вазе на столике для лампы.

В этот день он обнаружил, что комнату заняли до него: кот Шелк спал на сюрпризе в виде настоящего деревянного кресла-качалки (подарка от Одри, как ему дали понять). Он склонен был думать, что кресло, как и сама эта комната, была подарком от его дамы. Определенно здесь чувствовалась ее рука — и поскольку это было так, Пат Рин улыбнулся.

Наклонившись, он неловко подхватил Шелка одной рукой и сел в качалку, устроив кота у себя на колене. Как это ни странно, животное осталось на месте, только сонно помурлыкало. Пат Рин со вздохом положил руку на его мягкий бок и откинулся на спинку.

Нога у него болела — немного. Раненая рука — немного сильнее. Возможно, когда наладится торговля, они смогут приобрести автоврача. Он вздохнул. Сначала им необходимо снова присоединиться к Системе здравоохранения. Он обязательно должен

заговорить об этом во время сегодняшних бесед с гостями. Дядя Даав назвал бы это разбрасыванием семян. И срочно необходимо что-то сделать с этим жутким полумертвым портом. Может быть, игорный дом? Определенно зеленную лавку, торговый склад...

Легкие шаги прервали его размышления.

— Пат Рин! — тихо произнес голос у его уха. Сильные руки легли ему на плечи и размяли напряженные мышцы. — Ты обещал, что днем будешь отдыхать, денубиа.

Он улыбнулся и сильнее прижался к ее рукам.

— А я отдыхаю, — проговорил он. — Я сижу в удобном кресле с котом на коленях, а подле меня — моя возлюбленная. Если бы мне было еще покойнее, я бы заснул.

— О! Но до приезда первых гостей остается еще несколько часов. Возможно, подремать было бы вполне уместно. — Он почувствовал, как ее пальцы легли ему на волосы. — Вполне уместно, — повторила она, и ее пальцы принялись медленно и успокаивающе массировать его голову.

Он почувствовал, как у него тяжелеют веки. Свернувшийся у него на коленях кот принялся мурлыкать уже всерьез.

— Меня окружили и подавили, — пожаловался он, заставляя свои глаза открыться — едва-едва. — Несчастная! Ты нашла сильного союзника.

Она тихо засмеялась и обогнула кресло, чтобы подать ему руку.

— Отправляйся наверх! Мы с Шелком обязуемся сидеть на тебе, если это необходимо, чтобы заставить тебя отдохнуть.

— Не думаю, чтобы я смог отдыхать в таких условиях, — отозвался он, сдвигая колени.

Шелк проснулся, неспешно потянулся всем телом, спрыгнул на пол и удалился. Пат Рин вложил свою руку в руку любимой и позволил ей помочь ему встать на ноги.

— Мы начнем расследования, — пообещала она, беря его под руку. — А потом, возможно, мы оба отдохнем.

В конце концов гостей оказалось двадцать: приехало больше объединившихся боссов, чем ожидал Пат Рин. Похоже было, что, несмотря на общие цели, между союзниками осталось некоторое — и вполне понятное — соперничество, так что никто не захотел сойти с арены, уступив возможную выгоду кому-то другому.

Когда обязанности хозяина дома привели Пат Рина к Пенну Калхуну, он упомянул об этом. Его собеседник кивнул, нисколько не удивившись.

— Этого и следовало ожидать. Я хочу сказать — почти все ветераны — Айра, Уит, Мелина, я, — мы стали боссами, потому что решили, что справимся с этим лучше, чем наши предшественники. И по большей части мы были правы. Я не говорю, что мы не ошибались. — Он сделал глоток сока и вздохнул. — Вкусный. Надо поговорить с Мелиной насчет поставок на мою территорию, раз шоссе открыто. — Он неожиданно ухмыльнулся. — Видите? Мышление босса. У вас самого оно есть, только больше, лучше и ярче. Никто из нас не придумал, как открыть шоссе, — и, скажу вам, я каждый день себя за это ругаю с тех пор, как вы явились ко мне и предложили ту сделку. — Он отпил еще сока и поднял голову, отбросив зайчики света от стекол очков. — Эта ваша газета — вы знаете, что она питает соперничество, так ведь?

Пат Рин нахмурился.

— Правда? Я понятия не имел. Я намеревался... информировать... жителей моих улиц о вопросах, которые имеют для них интерес. Если хотите знать правду, то я был совершенно потрясен, когда Айра показал мне выпуск, попавший на его территорию. Он давно устарел, но...

Он замолчал, чуть было не позволив себе необдуманные слова.

— Но он так и загорелся, когда узнал, что у Дикона на территории была водоочистительная станция, а вы даете бесплатные уроки чтения для всех желающих. Теперь, когда дорога открыта и новости стали распространяться легче, мы все очень быстро узнаем, что у Мелины есть винный завод, у Айры — шесть клиник, а у Пенна — школьная система. И все захотят иметь то, чего им не хватает.

— Ну да. — Пат Рину пришлось прибегнуть к помощи собственного стакана. По словам Мелины, это был виноградный сидр, и очень приятный. — Если это так, то тогда нам необходимо выяснить, как именно проводить улучшения на всех территориях — на каждой в соответствии с ее потребностями.

Пенн рассмеялся.

— Больше, лучше, ярче! Рассчитывайте на меня, чего бы вы ни придумали. Тем временем это... это триумф, если вы сами не догадались. Двадцать боссов в одной комнате! Только боссы, без телохранителей, а их личное оружие сдано внизу вашим людям? — Он покачал головой. — Никогда не думал, что увижу такое. Морось, даже мысль такая в голову не приходила! Еще одно, за что можно себя казнить.

— Но разве, — негромко спросил Пат Рин, — у вас было мало дел, когда вы в течение десяти лет сохраняли стабильность на своей территории?

— Ага. Но видите ли, я ведь знал, что сохранять мои улицы — мало. Я только не знал, как вести расширение, не... ну, не начиная войны. Теперь я это увидел — и кое-чему научился.

— О! — отозвался Пат Рин и ловко перевел разговор на жену и детей Пенна, с которыми он познакомился, пока выздоравливал.

Позже, когда он проходил между гостями, его остановило юное существо, едва вышедшее из подросткового возраста. Ее глаза нервно бегали по сторонам.

— Босс Конрад?

Ее голос звучал громче, чем то было необходимо.

Он признался в этом, и она судорожно кивнула.

— Ворал Джин. Территория улицы Гау.

— А, да. — Одна из неприсоединившихся боссов. Он наклонил голову, напомнив себе, что должен улыбаться. — Мне приятно, что вы смогли сюда сегодня приехать.

— Нет проблем, — сказала она. — Мне хотелось поговорить с вами насчет... То есть пара других боссов здесь сказали, что шоссе действительно открыто и что я могу пройти по нему от порта до ферм, и никто меня не остановит и не заставит платить пошлину.

— Это так.

Ее бегающие глазки скользнули по его лицу.

— Зачем? — вопросила она еще громче. — Зачем вы это делаете?

«С ней что-то не так», — подумал Пат Рин, рассматривая отчаянное юное лицо. Возможно, она приняла один из слишком распространенных на улицах наркотиков, который сейчас обернулся против нее. Он незаметно отвел взгляд и заметил у стола с закусками Мелину Шертон: она что-то обсуждала с Айрой Габриэлем.

— Зачем? — еще громче вопросила Ворал Джин.

Пат Рин нахмурился.

— Потому что важно торговать, — ответил он, стараясь, чтобы его голос звучал мягко и разумно. — И между территориями, и между планетой и галактикой. Торговля...

— Чума пришла из космопорта, — прервала она его, говоря уже предельно громко. — Вы ведь это знаете, так? Она пришла из космопорта и чуть было к черту не уничтожила всех! Я была еще маленькая, но я ее помню. А вы взяли и снова открыли шоссе! Вы хотите нас убить!

Теперь уже насторожились все присутствующие. Краем глаза он заметил, что Мелина приближается к ним, и Пенн Калхун — тоже. Многие другие боссы смотрели на них: обвинения, которые выкрикивала Ворал Джин, заставили их прервать свои разговоры.

Что-то еще двигалось — неуместно и крадучись — позади Мелины. Пат Рин повернул голову в сторону движения, а девица схватила его за раненую руку, крича во весь голос:

— Вы собираетесь нас убить! Мы все умрем!

Ахнув, он стряхнул с себя ее руки и увидел, как мужчина позади стола вытаскивает из-под пиджака огромный пистолет.

— Осторожно! — крикнул Пат Рин, и Мелина стремительно обернулась.

Ее первый удар ногой сбил стреляющему прицел, так что пуля полетела в безвинный потолок. Вторым ударом она сбила его с ног. Айра Габриэль стремительно бросился к ним, сначала выбив пистолет из руки мужчины, а потом ударив его ногой по ребрам. Пистолет отлетел на насколько шагов по полу, а потом его подхватил Пенн Калхун.

Два других босса уже держали Ворал Джин за руки, а та кричала и вырывалась. Дверь стремительно распахнулась, впустив Натезу, Чивера, Гвинс и Филмина.

Чивер в два шага достиг стола и схватил упавшего стрелка за шкирку. Не менее стремительно Натеза встала рядом с Пат Рином. Глаза у нее были ледяными, губы плотно сжались.

— Обыщи ее, — приказала она Гвинс, и два босса услужливо сопроводили Ворал Джин к ближней стене.

В нескольких шагах от них Пенн Калхун повернул захваченное оружие дулом вниз и мирно отдал его Филмину.

Крики «Убить его!» и «Убить их обоих!» звучали все громче. Чивер поставил несостоявшегося убийцу на ноги. Тот застонал и замотал головой — и Пат Рин узнал его: Виктор Армхаут с территории Конклин.

Пат Рин набрал в легкие воздуха и рявкнул: «Молчать!» Приказ гулко отдался от разбитого потолка.

Все замолчали.

— Все целы?

У стены рыдала Ворал Джин. Виктор Армхаут шатался в руках Чивера Мак-Фарланда, дрожа и ловя ртом воздух.

Если не считать потолка, пострадавших не было.

— Что будем делать, босс? — спросил Чивер, чуть встряхнув своего пленника.

Пат Рин поднял руку, притягивая к себе все взгляды.

— Прекрасный вопрос. Мы собрались на вечеринку, а не на казнь.

Он обвел взглядом собравшихся. Его союзники. Им всем угрожал убийца, и все они имеют некое право свести с ним счеты.

— Мне хочется выкинуть этих двоих на улицу, чтобы мы могли продолжить наш вечер, — сказал он, остро ощущая рядом с собой присутствие Натезы. — Как ваше мнение?

Комнату мгновенно наполнили голоса и мнения.

— Нельзя, чтобы им с рук сошло...

— Пристрелить обоих...

— Дать им по голове...

— Нет, стойте! Конрад — я знаю!

— Джош Кразерс, — объявил Пат Рин, повысив голос, чтобы перекрыть шум. — Что вы предлагаете?

Гневные крики перешли в низкий гул, а потом стихли. Худой лысый мужчина, почти такой же невысокий, как сам Пат Рин, вышел в центр комнаты.

— Джош Кразерс, босс переулков Акадия, — представился он, обводя взглядом собравшихся боссов. — Послушайте, Конрад прав: мы приехали сюда, чтобы познакомиться друг с другом, а не убивать...

— Они стреляли в человека у него в доме! — крикнул кто-то с дальнего конца комнаты.

Джош Кразерс поднял руку.

— Дослушайте меня. Просто выслушайте, и если вам не понравится, так хуже никому не станет, так?

По комнате пронесся ропот одобрения, и он продолжил:

— Так вот что я подумал: пусть на моей машине этих двоих отвезут обратно на улицу Гау и там выпустят, чтобы нам их больше не видеть. А потом, завтра, в газете напечатают про них. Пусть все узнают, что боссу Джин и боссу Армхауту не разрешат вступить в союз, потому что они пытались стрелять в Конрада в его собственном доме, когда мы все там были по его приглашению. И никто из нас дел иметь с ними не хочет. Так что территории Гау и Конклин не получат помощи с клиниками, школьными учителями, огородами или еще с чем — пока не найдут себе таких боссов, которые будут готовы искать лучшие способы делать дела...

Пат Рин расслышал среди хора одобрительных возгласов слова Пенна Калхуна: «Им и недели не продержаться!»

Сам он подумал, что два проштрафившихся босса вряд ли продержатся неделю, но счеты были более чем справедливо сведены. Пат Рин наклонил голову.

— Если босс Кразерс одолжит свою машину, а мистер МакФарланд возьмет на себя роль сопровождающего, то, полагаю, наш вечер может продолжиться. Прошу вас — уведите их.

Он обвел взглядом собравшихся, не забыв улыбнуться, постаравшись, чтобы все чувствовали себя непринужденно — в чем и заключался долг хозяина дома.

— Прошу прощения за беспокойство, — сказал он, обращаясь ко всем сразу. — Хочу привлечь внимание всех к столу, где еще осталось немало вкусных вещей. Прошу вас, друзья, продолжайте веселиться!

День 52-й
1393 год по Стандартному календарю
Отлет с Литаксина

Даава научили терпению за много лет и миров до этого. Это делалось в шатре специалиста, но он никогда не получал удовольствия от этого процесса.

Поэтому он терпеливо ждал на взлетной площадке с небольшой сумкой вещей, включавших в себя то, что другие сочли для него необходимым. Перед тем как он ушел из дома Эроба, юная Элис Тайазан принесла ему жестянку чая и сюрприз: плоское изображение Вал Кона и Мири — по словам Элис, оно было сделано в тот вечер, когда Мири признали в родстве с Эробом. Лицо у Мири было серьезным — почти мрачным, — и она стояла навытяжку, словно ее вечернее платье было особо неудобным мундиром. Вал Кон держался более непринужденно, как и положено разведчику, и лицо его не выражало ни мыслей, ни чувств.

Даав поблагодарил дитя за ее подарки и был вознагражден чарующей улыбкой и поклоном, в котором все сложные оттенки были переданы настолько точно, что он решил, что она упражнялась в нем несколько часов: это был поклон родителям самого почитаемого наставника.

И теперь, предпочтя не расхаживать по площадке — что было бы проявлением нетерпения — и не занимать предложенного ему кресла наблюдателя в диспетчерской, где его могло бы что-то

отвлечь, Даав уселся на небольшой кочке, откуда были видны взлетная площадка, «Труакс Лифтмастер Плюс», который воплощал собой представление стайных черепах о том, каким должен быть шаттл планета—корабль, и его собственный походный мешок.

Как он прекрасно знал, мешок совершенно не соответствовал его потребностям. Опасно не соответствовал. Помимо подарков и кое-каких предметов личной гигиены он уложил в него несколько смен одежды, карманный записыватель, дополнительную амуницию...

«Даав, не надо так нервничать», — произнес у него в ухе ее голос.

— Тебе хорошо говорить, — отозвался он, глядя на мешок с таким гневом, словно рассчитывал усилием воли превратить его содержимое в соответствующую и необходимую экипировку. Ага, и еще команду специалистов-разведчиков. — Я просто жду прихода Мудрейшего. И очень неплохо с этим справляюсь.

В голосе Эллианы зазвучал смех.

«А, да. Я вижу, как ты проявляешь терпение, терпение, терпение. Право, ванчела, еще немного терпения — и ты спустишь свой бедный мешок с холма, и...

Он засмеялся, но не от души, хотя она и была права, и быстро прошелся по Радуге, чтобы найти душевное равновесие... и, может быть, немного подлинного терпения.

«Меня тоже тревожит наша задача, — продолжила Эллиана. — Но я не вижу, что мы могли бы изменить, чтобы остаться с теми, кто вернется на Лиад: ведь Глава Клана лично дал нам задание».

— Непродуманное, бездумное... — запальчиво начал Даав и услышал смех своей спутницы жизни.

— Да, конечно, — проговорила она успокаивающе. — Естественно, мы не можем из ничего создать подобающую дипломатическую миссию Разведки со специалистами по протоколу, биологии, языку и геологии. И наш Делм тоже не мог. Мы — те карты, которые были у него на руках, и он ведет игру ими. Ты прекрасно знаешь, что сам поступал точно так же, когда стоял во главе клана. И хотя мы с тобой не команда Разведки, мы определенно лучше, чем ничего. И к тому же Дерево Эроба по просьбе нашей новой дочери сделало нам подарок, так что мы вдвойне укреплены!

— Это, — признал Даав, — было неожиданностью. Спокойно протянуть руку и рассчитывать поймать такой дар, словно она

родилась под Деревом и провела детство в доме его ветвей! И чтобы Дерево так охотно пошло ей навстречу...

«Вот, — сказала тогда Мири, вручая Дааву два ореха. — По одному на каждого из вас. Съешьте их, когда Точильщик покажет вам вашу пещеру».

«Видишь, — прошептала Эллиана на краю его воспоминания, — она тоже управляет ничем!»

Даав снова рассмеялся — на этот раз более искренно.

— А как же иначе? Наши сын и дочь рассчитывают на то, что мы все будем мастерами в обращении с ничем, — и мы не можем их подвести!

«Вот именно, — согласилась она. — Ну вот, а теперь ты проявил достаточно терпения: Мудрейший подходит к своему кораблю».

Он вздрогнул, посмотрел в дальний конец площадки, увидел огромную зеленую фигуру, величественно приближавшуюся к Труаксу, и бросился поднимать свой мешок.

— Как ты думаешь, у нас действительно будет отдельная пещера? — спросил он, спускаясь с холма, но Эллиана была чем-то занята и не ответила.

Устроившись в специально сконструированном гелевом ложе, Точильщик вел «Лифтмастер», словно разведчик. Корабль, рассчитанный на доставку на орбиту компактных тяжелых объектов, идеально подходил для его целей, поскольку стайная черепаха не могла считаться легким грузом. Даав отреагировал на почти новое состояние корабля только едва заметным движением брови, однако Точильщик дал ответ так, словно его изумление было выражено вслух.

— Когда моему брату, вашему яйцесыну, понадобилось воспользоваться кораблем клана на предыдущей фразе своего художественного произведения, я понял, что мне подобает позаботиться о должном доступе во все человеческие порты. Многие из небольших портов в пространстве не могут принимать корабль клана, потому что его масса намного превышает их собственную. Точно так же наш корабль не может входить в планетные порты, не рискуя причинить им серьезнейшие повреждения. В прошлом мы просто пролетали мимо тех портов и причалов, где нас не могли принять, считая, что не можем вести торговлю с теми, кто не примет наши корабли. Но если моему брату — убийце дракона — могут понадобиться услуги корабля клана, а он не сможет попасть на его борт... Так родичи о родичах не заботятся. И поэтому мы создали решение.

Эллиана продолжала молчать, уйдя туда, куда она уходила, когда отсутствовала в его сознании. Даав, пристегнувшись к креслу, которое при нормальной конфигурации шаттла отводилось бы наблюдателю, нашел манеру полета настолько надежной, что чуть было не заснул во время фазы невесомости.

— Для меня было бы честью, — прогудел Точильщик, выводя его из дремоты, — если бы вы проверили частоты, о которых я могу быть неосведомлен или которые союзники разведчиков могли бы счесть интересными. Мы уже очень скоро пристыкуемся.

«Тебе следовало бы самому об этом подумать», — мысленно укорил себя Даав.

— Конечно, — ответил он вслух, протягивая руку к пульту. — Это для меня честь.

На частотах, которые Точильщик не слушал, шли кое-какие разговоры, но их количество и содержание внимания не заслуживали — не считая того, что они были такими удивительно нормальными. Неосведомленный слушатель вполне мог бы посчитать, что все идет хорошо: транспортный корабль Стаи, поднимающийся с поверхности планеты, — это сущий пустяк, фаза зачистки маленькой заварушки Эроба стабилизирована, и все находится в полном порядке.

В интересах полноты Даав прошелся по дополнительным частотам, которые тоже были до боли нормальными. Его расследование заставило его окончательно проснуться, и теперь он с интересом следил за появлением на экранах «корабля клана», который больше всего походил на астероид, послушно устроившийся на орбите Литаксина. Конечно, насколько Даав понимал происходящее, это и был астероид, из которого Стая вырезала космический корабль, соответствующий ее стандартам и потребностям, наполнив странными устройствами, которые нужны были для того, чтобы корабль работал так, как положено работать кораблям Стаи.

Даав читал технический анализ движителя Стаи на так называемом Принципе Замещения Электронов. Человечество много столетий назад забросило исследования такого движителя, поскольку его странности не поддавались управлению, а его условия противоречили здравому смыслу.

Коротко говоря, движитель на ЗЭ использовал забавную склонность электронов оказываться на новой орбите раньше, чем они полностью покинули ту орбиту, с которой уходили. Если эту причуду не трогали, то переход на другой энергетический уровень проходил незаметно для вселенной, поскольку этот феномен имеет любое направление.

Однако было выяснено, что такое движение возможно создавать в некоторых видах плазмы и полей — и, по индукции, в целых макроскопических телах — просто придав абсурдному танцу электрона направление.

Земные и лиадийские исследователи приложили огромные усилия — и в конце концов с затратами немыслимого количества энергии сумели заставить опытный объект размером с человеческую голову продвигаться на очень короткие расстояния. Добившись такого двусмысленного успеха, они подняли руки и признали, что такой движитель никак нельзя назвать рентабельным. Для людей.

Тем временем Стая решила проблему масштаба и начала легко передвигать через пространство небольшие мирки — по одному электрону за раз.

Корабль Стаи уже заполнил собой весь экран. Даав затаил дыхание: Точильщик довел скорость «Труакса» до поистине головокружительной, ловко управляясь с пультом своими трехпалыми руками. Даав едва успел заметить, как новый металл соединился с природным камнем, как переходник люка уперся в выщербленную скалу — и шаттл уже надежно причалил.

Даав был хорошо знаком с космическими кораблями, станциями и даже исследовательскими поселениями на лунах, однако он был совершенно не подготовлен к масштабам, которые ожидали его внутри астероидного корабля. На мостике мог легко разместиться весь командный отсек «Исполнения долга», по главным коридорам могли колонной по двенадцать пройти земные наемники в полном боевом снаряжении — и каждый мог бы встать на плечи товарища, не коснувшись шлемом потолка.

Даже «гостевая комната», куда они с Точильщиком перенесли всевозможные коробки с припасами, поспешно набранными в кладовой с каменными стенами, вполне могла принять целое отделение солдат.

Труся следом за черепахой и чувствуя себя при уменьшенной гравитации почти невесомым, Даав из любопытства сделал кое-какие подсчеты. Оценив размеры «корабля», он предположил, что обитаемыми являются только приблизительно сорок процентов его объема, самая внутренность. Из этих сорока процентов значительное место должны были занимать источники энергии, механизмы, защита... Все это означало, что — по самым скромным подсчетам и без всякой точности — «корабль клана» включал в себя жилые помещения, приблизительно равные всей внут-

ренней площади двадцатичетырехэтажного здания, в котором он преподавал на Дельгадо.

— Если вы сейчас уделите мне время, — сказал Точильщик, когда они пристроили последний ящик с припасами, — то мы пройдем по тем областям корабля, которые будут для вас наиболее нужными или интересными. Я боюсь, что мы всего на волоске от начала великого и поспешного дополнительного труда. Чтобы соответствовать той поспешности, которая вскоре выпадет на нашу долю, я попросил бы, чтобы мы обращались друг к другу в самой краткой форме. Как вы знаете, мое краткое имя — Точильщик.

Даав наклонил голову, пытаясь представить себе, какую поспешность возможно получить от подобного корабля.

— Я сочту за честь, если вы будете пользоваться моим личным именем, — серьезно проговорил он.

— Я благодарю вас, Даав, — пророкотал Точильщик и замолчал, устремив на него огромные глаза с кошачьими вертикальными зрачками.

Молчание затянулось и стало неловким даже для того, кто хорошо справлялся с обязанностями разведчика. Даав уже начал думать, что, возможно, чего-то не заметил, и тут Точильщик проговорил так осторожно, как только позволял ему его мощный голос:

— Я могу спросить, какую краткую форму обращения лучше использовать по отношению ко второму пилоту?

Даав ощутил знакомое присутствие. Его зрение чуть поблекло, и он услышал, как его голос — но на самом деле не совсем его — с должной серьезностью отвечает:

— Простите меня, Точильщик, я отдыхала в отдалении. Моя любимая сестра иногда называла меня Элли. Так же зовет меня мой племянник Шан. Мне будет приятно, если вы будете пользоваться этим именем.

Черепаха вздохнула и пару раз моргнула своими глазищами.

— Имя Элли богато обертонами. Я буду произносить его с огромным удовольствием.

Затем последовала короткая экскурсия, причем Даав постоянно ощущал присутствие своей подруги совсем близко от себя. Ему казалось, будто она идет по правую руку от него, хоть он прекрасно сознавал, что она этого не делает. Следуя за Точильщиком, они миновали несколько садовых помещений (одно из них оказалось удивительно похожим на внутренний сад Эроба) и место для плавания и отдыха под лампами с солнечной яркостью. Точильщик показал ему довольно удивительную библиотеку, не-

сколько больших пустых помещений, назначение которых он, видимо, считал очевидным, миновал еще один бассейн, прошел через рубку пилотирования и другим коридором вернулся в «гостевую комнату», где коробки с припасами и его походный мешок были аккуратно сложены у стены, а освещение приспособлено для человеческого зрения.

— Теперь я оставлю вас питаться и отдыхать, — объявил Точильщик. — Мы тронемся в путь настолько скоро, насколько я смогу приблизиться к «немедленно», и будем эксплуатировать наш корабль на верхних пределах его возможностей. Звук гонга известит вас о начале движения. Если вы стоите или идете, то будет разумно немедленно сесть на пол спиной к стене. Второй, более тихий звук гонга скажет вам, когда появится возможность ходить. Если вы предпочтете отдыхать, то прошу вас укрепить над постелью сетку.

Наступила пауза, но не такая долгая, как предыдущая.

— Мы трое, присутствующие здесь, мы понимаем необходимость спешки. Следовательно, нужно, чтобы путешествие было проделано за несколько эпизодов. Это не прыжки, которые столь изящно выполняют ваши корабли, и возможно, что вы почувствуете измененные условия и даже дискомфорт. Насколько я знаю, ощущение дезориентации является преходящим и не вредит ни телу, ни песне. Однако если вы испытаете трудности, просто произнесите мое имя по направлению этого предмета, — тут он приложил трехпалую руку к тому, что походило на скульптуру из красного камня, — и я вас услышу.

Тут он поклонился — неожиданно и почти идеально, точно как «тот, кто почитает за честь действовать под руководством мастера своего дела» (по крайней мере так это истолковала Эллиана) — и оставил их, двигаясь по каменному коридору с совершенно пугающей поспешностью в направлении помещения для пилотирования.

Даав покачал головой и повернулся на месте, еще раз осматривая предоставленное им помещение.

«Похоже, нам следовало пригласить дюжину самых близких друзей!» — заметила Эллиана, когда их взгляд упал на кровать стайных размеров.

Он ухмыльнулся и бросил их обоих на ложе, громко расхохотавшись, когда слабая гравитация вознаградила его высоким и мягким подскоком.

Стеганое одеяло при ближайшем рассмотрении оказалось изготовленным вручную, из материала, который Даав счел настоя-

щим хлопком, и демонстрировало бесценные неточности ручного шитья.

Даав слез с кровати — что оказалось нелегко при отсутствии подъемного крана и веревок — и задумчиво посмотрел на тщательно уложенные припасы.

— Ты не думаешь, что нас провели, Эллиана? Что наш Делм отправил нас с этой тихой безопасной миссией, чтобы с нами ничего не случилось? Мне начинает казаться, что мы могли бы остаться на Дельгадо, ни о чем не думая и не беспокоясь, и предоставить нашим детям самим управлять вселенной, как требуется.

«А тебе не стало немного скучно, — спросила она, — после того, как нас оставил Тео?»

Он фыркнул.

— Это была не скука, миледи. Это был отдых. Несомненно, ты неправильно оценила это состояние, поскольку так редко видела его за эти последние двадцать лет.

Эллиана рассмеялась.

«Моя собственная возлюбленная супруга надо мной смеется, — печально проговорил Даав, направляясь к скульптуре из красного камня, которую хозяин корабля указал им как систему связи.

Эта структура оказалась поразительной: она не была, как ему сначала показалось, прикреплена к полу, а росла из него, словно какая-то естественная жила в камне была намеренно и осторожно добыта из более обычного каменного массива стен, а затем огранена и отполирована, став приятным для глаз произведением искусства. Даав провел пальцами по каждой из семи граней, удивляясь фактуре камня...

«Полагаю, у нас есть обещанная нам пещера, — заметила Эллиана. — И она доставляет удовольствие, несмотря на всю свою странность. Не исполнить ли нам пожелание нашей дочери?»

— Почему бы и нет? — отозвался Даав, прервав свое исследование красного камня. — Хотя я тебя предупреждаю: она все равно никогда не поверит, что мы были столь послушны.

Орехи стали десертом к трапезе, наскоро составленной из припасов. Эллиана согласилась на вино и крекеры с плавленым сыром из готовой упаковки для пикника. Даав открыл бутылку с помощью карманного инструмента разведчика и медленно выпил немного.

Он считал, что они с Эллианой по-разному воспринимают вкус: когда она выражала желание главенствовать, букет стано-

вился чуть более сложным. В этот раз она была совсем живой и даже игривой, и он нашел вино поистине превосходным. Крекеры были забавными, словно возврат к какому-то детскому пикнику, и эту тему продолжили орехи, потому что когда же?..

Даав вздохнул. О, с тех пор, как он скрылся с Лиад, ища возможность свести счеты, сохранить разум и найти утешение.

В черные дни сразу после ее смерти он боялся — чрезмерно опасался — за свой рассудок, потому что Эллиана еще не нашла способа дать ему знать, что она действительно с ним. Ему хорошо были знакомы сила привычки и то, как легко принять желаемое за действительное. Сердце готово цепляться за надежду, несмотря на жесткие факты, которые разум может устало повторять в течение бесконечных полных горя ночей.

Он отказывался поверить в то, что слышит ее голос. Он слишком хорошо знал, что в это нельзя верить. Разве сама мастер Целитель Кестра не заверила его в том, что будущее их союза нельзя точно предсказать? Разве не правда, что, несмотря на все их усилия и мечты, Дааву ни разу не удалось ощутить прикосновение своей спутницы жизни к его мыслям? Эллиана — она в какой-то степени этим обладала: дотрагиваясь до него, она могла прочесть его мысли. Он никогда не завидовал ее дару — боги свидетели, в ее жизни было достаточно мало радостей, — но дар-то принадлежал ей, а не ему! А она была мертва.

Он никогда больше не услышит ее голоса.

Чувствуя себя опустошенным, он упрямо попытался еще усилить свою опустошенность: намеренно отказался от пожелания Дерева отправить с ним орехи, отказался поделиться с Эр Томом своими планами, отказался думать о возвращении. И всей силой воли отказывался верить в то, что слышит голос своей возлюбленной, пока сама опустошенность его не предала. Эллиана застала его дремлющим от усталости перед экраном компьютера...

«Даав! Так мы вкусим от них вместе?»

Он улыбнулся.

— Конечно же!

Взяв по ореху в каждую руку, он предложил Эллиане отведать первой — и она приняла его предложение.

Когда трапеза была завершена, Эллиана с удовольствием отправилась с ним на еще одну прогулку по странному кораблю, на котором они оказались. Дааб неспешно провел их той же тропой, которую показал им Точильщик, и первой его целью стала та библиотека, так его заинтриговавшая.

Даав решил, что тропа будет более точным словом, чем коридор. В камне у него под ногами были неровности, дорога все время неожиданно поворачивала, напоминая больше лесную тропинку, чем одомашненный коридор. Двигаясь по нему, он позволил себе забаву разведчика: попытался мысленно соединить несколько помещений прямой линией. Не исключено, что это можно было сделать, однако двери имели такую форму и ориентацию — или же отсутствие ориентации, — которые не складывались в понятную картину.

Эллиана высказала предположение, что водные комнаты — каковыми она сочла комнаты, где имелись открытые бассейны или текущая вода и которых им попалось не меньше четырех — были, похоже, расположены на математически постоянном расстоянии от центра корабля.

«Я подозреваю, что здесь мы имеем проявление сочетания техники и эстетики, Даав, — возбужденно проговорила она (подобные открытия всегда доставляли ей радость). — Ближе к центру в сливах не получалось бы водоворотов: вода текла бы ровно по всем сторонам. А так бассейны и ручейки следуют ритму и текут более естественно, как то свойственно вращающемуся миру».

Даав решил, что она скорее всего права. Боги свидетели: он-то определенно не специалист по стайной эстетике.

Неспешно двигаясь вперед, они проходили мимо регулярно встречавшихся отверстий в каменных стенах, где поблескивали металлические двери. В остальном корабль очень напоминал пещеру, которую им обещала Мири: пещеру, созданную разумом, очень непохожим на человеческий.

На ходу Даав провел рукой по стене, обнаружив на них узоры — или, возможно, просто следы древних зубил, — и вздохнул. На каждом шагу он встречал новое напоминание о том, насколько трудную задачу поручил ему его Делм. Вести переговоры со Старейшинами, как же! Он должен убедить совет невообразимо древних существ дать приют разумному дереву, столь же или еще более древнему, чем они.

«Если Старейшины Стаи действительно мудрые, — кисло подумал он, — то они стремительно и решительно откажутся от этой чести».

«Даав! — настоятельно шепнула Эллиана. — Корабль...»

Он остановился. Действительно: он почувствовал, что в камне у него под ногами произошли какие-то изменения. Короткая вибрация, словно кто-то хлопнул дверью в дальней части большого здания.

— Возможно, Точильщик корректирует орбиту... — начал он, но его слова заглушил голос гонга.

Весь корабль загудел от этого звука, и на долю секунды Даав потерял ориентацию. Реакция пилота помогла ему быстро прийти в себя и опуститься на каменный пол, прижавшись спиной к скальной стене. Его смутно насмешило это новомодное кресло для перегрузок.

Он прислонился головой к стене, закрыл глаза и стал ждать перехода.

Новая вибрация, такая низкая, что он ощутил это как длинные волны, прошла по его ногам и телу, по подбородку, над головой.

Он открыл глаза.

Стены были полны цветов, пронизаны прожилками золота и серебра, переливались так, что ему показалось, будто он — они! — находится в глубине кварцевого метеора, вращающегося вокруг звезды, искрящейся синевой.

Он почти сразу же понял, что ему не следовало открывать глаза: игра цвета нарушила его чувство направления. Он опустил взгляд, упершись рукой в пол, по которому струились жемчужная розовость и аквамарин. Его рука погрузилась в камень: он почувствовал это, ощутил фактуру цветов. Теперь его равновесие окончательно нарушилось, каменный коридор растянулся нитями голубоватого кварца...

Корабль — все вселенная — дернулся. Его вестибулярный аппарат возмутился. И теперь он уже видел сквозь дюжины слоев камня, которые грозили обнажить холодную пустоту...

Он выгнулся ближе к стене, пытаясь восстановить распавшееся равновесие, но тело отказывалось ему повиноваться. Казалось, он раздваивается: у него появились две правые руки, которыми необходимо было двигать, используя два набора мышц, наложенных...

«Даав!»

Эллиана повторила его панику. Ее голос сладким эхом отразился от каменных стен.

— Эллиана!

На краткое мгновение он увидел две правые руки, упирающиеся двумя призрачными ладонями о текучие цвета. С каменного пола вскипал туман, воздух заполняли точечки света...

Он поморщился, потерял эту картину — потерял все, кроме растерянности: он пытался двигать рукой, которая подчинялась приказам кого-то другого. Но с ним остался ее голос.

— Дааав! Дааав, я здесь!

Он глубоко вздохнул, стараясь себя дисциплинировать.

— Эллиана, где ты?

Где-то за этим хаосом цветов прозвучал гонг, проникая волнами в самую его душу. Его зрение немного прояснилось — и перед ним снова возникла каменная стена, из которой краски стекали в туманный пол. Весь коридор вибрировал, словно сами скалы пели песню. Свет сгустил воздух до обольстительно-чувственного шелка, и Эллиана была рядом с ним: ее рука лежала у него на плече, и он повернул лицо навстречу ее поцелую...

Нет. Ее рядом не было. Скорее — она была всюду. Он ощущал течение ее мыслей, чувствовал, как она решает, куда смотреть... Вот она надежнее оперлась о стену, прижалась к ней спиной...

Его глаза — ее глаза — сфокусировались на противоположной стене, которая мерцала от зеленых и золотых молний, но уже стала плотнее, уже не угрожая раствориться до полной прозрачности.

«Дааав, — сказала ему на ухо возлюбленная, — я вижу, что над этим придется работать!»

Он отрывисто хохотнул, а она подняла руку и погладила его по щеке.

«Кажется, самое худшее позади, — пробормотала она. — Давай вернемся в нашу пещеру».

— Превосходная мысль, — откликнулся он. — Рюмка вина пришлась бы очень кстати. И если ты не возражаешь, мы прикорнем ненадолго. Точильщику следовало бы проявить больше заботы о слабом старике.

«Для Точильщика ты — настоящий младенец, — парировала Эллиана. — Но — да, давай поспим. А потом нам надо будет поговорить».

Точильщик стоял, повернувшись к ним спиной в панцире с замысловатым узором, и внимательно рассматривал пульт управления, встроенный в каменную опору. Дааав заметил, что капитан гудит — или, возможно, поет, — прикасаясь к пульту то здесь, то там...

Мелодия изменилась, и хотя он не стал к ним оборачиваться, но чуть приподнялся над пультом.

— Пожалуйста, Элли и Дааав, если вы помедлите всего пять или шесть мгновений, я к вам присоединюсь. У меня есть новость, которая будет интересна вам обоим.

С этими словами Точильщик снова начал гудеть, предоставив Дааву и Эллиане исследовать их новый союз, перешедший на новую ступень.

Это был, конечно, союз спутников жизни, но он как-то расширился, углубился так, как они даже предположить не могли. Даав, не решаясь принять безусловную радость, предположил, что это — результат работы движителя, который поблекнет после возвращения в нормальное пространство. Эллиана решила, что движитель был фактором... ускорившим... их слияние, но высказала предположение, что главной его причиной стали съеденные ими орехи.

Этот обмен мнениями был гораздо более быстрым и полным, чем прежде, и даже приятный эффект вина не притупил их общения. Время от времени один из них мог отвлечься на какое-то воспоминание или новый факт...

Эллиана первой ощутила приближение перемены: картины и информация, которые она получала через Даава, резко обострились, словно она стала видеть своими собственными глазами — и она смогла подумать о том, чтобы пошевелить рукой. Позже она продемонстрировала, что способна ходить без активной помощи Даава.

Они не совсем спали: они расслабились, закрыв глаза, и делились мыслями, чувствами, сутью...

Небольшое количество воспоминаний Даава Эллиана не могла полностью разделить, как и ему не удавалось охватить все ее воспоминания, — но по большей части это были те вещи, который каждый из них очень старался забыть. И, конечно же, немало дразнящих — а порой и огорчительных — обрывков прошлого, которые интриговали каждого. Для Даава — ее брат Ран Элд и его друг, и брак, полный насмешек и боли. Для Эллианы — планеты, которые она никогда не видела, и ласковые уроки терпения...

Для Даава новой стала возможность пользоваться интуитивным пониманием математики, свойственным Эллиане. Для нее — участие в мгновенном и тонком восприятии Даавом мотивов, управляющих действиями других людей. Новым для нее стал и удивительный слой Дневников, который стал источником богатых иллюстраций и изменил ее восприятие возлюбленного, Клана Корвал и лиадийской истории.

Им потребовалось сделать усилие — намеренно переговорить в мыслях, вместо того чтобы вести подсознательный обмен, — чтобы отправиться к Точильщику.

«Эллиана, любимая, нам нельзя смотреться в это зеркало, пока звезды не потухнут. Я действительно думаю, что над этим, как ты и сказала, придется поработать. И, наверное, заручиться помощью мастера».

И они отправились искать Точильщика. При этом Даав, как мальчик, учащийся верить, что простой наклон позволяет выровнять и повернуть дуоцикл, позволил Эллиане управлять их прогулкой.

«Если ты прав и это — только результат работы движителя, — призналась она, — то мне будет этого не хватать».

«Знаю», — прошептал он и ощутил, как она почувствовала его сожаление — и его страх.

Гонг прозвучал еще раз. Здесь, на мостике, его звук пронизал их с ног до головы...

Точильщик повернулся, склонился в полном поклоне и заговорил гулко и очень торжественно:

— Старейшие вашего клана! Я недостоин быть первым, кто увидел вас такими.

Выпрямившись, он продолжил уже более обычным (для него) голосом:

— Искусство ваших детей, моей родни, имеет сильные корни. Гораздо более сильные, чем я подозревал. Их имена уже произносят Старейшины — и ваши имена тоже. Моя просьба заключалась в том, чтобы Старейшины проявили беспрецедентную поспешность и встретились с вами немедленно в человеческом смысле этого слова. Мне сообщили, что внешнее помещение будет открыто, как только мы прибудем, и что я могу сразу же провести вас туда. Старейшины торопятся — право, это небывалое произведение искусства! Я думаю, что они увидят вас очень быстро.

Наступило молчание, которому Даав позволил затянуться.

«Старейшины нас примут! — выдохнула Эллиана так, чтобы ее слышал он один. — Ванчела, ты можешь себе такое представить?»

«Могу, — ответил он ей так же безмолвно. — И это очень меня тревожит. Не забудь, что я очень хорошо знаю Дерево — и знаю, во что нам обошелся договор Джелы...»

Перед ними Точильщик чуть наклонился, словно выходя из глубокой задумчивости.

— Было бы приятно, если бы вы прошли со мной в парк с водопадом. Там мы могли бы насладиться легкой трапезой и часом разговора.

— Это звучит неплохо, — согласился Даав. — Нельзя ли мне узнать расписание корабля — и ваше собственное? Если нам несколько недель предстоит путешествовать с вами...

Точильщик моргнул огромными желтыми глазами — сначала одним, потом — вторым.

— Я вижу, что вы изучали действие наших кораблей на низкой тяге, — сказал он. — Для задачи столь важной и срочной я воспользовался более высокой тягой. — Он повернулся по широкой дуге и жестом пригласил их идти с ним. — Мы войдем в атмосферу моей планеты вскоре после вашего следующего периода сна. Вы будете во внешнем помещении ожидать разрешения Старейшин на вход, через шестнадцать стандартных часов.

Литаксин
Дом Клана Эроб

— Что еще? — спросила Мири у Вал Кона, когда кончилось последнее позднее совещание и они вдвоем сидели в гостиной своих апартаментов.

Он повернулся от подноса с винами, держа в руках бутылку и рюмку, и круто выгнул бровь.

— Мы привели в действие то, что можно было привести в действие. Остается только разгромить Департамент, победить командира и реабилитировать агентов.

— Раз плюнуть. — Она двинулась через комнату к нему. — А агентов можно реабилитировать?

— Целители определят, — тихо ответил он, наливая вино. — Если я сумел победить программу, то, возможно, другие тоже смогут.

— Или не смогут.

Она приняла протянутую рюмку и стала понемногу пить вино, устремив невидящий взгляд в пространство и мысленно просматривая планы, которые они составили. Исход, решила она, предсказать трудно.

Мягко говоря.

— А ребятня? — спросила она, поскольку эту деталь они не обсудили.

Вал Кон поднял рюмку. Кольцо Корвала блеснуло на его руке — чуть аляповатое и с дефектами.

— Ты не считаешь, что нам следует отправить «Долг» к детям? Шан и Присцилла справятся, а корабль теперь оснащен, как военный.

Она нахмурилась, взвешивая все.

— Это привлечет внимание...

Зазвенел сигнал комма. Качая головой, она подошла к нему и нажала кнопку соединения.

— Робертсон.

— Кузина, это Кол Вус. Тут некто спрашивает вас и вашего спутника жизни. Он ждет вас в официальной гостиной.

Мири чуть нахмурила брови.

— Благодарю вас, кузен, — ответила она, легко переходя на высокий лиадийский. — У нашего гостя есть имя?

— Он назвался Гриншоу Портером. Произнес это удивительно легко.

Ее брови сдвинулись сильнее.

— Ясно. Пожалуйста, дайте мистеру Портеру знать, что мы к нему идем.

— Очень хорошо.

Комм замолчал. Мири посмотрела на Вал Кона.

— Есть вероятность, что этот Гриншоу Портер — один из наших? Кто еще не здесь?

— Из взрослых мужчин? Люкен бел-Тарда и... Пат Рин. По «Плану Б» долг Люкена — быть с детьми, и я сейчас не могу себе представить такие обстоятельства, которые бы заставили его их оставить. Пат Рин... — Он повел плечами, резко ощутив неприятную истину. — Я не могу предсказать, что может сделать Пат Рин, хотя я не ожидал бы, чтобы он выдал себя за землянина. И уж конечно, не на лиадийской планете.

— Ну, Кол Вусу что-то явно не понравилось. — Она покачала головой и с сожалением отставила рюмку в сторону. — Думаю, нам стоит узнать, что именно.

Гриншоу Портер стоял в официальной гостиной, что было вполне понятно, поскольку все имеющиеся там стулья были слишком низкими, чтобы вместить его долговязое тело. Дом не предоставил ему ни чая, ни вина.

Это оказался длиннолицый мужчина, явно землянин. Его песочные волосы торчали короткой щеточкой, серые глаза смотрели проницательно, и Вал Кон почувствовал странное облегчение из-за того, что это — не Пат Рин, явившийся прибавить еще одну жизнь Корвала к тем, кто находится на Литаксине.

Их гость поклонился, как только они вошли, — совершенно по-земному, а потом выпрямился и произнес с резким выговором стандартного земного:

— Гриншоу Портер, курьер Хунтавас. Мири Робертсон и Вал Кон йос-Фелиум?

— Точно, — спокойно подтвердила Мири.

— Да, — заверил его Вал Кон, взглядом отметив положение как минимум двух пистолетов и клинка, распределенных по телу курьера.

Мужчина кивнул — и, похоже, не удивился.

— Хунтавас вас искали. Предлагается помощь и поддержка. Мы сотрудничаем со стайными черепахами Точильщиком и Хранителем. При мне подтверждающие документы.

— Да неужели? — пробормотал Вал Кон.

Хунтавас понимающе посмотрел на него.

— Черепахи решили, что вам они понадобятся. — Он поднял руки, широко раздвинув пальцы. — Я видел скалу на орбите. Я слышал, что на планете есть черепахи. Штаб-квартира приказала действовать по плану. Подтверждающие документы у меня в правом наружном кармане. Можете взять сами, могу дать я.

У себя в голове Вал Кон слышал песню Мири, бдительную и внимательную. Он неспешно, не зная, получится ли задуманное, посмотрел на те места, где у курьера было спрятано оружие — одно, второе, третье, — и услышал, как изменилась ее мелодия. Ему даже показалось, что он услышал негромкое: «Точно».

Он поднял руки с раздвинутыми пальцами, повторяя миролюбивый жест.

— Прошу вас, — негромко предложил он, — без опасений предъявить ваше подтверждение.

— Хорошо.

Медленно, не сдвигая пальцы, он запустил правую руку во внешний карман длинной куртки и извлек нечто столь ярко светящееся, что казалось, будто он держит двумя пальцами звезду.

Двигаясь все так же неспешно, он протянул сверкающий значок. Вал Кон вытянул руку, сложив ее чашечкой. Кристалл упал ему на ладонь, неожиданно тяжелый, теплый. Края у него были острыми, но не заточенными. Он посмотрел вниз, чуть прищурив глаза от яркого света, и без удивления увидел, что он светится изнутри.

— Фонарик? — спросила стоявшая рядом Мири.

— Совершенно верно, — пробормотал он и вручил его ей, а сам снова посмотрел на Гриншоу Портера.

— Мы получили подтверждение, — сказал он, тщательно обдумывая каждое слово. — Больше того, мы только недавно видели стайных черепах Точильщика и Хранителя, которым известно, что мы здоровы и свободны. Пожалуйста, сообщите вашей штаб-квартире, что Хунтавас может больше этим вопросом не заниматься.

— Это не совсем так, — заявил курьер, и Вал Кон выгнул бровь, ощутив, как насторожилась рядом с ним Мири.

— Объяснитесь.

— Хунтавас потеряли Судью сектора.

— О. Я соболезную Хунтавас в их потере.

Гриншоу Портер поморщился.

— Дополнительные данные. Я прикреплен к Отделу Правосудия. Сам Верховный судья просит Корвал об информации. Пропавшая судья отправилась в командировку. В последний раз ее видели в обществе Пат Рина йос-Фелиума. — Его лоб чуть сморщился. — Может, вашего брата?

— Кузена, — рассеянно поправил его Вал Кон, пытаясь уложить в голове сочетание Пат Рина с Судьей сектора.

И в то же время разве он мог предсказать, что может предпринять Пат Рин? Они с кузеном не были близки. Более того, насколько Вал Кон мог понять, у Пат Рина не было близких людей. За исключением его приемного отца, может быть. И конечно же, Люкен бел-Тарда научил своего пасынка сторониться Хунтавас.

— Кузена, — повторил курьер Хунтавас и кивнул. — Вопросы от Верховного судьи: известно ли Корвалу, где находится Судья сектора Натеза? Если да, то в качестве личной услуги Верховному судье, который ценит своих судей так же, как Делм ценит своих родичей, не откроет ли Корвал ее местонахождение? Дальнейшее: если с ней что-то случилось, то Верховный судья также просит информацию об этом. Никакой ярости, никакого сведения счетов. Но ему хотелось бы получить ее тело. — Он немного помедлил, а потом добавил: — Сам я знаю эту судью. Ее было бы трудно убить.

— Я в отчаянии от того, что должен разочаровать Верховного судью, — проговорил Вал Кон, — но данный вопрос является первым случаем, когда я услышал о Судье сектора Натезе.

— Вы сказали, что она находилась в командировке, — вмешалась Мири. — Может, она решила бросить это судейство?

Гриншоу покачал головой.

— Нет, сударыня. Судьи отправляются в командировки по своему усмотрению. Они имеют на это полномочия. Только судьи могут сказать другому судье, что делать. Или как это делать.

Она быстро посмотрела на Вал Кона.

— Довольно похоже на работу разведчика.

— Возможно, — отозвался он, продолжая смотреть на курьера. — Не видели ли моего кузена с тех пор, как судья Натеза воспользовалась своими полномочиями?

— Нет, сударь. Оба были в заварушке: стрельба, неопознанные трупы. А потом одновременно исчезли. И оба больше нигде не появлялись.

«Боги, это очень похоже на «заварушку» Департамента, — подумал Вал Кон. — И не стоит думать, что агент не равен Судье сектора, как бы трудно ее ни было убить».

Что до Пат Рина... Надо сказать, что Пат Рин — не дурак. А еще надо сказать, что он просто волшебно владеет пистолетами и один раз убил человека. Но против того, что Департаменту может вздуматься на него бросить — начиная от физической смерти и кончая убийством разума, — он совершенно не защищен.

Он снова посмотрел на курьера Хунтавас.

— Я не в силах предложить Верховному судье честный обмен, — проговорил он осторожно, чувствуя, что Мири подошла к нему ближе, — однако я почту за честь, если бы Хунтавас позволили мне узнать, когда и где в последний раз видели моего кузена и Судью сектора Натезу.

Гриншоу Портер кивнул.

— Мне дано такое право. Со мной доклад от Хозяйственной части. Мне разрешено вас с ним познакомить.

— Благодарю вас. Это было бы крайне полезно.

— Я передам его с моего корабля. Мне нужен адрес комма.

Вал Кон сказал ему код установки из их апартаментов.

Курьер повторил код, кивнул и снова поклонился по-земному.

— Я срочно его перешлю. На планете я буду до завтрашнего дня. Помощь и поддержка остаются в силе, пока я не взлечу.

— Благодарю вас, — повторил Вал Кон. — Я не думаю, чтобы в них возникла необходимость.

Рен Зел повернулся, потянулся, улыбнулся, открыл глаза — проглотил ругательство. Часы на стене были неумолимы: до начала его вахты на мостике оставалось три минуты. Он скатился с кровати, внезапно заметил, что полностью одет и сильно измят. На его сапогах оказались потеки, которые могла оставить свежая трава. Явиться на вахту в таком виде... Он снова взглянул на часы. Две минуты до того момента, когда он обязан быть на мостике. И гораздо хуже опоздать, чем явиться неопрятным.

Рен Зел побежал.

Они прочли документы Хунтавас вместе: Мири сидела на подлокотнике его кресла, прижавшись бедром к его плечу.

Там оказалась краткая биография судьи сектора Натезы, к которой прилагалось изображение стройной дамы с красивым лицом, темнокожей и большеглазой. Ее волосы облегали аккуратную голову шелковистой черной шапочкой.

Мири тихо присвистнула и подалась вперед, чтобы постучать пальцем по экрану над биографией.

— Да, эта девица умеет заваривать кашу. Неудивительно, что им ее не хватает.

— Она отлично знает свое дело, — согласился он, просматривая список удивительного количества поручений, выполненных ею для Хунтавас, причем большинство из них относилось к высшим эшелонам власти.

Может, судьи секторов и имеют право по желанию отправляться в командировки, но создавалось впечатление, что судья Натеза была довольна своей работой и до этого только трижды прерывала ее: дважды это был отдых для поправки здоровья, и одно долгое исчезновение, когда она вернулась спустя релюмму.

— Пилот первого класса, — пробормотал он, просматривая ее остальные достижения. — Мастер по стрельбе. Эксперт-взрывник. Да... дама со множеством способностей.

Которая очень успешно исчезла, как сообщалось в следующем кратком докладе, в 289-й день 1392 года по Стандартному календарю. Исчезла из принадлежавших Хунтавас доков, после того как ее офис получил соответствующее уведомление.

«Боги, так давно?» Вал Кон содрогнулся и нажал кнопку, чтобы вызвать следующий файл.

Это оказался доклад Хозяйственной части, составленный по приказу судьи сектора Натезы: он был весьма подробен и содержал описание убитых, содержимого их карманов, бумажников и кошелей, а также типов и количества вооружения. Был также отмечен синий вечерний пиджак, сильно забрызганный кровью, но целый, а также кусок чистешелка, испорченного кровью.

— Обрати внимание на пистолеты, — пробормотал он. — И заметь другие перечисленные предметы...

— Отмычки, гарроты, пипетки с кислотой, яд... — Она вздохнула. — Ты думаешь про Департамент.

— Думаю. Пиджак... наводит на грустные мысли. Пат Рин часто носит синее.

— Угу, но в нем не было пулевых отверстий. Его хозяин, наверное, выбросил его потому, что на улицах неприлично появляться в пятнах крови, — рассудительно сказала Мири. — Если только ты выше не нашел сходства?

Он покачал головой, но не успокоился. Смерть была предпочтительней жизни в тех муках, которые способен навлечь Департамент. Родичи могут пожелать своему близкому чистой смерти, а не столь ужасающей альтернативы.

— Нет, — сказал он вслух. — Нет, среди убитых он не числится.

— Но это тебя не успокаивает. — Она посмотрела на него, хмуря брови. — На самом деле ты даже чувствуешь себя хуже.

Он встретился с ее взглядом.

— Я бы добровольно не отдал Департаменту даже моего злейшего врага, а не то что родича. — Он вздохнул. — Даже родича, которого я почти не знаю.

Она моргнула, снова повернулась к экрану и, чуть наклонившись, начала манипулировать клавишами, возвращаясь к последней записи о контакте Натезы со своим офисом.

— Она ничего не говорит о том, что он с ней, — пробормотала она. — Черт, она даже не говорит, почему вообще в это встряла.

— Помощь и поддержка, — отозвался Вал Кон, устремив взгляд на экран, но мысленно видя Пат Рина таким, каким видел много лет назад: грациозное и уверенное создание с острой иронией и ленивой манерой, которую он мог напустить на себя или сбросить в мгновение ока.

Уязвимый. Такой уязвимый, если он попал в руки Департамента. Который почти наверняка переделает его в бомбу.

— Что? — Мири встревоженно повернулась к нему, округлив глаза. — Что случилось?

Он вздохнул, пытаясь мыслить спокойно, справиться со своим ужасом, поставить себя на место командира, поклявшегося довести план Департамента до логического завершения. Каковой план включал в себя уничтожение Клана Корвал.

— Мири...

— Молчи — кажется, я все прочитала.

Она закрыла глаза, и Вал Кон мысленно увидел стремительную смену красок — красный-желтый-оранжевый-зеленый-голубой-синий-фиолетовый, — за которой пришло теплое чувство спокойствия.

— Ладно. Значит, Департамент мог заполучить Пат Рина — либо в той заварушке, либо вскоре после нее. А судья могла пуститься в бега, спасая свою шкуру, поскольку она кто угодно, только не дура. А если Департамент заполучил Пат Рина, то они будут его переделывать.

Она закусила губу.

— Сколько на это уходит?

Он повел плечами, резко встал и прошелся по комнате.

— Вечность.

У окна он остановился и стал смотреть в ночной сад Клана Эроб. Молчание у него за спиной было почти материальным. Он вздохнул.

— Прости меня, шатрез. Длительность этого процесса во многом зависит от внутренних резервов кандидата. Если Департамент держал у себя Пат Рина почти две релюммы, то они уже давно завершили эту работу. Особенно поскольку они стали бы создавать не агента перемен, а нечто гораздо более простое.

— Быстрый вариант. Поняла. Но мы предупреждены.

— Не все, — отозвался он, поворачиваясь от окна. — Приемный отец Пат Рина и его родная мать по «Плану Б» несут обязанность защищать детей клана. Я не думаю, чтобы они оба отказались впустить его в свой безопасный периметр. — Он поднял руку и откинул упавшие на глаза волосы. — Джелаза Казон тоже его впустит. Антора, возможно, поймет, что что-то не так, но она может не успеть понять это достаточно быстро, чтобы помешать ему ее убить.

— Ладно. — Мири встала и подняла ладони в жесте примирения. — Все это из области «может быть». Мы не знаем, где сейчас Пат Рин. Может, он уютно устроился на какой-нибудь захолустной планете и дожидается отбоя.

— Верно. Хотя такое «может быть» не говорит нам, почему убежала судья сектора.

— Могла взять любовника. Могла захотеть отдохнуть. Могла напиться, упасть и сломать себе шею. У нас нет уверенности в том, что она скрывается из-за той истории на складе. Мы даже не уверены в том, что она вообще скрывается.

— Но мы не уверены и в том, что она этого не делает.

Молчание.

— Еще одно «может быть», — медленно проговорил Вал Кон — и, боги, если это так...

— Говори.

— Департамент приобрел как дитя Корвала Пат Рина, так и Судью сектора Хунтавас Натезу.

Мири заморгала глазами.

— Она — материал, из которого делают агентов.

— Несомненно. Более того, она имеет доступ к высшим эшелонам Хунтавас. Командир может найти такой инструмент очень полезным.

— Да уж, могу ручаться. — Она тряхнула головой. — Но у нас все равно нет фактов.

— У нас нет фактов, — откликнулся он, глядя не столько на нее, сколько сквозь нее. — Однако мы обязаны дать Верховному судье информацию.

Он пришел в себя, заметно вздрогнув, и пошел через комнату к комм-установке. Мири вздохнула и решила налить им обоим по рюмке вина.

День 52-й
1393 год по Стандартному календарю
Штаб-квартира Департамента Внутренних Дел
Лиад

Командир агентов был не из тех, кто позволяет естественным боевым потерям чрезмерно себя огорчать. Было ясно, что при осуществлении Плана, когда Департамент столкнется с сопротивлением узколобых людей и устоявшихся интересов, должны иметь место потери — и даже немалые потери. Поэтому хотя командир и не относился к потерям легко, он был способен сохранять бесстрастность, необходимую для конечного успеха во всех случаях, когда Департамент сталкивался с временными затруднениями.

Однако гибель корабля Департамента и четырех полных агентов перемен на планете Литаксин была совершенно другим делом. Можно было бы даже сказать, что командир агентов... разгневан.

Корабль сообщил о появлении Вал Кона йос-Фелиума на борту вскоре после того, как четвертый монитор, имплантированный агентам, отключился. Сам корабль взорвался через несколько минут после взлета. Командир агентов был не столь наивен, чтобы поверить, будто Вал Кон йос-Фелиум погиб вместе с кораблем.

Итак: четыре агента потеряны на Литаксине. Один агент потерян на Запретной планете И-2796-893-44: его корабль был захвачен, а впоследствии уничтожен. Еще три агента потеряны из-за сучки-полукровки...

На данный момент потери — восемь агентов и два корабля. И какую выгоду получил Департамент после таких крупных трат?

Песок и пепел. Вал Кон йос-Фелиум остается на свободе. Антора йос-Галан спокойно спит за крепкими стенами Джелаза Казон.

Командир агентов встал из-за стола. Он прошелся по своему кабинету вдоль и поперек. Во время четвертого такого прохода он остановился и заставил себя повторить успокаивающую процедуру, которой научился еще во время своей подготовки на агента, много лет тому назад.

Он постепенно замедлил пульс, выровнял дыхание, вывел из организма ненужный адреналин. Когда все это было сделано, он в течение еще нескольких секунд стоял неподвижно, с закрытыми глазами, медитируя.

Затем он открыл глаза и вернулся к рабочему столу, аккуратно сложил распечатку, которую в порыве волнения отшвырнул от себя, и, отложив ее в сторону, вывел на экран новые данные.

Увы: дурные вести продолжали его преследовать. На этот раз они приняли вид служебной записки от главы его финансового отдела. Был обнаружен еще один путь, с помощью которого Департамент пополнял свои средства, — и мастера Гильдии бухгалтеров уничтожили эту программу.

Командир агентов просмотрел доклад, дойдя до имени мастера-бухгалтера, возглавившего это расследование.

Дэа-Гаусс.

Командир агентов едва слышно вздохнул.

Дэа-Гаусс. Поверенный Клана Корвал.

Командир агентов протянул руку и дотронулся до одной из кнопок на пульте.

— Командир?

В голосе его заместителя послышалась нотка удивления.

— Тот вопрос, который мы хотели поставить перед Советом Кланов.

— Да, командир. Мы дожидались наиболее благоприятного момента.

— Вот именно. Я говорю, что такой момент наступил.

— Да, командир.

— И еще одно... Я захочу встретиться с командиром отряда через... — он бросил взгляд на стену с хронометром, — ...через пятнадцать минут по стандартному времени, в конференц-зале на уровне А. У меня все.

— Есть, командир.

Индикатор связи погас.

День 31-й
1393 год по Стандартному календарю
Космопорт Пустоши

Вилли склонился над столом, осторожно удерживая черный захват большим и указательным пальцем, правильно повернув крючок, сосредоточенно прищурив глаза.

Захват завис над неаккуратной грудой ярко раскрашенных палочек, зацепил и ловко вывернул серебряную на счетное сукно. Мальчик осторожно вздохнул, и захват снова пришел в движение — трижды, — поместив на сукно рядом с серебряной красную, оранжевую и синюю палочки.

Наблюдая за его действиями взглядом знатока, Пат Рин подметил характерную дрожь в фиолетовой палочке, расположенной тремя слоями ниже, но Вилли, начавший охоту за золотой, либо не заметил этой дрожи, либо решил, что смелость ему поможет.

Он вытянул захват, осторожно — очень осторожно — прикоснулся к золотой палочке... поднял ее...

— А, морось! — воскликнул он, когда палочки нарушили свое произвольное расположение и покатились и посыпались в разные стороны.

Он пристыженно поднял голову.

— Мне очень жаль, сударь.

Пат Рин выгнул бровь.

— Не совсем. На самом деле я вижу, что ты занимался. Твои движения стали гораздо лучше. Теперь тебе следует заострить внимание. Следи за мной.

Он умелым движением захватил двадцать четыре яркие палочки, собрал их вместе, поставил торчком на специально выложенный желтой плиткой круг в центре стола — и отпустил палочки.

Повинуясь силе притяжения, палочки упали, образовав достаточно сложное многоцветное переплетение.

— Итак, — сказал он, принимая захват у Вилли, — у нас здесь ужасный беспорядок, правда? Я спорю с тобой на двадцать монет, что все эти палочки можно извлечь и положить на сукно, не потревожив остальных. Идет?

Вилли покачал головой.

— Я знаю, что с вами лучше не спорить.

— Современная молодежь, — подумал вслух Пат Рин, прослеживая взглядом сложный узор, который составили палочки, — лишена тяги к приключениям.

Расклад оказался непростым. Он видел, что легко сможет вытащить шестнадцать... даже восемнадцать... из двадцати четырех. А вот остальные... Да.

— Всего двадцать монет? — осведомился глубокий голос рядом с ним. — А почему бы не заключить пари, достойное ваших умений?

Он спокойно поднял взгляд и встретился со смеющимися глазами Натезы.

— И что бы вы поставили, миледи?

— Надо подумать.

Она склонила голову набок и, прижав палец к губам, демонстративно задумалась над ответом.

— Знаю! — сказала она наконец. — Если вы не справитесь с двадцатью четырьмя, я заберу из дома миз Одри ковер грешников.

— О, вот как? — Он с уважением посмотрел на нее. — А если мне это удастся, то какой будет моя награда?

Она улыбнулась ему — медленно и обольстительно.

— Конечно же, что-нибудь очень приятное.

Он рассмеялся.

— Идет, — сказал он, поудобнее берясь за захват. — А теперь смотри, дитя, — сказал он Вилли. — Возможно, ты в последний раз видишь, как я играю.

Он сосредоточился на ярком переплетении, позволив комнате уйти из его сознания, так что там остались только он сам, палочки — и необходимость выиграть.

Захват стремительно пришел в движение.

Первые восемь просто отодвигались, а потом начались настоящие трудности.

Он быстро продолжал действовать, умело избегая заякоривающих палочек и тех, которые угрожали покатиться. И с каждым ловким движением захвата на счетное сукно падала очередная палочка.

И наконец, их осталось три — и они лежали, опираясь друг на друга.

Пат Рин перевернул захват, вставил тупой конец в тончайший зазор между желтой и синей палочками, откатил желтую, перевернул захват и зацепил ее крючком, ловким поворотом кисти выложив на сукно.

Точно так же была получена синяя, и, наконец, последняя оранжевая была отправлена на сукно картинным броском, который заставил ее трижды перевернуться, прежде чем лечь на сукно.

Пат Рин положил захват на сукно рядом с палочками и улыбнулся Вилли.

— Видишь, как это делается?

Паренек покачал головой.

— Вижу, что мне надо еще ой как много заниматься.

— Я же не говорил, что работать в казино легко, — напомнил ему Пат Рин. — Может, лучше пусть за столом с палочками встанет Шэйн?

Шэйн был главным соперником Вилли в доме Одри, и хотя их соперничество было по большей части дружеским, Вилли не мог допустить, чтобы какое-то задание взяли у него и передали другому мальчишке.

— Нет, сударь, мистер Конрад! Я буду заниматься.

— Хорошо, — сказал Пат Рин, отходя от стола. — Я еще зайду попозже.

Он направился прочь в сопровождении Натезы.

— Итак, — негромко спросил он у нее, — когда я смогу получить свой выигрыш?

— Современная молодежь, — спокойно заметила она, — лишена терпения.

— А! Но я уже далеко не молод. То, что ты считаешь нетерпеливостью, на самом деле потребность мужчины воспользоваться теми немногими часами, которые ему остались.

Она серьезно взглянула на него:

— Да, совершенно верно.

— Я был уверен в том, что рано или поздно ты это поймешь, — проговорил он, пропуская ее перед собой в дверь, которая выходила на территорию собственно космопорта.

День стоял прохладный и яркий — разгар лета на Пустоши, — и в самом порту царило радующее сердце оживление. Работа велась на нескольких совместных предприятиях, в частности на беспошлинном магазине, смело названном «Планетарным кооперативом», который располагался на месте, обозначенном старой вывеской «Магазин обучения». Кроме этого, в порту должны были вскоре открыться лавка со свежими фруктами, овощами и цветами и не меньше двух ремонтных мастерских. В числе индивидуальных предприятий был бар с местными фруктовыми игристыми винами и кондитерская. И, конечно, казино.

Пат Рин надеялся в будущем иметь еще и ресторан, а также биржу драгоценных камней и специй. Но на данный момент прогресс был заметен. И это радовало.

Они шли рядом, то и дело замедляя шаг, чтобы ответить на приветствия:

— Утро, босс.

— Мистер Конрад, сударь, миз Натеза, приятно видеть вас обоих.

Один из механиков громко сообщил о том, что доставлены книги конкордансов, а чуть дальше в руки им вложили пластиковые стаканчики с вином, с улыбкой сообщив:

— Только сегодня утром с ферм. С приветом от босса Шертон, мистер Конрад.

— Тебя любят, — заметила Натеза, когда они пошли дальше.

— Так сильно любят, что ты все еще настаиваешь на том, чтобы попробовать мое питье прежде, чем его буду пить я, — с иронией отозвался он. — Когда ты перестанешь заниматься безопасностью, Инас?

Черные брови выразительно изогнулись.

— О, я это уже сделала. Если теперь мои заботы кажутся более сильными, то это потому, что я лично заинтересована в том, чтобы ты сохранял здоровье.

Он внимательно посмотрел на нее.

— Значит, я поступил неправильно, вернув тебе твою клятву.

— Нисколько. Я попросила о ее возвращении потому, что мой интерес вышел за пределы чисто делового. Ты согласился, потому что моя просьба была обоснована. — Она церемонно наклонила голову. — Таким образом, мы вели себя в соответствии с требованиями чести. То, что происходит между нами, совершенно другая игра.

— В которой нельзя выиграть, — невесело отозвался он. — Выслушай меня, моя леди. Это — Пустошь. Меня уже в этом часу могут убить — и тебя рядом со мной. Но если этого не случится, остаются еще те враги моего клана, которые в любой момент могут меня обнаружить — и тоже убить нас обоих.

— Это, — отозвалась она как всегда спокойно, — вполне допустимо. — Она сделала глоток из своего стаканчика. — Но не слишком вероятно. А вино вкусное.

— Ты меня изумляешь, — сказал он и тоже попробовал вино, убедившись, что оно действительно очень недурное.

По правде говоря, фруктовое вино оказалось таким удачным, что кончилось уже к тому моменту, когда они дошли до

управления порта, которое располагалось совсем близко от нового бара.

— Доброе утро, мистер Конрад, миз Натеза, — дружелюбно кивнула Кларен Лиу, когда они вошли.

— Здравствуйте, начальник порта. Доброго вам дня.

— Пока он был именно таким. — Она махнула рукой в сторону главного экрана. — Никогда не думала, что увижу Космопорт Пустоши таким оживленным. Если так пойдет и дальше, то мы начнем соперничать с Террапортом!

— Никогда не будем таким крупным, как Террапорт, — мягко отозвался Пат Рин. — Может, вы согласитесь на маленькое деревенское сокровище-космопорт?

Начальник порта Лиу рассмеялась.

— Конечно. Мне это нравится.

Она встала со своего места и перешла к рабочему столу, где достала из папки несколько листков распечатки.

— Вчера ночью вам пришло сообщение. Я знала, что вы сегодня здесь будете, так что не стала его вам пересылать.

— Спасибо.

Он взглянул на бумаги, увидел шапку Системы здравоохранения и, сложив, убрал в карман, чтобы потом прочесть внимательнее.

— Что еще нам понадобится, — внезапно заявила она, — так это движение. Как бы ни приятно было иметь маленькое деревенское сокровище-космопорт, но если здесь никто не станет садиться, то наше положение будет не лучше, чем раньше.

— Это так. Мы с коллегами уже об этом думали. Существует ведь торговый диапазон частот, не так ли? И диапазон пилотов, где можно рекламировать товары и услуги того или иного порта?

Она заморгала.

— Ну... да. А вы собираетесь рекламировать Пустошь?

— А какой в этом может быть вред? — рассудительно спросил Пат Рин, ощущая присутствие Натезы как утешение. — Всего лишь несколько маленьких объявлений. Возможно, с похвалой нашим игристым фруктовым винам и... нашим коврам ручной работы. Мы не так уж далеко от основных маршрутов, чтобы корабли не стали к нам залетать — если бы у них был стимул. Они не делали здесь остановок из-за нашей... репутации опасного и отсталого мира, который обслуживает — не обижайтесь — порт низкого уровня.

— На правду не обижаются, — решительно бросила Кларен Лиу и несколько минут смотрела вдаль поверх его головы, а по-

том пришла в себя и кивнула. — Вот что я вам скажу. Порт оплатит половину ваших рекламных объявлений. В нашем бюджете реклама предусмотрена. И до этой секунды я понятия не имела, что делать с этой статьей. — Она усмехнулась, иронизируя над самой собой. — Внесите Пустошь в свой маршрут! Там холодно и к тому же вам сломают шею!

Рядом с ним засмеялась Натеза.

— А теперь мы можем сказать: сделайте остановку на Пустоши и проведите время в казино.

— Неплохо, — ответила ей Кларен Лиу, и ее улыбка уже не была такой ироничной. — Погодите секунду — у меня тут есть книга с расценками.

Она снова нагнулась над рабочим столом, немного в нем покопалась и с торжеством извлекла на свет потрепанную коричневую брошюру.

— Держите, — сказала она, вручая брошюру Пат Рину.

Он посмотрел на обложку, убедился в том, что расценки действительны до 96-го дня 1393 года по Стандартному календарю, и тоже убрал ее в карман для дальнейшего изучения.

— Благодарю вас, — сказал он, наклоняя голову. — Как всегда, мой визит был плодотворным. Кто-нибудь из моего дома появится в порту через два дня. Если я понадоблюсь вам раньше...

— Я с вами свяжусь, — добродушно перебила его она. — Эти ваши рации вы удачно придумали. Ага, можно подумать, вы хоть что-то придумывали неудачно.

Она попыталась исполнить официальный поклон — и Пат Рин вынужден был мысленно признать, что она постепенно его осваивает.

— Тогда всего вам доброго, сударь, сударыня. Надеюсь скоро снова вас увидеть.

— Всего доброго, начальник порта, — отозвался Пат Рин.

— Всего доброго, — повторила Натеза, после чего они оба ушли, направляясь в казино, чтобы провести вторую подготовку, а потом — на дневное совещании на территории Элвы Уитмор.

— Еще не спите, босс?

Громкий голос Чивера Мак-Фарланда ворвался в комнату раньше его самого.

Пат Рин оторвался от хмурого чтения бумаг Системы здравоохранения.

— Как видите, мистер Мак-Фарланд, я не только бодрствую, но и раздражен.

— При долгой работе всегда так, — жизнерадостно согласился Чивер. — У меня готов доклад, если хотите его выслушать.

Пат Рин отодвинул бумаги в сторону.

— Безусловно, хочу. — Он всмотрелся в своего служащего и отметил едва заметные признаки усталости. — Однако мне не хотелось бы задерживать ваше отправление ко сну. Мы успеем это сделать и завтра, если вам нужно отдохнуть.

Чивер покачал головой.

— Слишком на взводе, чтобы заснуть. Что мне сейчас нужно, так это бутерброд и пиво. А что, если нам пойти на компромисс и отправиться на кухню?

— Хорошо.

Он встал, оставив бумаги на письменном столе.

— Все идет отлично, — проговорил Чивер Мак-Фарланд, откусывая от поистине пугающего бутерброда, составленного из сыра, зелени и лука между двумя толстыми ломтями домашнего хлеба их повара. — Весь мусор расчищен. Провел пару местных техников через гипноуроки, и теперь они готовят оборудование. Пара строительных бригад готовят спальни и ангары. А утром перед отправкой поговорил с одним человечком... умница такая по имени Перл... короче, она смотрела планы подвесного блока и считает, что разобралась, что к чему. Поначалу красиво не будет, но мы имеем действующий док, не зависящий от космопорта.

Он откусил кусок бутерброда и запил его огромным глотком пива. Пат Рин выпил немного фруктового вина. Складской район, который они заняли под первый корабельный док Корвала на Пустоши, сгорел во время какого-то давно забытого бунта и действующего босса не интересовал. Пат Рин присоединил его к своей территории, просто отправив туда Чивера Мак-Фарланда и рабочий отряд с заданием расчистить место.

— Что нам понадобится — и очень скоро, — это наличные, — говорил тем временем Чивер. — Труд стоит недорого, а вот материалы требуют затрат. И массу оборудования придется делать с нуля.

Еще кусок, еще глоток.

— Где у нас будут проблемы позже — если считать, что нам удастся запустить все предприятие и найти на него деньги, — так это с пилотами, расходными материалами и списанными кораблями.

— Списанные корабли, — негромко проговорил Пат Рин, — как мы уже обсуждали, достать возможно.

— Ага, ладно — у вас есть данные насчет кладбища космических кораблей, — неохотно признал Чивер. — Если за ним не ве-

дут наблюдения. Если оно еще существует. Если коды доступа не изменились. Если, если и если.

— Риск есть, но, полагаю, небольшой.

— Как скажете. Ладно, будем считать, что корабли вы найдете. — Он хищно усмехнулся. — Следующая проблема — это пилоты.

— Этой проблемой мы занимаемся, — сообщил ему Пат Рин. — Только сегодня мы получили от начальника порта Пустоши книгу, в которой зарегистрированы все диапазоны переговоров пилотов и торговцев. Мы планируем начать рекламу привлекательных сторон Пустоши и таким образом заманивать к нам пилотов.

— Вот как? — с интересом откликнулся Чивер. — Это полезно. Но тогда вам понадобится иметь в порту биржу найма.

Пат Рин наклонил голову.

— Благодарю вас. Я об этом не подумал.

— Так скоро подумали бы. Вы слишком много думаете, если хотите знать мое мнение... а вы, конечно, не хотите.

Он доел бутерброд и откинулся на спинку стула, неспешно допивая остатки пива.

— Имейте в виду: тем, кто будет вести корабли с кладбища, надо будет платить премиальные за риск.

— Так.

Пат Рин допил вино, поставил кружку на стол и устремил взгляд на ее опустевшее дно.

— Так, — повторил он снова. — Похоже, мы застряли, мистер Мак-Фарланд. Помимо потребности в... доке Клана Корвал, наверху лежит уведомление от Системы здравоохранения, в котором мне сообщается о текущих размерах членских взносов и приводится значительная сумма штрафов, поскольку выход Пустоши из Системы прошел с нарушением нескольких пунктов контракта.

— Считалось, что другие боссы будут отчислять нам некий процент, — заметил Чивер после нескольких секунд молчания.

Пат Рин поднял глаза.

— Это так. И полученные таким образом средства немедленно были направлены на увеличение количества клиник и школ, а также на подготовку медицинского персонала.

— Так называемого.

Чивер громко вздохнул и допил последние капли пива.

— Нам понадобятся наличные или совершенно надежные гарантии наличных в течение ближайших пятнадцати — двадцати дней, или дела будут плохи. А если мы потеряем их потому, что

мы им не заплатили, то они уже никогда не вернутся, даже если бы мы перешли на оплату в звонких кантрах. Лучше свернуть дела сейчас, пока мы можем рассчитаться со всеми, и сказать, что возобновим работу через месяц-другой.

Пат Рин нахмурился. Конечно, нельзя требовать работы, а потом не платить за нее. Но было трудно, чрезвычайно трудно думать о том, чтобы приостановить осуществление проекта, которое было начато так недавно — и так успешно.

— Давайте отложим решение до завтра, — сказал он Чиверу. — Вы задержитесь здесь или вам надо возвращаться немедленно?

— Собирался вернуться завтра днем. Хотел переговорить с вами. А еще надо встретиться с Натезой и Гвинс и, может, проверить охрану дома, просто чтобы припугнуть их хорошенько и позаботиться о том, чтобы они оставались честными.

— А! — Он улыбнулся. — Ваша бдительность оценена по достоинству.

— Еще бы. — Чивер со стуком поставил на стол пустую кружку и встал. — Я пошел спать. И судя по вашему виду, вам тоже не мешало бы так сделать, если вы позволите вам на это указать. И даже если не позволите.

— Да. — На него внезапно навалилась усталость, вызвав призрак боли в раненой руке. Он встал и отнес свою кружку в мойку. — Доброй ночи, мистер Мак-Фарланд. Мы поговорим завтра.

— Обязательно. Доброй ночи, сэр.

Пат Рин поднялся наверх и постарался войти в спальню как можно тише.

— Доброе утро, денубиа.

Ее голос звучал мягко, но даже сон не сделал его невнятным.

— Ну вот. Я не хотел тебя будить, — прошептал он. — Мне надо научиться ходить как разведчику.

— Только как Шелку. Кстати, он захватил твою подушку.

Он улыбнулся в темноте и, быстро раздевшись, скользнул под одеяло рядом с ней. Шелк ради проформы провел недолгую борьбу за подушку, а потом удалился в ноги кровати.

— Победа за тобой, — прошептала она и придвинулась ближе, обвив его теплыми шелковыми руками и ногами и пристроив голову ему на плечо.

— Только до утра, — отозвался он, с каждой секундой чувствуя себя все спокойнее. Дурные известия вечера растворились в теплом сиянии радости.

Тихо вздохнув, он прижался щекой к ее волосам и незаметно скользнул в сон.

День 32-й
1393 год по Стандартному календарю
Улица Блэр
Пустошь

Натеза положила сообщение Системы здравоохранения на стол и взяла чашку.

— Три кантры штрафов. Три кантры залог — с учетом предыдущих нарушений. Две кантры за присоединение. — Она отпила немного чая и покачала головой. — Штраф завышен на две кантры, и мы определенно могли бы снизить залог на кантру. Однако при нашем нынешнем состоянии бюджета пять кантр такая же проблема, что и восемь.

— Плюс к этому небольшая проблема мистера Мак-Фарланда, — пробормотал Пат Рин, присевший на угол стола, — и мы оказываемся полностью сбитыми с ног, без всякой надежды на быстрое улучшение.

Он раздраженно передернул плечами.

— И в то же время денег больше чем достаточно — если бы я только решился их получить!

Натеза воззрилась на него, не донеся чашку до губ.

— Это так?

Пат Рин встретился с ней взглядом и нахмурил брови при виде ее изумления.

— Что — это? Что на моих счетах лежат достаточные суммы в кантрах, чтобы оплатить все, что нам нужно, — и гораздо больше? А ты считала, что соединила судьбу с нищим, моя леди?

— Это не принималось в расчет, — спокойно ответила она. — Но, Пат Рин, вопрос в другом: почему ты не решаешься снимать свои деньги?

Он проглотил вертевшуюся на языке резкость. В конце концов ему редко приходилось ловить Натезу на идиотизме.

— Ты убедишься в том, что я — человек неумный, — мягко сказал он. — Когда я устраивал детали моей прежней жизни, мне не пришло в голову, что когда-то в будущем мне очень понадобятся скрытые ресурсы. Все мои счета прискорбно заметны, и Департамент Внутренних Дел наверняка следит за каждым. Они немедленно отследят любую операцию и найдут по ней нас.

Она сделала глоток чая и поставила чашку на стол.

— И тут Хунтавас в состоянии тебе помочь, — заявила она. — Просто надо нанять курьера.

— Да, конечно! — воскликнул он, не удержавшись от сарказма. — Надо сказать кому-то, где мы находимся, чтобы они могли продать эти сведения Департаменту!

— Это не так, — возразила она. — Если бы мы нарушали договоренности, то кто бы стал иметь с нами дело?

Он вздохнул:

— Конечно. Нарушенные договоренности вредят бизнесу.

— Вот именно.

Она нахмурилась и устремила взгляд в никуда. Пат Рин взял свою чашку и стал пить чай, ожидая результатов ее размышлений.

— Это будет, — проговорила она спустя какое-то время, — недешево. Тем более что в этом случае я не смогу отказаться от своей доли. Однако ты сохранишь около семидесяти — семидесяти пяти процентов от всей доставляемой суммы.

— Хунтавас берет четверть? — Он вскинул руку, прося мира. — Я не возражаю, если мы получим гарантию анонимности.

— Процент берется за несколько услуг, в том числе и за анонимность клиента. Отсутствие шума, своевременная доставка — все это стоит дорого. Моя доля — это страховка. Хунтавас гарантирует доставку со своих собственных счетов. Когда деньги найдены и переведены на наши многочисленные счета, то мы всего лишь доставляем средства из своего ближайшего банка. Нет никакой необходимости, чтобы курьеры скакали туда-сюда, как кузнечики. Если нашего курьера ограбят, пока он везет деньги, мы все равно доставляем оговоренную сумму в договоренные сроки. Так что ты видишь, почему мой вычет должен быть сделан.

— Вижу.

Теперь была его очередь задуматься, взвешивая риск и потребности.

— Гарантированная анонимность, — проговорил он снова. — Если верить агентам Департамента Внутренних Дел (а, поверив им, я взялся покорять целую планету), то это — серьезный противник.

— Поверь, что мы свое дело знаем, — негромко отозвалась Натеза, снова берясь за чашку. Делая глоток, она смотрела на него поверх края. — Гарантий полной безопасности не существует, — сказала она наконец. — Однако если ты примешь мой со-

вет, то, по-моему, такой шаг даст нам больше безопасности, чем любой другой — и при этом мы получим доступ к необходимым средствам.

— Мои счета в кантрах, — сказал он. — Но нам надо получить в кантрах не больше двенадцати процентов. Остальное должно быть в земных деньгах или валютах ближайших областей.

Она пожала плечами.

— Это — всего лишь детали. В таких случаях, когда клиент выплачивает нам долю, мы делаем перевод на основе ежедневных курсов обмена, публикуемых банком Солсинтры. — Она насмешливо кивнула. — Если клиент не требует обращения к иным источникам.

— Курс банка Солсинтры вполне удовлетворителен, спасибо.

— А! Тебе также следует знать, что вилка в размере доли Хунтавас зависит от степени сложности доступа к счетам.

— Я могу предоставить пароли и идентификационные номера, — сказал он.

— Хорошо. Считай, что доставленная сумма будет ближе к семидесяти пяти процентам. Хотя может быть дополнительный вычет за риск. — Она чуть улыбнулась. — Таким образом к Департаменту Внутренних Дел будет проявлено заслуженное уважение.

— Это хорошо. — Он допил чай, обдумывая остальные детали. — Так. Я получу деньги в космопорте...

— Позволю себе возразить. Деньги в космопорте получит мистер Мак-Фарланд, а мы с Гвинс его прикроем. А ты, мой милый, останешься под охраной в своем доме — или, может быть, навестишь Мелину Шертон.

— Но ведь ты и мистер Мак-Фарланд важнее... — начал он, но замолчал, повинуясь ее жесту.

— Никакого контракта не будет, — заявила она с суровостью, которую выказывала крайне редко, — если все не будет сделано так, как я скажу.

Он посмотрел на нее.

— И что я буду делать, если тебя убьют?

— Отомстишь за меня. — Она опустила руку. — Будет так, как я сказала?

Он легко встал на ноги.

— Поскольку теперь план требует, чтобы мистер Мак-Фарланд рисковал своей жизнью, мы спросим его мнение. Если он согласится, тогда мы начнем действовать.

Натеза улыбнулась:

— Это меня устраивает.

День 38-й
1393 год по Стандартному календарю
Лиад
Штаб-квартира Командования Департамента Внутренних Дел

Тихо бормотало радио, сообщая о кораблях, товарах и изменениях расписаний. Командир агентов не обращал на него никакого внимания, целиком сосредоточившись на папке, лежавшей перед ним.

Кампания, начатая против Хунтавас, неблагоразумно вмешавшихся в дела Департамента, была в разгаре. Если бы командир имел возможность выбора, он не стал бы выступать против Хунтавас. Пока. Увы, Хунтавас вынудили его это сделать, помешав попытке Департамента захватить Пат Рина йос-Фелиума.

То, что Пат Рин воспользовался возникшей неразберихой и ускользнул из сетей Департамента — и что он по сию пору оставался ненайденным, — было неудачей и неожиданностью.

Поиски продолжались, естественно. Пат Рин йос-Фелиум — существо балованное, раб развлечений и игры — обязательно рано или поздно сделает ошибку. И когда это случится, Департамент начнет действовать.

Тем временем Хунтавас получат...

— Космопорт Пустоши! — прочирикало радио.

Командир агентов замер и повернулся к миниатюрному прибору.

— В нашем беспошлинном магазине вам предложат разнообразные свежие фруктовые игристые вина и джемы из местных плодов, ковры ручной работы, палочки и бирюльки из местной древесины и многое другое! И во время стоянки не забудьте посетить казино «Изумруд». Все это ждет вас в космопорте Пустоши, где заботятся о комфорте пилотов!

Пустошь, якобы родина так называемой Мири Робертсон Тайазан! Космопорт Пустоши, где любят пилотов!

Командир агентов разрешил себе улыбнуться.

День 53-й
1393 год по Стандартному календарю
«Исполнение долга»
Орбита Литаксина

Он бегом завернул за угол, попав в главный коридор, попытался затормозить и сделал сальто, чтобы избежать столкновения.

Приземлившись на ноги у противоположной стены, он только тогда понял, кого именно чуть не сбил с ног.

— Капитан!

Он низко поклонился, чувствуя, что краснеет.

— Увы, уже нет, — спокойно ответил Шан йос-Галан. — Но умоляю вас — не надо впадать из-за меня в уныние! По правде говоря, я вполне доволен возможностью перейти в ранг мастера-купца и отдыхать во время всех вахт, пока вы с Присциллой будете выполнять всю трудную работу.

Рен Зел прекрасно понял, что это — шутка, и был рад увидеть, что военный опыт кап... мастера-купца йос-Галана не изменил его до неузнаваемости.

— Но скажите мне, будьте добры, — куда вы так быстро бежали?

Он прикусил губу.

— Я опаздываю на вахту на мостике.

— Прискорбная вещь, согласен.

Серебристые глаза внимательно рассматривали его, и было нечто... кто-то...

— Интересно, — проговорил Шан, не дав ему додумать эту мысль, — не то чтобы это было мое дело, конечно! — но все-таки мне интересно, что случилось с вашей курткой?

— С моей... — Он посмотрел на свой рукав, растерянно моргая. Почему он спал в куртке? — Я... — начал он снова.

Тут к нему вернулось воспоминание, и он снова увидел ее в свете звезд. Она взяла его куртку, сказала: «Честь ей и хвала», а потом встряхнула и расправила...

Он поднял голову, встретился с серебристыми глазами Шана йос-Галана и вдруг понял, где видел похожие.

Рен Зел судорожно вздохнул.

— Мне... снился сон, — проговорил он, понимая, что это ничего не объясняет.

— Я бы сказал, что это был поистине чудесный сон, — отозвался Шан, отодвигаясь от стенки, к которой прислонился. Он поманил его, и кольцо мастера-купца вспыхнуло фиолетовым пламенем.

— Идем, дитя. Нам следует с этим разобраться.

— Не выпьешь ли вина, друг? — спросил Шан йос-Галан спустя пару минут в личном кабинете капитана.

Рен Зел колебался, опасаясь пить вино на голодный желудок после вечера, который (как настаивала его память) был так богат событиями.

— Думаю, — осторожно ответил он, — что я бы предпочел... чай.

— И что-нибудь съесть, — добавил Шан, наклоняясь к внутреннему комму.

Присцилла стояла у дивана, держа обеими руками таинственно залеченную куртку Рен Зела. Взгляд у нее был сосредоточенный, а лицо — странно опустевшее.

— Спасибо, Билли Джо, — говорил тем временем в комм Шан. — Мне тоже приятно снова слышать твой голос.

Присцилла моргнула и вздохнула, словно куртка была для нее слишком тяжелым грузом. Рен Зел шагнул вперед, чтобы принять куртку у нее, и его пальцы с наслаждением прикоснулись к коже, которая стала казаться мягкой и новой.

— Ну? — спросил Шан, присаживаясь на край стола.

— Антора, — ответила она. — Определенно Антора. Она — единственная волшебница, которая могла бы сделать подобное так качественно. — Она снова вздохнула. — Завтрак?

— Сейчас доставят.

— Хорошо.

Она посмотрела на Рен Зела и помахала рукой, приглашая его занять одно из мягких кресел, а сама опустилась на диван.

— Думаю, вам лучше рассказать нам об этом... сне.

Завтрак прибыл, когда он описывал сад с его массивным деревом и гостеприимным котом. Тут он сделал отступление и коротко пересказал предыдущий сон и невозможный усик, прилипший к одеялу. Шан вложил ему в руку тарелку, и он стал рассеянно есть, сосредоточившись на воспоминании о сне, пытаясь передать все нюансы, все картины.

Они слушали его молча — капитан и мастер-купец. В какой-то момент его повествования зажужжал комм, и по молчаливому соглашению на вызов ответил мастер-купец.

Наконец он завершил свой рассказ и опустил взгляд на чашку, которую незаметно для себя выпил, а потом посмотрел в яркие глаза Присциллы — глаза драмлизы.

— Это был сон, — повторил он чуть ли не в десятый раз.

— Не думаю, чтобы это был просто сон, — мягко возразила Присцилла.

— Другие участники тоже в этом не убеждены, — добавил Шан, расположившийся рядом с ней на диване. — Этот вызов комма был закодированным сообщением из Джелаза Казон.

Он посмотрел на Рен Зела и высоко поднял брови. В серебристых глазах горел... смех?

— Моя сестра Антора пожелала сообщить своему старшему брату и своему Тоделму о том, что заключила союз спутников жизни с Рен Зелом дэа-Джуденом, первым помощником «Исполнения долга». Она точно следует правилам, не так ли?

Дом Клана Эроб
Литаксин

— Известия от Пат Рина? — Золотые брови Новы сдвинулись над переносицей, и она покачала головой. — Но ты же знаешь, что я не выходила на связь, брат, и занималась другими вопросами. Конечно, у меня не было известий о Пат Рине. Но у меня не было известий и от Анторы.

Они пригласили Нову на ранний завтрак, после чего им предстояло проводить ее в космопорт, к шаттлу, который должен был доставить ее на «Долг». Сейчас они сидели на балконе в своих гостевых апартаментах и ели теплые рогалики, мягкий сыр и свежие фрукты. Над ними раскинулось рассветное оранжево-серебряное небо.

— Ну что ж, — пробормотал Вал Кон, разламывая рогалик. — Но прав ли я, припоминая, что существует протокол контактов? Например, не будь мы так заняты другими вещами, мы могли бы выйти на пиратскую частоту и сообщить, что все в порядке.

— Пиратскую частоту? — переспросила Мири, намазывая свой рогалик сыром.

— На самом деле она не пиратская, — ответила Нова. — Шан начал ее так называть, чтобы досадить нашему отцу. И как мне кажется — хотя, конечно, если я ошибаюсь, то меня поправят, — Вал Кон начал ее так называть, чтобы досадить кузине Карин. —

Она пошевелила плечами. — Как бы то ни было, это просто частота, принадлежащая клану.

— Можно подумать, что мне хотелось досаждать тете Карин, — тихо отозвался Вал Кон, адресуя Мири теплый взгляд зеленых глаз. — Нам необходимо доставить тебя в библиотеку, моя леди. Тебе надо немало прочитать.

— Идет. Окликнешь меня, когда война закончится.

Нова нахмурилась. (Она хмурилась удивительно часто.)

— Но мы не собираемся воевать!

Мири заморгала и посмотрела на Вал Кона.

— Правда?

— Это — как с пиратской частотой, — добродушно объяснил он ей. — Если мы будем так ее называть, то мы досадим Нове.

Она ухмыльнулась:

— Поняла.

— Вал Кон!..

— А есть ли возможность, — мягко прервал он ее, — проверить записи и посмотреть, кто докладывал о себе, а кто — нет?

— Да, конечно. Если хочешь, я могу сделать это с пункта связи Клана Эроб. На самом деле тебе нужно получить новые шифры. Посиди со мной, и я их тебе передам.

Она немного помедлила и на этот раз нахмурилась, как показалось Мири, уже не досадливо, а тревожно.

— Скажи, брат, у тебя были дурные известия о Пат Рине?

— Дурные — нет, — медленно ответил он. Мири почувствовала, как он очень осторожно подбирает слова. — Давай скажем, что мы получили... не вполне понятные новости и хотим убедиться, что с ним все в порядке.

Он поднял руку и на секунду положил ее поверх руки Новы, сжавшейся в кулак рядом с тарелкой.

— Я не хочу тебя огорчать: я знаю, что вы с ним друзья.

— Насколько Пат Рин позволяет себе быть кому-то другом, — резко отозвалась она.

— Но действительно, — добавила она после долгой паузы, стараясь себя успокоить, — с ним все должно быть в порядке. Пат Рин далеко не глуп. И Шан нанял ему очень хорошо знающего жизнь пилота.

— Пилота Пат Рина нанял Шан? — недоверчиво переспросил Вал Кон. — Похоже, их отношения сильно изменились.

— Давай просто скажем, что это Шану пришло в голову сделать мистера Мак-Фарланда пилотом Пат Рина, после того как тот привез нам известия от Точильщика. Интересы клана требо-

вали, чтобы мистер Мак-Фарланд... не возвращался бы немедленно на свои обычные маршруты, а Пат Рин как раз готовился отправиться в один из своих туров. Мистер Мак-Фарланд был готов наняться на работу, а Пат Рин был готов — после того как я с ним переговорила, потому что, не стану скрывать, брат, Шан, конечно, заставил его ощетиниться — его нанять. Так это и было сделано. Я сама проверила документы мистера Мак-Фарланда. И Антора назвала его человеком чести.

— Ну, судя по всему, наш кузен имеет хорошего служащего и охранника, — проговорил Вал Кон спустя несколько секунд. Он был так осторожен, что Мири почувствовала, как у нее между бровями зародилась боль. — Несомненно, проверив связь, мы убедимся, что он устроился комфортно и безопасно и только немного скучает.

— Что до этого, — тихо заметила Нова, — то он, бывало, говорил, что рад был бы оказаться отрезанным от всего мира на какой-нибудь отсталой планете в течение пары релюмм, чтобы прочесть все книги, которые собирался.

Мири решила, что на это ответить нечего, и доела последний кусок рогалика со смешанным чувством удовольствия и сожаления.

Похоже, Вал Кон пришел к такому же решению.

— Скажи мне, — перевел он разговор на другую тему, — ты нашла все прецеденты, которые нужны, чтобы представить наше дело перед Советом?

— Не все, конечно, но хорошее начало положено, — ответила Нова, отодвигая свою тарелку в сторону. — На «Долге» есть полный текст «Дневников», а также книга Совета. Я смогу закончить подготовку по дороге и буду готова предстать перед Советом в день нашего прилета на Лиад.

Вал Кон посмотрел на нее, выгнув бровь.

— Но ты не станешь этого делать, — предположил он, — пока не получишь разрешения от Делма.

Она вздохнула.

— Конечно, я буду ждать разрешения Делма.

— Хорошо.

Вал Кон улыбнулся, хотя Мири показалось, что он испытывает не столько одобрение, сколько тревогу. Он снова взялся за чашку.

Антора откинулась на спинку своего стула. Ее серебристые глаза смотрели в точку, находившуюся прямо над комм-установкой, — и на много световых лет дальше.

Господин дэа-Гаусс получил от нее инструкции относительно соглашений, которые ему предстояло отправить Рен Зелу для одобрения или изменения. Она сама отправила на «Долг» своему Тоделму положенное уведомление, которое скорее всего позабавит Шана. Однако ради Рен Зела нужно вести себя как подобает и в соответствии со всеми правилами. Он не должен получать ран из-за нее — ему и так пришлось перенести слишком много ранений.

То, что она знала его раны, как свои собственные, было... пикантно. То, что он мог получить столь же полное понимание ее самой, было... нет, не мучительно горько. Не совсем. В конце концов она ведь входила в число драмлиз и привыкла к контакту со своими коллегами и с некоторыми из наиболее сильных Целителей. Такие контакты были, естественно, менее полными, чем то непосредственное и полное слияние, которое соединило их с Рен Зелом прошлой ночью. И хотя с этим ничего нельзя было поделать — и хотя она не хотела бы поменять сегодняшнее утро на вчерашнее, — она все-таки жалела, что в какие-то моменты в прошлом не вела себя более... сдержанно.

Она не сомневалась в том, что Рен Зел простит ей ее проступки. И если бы он сам не вел примерную и безупречную жизнь, она безоговорочно простила бы ему все его грехи. Иначе и быть не могло при таком тесном союзе — во всем, кроме тела.

Антора вздохнула. Она очень остро ощутила этим утром его отсутствие, когда пробудилась после своего второго сна и обнаружила, что в сбитой постели находится только она одна. Более того, она почувствовала и некоторую тревогу. Ведь он должен был затратить чудовищно много сил, чтобы пройти с «Долга» в ее спальню. Пойти на такие же затраты во второй раз, почти без перерыва — и более того, после весьма бурной любви, которой они предавались полночи, — было в высшей степени легкомысленно. Она сама не пожелала бы предпринять такое, а ведь она считала себя выносливой и волевой волшебницей!

Более того, она не вполне понимала, как ему удалось совершить такой переход. Она могла понять сам процесс — в конце концов он был очень похож на задачу по пилотированию, — но она отнюдь не была убеждена в том, что могла бы воспроизвести сам эффект...

Она выпрямилась на своем стуле и нахмурилась, пытаясь построить нужное уравнение.

Комм подал сигнал вызова.

Антора вздрогнула, заморгала и подалась вперед, чтобы принять вызов.

Она еще раз удивленно моргнула, когда на экране возникло изображение темноволосой женщины в форме клерка Совета Кланов. Женщина адресовала ей поклон от высшего по положению к низшему, из чего Антора заключила, что клерк говорит от лица всего Совета Кланов, по приказу его Председателя.

— Я говорю с Анторой йос-Галан, Клан Корвал?

Антора чуть наклонила голову, пытаясь подражать Нове с ее спокойной уверенностью.

— Это так.

— Председатель Совета требует присутствия Корвала на полном собрании Кланов, назначенном на завтра, на час после полудня. Корвал призван ответить на некие очень серьезные обвинения.

— Какие обвинения? — вопросила Антора. — И кто их выдвигает?

— Я не уполномочена давать такую информацию. В связи с серьезностью этих обвинений Председатель Совета будет подвергать конфискации один корабль класса «А», принадлежащий Клану Корвал, за каждый день, в который он не пришлет своего представителя для ответа.

Антора бросила на клерка возмущенный взгляд, который та терпеливо выдержала. Под прикрытием своего возмущения Антора стремительно принимала решение.

Совет вправе назначать штрафы за неподчинение своему решению. Весомость назначенного штрафа свидетельствовала о том, что действительно имеются очень серьезные обвинения, хотя какие именно...

Она пришла к выводу, что у нее нет выбора. Она не может объяснить, что поскольку действует «План Б», то она никоим образом не может приказать, чтобы какой-то корабль — любой корабль, вплоть до самого жалкого двухместного шаттла — был передан Совету. Сам дэа-Гаусс тоже не может приказать, чтобы это было сделано. Она быстро взвешивала все данные. Совет понимает, что Корвалу не захочется терять корабль, значит, ей надо убедить их в том, что их угроза подействовала. Сказать им, что Корвал будет сопротивляться попытке присвоить свой корабль, было бы легкомысленно...

И кроме того, надо полагать, что в самом зале Совета ей ничего не должно угрожать.

Она снова наклонила голову всего на один строгий и раздражающий дюйм.

— Я благодарю Председателя Совета, но у него не было необходимости опускаться до угроз. Я приду на заседание, назначенное на час после полудня завтрашнего дня, и там отвечу на все обвинения.

Капитан своим решением освободила Рен Зела от вахты на мостике: за его пульт был посажен другой пилот. По правде говоря, он предпочел бы спрятаться в привычной рутине, по-своему переварить странный сон, который не был сном, и сжиться со своим... союзом на всю жизнь.

Оказалось, что он больше не лишен клана, не изгнанник, не мертвец. Внезапно у него появилась родня, о которой он должен заботиться: Шан йос-Галан стал его братом, Присцилла Мендоса — сестрой. Он нашел еще одну сестру в Нове йос-Галан, которая перестала быть Корвал-пернарди: с планеты сообщили новость о том, что Вал Кон йос-Фелиум надел Кольцо и по праву меланти стал главой Клана Корвал. Что, смутно подумалось Рен Зелу, хорошо для клана: Кланы должны возглавляться Делмами, а не находиться долгие годы под опекой заместителей...

Он как в тумане принял поцелуи от своего Тоделма и Тоделми. Сразу же после этого Присцилла вызвала список команды корабля и внесла в него изменения. «Исполнение долга» прежде знал его как пилота, теперь же он числился пилотом Корвала.

— У тебя вид совершенно ошалевший, дитя, — сказал ему Шан после того, как с Лиад пришло еще одно сообщение по узкому лучу: на этот раз некий дэа-Гаусс адресовался к Рен Зелу дэа-Джудену из Клана Корвал. Будучи распечатан, этот документ занял несколько листов — и он с ужасом увидел список имущества, фондов и акций, переведенных на его имя.

— Я... это слишком, — с трудом выговорил он, сам не зная, что он имеет в виду: новое имущество (ему предложили на выбор один из трех кораблей класса «А»!) или столь резкое и... неправильное... изменение его меланти.

— Да, я могу понять твое состояние. Антора — плутовка, и можешь быть уверен, что я ей так и скажу при первой же возможности.

Память показала ему леди, о которой шла речь: ее пышные груди легли ему на ладони, когда она дразняще привстала над ним, в ее волосы вплелся звездный свет...

Жарко покраснев, он опустил взгляд на распечатку.

— Возможно, — прошептал он, — не совсем плутовка...

Наступило недолгое молчание.

— Ну, я рад от тебя это услышать. Потому что я позволю сказать тебе — хоть и вполне разделяю твое вполне уместное смятение по поводу этого процесса, — что мне хотелось бы, чтобы ты стерпелся с этими новыми обстоятельствами и разрешил нам целиком тебя принять. Клан становится богаче благодаря вашему союзу. И семья йос-Галан определенно рада тебя принять, а я счастлив иметь нового брата.

Распечатка бессмысленно расплылась: на глаза у него навернулись слезы и — к его стыду — пролились. Собираясь вскинуть руку, чтобы закрыть лицо, он вспомнил, что делиться своей радостью с... родными... совершенно не стыдно.

Однако не было смысла поливать распечатку, приводя ее в негодность. Он сделал над собой усилие, чтобы взять себя в руки, и поднял взгляд, чтобы встретиться с серьезными серебристыми глазами Шана.

— Может быть, мне следует побыть какое-то время... одному, — неуверенно проговорил он. — Мне хотелось бы обрести новое равновесие, чтобы чувствовать себя увереннее — и служить моему Клану.

Шан широко улыбнулся.

— Что до этого, то тут у меня никаких страхов нет. Но — иди отдыхай, успокаивайся. Приходи к нам на обед, хорошо? А потом, я обещаю, мы позволим тебе благополучно вернуться к привычной рутине.

И Рен Зел ушел, уединившись в своей привычной каюте. Теперь, приняв душ и подкрепившись коронным бутербродом Билли Джо, он улегся спать. И увидел сон.

Во сне он видел звездную карту — ту самую звездную карту, Баленти трувад, звездную сеть всего сущего. Бесконечная, потрясающая своим равновесием и гармонией, она раскрылась перед ним: светила, звезды, миры, жизни сверкали перед ним, активные и неизбежные. И повсюду, вплетаясь в саму ткань вселенной, проходили золотистые линии силы, такие, какие он впервые увидел в спальне Анторы йос-Галан.

Он сосредоточил свое внимание на этих линиях, замечая пульсацию и течение их субстанции, тектонические переплетения, слитность из предназначения. И так же как в спальне Анторы, он протянул руку и очень осторожно взялся за две светящиеся линии.

Где-то далеко в звездной сети несколько линий захлестнули небольшое солнце. Рен Зел разжал руку — и линии расправились, возобновив течение силы.

Так. Он снова сосредоточил свое внимание, но на этот раз с намерением искать, а не управлять.

Он услышал звук — словно легкий удар колокола Совета, и в следующее мгновение Баленти трувад исчезла, а его глаза наполнились пульсирующим золотым светом.

В свое время, когда он сменил свою мать на посту кэандра Корвала, Чи йос-Фелиум настояла на том, чтобы защиту его кабинета подняли до уровня, который она назвала «удовлетворительным» и который тогда еще совсем юный господин дэа-Гаусс втайне счел... драконовским.

Сегодня, видя послание, которое сообщали ему индикаторы на пульте управления, установленном по ее приказу у него в кабинете, он искренне жалел, что не может вернуться в те давно ушедшие дни своей юности и нижайше попросить у нее прощения. Потому что говорят правду: глаза Делма видят далеко, а глаза Корвала — дальше всех.

Поскольку путешествие во времени исключалось, он мог поблагодарить ее, приложив все усилия к тому, чтобы ее труды не были напрасными.

Тщательно следуя программе, которая менялась и заучивалась каждый квартал, господин дэа-Гаусс нажал по очереди три кнопки, предупредив своих сотрудников и учеников о приближении опасности. Теперь, в соответствии с учениями (потому что Чи настояла и на том, чтобы учения проводились, и притом регулярно), они закончат свою работу, наберут команду, которая мгновенно передаст информацию с их компьютеров на домашний компьютер Джелаза Казон и сотрет всю информацию с их собственных систем. Сделав это, они уйдут из здания по одному из трех «путей отступления».

Для того чтобы все это сделать, у них будет двенадцать минут.

По прошествии ровно двенадцати минут здание загерметизируется. Поскольку много лет назад стены и окна были укреплены корабельной сталью и взрывозащитными стеклами, господин дэа-Гаусс не сомневался в том, что приближающемуся врагу понадобится немало времени и усилий на то, чтобы попасть внутрь.

Его собственная задача требовала времени — небольшого времени. Ему надо было только вызвать из памяти два письма, написанных очень давно в соответствии с возмутительным предложением все той же Чи йос-Фелиум. Еще мгновение ушло на то, чтобы скопировать их и адресовать туда, куда это было нужно.

Еще одно прикосновение к кнопке — чтобы отправить их. Сделав это, он ввел команду, которая должна была начать пересылку данных и уничтожить его собственные записи, а потом наклонился, чтобы достать из правого ящика рабочего стола пистолет.

Они отправили связистку Эроба попить чаю — что она была очень рада сделать, после того, как ей объяснили, что узкий луч необходим для частных переговоров Корвала.

И теперь Вал Кон сидел рядом с Новой за пультом рубки, посадив Мири себе на колени, смотрел, как двигаются ее пальцы, и запоминал новые шифры.

— Твои шифры, конечно, сработали бы, — сказала Вал Кону Нова, — но только через Дживза. Я позаботилась об этом, когда ты так долго отсутствовал и не... — Ее голос затих, потом снова зазвучал громко. — Конечно, я не могла рисковать нашей безопасностью, но у Дживза в памяти есть карта твоего голоса, и он умеет быть осторожным.

— На самом деле, — пояснил Вал Кон Мири, — он обладает способностью распределиться сразу по восьми частотам и переадресовать сообщение в процессе его поступления, благодаря чему его крайне трудно засечь.

— Вот именно, — хладнокровно подтвердила Нова, вводя последнюю цепочку цифр. — Так, этого должно... да.

На центральном экране зажегся список сообщений на День 52-й 1393 года по Стандартному календарю. Нова стала прокручивать список обратно.

— Люкен, Пади, Шинди...

— Шинди?

Нова посмотрела на него:

— Разве Шан не... — Она замолчала, пожав плечами. — Надо полагать, у вас были другие заботы. Клан имел радость пополниться двумя близнецами-мальчиками, наследниками Анторы йос-Галан. Их зовут Шинди и Мик.

— А! — Он улыбнулся и положил руку Мири на колено. — Клан растет, шатрез. И нам вдвойне посчастливилось с близнецами.

Она посмотрела на него:

— Ты хочешь сказать — от них вдвое больше забот?

Он рассмеялся и с удовольствием увидел, как по лицу Новы скользнула прохладная улыбка. А потом она снова повернулась к экрану и стала прокручивать список дальше, по длинному перечню дат и имен.

Она дошла до конца и молча взмахнула рукой. Предчувствуя результат, Мири напряглась у него на колене. Но он все же взялся за пульт сам и прокрутил список в обратном направлении по именам своих близких.

Исключая одно-единственное.

День 54-й
1393 год по Стандартному календарю
Родная планета стайных черепах

Их познакомили с членом клана Точильщика Держателем, который молча сидел с ними в течение нескольких часов ожидания. Время от времени он обращался к ним, а если ему задавали вопрос — отвечал, и очень вежливо, но по большей части он работал молча, занимаясь рукоятками сразу нескольких ножей по очереди.

Продуктов, которые они захватили с собой, было вполне достаточно, а каждые несколько часов Дааву разрешалось выходить наружу — чем он пользовался, чтобы обходить тот астероид, на котором они прилетели. А так он дожидался вызова — и Эллиана тоже.

В этой же комнате находился огромный и безмолвный член Стаи, но при этом с легким панцирем. В руке он держал обнаженный кристаллический клинок, похожий на копье или меч. Поначалу Даав счел это существо статуей, но затем Держатель, услышав тихий звук гонга из соседнего помещения, адресовал ему быстрое слово. Стайный страж ответил коротким свистком и легким поклоном, а потом снова погрузился в молчание.

Комната ожидания была вырезана из скальной породы, и из нее уходили три заметных туннеля. Насколько мог судить Даав, они уходили вниз. Точильщик удалился по среднему туннелю в зал собраний Старейшин — и с тех пор прошло уже много часов.

И так они проводили время. Даав разговаривал сам с собой, или делал записи в своем блокноте, а мысленно они с Эллианой вели игру в открытия, делясь воспоминаниями о родственниках и друзьях.

Слишком часто Даав замечал, что пытается утешить — или, что еще хуже, выражает презрение. А один раз он поймал себя на том, что сказал: «А здесь мы захотим свести счеты, потому что я

уверен, что у нас еще остались их акции, а тот тип мне всегда не нравился...»

«Дааав, это было так давно, и так...»

«Зная то, что я знаю, другого сделать нельзя: разве можно, чтобы дети наших детей имели контакт с Кланом, допускающим подобное?»

Иногда Эллиана показывала Дааву, как выглядит и ощущается красота цифр, каково это — видеть нечто столь простое, как курс корабля, или столь сложное, как звездная система, объект за объектом...

А потом к ним вернулся Точильщик.

— Пойдемте, — проговорил он, и его звучный голос дрожал от усталости. — Они готовы слушать. Вы должны рассказать им о Дереве и о том, что необходимо моим брату и сестре. Вы должны будете говорить каждый — отец и мать, и вы должны говорить как старейшины. Вы не должны ничего оставлять в стороне, ибо истина пронизывает стены этого места. Какие вопросы вам будут задавать, я сказать не могу — и не могу предложить поддержки, ибо внутри находятся те, кто наблюдал за звездами, убивал драконов и управлял кланами еще до того, как обсох мой первый панцирь.

День 44-й
1393 год по Стандартному календарю
Пустошь

Портативная рация у пояса запищала, требуя внимания. Этот писк становился все более привычным, и все более раздражающим. Пат Рин нахмурился. Он получал удовольствие от поездки с территории Мелины Шертон, с которой он делил широкое заднее сиденье с полудюжиной бутылок Сельского Канарского, и смотрел, как мимо проносятся мирные улицы Союза. Гвинс выбрала такую скорость, что они достаточно быстро ехали вперед, но в то же время его было видно — и он имел возможность отвечать на приветственные взмахи прохожих.

Писк рации сменился с одиночных гудков, требующих его внимания, на сочетание трех нот, которое обозначало вызов Службы Безопасности — то есть Натезы и Чивера Мак-Фарланда. А они

оба находились в космопорте Пустоши, ожидая доставки денег от Хунтавас. Он стремительно достал аппарат.

— Конрад, — коротко сказал он, уже не делая паузы перед присвоенным именем.

— Наша посылка прибыла в полном порядке, — произнес певучий голос Натезы, без напряжения и удивления. — Передача далее уже осуществляется. Однако я должна признать, что сделала ошибку, настояв на вашем визите за город. Оказалось, что некоторые дела нас опередили, и в порту требуется ваше присутствие. Эта просьба исходит от обоих начальников порта.

Пат Рин вздохнул: то, что на дежурстве оказались оба начальника порта, хорошего не обещало.

— Не бывает новостей без осложнений, а, Натеза? Мне поспешить?

— Да, денубиа. Так было бы лучше.

Пат Рин про себя проклял прибор за отсутствие визуальной связи — или хотя бы такого динамика, который передавал бы оттенки речи.

— Тогда, — отозвался он коротко и осмотрительно, — я постараюсь прибыть как можно скорее.

Он отключил связь, подался вперед и обратился к водителю.

— Гвинс, будь добра — нам нужна вопилка. Поскорее вези меня в управление космопорта.

Она кивнула.

— Хорошо, босс. В порт!

Включилась сирена, ввергнув мирную улицу впереди в хаос. Небольшие автомобили поспешно свернули к обочине. Пешеходы, приученные многими годами боев, бросились под защиту дверных проемов и переулков. Немногие более смелые личности остались на месте, с любопытством глядя, как большая машина рванулась вперед, вжав Пат Рина в мягкую спинку широкого заднего сиденья.

— Мы имеем головоломку, — сказала дневной начальник порта Кларен Лиу, сидящая во главе поспешно очищенного стола для совещаний. — Порт получил доклад пилота первого класса Бхупендры Дартешека... — (как выяснил Пат Рин, так звали очень высокого, очень худого и очень темнокожего пилота Хунтавас) — ...и подтверждающий его слова доклад пилота первого класса Вилмы Караппо... — (это была помощник пилота Дартешека, мускулистая блондинка с кожей настолько бледной, что она ка-

залась почти голубоватой) — ...что в нашей системе могут находиться пираты. Они говорят, что за их подлетом к порту следили — и они предоставили нам показания приборов, которые это подтверждают.

Поскольку Хунтавас — через Натезу — утверждали, будто их курьеры способны двигаться так же незаметно, как тени, то это выглядело не слишком многообещающе для них. Пат Рин обратился к сидящему напротив него пилоту Дартешеку.

— Как получилось, что вы дали себя выследить?

Белые зубы блеснули в узкой хищной улыбке.

— Нас не выследили. Они были на месте, когда мы закончили прыжок.

Пат Рин почувствовал, как у него по спине пробежал холодок, и вежливо наклонил голову.

— Это меняет дело. Благодарю вас, пилот.

— Так, — произнесла начальник порта Лиу, обводя взглядом всех присутствующих («все» включали в себя двух пилотов-курьеров, Пат Рина, Натезу, Чивера Мак-Фарланда и ночного начальника порта Этьенна Бордена), чтобы убедиться в их внимании. — Мы все знаем, что космопорт Пустоши — порт низкого класса. У нас всего несколько рабочих и два заместителя начальников порта, работающих на добровольной основе и подлежащих вызову только в случае экстренных обстоятельств. У нас имеется два метеорологических спутника, чтобы дублировать связь кораблей, и коммуникационный спутник, который дублирует метеоспутники. У нас есть один космический буксир. А вот чего у нас нет — так это защиты.

Она покачала головой.

— Почему это так... — Невесело улыбнувшись, она отпила немного кофе из пластикового стаканчика. — Урок истории, — проговорила она извиняющимся тоном. — Видите ли, Пустошь — планета корпоративная. Она принадлежит — вернее, принадлежала — некоему агентству «Гилмор», которое было создано для разработки залежей тимония, имевшихся на планете. Это были довольно богатые залежи, а сама планета была настолько близка к тому, чтобы считаться подходящей для обитания, что на нее имелись далеко идущие планы. В эти планы входило создание зеркал на орбите, которые бы постепенно повысили температуру на поверхности планеты на несколько градусов — документация имеется в архиве порта. — Она пожала плечами. — Предполагалось, что здесь будет настоящая экономика. Будет экспортироваться тимоний и побочные продукты его добычи, плюс к этому

какие-нибудь редкие руды, драгоценные камни, местное дерево и тому подобное. Ввозить собирались оборудование и материалы для шахт и все необходимое для шахтеров. Помимо прав на разработку залежей, агентство «Гилмор» получило право на создание правящей корпорации, которая отвечала бы за переоборудование и обслуживание порта.

Она сделала еще глоток кофе и заговорила дальше:

— Агентство едва успело начать работу, когда его конкуренты открыли систему Танзир в двух световых годах на галактический запад. Три огромных скалы без атмосферы, состоящие почти из сплошного тимония: он остался от того же космического события, из-за которого Пустошь стала тем райским уголком галактики, каким она является. Агентство «Гилмор» обанкротилось, нарушив все свои обязательства, и местное правительство так и не было создано.

Она пристально посмотрела в конец стола.

— Надеюсь, что я вам не надоела, босс Конрад.

Пат Рин чуть поклонился, не вставая с места.

— Нисколько. По правде говоря, я считаю, что мне нужно узнать об истории Пустоши как можно больше...

— Хорошо, — прервала она его, — узнаете. Потому что все это объясняет, по какой причине у нас нет ни вооружения, ни защиты. Это происходит потому, что местное правительство планеты должно одобрить, утвердить, лицензировать и содействовать сооружению всех систем защиты планеты. А до недавнего времени на Пустоши местного правительства не было.

Пат Рин смотрел на нее преднамеренно высокомерно, но мысли его неслись стремительно. По решению всех объединившихся боссов он считался Главным боссом и в случае необходимости имел право говорить за всех. Он сам предлагал несколько иную структуру власти, моделью которой был бы Совет Кланов. Однако остальные боссы настояли на том, что нужен Главный босс — Босс боссов, как пошутил Пенн Калхун, — и он уступил им, увидев, что такая модель для них понятна. После этого он назначил Пенна Калхуна Вторым боссом, и они вдвоем стали заниматься подбором дел, которые необходимо было сделать, и людей, обладавших способностью их сделать. Что, в сущности, означало...

Он поднял голову и поймал на себе взгляд Кларен Луи, полный мрачной иронии.

— Босс Конрад, — проговорила она, церемонно наклоняя голову, — как начальник космопорта Пустоши я прошу вашего

согласия на начало создания планетарной защиты, вашего позволения действовать от лица Пустоши в случае каких-либо инцидентов и вашего согласия содействовать разработке эффективной системы защиты. — Она помолчала. — Без вашего одобрения я могу только отправить сообщение в Гильдию, в котором говорилось бы, что в нашей системе, возможно, находятся пираты.

Пат Рин посмотрел в окно. Второй этаж управления порта был залит солнцем, а за посадочной площадкой на востоке шел отрезок дороги, которая соединялась с Портовым шоссе. На площадке стояли два корабля: буксир порта и неожиданно большой корабль курьеров.

— Насколько я понимаю, это надо считать официальным запросом? — осведомился он наконец, снова переводя взгляд на начальника порта.

— Точно. Его должны удостоверить два мастера-пилота и три пилота первого класса.

Она сочувственно ему улыбнулась.

— Нельзя допустить, чтобы теперь, когда мы поместили рекламу, за прилетающими к нам кораблями следили бы, — добавила она. — Это было бы...

— Плохо для дела, — мягко закончил Пат Рин в унисон с ней.

Он встал и наклонил голову.

— Я выслушал ваше предложение, начальник порта, и я готов удовлетворить вашу просьбу о начале создания планетарной защиты. Я даю вам право действовать от лица Пустоши в случае экстренной ситуации. Что до создания системы защиты... — он отвел взгляд и посмотрел на Чивера Мак-Фарланда, — то я, возможно, в состоянии буду оказать содействие. Особенно если найдутся пилоты.

Глаза Чивера на секунду расширились, но он сразу же их прикрыл. Пат Рин с трудом спрятал улыбку и сел.

— Я подпишу документы, если это нужно, — сказал он начальнику порта. — Мистер Мак-Фарланд, если вы окажете мне услугу и сходите к машине, чтобы принести кое-что с заднего сиденья, то я предложил бы начальнику порта устроить деловой ленч.

Она весело улыбнулась ему.

— Точно! Я пошлю за едой. И нам понадобятся еще пара человек — если вы разрешите мне их вызвать?

Он кивнул:

— Конечно.

День 45-й
1393 год по Стандартному календарю
Система Шерцер

— Я же сказал тебе, что эти уравнения какие-то странные, Шагг. Я нутром чую...

Энди Мак — так называемый полковник — лениво провел кредиткой по серебряным волосам, упавшим на лацкан его кожаной куртки, и облокотился на спинку кресла второго пилота.

— Ну, самое странное, что этого сразу не видно, как тут ни крути, — согласился Шагг.

Коротко стригший свои начавшие седеть волосы Шагг — Летун Шагг для своих знакомых с Пустоши — в этот момент занимал место второго пилота, а за первым сидел Чивер Мак-Фарланд. Позади них толпились остальные семь членов экспедиции: босс Конрад, Натеза, Этьенн Борден, пилоты Хунтавас Дартешек и Караппо, Энди Мак и молчаливая женщина-пилот приписанного к порту тягача, представившаяся как «Дости» (ее волосы сегодня были в тон ослепительно-розовой рубашки, надетой под пилотскую куртку).

Во время полета каждый из них садился за второй пульт. Когда очередь по списку дошла до Пат Рина, мастер-пилот игнорировал его возмущенный взгляд, и ему пришлось занять место, нагретое Дости, которая сидела там после полковника, сменившего там Натезу. И он справился со своими обязанностями с хладнокровным апломбом, которого отнюдь не чувствовал. А теперь на месте второго пилота сидел Шагг, с ленивой ухмылкой работавший с экранами.

— Смотрите. У нас коричневый карлик как первый, и раз... два... три зелено-голубых братца-гиганта с кольцами, аккуратненькие, как ступеньки, а потом маленькая дамочка Синяя, чуть скособочившаяся на внешней орбите. И мне хотелось бы знать, что стало с потерявшейся планетой!

— Да не потерялась она, Шагг! — добродушно отругал его Энди Мак. — Вечно тебе хочется найти что-то потерянное. Проверь резонанс и увидишь...

Натеза улыбнулась и подняла голову. Пат Рин ответил ей улыбкой. Неожиданно для себя он получил удовольствие от полета, несмотря на тесноту и невозможность уединиться со своей леди. Но, по правде говоря, ему не приходилось находиться в таком приятном обществе с тех самых пор, как...

— Может, там дальше какие-то астероиды, — предположила Дости. — Но полковник прав: все, что крупнее зернышек, выносит из того провала, потому что соотношение масс почти идеальное — 9, 5, 4, 3... А при таких периодах обращения... может, это твоя дамочка Синяя и потерялась!

— А теперь, — объявил Чивер, повышая голос, чтобы его услышали на фоне всего этого шума, — начинается самое забавное. Если бы вы в этом запустении стали искать склад кораблей, то куда бы вы заглянули?

Конечно, это была шутка, но Пат Рину было приятно слышать, что Чивер Мак-Фарланд не назвал место их назначения «кладбищем кораблей», поскольку такой образ не способствовал надежде. А ведь этот термин так нравился пилоту, что он использовал его в каждой второй своей фразе! Отбросил он и слово «развалины», которое не следовало относить к кораблям, поисками которых они занимались.

— Не спросить ли нам у них, где они, мистер Мак-Фарланд? — тихо предложил Пат Рин.

Чувствуя на себе всеобщее внимание, Чивер ввел код вызова, нажатием большого пальца свернул информационный экран на пульте второго пилота и сказал:

— Предлагаю пари. Кто хочет назвать время — в минутах и секундах, — спустя которое мы получим ответ от маяка? Босс, вы не участвуете, ладно?

Собравшиеся пилоты рассмеялись, сделали ставки — и начали оживленное обследование системы Шерцер с помощью приборов.

Пат Рин йос-Фелиум редко задумывался о вселенной — он был слишком погружен в нее, чтобы почувствовать себя отдельным от нее. Однако сейчас он сидел на месте второго пилота в «Награде фортуны», слушая, как ее системы печально хихикают во внезапно наступившей тишине пустого мостика, и ощущал дрожь.

До этого он побывал в системе коричневого карлика всего один раз. Туда его взял кузен Эр Том — обидчивого и неловкого юнца, которого окружающим больше всего хочется утопить, — предварительно потребовав, чтобы он запомнил координаты, код вызова и коды проходов.

Конечно, рядом с Эр Томом он не тратил время на то, чтобы думать о вселенной. Вместо этого он с холодным достоинством

отказался взять предложенное ему управление кораблем, поскольку к этому времени уже успел в четвертый раз провалить экзамен по пилотированию. Слова его отказа, наверное, огорчили его кузена, но Эр Том только кивнул и сменил тему разговора, занимая часы перелета историями об основательнице Клана Кантре, рассказами о дяде Дааве и занимательными фактами корабельной мудрости. А когда они приблизились к цели, он открыл своему родичу странный механизм, удерживавший это собрание кораблей и запасных частей на месте для того, чтобы ими мог воспользоваться Клан Корвал — и те, кому Корвал это разрешит.

Пат Рин невольно заслушался и, несмотря на всю свою решимость, забыл о своем недовольстве, так что даже с удовольствием разделил с Эр Томом дорожный ленч, который тот с собой захватил. После этого, уже совсем мирно, они перешли в автоматизированный офис, где ему показали ключи и документы, а отпечаток его ладони был зарегистрирован в охранных компьютерах.

Когда это было сделано, Эр Том устроил ему экскурсию по причалам, показав пульты управления и несколько древних кораблей. Один из них оказался вполне работоспособен спустя примерно шесть веков после постройки!

Спустя какое-то время они вернулись на свой шаттл. Когда стоянка кораблей осталась позади, кузен Эр Том серьезно заговорил с ним о будущем, предложив возможные программы обучения (все они предлагались на других планетах), терпеливо выдержал его неуклюжее подростковое недовольство и отвез обратно на «Долг», словно ничего не случилось.

И вот теперь Пат Рин — возможно, последний представитель своего Клана, возможно, поистине глава Корвала — вернулся, чтобы взять корабли со склада, для защиты и сохранения своего Клана. Его удивило то, что цифры кода доступа, которые он запомнил так давно, по-прежнему действовали, что робот-охранник помнит отпечаток его ладони, что система ключей и документов осталась точно такой, какой ее запомнил невыдержанный юнец...

Вокруг него журчал корабль, и знакомые звуки работающей системы циркуляции воздуха не нарушали его терпеливого анализа прошлого.

По правде говоря, Пат Рин впервые оказался в таком одиночестве. В отличие от своих более молодых кузенов он ни разу не совершал одиночного полета, и хотя он нередко путешествовал

один, в его жизни ни разу не было такого момента, когда на расстоянии секунды-другой от него не находился бы какой-то человек. Даже в космосе с ним всегда находился пилот, на превосходные навыки которого можно было положиться.

Сейчас ближе всех к нему находилась пилот, с которой он едва был знаком — Дости. Она тоже осталась одна в корабле, и от нее его отделяло примерно две дюжины стандартных минут. Натеза — одна в своем корабле — находилась приблизительно в трех дюжинах стандартных минут, тогда как Чивер Мак-Фарланд, Летун Шагг и ночной начальник порта занимались проверкой и отбором последних кораблей его будущего флота, аккуратно закрепленных в четырех дюжинах минут от него.

Чтобы чем-то себя занять, Пат Рин сел за пульт второго пилота и начал неуверенно исследовать систему Шерцера с помощью приборов и экранов. Перед ним громоздился Шерцер-2. На один экран дальнего вида было выведено скопление кораблей, дожидавшихся проверки, а также семнадцать остальных корабельных хранилищ — некоторые из них были скорее складами запасных частей — на краю планетного диска. За ними открывался вид на многоцветное кольцо планеты. «Награда фортуны» вращалась вместе со всеми этими кораблями в точке Лагранжа Шерцера-2.

Для свалки место было выбрано великолепное, и Пат Рин залюбовался переливами цветов внутреннего кольца, красками штормов, проносящихся по поверхности планеты, прекрасным узором вспышек молний...

— Босс?

Голос Чивера Мак-Фарланда гулко разнесся по тихому кораблю, и Пат Рин, вздрогнув, вышел из задумчивости.

— Да? — резко откликнулся он.

Ответ пришел не сразу — и задержка была большей, чем та, что определялась бы сравнительно небольшим расстоянием между кораблями.

— Гм... угу, — произнес наконец пилот Мак-Фарланд, — извините за беспокойство. Короче, у нас возникла проблема — проблема, по которой требуется принять решение, если вы понимаете, о чем я?

Пат Рин тряхнул головой: это была привычка, которую его мать так осуждала в его кузенах и которой он сам наконец поддался на Пустоши.

— Пилот, этот план обрек меня на «проблемы, по которым требуется принять решение», — отозвался он, усилием воли заставив себя говорить непринужденно. — Если вы сможете объяс-

нить мне проблему в нетехнических терминах, то я ее выслушаю и постараюсь внести в ее решение посильный вклад.

Он снова тряхнул головой. Решения. Сначала надо было решить, который из складов будет наиболее многообещающим, затем, спустя почти два дня — решить оставить его ради потенциально более... полезного... варианта.

Первый выбранный ими склад включал в себя смешанный набор кораблей, все из которых находились в рабочем состоянии, но имели проблемы, начиная от отсутствия скафандров и кончая тем, что топливопроводы двигателей слишком устарели и не могли надежно работать. В документах было помечено, что они предлагались для продажи и ждали инспекции возможного покупателя... пятнадцать стандартных лет тому назад. Видимо, от них отказались — и по вполне понятным причинам.

Потенциально более полезным вариантом оказалось соединение кораблей странной конструкции и с еще более странным внутренним оформлением. Поначалу им пренебрегли потому, что они были оставлены между непонятными остатками двух космических станций. При более внимательном рассмотрении они оказались кораблями для разработки астероидов. Одна половина каждого корабля была окрашена в густо-черный цвет, а вторая — в такой ярко-белый, что казалась почти серебряной. И на каждой стороне — белым по черному и зеленым по белому — были аляповатые изображения, гербы с Деревом и Драконом, такие большие, что их легко было заметить даже раньше, чем становилась видна истинная форма кораблей.

Конечно, у них не было никакой возможности быстро изменить внешний вид этого флота, а нестандартность кораблей сильно осложнила проверку их работоспособности. Более того, их ключи находились в папке с пометкой «зарезервированы», хотя для кого — Пат Рин выяснить не смог. Таким образом, все суда пришлось подвергнуть инспекции и проверке, и их состояние оказалось удивительно хорошим для кораблей, находившихся в открытом космосе без присмотра. Пока из дюжины негодными нашли пять.

Чивер Мак-Фарланд кашлянул.

— Босс, вот этот корабль — просто царский. Его можно назвать флагманом. У нас подобран весь набор — и все в отличном состоянии. Здесь на пульте есть программа тестирования, которая позволяет мне проводить удаленную проверку всех остальных кораблей.

Пат Рин обдумал услышанное. Это не походило на проблему... но его собеседник продолжил, не дожидаясь его ответа:

— Дело в том, что у нас здесь восемь кораблей в отличном состоянии. У них масса энергии, отличная защита — ведь они рассчитывались на длительную работу в поясе астероидов! Шагг говорит, что можно модифицировать кое-какие отбойщики породы и взрывные устройства — превратить их в оружие.

Пат Рин подумал, что это опять-таки хорошая новость, а вовсе не проблема. Восемь кораблей на восемь пилотов — это идеально.

— Так что, по-моему, нам всем следует привезти их домой, а вам доставить тот, на котором мы прилетели, — заключил Чивер Мак-Фарланд.

Пат Рин замер. Слова «Я не могу!» застряли у него в горле — и почему-то связались с молниями на Шерцере-2. В памяти у него зазвучал мягкий, мелодичный голос кузена Эр Тома, который объяснял, зачем Корвал покупает подержанные корабли, устаревшие корабли, корабли, конфискованные за долги, и почему они вкладывают средства в ремонтные доки, дают стипендии пилотам и выплачивают немалую долю счетов Разведки.

— Твоя мать... она живет ради Кодекса достойного поведения. Его изучение стало смыслом ее жизни, и она в этом преуспела. Но Корвал... Корвал — это не Кодекс. Корвал — это корабли. Всегда помни: Корвал — это корабли.

Он пришел в себя, снова услышав голос Чивера Мак-Фарланда:

— Босс? Другой вариант — оставить этот корабль здесь и вернуться за ним позже.

Пат Рин моргнул. Оставить его корабль?

— Нет! — отрезал он и наполнил грудь воздухом. — Я приведу «Награду фортуны» домой, мистер Мак-Фарланд, — проговорил он демонстративно спокойно.

Наступило короткое молчание, а потом он услышал ответ:

— Отлично. Тогда все решено.

«Добро пожаловать, пилот. — Слова на темном экране светились теплым янтарем. — Пожалуйста, зарегистрируйтесь».

Глубоко вздохнув, Пат Рин подался вперед, неуверенно положил руки на пульт первого пилота и ввел слова: «Пат Рин йос-Фелиум, Клан Корвал».

«Введите лицензию, пожалуйста».

Пат Рин посмотрел на паз в пульте, куда настоящий пилот вставил бы карточку лицензии, чтобы корабль ее считал, а потом — снова на экран. На его глазах янтарные буквы поблекли и составили новый вопрос:

«Лицензия имеется»?

Прикусив губу, он напечатал ответ: «Нет».

Как это ни странно, корабль не смутился.

«Отпечаток ладони, пожалуйста», — дала указание следующая надпись.

Он приложил ладонь к пластине, почувствовал покалывание сканера...

«Подтверждение есть. Полный доступ предоставлен».

Под его пальцами раздался какой-то щелчок, очень громкий в тишине мостика. Пат Рин отдернул руку, и часть пульта управления слева от него аккуратно раздвинулась, пропустив дополнительный пульт, который со стуком встал на место.

Несколько долгих секунд Пат Рин смотрел на него. Это действительно был полный доступ: теперь ему предоставлялось и управление вооружением.

«Автозащита? — осведомился корабль. — Автооборона?»

Что он знает об этих вещах? Пат Рин нажал кнопку, принимая оба предложения.

Пульт стремительно ожил: замигали индикаторы, настройка стала переключаться. Раскладка экранов перешла с выбранной Чивером по своему вкусу на нейтральную, а потом перестроилась на знакомую с детства модель: такой раскладкой пользовались дядя Даав и кузен Эр Том. Сам он обучался на макете пульта именно с таким расположением...

Внизу экрана располагался сектор переднего обзора, который давали радар и сенсоры, ниже по центру — прыжковый статус и то, что, по словам кузена Эр Тома, его дядя Даав называл «циферблатом хода»: график, на который выводились выверенные возможности прыжка относительно трех ближайших и самых сильных полей гравитации.

Над этим находилось самое крупное изображение — визуальное «переднее» изображение. Задний обзор был выведен левее и более мелко. Справа находились данные по состоянию корабельных систем, все — жизнерадостно зеленые: запас воздуха, энергозапасы сенсоров, вооружение (зеленый для ионного луча, зеленый для ракет — восемь с пометкой «ближний», восемь с пометкой

«средний» и четыре с пометкой «дальний», и еще один зеленый для чего-то, носящего название «дипольная бомба»). А еще многоканальный приемник и дублирующее устройство.

— Босс! — негромкий голос Чивера Мак-Фарланда окликнул его по узкому каналу. — Проблемы?

Пат Рин тихо вздохнул.

— Я приспосабливаюсь, пилот. Обозрение на главном пульте несколько шире, чем на втором.

Ответ пришел не сразу.

— Это все регулируется... — начал было пилот, но тут же оборвал себя. — Угу, да, — продолжил он спустя секунду чуть виновато. — Наверное, я понял, о чем вы. Но на самом деле никаких проблем не будет, босс. Вам нужно только сказать кораблю, куда вы летите — проверьте по книге, времени у вас много. Вообще, когда введете координаты, установите автоотсчет, расслабьтесь и подремите, пока не настанет время нажать кнопку «новые данные» после выхода из прыжка.

— Почему, если я правильно помню, большинство пилотов любит, чтобы за вторым пультом во время их первой дюжины прыжков сидел кто-то опытный?

Пат Рин сам услышал, что начинает раздражаться на своего отсутствующего помощника, и включил полную проверку систем, чтобы отвлечься.

Спустя несколько мгновений из динамика снова зазвучал голос Чивера Мак-Фарланда, причем было подозрительно похоже, что пилот пытается справиться с чихом — или, возможно, смехом.

— Точно. С другой стороны, вы хорошо справились с полетом туда и крутым заходом, и мы оба знаем, что расчеты у вас идут без проблем. Но послушайте, пока вы тут сидели и разговаривали сами с собой, мы здесь шли на сближение. Мы все находимся в пределах видимости друг у друга и составляем план прыжков. Я рассчитываю, что мы сможем сняться отсюда часа через три. И так получилось, что Натезе сейчас делать нечего — еще час-другой. Хотите, я скажу ей, чтобы она пару раз повторила с вами все процедуры выхода?

Пат Рин опустил глаза, увидел на своем пальце кольцо с новым и нахальным драконом — и чуть поклонился своему невидимому собеседнику.

— Действительно, пилот, это похоже на очень хорошую мысль. Я буду с нетерпением ждать ее вызова.

День 47-й
1393 год по Стандартному календарю
Система Пустоши

Прыжок длился стандартных семнадцать часов сорок четыре минуты двадцать семь целых и множество сотых долей секунды, и в течение всего этого времени Пат Рин занимался тем, что он всегда делал во время прыжков: читал и занимался.

На этот раз, однако, он не стал читать причудливую философию Харшоу, терпеливые рифмы йос-Сандоу или даже разделы Кодекса — который он до недавнего времени штудировал по несколько часов в неделю.

Нет: во время этого исторического и невероятного прыжка он изучал учебники по тактике и теории пилотирования, а также технические пособия — и делал это так тщательно, как не делал с ранней юности. Он проанализировал дюжину координат, заранее введенных в компьютер корабля, немного рассмеявшись иронии судьбы, по которой там оказались Лиад и Литаксин, потом долго ломал голову над координатами, обозначенными символом из земной колоды карт, пока вдруг не догадался, что почтенный «туз пик» относится к лиадийской прогулочной яхте.

Заранее введенные координаты представляли собой то, что его кузен Эр Том назвал бы «грязными прыжками»: они были рассчитаны для широкого разброса в уровне энергии и не учитывали текущие скорость и массу. Все это были координаты для экстренных случаев, которые можно было бы использовать в моменты смертельной опасности, травм пилота или трагедии, в результате которой корабль оказался бы в руках человека, отнюдь не являющегося настоящим пилотом...

Он провел проверку вооружения — как корабля, так и своих собственных пистолетов. Боги! Он ведет на Пустошь небольшой флот, и на каждом — двойная метка принадлежности Клану Корвал! И в то же время какие у него есть альтернативы?

И когда у него остался всего час до окончания прыжка, он снова вернулся в кресло пилота и постарался как можно лучше подогнать его и пульт под себя. Он привык видеть записи сообщений, поэтому вывел их на экран выше переднего визуального обзора. Передвинув кресло до второго упора, он сделал его наклон немного менее шегольским, чем того требовала фигура Чивера Мак-Фарланда, поднял сиденье выше, снизил его температуру на

несколько градусов, а потом перевел на автоматический режим. Пульт он сначала немного опустил, но потом вернул в первоначальное положение. Задействовав сеть безопасности, он сел на место и стал смотреть на экран, залитый прыжковой серостью.

Тщательно и медленно он вспомнил все то, что ему говорила Инас-звавшаяся-Натезой, как в тихом любовном разговоре, ставшем утешением и беспокойством в его одиночестве, так и в практических наблюдениях, которыми пилоты делятся друг с другом.

— Пусть корабль сообщает тебе о проблемах, — прошептала она так, чтобы это слышал только он. — В первые секунды после выхода у тебя глаза будут быстрее пальцев. Поставь оборону на автомат и включи щиты. Сядь в кресло заранее. И всегда пристегивайся, когда занимаешь место первого пилота — даже на спокойной орбите миролюбивой планеты. Проверь громкость сигналов тревоги, потому что сирены должны предупреждать, а не пугать или отвлекать. Убедись в том, что тебе удобно работать на пульте и проследи за тем, чтобы кольцо тебе не мешало и не цепляло переключатели. Я тебя люблю...

Ты прыгнешь первым, денубиа, а мы будем ходить вокруг тебя. Мы не отстанем больше, чем на минуту или две, а радиосигнал будет отставать не больше десятой доли секунды — или даже меньше. Я рассчитываю, что пилотировать ты будешь так же, как стрелять...

Выход.

«Награда фортуны» заявила о себе маяком как «Крошка Кити» из Фрон Дю Лака. Корабельный кондиционер заурчал, а рука Пат Рина словно сама по себе поднялась и ввела команду «обновить экраны». Первый же взгляд на экран позволил ему прекрасно сориентироваться: маяк космопорта Пустоши был обнаружен и зафиксирован. Его флота пока не видно было, индикатор готовности к прыжку передвигался к отметке готовности, индикатор гравитации показывал, что он вынырнул близко к планете. Прыжок действительно получился хорошим. Пат Рин улыбнулся.

— Пилот Чивер Мак-Фарланд и владелец Пат Рин йос-Фелиум, — прорычал голос на торговом, используя широкий диапазон. — Вы будете идти прямым курсом и приготовитесь к стыковке через три стандартные минуты. Говорит Департамент Внутренних Дел. Повторяю: идти прямым курсом и приготовиться к стыковке. Неповиновение будет наказано.

Пат Рин рванулся вперед — и его задержала сеть. На экране сканеров было пусто — а потом появилось несколько вспышек энергии. Маневрирует корабль. Или два...

Сработал сигнал тревоги, а радар заднего вида показал корабль, быстро сближающийся с его собственным.

— «Награда фортуны», вы на прицеле. Департамент Внутренних Дел отдал приказ стрелять в случае неповиновения. Вы обязаны ответить.

Предупреждающие сигналы вспыхивали, пробегая по пульту волнами желтого света. Сканеры показали ему и второй корабль, по правому борту. Третий оказался слева и чуть позади.

Натеза прошла с ним процедуру стрельбы, со свойственной ей безмятежностью приняв тот факт, что у корабля появилось оружие.

Теперь, как она его научила, он навел прицел на один из кораблей, нажал кнопку автоматической регистрации и дождался вспышки, перешел к следующему. И еще раз. «Награда фортуны» зафиксировала своих противников. Он перевел взгляд на индикатор состояния систем. Аккумуляторы уже зарядились. Отлично.

Он быстро подключил питание, включил систему стрельбы переводом рычажка и вызвал на экран «грязные прыжки». Ударом руки он ввел местные координаты и глубоко вздохнул.

А потом пошел с туза пик, лучшего друга картежника.

Реальность сместилась.

Вспышка прыжка. «Крошка Китти» автоматически сообщила о себе вселенной. Запрошенные им координаты точки отлета были введены, и прыжковый индикатор корабля показывал медленное повышение притока энергии. Пустошь была далеким туманным пятном.

А потом надо было ждать целую вечность, зная, что в любую секунду Натеза войдет в систему — все войдут, уязвимые, без предупреждения...

Его рука сама ударила по кнопке общего вызова.

— Сигнал вторжения! Космопорт Пустоши, тревога! Босс Конрад объявляет общую тревогу!

И наконец, аккумуляторы были готовы. Он затаил дыхание, нажал кнопку...

Реальность сместилась.

Он вышел всего в нескольких минутах от места ухода, и в четырех углах вокруг него вспыхнули прыжковые сигналы еще четырех подлетающих кораблей. А еще перед ним оказались корабли противника, летящие по касательной к его курсу.

— От имени космопорта Пустоши, — передал он в диапазоне общего вызова, пока его пальцы лихорадочно танцевали по пульту, — я требую, чтобы вы немедленно сдались!

Он опустил взгляд, проверяя, что сотворили его пальцы: увидел проложенный и введенный курс перехвата и цифру, загоревшуюся над кнопкой ускорения. Он нажал на нее. «Награда фортуны» послушалась, вдавив его в кокон кресла пилота.

На открытом диапазоне о себе объявил корабль Корвала «Терпение скалы». Назвал себя корабль Корвала «Тачка-2». Назвали себя корабли Корвала «Стержень тимония» и «Разведка-девять».

Экраны вспыхнули снова: еще три корабля вошли в систему тесным треугольником, прямо на пути приближающегося противника.

— Босс Конрад требует ответа!

Ему понадобилась секунда, чтобы узнать голос, ударом хлыста прозвучавший в динамике. Натеза. Со сжавшимся сердцем он посмотрел на данные сканеров и нашел ее корабль — как его нашли и корабли Департамента...

Назвались корабли Клана Корвал «Алмазный долг», «Кристаллия» и «Галечный зонд».

Натеза повторила свое требование, и три корабля противника начали поворот, словно наводя оружие на цель...

Корабль Корвала «Разведка-один» назвался.

Ближайший к Пат Рину корабль противника увеличил вращение и на всех диапазонах прогремело сообщение:

— Пат Рин йос-Фелиум, Лиад объявила вас вне закона! Сдавайтесь, или мы будем стрелять!

Сдаться. Да, конечно. Он прикусил губу, уверенно нажал кнопку ускорения, включил оружейный компьютер и запросил введенные конфигурации.

— Фларан чаменти, — негромко произнес он в коммуникатор и нажал кнопку «пуск».

Первые ракеты «Награды фортуны» понеслись к противнику. Корабли Департамента, аккуратно окруженные вошедшими в систему кораблями Дерева и Дракона, отстреливались сразу по всем направлениям.

Жужжание и стук пусковой установки немного его испугали: он знал все звуки своего корабля, а эти были для него новыми. Потом — новое жужжание, и корабль зазвучал как обычно.

Только когда его щиты приняли на себя удар противника, Пат Рин понял, что ему следовало надеть скафандр прежде, чем всту-

пить в бой. К счастью, его защита (как и ракеты, выпущенные с якобы невооруженного корабля) оказалась самой современной, тех моделей, какие обычно используются людьми в серьезных переделках, так что выстрел был легко отклонен в сторону.

Его экраны размножились, чтобы показать траектории его ракет и направления боевых лучей, затраты энергии и различные цели. На пульте вспыхнул индикатор и сразу же раздался шум: это его небольшой флот начал переговариваться между собой.

— Так держать, босс! Мы сейчас ими займемся. Дайте мне только... — Это был Шагг.

— Главный резак разогрет и готов, Чивер. — Дости.

— Я сближаюсь с ведущим... — Натеза!

Ему захотелось крикнуть, остановить ее — но горло у него перехватило, так что он не смог бы произнести ни слова. А его цель произвела второй выстрел, и экраны стали показывать ему вещи, которые ему никогда раньше не нужны были, и по подсказке компьютера он выпустил еще две ракеты.

— Это идеальный сферический охват. Мы их всех достанем! — крикнул полковник.

— Огонь по щитам, — негромко произнес Бхупендра Дартешек. — Перехожу на желтый.

Экран показал Пат Рину, как исчезает его первая ракета: она была перехвачена. Следящий компьютер сообщил, что вторая и третья по-прежнему находятся на нужном курсе, и...

Голос Чивера Мак-Фарланда пришел по узкому диапазону, непринужденный и спокойный, словно предлагая выпить перед обедом вина:

— Давайте разобьем центральный валун. Если вы не заняты, нажмите четвертую кнопку на красном пульте. Если не вписываетесь, предупредите.

Индикатор расстояния стремительно изменял показания: он сближался с противником. «Награда фортуны» посоветовала ему выпустить еще две ракеты. Кольцо вокруг вражеского корабля стало ярко-зеленым и мерцало: не готов, не готов.

Корабль на экране переднего обзора резко изменился, словно от него стали отваливаться целые куски...

Он слишком долго не понимал, что случилось, но «Награда фортуны» оказалась сообразительнее. В еще одном окне вспыхнули слова «маневр уклонения», и он почувствовал, что корабль вышел из повиновения. Его вжало в спинку кресла, а на экране вооружения стали уменьшаться цифры. На самом новом экране появилось сообщение «автооборона».

«Награда фортуны» показала ему траектории девяти выпущенных в него ракет и запищала на него.

Мигающий зеленый кружок стал тускло-красным и ровно окружил корабль, который он преследовал. Пат Рин нажал на кнопку. Красный кружок на секунду замерцал желтым, а потом снова вернулся к индикатору готовности. Он выстрелил еще раз, но взглядом следил в основном за приближающимися ракетами.

Индикатор корабельных щитов стал красным. На экранах возникли странные алые цветы, корабль окружили беззвучные взрывы, вокруг него в сторону пролегли траектории ракет — а потом звуки на корпусе, словно по нему бегут крысы, и еще — глухие удары и звяканье. Осколки ракет.

Пульт запищал. Он моргнул глазами, фокусируя взгляд на экране, — и увидел вопрос: «Навести на следующую цель?»

В коммуникаторе трещало и щелкало, на экране переднего обзора было пусто. Он ошеломленно подумал, что противник совершил прыжок. Но — нет, другое.

Он уничтожил корабль.

Из коммуникатора раздались приветственные крики.

— Босс их достал! — орал полковник. — Гуляем!

Пат Рин тряхнул головой и с замиранием сердца потянулся к окнам экрана, выискивая корабль Натезы. Во рту у него пересохло, пальцы дрожали...

Еще один взрыв приветственных криков: Пат Рин увидел, как второй вражеский корабль испаряется с экранов, но Натеза...

Ее корабль спокойно стоял на орбите, и ей никто не противостоял. И среди третьего взрыва криков она устало произнесла:

— Я не смогла сблизиться достаточно быстро. Они ушли в прыжок.

День 54-й
1393 год по Стандартному календарю
Солсинтра
Лиад

Антора двигалась так быстро и безопасно, как могла. При ней был потайной пулевой пистолет, потому что этого пожелала бы Нова, и, по правде говоря, она стреляла неплохо — даже Пат Рин это признал бы.

То, что ее сестра — и скорее всего братья тоже — не пожелали бы, чтобы она покинула защиту Джелаза Казон по какой угодно причине, ее нисколько не смущало. Даже во время детских игр ее более старшие родственники хотели, чтобы в минуты опасности она стояла за их спинами или убегала и пряталась от того чудовища, которое сходило со страниц романа или вахтенного журнала, словно она не могла справиться с такими призраками — как и с той реальностью, которая их порождала.

Однако ее меланти было совершенно понятным, как она и объяснила Дживзу. Она являлась представителем Клана Корвал на планете, и ей необходимо было по мере сил и возможностей защищать материальные ресурсы Клана так же, как и его меланти.

Конечно, сказала она ему, она не имеет права позволить Совету Кланов попытаться отнимать у Корвала прыжковые корабли один за другим, превращая их в «штрафы». Она не могла сказать, ставит ли Совет своей целью лишить Корвал его кораблей. Но служащие и союзники Корвала воспротивились бы любой попытке присвоить их корабль, при необходимости — и с применением силы. Таким образом, для всех было бы безопаснее, чтобы у Совета не возникло повода предпринимать такие попытки.

В соответствии со своим решением вести себя так осмотрительно, как того пожелала бы Нова, Антора подчинилась Дживзу в вопросе о транспорте — и таким образом прибыла в Солсинтру на наземной машине, которой дистанционно управлял он сам. Она обнаружила второго пассажира только в тот момент, когда машина остановилась у оживленного тротуара рядом со зданием Совета.

— Право, лорд Мерлин, это ни на что не похоже! — проговорила она с шутливым возмущением. — Казалось бы, уж ты-то должен был знать мои способности.

Мерлин передернул ухом и выпрыгнул из машины одновременно с ней, как только открылась дверца. Антора приостановилась, чувствуя растерянность впервые с того момента, как приняла решение подчиниться вызову Совета.

— Думаю, тебе следовало бы остаться в машине, — сказала она коту, не обращая внимания на людей, которым пришлось их обходить.

Задрав хвост, Мерлин прошествовал по тротуару, потом — по травянистому газону и исчез в зарослях декоративного кустарника.

— Мерлин! — воскликнула Антора, открывая Внутренний Взор — который, конечно, оказался совершенно бесполезным.

Если Мерлин не желал, чтобы она его Увидела, она могла безрезультатно искать его, пока не остынет звезда Лиад. Позади нее заурчал двигатель — и, обернувшись, она увидела, как ее машина сливается с потоком движения. Теперь уже было поздно возвращать Мерлина под присмотр робота, даже если бы ей и удалось его найти.

— Ну, как хочешь, — сказала она кустам, стараясь держаться хладнокровно. — Надеюсь, ты знаешь дорогу домой.

Она подождала еще пару секунд — на тот случай, если Мерлин добровольно явится. Конечно, он не счел нужным этого делать. Антора закусила губу, а потом повела плечами, стараясь прогнать тревогу. Несомненно, вернувшись домой после своего приближающегося приключения, она обнаружит его спящим у нее на постели.

Расправив плечи под жестким шелком официального костюма Совета, она прошла по дорожке, вошла в резные деревянные двери, а затем — через основные двери из брони. Затем она пересекла вестибюль с его высоким куполом, расписанным галактиками, звездами и кораблями, шагая по каменному полу, предательски отполированному многовековым хождением.

У стола приемной, установленного перед узорчатой металлической дверью Зала Советов, она поклонилась.

— Антора йос-Галан, Клан Корвал, — сказала она. — Клан Корвал получил вызов.

Она выпрямилась, вызывающе посмотрела в сканер, считывающий сетчатку, и двинулась вперед. Перед ней медленно раздвинулась дверь.

Зал был уже полон: Делмы Лиад сидели на своих расположенных амфитеатром местах. Некоторые молча что-то писали, другие переговаривались между собой. В зале не было темных экранов, не было флагов отсутствия. Все места оказались заняты — за исключением одного. Это указывало на то, что кто-то приложил немалые усилия к тому, чтобы заполнить помещение.

Необычным было присутствие пары охранников у двери. Еще одна пара стояла у следующего ряда ниже, и еще две пары — у каменных стен.

На дне Зала за высоким столом сидела Председатель Совета. Когда дверь открылась, она подняла голову и подалась чуть вперед. Ее усиленный громкоговорителями голос звучал даже холоднее, чем то можно было объяснить модальностью высокого лиадийского.

— Антора йос-Галан из Клана Корвал. Выходите на середину и предстаньте перед Советом.

Медленно и, как хотелось думать Анторе, с достоинством, она прошла вниз по проходу в центр Зала. Вокруг себя она ощущала концентрацию внимания: когда она проходила мимо, разговоры смолкали. Ее внутреннее чутье определило атмосферу собрания как ледяную — и в ней начинался влажный и жесткий ветер.

Подняв голову и расправив плечи, неспешно и спокойно, она прошла по проходу, к которому словно прибавилось несколько миль с тех пор, как она сопровождала сюда Нову йос-Галан. Наконец она миновала пустое кресло Корвала. Еще двенадцать шагов по благословенно ровному полу привели ее в непосредственную близость к председательскому столу.

Антора остановилась, мягко поклонилась навстречу штормовой горечи презрения Председателя и повернулась лицом к Совету.

Множество рядов лиц. Многих из этих людей она знает с детства. Холодные официальные лица обращены к ней. Она неспешно нашла взглядом известных союзников и друзей Клана Корвал: Юстус, Гвайар, Иксин, Рептор, Мицел... Ни улыбок, ни приветственных поклонов, ни ободряющих жестов. Ждут. Все они ждут, чтобы она ответила на вопрос, который пока еще не задан.

С ближайшего ряда, где сидели Делмы Главных Домов, встал один и поклонился. У Анторы оборвалось сердце. Арагон не был другом Корвала.

— Арагон требует, чтобы Корвал ответил на обвинения в похищении родичей и убийстве. Как отвечает Корвал?

Ей так и хотелось сказать в ответ, что он лишился ума, но она Видела, что это не так. Арагон задал свой вопрос не случайно: в душе он убежден в том, что Корвал виновен в этих преступлениях. Вкус доказательства скользнул по ее чувствам, что было... страшно.

Она поклонилась — вежливо, позволив всем видеть свое изумление.

— Почтенный Арагон имеет передо мной преимущество. Кого Корвал похитил? Кого Корвал убил?

Его губы сжались.

— Арагон требует, чтобы Корвал сообщил о местонахождении...

Дверь в верхней части Зала стремительно распахнулась и по проходу спустился мужчина — бегом, хотя он был отнюдь не молод, не пытаясь сохранить достоинство.

— Приоритет! — крикнул он, задыхаясь и выходя из должной модальности. — Я заявляю о приоритете!

— Вы нарушаете порядок! — взревела Председатель. Ее усиленный громкоговорителями голос был подобен раскату грома. — Совет собрался на Суд, что имеет наивысший приоритет!

— Я заявляю о приоритете! — повторил мужчина, выходя в центр зала.

С такого расстояния Антора увидела, что он вспотел и дрожит — и что это вызвано не только физической нагрузкой, но и... да, страхом.

— Кто вы? — вопросила Председатель.

Он поклонился, как положено просто при представлении.

— Хар Пар дэа-Лисс, Клан Туксент, один из семи равных мастеров Гильдии Бухгалтеров. Я заявляю о приоритете, основанном на безопасности планеты.

Наступила короткая пауза. Глядя на стену лиц, Антора увидела нахмуренные брови и недоумевающие взгляды. Кое-кто из Делмов подался к ближайшим соседям. По залу пронеслась волна громкого шепота.

— Объяснитесь, — потребовала Председатель у Хар Пара дэа-Лисса.

— Слушаюсь. Я и пять моих коллег получили от нашего седьмого коллеги — господина дэа-Гаусса — сообщение, говорившее о том, что на его контору напали враги Лиад. Он сообщил нам, что предпринял определенные меры для защиты планеты. Они включают в себя перемещение красок для нашей наличной валюты в безопасное место.

Перешептывавшиеся Делмы прекратили перешептываться и застыли на месте. Их потрясение наполнило воздух электрическим покалыванием. Зал молчал.

Председатель Совета прокашлялась.

— Это, конечно, выдумка. Почтенный дэа-Гаусс заболел и бредит. Прошу вас, мастер дэа-Лисс, свяжитесь с казначейством и убедитесь в том, что...

— Я связался с казначейством, — прервал он ее. — Двое моих коллег отправились в казначейство. Красок там больше нет. Их изъяли несколько часов назад неизвестные личности, предъявившие распоряжение господина дэа-Гаусса. — Он судорожно вздохнул. — Еще двое моих коллег немедленно отправились в городскую контору дэа-Гауссов. Она покинута и разорена. На верхних этажах найдены убитые люди — поблизости от того места, где располагался личный кабинет дэа-Гаусса. Они застрелены. Ни на одном нет удостоверений личности. Самого дэа-Гаусса нет и следа.

Он поклонился.

— Я повторяю: у меня приоритет, связанный с вопросами безопасности всей планеты.

На господина дэа-Гаусса напали в его собственной конторе? Антора вздрогнула и бросила свою мысль на поиски. Это было трудно сделать вблизи от такого множества посторонних сознаний, многие из которых громко транслировали растущее беспокойство...

— Арагон желает знать роль Корвала в этом безобразии!

Она повернулась и посмотрела на него. Прочла его отвращение и облекла свои слова в абсолютную уверенность.

— Корвалу ничего не известно. Клан требует, чтобы Совет приложил все силы к тому, чтобы найти господина дэа-Гаусса, который явно попал в руки разбойников.

Арагон моргнул и едва заметно поклонился.

— По какому праву дэа-Гаусс вывез краски из казначейства? — крикнул кто-то со средних рядов. — Эти краски — собственность Лиад!

Мастер дэа-Лисс обернулся.

— Краски — собственность Клана Корвал, — отрезал он. — Они даются Лиад в аренду — сейчас, как и в первой печати. Как кэандра Клана Корвал, дэа-Гаусс имел полное право — более того, был прямо обязан — вывезти краски в безопасное место, если считал, что им угрожает опасность. Из его письма ясно, что у него были на то все основания. Трупы в его конторе подчеркивают это.

Тут все заговорили одновременно. За спиной у Анторы Председатель Совета прикоснулась к своему гонгу. Разговоры смолкли.

Антора увидела, как Председатель бросила взгляд в разные стороны, ощутила многослойное напряжение, когда взгляд превратился во внимательный осмотр, а потом напряжение резко оборвалось: было принято решение, похоже — от кого-то, кто находился в задних рядах амфитеатра.

— Мастер дэа-Лисс справедливо требует приоритета. Поскольку Антора йос-Галан не облечена полномочиями члена Совета, она будет дожидаться внимания Совета в комнате отдыха служащих.

Она снова прикоснулась к гонгу.

И словно звук гонга был заклинанием, вызывающим клерка, женщина тут же возникла у локтя Анторы.

— Если леди Антора соблаговолит последовать за мной... — пробормотала она и направилась через площадку к незаметной двери позади Председателя.

Антора ощущала давление взглядов на свою спину, почувствовала перемещения нескольких охранников... Служащая приложила ладонь к пластине и отступила на шаг, давая двери открыться.

— Прошу вас ждать здесь вызова Председателя. Там имеются закуски и экран.

Позади в Зале несколько громких голосов пытались добиться внимания.

Комната отдыха оказалась достаточно приветливой, а ее открытое окно выходило в знаменитый регулярный парк Совета, расположенный ниже уровня земли.

Проходя в дверь, Антора бросила взгляд через плечо и увидела, что Арагон по-прежнему стоит, но встали еще и Биндан и Этгора, а два охранника идут прямо за ней — видимо, чтобы встать у двери. Клерк мягко надавила ей на плечо, направляя и торопя. Антора ощутила быстрый острый укол, словно от иглы...

Вспыхнул гнев, и одновременно она ощутила, как начало действовать снадобье, пытающееся затормозить ее, притупить ее чувства... Идиоты! Неужели они не знают, что она за считанные секунды может преобразовать любое соединение — ей достаточно только...

Два охранника вошли в комнату, зажимая ее между собой, мешая сосредоточиться, пока она пыталась найти мысленную матрицу, соответствующую снадобью... И тяжелая рука ударила ее между лопатками, заставив пошатнуться и влететь в крошечную камеру, которая была словно наполнена туманом. Антора ушибла голову, потеряла равновесие и упала на колени, давясь и теряя целостность. Она яростно вернула себе центровку, борясь с пронзительным жужжанием, которое вызвало в ее ушах снадобье, и сумела его понять! Беллакеза и циталин: кому-то понадобилось, чтобы она была очень-очень послушной.

В секунду она нейтрализовала наркотики, хотя и ощутила оставленную ими тошноту. А потом с трудом открыла глаза.

Дверь закрывалась. Она неловко вскочила и бросилась вперед, ударившись в нее со всей силы, — и отлетела назад. Перевернувшись в воздухе, она упала на руки и колени, оказавшись на четвереньках и наготове, а не на спине и в растерянности.

Она приземлилась прямо на странное обгоревшее пятно. Моргая, она впитывала тонкую струйку информации: здесь

умерла Зена тел-Уода, умерла по собственной воле, чтобы не позволить тем, кто создал это устройство, сделать ее своей марионеткой.

Ее внутреннее зрение не работало: она видела только серебро, холодное и зеркальное. Остальные ее чувства туманились, стирались, не работали. Что еще хуже, она чувствовала себя больной, ослабевшей. Ее мысли путались и дробились. Теперь на нее действовали не наркотики, а какая-то зловещая сила, с которой она столкнулась впервые. Казалось... казалось, что сама ее кровь утекает сквозь пол, где она стоит на коленях.

Антора закричала.

День 47-й
1393 год по Стандартному календарю
Космопорт Пустоши

«Награда фортуны» приземлилась аккуратно и без какого бы то ни было непристойного вмешательства со стороны своего пилота, который затем занялся послеполетным контролем и аккуратным отключением систем, косясь одним взглядом на индикатор корпуса.

К счастью, процедуры были для него новыми и вскоре поглотили все его внимание. Когда все было завершено к полному удовлетворению корабля и его собственному, корпус успел остыть настолько, что можно было выходить.

Пат Рин вышел на площадку, содрогаясь под ледяным ветром, и осмотрелся.

Восемь рудодобывающих кораблей приземлились поблизости, и в неуверенном рассвете их эмблемы с Деревом и Драконом словно светились. Он торжественно поклонился им — в знак благодарности за исполненную службу.

— Они — воины, — негромко сказала она. — Честь им и хвала.

Повернувшись, он увидел, как ее глаза расширились, но у него не было времени изумиться этому.

— Инас!

Подняв руку, он скользнул пальцами по ее смуглой щеке. Она улыбнулась, качнула пальцем его серьгу и подалась вперед. Он поймал губами ее губы.

— Ты пугаешь меня, — прошептал он чуть позже, уткнувшись лицом в ее волосы.

— Мы в расчете, — ответила она, и ее руки крепче сжались на его поясе. — Зачем тебе понадобилось вступать в бой с тем кораблем?

Он чуть отстранился.

— Это был корабль нашего врага, и я имел возможность его остановить.

— О!

Ее руки больно стиснули его, а потом она разжала объятия и отступила, виновато улыбаясь.

— Идем, денубиа. Я отвлекла тебя от дел. Разве начальник порта не попросила, чтобы ты явился к ней немедленно?

— Попросила, — подтвердил он, протягивая ей руку. — Лучше пусть она сразу поймет, какой я невоспитанный пес.

Натеза со смехом взяла его под руку.

— Да, я уверена, что она сделает именно такой вывод.

— Признаю, что одна вещь меня утешает, — заметил он, пока они шли к диспетчерской рука об руку.

— И что же?

— Несмотря на то что я наверняка нарушил несколько десятков всяческих правил, мне не придется переживать унизительного аннулирования моей лицензии!

— Вы!

Начальник порта Лиу при всем параде сидела за рабочим столом, профессионально хмуря брови. Пат Рин, сидевший напротив нее на пластиковом стуле, одна ножка которого была короче остальных, приготовился к близящейся выволочке.

Они были одни: Натезе велено было уйти в комнату для совещаний, где громко разговаривали остальные пилоты, обсуждавшие недавний бой. Пат Рин сложил руки на одном колене и устремил взгляд на поддельное кольцо, еще раз напоминая себе, что самое страшное, что может сделать начальник порта, — это прочитать ему развернутый вариант «лекции» в понимании Энн Дэвис.

— Вы! — повторила Кларен Лиу. — Вы применили оружие вблизи планеты. Стреляли в корабль и уничтожили его в околопланетном пространстве. Использовали нестандартную технику прыжка. Не получили разрешения на прыжок в диспетчерской — причем дважды! Пересекли установленные линии подлета. Допустили чрезмерное ускорение в околопланетном пространстве. Летали без лицензии.

Пат Рин поднял голову.

Начальник порта покачала головой.

— Какого дьявола у вас нет лицензии? Сэр.

Он выгнул бровь.

— Потому что я не пилот, сударыня.

Она фыркнула.

— Тогда лучшей подделки я давно не видела. Аргументируйте свои действия: это необходимо для доклада о происшествии.

Пат Рин возмущенно посмотрел на нее. Она ответила не менее возмущенным взглядом. Он подвинулся на стуле, неприятно закачавшемся на короткой ножке, и вздохнул.

— Корабль, по которому я стрелял, был намерен совершить пиратское нападение. Я стрелял, чтобы защитить мой корабль, себя самого и этот порт. Естественно, в данных обстоятельствах я не мог во всеуслышание объявлять о своих намерениях.

Начальник порта кивнула.

— Ладно. У нас есть записи — для доклада этого хватит. — Она выгнула бровь. — На записи будут имена. С этим я ничего поделать не могу. Как не могу не заметить того, что на этом вашем кольце такое же изображение, как и на рудодобывающих кораблях. Наверное, следовало бы рассмотреть его еще раньше. Я работала в более крупных космопортах. Я видела корабли Дерева и Дракона.

Он наклонил голову. Выждав несколько секунд, она вздохнула.

— Пилот Шагг говорит, что может превратить их в оборонный отряд.

— Мне он сказал то же самое, — признал Пат Рин. — И я боюсь, что действовать нам придется быстро. Потому что вам известно и то, что один из трех пиратских кораблей уцелел. — Он посмотрел прямо ей в глаза. — Нам следует считать, что они вернутся — и с подкреплениями. Из восьми рудодобытчиков четыре останутся здесь как защита планеты.

Кларен Лиу нахмурилась на него.

— А куда отправятся остальные четыре?

— Остальные четыре — и мой личный корабль, — мягко ответил Пат Рин, — намерены перенести боевые действия на территорию противника.

Как только Пат Рин вошел с начальником порта в конференц-зал, разговор сразу же оборвался, и восемь пар глаз пилотов оказались прикованы к нему.

— А вот и он сам! — проговорил Энди Мак, стоявший, прислонившись к дальней стене. — Одет в свой щегольской синий пиджак, словно он всего лишь наземная свинья. — Он укоризненно посмотрел на Кларен Лиу. — А я решил, что вы об этом позаботитесь.

— Согласно правилам, полковник, — отозвалась она с подчеркнутой терпеливостью. — Мы все сделаем согласно правилам. — Она обвела взглядом присутствующих. — Мастер-пилот Мак-Фарланд!

Внушительный землянин шагнул вперед:

— Да, сударыня.

Она указала на Пат Рина, который постарался найти для своего пилота гневный взгляд. Чивер улыбнулся и кивнул:

— Утро, босс.

— Мистер Мак-Фарланд, — упрямо повторила начальник порта. — Вы говорили, что этот человек был у вас вторым пилотом и что вы готовы поручиться за его умение работать с пультом и знанием основных уравнений пилотирования. Это так?

— Основных уравнений пилотирования? — взвыл Шагг. — Начальник порта, этот паренек вытащил из рукава контрабандного туза, да так красиво, как никто из нас в жизни не видел, а вы еще спрашиваете, умеет ли он вести расчеты?

— Молчать! — огрызнулась начальник порта. — Итак, мистер Мак-Фарланд?

— Да, мэм, я за него ручаюсь. Он знает уравнения и знает пульт. Немного маловато летных часов, но нельзя сомневаться в том, что он — прыжковый пилот. — Его улыбка переросла в ухмылку. — Я буду рад подписать его лицензию.

Она кивнула.

— Я поставлю подтверждающую подпись. — С этими словами она повернулась к Пат Рину. — На какое имя вы хотите получить лицензию, пилот?

Пат Рин судорожно вздохнул и нашел в толпе лицо Натезы.

— Это — комедия! — заявил он.

Она покачала головой.

— Нет, это все совершенно серьезно. — Она взмахнула рукой, указывая ему на стоявший на столе переносной проектор. — Если хотите, вы можете сами просмотреть запись, как это сделали мы. На ней ясно видно, что ваш корабль находится в руках пилота, отличающегося умением и отвагой.

— Сынок, — добавил Энди Мак, — мы все видели тебя в действии, и все мы просмотрели эту запись. Нет смысла твердить,

будто ты не пилот, потому что нам лучше знать. А теперь говори начальнику порта, что ей написать на твоей лицензии, и пусть Чивер ее тебе подпишет. Этому порту нужно как можно больше пилотов. — Он покачал головой, и его длинные седые волосы заколыхались над его плечами, словно туман, а разбойничье лицо стало непривычно серьезным. — Или ты не думаешь, что тот тип умчался домой, всю дорогу зовя на помощь?

Пат Рин передернул плечами, сбрасывая напряжение, и встретился с полковником взглядом.

— Я думаю, что он именно так и сделал, — ответил он, а потом перевел глаза на начальника порта.

— На лицензии должно стоять имя Конрад, — решительно сказал он. — Джонни Конрад.

Натеза улыбнулась ему издали. Стоявший ближе Чивер Мак-Фарланд кивнул.

— Джонни Конрад, — повторила начальник порта, и Пат Рину показалось, что она пытается спрятать улыбку. — Ладно. Мне понадобится несколько минут. И хочу, чтобы вы знали: я накладываю на вас ограничения. Первый класс, тип «М», что значит «малый корабль». «М» отпадет, как только вы налетаете должное количество часов на прыжковых кораблях всех типов. Ясно?

Да, можно подумать, он проживет так долго, чтобы освоить все сложности проведения через прыжок пассажирского лайнера — или торгового корабля! Пат Рин кивнул:

— Я понял.

— Хорошо.

Она указала на Дости, и та встала из-за стола, держа в руках что-то мягкое и темное. Чивер принял у нее ношу, встряхнул ее и подал.

Пат Рин судорожно сглотнул, но в горле у него совершенно пересохло. Лицензия... Действительно, он занимал место первого пилота, хотя всего лишь пользовался корабельными программами и нажимал на кнопки по подсказке компьютера. Тем не менее формально он готов был признать лицензию. Но это — нет. Он не имел права на куртку прыжкового пилота!

— Натеза! — окликнул ее Чивер Мак-Фарланд, не поворачиваясь. — Вам придется помочь боссу переодеться.

— Конечно! — отозвалась она, выступая вперед.

— Натеза, — выдохнул он, когда она оказалась рядом. — Это же был корабль, а не я.

— Хорошо, — ответила она успокаивающим тоном. — Когда текущая экстренная ситуация разрешится, мы взлетим с тобой

вдвоем, и ты мне это покажешь. А тем временем все мы здесь, как и сказал полковник, опытные пилоты, и мы должны принять то, что нам говорят наши глаза и наш опыт.

Она взялась за его пиджак, и он вынужден был его снять, запоздало вспомнив о том, что в потайном кармане там спрятан пистолет.

— Так, — сказал Чивер Мак-Фарланд. — А теперь — куртка.

Он протянул ее — куртку из черной космокожи. Фасон у нее был не самый новый, подкладка — из черной шелковистой ткани в рубчик. Пат Рен неуверенно вдел руки в рукава и почувствовал, как вес куртки ложится ему на плечи...

— Есть! — заорала Дости.

Шагг и полковник взвыли и начали топать ногами. Курьер Хунтавас Караппо вежливо захлопала, пилот Дартешек оскалил зубы и потряс над головой кулаком. Этьенн Борден крикнул: «Брат! Наши ряды растут!» Чивер Мак-Фарланд подмигнул и поднял вверх широкий большой палец. А Кларен Лиу кивнула, больше не пряча улыбки.

Натеза обняла его и чмокнула в щеку, что вызвало новый взрыв криков и топанья у Шагга и Мака, и при этом незаметно вложила во внутренний карман его новой куртки пистолет.

День 54-й
1393 год по Стандартному календарю
«Исполнение долга»
Прыжок

Рен Зел проснулся заранее, чтобы приготовиться к трапезе со своими братом и сестрой. Одеваясь, он размышлял о своем новом состоянии гораздо более спокойно, чем ему удавалось это делать прежде. Конечно, не было ничего плохого в принадлежности к клану. Пожизненный союз с членом Клана Корвал... Это было... странно, да. И сын небогатого дома на далекой планете не мог бы мечтать о подобном, даже если бы не стал изгоем. Ему хотелось бы поговорить с той, с кем он разделил столько наслаждения, и узнать, как она относится к их союзу, а еще — вместе с ней решить, как лучше устроить их жизнь. Устроит ли ее, если он останется на корабле и будет возвращаться к ней на одну релюмму из шести? А возможно, она и сама является владелицей корабля, и...

Он приостановился, не успев закрепить застежку рукавов, задумчиво глядя в никуда. Ему удалось вспомнить, что Антора преподает в колледже Драмлиз в Солсинтре. У нее есть лицензия пилота первого класса и налетано некоторое количество часов для получения квалификации мастера. Однако она перестала заниматься пилотированием, сосредоточившись на изучении волшебства.

Его удивила мысль о том, что столь сильной волшебнице могло понадобиться что-то еще изучать и тщательно исследовать, однако он не сомневался в том, что память его не обманула.

Отгоняя от себя воспоминания и заканчивая застегивать рукава, он спросил себя: что сам он может принести в союз с драмлизой? Похоже, Шан не усомнился в том, что его сестра избрала его своим спутником жизни, но сам Рен Зел не был в этом уверен. Она не ждала его — она не знала его имени. Значит, тут действовал кто-то другой: возможно, кот или его мощный союзник Дерево?

Ладно. Обо всем этом можно будет спросить, когда он сможет поговорить со своей спутницей жизни лицом к лицу. Он только надеялся, что она не пожалеет о своем выборе, как бы он ни был сделан.

Он взглянул на свое отражение: каштановые волосы, карие глаза, симметричное, ничем не примечательное лицо — а потом на часы. Пора идти в каюту капитана, чтобы сесть за стол со своими... близкими.

Люк открылся — бесшумно и медленно, — открыв худощавую фигуру курьера Хунтавас. Он кивнул и отступил, приглашая их войти.

— Мы готовы взлететь, как только вы пристегнетесь.

Вал Кон вошел первым, Мири — у него за спиной. Ее мелодия стала резкой от настороженности. Коридор оказался узким и коротким и закончился кабиной пилота — отнюдь не просторной. Пульт оказался необычно многоуровневым, экраны установлены почти полукругом на высоте, которая пришлась бы на уровне глаз пилота обычного земного роста. Пилот лиадийских размеров вынужден был бы либо поднять кресло, либо рисковать болезненной судорогой в мышцах шеи.

— Как я предупреждал, здесь уютно.

С этими словами Гриншоу Портер провел их в дальнюю часть помещения. При его прикосновении в сторону отъехала створка двери, за которой оказались две кушетки для динамических нагрузок, одна над другой. Сети безопасности были уже откинуты.

— Ну вот: удобства первого класса.

Вал Кон наклонил голову.

— Мы вас благодарим.

— Это — моя работа, — ответил ему курьер, пожимая плечами. — Мне велено сказать: Верховный судья благодарит вас за информацию.

— Надеюсь, она будет ему полезна.

На это мужчина улыбнулся с яростной иронией.

— В этом нет сомнений. — Он хлопнул рукой по верхней кушетке и повернулся. — Устраивайтесь удобнее. Я скажу диспетчерской, что мы улетели.

Пассажир. Вал Кон посмотрел на кушетки, пытаясь вспомнить, когда он в последний раз был пассажиром...

— Ну, — спросила Мири у него за спиной, — которую ты выбираешь? Нижнюю или верхнюю?

Дверь открылась в ответ на прикосновение его ладони. Он перешагнул через порог и замер, оказавшись лицом к лицу с той, кто была Корвал-пернарди: своей сестрой Новой.

Нельзя было сказать, что она улыбнулась, но по крайней мере она не стала хмуриться и склонила голову со спокойным дружелюбием.

— Пилот, — проговорила она, приветствуя его как обычно, но на этот раз произнеся обращение на низком лиадийском, обращаясь к нему как к родичу, — как я слышала, мне нужно пожелать вам счастья.

— Пилот, — отозвался он, повторив ее интонации с едва заметной дрожью неуверенности, — благодарю вас за ваши добрые пожелания.

Она еще секунду стояла, глядя на него непроницаемыми лиловыми глазами — как ему показалось, изучающе. Казалось, она собирается еще что-то сказать, однако этому помешало появление ее... их!.. брата.

— Ну вот, все было не так уж и страшно, правда? — жизнерадостно осведомился Шан, хотя было не вполне понятно, к кому именно он обращается. — Сестра, не надо его кусать! Я клянусь, что он умеет себя вести лучше, чем мы все, включая Присциллу, и благодаря ему перед Корвалом откроются все те двери, которые уже давно закрылись из-за наших отвратительных манер.

— Я в этом не сомневаюсь, — пробормотала она и вдруг действительно улыбнулась: слабо, но с подлинной теплотой. — Я глубоко вам сочувствую, новый брат: вы вступили в клан, отвержен-

ность которого может сравниться только с его странностью! — Она отвела взгляд. — Шан, ему, несомненно, хотелось бы вина.

— Несомненно, поскольку он не дурак, — отозвался ее брат и, положив на плечо Рен Зела широкую ладонь, мягко подтолкнул его к бару. — Пойдем, дитя, подкрепим твои силы. Красного? Белого? Бренди?

— Красного, если можно.

Шан протянул руку и высоко поднял графин, словно оценивая его почти полное состояние.

— Представляется, что этого должно хватить, чтобы наполнить вашу рюмку, и мою также. Хотя, боюсь, если Присцилла пьет красное, то нам не повезло.

— Белого, пожалуйста, — произнес ее грудной голос.

Повернувшись, Рен Зел успел увидеть, как за ее спиной закрываются двери внутренней комнаты, которую она делила со своим спутником жизни. Присцилла улыбнулась.

— Доброй вахты, брат. Ты уже смирился со своей судьбой?

Он почувствовал, что его губы изгибаются в ответной улыбке.

— Из множества разных судеб эта представляется... менее неприятной, чем другие, — ответил он ей. — И мне очень хотелось бы поговорить с моей дамой. Нам надо решить немало вопросов.

Справа от него раздался странный звук — как будто Нова чихнула. Присцилла только серьезно кивнула.

— Тогда тебя обрадует известие, которое принесла нам наша сестра, — сказал Шан, вкладывая ему в руку рюмку красного вина. — Мы немедленно отправляемся на Лиад!

— Только не дайте Шану убедить вас в том, что вы встретитесь со своей дамой немедленно, — предостерегла его Нова, подходя ближе. — По распоряжению Делма нам надо лететь к Лиад — это так. Но там мы будем оставаться на орбите, пока он не даст нам разрешения сесть на планету.

— Недели, месяцы, годы! — проговорил Шан с наигранным отчаянием, вручая Присцилле ее рюмку.

— Очень может быть, — серьезно отозвалась его сестра, хотя Рен Зелу и показалось, что он уловил едва заметную улыбку в ее взгляде.

— Ну, в этом случае мы постараемся по возможности укрепить наш дух. Я вижу, что для нас приготовлен пир, и единственное, что мешает нам им насладиться, — это Горди. — Шан поднял рюмку, иронично обводя всех своими серебристыми глазами поверх вина. — Или, наверное, следовало бы сказать — отсутствие Горди?

Присцилла улыбнулась.

— Он будет здесь — скоро.

Почти мгновенно прозвучал перезвон запроса на вход.

— Или даже немедленно, — заметил Шан и крикнул: — Входи!

Дверь отъехала в сторону, чтобы впустить Горди Арбетнота, приемного сына Шана и Присциллы и к тому же кровного родственника Шана с земной стороны.

— Здравствуйте, кузина Нова!

Он поклонился Нове по всем правилам, как родственнице, а потом направился прямо к Рен Зелу. Его лицо и взгляд были очень серьезны, плечи чуть напряжены.

— Салют, Рен Зел.

— Привет, Горди, — ответил он мягко, внимательно следя за настроением и поведением юнца.

В конце концов, вполне возможно было, что Горди... уважает свою кузину Антору, и кто такой Рен Зел дэа-Джуден, чтобы назвать его глупцом?

— Присцилла сказала, что вы заключили союз... настоящий пожизненный союз... с Анторой? Это правда?

— Да.

Юное лицо просияло улыбкой.

— Это здорово! Я по-настоящему рад. — Он щегольски поклонился. — Гешада, пилот. Я желаю вам и всем вашим долгих лет радости.

Рен Зел почувствовал, как к его глазам подступили слезы, и спрятал их в своем поклоне.

— Мои благодарности.

— А теперь, — объявил Шан, — мы можем есть.

Трапеза была несколько менее радостной, чем предшествовавший ей прием: Нова сообщила известия об еще одном родиче. Оказалось, что Пат Рин йос-Фелиум не придерживался предписанной процедуры и не сообщал о себе. Нова была склонна считать это тревожным и попросила совета у близких. Разговор вращался вокруг вопроса о том, куда вероятнее всего мог отправиться кузен Пат Рин и какую стратегию поиска следует принять. Рен Зелу пришлось только слушать, наблюдать и ближе узнавать тех, кто стал теперь членами его семьи.

Слушая их, он потянулся за рюмкой — и застыл неподвижно: его слух наполнился ревом, похожим на сильный ветер, а в голове зазвучал голос, полный страха.

— Рен Зел! Ты мне нужен!

На секунду он почувствовал мертвящий сердце холод и такое чувство, словно он продирается сквозь полосу особо цепкого тумана. Рен Зел тряхнул головой, прогоняя мглу, и обнаружил, что стоит на коленях на обжигающе холодном полу. Рядом с ним на четвереньках стояла Антора — прямо над пятном сажи.

— Рен Зел? — прошептала она.

— Я здесь.

Он встал — попытался встать, но потолок оказался слишком низким, так что он не смог распрямиться и ему пришлось ссутулить плечи и опустить голову. Он неловко пригнулся и осмотрелся, обводя взглядом жесткие серебряные стены, видя светящиеся линии, которые сгибались и замыкались сами на себя, искривленные и бледные — за исключением яркой полосы, которая текла из стоящей на коленях женщины в холодный пол, словно кровь, льющаяся из раны.

— Антора! — Он решился применить тон Приказа. — Ты должна встать.

— Да.

Она неловко поднялась на ноги, пригнувшись, как и он. Ее спутанные волосы упали на лицо, которое оказалось пугающе бледным.

— Что это за место? — вопросил он, боком подходя к ней и обхватывая одной рукой за талию.

— Не знаю. Оно... высасывает меня. Стены... они отражают обратно всю силу с двойной... учетверенной!.. силой. Я не смею вскрыть дверь... — Она издала сдавленный звук, в котором он едва признал смех. — Если бы и могла.

Судорожно сглотнув, она уткнулась головой ему в плечо. Ее тело сотрясала дрожь. Рен Зел поднял руку и пригладил ее холодные волосы.

— Тогда мы откроем ее по-другому. Здесь должен быть пульт управления... — Он хмуро посмотрел на ровную стену, на пол, но все было... — Вот он!

Антора пошевелилась, чуть приподняла голову и стряхнула упавшие на глаза волосы.

— Где?

— Под настилом, вот тут: видишь?

Он отпустил ее и присел на корточки, изучая многочисленные реле и переключатели в коробке под полом. Ему на плечо легла ее рука, и она наклонилась ниже, вглядываясь вместе с ним.

— Да, я его вижу, — выдохнула она. — Но, любимый, он же по другую сторону пола!

— Гм-м... — отозвался он, прослеживая взглядом провода. — По-моему... — Он вытянул палец. — Видишь вон тот контакт? Если его отогнуть, то дверь откроется, и мы сможем уйти.

— Рен Зел, я не могу добраться до этих элементов, и ты тоже не можешь. — Ее голос дрогнул. — Мы умрем.

— Нет! — Он так резко повернулся, что чуть было не сбил ее с ног. — Мы не умрем! Если ты будешь так думать, то ты всю работу сделаешь за них!

Она устремила на него широко открывшиеся глаза. Один удар сердца, второй... А потом подняла руку и прикоснулась к его щеке.

— Понимаю. Прости меня, денубиа. Я больше не буду поддаваться слабости.

Она опустила глаза. Вот оно, управляющее устройство. Рен Зел ясно его видит, а через него — и она. Контакт, на который он ей указал, очень непрочный: да ведь его и кошка могла бы отогнуть...

— Да! — прошептал Рен Зел.

Он наклонился, и она потеряла с ним контакт. Пол снова стал сплошным, ее внутреннее зрение затуманилось. Она схватила его за плечо.

Вот он, контакт под полом. А за контакт зацепились четыре отливающих жемчугом коготка, украшающие большую и довольно мохнатую белую лапу. Лапа начала тянуть вниз и в сторону. Контакт согнулся, смялся — оборвался!

В крохотной серебряной каморке дверь отъехала в сторону.

Антора приподнялась, пошатнулась. В глазах у нее начало темнеть... Сильные руки обхватили ее талию, оторвали от пола.

— Беги! — крикнул Рен Зел, голос которого уже начал теряться вдали.

Она свернулась и упала на пол комнаты отдыха перекатом. Кто-то закричал, но на плечи ей легли руки, вырвавшие ее у охранника, бросившие к массивному креслу. Ей в ладонь упал потайной пистолет. Охранник подался вперед, пытаясь ее схватить и бросить обратно в ящик.

Она завалилась набок и выстрелила прямо ему в лицо.

В комнате стало тихо, в открытое окно залетела птичья трель. Антора лежала на полу, прижавшись спиной к ножкам кресла. Ее рвало: хотя глаза у нее были закрыты, она не могла избавиться от картины, в которой взрывалась голова охранника.

Что-то мохнатое ударило ее по щеке. Она чуть приоткрыла глаза и увидела совсем рядом знакомую мохнатую мордочку.

— Мерлин!

Она неуклюже выбралась из-под кресла и с трудом поднялась на ноги. Дверь, ведущая в Зал Советов, была снабжена старинным механическим засовом, который она поспешно закрыла, вознося благодарности тому богу или богине, которые заведуют звукоизоляцией.

Когда дверь была заперта, она привалилась к ней спиной, ощущая, как Мерлин прижимается к ее ноге. Комнату заполнил приятный ветерок, приправленный ароматом трипинии, затенявшей открытое окно. После забирающего силы серебряного ужаса того ящика она чувствовала себя в полной безопасности.

«А это, — сурово сказала она себе, — иллюзия. Вспомни о реальности, драмлиза!»

Она неохотно отошла от двери, заставила себя подойти к своей недавней камере заключения и заглянула внутрь. Пусто. Это хорошо. Рен Зел действительно сумел благополучно отсюда выбраться.

Что следует сделать и ей — и срочно. Потому что можно не сомневаться: тот, кто устроил эту ловушку, вернется, чтобы ее убрать. Она попыталась сканировать и невольно поморщилась, когда шум из Зала ударил по ее истерзанным чувствам.

— Нам надо уходить, — прошептала она. — Мерлин...

Но кот уже деловито шел в Зал Советов от уродливого черного ящика, дверь которого смотрела на ужасную картину. Антора отвернулась и пошла следом за Мерлином, стараясь не видеть тела охранника.

Мерлин вел ее по служебным коридорам безжалостно быстро. К тому моменту, когда они добрались до двери, ведущей на улицу, Антора была мокрой от пота и вся дрожала. Однако удача была с ними: на пути к свободе им никто не встретился.

Везение покинуло их в тот момент, когда они вышли на тротуар.

— Стойте! — крикнул какой-то мужчина совсем близко. — Это она!

Антора бросилась бежать, слыша совсем близко от себя звуки преследования. Справа и чуть впереди мелькнуло что-то серое.

Увертываясь от добропорядочных прохожих, она завернула за угол — и услышала знакомый рев мотора.

— Дживз!

Машина поехала быстрее, открывая дверцу.

— Вон она! — крикнули сзади.

Антора обернулась через плечо, увидела заворачивающих за угол двух преследователей, увидела оружие у них в руках — и серая молния с выпущенными когтями, в которую превратился Мерлин, метнулась прямо в лицо первому стрелку.

Дживз с ревом подъехал, Антора нырнула в открытую дверь.

— Мерлин! Быстрее сюда!

Кот прыгнул — но не в безопасное укрытие, а на второго стрелка. Он ударил его в плечо, глубоко запустив в него когти.

— Мерлин! — отчаянно закричала Антора. Ускорение вжало ее в спинку сиденья. Дверь начала закрываться. — Нет! Дживз, мы не можем оставить Мерлина!

Дверь безжалостно задвинулась и заперлась. Машина рванула вперед, затормозила, пошла юзом, повернулась — и они стремительно влились в поток машин, характерный для дневной Солсинтры, сильно превысив безопасную скорость и оставив позади ее преследователей и большого серого кота.

Антора заплакала.

— Беги! — крикнул он. — Дверь открыта!

Задыхаясь, он упал, больно ударившись плечом о жесткий пол. В его сознании воцарился настоящий хаос изображений, прорезанных огненными нитями. Он сосредоточился, увидел, что она упала перекатом, как и положено пилоту. В руке у нее появился пистолет, она выстрелила и... Это изображение полностью потерялось, сменившись ярко освещенной комнатой и знакомым вкусом корабельного воздуха. Рука обхватила его за плечи, помогая выпрямиться, в руку легла пластиковая бутылка.

— Пей! — приказала Присцилла Мендоса. — Соли.

Ему удалось поднести бутылку к губам, выжать в рот щедрую порцию. Содрогаясь, он проглотил ее. Мерзкая смесь скользнула в желудок, тяжело перемешиваясь с трапезой и страхом.

— Спокойнее.

Рука Присциллы по-сестрински твердо лежала у него на плече. Щурясь сквозь дымку золотистых линий, он рассмотрел стоящую над ним Нову: в лиловых глазах отражалось чувство, которое он определил как удивление.

— Еще глоток, — велела ему Присцилла. — А потом еда.

— И в какой-то момент вы, возможно, сочтете нужным сказать нам, что с вами случилось, — заявила Нова.

— Нова, оставь, — строго сказал Шан за пределами поля зрения Рен Зела.

— Оставить? А разве он не сидел здесь, застыв и почти не дыша — почти полчаса? У него часто бывают такие припадки? Интересно, что будет, если такой случится, когда он будет управлять кораблем.

— Нова! — теперь в голосе звучало уже ясное предостережение.

Рен Зел допил смесь из бутылки, сосредоточился и осторожно поставил ее на пол, а потом поднял голову и посмотрел в лицо Присцилле, чуть щурясь, чтобы сфокусироваться на нем, а не пульсирующих золотистых нитях...

— Лучше? — спросила она.

— Есть устройство, — сказал он, — которое пожирает драмлиз...

Ее лицо посуровело.

— История знала несколько таких.

— Это — новое, — объяснил он. — Оно... они поймали Антору.

— Что?! — Нова подошла ближе. — Антора в Джелаза Казон. Даже она не была бы настолько глупа, чтобы...

— Подождите! — Он взволнованно вскинул руку. — Подождите, я...

Он закрыл глаза — и пришли воспоминания.

— Совет. Корвал призвали к ответу. Обвинение в похищении родни и убийстве. А дэа-Гаусс... дэа-Гаусс исчез, и он спрятал краски. Ее попросили побыть в комнате отдыха служащих, а ловушка... ловушка ждала там.

— В комнате, примыкающей к Залу Совета? — Это снова говорил Шан, и такого серьезного голоса Рен Зел у него еще не слышал. — Сестра, если на нас начал охотиться сам Совет, то я сомневаюсь, мудро ли поступил Делм, возвращаясь на Лиад.

— Мы должны вернуться, — отозвалась Нова, но отнюдь не уверенно. — По крайней мере на орбиту. Но Антора в плену!

— Нет, не в плену, — хладнокровно возразила Присцилла. — Дверь открыта — вы ведь слышали, как Рен Зел это сказал.

— Дверь открылась, — подтвердил он. — Но я не смог с ней остаться. Не знаю...

Он сообразил, что может использовать эти светящиеся линии силы в своих целях. Он действительно может вернуться к ней, встать рядом и помочь уничтожить их врагов. Он...

— Спокойнее, друг, — проговорил Шан, появляясь в поле его зрения настоящим взрывом золота. — Ты сделал сейчас очень много. Сначала поешь.

Он протянул ему бутерброд. Рен Зел заглотил его сразу, внезапно ощутив зверский голод, несмотря на то что совсем недавно ел. Появился второй бутерброд, и он расправился с ним точно так же, а потом осушил протянутый ему стакан чая.

Он вздохнул и пробормотал:

— Я рад видеть, что сетка здесь такая мощная. Внутри ящика нити были едва видны, да и те были бледные и разорванные.

Наступило молчание.

— Разумеется, — сказала Нова, обращаясь к Присцилле (или, может быть, к Шану), — тебе понятно, о чем он говорит.

— Не... совсем. — Присцилла кашлянула. — Рен Зел, что это за нити?

Он удивленно заморгал: линии вокруг нее были настолько густыми, что она просто сияла.

— Да линии же, — ответил он несколько растерянно, потому что она, будучи драмлизой, конечно, должна была их видеть. — Те линии, которые соединяют все.

— О! — тихо откликнулась она. — Те линии.

И она переглянулась со своим спутником жизни.

— А ты можешь видеть эти... линии? — вопросила Нова.

— Нет, — все так же тихо ответила Присцилла. — Нет, я не могу. Но со слов тех, кто может, я знаю, что они действительно существуют и выполняют именно ту функцию, которую описал Рен Зел.

— Единственная проблема, — сказал он, стараясь говорить как можно более ясно и не жаловаться, — состоит в том, что они настолько многочисленные и яркие, что за ними трудно разглядеть... обычные вещи. Я боюсь поставить чашку на линию, так что она разобьется об пол.

— Ну а вот с этим, — вступил в разговор Шан, — я могу помочь. — Он подался вперед и поднял смуглый палец. — Будь добр, сосредоточься на моем пальце. Нет, не так — используй свои внешние глаза! Можешь смотреть с любого расстояния, хоть с самого близкого — но только на мой палец.

Сделав над собой усилие, он справился с этим и почувствовал какой-то щелчок: словно переключатель встал на место. Линии силы исчезли из его поля зрения, и он четко увидел всю капитанскую каюту.

Он вздохнул — и Нова йос-Галан тоже.

— Драмлиз? — спросила она.

— В этом никогда не было сомнений, — ответил Шан и протянул сидящему Рен Зелу руку. — Вставай, пилот.

* * *

Машина свернула за угол так быстро, что ее занесло, и помчалась по переулку на скорости, которая отнюдь не учитывала человеческие возможности — даже если человек в данном случае был пилотом.

Антора уже давно перестала плакать и теперь сидела напряженная, сжав на коленях руки в кулаки. Четыре раза Дживз поворачивал к Джелаза Казон. И четыре раза им перекрывали путь, почти окружали и загоняли обратно в город.

— Поезжай в космопорт, — негромко приказала она.

— Миз Антора, вы — единственная представительница Корвала на Лиад. — Голос робота был поразительно спокойным для той бешеной скорости, с которой машина неслась по переулку, а потом они свернули в следующий, еще более узкий — и еще увеличили скорость. — Если вы покинете Лиад, то права Корвала на его движимую и недвижимую собственность будут потеряны.

— Поезжай в космопорт, — повторила она. — Я ничего не собираюсь оставлять.

Наступила пауза — короткая для нее, долгая для Дживза. А потом он уважительно произнес:

— Да, я понял. В космопорт.

Даже двигаясь на огромной скорости и скрытно, они прибыли в космопорт Бинджали, едва успев опередить преследователей.

Антора решилась сделать один вызов, так что мастер Трилла их ожидала. Ворота начали открываться, еще пока они к ним подъезжали — и с громким звоном закрылись прямо за ними. Дживз форсировал двигатель и чуть ли не пролетел по полю к площадке срочного взлета, где их ждал одноместный корабль и женщина в рабочем кожаном костюме.

Дверь открылась, и Антора подалась вперед.

— Иди, — сказала она роботу. — Оставь машину.

— Да, — ответил робот.

Панель управления погасла, и машина остановилась. Антора вышла на асфальт и приветственно наклонила голову.

— Мастер Трилла!

— Антора! — отозвалась владелица Бинджали со своим внеземным акцентом. — Корабль готов и в вашем распоряжении.

— Спасибо, — сказала она. — Должна вас предупредить: они едут прямо за нами.

Трилла хищно улыбнулась.

— Не беспокойтесь, у нас найдется, чем их удивить. Удачного взлета.

— Хорошего приземления, — ответила Антора, как положено, и прошла на корабль.

Корабль поднялся стремительно, нарушив десяток правил уже в первые шесть секунд полета. Антора мрачно летела дальше, игнорируя возмущенные протесты диспетчерской, в ручном режиме, чтобы не было никаких утечек, которыми бы могли воспользоваться враги Корвала.

Вверх, вверх, почти вертикально вверх, а потом резкий поворот, и вниз — так быстро, как она только могла решиться. Это нельзя было назвать заходом разведчика — не совсем, но, по счастью, достаточно быстро.

На ее экранах возникло Дерево, которое стремительно увеличивалось до чудовищных размеров. Домашняя защита работала и видна была ее внутреннему взору как голубое потрескивание. Она ввела короткую последовательность цифр и отправила ее по пиратской частоте.

Голубое потрескивание стихло, корабль прошел сквозь щит, и она стремительно включила посадочные двигатели, сопротивляясь силе притяжения — и побеждая ее. Одноместный корабль красиво приземлился в центре регулярного парка Джелаза Казон.

Позади остались величественные и полные дел дни переезда. Дел было так много, что Хэзенталл Исследователь смогла целиком уйти в изучение нового языка и обычаев и в течение долгих часов не вспоминать о том, что ее командир погиб. И почему погиб.

Но наконец настал тот момент, когда командор Анжела «зови-меня-Лиз» Лизарди, которой на этот период операции был придан их отряд, приказала им подготовиться к отлету. Хэзенталл неохотно отложила свои учебники, нашла пехотинца Диглона, который в комнате отдыха вместе с сорока другими рядовыми наемниками слушал черепаху Хранителя — он рассказывал о своей войне с Хунтавас на планете, называвшейся Шалтрен.

Вернувшись в казарму, Диглон начал деловито и размеренно проверять оружие. Хэзенталл тоже сделала это, а кроме того, снова вспомнила план — в той мере, в которой им было позволено его знать.

На первый взгляд план был совсем прост, но Хэзенталл была уверена в том, что человек, осуществивший кражу трех икстранских истребителей с базы Четырнадцатой армии, задумал нечто более сложное, чем она могла понять в силу своей молодости и невежества. Однако будет приятно сойтись с противником, а план разведчика, простой он был или сложный, обещал действие.

Проверив оружие и еще раз припомнив план, Хэзенталл помедлила перед тем, как переходить к выполнению следующей своей обязанности — но это была ее обязанность, и такая, от исполнения которой она долго уклонялась, по причинам, предпочтительно оставленным ею без внимания.

Расправив плечи, она прошла через помещение казармы туда, где Нелирикк Исследователь, Герой и адъютант капитана Мири Робертсон, принесший клятву потомкам Джелы по крови, сидел над сложной вышивкой.

При ее приближении он поднял голову. Его голубые глаза были бесстрастными, как и подобает Герою. Хэзенталл помедлила — что было с ее стороны слабостью, — взяла себя в руки и заговорила на диалекте исследователей:

— Мне был задан вопрос, на который я не дала ответа. Скоро нам предстоит идти в бой, и я могу встретиться со славой. И сейчас я скажу, конфиденциально, почему исследователи шли с рядовым пехотинцем.

Он подбородком указал на соседний стул.

— Садись и говори.

Она собралась с духом, устремила взгляд вперед и чуть выше правого плеча Нелирикка Исследователя.

— Нам — Гернчику Исследователю и Хэзенталл Исследователю — было приказано идти с отрядом рядовых пехотинцев в качестве взыскания, после рапорта Хэзенталл Исследователя, в котором интендант майор Шевнир был назван небрежным, что стоило нам нескольких интересных и невосполнимых образцов. Гернчик... написал бы другой рапорт. Я полагала, что долг исследователя стоит выше гордости майора.

Она замолчала, а потом договорила, хотя та часть стены, на которую она смотрела, начала расплываться.

— Мой командир погиб из-за того, что я оказалась дурой, недостойной его уроков.

За этим последовало молчание, которое показалось странно успокаивающим, хотя она не колебалась бы, если бы Нелирикк приказал ей достать пистолет и застрелиться, приставив его к виску.

— Твой ответ услышан, — сказал он, повторяя старую, знакомую формулировку исследователей. — И теперь, когда твой командир ушел получать славную награду, тебе, как его подчиненной, надлежит выполнять свой долг так, как его выполнял бы он. Это — нелегкое бремя, потому что Гернчик был первоклассным исследователем.

Хэзенталл заморгала и хрипло признала:

— Он был именно таким.

— А теперь иди, — сказал ей Нелирикк Исследователь. — У нас есть час отдыха, а потом командор Лизарди нас вызовет.

Ей не хотелось отдыхать, но Гернчик не стал бы спорить по этому вопросу. Хэзенталл встала, отдала честь и отошла к своей койке, где легла рядом со своим оружием и вещмешком и, закрыв глаза, погрузилась в размышления.

— Ты его бросил! — крикнула Антора.

В любой другой день ее эмоции были настолько сильны, что чашки задрожали бы на своих блюдцах, а рюмки начали бы со звоном сталкиваться. Бывало, что в воздух спонтанно взлетала табуретка.

Но сегодняшний день не походил на другие. Антора стояла посреди кухни Джелаза Казон, грязная и растрепанная. Слезы гнева и ярости прокладывали чистые ручейки по измазанным щекам, и ей пришлось топнуть ногой, чтобы подчеркнуть свои слова.

— Ты бросил Мерлина среди наших врагов, а ведь я приказывала тебе остановиться!

Головной шар Дживза замерцал тускло-оранжевыми вспышками. Гремя колесами по полу, он проехал поставить чайник.

— Миз Антора, вы ведь знаете, что у меня есть приоритеты. И первым стоит защита людей, представляющих Клан Корвал. Я должен обеспечивать вашу безопасность любой ценой, даже самой высокой.

Антора провела рукой по лицу, размазывая грязные полосы.

— Но вы же с Мерлином... друзья!

— Давние друзья, — согласился Дживз. — Мерлин одним из первых принял меня, когда я стал дворецким йос-Галанов.

Последовало молчание, во время которого мерцание его шара участилось, а потом вдруг прекратилось.

— Возможно, вас немного успокоит, — медленно добавил Дживз, если вы узнаете, что Мерлин совместно с Джелаза Казон

взял на себя некую задачу. В сущности, она представляет собой партизанские действия, которые сопряжены с высоким риском. Но Мерлин стар и опытен. Я уверен, что ему удастся перенести военные действия на территорию противника.

Антора закрыла глаза.

— Ты хочешь сказать, что Мерлин отправился на разведку, чтобы обнаружить наших противников, после чего... против них можно будет действовать более эффективно?

— Это — суть нашей стратегии. Да.

— У нас нет армии, которую можно было бы мобилизовать, Дживз. Только ты, я и... Дерево.

— Ну что ж, — откликнулся Дживз, снимая чайник с конфорки и наливая чай в высокую солидную кружку, — для начала этого хватит. И вам не следует забывать о вашем спутнике жизни. Он, если мне позволено будет заметить, волшебник, с которым следует считаться.

Она заморгала и вдруг замерла, ясно и потрясенно осознав, что Рен Зел прошел через гиперпространство.

— Да, — тихо согласилась она. — Он — волшебник, с которым следует считаться. И, конечно, Дерево — тоже.

В уединении своей каюты Рен Зел вдруг пошатнулся и удержал себя, прижав руку к стене.

Она пришла снова — холодящая зеленоватая рябь в глазах, но на этот раз более долгая и глубокая, почти заменив реальность окруживших его стен. Он закрыл глаза, и зелень превратилась в изображение громадного дерева из сада Клана Корвал, которое он видел так, словно смотрел в его крону снизу.

«Добрый вечер, старейшина, — мысленно услышал он голос. — Я хотела бы предпринять путешествие».

— Антора! — прошептал он, и у него возникло ощущение, что она его услышала, хотя это было бы совершенно невозможно: «Долг» находился в гиперпространстве, а она стояла на открытом воздухе, в саду. — Антора, что ты делаешь?

«Возлюбленный! Дживз сказал мне, что Мерлина выслали вперед в самое сердце вражеской территории, чтобы он стал нашим разведчиком и троянским конем. Я иду к нему, чтобы выручить нашего бойца и нанести врагу поражение».

— Нашему врагу? Кто...

Воспоминание поднялось и затопило его, погрузив в свои пучины то ли на секунду, то ли на целую вечность. А когда он нако-

нец стряхнул его и смог сделать глубокий вдох, то он знал все, что ей было известно о Департаменте Внутренних Дел, о возможном месте пребывания Мерлина — и дэа-Гаусса тоже.

«Да, — снова мысленно услышал он ее. — Сейчас».

— Нет! — закричал Рен Зел, разбудив эхо в металлических стенах, но опоздал.

Изображение сада и Дерева померкло, оставив одну только серость.

Родная планета стайных черепах

Эллиана обошла вокруг корабля в обществе Держателя, пока Даав перебирал в своей памяти Дневник и правила Разведки, и снова и снова обдумывал то, что они сказали Старейшинам. Она восхищалась стоящим над горизонтом светилом и вычисляла орбиты и вероятности, рассматривала тщательно расположенные луны — а еще рассматривала новый кристаллический нож, висящий у них на поясе...

— Идите.

Голос звучал из глубины странного зала, утопленного в горе на шестьсот шагов. Форма зала была такой, что во всех ее концах был слышен даже тишайший шепот. В мерцании полудюжины факелов удавалось увидеть очертания десятков Старейшин, которые... сидели... и не двигались. Сколько это продлилось, определить было невозможно.

Они задавали вопросы. Они спрашивали о кланах, они спрашивали о природе связи между спутниками жизни, они спрашивали о Дереве и о Джеле, как о них рассказывалось в Дневниках, о том, что Даав предполагает относительно Джелы, о Вал Коне и Мири, о Дереве, об орехах, и снова о Дереве и о том, как оно делится... А потом они спрашивали об Эллиане и Дааве.

И наконец, они спросили о распределении орехов и об известном местоположении детей Дерева...

А потом они сказали:

— Идите. Благодарим за подаренное нам время, Старейшины Корвала. Идите.

— Даав, кто-то идет...

Это оказался Точильщик, и он двигался очень быстро.

— Элли и Даав, вам надо пойти со мной, — сказал он. — Старейшины приняли решение.

День 53-й
1393 год по Стандартному календарю
Пустошь

Время было позднее. Его домашние, за исключением ночных дежурных, спали вокруг него. Он встал со своей постели несколько часов назад, приложив старание, чтобы не разбудить свою леди. И теперь он сидел за рабочим столом, а кот Шелк теплым клубком свернулся у него на коленях. Пат Рин делал запись в дневнике.

Он давно прекратил попытки воспроизвести первый Дневник: его воспоминания оказались слишком неполными. Он просто подытожил все, что знал о кризисе, который заставил Корвал-пернарди привести в действие «План Б», пересказал свою встречу с агентами Департамента Внутренних Дел, а потом стал аккуратно записывать все подробности дней босса Конрада, стараясь показать, какое эти действия имели отношение к окончательному подведению счетов клана. Он был дисциплинирован и писал ежедневно, так что его дневник не отставал от событий.

По правде говоря, он даже несколько опережал события, поскольку он уже записал об отлете четырех рудодобытчиков и прогулочной яхты на его родную планету, где ему предстояло свести счеты с врагом.

Он записал имена пилотов, которые поклялись полететь на это безумное приключение: мастер-пилот Чивер Мак-Фарланд, пилот первого класса Бхупендра Дартешек, пилот первого класса Эндрю Мак, пилот первого класса Дости Уэлсин, пилот первого класса Джонни Конрад. Записал он и названия кораблей: «Алмазный долг», «Стержень тимония», «Кристаллия», «Разведка-девять» и «Награда фортуны». После этого он на минуту остановился, прислушиваясь к сонному мурлыканью кота у себя на коленях и размышляя над этим списком отважных.

Пилот Дартешек оказался неожиданным рекрутом. Пат Рин ожидал, что он вернется к Хунтавас, поскольку доставил пакет и удовлетворил свое любопытство. Но — нет. Он остался здесь, тогда как Вилма Караппо вернулась к их нанимателям. Вопрос Пат Рина относительно причины вызвал только слабую улыбку пилота.

Он не сомневался, что об участии пилота в предприятии, которое Чивер Мак-Фарланд без видимой иронии назвал «ударным отрядом», позаботилась Натеза. Пат Рин не счел нужным спрашивать ее об этом. Если ей спокойнее знать, что в этом предприятии рядом с ним будет находиться пилот Хунтавас, то простая

доброта требует, чтобы он принял как ее талисман, так и ее надежду.

Что до него, то он видел... некий шанс. То, что его ход делается вынужденно и время выбирал не он — ну что ж, какой у него оставался выход? Департамент Внутренних Дел обнаружил его без труда. Не стоило обижать Департамент предположением, будто он не решится сделать Пустошь своим заложником. Лучше встретиться с его людьми на собственных условиях, пользуясь тем преимуществом, какое ему может дать внезапность.

Он закрыл глаза, еще раз продумывая весь свой план.

— Пат Рин?

Он открыл глаза и повернул голову к тени, остановившейся в полутемном дверном проеме.

— Инас, — отозвался он, и Шелк у него на животе протестующе завозился. — Тебе надо спать.

— А тебе не надо? — Она шагнула вперед, и ее тень обрела материальность. На свету газовый пеньюар, расшитый языками пламени, вспыхнул огнем. — Мне не надо будет взлетать через шесть часов. На самом деле я могу спать хоть целый день, если мне вздумается.

— Конечно, можешь! — благодушно отозвался он. — И если бы ты меня предупредила, что собираешься это сделать, я бы обязательно отсрочил свой отлет, чтобы самому наблюдать такое чудо.

Она рассмеялась — негромко и певуче — и присела на стол рядом с ним. Яркий халат подчеркнул ее смуглую красоту и соблазнительно скользнул по стройному телу. Поясок на талии был завязан свободным узлом, изящные ножки были босыми.

— Ты замерзнешь, — сказал он ей, но она беззаботно покачала головой.

— Не замерзну, если ты вернешься в постель и меня согреешь.

Он выгнул бровь.

— Нечестная игра, миледи.

— Ты так считаешь? Я просто хочу как следует с тобой попрощаться. В чем моя ошибка?

Слово «попрощаться» зацепило его внимание и заставило посмотреть на дневник, лежащий открытым в пятне света, в соседстве с готовой к письму ручкой.

— Ошибки нет, — медленно проговорил он и, подняв глаза, встретился с ней взглядом. — Инас...

Она спокойно ответила на его взгляд.

— Да, любимый. Что-то упущено?

— Упущено...

Он отвел взгляд и подался вперед, положив ладонь на дневник. Его движение потревожило Шелка, который спрыгнул на пол, сонно мяукнув в знак протеста.

— Это переходит к тебе — как к моей... спутнице жизни и... моей наследнице. Если я не вернусь... — Он тряхнул головой. — На последних страницах я написал немного... о нашей родне. Если кто-нибудь из них прилетит сюда с просьбой о помощи, о них надо будет позаботиться...

Она накрыла своей ладонью его руку, лежащую на дневнике.

— Как твоя спутница жизни — и твоя наследница — я отдам должное этому дневнику и изучу его. Я буду каждый день вести в нем записи, как это делаешь ты, для пользы тех, кто придет позже. А тем временем, если кто-то из нашей родни найдет дорогу сюда, я буду заботиться о них по мере моих сил — до твоего возвращения.

Пат Рин кашлянул.

— Кости могут упасть причудливо, — тихо проговорил он. — Я могу не вернуться.

— Это неприемлемо, — заявила она и, убрав свою руку, ласково взяла его за подбородок, заставив повернуть лицо к ней.

— Ты вернешься, — сказала она. — Поклянись.

Его глаза наполнились слезами. Он сморгнул их и постарался ей улыбнуться.

— Мое сердце принадлежит тебе, — ответил он. — Если я смогу, то вернусь к тебе. В этом я клянусь.

Она понимающе улыбнулась.

— Лиадиец, — прошептала она и поцеловала его — отнюдь не мягко.

День 54-й
1393 год по Стандартному календарю
Солсинтра
Лиад

Сигнал бедствия разнесся по диспетчерской, заставив обслуживающий персонал поспешно прервать чаепитие. Стремительно включались экраны, запрашивались данные со спутников — и слышалась тихая ругань сразу на нескольких языках.

— «Кинак со льдом», мы вас нашли, — проговорил диспетчер, стремительно работая с пультом. — Сообщите характер проблемы и возможность самостоятельного возвращения на орбиту.

— Черт, мы не можем вернуться на орбиту! — вырвался из динамиков гневный ответ на земном. — Мы завязли, будь все проклято! Чистой воды пиратство! Я требую, чтобы Департамент Внутренних Дел возместил ущерб, сознательно нанесенный отряду наемников «Хвастуны Хигдона». Я требую, чтобы представитель Департамента ждал меня у места посадки — а мы садимся, диспетчерская! Давайте нам координаты для подлета!

Техник на сканере и дежурный помощник начальника порта начали поспешно совещаться.

— У нас утечка, — пробормотал техник, увеличивая изображение со сканеров, чтобы его могли видеть остальные члены бригады.

— У нас в порт опасным курсом заходит корабль, который сообщает об аварийной ситуации и проблеме с кислородом, — огрызнулась диспетчер, продолжая стремительно вводить команды на свой пульт. — Они сядут в любом случае. Я веду их в открытые доки в центре порта. Связист, сообщай об аварийной посадке и отправляй туда команду! Кто знает, что такое этот Департамент Внутренних Дел? Вызывайте их тоже!

Она замолчала и только время от времени возмущенно бормотала что-то насчет посадки кораблей наемников в центре порта Солсинтры и что лучше бы отправить туда два отряда приставов...

Связист повернулась к своему пульту и оповестила проктоpов, а потом вызвала справочник планеты. Департамент Внутренних Дел в нем не значился. Техник закусила губу и отправила запрос подлетающему кораблю землян.

— Откуда мне, к черту, знать, как их искать? — огрызнулся все тот же жутко раздраженный голос. — Я знаю только, что они утверждают, будто управляют Лиад и что они продырявили мой корабль, чтоб у них глаза лопнули! И они за это заплатят, и заплатят хорошо!

Что вполне справедливо, решила связист, если этот Департамент — кем бы он ни был — повредил корабль землянина — в чем тот, похоже, уверен. И этот Департамент утверждает, что «управляет» Лиад? Связист была лиадийкой и знала только об одной организации, которая могла бы хоть отдаленно претендовать на «управление» Лиад.

Она набрала код Председателя Совета Кланов.

* * *

— Совет не является представителем Департамента Внутренних Дел, — раздраженно проинформировала связиста Председатель Совета.

— Просьба оказать содействие в нахождении этого Департамента, Председатель, — отправила сообщение связист, одним глазом наблюдая за экраном, на котором земной корабль с каждой минутой становился все более крупным и пугающим. — Подлетающий корабль предъявляет счеты Департаменту Внутренних Дел. Я признаю, что он земной, мадам, но капитан помимо этого сообщает нам, что Департамент Внутренних Дел «управляет» Лиад.

— Это абсурд! — заявила Председатель. — Он бредит.

— Да, мадам, это не исключено. Однако он требует сведения счетов. Кто-то должен ответить, иначе они имеют право оставаться здесь, сколько пожелают, используя ресурсы порта и ничего за них не платя, поскольку имеют право получить ответ.

Наступило молчание — достаточно долгое, чтобы связист сообразила, насколько неуместно давать Председателю Совета уроки законности.

— Хорошо, — проговорила наконец Председатель. — Пожалуйста, передайте земному кораблю привет от Совета и сообщите ему, что для оценки правомерности его счета мы должны знать имя человека, представляющего Департамент Внутренних Дел.

— Да, Председатель, — отозвалась связист с немалым облегчением. — Я передам ему ваши слова.

— Они хотят узнать какое-то имя, да? — возмутился землянин на связи. — Прекрасно, вот имя, которое вы можете им назвать: Бар Вад йо-Торньер. Он называет себя командиром агентов.

Солсинтра
Лиад

Пленник был немолод. Он не получил подготовки разведчика. Он — уже — не был вооружен. Он не внушал ни страха, ни опасений относительно того, что он представляет опасность и угрозу организации — и осуществлению Плана.

На самом деле пленник был стар. Он тихо сидел в крошечной камере, и тусклый синий свет бросал на его лицо странные тени.

Время от времени он говорил — как правило, называл цифры. Суммы. Номера счетов. Даты. А потом пояснял: «счет конфискован», «лицензия аннулирована», «счет блокирован». Тут неожиданностей почти не было.

Когда ему задавали вопросы, он делал другие заявления, не вполне понятные его слушателям:

«Фаза Два начинается, когда пропущена четвертая поверка».

«Фаза три начинается, когда пропущена пятая поверка».

«Биржа объявляет каникулы, когда пропущена шестая поверка».

Командир агентов разрешил себе вздохнуть. Это был уже второй набор химических средств. Как и первый, он не помог получить информацию относительно эффективной и неожиданной обороны Клана Корвал на планете Пустошь. Не знал пленник и о расположении убежищ и хранилищ Корвала и отрицал предположение, что таким местом могла быть Пустошь.

Командир поднял руку, требуя третий и самый сильнодействующий состав.

Техник замешкалась.

Командир повернул голову, чтобы посмотреть на нее.

— Прошу прощения. — Она отвесила ему поклон, который адресуют человеку с непререкаемым авторитетом. — Мне просто кажется, командир, — если этот человек не обладает сведениями, жизненно важными для нашего успеха... Он старик, общее состояние его здоровья хорошее, но за последнее время его организм перенес несколько серьезных системных стрессов. Существует опасность перегрузки, которая может наступить, если мы введем следующее средство прежде, чем из организма будет выведена эта доза.

— Понятно.

Командир посмотрел на своего пленника. Располагает ли он информацией, которая жизненно необходима для Плана? Определенно располагает. И столь же определенно его заставят передать эти сведения Департаменту. Третье средство... третье средство безжалостно. Возможно, его следовало ввести в первую очередь, несмотря на нежелательные побочные эффекты. Командир счел, что менее сильные средства не причинят пленнику почти никаких проблем, а существовала вероятность, что он понадобится прежде, чем... исправленную личность удастся стабилизировать.

Однако информация, которой он владеет, важнее, чем проблематичная будущая польза от пленника. В конце концов в смерти стариков нет ничего необычного.

Он ощутил легкую вибрацию у правого запястья и взглянул на наручный комм. На нем оказалась пометка «сверхсрочно» и просьба немедленно вернуться в кабинет.

— Вызовите меня, прежде чем вводить следующее средство, — приказал он технику и направился к двери.

— ОР 17-67. ОР 17-68, — монотонно произнес пленник. — Снятие средств блокировано.

Командир в ужасе замер: наконец он получил информацию — ясную и недвусмысленную. И убийственную. Если верить пленнику, то Департамент лишился доступа к двум своим самым щедрым источникам финансирования.

— Проверьте это! — бросил он агенту, молча стоявшему за спиной пленника.

— Да, командир.

— ОР 24-89, — сказал пленник. — Снятие средств блокировано.

Командир повернулся и пристально посмотрел на пленника — и увидел старика, обвисшего на стуле. Тусклый синий свет подчеркивал морщины усталости на его лице, глаза смотрели бессмысленно и туманно.

— Проверить это, — приказал он агенту и вышел из камеры.

Потеря финансового источника ОР 24-89 была бы... катастрофой. Командир заставил себя идти спокойным шагом, не допустив, чтобы в выражении лица появилась хоть тень смятения. Это необходимо будет проверить. Все это необходимо будет проверить. Возможно, пленник солгал. Но разве дэа-Гаусс когда-нибудь лгал?

Забавно, до чего все было знакомо: сила тяжести, вкус воздуха, запах травы, зеленоватое небо, теплые лучи солнца на волосах. Все говорило: «Добро пожаловать домой».

Конечно, это не был ее дом. Даже близко не был. Ощущение знакомого привета исходило прямо от Вал Кона, как и «воспоминание» о дорожке, которая вела ее к Джелаза Казон, и коды доступа, щекотавшие кончики ее пальцев.

Она остановилась на вершине последнего холма, спускавшегося в долину Дракона, и посмотрела назад. Если прищуриться, отсюда можно было разглядеть диспетчерскую вышку космопорта Солсинтры, черным острием упиравшуюся в зеленоватое небо. Она решила, что Вал Кон должен был уже давно покинуть порт, — и не поддалась желанию убедиться в этом.

«Не дыши парню в затылок, Робертсон», — сурово сказала она себе и снова повернулась лицом к долине.

Впереди возвышалось Дерево, темно-зеленое и темно-коричневое, невообразимо высокое, запутавшееся ветвями в облаках...

«Добро пожаловать».

Это было то же чувство теплой зеленой радости, которое затопило ее во сне... всего несколько дней назад? Она улыбнулась — скорее иронично, чем радостно — и кивнула древесному гиганту высотой в милю.

— Джелаза Казон, — проговорила она. — Самое безопасное место во всей галактике.

«Правильно».

Она опустила взгляд ниже и впервые увидела главный дом клана, Джелаза Казон — особняк. Расстояние и огромное Дерево заставляли здание казаться маленьким — словно макет или детская игрушка. Однако Мири знала, что это впечатление обманчиво. Она могла бы назвать количество комнат, нарисовать план официальных помещений — и личных апартаментов, да и схему внутреннего сада тоже.

И все на основе знания Вал Кона.

«Я вырос в Треалла Фантрол, — вспомнила она его негромкие слова. — Но я родился, чтобы быть главой Корвала. Дядя Эр Том воспитывался в Джелаза Казон. Он позаботился о том, чтобы я знал дом не хуже, чем он».

Мири вздохнула.

«Стою тут, глазею, словно туристка, — отругала она себя. — Шевелись, капитан. Нужно делать дело».

Не говоря уже о том, что нужно будет объяснять сестре Вал Кона Анторе, кто она и откуда. Мири вздохнула и почувствовала, как Кольцо Корвала шевельнулось у нее на груди. Последнее, что сделал Вал Кон, — это продел сквозь Кольцо тесьму от своей рубашки и завязал тесьму у нее на шее... и еще поцеловал ее — а потом он отправился своим путем, а она — своим.

Мири понимала его рассуждения: он отправлялся в тыл врага, — и все равно решительно, отчаянно возражала. Если его возьмут в плен — при одной мысли об этом у нее начала холодеть кровь — или если его убьют, Кольцо останется свободным, и она станет Главой Корвала.

«Определите следующую мишень, пожалуйста», — невесело усмехнулась она, вспомнив о Дааве и Эллиане: по-видимому, они на долгие месяцы застряли на родной планете Стаи, как козырь, спрятанный в рукав. Если все плохое случится, то в резерве будут два пилота Корвала, которым придется присматривать за тем, что останется от клана. Или сводить счеты в полную меру.

Она гадала, поняли ли они уже, что их провели.

«Пошевеливайся, Робертсон».

Она сделала один шаг вниз по склону в сторону дома клана — и упала ничком.

Трава здесь была высокая, но не настолько, чтобы спрятать ее от направленных поисков. К счастью, тот тип, которого она заметила, стоял к ней спиной: все его внимание было сосредоточено на доме. Ее внимание привлекло как раз его движение: он снимал с ремня полевой бинокль.

Он поднял бинокль к глазам и снова застыл. Совершенно неподвижно. Как положено разведчику. Или — агенту.

Мири устроила подбородок на руке и стала наблюдать за тем, как наблюдает он. Спустя какое-то время она снова увидела вспышку — это он вернул бинокль себе на ремень, — а потом тихий шорох движений: он пригнулся и стал осторожно спускаться вниз, к дому.

К ее дому, где сейчас находилась только одна молодая женщина, которую все, кто ее любил, считали довольно легкомысленной особой, а еще старый боевой робот — и несколько кошек.

О да — и Дерево.

Внизу на склоне трава чуть шевелилась, словно ее причесывал легкий ветерок — это агент приближался к дому.

Зная, что делает глупость, Мири приподнялась и двинулась следом.

Его заместитель поклонился и подождал, пока он сядет.

— Новости из космопорта, командир, — пробормотал он и нажал на нужную кнопку.

— ...какое-то имя, да? — зарычал из динамика неприятный земной голос. — Прекрасно, вот имя, которое вы можете им назвать: Бар Вад йо-Торньер. Он называет себя командиром агентов.

Командир неспешно сложил руки на крышке стола, закрыл глаза и позволил себе несколько дыхательных упражнений. Когда он их снова открыл, у его правой руки стояла дымящаяся чашка с чаем его любимого сорта, а его заместитель исчез. Осмотрительный человек, его заместитель.

Командир агентов отпил чая.

Бар Вад йо-Торньер. Его имя. Его личное имя, которое он постарался спрятать, и спрятать хорошенько. И оно — на грязных губах земного...

Земного — кого?

Продолжая держать чашку, он потянулся второй рукой к пульту, нажал несколько кнопок и, изредка прихлебывая чай, стал бесстрастно слушать историю о пробитом корабле, разговоры космопорта Солсинтры с Советом Кланов — и снова свое имя, которое во всеуслышание объявляет упрямый, глупый варвар, который...

Не имел оснований знать — и возможности выяснить — такую вещь.

Командир агентов отставил в сторону чашку и включил экран. Его заместитель, конечно, собрал необходимую информацию, которую командир быстро прочел один раз, а потом второй — уже медленнее.

Не было сомнений в том, что корабль, транспорт отряда наемников «Кинак со льдом», находящийся в полной собственности «Хвастунов Хигдона, Инкорпорейтед», имел все признаки повреждений: это показывали и сканеры, и данные. Что он действительно пробит... ну, возможно, это так, а возможно, и нет. Действия космопорта Солсинтры ясны. Наемникам дано разрешение на посадку.

Чтобы действовать наверняка, командир агентов открыл файл об инциденте у Пустоши. Он не рассчитывал на то, что «Кинак со льдом» будет соответствовать характеристикам одного из кораблей, защищавших планету, — и такого соответствия действительно не обнаружилось. Однако это было бы логично и послужило бы связующим звеном между Корвалом и этим кораблем, этим командиром-варваром, которому известно его имя.

«Сержант наемников Мири Робертсон...»

Эта мысль заставила командира агентов изумленно моргнуть.

Неужели все так просто? Вал Кон йос-Фелиум... Командир готов был поверить, что бывший агент перемен йос-Фелиум способен был раскопать даже столь глубоко зарытую тайну, просто для того, чтобы чем-то занять свободный час.

Этот Вал Кон йос-Фелиум — человек хитроумный и честолюбивый. И был способен на настоящее безумие, пока проведенная Департаментом подготовка его не нормализовала.

Последним известным местом пребывания йос-Фелиума был Литаксин, где нанятые Эробом отряды наемников недавно смогли отбросить силы вторжения икстранцев.

Командир агентов методично проверил списки отрядов, находившихся на Литаксине, и почти улыбнулся.

«Хвастуны Хигдона» под командованием некоего Октавия Хигдона были на Литаксине в числе нескольких отрядов, наня-

тых Эробом для прекращения войны, которую подготовил Департамент.

Улыбка командира погасла. Достаточно просто допустить, что Вал Кон йос-Фелиум затем нанял «Хвастунов Хигдона», снабдив их драматической историей, именем и портом назначения. Достаточно просто... Однако йос-Фелиум далеко не прост — и не глуп. Он будет знать, что Департамент получит именно такую информацию — и придет именно к таким выводам.

Командир агентов прокрутил файлы, открытые у него на экране, еще раз рассматривая странные корабли, которые защищали Пустошь. Точно идентифицировать эти корабли пока не удалось, хотя тактический доклад о «Награде фортуны» был совершенно определенным. Обнаружить флот Корвала так явно, в разгар маневров... А теперь здесь еще один корабль с наемниками на борту и получивший разрешение на посадку объявляет о намерении свести счеты с Департаментом Внутренних Дел и называет его личное имя...

Командир агентов вдруг почувствовал, как вниз по его рукам поползли мурашки.

Вал Кон йос-Фелиум находился на Лиад. И он намеренно дал Департаменту узнать об этом.

Она десяток раз теряла его след, но потом находила снова — по сломанному стебельку, по очертанию следа на участке мягкой почвы, по рассыпанным в одном месте недозрелым семенам травы.

Какой-то уголок ее сознания понимал, что она, Мири Робертсон, не обучена вот так кого-то выслеживать, двигаясь словно обрывок тумана по высокой шуршащей траве, в смертоносном преследовании смертельно опасной дичи.

Дичь остановилась чуть впереди. Мири пригнулась, сверяясь со своей... Вал Кона... мысленной картой местности, и вздохнула.

Она находилась совсем близко от прохода через границу поместья: по правде говоря, именно к этим воротам она и направлялась, пока ей не пришло в голову выслеживать дикую болотную птицу.

Мири закусила губу. Граница охранялась силовым полем и кодами. Ворота не откроются на фальшивый код, хотя и нанесут удары — все более сильные — тому, кто будет иметь глупость повторять свои попытки в надежде случайно напасть на выигрышную комбинацию. Любая попытка взломать ворота также заслуживает удара. А луч сделан достаточно сильным и широ-

ким, так что мысль перепрыгнуть через ограду тоже оказывается неудачной.

Но все эти укрепления и процедуры совершенно бесполезны, если человек, которого она отслеживает, вооружен правильными шифрами — например, шифрами Пат Рина.

Мири подавила волну холодного ужаса, который больше походил на чувство Вал Кона, чем на ее собственное, и приняла решение.

Она бесшумно двинулась вперед, держа пистолет наготове — хотя ей можно было не трудиться, поскольку тот, кого она преследовала, был полностью поглощен своим делом.

Она наблюдала за тем, как он работает дистанционным пультом, совершенно явно вводя один код за другим. Успеха он не имел, но и не получал заметного свидетельства уважения ворот. Ему удалось настроить пульт на замок ворот, и, похоже, он был намерен вводить коды до энтропийного конца вселенной.

Или пока не откроются ворота.

Мири на секунду прикрыла глаза, испытывая странное ликование, словно отсутствие правильных кодов было поводом праздновать.

«Прекрати! — одернула она себя. — То, что у него нет кодов, еще не доказывает, что Пат Рин на свободе, так же как обладание ими не доказывало бы обратного.

Она открыла глаза, подняла пистолет и сняла его с предохранителя. На таком расстоянии промахнуться невозможно, особенно раз она не намерена добиться чего-то художественного. Ей просто надо его убить.

Ее выстрел совпал со щелчком открывающихся ворот.

Мири вскочила и стремительно бросилась вперед. Этот тип упал и не двигался. Она опустилась рядом с ним на колено, убедилась в том, что ее прицел был точным, и потянулась за упавшим дистанционным пультом.

— Бросай оружие и сдавайся! — рявкнул голос.

Мири резко обернулась и увидела женщину, привычно держащую пистолет. У нее за спиной раздался щелчок. Несомненно, это закрылись ворота.

— Бросай оружие, — повторила женщина, — или останешься без руки.

— Не хотелось бы, — мягко проговорила Мири, чувствуя вес пистолета в руке.

Она стремительно пригнулась. Палец женщины нажал на спуск.

Мири метнулась вбок, бросила пистолет и нажала кнопку дистанционного пульта. Ее пальцем руководила слепая, глупая удача.

Женщина крякнула, промахнувшись, а Мири пролетела через ворота, пригибаясь как можно ниже. Раздался крик и второй выстрел — и звук закрывающихся ворот.

Мири пошатнулась, запуталась в собственных ногах, споткнулась и упала, постаравшись перекатиться. Перекат остановился у чего-то жесткого и шершавого — и она осталась лежать, ощущая, как колотится ее сердце.

Правая рука у нее пылала: похоже, поймала вторую пулю. Быстрая проверка сказала, что больше ничего, кроме ушибов, она не получила.

Она открыла глаза.

Жесткая шершавая штука оказалась довольно крупным валуном. Ухватившись за него, она с руганью поднялась на ноги и осмотрелась.

Приятным фактом было то, что теперь она оказалась глубоко на территории Корвала. Неприятным — что у границы находился как минимум один враг, а возможно, гораздо больше, и еще несколько дистанционных отмычек. И все они изо всех сил пытаются ее достать. А рука... это было совсем неприятно. Ей не нужно было видеть залитый кровью рукав, чтобы понять, что она уже потеряла слишком много крови.

«Не в такой форме совершать пеший переход по пересеченной местности, Робертсон», — подумала она, расстегнула кошель, достала бинт первой помощи — и тихо сползла на землю.

Они наконец были на месте.

Вал Кон издал тихий вздох облегчения. Путь от места встречи оказался несколько более длинным, чем он рассчитывал, — достаточно длинным, чтобы он начал сомневаться в собственной памяти. Но вот он наконец: заросший, полуразвалившийся и, если посчастливится, забытый.

Он поднял руку, остановив свой немногочисленный отряд, и повернулся, чтобы встретиться взглядом с Лиз Лизарди.

— Здесь мы расстаемся, командор.

— Здесь?

Она обвела взглядом оплетенные лозами стены, чахлые деревца и расколотые каменные блоки.

— Здесь, — подтвердил он, пряча улыбку. Крестная мать Мири была не из тех, кто тратит три слова там, где можно обой-

тись одним жестом. — У вас есть вопросы относительно той роли, которую будете играть вы и ваш отряд?

— Не-а. По мне, так похоже на оплаченный отпуск, — отозвалась Лиз. — Чуть севернее мы обнаруживаем парк, улицу и калитку. Мы стережем калитку. Если кто-то пытается войти, мы его останавливаем. Если кто-то пытается выйти, его мы тоже останавливаем. — Она пожала плечами. — Хигдон пришлет подмогу — это остается в силе?

— Да.

— Тогда все в порядке. — Она оглянулась на свой отряд из двух человек. — Ладно, пошли гулять.

— Есть, командор. — Рядовой Диглон поспешно салютовал ей: у него был вид ребенка, которому разрешили порезвиться в кондитерской.

Салют Хэзенталл Исследователя был более сдержанным, а лицо — подобающе бесстрастным, но от Вал Кона не укрылось, как бодро расправлены ее плечи. Заметил он и тот взгляд, который она бросила на Нелирикка, прежде чем отправиться за своим командиром по ведущей на север тропинке. Это был весьма выразительный взгляд, хоть и упал он на лицо, которое по податливости могло поспорить с камнем.

«Ах, молодость... Может, позже».

Если «позже» будет — что отнюдь не гарантировалось. Вал Кон на секунду прикрыл глаза, думая о Мири, которая идет по поверхности планеты в долине Корвал — к дому, где она будет в безопасности — или по крайней мере в относительной безопасности. Это — то, что он собирался сделать — было безумием. Захватить командира в его собственной берлоге? Одним словом прекратить воплощение Плана в жизнь? Спасти пассажиров — о да, именно так. А кто помнит о древнем контракте, который так и не был расторгнут или выкуплен и привязывал Корвал к Лиад — и к чести? А ведь этот контракт перешел через многие годы от Кантры к нему самому!

«Они убили нас — нас и наших близких. Этому надо положить конец, и положить немедленно. Моих близких больше не будут убивать на улицах».

— Разведчик?

Вал Кон моргнул и посмотрел в суровое смуглое лицо Нелирикка Исследователя.

— Задремал ненадолго, — жизнерадостно объяснил он. — Не обращай внимания.

— Солдат сражается лучше, если отдохнул перед боем, — согласился гигант.

— Вот именно.

Он перевел взгляд на третьего члена их отряда, который стоял чуть в стороне и осматривался с... возможно, это было изумление. В неярком свете на пластинах его панциря были видны бледные фиолетовые разводы.

— Брат!

Хранитель повернулся, обратив на него взгляд светящихся изнутри глаз.

— Да, брат, — любезно отозвался он. — Для нас настало время отправления?

Вал Кон направился к нему, демонстрируя пустые ладони.

— Время определенно приближается. Прости, что я снова прихожу к тебе, чтобы сказать: тебе нет необходимости сопровождать нас после того, как ты поможешь нам открыть дверь. Оставайся и наблюдай, если пожелаешь. Я бы предпочел, чтобы ты вернулся на корабль. Но чтобы ты вошел внутрь... Мое сердце не вынесет, брат, если ты будешь убит в ходе торопливой и неуместной ссоры людей.

— Твои чувства делают тебе честь, — серьезно отозвался Хранитель. — Определенно родственники хотят сделать все возможное, чтобы уберечь своих близких от беды. Но не менее определенно и то, что мы связаны словом Т'карэ, который попросил меня сопровождать тебя во время этой вендетты, когда ты полностью ответишь тем, кто убил тех, кто был с тобой в родстве и под твоей опекой. Это — твой долг, как ты и сказал нам, и такой долг хорошо известен Стае. Т'карэ отправил меня к своему брату, Делму Корвала, чтобы сражаться и победить.

Он моргнул сначала одним глазом, а потом — другим.

— Т'карэ оказал мне честь, сделав добавление к моему имени. Поскольку у нас мало времени, я воздержусь от того, чтобы назвать его тебе полностью. Однако я сообщу тебе, что теперь в мое имя входит фраза, которая приблизительно означает «изучающий людей».

Он снова моргнул — на этот раз обоими глазами одновременно.

— Я первый из нашего клана предпринял это исследование. Я начал его потому, что мое сердце желало понять некоторые вещи. Я продолжаю его потому, что мой Т'карэ желает полного знания — а мое сердце не возражает.

Вал Кон поклонился — низко и с искренним уважением.

— Исследование — это пьянящее и опасное предприятие, — проговорил он. — И, конечно, Т'карэ нельзя возражать.

Это было сказано совершенно искренне: никакие его слова не помешают Хранителю следовать за ними, если им будет двигать слово Т'карэ.

Он выпрямился.

— Тогда сопровождай меня, брат, если желаешь. Исследователь, охраняй нас — и следи за пультом. Мы скоро должны получить сигнал.

Древний и усталый запирающий механизм почти не сопротивлялся песне Хранителя: нота, вторая — и его не стало. И как раз вовремя.

— Разведчик, — негромко сказал Нелирикк, — сигнал пришел.

Он помолчал, наклонив голову и прислушиваясь к комм-связи, закрепленной у него за ухом.

— Третий повтор.

Вал Кон сглотнул — и подумал о Мири, которая уже была в безопасности, дома.

«Ну так иди, — сказал он себе. — Время пришло».

Корабль «Исполнение долга» вышел на орбиту.

Мири проснулась, не помня, чтобы засыпала, и лениво заморгала, глядя на оранжевую кошку, которая сидела у нее на груди, устремив серьезные зеленые глаза на ее лицо, словно сторожила момент ее пробуждения.

— Привет, кошка, — сказала она.

Животное моргнуло, а с дальнего конца комнаты ей ответил голос — голос мужчины, говорящего на аристократическом земном.

— Добрый вечер, Корвал, — произнес он на фоне звука, похожего на движение колес по дощатому полу. — Вы хорошо себя чувствуете?

Она повернула голову на подушке, но никого не увидела — если только никто не прятался позади массивного металлического цилиндра, оснащенного тремя суставчатыми руками и увенчанного подсеченным оранжевым шаром, которые показались ей странно знакомыми — так, как она знала не свои воспоминания.

— Дживз? — спросила она, потому что это должен был быть... он.

— Да, — ответил он, и оранжевый шар мигнул.

— Великолепно. — Она села, забыв про кошку, которая спрыгнула с ее груди на пол, издав короткое обиженное шипение. — Включись в контур границы, в долину пытаются проникнуть посторонние.

Шар замерцал. «Он думает», — поняла Мири по воспоминаниям Вал Кона и спустила ноги с кровати, на которой лежала.

Ее не удивило, когда она обнаружила, что кровать представляет собой часть полевого автоврача.

— Интервенты уже вытеснены, мадам, — сообщил робот. — Хотя я ожидаю новых попыток. Защита границы усилена. Я должен извиниться за то, что допустил ваше ранение. Мое внимание было сосредоточено на усиленной атаке на южные и восточные ворота. Менее мощная атака на северные ворота была спрятана за шумом. Я отправил транспорт, как только Джелаза Казон сообщило мне ваше местоположение, и включил для вас автоврача.

Она попробовала пошевелить правой рукой. Больно было безумно.

— Я снова прошу прощения, если неправильно понял ваши потребности. Однако, исходя из «Плана Б», я включил только быстрое заживление.

— Ты все сделал совершенно правильно, — успокоила его Мири, вставая. — Кстати, я — Мири Робертсон.

— Так я и предположил, — ответил Дживз. — Как мне вас называть?

— Мири вполне подходит, — сказала она и поморщилась, когда первый же шаг разбередил ее полузажившую руку. — Послушай, мне срочно надо в центр управления. Мне необходимо кое-чем заняться, особенно раз я вышла из графика, пробыв час в автоврače.

— Вы были в автоврače не больше четверти часа, — спокойно ответил ей боевой робот. — Старайтесь не бередить рану.

Он покатился вперед, гремя колесами по доскам пола.

— Следуйте за мной, пожалуйста, и я проведу вас в центр управления.

— Ладно, — ответила она, ускоряя шаг, чтобы не отстать от него в коридоре, где он развил немалую скорость. — Скажешь Анторе, что я здесь и где она сможет меня найти, хорошо? Мне нужно, чтобы она ввела меня в курс того, что происходило здесь.

— Мисс Анторы, — сказал Дживз, — дома нет.

— Нет дома? — Она посмотрела на робота, но по оранжевому шару ничего понять было нельзя. — А где она?

— Полагаю, — ответил он, резко сворачивая в узкий коридор, — что она в штаб-квартире Департамента Внутренних Дел.

Они достаточно быстро выяснили, к чему относились самые странные высказывания дэа-Гаусса под действием сыворотки правды. Когда были перекрыты источники финансирования, они перестали получать услуги и товары, которые ими оплачивались.

Командир агентов сидел в кабинете, освещенном слабым светом аварийной системы, и гневно смотрел на экран. У него за спиной бормотал подсоединенный к запасному генератору приемник, шепча названия и цели кораблей.

Проблемы с энергоснабжением были решены. Временно. Штаб работал, о чем свидетельствовало жужжание вентиляторов, пытающихся прогонять застоявшийся воздух на мощности, не достигавшей и половины нормы, питаясь от собственной аварийной системы генераторов. Эта ситуация будет взята под контроль и исправлена, как только пленник окажется под контролем и начнет работать на Департамент.

Однако для этого нужно, чтобы он остался жив.

Здоровье пленника было... плохим. Третье средство, вместо того чтобы ввести его в нужное состояние рабской покорности, вызвало сильную аллергическую реакцию. По совету специалиста по средствам допроса его переместили в лазарет, где он и лежал в стабильном состоянии, но очень слабый, под охраной полного агента перемен.

Просматривая в своем полутемном кабинете список, командир думал, не следует ли ему поменять охранника: агентов не хватало. Разве одного больного старика не может охранять служащий меньшего ранга?

Но — нет. Дэа-Гаусс лишил Департамент трех агентов, расправившись с каждым метким выстрелом в голову. Данные, запоздало полученные от «Тэй Дора», показали, что дэа-Гаусс много лет регулярно посещал его клуб, что он владел несколькими видами оружия, в том числе и спортивными пистолетами (список прилагался), и что он часто устраивал соревнования с другими завсегдатаями «Тэй Дора» (список прилагался). На самом деле в документах «Тэй Дора» были все сведения, о которых только можно было пожелать — за исключением рейтинга его меткости. В них также не упоминалось (хотя эта область вряд ли могла заинтересовать «Тэй Дора»), что вышеупомянутый старик был одет в

костюм с противолучевой и противопулевой защитой и что он превратил свой офис в настоящую крепость.

Нет, решил командир агентов: дэа-Гаусс заслужил честь иметь у своей постели агента.

В результате чего список еще укоротился, а количество необходимых дел было довольно велико.

Команду агентов отправили в Совет Кланов, отдав им приказ включить установленные там устройства. В том же Совете Кланов Начальник протокольного отдела, давно завербованный Департаментом, проконсультировался с Председателем относительно должного сведения счетов с Анторой йос-Галан, которая беспричинно и жестоко убила невооруженного пристава Совета.

Вторая команда агентов, усиленная снайперами Департамента, направлялась в Дальний порт, вооружившись взрывчатыми веществами и координатами. Еще один полный отряд агентов пытался проникнуть в долину Корвала, тогда как еще одна команда взяла на себя инфильтрацию «Хвастунов Хигдона».

Командор моргнул и постарался сфокусировать взгляд на экране. Статистика полетов. В настоящее время на орбите вокруг Лиад не было кораблей Дерева и Дракона, что было странно. Корабли разведки тоже отсутствовали — хотя это было не так странно. Следовало бы ожидать, что Вал Кон йос-Фелиум обеспечит себе поддержку кораблей, какими бы ни были его планы. Отсутствие кораблей... нервировало.

Чего, несомненно, йос-Фелиум и добивался.

Командир агентов протянул руку, вызывая список служащих более низкой квалификации. Безусловно, некую пользу...

— «Исполнение долга», — проблеял передатчик так громко, что командир промахнулся и нажал не ту кнопку.

— «Исполнение долга», Солсинтра, Лиад, капитан Присцилла Мендоса. Дорогу! Дорогу! Мы выполняем миссию Клана Корвал и мы вооружены.

Тишина была не менее важна, чем быстрота, но двигались они быстро: разведчик, исследователь и стайная черепаха. Труба легко пропускала даже самых крупных членов их отряда, хотя и сапоги, и когти порой скользили по отглаженной водой поверхности.

Хранитель, чьи глаза видели в темноте, шел первым, Вал Кон — следом за ним, с мини-фонариком в помощь своему менее острому зрению. Нелирикк замыкал колонну, неся груз в виде

взрывчатых веществ, добавочного огнестрельного оружия и боеприпасов.

Вал Кон напомнил себе, что «Долг» уже на орбите. Вскоре к нему присоединятся союзники. Вскоре они уже будут знать, был ли этот смелый удар по самому сердцу врага безумием или гениальным шагом.

Быстрым шагом они двигались вперед, миновав уже три двери, расположенные примерно на одинаковом расстоянии друг от друга. Когда этим акведуком пользовались, двери служили средством управления потоком. У каждой они устраивали короткие остановки на пять минут отдыха, а потом снова шли вперед.

— Впереди нас лежит еще одна дверь, мой брат, — сообщил Хранитель удивительно тихим голосом. — Она выглядит новой — и она заперта.

Вал Кон вздохнул. Так быстро! Он закрыл глаза и дал ее мелодии наполнить его мысли, его сердце, его душу. Сознательно напрягая волю, он прибавил к этой песне еще одну фразу. А потом открыл глаза и шагнул вперед.

Лабиринты, которые присвоил себе Департамент, были вырезаны в подземном известняке, чтобы служить огромными резервуарами для хранения газов при небольшом давлении. Части старинного водовода считались историческим памятником и располагались чуть выше. Но здесь, внизу, далеко под поверхностью планеты, переполненные акведуки питали также резервуары для подземного сжатия газов. Когда потребности Солсинтры в воде превысили то количество, которое давала река Кайнбек, и стало ясно, что неустойчивую энергию следует хранить в более безопасном месте, нежели под самой столицей, лабиринт стал местом, где логично было расположить тайную штаб-квартиру.

Итак, перед ними была дверь. Это оказался воздушный шлюз — переход между старинными выработками и новыми помещениями. Вал Кон осмотрел ее управление и оценил его с чувством облегчения, неразрывно связанным с ужасом.

— Я собирался воспользоваться здесь моим клинком, — сказал он Хранителю, — а по ту ее сторону — положиться на скорость. И такой вариант по-прежнему имеется. Но я должен спросить: не известна ли тебе такая пара нот, которая открыла бы нам путь с меньшим риском?

Хранитель моргнул своими огромными глазами.

— Мой брат мудр, предпочитая войти в пещеру своего врага скрытно. Полагаю, что ключ к этой двери может быть обнаружен, если у меня будет несколько мгновений для ее исследования.

— Конечно, — согласился Вал Кон и отошел к Нелирикку. Исследователь посмотрел на него, ухмыльнулся и удивительно по-земному поднял вверх большой палец.

Палата лазарета, освещенная тусклыми аварийными лампами и с минимальным количеством оставленных работать приборов, превратилась в место пребывания теней, врагов и чудовищ, таящихся там для людей с богатым воображением.

Агент тер-Фендил не относился ни к людям с богатым воображением, ни к тем, кто склонен прибегать к метафорам. В соответствии с приказом он охранял старика, одинаково бдительно следя как за признаками предательства, так и пробуждения. Ни тех, ни других не видно было в течение утомительных часов. Отказывался старик и умереть, чтобы освободить агента тер-Фендила для более достойных обязанностей.

В существовании таких обязанностей агент тер-Фендил был твердо уверен, поскольку присутствовал при том моменте, когда полный отряд был отправлен заниматься дальнейшими вопросами Зала Советов. Он с нетерпением ожидал приказа для себя: командир агентов не мог не вспомнить о тех сокровищах, которые агент тер-Фендил смог отыскать на основе данных, полученных им во время работы разведчиком. Он добыл эти сокровища и доставил их в Департамент. Он смел надеяться, что командир доверит ему управление и предоставит ему честь использовать эти сокровища против врагов Департамента.

Однако ему пришлось стоять здесь и охранять бухгалтера, в то время когда он мог бы... Нет! Командир не из тех, кто забывает прежние заслуги или не использует то оружие, которым располагает. И то, что в настоящий момент агенту тер-Фендилу поручено не столь важное задание, еще не означает, что он забыт.

Департамент учил, что все поручения приближают воплощение Плана в жизнь, и агент тер-Фендил был хорошим учеником. И все же...

Какая-то тень скользнула среди других теней и снова растворилась в сумраке.

Агент тер-Фендил нахмурился.

Тени снова мигнули, плавно и стремительно.

Агент тер-Фендил моргнул и быстро проанализировал ситуацию. Обнаружив, что у него чуть — но не опасно — понижен уровень энергии, он быстро включил Контур на процедуру подпитки и почувствовал, как мгновенно обострились все его чувства.

Выпрямившись, он неспешно устремил взгляд в то место, где видел колебания теней.

Что-то... двигалось.

Агент тер-Фендил шагнул вперед.

Тень уплотнилась, обрела форму и неспешно перешла через узкую полоску света. Серый хвост был вызывающе поднят, белые лапки бесшумно ступали по поглощающему звук полу.

— Кот! — недоверчиво произнес агент тер-Фендил.

Кот повернул голову, моргнул — и двинулся дальше.

Контур показал, что присутствие кота в штаб-квартире — это аномалия.

Агент тер-Фендил пошел следом за котом.

Мири немного слишком резко упала в кресло в центре управления, выругалась и одним движением здоровой руки открыла пульт.

— Принеси мне болеутоляющих, — приказала она роботу, не оборачиваясь. — И какой-нибудь стимулятор.

— Сожалею, — проговорил Дживз, и его аристократический голос действительно звучал виновато, — но известно, что стимулятор может повредить плоду.

Экраны включились. Мири чуть замешкалась, ища волну открытых сообщений о движении кораблей.

— А какое это имеет ко мне отношение? — спросила она, почти полностью сосредоточившись на поисках другого, более сложного диапазона. Насчет него даже Вал Кон был не слишком точен...

— Автоврач сообщил, что вы беременны, — сказал Дживз.

Мири замерла, не закончив настройки, а потом стремительно развернулась на кресле лицом к роботу.

— Это самое дикое... — начала было она, но тут же прикусила язык.

«Ох, Робертсон, записная ты дура!»

Потому что тут ведь не было ничего дикого, так? Ведь она тогда только-только вышла из капсулы автоврача, и он тоже. Значит, им вернули нормальное функционирование всего организма, включая и способность к деторождению. А они оба даже не вспомнили, что надо бы попросить об уколе.

«Мири, давай любить друг друга...» — прошептал он в ее воспоминаниях. И если окажется, что он знал — что он намеренно...

Она его убьет.

«Ага. Только сначала он должен вернуться живым».

Она повернулась обратно к пульту управления, закончила настройку на корабельную волну, которая работала весьма громко, а потом еще раз попробовала найти тот второй диапазон.

На этот раз ее пальцы оказались умнее — или с ней была трижды проклятая удачливость Корвала. Как бы то ни было, на свой запрос она получила ответ.

— Бинджали слушает, — произнес спокойный женский голос.

Мири глубоко вздохнула.

— Говорит капитан, — сказала она в модальности Безусловной власти. — Ситуация красная.

— «Исполнение долга», отключите вооружение, — сказала диспетчерская Солсинтры.

Шан знал, что там обязаны были сказать именно это. Если бы он был начальником порта, а на орбите его мирной и спокойной планеты вдруг появился боевой корабль, он произнес бы именно эти слова — и скорее всего с гораздо большим жаром.

Присцилла нажала кнопку обратной связи.

— Говорит капитан Мендоса. Мы выполняем миссию Клана Корвал. Наше вооружение включено и находится под нашим контролем.

— Это нарушает все правила, капитан Мендоса. Гильдия оповещена.

Губы Присциллы сжались.

— Принято, — ответила она ровным голосом и отключила связь.

— Не беспокойся, Присцилла, у нас на двоих еще осталась одна лицензия. А Кодекс говорит нам, что собственность одного из спутников жизни — это собственность и второго.

Она посмотрела на него, и ее взгляд был полон смеха.

— Скажи это Гильдии пилотов.

Шан ухмыльнулся и прищелкнул пальцами.

— Кого интересует Гильдия пилотов? Мы получим для тебя земную лицензию на вымышленное имя, и никто ничего знать не будет.

— И почему мне кажется, что из этого ничего не выйдет?

— Потому что ты невинна и чиста сердцем. — Он снова повернулся к экранам. — Начальник удовлетворится жалобой в гильдию, — пробормотал он, вызывая сведения о движении на орбите. — Конечно, она могла бы нас обстрелять, но мы не сделали ничего, что заслуживало бы такого.

— Пока, — откликнулась Присцилла, бросив взгляд на Рен Зела, который молча и умело работал на третьем пульте.

— Наших друзей не видно, пилот?

— Пока нет, капитан, — ответил он. — Но мы опередили график.

— На целых три минуты, — согласился Шан. — От разведчика всегда следует ожидать...

— Прыжковые вспышки, — резко бросил Рен Зел. — Совсем близко.

Его пальцы, как и пальцы Шана, заплясали по пультам, определяя местоположение и рисунок вспышек... Близко, боги! Что означает, что это должны быть ожидаемые ими разведчики, хотя нет оснований...

Приемник затрещал, вспышки погасли. Корабли объявили о себе — один, два, три, четыре: «Алмазный долг», «Стержень тимония», «Кристаллия», «Разведка девять». Дерево и Дракон. Дерево и Дракон. Дерево и Дракон. Дерево и Дракон.

— Какого черта?

Он нашел все четыре. Прыжок совершали как отряд, а? Значит, мастера-пилоты. Или, конечно, это могли быть разведчики. Хотя на таких странных кораблях, совершенно не подобающих разведке...

— Прыжковая вспышка! — снова воскликнул Рен Зел.

И он был прав: пятый корабль прыгнул в центр четырехугольника, образованного первыми четырьмя. Это был столь рискованный маневр, что Шан полуотвернулся, опасаясь увидеть столкновение.

Но нет. Приемник снова затрещал, и на общей волне прозвучали данные о пятом корабле.

«Награда фортуны», Солсинтра, Лиад. Дерево и Дракон.

Дерево и Дракон!

Передача была завершена. На пульте слежения зажегся последний индикатор.

Мири утерла рукавом вспотевший лоб и подалась вперед, опираясь на пульт больной рукой. А потом нажала на кнопку, которая соединила ее с приемниками, расположенными в Совете Кланов, в штаб-квартире Разведки, со всеми основными Гильдиями: бухгалтеров, пилотов, торговцев и целителей, с кабинетами начальников космопортов Солсинтры и Чонселты, с главным редактором «Газеты», с общей корабельной волной и с несколькими громкоговорителями, расположенными в самых людных местах.

«Мы охватили всю планету, — сказала она себе, когда главный индикатор тоже стал зеленым. — Тебя слышат, Робертсон. Не забудь слова».

Нормальное пространство. Экраны снова загорелись. Комм ожил.

На диапазоне отряда: «Босс здесь, начинаем веселье!», «Хорошо пролетели», «Мы еще сделаем из тебя мастера, сынок!», «Отлично сработано, босс».

Он справился.

Пат Рин устало откинулся на спинку кресла пилота, дрожа от облегчения.

Он справился.

А теперь надо сделать остальное.

Голос, раздавшийся из старого, забытого приемника, принадлежал женщине. Ее выговор был солсинтрским, а содержание ее послания Председатель Совета, поднявшая голову и изумленно раскрывшая глаза, сочла совершенно абсурдным.

— Капитан объявляет чрезвычайное положение. Я повторяю еще раз: капитан объявляет чрезвычайное положение. В соответствии с условиями, оговоренными в параграфе 8 первого раздела оригинала контракта найма, заключенного между Семействами Солсинтры и капитаном Кантрой йос-Фелиум, который требует, чтобы капитан, ее наследники или назначенные ими лица блюли безопасность пассажиров, я, Мири Робертсон Тайазан, Делм Клана Корвал, правом капитана объявляю о чрезвычайном положении. Управление системой защиты планеты переходит к капитану. Пассажирам сообщается, что имя нашего врага — Департамент Внутренних Дел. Этот враг похищал и убивал членов каждого клана, как из главных Домов, так и из второстепенных. Он присвоил себе доходы целых кланов. Он заставлял работать на себя корабли и пилотов, принося ущерб всей Лиад. Деятельность этого Департамента будет прекращена немедленно. Далее будет сообщено о местоположении известных отделов Департамента и их тайниках.

Повторяю, повторяю. Капитаном объявлено чрезвычайное положение...

Кайлон пел-Мерет имела привычку ежедневно перед полуднем гулять с сыном в старинном парке Водовода. Эта прогулка имела двойную пользу: сама Кайлон получала возможность

проветриться, а юный Нев Арт мог избавиться от избытка энергии способом, который не вызвал бы резкого выговора от его бабки.

Мать и сын хорошо знали, как должна проходить их прогулка. Кайлон шла по старинной аллее от входа в парк до обмелевшего пруда, а Нев Арту позволялось кругами носиться рядом с ней или убегать в любую сторону при условии, что он не будет полностью скрываться из ее поля зрения. Потом он присоединялся к ней у пруда, после чего они возвращались к выходу из парка по аллее вместе, отрабатывая пристойное поведение. Затем они шли по городским тротуарам домой, к бабушке и дневной трапезе.

Сегодня Нев Арт подбежал к ней и схватил за руку.

— Таула, смотри! Икстранцы!

Кайлон была женщиной рассудительной. А еще ей хорошо были известны возможности фантазии ее сына. Так что она не стала вопить или хватать его в охапку, чтобы спасаться бегством. Вместо этого она позволила ему потянуть ее за руку вперед, рассчитывая увидеть дерево в мундире теней или хитроумный сорняк, выглядывающий из-за полуобрушенной декоративной стены.

— Смотри! — повторил Нев Арт.

Кайлон посмотрела — и у нее перехватило дыхание.

По направлению к ним по смятой траве шли три высокие фигуры — двое намного выше третьей, — одеты явно по-военному. На спине у них были заплечные мешки, а ремни были увешаны всевозможными приспособлениями.

— Икстранцы, Таула! — настаивал Нев Арт, дергая ее за руку. — Я хочу посмотреть их пистолеты!

— Нет! — резко воскликнула она и крепче сжала его руку. — Это просто земляне, сынок.

Она была растеряна. Земные солдаты здесь, бродят по почти заброшенному и полузабытому парку в районе Солсинтры, занятом второстепенными кланами? Она резко повернулась, таща Нев Арта за собой.

— Пойдем, дитя, нам пора возвращаться домой.

— Не пора! — запротестовал он, но она была непреклонна.

Быстро шагая и крепко держа сына за руку, она двинулась назад по аллее. Он засеменил короткими ножками, с трудом успевая за ней. Так они добрались до выхода из парка — и спустя секунду уже были на улице.

— Мне пойти за ними, командир? — с надеждой спросил Диглон.

Лиз покачала головой.

— Нет. Они не единственные, кто нас увидит. — Она протянула руку. — Пошли.

— Босс! — Басовитый голос Чивера Мак-Фарланда звучал спокойно. — Готовы кашеварить?

Пат Рин два раза глубоко вздохнул, чтобы успокоиться.

— Секунду, мистер Мак-Фарланд. Боюсь, что прыжок оказался для меня несколько... возбуждающим.

— Трудновато пришлось, а? — жизнерадостно отозвался землянин. — А вы только представьте себе, что мы сможем сделать, если потренируемся!

В уединении своего корабля Пат Рин улыбнулся.

— Еще немного — и вы устроите нам гастроли звена высшего пилотажа.

— В этом что-то есть. Ну мы здесь, если вам понадобимся, босс. Вся связь работает.

Пат Рин наклонил голову.

— Благодарю вас, мистер Мак-Фарланд.

— Точно.

Связь была закончена.

Еще один глубокий вздох, и Пат Рин потянулся к пульту, приложив палец к кнопке...

Главный экран вспыхнул, заполняясь прыжковыми вспышками. Одна! три! восемь! дюжина! две дюжины!

Пат Рин отшатнулся, щуря глаза. Каналы связи наполнились треском статических разрядов, а потом появились идентификационные сообщения кораблей, один за другим, набирая мощность, сливаясь в едином крике вызова.

Разведка!

Дерево и Дракон.

Животное бесследно исчезло.

Немало смутившись, агент тер-Фендил вернулся к постели бухгалтера — и вылупил глаза. Сердце отчаянно ускорилось, дыхание сбилось, Контур, едва успевший погаснуть после недавней проверки, включился, приведя оба показателя в норму. Однако постель — постель оставалась пустой! Одеяло было сбито, на подушке осталась вмятина.

Дэа-Гаусс скрылся.

* * *

Старика удалось вызволить.

Рен Зел с улыбкой смотрел на экран: его внимание делилось между отсчетом, который шел в нижнем углу, и совершенно иллюзорным, но совершенно точным экраном, возникшим у него в голове.

«Теперь иди домой, милая», — сказал он ей беззвучно.

«Скоро, — ответила она. — Нам надо подождать Мерлина».

Корабли разведки заняли свои орбиты, и если у диспетчерской появилось желание сказать им пару резких слов, то это было сделано на специальной волне, а не на потеху простым кораблям.

Собравшись с духом, Пат Рин снова протянул руку к пульту. Поддельное Кольцо вспыхивало и переливалось в освещении кабины. Он включил комм.

— Говорит Пат Рин, представляющий Клан Корвал и капитана. Я требую, чтобы Совет Кланов стал свидетелем официального сведения счетов с Департаментом Внутренних Дел.

— Представляющий Клан Корвал? — недоуменно переспросил Шан.

Однако Присцилла нажала кнопку на капитанском пульте и включила записанное заранее предупреждение.

— «Исполнение долга», Солсинтра, Лиад, капитан Присцилла Мендоса. Дорогу! Дорогу! Мы выполняем миссию Клана Корвал и мы вооружены.

Прикосновение ко второй кнопке заставило Дерево и Дракона зарычать на всех открытых каналах.

На всех каналах была тишина. Секунда... вторая...

— Говорит командор-разведчик Клонак тер-Мьюлин. Разведчики требуют, чтобы Департамент Внутренних Дел ответил за убийства и разрушения. Наше требование уступает первенство капитану и Корвалу.

Тишина на всех каналах...

— Вы что, все сошли с ума? — вопросила диспетчерская Солсинтры. — Никакого Департамента Внутренних Дел не существует!

— Напротив, — возразил Пат Рин. — Я сообщаю диспетчерской, что передаю записи корабля, касающиеся попытки пиратского нападения, которая имела место в суверенном пространстве планеты Пустошь. Вы услышите, что Департамент Внутренних Дел претендует на то, чтобы говорить от лица Лиад.

— Пираты, представитель Корвала! — огрызнулась диспетчерская. — Вы же должны знать, что пираты не обязаны говорить правду!

Тишина.

На борту «Награды фортуны» Пат Рин громко засмеялся, потянулся к пульту — и замер.

Его экран исказили прыжковые вспышки. Когда изображение стабилизировалось, на высокой орбите возникло еще шесть кораблей. Их идентификация была резкой и простой.

Хунтавас.

Пат Рин закусил губу, вспомнив о курьере, которая отбыла по распоряжению Натезы, оставив своего напарника участвовать в нападении на его родную планету.

На экране — еще одна вспышка, острый всплеск разрядов — и идентификация корабля.

«Неумолимый». Верховный судья. Хунтавас.

Комм затрещал, зашипел — и воспроизвел мужской голос, говоривший на лиадийском с легким земным акцентом:

— Хунтавас требуют, чтобы Департамент Внутренних Дел ответил за убийства и разрушения. Наше требование уступает первенство Дереву и Дракону.

Все было разложено по полочкам, все приказы были отданы. Цепочка события была запущена. Существовал План и его конечная цель — и альтернативный план, на тот немыслимый случай, если они потерпят провал.

Командир агентов сидел у себя в кабинете, дожидался докладов и мрачно размышлял о Клане Корвал.

Возможно, было ошибкой позволить клану существовать так долго. Возможно, его следовало выполоть быстро, в самом начале Действий.

Потому что если посмотреть, во что обошелся Корвал...

Сначала разведчики при поддержке корабля, которым управлял давно числившийся пропавшим без вести и сочтенный погибшим старейшина Корвала, оказали противодействие первой открытой операции Департамента, направленной на осуществление Плана. И при этом разведчики не отступили на Лиад, но вообще скрылись из системы...

Затем при попытке захватить не имеющего ценности гуляку йос-Фелиума, что вообще должно было быть проще простого, Департамент потерял корабли, наткнувшиеся на дееспособный и дисциплинированный флот военных кораблей под знаком Дере-

ва и Дракона, обосновавшийся в прилегающем к Пустоши пространстве. И этот флот возглавил не кто иной, как якобы гуляка, управлявший на удивление хорошо вооруженной прогулочной яхтой!

Затем, словно сам по себе, на самой Лиад появляется набитый наемниками корабль, утверждающий, что руки Департамента нанесли ему урон. Однако во время своих операций Департамент ни разу не сталкивался с этим кораблем и его наемниками.

Почти сразу же прилетает боевой корабль Корвала, несколько десятков кораблей, явно принадлежащих Разведке — и кто знает, сколько принадлежащих ей неявно? — тяжелый военный корабль Хунтавас с сопровождением... да, и военный флот Пустоши. Все они засели на орбите, кричат на всю вселенную о Дереве и Драконе, а тем временем здесь, на родной планете, некая Мири Робертсон Тайазан открыто разоблачает Департамент и называет места расположения нескольких второстепенных баз, заставляя граждан хвататься за оружие.

Что дальше?

Командиру не было нужды смотреть на схемы, покрывавшие крышку его стола. Ему не было нужды смотреть на экраны.

Потому что сколь бы непростыми — и дорогостоящими — ни были действия Корвала, направленные против Департамента, они обнаруживали одну слабость. В их действиях просматривалась очевидная закономерность.

На Литаксине, согласно перехваченным докладам наемников, Вал Кон йос-Фелиум дождался, пока развернутся военные действия — а потом ворвался на поле боя с истребителями, посеяв смущение и выиграв сражение и всю войну. И при этом он прятался за дымовой завесой в виде своей так называемой наемницы с Пустоши.

В штаб-квартире Разведки была та же картина: ниоткуда появился корабль, изменивший ход сражения.

На Пустоши — наращивание сил, а потом действия Пат Рина йос-Фелиума.

Зазвенел сигнал тревоги, показавшийся командиру неожиданно громким. Он нажал кнопку комма.

— Командир, докладывает агент тер-Фендил. Я сообщаю, что бухгалтер исчез. В помещении находится кот. Моя ошибка состояла в том, что я его преследовал — но потерял. При возвращении на пост я обнаружил, что бухгалтера на месте нет.

Командир агентов вылупил глаза. Кот в помещении? Невероятно. Дэа-Гаусс, слабый и наверняка потерявший ориентацию, исчез? Полная дикость.

И все же...

Командир агентов встал, механически проверяя наличие оружия.

— Я возглавлю поиски сам. Встречайте меня в вестибюле лазарета. Будьте крайне осторожны: возможно, мы имеем дело с изменившим нам агентом перемен.

— Есть, командир, — отозвался агент тер-Фендил.

Командир отключил связь, прошел через кабинет и приложил руку к пластине, укрепленной на дальней стене.

Сканер слабо кольнул ладонь. Он запустил руку в сейф и извлек оттуда короткий толстый стержень, спрятав его в рукав.

Кайлон пел-Мерет крепко держала Нев Арта за руку, и сердце у нее колотилось от страха. Ее сын подобной слабости не испытывал. Он наслаждался лучшим днем в своей жизни. Он не только заметил солдат, шедших по парку: теперь появилась вереница таксомоторов, каждый из которых останавливался в конце тихого тупика, высаживая все новых и новых солдат. То, что это солдаты, сомнений не вызывало: Кайлон без труда распознала винтовки, ракетницы, заплечные мешки.

Нев Арт радостно завопил, увидев, как они выскакивают из такси и с головокружительной скоростью строятся в шеренги и колонны. После этого очередное такси с ревом уносится, давая место следующему, и еще следующему, и...

— Прошу прощения, мадам.

Кайлон отпрянула, испуганно глядя в лицо внезапно возникшего рядом с ними солдата. Землянин, темнокожий и серьезный, вооруженный винтовкой на улицах ее родного города, обращающийся к ней на торговом! Да это же...

— Мадам? — повторил он снова. — Мы оставили такси для вас с мальчиком.

— Видишь, Таула! Спорим, они ловят тех икстранцев, которых я видел! — воскликнул Нев Арт, а потом спросил у солдата: — Так ведь? А вы — адмирал?

— Нет. — Отвечая ему, мужчина улыбнулся — медленно и лениво. — А я и не хочу стать адмиралом, парень.

Он посмотрел на Кайлон и указал направо, где действительно чуть в стороне стояло такси.

— Я должен настаивать, мадам. Пожалуйста, возьмите такси. Могут появиться проблемы и...

— Внимание! — прогремел мощный голос со стороны построившихся солдат. — Первый отряд, бегом марш!

Кайлон дико озиралась.

— Проблемы? Проблемы? Солдаты на улицах — это и есть проблема!

Солдаты что-то сделали: только что они были неподвижными, как скалы, и вдруг один отряд рассыпался и стремительно двинулся к парку. Вторая группа, отделившаяся от него, рысцой побежала к деловому кварталу.

Их собственный солдат махнул одному из товарищей и сказал Кайлон:

— Есть немалая вероятность, что мы будем применять оружие, мадам. Извините, но вам нужно уехать!

— Я видел икстранцев! — объявил Нев Арт и так сильно дернул руку, что она чуть было его не потеряла. — Я хочу с ними поговорить!

Второй солдат жестом подозвал такси и открыл дверцу.

— У тебя зоркие глаза, парень, раз ты видел икстранцев, — сказал первый солдат. — Просто запомни, как они выглядели, и садись в такси.

Позади них кто-то прокричал:

— Третий отряд, проверка оружия! — Послышались громкие щелчки и хлопки, а потом: — Зарядить оружие!

Кайлон бросилась назад, почувствовала, что темнолицый солдат поймал ее за руку — но совсем не грубо.

— Успокойтесь... — начал он, но его прервало появление еще одного мужчины, с гораздо более светлой кожей.

Он поклонился ей — и это оказался поклон высокопоставленного служащего, адресованный человеку с неизвестным положением, и проговорил по-лиадийски со странным акцентом:

— Я — командор Хигдон. Прошу пройти сюда. Гражданским лицам следует оставить этот район. Мне не хотелось бы вас задерживать.

Он протянул ей визитку, которую она механически приняла, а в следующую секунду ее уже бережно запихнули в такси. Тем временем ее сын провозглашал:

— Икстранцы и солдаты, а нам нельзя остаться?

Темнолицый солдат вручил шоферу лиадийскую монету в одну дюжинную кантры.

— Отвези их, куда они скажут, но не меньше чем на пять минут езды отсюда. Если останется сдача, отдай ее парнишке.

— Смотри! — крикнул Нев Арт ей в ухо. — Большущие пушки, Таула!

Такси на скорости вошло в поворот, заставив Кайлу завалиться на заднем сиденье, так что она не увидела, куда указывал ее сын. Она села прямо и посмотрела на карточку, которую все еще держала в руке. Такси уже заехало за угол.

«Хвастуны Хигдона», — значилось на визитке на торговом. — Боевые задачи. Охраняем или калечим. Результат гарантирован».

Департамент давно планировал этот день. В центре управления, где открыли главную кнопку, воцарилась атмосфера сдержанного ожидания. Сеть связи была проверена, техники готовы.

Ситуация на расположенных перед ними экранах была ясной: несколько орбитальных станций скоро перейдут под прямое управление Департамента, а тяжелый космический истребитель «Сердце Солсинтры», долго маскировавшийся как грузовой корабль, проходящий капитальный ремонт, уже выходил на орбиту.

В центре управления ждали приказа командира агентов. Когда он придет, одно нажатие главной кнопки переключит систему защиты планеты с космопорта Солсинтры на центр управления Департамента, и центр начнет получать энергию от того самого неотключаемого источника, который питает офисы начальника порта.

Приказ пришел, кнопку нажали. Экраны зажглись, спутники и системы оповещения сообщили о своем местонахождении, состоянии вооружения, положении потенциальных целей...

На пульте управления замигал сигнал тревоги: ничего странного при таком количестве подлетающих кораблей. На дополнительном мониторе в нижнем левом углу загорелись слова «Чрезвычайное положение».

На главных экранах — станции, истребитель, спутники, корабли...

Главный техник выругалась и наклонилась к своему пульту.

На экране не появилось ни одного корабля Корвала. «Исполнения долга» не видно было. Предательская «Награда фортуны» не появилась. Не было координат четырех смертоносных кораблей Корвала с Пустоши...

Но около Третьей станции что-то двигалось.

Главный техник увеличила разрешение, и одновременно ожил комм, заверещавший: «Опасность! Опасность! Враждебные действия на Третьей станции! Девять раненых, один погибший...»

На экране возникло название корабля: «Спасательная шлюпка А» с «Экскаватора Три», Террапорт. Каким-то образом ему удалось вырваться с присоединяемой к Департаменту Третьей станции.

«Опасность!» Опасность!» — вопил земной корабль на всех открытых волнах, подвергая риску сходные операции на остальных орбитальных станциях Лиад.

Одно прикосновение к пульту — и нужный военный спутник найден. Главный техник ввела команду открыть огонь.

Ничего не произошло.

Техник прикоснулась к еще одной кнопке, вызвала дополнительный экран...

Ничего.

— Проверить связь! — бросила она одному помощнику. — Переключить интерфейс! — другому. — Перезагрузка...

Все без толку. Экран упрямо отказывался показывать корабли со знаком Дерева и Дракона. И пульт управления не принимал команды.

Наконец кто-то из помощников вызвал надпись «Чрезвычайное положение», мигавшую на дополнительном мониторе.

«Во время чрезвычайного положения управление системой защиты планеты ложится на капитана или назначенных им лиц. Перед переключением управления на космопорт будет дано минутное предупреждение».

Главный техник перешла на ручное управление и приказала ближайшему спутнику защиты сжечь убегающую спасательную шлюпку пульсолучом.

Ничего не произошло.

— Предупредите «Сердце Солсинтры», — приказала она связисту.

Самая сильная драмлиза планеты стояла в растерянности: она оказалась в коридоре, который вел в закрытые помещения. На руках она держала довольно крупного серого кота. У нее за спиной, привалившись к стене из нержавеющей стали, стоял дрожащий дэа-Гаусс.

Агент тер-Фендил оповестил тех немногочисленных агентов, которые оставались в штаб-квартире. Они разошлись из лазарета веером, систематически обыскивая все помещения, и также включили автоматическую проверку внутренних датчиков, которые были отключены для экономии энергии — что, по иронии судьбы, позволило скрыться тому человеку, который был вино-

вен в потере центральных источников питания. И датчики быстро его обнаружили.

Но не одного. Было ясно, что пленник не смог бы подняться с постели без существенной помощи женщины, державшей кота. Не менее ясно было и то, что, несмотря на ее помощь, его силы стремительно убывают и вскоре закончатся.

Эта женщина оказалась значительно опаснее, чем ожидал командир. Хотя она была одета в изорванные остатки парадного костюма для заседаний Совета Кланов и лицо у нее было в грязи, она оставалась спокойной и внимательной перед лицом немалой опасности в виде трех вооруженных агентов.

Командир решил, что под котом она вполне может прятать пистолет, или бомбу, или всего лишь собственные руки. Само то, что она стояла в этом коридоре, уже свидетельствовало о том, что она обладает достаточными способностями, чтобы пройти мимо уходящих в бой отрядов, не привлекая к себе внимания. Что еще хуже, это означало, что ей удалось миновать тщательно размещенные наружные датчики и что она проскользнула мимо стоящей на страже охраны.

С этим шутить было нельзя, несмотря на то что ее называли мягкой.

Без предупреждения кот зашевелился, бесшумно спрыгнув с рук женщины, и побежал вперед по коридору.

За ним никто не бросился. Животным можно будет заняться позже. Сейчас проблема заключалась в женщине, которая стояла уже без кота, но с пистолетом Разведки в руке — и пистолет этот смотрел прямо в живот командира.

Он чуть наклонил голову, признавая этот факт.

Она ничего не сказала, и пистолет в ее руке не дрогнул.

— Опасность! Опасность! Враждебные действия на Третьей станции!

«Награда фортуны» отыскала источник предостережения и открыла окно на переднем экране, демонстрируя Пат Рину невооруженную спасательную шлюпку, оторвавшуюся от вышеназванной Третьей станции.

— Девять раненых, один погибший... Враждебные действия на Третьей станции! Опасность! Эй, порт!

На связь вышла диспетчерская, называя координаты для аварийной посадки. Пат Рин смотрел, как спасательная шлюпка неловко маневрирует, выполняя указания, и по его экрану пролегла яркая вспышка выстрела лучевого оружия.

— Нет! — вскрикнул он, поспешно включая увеличение.

Но — да. Шлюпка исчезла, оставив за собой полосу немногочисленных обломков. «Награда фортуны» услужливо перестроила окно, прослеживая луч к произведшему выстрел кораблю.

По шифрованному каналу пришел голос Энди Мака:

— Подонок у меня на прицеле, босс.

Пат Рин кивнул.

— Огонь по готовности, полковник.

Теперь первым шел Вал Кон, а Хранитель и Нелирикк следовали за ним. Нижние служебные коридоры были пусты — что не удивляло.

Конечно, командир уже слышал о прибытии «Исполнения долга» на орбиту с включенным оружием и громкими предупреждениями. Из этого он сделает вывод о том, что Вал Кон находится на планете. Будучи человеком смелым, он сочтет это обстоятельство удачей. И если командир сейчас сыграет удачно и бесстрашно, то Департамент может одержать полную победу: уничтожит Клан Корвал и осуществит План.

Их целью был участок со стальными люками, встроенными в стену одного определенного коридора. За этими люками находились кабели, трубы, провода и волокна связи, которые питали штаб-квартиру, соединяли ее с миром и позволяли командиру протягивать свои руки к вселенной.

Впереди коридор, по которому они шли, пересекался с еще одним. Вал Кон сверился со своей мысленной картой и поднял руку. Позади него Хранитель и Нелирикк замерли на месте. Вал Кон двинулся вперед, пригнувшись, прижимаясь к стене, вынимая из кобуры пистолет.

На пересечении коридоров он снял пистолет с предохранителя и прислушался. До его слуха доносилось только гудение системы очистки воздуха, однако чутье говорило ему, что в следующем помещении есть... что-то.

Двигаясь так медленно, что это и движением назвать было нельзя, он наклонился вперед, заглянул за угол...

И посмотрел прямо в пару желтых глаз.

— Мерлин? — чуть слышно выдохнул Вал Кон.

Желтые глаза радостно моргнули, и Мерлин заурчал. Высоко задрав хвост, он прыгнул вперед, потерся об обтянутое кожей колено Вал Кона, а потом важно прошествовал обратно, приостановившись только для того, чтобы оглянуться через плечо и убедиться затем, что Вал Кон за ним наблюдает. Поскольку кот

направлялся в ту сторону, куда им было нужно, они последовали за ним. Торопливо шагая вперед, Хранитель обнажил длинный кристаллический клинок.

Шлюпка исчезла — испарилась.

Мири склонилась над схемой, цедя длинное и замысловатое ругательство. Она получила данные убийцы — некоего «Сердца Солсинтры», корабля, прикинувшегося грузовым, но прицелиться в него не могла. Чтобы стрелять в корабль-убийцу, ей пришлось бы уничтожить один из кораблей разведки, маленький торговец и курьер Хунтавас, что походило на неразумное уничтожение союзников и невинных гражданских.

Новое окно открылось в углу тактического экрана: по крайней мере кто-то держит его на прицеле! Обломки и газ, оставшиеся от спасательной гондолы, ярко вспыхнули — и сам истребитель залило искрящееся сияние. Яркая вспышка — и включились щиты истребителя. Мири смогла определить, кто сделал выстрел: один из четырех кораблей, которые, по заверениям Дживза, были всего лишь экзотическими рудовозами, предназначенными для добычи полезных ископаемых на астероидах.

Новая ослепительная вспышка: щиты истребителя не выдержали, и странный радужный луч корабля рудодобычи прошелся по всему корпусу мишени. Корпус корабля вдруг раздулся, стал раскрываться и превращаться в металлическую плазму, испаряясь под действием луча. На одно мгновение стали ясно видны семь палуб, словно какой-то иллюстратор создал срез медленно вращающегося боевого корабля. А потом в заволакивающем корабль тумане начались вспышки внутренних взрывов, смертоносный луч, способный уничтожить маленькую планетку, мигнул в последний раз...

«Сердце Солсинтры» исчезло.

— Вы, конечно, понимаете, — сказал командир, — что это ненадолго. Нас несколько, а вы одна, и время на нашей стороне. Нам достаточно только дождаться, пока ваш кэандра потеряет сознание...

— Возможно, вы переоценили свое преимущество, — отозвалась Антора йос-Галан, и ее голос был мягким и глуховатым.

— Командир!

Голос адъютанта опередил ее, пока она еще была за углом. Завернув за него, она застыла, потрясенная открывшейся перед ней сценой.

— Докладывайте! — приказал командир.

Она поспешно кивнула, одним глазом следя за женщиной с пистолетом.

— Система защиты планеты перехвачена Кланом Корвал.

Конечно. Командир агентов указал на агента перемен бин-Табора.

— Отдайте приказ, чтобы воздушное звено атаковало Джелаза Казон на малой высоте. Отправить наземный отряд к...

— Не отдавай приказа! — проговорила Антора йос-Галан твердо и негромко.

Агент остался стоять, словно окаменев.

— Я отдал тебе приказ! — рявкнул командир агентов и увидел, что его агент зашевелился. — Вызови воздушные силы и...

— Не шевелись, — сказала Антора йос-Галан, и агент снова застыл.

— Ясно, — бросил командир агентов и поднял свой пистолет.

Впереди были голоса и более ярко освещенный коридор. Мерлин беззаботно шел вперед. Остальной отряд вторжения отошел назад, в обильную тень.

По коридору разнесся топот шагов кого-то, кто явно не был агентом. Они остались в тенях, несмотря на протестующее ворчание Мерлина, но потом осторожно пошли вперед.

— Командир! — произнес кто-то в коридоре, когда они были уже совсем рядом, а раздавшийся в ответ голос заставил Вал Кона ощутить, как у него по спине бегут мурашки.

— Докладывайте!

Слова стали невнятными, и чужаки, приготовив оружие, призраками скользнули к перекрестку коридоров. Вал Кон заглянул за угол и с трудом проглотил возглас ужаса.

Его сестра Антора загнана в тупик двумя агентами и самим командиром, защищая своим телом человека, который мог быть только господином дэа-Гауссом. Но этот господин дэа-Гаусс был каким-то съежившимся и отчаянно больным. Конечно, у нее в руке был пистолет — но ее противники тоже были вооружены. И если все выстрелят одновременно, то даже драмлизе...

Командир поднял пистолет. Агенты сделали то же. Адъютант охнула и обратилась в бегство.

С сумеречного пола прыгнул крупный серый кот. Он повис на руке командира агентов, утягивая пистолет вниз. Пуля со свистом пролетела у уха Вал Кона, а он уже прыгал вперед, поднимая пистолет...

Долгие годы подготовки научили агента тер-Фендила сражаться с противником, который вооружен клинком, пистолетом или даже боевой собакой. Но призрак, атаковавший командира, не имел прецедента в его подготовке — и он не посмел повторить выстрел, опасаясь задеть командира. Он перехватил пистолет, намереваясь ударить тварь...

— Стоять! — крикнула Антора, и ее голос был полон силы. — Не шевелиться!

Вал Кон продолжил движение, выстрелив прямо в лицо агенту. Мерлин с ворчанием вонзил когти глубже в руку командира.

Все остальные вокруг них замерли неподвижно: тер-Фендил с перевернутым пистолетом, Хранитель, поднявший клинок так, словно собираясь его обезглавить, Нелирикк, держащий на прицеле командира...

Командир бился: боль оказалась сильнее приказа не шевелиться. Если не считать ворчания Мерлина, в коридоре воцарилась тишина. Звук упавшего на пол тела дэа-Гаусса был невероятно громким — как и вой сирен и топот бегущих.

Хранитель встряхнулся, опустил клинок и поклонился Анторе.

— Как скажете.

Убийцы не стало: он был уничтожен по его приказу. Уже второй раз в жизни он уничтожил корабль. Пат Рин нажал кнопку, открыв комм-канал между собой и теми, кто поклялся ему служить.

— Хорошая работа, полковник, — спокойно сказал он.

— Спасибо, сэр, — официально отозвался Энди Мак.

— Первоклассная стрельба, — вступила в разговор Дости, чуть опередив слова Бхупендры:

— Это покажет врагу, что нас надо бояться.

— Что, — заявил Чивер Мак-Фарланд, — нельзя назвать безусловным плюсом. — Он помолчал. — На поддержку каких из этих кораблей мы можем рассчитывать, босс? Как насчет танка?

Он имеет в виду «Исполнение долга», и этот вопрос волнует и его собственное сердце и душу. То, что кораблем командует Присцилла Мендоса, первый помощник и давняя возлюбленная Шана, было... тревожно. И в то же время...

Пат Рин наклонился к комму.

— Я попытаюсь это выяснить, мистер Мак-Фарланд. А тем временем окажите мне любезность поговорить от моего имени с Верховным судьей.

— Прямо щас, — ответил Чивер Мак-Фарланд так жизнерадостно, словно ежедневно вел беседы со столь высокопоставленными личностями, и отключил свой комм.

Пат Рин последовал его примеру и секунду сидел неподвижно, сложив перед собой руки и собираясь с духом... Хотя чего ему бояться? Он давно знает Присциллу Мендоса как добрую и великодушную леди. У него нет оснований ее бояться. На самом деле он может быть уверен, что она скажет ему правду — наконец.

Правду.

Он снова протянул руку к пульту и, осторожно прикасаясь к клавишам, включил самый секретный канал Корвала...

— Добрый день, родич!

Жизнерадостный голос Шана ворвался в кабину, такой ясный, словно его кузен сидел в кресле второго пилота. Пат Рин закрыл глаза, вцепившись пальцами в край пульта.

— Добрый день, — отозвался он дрожащим голосом, понимая, что Шан услышит в его ответе слезы, и нисколько этим не смущаясь. — Как поживает клан?

— Так уж случилось, что мы процветаем — тем паче теперь, когда к нам вернулся тот, кого долго не было на связи. Тебе надо будет рассказать мне о своих каникулах... позже. А пока знай, что «Долг» стоит у тебя за спиной, когда ты выступаешь от имени Клана Корвал. О, и отметься у Дживза, ладно?

— У Дживза? — Пат Рин кашлянул. — Да, конечно. Шан...

— Тише, — прервал его кузен, но не грубо. — Мы не можем быть уверены в том, что канал не прослушивается.

— Конечно. — Он осторожно перевел дыхание. — До скорой встречи, кузен.

— До скорой встречи, Пат Рин. Не сходи с курса.

Индикатор связи погас.

— Как у тебя дела, брат? — осведомился Хранитель, стоявший на страже над командиром, который лежал без сознания с поспешно перевязанной рубашкой истерзанной рукой.

Вал Кон быстро освобождал агента тер-Фендила от инструментов его профессии: ножей, пуль с одурманивающими газами, гарроты, капсул, наполненных ядами, хитроумных взрывных устройств размером с пуговицу, бумажника, богатого разрушительными возможностями, сапог, интересного крошечного клинка в носке, различных пистолетов самого разного калибра...

Они спрятались в кабинете командира: такое решение в лучшем случае было сомнительным. В числе преимуществ их поло-

жения входила дверь, не поддававшаяся усилиям разыскивающих, и доступ к файлам, компьютерам и коммам командира. Однако отсутствие пути для легкого бегства было... досадным.

Вал Кон извлек из швов жилета агента тер-Фендила целый набор шпилек и проволок.

— Боюсь, что у нас некий беспорядок, — ответил он Хранителю. — Мы в тылу врага и обременены пленными и ранеными...

Он посмотрел через плечо туда, где Антора вела наблюдение за двумя ранеными: старым мужчиной и древним серым котом, — и снова вернулся к своему занятию.

— В целом было бы лучше, если бы мы просто растворились в ночи...

Словно подчеркивая шутливый характер его пожелания, динамик у потолка сообщил:

— Предупреждение о вторжении посторонних лиц. Несколько посторонних лиц отмечено на седьмом уровне...

— Хватит.

Вал Кон оттолкнул агента к стене в зону бдительного клинка Хранителя и протиснулся мимо Нелирикка, который радостно распаковывал их собственный запас взрывчатых веществ.

Сев за стол командира, он потянулся к комму.

Коды доступа часто менялись, о чем сообщал Контур, который устанавливали каждому агенту. Вал Кон хмуро посмотрел на комм, пытаясь восстановить едва замеченную закономерность, и внезапно и мягко в пространстве у него за глазами, там, где раньше находился дисплей Контура, возник код доступа.

Что-то пошло совсем не так.

У Рен Зела было ощущение, будто он разделился на две независимые, но равные части.

Одна часть видела за пультом на мостике «Исполнения долга», занимаясь деталями управления кораблем, прослушивая различные каналы, где говорилось о беспорядках и ужасе, воцарившихся на ближайших станциях, и самым тщательным образом следя за защитой.

Вторая половина опустилась на колени на холодном металлическом полу рядом с Анторой. Одна ее рука лежала на груди старого и больного мужчины, вторая — на тяжело вздымающемся боку отважного серого кота.

— Что случилось? — спросил он и услышал ее вздох.

— Господину дэа-Гауссу необходим автоврач, и срочно. Мерлин... в него попала пуля. Я не могу... определенно... сказать, на-

сколько серьезно он ранен. Если бы я могла забрать их обоих домой... Я пыталась вызвать Дерево, но ответа нет. Мы заперты здесь.

— Правда? — Он обвел взглядом холодное металлическое помещение, видя золотые линии, которые проходили по ней — яркие и прямые. — Возможно, и нет.

Подняв пальцы над пультом комма, Вал Кон рассматривал код доступа, возникший перед его внутренним взором.

— Брат!

Голос Анторы звучал резко и встревоженно.

Он стремительно обернулся: у него сжалось сердце от страха перед известием о смерти старика... Но нет. Его сестра стояла, выпрямившись во весь рост, и лицо у нее было оживленным и даже радостным.

— Мне нужна помощь, — быстро проговорила она. — Взвали дэа-Гаусса мне на спину, и я отнесу его в Джелаза Казон.

Он моргнул. Конечно, Антора была сильной волшебницей, но...

— Ты пойдешь сквозь стены? — спросил он.

Она кивнула:

— Да. Помоги мне.

В конце концов им пришлось попросить Нелирикка бережно поднять дэа-Гаусса Анторе на спину. Вал Кон связал запястья старика у нее на груди, а потом куском запального шнура обвязал их вокруг талии.

— Если я смогу вернуться, то так и сделаю, — проговорила она, задыхаясь от непривычной ноши. — Мерлин...

— Если ты доберешься до безопасного места, ты там останешься, — твердо сказал Вал Кон. — Мы позаботимся о Мерлине — и о себе.

Он отступил назад, жестом приказав Нелирикку сделать то же.

— Если можешь идти, то сейчас самое время, — негромко добавил он.

— Да.

Двигаясь медленно и неловко под своей ношей, она направилась прямо к стене.

Вспыхнул золотистый свет, на секунду металл превратился в туман — а потом Антора с господином дэа-Гауссом исчезла.

— Кровь Джелы творит немало чудес, — заметил Нелирикк и снова принялся распаковывать взрывчатку.

Спустя секунду Вал Кон вернулся к комму и ввел в него код, который был ему дан.

Индикатор прибора переключился с красного на зеленый. Едва смея дышать, Вал Кон ввел код личного канала Дживза.

— Джелаза Казон.

Вал Кон опустился в кресло командира.

— Говорит Корвал, — произнес он совершенно твердо, хотя сердце у него глупо трепыхалось. — Прошу установить мою личность. И прошу проследить, откуда исходит мой вызов. Дай знать Мири, что мы целы, на свободе, но... не можем перемещаться. Опиши мне обстановку.

— Личность установлена. Мири будет сказано. Выполняю. Насколько широкое описание?

— Полное.

Небольшая пауза.

— Система защиты планеты наша, — сказал Дживз. — Мы контролируем околопланетное пространство. Один из кораблей лорда Пат Рина уничтожил военный корабль Департамента. Корабль «Исполнение долга» вынужден играть роль поддерживающей силы и связного. Силы Разведки и Хунтавас готовы подчиняться приказам Дерева и Дракона, если необходимо будет действовать.

— Извини, Дживз, — силы лорда Пат Рина?

— Да. Весьма изящный отряд кораблей под символом Дерева и Дракона: идеально подходит для незаметной блокады планеты, подавления восстания или осады. Их действия идеально согласованы и выполняются умелыми пилотами.

«Да неужели? И откуда у Пат Рина такие корабли?»

Вал Кон повел плечами, отбрасывая эти вопросы ради более насущных.

— А что на планете? — спросил он у Дживза.

— На большей части планеты спокойно. Начальник космопорта Солсинтры объявила о временном прекращении полетов — и, кстати, предупредила капитана Мендоса, что она может лишиться своей лицензии. В самой Солсинтре неспокойно. В некоторых местах начались волнения, и мы наблюдаем перемещения противника в нижнем порту. «Хвастуны Хигдона» действуют в вашем районе и в космопорте. Здесь мы выдержали несколько попыток проникновения и предвидим... Прошу прощения — работаю.

В дальнем конце комнаты Хранитель шевельнулся — и блеснул его клинок. Раздался скрежет металла — это кристалл разрезал металлический пол.

— Брат, он задействовал устройство!

Рука командира по-прежнему была замотана рубашкой. Нелирикк метнулся к нему и сдернул покров, заставил разжаться стиснутые пальцы...

— Разведчик!

Он бросил Вал Кону какой-то предмет. Поймав его, Вал Кон увидел короткий толстый стержень, поверхность которого была утыкана крошечными кнопочками и рычажками...

Агент тер-Фендил прижался к стене, в ужасе воззрившись на командира.

— Вы отдали им приказ. Но...

— Работаю! — из комма донесся голос Дживза. — Внимание! Отмечено, что эмиссия нейтрино на Лиад повысилась в шестьдесят тысяч раз. Триангуляция определила источник в том месте, где находитесь вы. Предлагаю немедленно эвакуировать весь персонал.

Нелирикк поднял командира, схватив его за шкирку, и начал трясти, как собака — крысу.

— Говори!

Командир молчал.

— Уровень нейтринного потока соответствует старомодным бронеустановкам с тимониевыми двигателями.

— Брат, — проговорил Хранитель, — пришло в движение нечто очень мощное. Оно движется странно...

Он повернулся и приложил свою трехпалую руку к стене.

— Оно приближается...

На станциях шли бои, на улицах шли бои. Доклады о положении дел поступали постоянно, так что Мири стало казаться, будто она вот-вот утонет в деталях.

Базу Департамента в коммерческом районе Солсинтры захватила разъяренная толпа, которую, как она сильно подозревала, возглавили разведчики. Победа улыбнулась достойным — если, конечно, не считать погибших гражданских лиц.

Ближе к порту новости были не такими хорошими. Там толпу оттеснили — и с большими потерями. Сообщалось, что там идет перегруппировка.

Проблемы вызывал Нижний порт: там произошло несколько непредвиденных взрывов. Там тоже находились разведчики, которые пытались организовать эвакуацию.

Стена книг слева от нее вдруг замерцала и стала туманной — совершенно так же, как при включении стайного двигателя.

Мири моргнула и привстала из кресла. Она была настолько усталой, что даже не выругалась из-за боли в руке.

Книги снова сгустились, и она вдруг оказалась не одна. Темноволосая женщина, к спине которой был привязан какой-то старик, стояла перед книжными стеллажами. Ее шатало.

— Помогите! — сказала она.

За стеной что-то грохнуло — один раз и второй.

— Автономные полуразумные полицейские системы, — говорил Дживз, — или АППС. Их несколько раз размещали на дальних планетах — и по большей части с катастрофическими результатами, что вызвало публичные требования отказаться от применения подобных технологий против гражданских лиц. Один раз я был придан в качестве поддержки, а затем возглавлял проведение военной операции по уничтожению планеты от таких устройств... Около семнадцати миллионов погибших в результате неверного развертывания...

— Вы должны опередить противника, иначе они разрушат все! — сказал агент тер-Фендил.

Шатаясь, он поднялся на ноги, не обращая внимания на Хранителя и его клинок. Не смотрел он и на командира, который вдруг оказался на ногах, а в здоровой руке у него возник простой клинок, направленный прямо в незащищенную спину...

Тер-Фендил обернулся со стремительностью агента, отбил нож в сторону, сблизился и извернулся, воспользовался инерцией противника...

Шея командира сломалась с громким щелчком. Агент тер-Фендил уронил его тело и отпрянул, выпучив глаза.

— ...ни при каких обстоятельствах не привлекайте к себе внимания... — говорил Дживз, перекрывая звяканье в коридоре.

Вал Кон включил экран, вывел изображение датчиков из коридора — и резко втянул в себя воздух.

Коридор блокировали объекты — четыре объекта. Каждый был размером с Точильщика, был изготовлен из сплошного зеленого металла и имел на себе крупную земную цифру. Вал Кон увидел цифры 1, 3, 15...

— ...выброс энергии точно совпадает с полностью работоспособной установкой АППС... — продолжал голос из комм-установки.

— Дживз, я подтверждаю наличие такой установки. Варианты?

— Немедленная эвакуация. Широкое использование взрывчатых веществ замедляет их продвижение. Самый эффективный

способ сопротивления, не считая полного распыления, состоит в размещении препятствий на их пути или сбрасывания на них предметов... После мобилизации они действуют методично, если не запускается их программа самозащиты...

— Пульт управления. — Агент тер-Фендил стоял рядом с ним. — Они уничтожат всю планету. Дайте мне пульт.

Вал Кон посмотрел на него — и увидел во взгляде агента искренний страх.

— Их можно отключить?

— У них есть состояние покоя, да.

Из коридора за дверью слышались вопли и звуки ломающихся материалов.

Вал Кон передал агенту жезл управления.

Старого джентльмена поместили в капсулу автоврача. Мири прислонилась к установке, ощущая в костях какое-то гудение: наверное, это работал автоврач, хотя ей не положено было бы вообще это замечать.

Всего в шаге от нее Антора йос-Галан бессильно обвисла в массивном кресле. Глаза у нее были закрыты, и она чуть слышным голосом выполняла просьбу Мири ввести ее в курс дела.

У нее это хорошо получалось: она говорила только о главном и не тратила слов даром, и Мири совсем не нравилось то, что она услышала.

— Их окружили, — заявила она, подводя итог сказанному, после того как тихий и логичный голос смолк. — И они оказались в ловушке. — Она закусила губу. — Мы можем их освободить, но нам понадобятся координаты того помещения. Как ты думаешь, ты не смогла бы поработать с Дживзом и разобраться с этим?

Антора покачала головой.

— По дороге туда мне дорогу обеспечило Дерево. А выход мне показал Рен Зел.

Так. Гудение автоврача действовало Мири на нервы. Она встала прямо и посмотрела на девчонку в кресле, до отвращения недовольная тем, о чем собирается попросить.

— Значит, ты можешь сделать так, чтобы Дерево открыло нам дорогу обратно, так? Но на этот раз мы снабдим тебя маячком и...

Антора открыла глаза. Они были голубовато-серебристыми, как у Шана, широко расставленными и мечтательными — в отличие от Шана.

— Вал Кон сказал, что если я доберусь до безопасного места, то там и должна остаться.

Мири вздохнула.

— Угу, конечно. Вал Кон часто говорит глупости, особенно когда дело касается того, что могут пострадать те, кого он любит. Считает, что такой крепкий, что может взять на себя и те удары, которые предназначаются нам. А еще считает себя таким быстрым, что сможет убежать от большинства неприятностей. Иногда он бывает прав. Иногда ему везет. На этот раз ему нужна помощь. Это мы.

— Ты не понимаешь, — отозвалась Антора. — Вал Кон сказал, чтобы я оставалась в безопасном месте, если до него доберусь. Я не могу вернуться.

Мири закрыла глаза, досчитала до десяти и сделала новую попытку.

— Вал Кон — половинка одного хорошего Делма. — Она запустила руку за воротник и извлекла Кольцо на тесемке, продемонстрировав его девчушке. — А я — вторая половинка. Я могу сделать это приказом, если надо.

Антора покачала головой.

— Ты не понимаешь, — повторила она. — Вал Кон... Мне Запрещено. У него есть способность. Я НЕ МОГУ вернуться.

— Я только что видела, как ты прошла сквозь стену... — начала было Мири и заморгала: всевозможные воспоминания подростка, которым была вовсе не она сама, четко развернулись перед ее внутренним взором.

— Ты говоришь о способностях драмлиз, — сказала она, глядя в мягкое серебро глаз Анторы. — Он может запретить тебе и сделать так, что ты послушаешься.

— Он может проделать это и с Присциллой, — услужливо сообщила Антора.

— Великолепно, — проворчала Мири, думая про себя, что если во вселенной и существует человек, который действует на драмлиз как тормоз, то, конечно же, им должен был оказаться...

— Мири! — Голос Дживза раздался из установленных в помещении динамиков. — Вы нужны в центре управления. Развивается некая ситуация.

Последний заряд был заложен. Таймер включился.

Вал Кон спрыгнул из люка для ремонта вниз, на пол, и начал мысленный отсчет.

Шесть минут до взрыва зарядов, который завалит АППС обломками. Три минуты от этого места до пункта встречи. Две минуты до поверхности.

Времени масса.

— Лорд Пат Рин, вы безупречно пунктуальны, сударь, — проговорил Дживз.

Пат Рин подумал, что в силу какой-то странной особенности трансляции голос дворецкого йос-Галанов звучит взволнованно.

— У нас ситуация. Будьте любезны находиться в готовности, пока я удостоверюсь...

Наступила тишина, хотя связь оставалась надежной. Пат Рин заставил себя проявить терпение, которое очень быстро было вознаграждено.

— Работаю, — объявил Дживз. — Вы должны знать, что управление системой защиты планеты в настоящий чрезвычайный момент находится в руках капитана.

Пат Рин почти улыбнулся.

— О, вот как? Это определенно облегчит дело, если у нас появится необходимость вести огонь по планете. Однако...

— Совершенно верно, — заявил робот, бесцеремонно перебив его. — Именно вопросом ведения огня по планете и необходимо сейчас заняться. Характер флота, который вы сочли нужным развернуть, диктует вашу задачу. Вскоре понадобится обстрелять центр Солсинтры. Координаты и расстояния в ближайшее время будут вам предоставлены.

Понадобится обстрелять Солсинтру? Пат Рин закрыл глаза. Конечно, он знал, что может возникнуть необходимость стрелять по родной планете — иначе зачем он привел с собой истребители? Но, если говорить правду, он возлагал свои надежды на Совет Кланов, рассчитывая, что громкие требования сведения счетов заставят Департамент Внутренних Дел выйти на поверхность, после чего к нему можно будет применять меры, рассчитанные на любого нарушителя Кодекса.

— Лорд Пат Рин?

— Минуту, — с трудом выговорил он, поднимая руку в жесте, которого робот не мог увидеть. — Дживз, насколько важно, чтобы мы сейчас стреляли по Солсинтре? Совет не имел времени высказаться, а Департамент Внутренних Дел — дать ответ...

— Департамент дал ответ, — сказал Дживз. — Некие сообщения разведки, подкрепленные прямыми наблюдениями сторон, внушающих доверие, указывают на то, что Департамент

Внутренних Дел задействовал оружие на тимониевом питании, которое способно подавить все, что Лиад способна будет выставить против него на поверхности. Система защиты планеты по своей сути не способна атаковать цель, расположенную на планете.

Наступило молчание, а потом Дживз поспешно продолжил:

— По моим оценкам, неспособность уничтожить это оружие в самое ближайшее время приведет к катастрофе планетарного масштаба. Создается реальная необходимость открыть огонь по планете и разрушить часть города, чтобы сохранить большую часть. Ваши корабли исключительно хорошо приспособлены для выполнения этой задачи. Например, «Исполнение долга» может использовать только широкий луч, гораздо более разрушительный, чем те откалиброванные установки для резания, которыми оснащен ваш флот.

— Но в городе же люди! — рявкнул Пат Рин.

— Это так. Дан сигнал эвакуации. Я рассчитываю в ближайшее время получить подтверждение от отрядов. Тем временем принимаются меры к тому, чтобы ограничить перемещение целей.

Еще одна пауза, а потом робот добавил с сочувствием, которого, конечно же, не мог испытывать:

— Мы намерены разрушить по возможности малый район. Однако мы не имеем права ошибиться, применив слишком малое воздействие. Люди погибнут, несмотря на призыв к эвакуации и все усилия отрядов. Но еще больше людей погибнет, если враг не будет уничтожен.

Пат Рин склонил голову.

— Я понимаю. Мне нужны данные.

— Ввожу, — мгновенно откликнулся Дживз.

Рядовой Диглон терпеливо ждал появления следующей цели. К этому моменту он сделал семь выстрелов из легкой винтовки, позаимствованной у отряда командора Кармоди. Он был уверен в пяти попаданиях.

Рядом с ним командор Зови-Меня-Лиз Лизарди негромко говорила в комм. Его обязанностью было охранять ее и следить, чтобы не было прорывов из двери, которая к этому моменту уже была совершенно разбита и завалена трупами.

Они заняли превосходную позицию: когда они вставали, прикрытием им служил большой каменный монумент, а когда они

вели прицельный огонь, их прикрывала каменная стена, наполовину утонувшая в земле...

Хэзенталл Исследователь стреляла не так много, как он, но, возможно, более метко. Командор приказала им экономить боеприпасы и быть готовыми действовать в арьергарде вместе с такими, как она, чьи подвиги наверняка уже были записаны в книгах и мирах навечно, каковой судьбе может радоваться любой солдат.

Снова чуть дрогнула земля, а потом вибрация стала более длительной. Он прислонился к монументу, ощущая лицом камень — и... была встряска, словно...

— Исследователь! — громко сказал он. — Здесь что-то происходит!

Хэзенталл жестом показала, что слышит, дала командору знать, что перемещается к нему...

— Дотронься! — прошептал он ей, прикладывая пальцы к камню. — Тяжелая техника!

Она изумленно взглянула на него, сама потрогала камень, потом прижалась к нему ухом.

Совсем рядом вдруг раздался скрежет, и она отпрянула назад, оттащив за собой Диглона.

Стык между камнями сотрясся, щелкнул, покачнулся — и бесшумно провалился в глубь монумента, открыв металлическую стену. Почти сразу же стена отъехала в сторону, и оттуда вырвались клубы дыма, несшие с собой запах... кажется, горелого мяса. Из монумента вышли разведчик, Нелирикк Исследователь и еще один, с кровью на щеке — толкая Достопочтенного, ведя его на свет...

Разведчик прижимал к груди что-то драгоценное, а в свободной руке держал пистолет, готовый к стрельбе. Он огляделся, встретился взглядом с Диглоном, улыбнулся и сунул ему в руки серый меховой шар, сказав на солдатском:

— Храни этого героя от бед. Отходим, отходим!

А потом он исчез, снова бросившись к монументу. Наклонившись, он отрегулировал что-то невидимое. Снова повторились те же звяканье и скрежет. Дверь закрылась, и монумент принял свой прежний вид.

— Медик! Медик! — закричала командор Лиз и сделала ему знак, который он выучил совсем недавно: «быстрый марш в ту сторону»...

Тут они все побежали, прочь от монумента и уличного боя, а потом земля зарокотала и сшибла их с ног, монумент закачался, и

из него в бледно-зеленое небо вырвались огромные струи дыма и пламени.

Ветер был довольно сильным и дул от центра города, а значит, и от Джелаза Казон и долины Корвала.

— ...даже не рассчитаны на работу в атмосфере... дьявол, но вы только взгляните!

Это Энди Мак бормотал во всеуслышание себе под нос.

Все остальные — включая обычно неукротимого Чивера Мак-Фарланда — оставались безмолвными, как ковровые клещи, наблюдая каждый на своем экране результаты своих трудов. Начались пожары: не всю Солсинтру удалось оставить нетронутой, какую бы точную наводку Дживз им ни дал, — и от города относило черную струю сажи и пепла. Уже заметна стала темнота, которая не была тенью: это самые тяжелые частицы выпадали чем-то вроде невулканической пемзы.

Пат Рин поспешно переключил обзор. Не весь дым над городом был порожден их нападением. Части Нижнего и Среднего портов были охвачены огнем, и сообщения о вспышках насилия приходили из других мест. Самодельный комм начальника порта требовал объяснений, требовал возвращения управления планетарной защитой, требовал, чтобы отряды наемников покинули планету, требовал, чтобы Корвал сложил оружие...

Это последнее вызвало взрыв смеха у нескольких членов его отряда, а затем Дживз снова попросил их сосредоточиться на выполнении текущей задачи, и они сделали, как надеялся Пат Рин, последний залп по городу, который он называл родиной.

Теперь Дживз передавал им несколько картинок мишени. Лучи, рассчитанные на то, чтобы резать и отслаивать, сделали именно это: одновременно вырвавшись из четырех рудодобывающих кораблей, они пронзили атмосферу Лиад, и каждый прорезал собственную сторону квадрата, центром которого был зеленый парк, а потом пошли крест-накрест к центру. Первая струя белого дыма быстро сменилась плотным вихрем, полным пепла, а затем погруженная глубоко в почву область вскрылась и там произошли взрывы...

А Дживз тем временем продолжал говорить, спокойно давая указания и проводя корректировку лучей, пока наконец, на счастье или нет, все было кончено.

И теперь, с высоты, Пат Рин ясно видел терминатор на планете: его корабль входил на ночную сторону. Скоро на Солсинтру опустится ночь. Он гадал, сможет ли там кто-нибудь заснуть.

День 56-й
1393 год по Стандартному календарю
Солсинтра
Лиад

— Мистер Мак-Фарланд, я благодарю вас за заботу, но мне не нужен телохранитель в самом центре Солсинтры!

Огромный землянин вздохнул.

— Босс, думайте головой. Корабли под вашим командованием совсем недавно стреляли по планете. — Он поднял руку. — Да, мы сделали это по веской причине и скорее всего спасли множеству людей их шкуры, если не дома. И мы можем не сомневаться в том, что при эвакуации кого-то оставили. Вероятно, больше, чем пару человек. И на планете осталась огромная оплавленная дыра в том месте, где мы превратили роботов в пар. И все это говорит мне, что найдутся такие, кто будет очень даже не рад вас видеть.

Пат Рин закрыл глаза, мысленно соглашаясь с пилотом. К тому же не подобает лишать Делма чести подобающим образом наказать провинившееся дитя Корвала Пат Рина, позволив себя убить раньше времени.

— И потом, — добавил Чивер, — Натеза на мне живого места не оставит, если я допущу, чтобы с вами что-то случилось.

Натеза!

— Ваши соображения приняты, мистер Мак-Фарланд.

Он открыл глаза, проверил пистолет в потайном кармане, аккуратно одернул куртку... и застыл, сжимая пальцами кожаную полу.

«Куртка, — подумал он. — Это куртка. Перед Корвалом! Пат Рин йос-Фелиум, ты глупец».

— Босс?

Он огладил рукава, изображая мелочное внимание аристократа к собственному костюму, выгадывая время. Ему нужно было всего несколько секунд — достаточно, чтобы сердце перестало так колотиться, а лицо снова выражало подобающее холодное спокойствие. В конце концов, что значит куртка пилота, когда на нем уже надето кольцо?

— Мне что-то надо знать? — спросил Чивер Мак-Фарланд.

Закончив с курткой, он посмотрел в лицо своему клятвенному вассалу и прочел в его решительных чертах тревогу и... заботу.

Боги, когда же лицо Чивера Мак-Фарланда стало ему так же дорого, как родные лица?

Он наклонил голову.

— Да, вам надо кое-что знать, — ответил он подчеркнуто холодно. — Когда мы будем находиться в присутствии моего кузена Вал Кона, вы забудете о том, что вооружены. Вы не будете возражать ни против чего, что может происходить, пока мы с ним будем... разговаривать. — Он пристально посмотрел в глаза землянину. — Я не стану оскорблять вас, требуя, чтобы вы поклялись мне в том. Я просто напомню вам, что я... босс. Это понятно?

Лицо Чивера напряглось, но он достаточно спокойно ответил:

— Да, сэр.

— Хорошо, — пробормотал Пат Рин.

Глядя, как Пат Рин кланяется юному пареньку от Бинджали, который выиграл короткий поединок за право исполнить роль таксиста, Чивер Мак-Фарланд решил, что их ждет что-то очень нехорошее, и повернулся, чтобы посмотреть на здание, в котором Вал Кон йос-Фелиум устроил временную штаб-квартиру.

Хрупкие плечи под кожаной курткой поднялись и опустились, а в следующую секунду Пат Рина на месте уже не было: он ровным шагом двигался по улице, держа голову высоко, а спину — очень прямо. Тихо чертыхаясь, Чивер направился следом за ним.

У двери стояли два солдата, мужчина и женщина, оба такие же массивные, как сам Чивер. Мужчина поставил винтовку поперек двери, преграждая им путь.

— Имя есть? — спросила женщина, чей торговый был окрашен акцентом, который Чивер опознать не смог. — Дело есть?

— Мое имя — Пат Рин йос-Фелиум Клан Корвал. Я пришел, чтобы поговорить со своим родичем Вал Коном йос-Фелиумом о делах клана.

— Ха!

Она щелкнула пальцами, винтовка отодвинулась в сторону — и Пат Рин прошел в дом в сопровождении Чивера Мак-Фарланда.

Они прошли по короткому коридору, ориентируясь на звуки голосов, доносившихся из комнаты, наполненной людьми и аппаратурой. Пат Рин приостановился на пороге — возможно, чтобы обвести взглядом толпу. Женщина в рабочем кожаном костюме протиснулась мимо него и побежала по коридору. Однако Пат Рин остался стоять, словно не заметил, что его толкнули.

А потом он вдруг пришел в движение и решительно направился через комнату к группе людей в кожаных костюмах, мундирах и пестрых облачениях Нижнего порта. Темноволосый мужчина в рабочем кожаном костюме повернул голову, что-то быстро сказал остальным и шагнул вперед, протягивая руки. Улыбка зажглась на лице настолько знакомом, что Чиверу пришлось тряхнуть головой и вглядеться пристальнее. А к этому моменту Пат Рин уже стоял на коленях перед более юной версией самого себя, прижавшись лбом к полу и подставив открытую хрупкую шею.

В комнате, полной людей, началось какое-то движение. Вал Кон посмотрел в ту сторону и увидел, что к нему приближаются два пилота: лиадиец шел очень целенаправленно, а землянин...

— Секунду, — быстро сказал он группе разведчиков и пошел навстречу, приветственно протягивая руки.

— Кузен, в добрый час!

Пат Рин упал на колени, пригнув лицо к полу. Позади него землянин резко затормозил, и на его лице отразилось откровенное потрясение.

Вал Кон посмотрел на открытую шею, на волнистые темные волосы, отросшие на несколько пальцев длиннее, чем было привычным прежде, на гладкую, без изъянов кожу куртки прыжкового пилота...

— Уже страшно, — пробормотал он и начал наклоняться к Пат Рину, но замер, ощутив, как вздрогнул великан-землянин.

Подняв глаза, он встретился со взглядом незнакомца:

— Я не причиню ему вреда.

Землянин отрывисто кивнул:

— Понял.

Вал Кон осторожно нагнулся и положил руку на ссутулившееся плечо. Мышцы были каменно напряженными.

— Полно, кузен, — мягко проговорил он. — Лучше скажи мне все.

Молчание. А потом Пат Рин медленно выпрямился. Вал Кон легко опустился на одно колено, чтобы они оказались на одном уровне. Он заметил, что Пат Рин похудел. Лицо у него было обветренным, словно он слишком много времени проводил на холоде, а вокруг рта и глаз пролегли новые морщины.

— Моя спутница жизни и клятвенный вассал ни в чем не повинны, — проговорил он тоном, предписанным для обращения провинившегося к своему Делму. — Я беру на себя все.

— Еще страшнее, — ответил Вал Кон жизнерадостно и неспешно, намеренно не переходя с низкого лиадийского. — Прошу немедленно изложить те ужасные преступления, в которых они не виновны.

Пат Рин поднял левую руку, на которой сверкало Кольцо Кор... Нет.

— А, ясно. И очень недурно сделано. Хотя им следовало быть внимательнее с изумрудами.

На лице промелькнула тень улыбки.

— Вот именно.

Улыбка померкла, и он снова пошевелил рукой: свет пролился по чешуйкам дракона и листьям.

— Использовав его, я подчинил своим потребностям планету. Я заключил союз с Хунтавас. Я давал обещания от имени Корвала. Я привел в движение... некие процессы...

— Как известно всем нам, видевшим чудеса, творимые этими процессами. Хорошо. И твоей целью было — что? Узурпация главенства в Клане Корвал?

Пат Рин содрогнулся и закрыл глаза.

— Они пришли ко мне, — прошептал он, и его лицо и голос стали мрачными. — Они пришли и сказали: «Вся твоя родня погибла». Они назвали меня Главой Корвала. Они думали, что я буду благодарен им за заботу о моих интересах — и что я буду представлять их в Совете.

— Они были очень глупы, — мягко отозвался Вал Кон. — Это произошло на Теристе? А куда ты отправился потом?

Карие глаза снова открылись.

— Сначала на базу Хунтавас. Затем — на Базар, покупать товар. И наконец, на Пустошь, где я стал боссом и... и начал сводить счеты... — На его лице снова появилась улыбка, на этот раз чуть более яркая. — Помимо других необходимых дел.

— А! — Вал Кон наклонил голову набок. — И это те преступления, в которых виновен ты один?

Пат Рин вздохнул.

— Не сомневаюсь, что есть и другие. Например, приходит в голову то, что я выдавал себя за пилота.

— Командор? — окликнул кто-то сзади. — Пришло сообщение из Нижнего порта.

Вал Кон оглянулся.

— Секунду.

Он поднял руку и крепко сжал плечо Пат Рина.

— Долг, — проговорил он. — Быстро скажи мне имя твоей спутницы жизни.

— Инас Бхар, — тихо ответил Пат Рин, — называемая Судьей сектора Хунтавас Натезой Убийцей.

Вал Кон улыбнулся.

— Клан растет. — Он встал, заставляя подняться своего кузена, и обнял его, прижавшись щекой к его щеке. — Подожди, — проговорил он тихо. — Мы поедем домой вместе.

День 59-й
1393 год по Стандартному календарю
Солсинтра
Лиад

Мири решила, что Председатель Совета наслаждается спектаклем. Но, если подумать, она и сама чувствовала бы себя гораздо лучше, если бы сидела за высоким столом с красивым серебряным колокольчиком, в который можно звонить, когда вздумается, а рядом с ней стояла бы чашка с любимым напитком.

К сожалению, Защищающиеся Перед Советом обязаны были стоять внизу, лицом к платным местам, поднимающимся до потолка, а высокий стол Председателя находился позади них. Сама Мири всю эту обстановку воспринимала как фокус, рассчитанный на то, чтобы заставить Защищающихся чувствовать себя как можно более униженными и недостойными. Однако она испытывала в основном раздражение, да и от Вал Кона исходили волны отнюдь не смирения.

— Корвал призвали предстать перед Советом, чтобы ответить за следующие преступления перед родной планетой, — проговорила Председатель у них за спиной — и с возвышения.

— Высадка в космопорте Солсинтры враждебных военных отрядов, состоящих из солдат землян и икстранцев.

Ведение военных действий против Лиад.

Захват системы планетарной защиты.

Ведения огня по планете.

Она сделала красивую долгую паузу, позволяя собравшимся Делмам вдоволь на них насмотреться. Мири быстро прошлась по Радуге и почувствовала, как расслабляется ее плечо под церемониальным костюмом Делма. От Вал Кона пришла короткая волна тепла, словно он быстро поцеловал ее в щеку.

— Ответ Корвала, данный этому Совету, упоминает контракт, заключенный между капитаном Кантрой йос-Фелиум из Клана Торвин и Объединенными домами планеты Солсинтра. В частности, Совету было предложено сосредоточить свое внимание на статьях, в которых говорится о долге капитана перед пассажирами, обязанностях, возложенных на последующих капитанов, и времени действия договора.

Корвал утверждает, что этот контракт, заключенный перед бегством с Солсинтры, остается в силе в соответствии с условиями прекращения его действия. Корвал приводит в качестве доказательства тот факт, что в год 1061 по Стандартному календарю имело место обращение к Суду капитана, каковой суд был совершен Делмом Корвала в ее меланти в качестве Генетического капитана в этом самом зале.

Пауза и тихое звяканье. Мири мысленно вздохнула. Сейчас было бы приятно выпить чая. Особенно если бы это можно было сделать на кухне Джелаза Казон.

Еще одно позвякивание: это Председатель поставила чашку на место.

— Корвал утверждает, что его «контракт найма» возлагает на него груз обязанности защищать жителей планеты Лиад, которых представители Корвала имеют удовольствие именовать «пассажирами».

Корвал предоставляет доказательства существования и преступлений организации, называющей себя Департаментом Внутренних Дел. Список лиц, якобы насильственно завербованных или убитых этой организацией, особенно замечателен тем, что в него включено немало имен тех лиц, убийство которых вменялось Корвалу.

Заключение Корвала и его окончательный ответ этому Совету заключается в том, что Генетический капитан, уверившись в смертельной опасности, которую представлял для пассажиров Департамент Внутренних Дел, действовал так, чтобы устранить эту опасность. В интересах Лиад.

Мири решила, что, судя по всему, Председателя не слишком впечатлили тщательные компиляции и свидетельства, составленные Новой.

— Я должна с некоторым удивлением отметить, что различные организации и лица выразили желание, действуя на стороне Корвала, предоставить сводки и компиляции фактов, или уже внесли такие сводки и компиляции, в количестве, достаточном для того, чтобы заполнить несколько торговых складов. Эти орга-

низации и лица по большей части имеют явные, хорошо известные и не прекращенные на настоящий момент отношения с Кланом Корвал. Я упомяну некоторые из них: это Разведка Лиад, Гильдия бухгалтеров, Гильдия пилотов, Солсинтрское общество любителей кошек, Солсинтрское объединение таксомоторов и перевозчиков, Гараж и ремонтные мастерские Биндjали, — в ее голосе послышалось явное осуждение, — ...Хунтавас.

Тут по залу пробежал ропот, а Мири выгнула брови на манер Вал Кона и посмотрела на него. Он ответно поднял брови.

«Робертсон, — сказала она себе, — ты относишься ко всему этому недостаточно серьезно...»

— Также, — продолжила Председатель, — среди них Университет, Защитники Кодекса, Малая ассоциация фестивалей, Спортивные клубы Тэй Дора... Список очень длинный и будет приложен к нашему решению, которое будет вывешено на дверях Зала и опубликовано, как того требуют правила, с рассылкой копий всем основным сторонам. Учитывая серьезность и характер обвинений, связанный с проблемами времени, Совет принял решение не вводить эти материалы в процесс слушаний. Мы благодарим всех, кто предложил нам помощь.

«Судья, настроенная на смертный приговор! — подумала Мири. — И ей не хочется, чтобы ее сбивали факты».

Пауза — и громкий стук чашки, поставленной слишком близко к микрофону.

— Совет сейчас вынесет свое решение. Вызывается Хедрид.

В пятом ряду зашевелились, зашуршали — и, наконец, там поднялся мужчина, облаченный, как и они, в официальный костюм Делма. Он поклонился в сторону Председателя.

— Как, несомненно, помнит Корвал, — проговорил он голосом, который теплотой мог поспорить с зимним утром на Пустоши, — Дом Хедрид был среди тех, кто подписал контракт с капитаном Кантрой йос-Фелиум.

— Корвал помнит, — отозвался стоящий рядом с ней Вал Кон.

— Память Дракона, — громко произнес кто-то под самым потолком, — сомнению не подвергается.

По залу пронесся смех и согласный ропот.

— Мицел нарушает порядок! — рявкнула Председатель. — Почтенный Хедрид, прошу продолжить.

Тот наклонил голову.

— Совет Кланов счел Корвал виновным, — холодно проговорил тот. — Контракт между капитаном йос-Фелиум и домами Солсинтры никогда не был рассчитан на столь большую продол-

жительность и на такую ответственность одного клана. Предприняв вышеупомянутые действия против так называемого Департамента Внутренних Дел, Корвал совершил проступок, навлекший на планету опасность и беды.

Он помолчал, возможно, ожидая какого-то ответа от стоящих перед Советом. Мири хранила достойное молчание. Рядом с ней Вал Кон чуть наклонил голову в вежливом приглашении продолжать.

— Совет Кланов постановил, — напыщенно продолжил Хедрид, — что совершил ошибку. Ошибка эта заключается в том, что Совет не позаботился о прекращении вышеупомянутого контракта в соответствии с его статьями, тем самым не сняв с Корвала груз капитанской ответственности.

Он поклонился как наниматель служащему.

— Совет Кланов как преемник Объединенных домов Солсинтры настоящим прерывает, закрывает и объявляет выполненным контракт найма, заключенный между Кантрой йос-Фелиум Клан Торвин, капитаном-владельцем звездного корабля «Быстрое исполнение» и Объединенными домами Солсинтры.

От Вал Кона она получила вспышку радости, такой яркой и чистой, что у нее перехватило дыхание.

— Корвал вас слышит, — произнес он с должным спокойствием.

— Это также означает, — заявил Хедрид (похоже, несколько раздраженно), — что защита Лиад больше не лежит на Корвале и назначенных им лицах. Мы требуем своевременной передачи системы защиты облеченному данными обязанностями начальнику порта. — Хедрид оторвал взгляд от документа, который он зачитывал. — Это ясно?

— Во избежание возможного конфликта интересов при входе в этот зал Корвал передал контроль системы защиты командиру лиадийских разведчиков, — негромко ответил Вал Кон. — Я не сомневаюсь в том, что начальник порта сумеет осуществить планомерную передачу.

По залу разнесся дружный вздох.

— Совет Кланов принял решение, что Клан Корвал представляет собой активную угрозу спокойствию и безопасности этой планеты. В результате этого Корвал будет изгнан. Корвал отныне не будет иметь голоса в этом Совете и не может обращаться в собрание Кланов за судом, помощью или утешением.

Корвал обязан покинуть Лиад и пространство вокруг Лиад. Все имущество Корвала и его люди, оставшиеся в лиадийском

пространстве на сто сорок пятый день после вынесения данного решения, будут принадлежать Совету Кланов.

Мири моргнула.

Огонь радости, излучаемый Вал Коном, стал ослепительным.

На пятом ряду Хедрид снова поклонился.

— Таково решение Совета.

Он сел. В зале наступила глубокая тишина. Никто не шелестел бумагами, никто не кашлял, не перешептывался, не ронял стило. Мири поняла, что все наблюдают за ними — ждут, что они сделают.

— Шатрез?

Она повернула голову, увидела улыбающиеся зеленые глаза и протянутую изящную золотистую руку. Ухмыляясь, она переплела свои пальцы с его пальцами. Вместе они поклонились собравшимся Делмам: «Прощайте». И все.

Держась за руки, не спеша, но и не тратя времени, они прошли по длинному проходу. При их приближении открылись двери.

Они оба не оглянулись.

— Сто сорок четыре дня на то, чтобы покинуть планету со всеми пожитками и запасами вплоть до последнего поросенка? — недоверчиво вопросил Шан. — Они с ума сошли?

— Нет, конечно, — сухо отозвался Вал Кон. — Они просто надеялись навязать нам такую спешку, чтобы мы забыли здесь что-нибудь, к вящей их выгоде.

— А Совет запретил продажу? — осведомилась дэа-Гаусс — новая глава семьи, женщина средних лет с серьезным лицом и неожиданно веселым взглядом.

Ее отец все еще находился у Целителей, но со временем ему было обещано полное выздоровление. Хотя перед ней лежали его записки, Вал Кон рад был видеть, что действовать она будет самостоятельно.

Вал Кон покачал головой.

— Голоса разделились почти поровну, как я видел. Настолько поровну, что те, кому горячо хотелось от нас избавиться, не рискнули своей победой, нагрузив вопрос мелочным сведением счетов.

Дэа-Гаусс наклонила голову.

— Тогда все хорошо. Позвольте...

Она склонилась над своим пультом.

— Даже если предположить, что мы сможем упаковать все важное, — продолжил Шан, — как мы, к дьяволу, сможем это

перевезти? Что еще хуже, куда мы отправимся? Почему-то мне не кажется, что Эроб захочет нас пустить к себе.

Мири рассмеялась, и свернувшийся у нее на коленях Мерлин сонно запротестовал.

— Это все равно была бы плохая мысль, — сказала она, — с учетом привычки семьи всех кроить по своим меркам.

— И это верно. Наверное, можно было бы попробовать Новый Дублин...

— Или Пустошь, — негромко сказал Пат Рин со своего места рядом с Шаном.

— Пустошь — это настоящее захолустье, и там холодно, — отозвалась Мири, но тут же тряхнула головой и ухмыльнулась. — Но тебе-то об этом говорить не обязательно, да, босс?

— На самом деле Пустошь расположена не так плохо, как может показаться на первый взгляд, — серьезно ответил Пат Рин. — Можно определенно утверждать, что наличие торговли и модернизированного порта вполне сможет уравновесить неудачное местоположение. А что до погоды... — Он передернул плечами. — У начальника порта в архиве есть документация на погодные спутники. Планете не обязательно оставаться холодной.

Наступило недолгое молчание, которое прервал Шан.

— Он прав! — сказал он. — Поблизости нет основных торговых маршрутов, но через сектор проходят три надежных маршрута среднего уровня. И если у кораблей появится причина заходить на Пустошь...

— То они начнут туда заходить, — договорил Вал Кон. Он отвел взгляд. — Шатрез?

Она вздохнула.

— Ну что ж, у нас появится база. Придется купить побольше землицы и провести серьезный капитальный ремонт...

— За главным городом есть земля, на которой почти никто не живет, — проговорил Пат Рин, глядя на Вал Кона. — Мы можем расположиться там так, как здесь: достаточно близко от порта и города, куда легко будет добраться в случае необходимости.

— И потому мы будем заинтересованы в том, чтобы Портовое шоссе было открыто. — Вал Кон ухмыльнулся. — Удачный ход, кузен.

— Если мы ликвидируем всю недвижимость, — вмешалась в их разговор дэа-Гаусс, — в течение ста сорока двух дней, то сможем предотвратить крах биржи — при условии, что мы будем требовать и давать реальные цены.

Она подняла голову:

— Если, конечно, ваша милость не желает вызвать крушение рынка?

— В этом нет необходимости. Однако мы предпочли бы продавать собственность по достойной цене.

— Конечно, — согласилась она. — У нас есть список внепланетных инвесторов, которые ранее выражали интерес в различного рода покупках.

Она помолчала, нажимая какие-то клавиши.

— Счета, лежащие в банке Солсинтры, необходимо переместить. Мне запросить банк на Терре?

— А почему бы не распределить все равномерно между нашими текущими счетами, а разобраться с ними потом, когда мы переедем? — предложил Шан. — У меня такое чувство, что по прошествии некоего периода неопределенности Совет Кланов закроет глаза на инвестиции Корвала на Лиад.

— Это мысль, — поддержала его Мири. — На Пустоши банковские вклады делать нельзя. — Она взглянула на Пат Рина. — Если ты уже и это не наладил?

— Пока нет, — ответил он, заставив ее покачать головой.

— А краски, ваша милость?

Вал Кон нахмурился.

— Сколько еще будет длиться текущий срок?

— Меньше стандартного года.

— Если мы прикроем казначейство, то рынок точно обвалится, — запротестовала Мири.

— Однако краски — это наша собственность, — ответил Вал Кон. — А что, если мы...

В дальнем конце комнаты открылась дверь, впустившая Нелирикка.

— Капитан, вернулся старший разведчик.

— Быстро это он, — отозвалась Мири. — Впусти его, Красавчик. Чем больше голов, тем лучше.

— Да, капитан.

Он посторонился, пропуская Даава. Тот прошел полдюжины шагов и остановился, чтобы небрежно поклониться своему Делму.

— Добрый день, отец, — мягко проговорил Вал Кон. — Признаюсь, что мы не ожидали вас так скоро.

— Я так и думал, что не ожидали, — ответствовал Даав. — Однако Старейшины Стаи обладают способностью действовать быстро, когда видят в том необходимость. В этом они похожи на стайные корабли. О чем мы еще поговорим. Я слышал в порту,

что мы стали безработными, бездомными и объявлены вне закона — и все одним хитроумным ходом.

— Совершенно верно. Совет счел нужным увидеть в нас опасность для Лиад.

— Честь и хвала Совету, который наконец прозрел, — пробормотал Даав и наклонил голову. — А это Пат Рин? Я счастлив видеть тебя, дитя.

— Дядя Даав... — Голос изменил ему, и он склонил голову, судорожно вздохнув. — Поверьте моей глубочайшей радости видеть вас.

— Так что сказали Старейшины? — спросила Мири. — Не выйдет?

— Совершенно наоборот, — ответил Даав, адресуя ей свою многозначительную улыбку. — Они счастливы помочь нам всем, чем могут, и предоставили в распоряжение Корвала один из своих самых крупных кораблей. Оговорено, что в его использование будет включена транспортировка Дерева, однако никаких ограничений на услуги не наложено.

— Корабль достаточно велик, чтобы перевезти Джелаза Казон? — спросил Пат Рин.

— О, без труда. По правде говоря, если вы согласитесь выйти из дома, то сами сможете увидеть.

Он стоял у горизонта, словно луна, стеклянно-гладкий и чуть светящийся.

Мири судорожно набрала воздух во внезапно сжавшуюся грудь и вложила пальцы в руку Вал Кона. Он нежно пожал ее пальцы, но его внимание было сосредоточено на корабле-луне.

— Вместимость? — пробормотал он.

— Достаточная, чтобы туда вошли те районы Солсинтры, которые остались целы, — ответил Даав. — Или Дерево и большая часть долины.

Позади них шумно вздохнул Шан.

— Брат, наши проблемы с транспортом решены. Но готова ли к этому Пустошь?

— Тем разумнее будет обосноваться за городом, — нетвердо проговорил Пат Рин.

— Точильщик утверждает, что готов начать немедленно, — добавил Даав. — Его сопровождают несколько его родичей. Если Делм пожелает увезти все, что принадлежит нам...

— Да! — в один голос ответили Мири и Вал Кон, а потом расхохотались.

— Да, — еще раз повторила Мири.

День 201-й
1393 год по Стандартному календарю
Солсинтра
Лиад

— Завтра — тот самый день! — прогудел Точильщик, прижав одну трехпалую ладонь к стволу Дерева. — Корабль Старейшин спустится, открыв люк для забора образцов и задействовав подъемное устройство. Понадобится всего несколько сотен мгновений, чтобы приспособиться под требования Джелаза Казон. Мы немного говорили — старейшее дерево и я, — и корабль готов к тому, чтобы со всем уважением принять в себя все.

Точильщик сделал короткую паузу — то ли задумавшись, то ли наблюдая, то ли просто устремив взгляд вдаль на какое-то потребное Стае мгновение, а потом продолжил с видимой поспешностью:

— У нас есть координаты места нового гнездования. Тревожиться нет нужды: расчеты сделала Элли. Мы с моими братьями провели переговоры, босс-родич моего брата и сестры отбыл, чтобы привести все в готовность. Таким образом, работа движется: воплощенное искусство. Преходящее и сложнопереплетенное, оно разворачивается во времени, пространстве и песне, меняя саму ткань вселенной. И я вижу, как каждый день приносит новую нить.

Мири чуть пошевелилась и сжала пальцы Вал Кона.

— Меняя ткань вселенной? — прошептала она.

— Это гипербола, — шепотом ответил Вал Кон.

— Ага.

На фоне речи Точильщика послышался новый звук. Мири оглянулась через плечо, а потом повернулась — и Вал Кон вместе с ней. Они оба воззрились на странное создание, нетвердой походкой шагающее к ним по траве и опасливо посматривающее на Точильщика.

Она была еще совсем девчонка: низенькая, остролицая и бледная. Волосы у нее были непонятного желтого цвета и скорее непослушные, чем кудрявые, а под глазами лежали тени от недосыпа.

Она остановилась в нескольких шагах и поклонилась: в непонятной манере и неверном темпе — но, черт подери, девчушка же еле на ногах держалась! Ее куртка объясняла, почему ее пропустили охранники: прыжковый пилот.

— Мне необходимо поговорить с Делмом Корвала по делу Клана, — сказала она, и ее высокий лиадийский оказался еще хуже ее поклона.

Мири кивнула — и моргнула, ощутив волну узнавания от Вал Кона.

— Еще одна? — жалобно вопросила она, глядя на своего спутника жизни.

— Хочешь, скажу вероятность? — ответил он, а потом дружелюбно кивнул девчушке.

— Ты говоришь с Делмом Корвала, — проговорил он на земном. — Можем мы узнать твое имя?

Девчушка нахмурилась: в ней боролись раздражение, усталость и облегчение из-за того, что не надо будет вести остальной разговор на лиадийском.

— Тео Уайтли, — ответила она.

Видимо, осознав, что одного имени немного маловато, она добавила:

— Я здесь, потому что мой отец пропал, а он сказал мне... он всегда говорил мне, что если когда-нибудь я попаду в серьезные неприятности, то обращаться надо к Делму Корвала.

Она помолчала, проведя пальцами одной руки по безнадежно спутанным волосам.

— Имя моего отца Джен Сар Килади. Он преподает...

— Он преподает культурную генетику, — мягко перебил ее Вал Кон.

— Точно. Я хочу сказать — может, вы и не сочли бы серьезной проблемой, если бы вашего отца не оказалось там, где вы его оставили...

— Нет уж, уволь: я счел бы это по-настоящему крупной проблемой.

Казалось, Тео его не слышала: она неслась дальше, подхваченная потоком своих объяснений.

— Но он никогда раньше такого не делал: просто взял и исчез, прямо в середине семестра, и...

Она вдруг сжала губы.

— У меня неприятности, — договорила она. — А раз я не смогла его найти...

— Ну... — пробормотал Вал Кон, устремив взгляд поверх головы Тео.

Мири проследила за направлением его взгляда, увидела, как от дома в их сторону движется длинная тень, и вздохнула.

— Тео, — сказал Вал Кон, — пожалуйста, оглянись назад.

Она заморгала, а потом послушалась.

— Отец! — завопила она и рванулась вперед, налетев на Даава и повиснув у него на шее. — Отец, где ты пропадал?

Даав взъерошил волосы прыжкового пилота, и вид у него вдруг стал совсем старый.

— Я был занят, дитя, — сказал он, ответно ее обнимая. — Очень занят.

Он помолчал, а потом покачал головой на земной манер.

— Не могу сказать тебе, как я рад тебя видеть, Тео. И огорчен, конечно.

— Огорчен?!

Вид у нее стал изумленный и испуганный.

— Тише, дитя, — сказал Даав, прикасаясь к ее щеке. — Огорчен, потому что ты не появилась бы здесь, не случись по-настоящему серьезной беды.

Она кивнула.

— У нас там все перепуталось, — начала она...

АВТОРСКОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

Мы помним Дядюшку Гарри, или Возвращение послесловия, сожравшего сцену воссоединения

Нельзя не рассказать про Дядюшку Гарри. Потому что по его вине появилась на свет Лиадийская вселенная.

Дело в том, что много лет тому назад и далеко отсюда, когда мы только стали узнавать об испытаниях, выпавших на долю Клана Корвал, слова «Человек, который не был Терренсом О'Грейди, согласился пойти по-хорошему» возникли — почти без всякого предупреждения — на чистом листе бумаги, заправленном в каретку далеко не новой, но обладающей огромным чувством собственного достоинства пишущей машинки, которую звали Дядюшка Гарри.

Дядюшке Гарри едва удалось пройти с нами через первое приключение: икая, дымясь и содрогаясь, он вспыхнул ярким пламенем, когда Шарон печатала последнюю страницу окончательного варианта «Агента перемен», однако к этому времени наши жизни уже нерасторжимо переплелись с историей и людьми Клана Корвал. Чем больше мы писали о них, тем больше они нам открывали — и тем больше нам нужно было узнать. Как это ни странно, то же самое — потребность узнать больше — произошло с некоторыми читателями, а потом со все большим количеством читателей. И вот мы здесь — все мы, одним лихим прыжком — оказались у последней страницы «Дерзаю», книги, которую мы собирались написать в течение больше дюжины лет.

В пути нас ждали отсрочки, радости и приятные события, а в последнее время — множество приятного, потому что мы начали ездить и встречаться с некоторыми из тех читателей, благодаря

которым каждая следующая книга становилась возможной. Мы также сменили несколько пишущих машинок и многочисленные компьютерные системы и принтеры (ох, вспомним тот матричный принтер «Стар-9», который работал так усердно и так долго, что мы подарили его какой-то школе после того, как он чуть ли не сутки и почти не останавливаясь распечатывал окончательный вариант «Лови день»). И при появлении очередного нового компьютера или принтера мы неизменно спрашивали друг у друга: «А помнишь, как мы принесли домой Дядюшку Гарри?»

Забавно, как много изменилось с тех пор, как пылающий Дядюшка Гарри заканчивал ту последнюю страницу: мы поменяли штат, издателей, кошек — так что порой нам даже странно, что мы добрались до этого момента — момента, когда мы можем сказать: «Ладно, пока с Корвалом все нормально, теперь нам надо только прояснить кое-какие детали...»

Спустя семь книг и более двенадцати лет мы поняли, что наследство Дядюшки Гарри остается с нами. Мы находим все новые истории в Лиадийской вселенной, новые приключения. И из виртуальных зарослей выскакивают новые персонажи, окликая нас: «Эй, вы! Вы, там, за клавиатурой! Мне надо кое-что сказать! Пошевеливайтесь!»

Дядюшка Гарри, кстати, был тяжелый. Нам нелегко было нести его наверх в тот день, когда мы доставили его домой из приюта для бэушных пишущих машинок, куда его забросила судьба после отважного побега из офиса страховой компании. Он сказал: «Плюх! Плюмного благодарен», — когда его поставили, а когда его включили, то стол, на котором он стоял, начал вибрировать. А потом — и пол гостевой спальни, которую мы превратили в рабочий кабинет, а потом — и потолок кухни внизу, так что потом наши соседи решили, что у нас появился такой виброшезлонг, которые в тот год продавали через телемагазин...

Соседи мирились с нашим шезлонго-пишмашинкой Дядюшкой Гарри, и с нашими ночными кухонными советами по созданию планет, и множеством других вещей, которые заставляют посторонних говорить, глядя на нас: «А, эти? Ну, они же писатели...»

И хотя соседи наверняка вздохнули с облегчением, когда мы отнесли Дядюшку Гарри в мастерскую, где ремонтник с благоговением снял обуглившуюся крышку, печально покачал головой и пробормотал: «Увы, я ничего сделать не могу. Его даже на запчасти пустить нельзя...», мы все равно тепло вспоминаем Дядюшку Гарри.

Можно спорить, что без его особых вибраций, щелчков и постукивания, делавших наш тесный рабочий кабинет окном в другой мир, не существовало бы Лиадийской вселенной, которая доставляет нам всем столько удовольствия. Так что призрак Дядюшки Гарри жужжит у нас за спиной, напоминая нам, что всегда есть новые истории, которыми можно заполнить пустые страницы.

Спасибо тебе, Дядюшка Гарри. Мы до сих пор по тебе скучаем.

Стив Миллер и Шарон Ли
июль 2001 г.

Содержание

План Б 5

Дерзаю 309

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ
КАЖДАЯ **ПЯТАЯ** КНИГА РОССИИ

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ Буква

МОСКВА:

- м. «Бибирево», ул. Пришвина, 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0.
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, 18а, т. 110-89-55
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. 727-16-15
- м. «Крылатское», Осенний б-р, 18, корп. 1, т. 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., 132, т. 172-18-97
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. 739-63-52
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, 14, т. 959-20-95
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, 17, стр. 1, т. 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, 52/2, т. 306-18-91
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «XL», Дмитровское ш., 89, т. 783-97-08
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр., 76, корп. 1, 3-й этаж, т. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, 14/1, т. 268-14-55
- м. «Сходненская», ТЦ «Вэйпарк», 71-й км МКАД, 2-й этаж, т. 741-46-05
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., 3, стр. 2, т. 911-21-07
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15, корп. 1, т. 977-74-44
- м. «Царицыно», ул. Луганская, 7, корп. 1, т. 322-28-22
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, 10/12, стр. 1
- м. «Преображенская площадь», Большая Черкизовская, 2, корп. 1, т. 161-43-11

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (095) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:
(095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpab@aha.ru http://www.ast.ru

МЫ ИЗДАЕМ НАСТОЯЩИЕ КНИГИ

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Ли Шарон и Миллер Стив
План Б
Дерзаю
Фантастические романы

Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев
Компьютерная верстка: С.Б. Клещёв
Технический редактор О.В. Панкрашина
Младший редактор Е.А. Лазарева

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.001056.03.05 от 10.03.05 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 93
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ОАО «ЛЮКС»
396200, Воронежская обл., п.г.т. Анна, ул. К. Маркса, д. 9

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
ФГУП "Издательство "Самарский Дом печати"
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

«Фантастическая сага, сравнимая только с барраярским циклом Лоис Макмастер Буджолд!»

«Локус»

«В книгах Лиаденской саги есть все — сражения, приключения, романтика, юмор, но главное — сюжет. Шарон Ли и Стив Миллер полностью заслужили все восторженные отзывы на этот сериал. Это — эпическая фантастика. В нее нельзя не влюбиться. Побольше бы таких книг!»

Кейт Эллиот

Человечество колонизировало сотни планет. Теперь в Галактике бок о бок живут, торгуют и воюют потомки землян — и «чужие». Но война — жестокая, страшная — обрушивается на одну планету за другой. Друзья становятся врагами, враги — союзниками, а мирно сосуществовавшие расы проливают кровь друг друга. Следующим миром, вступившим в бессмысленную галактическую войну, может стать ЛИАДЕН... и это станет ЕГО КОНЦОМ. Как остановить неизбежное?!

Конфликт чести
Агент перемен
Лови день
Местный обычай
Путь разведчика
План Б
Дерзаю

ISBN 5-17-029083-7
9 785170 290833

Шарон Ли
Стив Миллер

ПЛАН Б. ДЕРЗАЮ